КОНТИНЕНТ

136

2008

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 136

КОНТИНЕНТ

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

Истории не удастся заново провести эксперимент по отбору ельцинского преемника, и мы можем лишь догадываться, каким могло бы быть решение Ельцина в 1999 году, знай он тогда то, что узнал в последние годы своей жизни.

Фильм Тихона Шевкунова «Гибель империи. Византийский урок» стал едва ли не самым заметным событием первой половины года. Многие даже восприняли его как своеобразную презентацию новой государственной идеологии.

Владимир МОЖЕГОВ

Читайте также в номере:

Стихи Марка Бердичевского, Якова Гальперина, Зинаиды Палвановой, Дмитрия Ру, Ирины Шубиной

Повести и рассказы Петра Ореховского, Анны Саед-Шах, Валерия Шеймовича

Статьи и очерки Ирины Дугиной, Евгения Ермолина, Юрия Каграманова, Ольги Седаковой, Татьяны Сотниковой, Дмитрия Узланера

Новые материалы об убийстве представителей дома Романовых в июле 1918 года

А также наш постоянный раздел **БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»**

Владимир САЛИМОН

Как скоро к делу перейдут
от общих слов,
мы все зависим так,или иначе,
но радио молчит
на родине слонов...
а телевизор старенький
тем паче.

Юрий МАЛЕЦКИЙ

Добрая половина этих стихов – об умираниях, смертях и похоронах. О неизбежности смерти телесной, а хуже: смерти душевной – забвении умерших. И о невозможности забвения, а значит, невозможности смерти.

Они сошлись, когда обоим перевалило далеко за тридцать. Если в таком возрасте уставшие мужчина и женщина ложатся в одну постель, уже не может быть ни удивления, ни фантазии, ни романтизма, ни стихов, ни песен...

Александр КУЗНЕЦОВ-ТУЛЯНИН

Поздравляем

Прекрасную поэтессу,
давнего друга и постоянного автора нашего журнала

Инну Львовну ЛИСНЯНСКУЮ

с юбилеем

Нашего постоянного автора
и любимого критика

Валерию ПУСТОВУЮ

с присуждением ей
Новой Пушкинской премии

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

136

2008, № 2
апрель — июнь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Александр и Татьяна Сергиевские
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Владимир САЛИМОН
На родине слонов. *Стихи* 9

Александр КУЗНЕЦОВ-ТУЛЯНИН
Сезон дождей. *Повесть* 15

Литературный дебют

Ирина ШУБИНА
Попытки к бегству. *Стихи* 79

Валерий ШЕЙМОВИЧ
Алим. *Повесть* 84

Марк БЕРДИЧЕВСКИЙ
Киев сорок пятого года. *Памяти Якова Гальперина. Стихи* 106

Петр ОРЕХОВСКИЙ
Неосторожное обращение с огнем. *Маленькая повесть* 113

Зинаида ПАЛВАНОВА
В безудержное настоящее. *Стихи* 142

Анна САЕД-ШАХ
Истории из моей жизни 146

Дмитрий РУ
Вдвоем посреди пустоты. *Стихи* 155

РОССИЯ И МИР

Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Слово и дело. *Беседа в редакции (окончание)* 159

О фильме архимандрита Тихона (ШЕВКУНОВА)
«ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. ВИЗАНТИЙСКИЙ УРОК»

От редакции 216

Юрий КАГРАМАНОВ
Безответная Византия 217

Владимир МОЖЕГОВ
Все спокойно в наших византиях, или
История одного урока 222

Ольга СЕДАКОВА
Совсем про другое 246

Культовые фигуры нашей политической и литературной ярмарки

Татьяна СОТНИКОВА
Писатель из телевизора 248

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/март — май 2008 г./ 261

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской современности *в русской сетевой и бумажной периодике первого квартала 2008 г.* 312

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Наталья ЗЫКОВА
«Постановили с ними рассчитаться...»
Новые документы об алапаевской трагедии 325

РЕЛИГИЯ

Дмитрий УЗЛАНЕР
В каком смысле современный мир
может быть назван постсекулярным 339

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (*март — май 2008*) 356

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Религиозная мысль *в русской периодике первого квартала 2008 г.* 364

ГНОЗИС

У книжной полки

Ирина ДУГИНА
«Не тот дискурс», или Наука о любви 369

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая и политологическая мысль *в русской периодике первого квартала 2008 г.* 384

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Юрий МАЛЕЦКИЙ
На линии огня, или Прогулки в Садах
российской словесности 396

У книжной полки

Евгений ЕРМОЛИН. Ирина Премудрая 433

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература и критика
Первый квартал 2008 г. 442

Владимир САЛИМОН

НА РОДИНЕ СЛОНОВ

* * *

Ничего не значащие мелочи:
собираю я карандаши,
ручки перьевые, кисти беличьи
не корысти ради — для души.

Будто бы душа моя — коробочка,
жестяной ларец из-под конфет,
а в глазу моем разбилась колбочка,
та, что преломляет белый свет.

То он синим кажется, то розовым,
то зеленым на беду мою,
будто бы я памятником бронзовым
на центральной площади стою.

* * *

Всю ночь гремит в шкафу посуда,
и хорошо бы ей наружу
вовек не выбраться оттуда,
как рыбе из воды на сушу.

На всякий случай я, в комочек
свернувшись, поджимаю ноги.
На двери шкафчика замочек
еще навешу я в итоге.

Владимир САЛИМОН — родился в Москве в 1952 г. Окончил Педагогический институт. Автор тринадцати поэтических книг, в том числе: «Уличное братство» (1989), «Невеселое солнце» (1994), «Красная Москва» (1996), «Бегущие от грозы» (2001), «Возвращение на землю» (2002), «Опрокинутое небо» (2004), книги избранных стихотворений «Раз и навсегда» (2003), «Счастливым происшествиям свидетель» (2006). Живет в Москве.

* * *

У меня душа болит, но делаю
вид, как будто сердце прихватило.
Станиславского систему целую
я уже совсем освоил было.

Вдруг невесть откуда в небе облако
белое и легкое, как пенка,
совершенно ангельского облика
за соседним столиком студентка.

Захотев привлечь ее внимание,
на пол уронил стакан хрустальный.
Иль всему виной похолодание,
иль мой слабый опыт театральный.

* * *

Туман, над городом нависший,
и дождь со снегом пополам,
как проявленье силы высшей,
слепой по отношенью к нам.

По существу в подлунном мире
она не знает, что творит, —
и я один в пустой квартире.
Не молод и не знаменит.

* * *

Как скоро к делу перейдут от общих слов,
мы все зависим, так или иначе,
но радио молчит на родине слонов,
а телевизор старенький тем паче.

Среди морей и рек, среди равнин и гор
как скрасить одиночество, не знаю.
Охотиться начать, оставив всякий вздор,
жирафа завалить, львов обезглавить стаю?

* * *

Крепко спящим детям снятся кони,
всадники в сияющих доспехах.
Ночь темна, как лики на иконе.
Небо в редких золотых прорехах.

Горний свет проделывает трудный
путь, чтоб только наших губ коснуться.
Долгим будет сон наш непробудный,
прежде чем сумеем мы проснуться.

Снег идет, а кажется спросонья,
что за дверью тихо ходит кто-то.
Только в печке разожгу огонь я,
как тотчас рассеется дремота.

* * *

С фабрикой кондитерской живущие
по соседству в небольшом поселке,
запахи вдыхая, ей присущие,
постоянно голодны, как волки.

Постоянно ходят люди пьяные
рядом с винокуренным заводом,
где фонтаны бьют благоуханные,
и число растет их с каждым годом.

* * *

Занимательная география,
если только в чтенье углубиться,
тут и Лукоморье, и Муравия,
и Дадона славного столица.

Но смотрю, сидит на подоконнике
голубок в тревоге и печали,
будто бы его огнепоклонники
в угол окончательно загнали.

Молча отложил я книгу в сторону,
накормил и напоил бедняжку,
а недавно удружил я ворону —
денег дал на китель и фуражку.

* * *

Сквозь щель под дверью просочился,
а может, в скважину замочную,
вдруг вешний воздух заструился
по дому в пору неурочную.

У нас еще зима в разгаре.
Дорожки снегом запорошены.
Еще скамейки на бульваре,
как лодки, в штабеля уложены.

О скалы днища их разбиты,
они, как смоль, черны от времени.
Еще совсем свежи обиды
по части Нобелевской премии.

* * *

Возникла новая проблема,
и суть ее обнажена.
Есть потрясающая тема —
в бутылке больше нет вина.

Ложится снег на ветви ели,
веселый мартовский снежок,
хотя февраль на самом деле,
ненастный, пасмурный денек.

* * *

Нынче песен не слыхать веселых
и на главной площади столицы,
в городском саду на ветках голых
под дождем в ненастье мокнут птицы.

Дождь идет, часов не наблюдая.
Об угрозе нового потопа,
в старческом маразме пребывая,
вдруг заговорила вся Европа.

В юности зачитываясь Блоком,
думал я, ворочаясь в постели,
что замолвил слово пред Богом
он за всех за нас на самом деле.

* * *

Бесследно снег сошел на нет,
лишь только в памяти остался
невыносимо яркий свет,
что вдруг невесть откуда взялся.

Спроси про Божью благодать,
я только разведу руками.
Ей ельник вековой подстать
в долине узкой меж холмами.

* * *

Гоняли в магазин за хлебом,
но повторяли всякий раз,
что им мальчишка послан небом,
что я их всех от смерти спас.

А я сидел, уставясь в точку.
О, если бы я только мог,
я б ангельскую оболочку,
как лягушачью кожу, сжег.

* * *

Страдать зубами, поясницей,
отчаясь хворь свою лечить,
элементарною частицей
себя внезапно ощутить.

Такое чувство, дорогая,
когда смотрю я из окна,
что мне видна стена сарая,
а не Кремлевская стена.

Что никакой я не Верховный
главнокомандующий тут
и что мой сборник стихотворный
друзья не купят, не прочтут.

* * *

Промелькнула птица за окном.
К сожаленью, я не астроном,
а не то взглянул бы в телескоп,
эту птицу вновь увидеть чтоб.

Тонет куст жасминовый в снегу.
Думал, я помочь ему смогу.
Взял лопату разгрести снежок,
но услышал за спиной смешок.

* * *

Когда расплаты час настал,
они клинки свои скрестили,
и каждый искренне считал,
что одержать победу в силе.

Казалось, не идет борьба
за олимпийские медали,
а тут решается судьба,
как и должно быть в идеале.

Рекой струиться кровь должна,
поэзия — не превращаться в прозу,
в бокале пьяного вина
поэт пошлет любимой розу.

* * *

Где пили, ели, грызли семечки,
пернатый хищник лед долбит,
а заодно и дырку в темечке
он мне проделать норовит.

Всемирное оледенение
уже давным-давно идет,
но, словно впав в оцепенение,
хранит молчание народ.

И я не поднимаю паники.
На лавке в парке городском
сижу, жую спокойно пряники,
зря не болтаю языком.

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Повесть о маленьком человеке, преодолевшем страх

Июльская безлунная ночь обняла землю духотой, и земля потела от сонливости и слабости. Ослепленный тьмой человек пробирался дворами на противоположный край длинной деревни. Совсем недавно, когда в домах пропало электричество, его толкнуло что-то из маявшейся души, будто сказало: «Иди...» Он поднялся, как спал — одетым, отрешенно вышел на улицу, в теплую сырость. Задыхаясь от жуткой неуютности в груди, он пробирался пустырем и огородами к тому одинокому дому, где жил учитель Юрий Чуракин. Дома горбато обрезали ночное небо, и человек, глядя вперед, спотыкался впотьмах, наталкивался на изгороди, обжигался о крапиву. В одном месте перед ним оказалась глухая дощатая стена. Он положил на нее ладони и прижался щекой, чувствуя теплоту шершавого старого дерева. За тонкой стеной кто-то был. Человек прислушался, как вдруг за стеной прямо напротив лица тяжело и шумно стали дышать, словно сквозь щели внюхивались в чужой запах. Человек со страхом отпрянул и побежал, не разбирая дороги.

Учитель Юрий Чуракин не спал, он лежал в постели и таращился в тьму, которая шевелилась и переливалась в ночных гротах, выплескивая из себя бесформенные смутные пузыри и свечения, — они катились через комнату и еще дальше — сквозь стены, на свободу. Судорожный страх перед темнотой, от которого болела грудь и тошнота подступала к горлу, Юра помнил в себе с раннего детства. Но в детстве он верил взрослым, говорившим, что через такое проходят очень многие и, когда он станет старше, страх исчезнет, как исчезает множество и других детских фантазий. Однако проходили годы, ему переваливало за двадцать, за тридцать, за сорок, а в его покорности перед страхом ничто не менялось — что-то безнадежно буксовало в психике, и он порой испытывал отчаяние от собственной слабости: стоило ему оказаться одному в темноте — в доме, или на улице, или, что самое жуткое, в лесу (однажды случилось с ним и такое), — как пространство вокруг густело, обволакивало его липким леденящим веществом, сквозь которое нельзя было ни нормально смотреть на окружающий мир, ни дышать, ни слова произнести. Удивительным было то, что страх исчезал, если рядом оказывалась хоть какая живая душа — взрослый или ребенок, или хотя бы дворовая собачка соседей — Кукла. Иногда Юра думал, что был бы рядом даже злодей, гото-

---

Александр КУЗНЕЦОВ-ТУЛЯНИН — родился в 1963 г. в Туле. Окончил Факультет журналистики МГУ. Работает в редакции газеты «Тульские известия». Проза печаталась в «Дружбе народов», «Москве», «Новом мире», «Октябре» и других журналах. Постоянный автор «Континента». Живет в Туле.

вый напасть на него, и то было бы лучше: все-таки вполне осязаемый, реальный человек с вполне реальными побуждениями, а не это замогильное ощущение даже не привидений, а вообще непонятно чего, но все же всеобъемлющего и жуткого.

С годами постыдность этого нелепого страха становилась все нестерпимей. Постыдно было просить жену, чтобы вечером встретила его, если Юре предстояло задержаться в школе. Постыдно было, что все в округе давно прознали про эту его слабость и если уж не шушукались за спиной, то, наверное, только от привычки. Но он ничего не мог поделать с собой.

Теперь, вот уже месяц, жена и сынишка жили в городе у Юриной тещи, и каждая ночь опустошала его мучением. Чтобы заснуть, он оставлял во всех комнатах включенным свет и, глядя сквозь ресницы на белый потолок, мучительно угасал, проваливался сквозь страх на темное дно, где его затягивало в липкий беспокойный сон.

И вот пришла та особая ночь, которую Юра все время подспудно ждал. Что-то сегодня повредилось в электросетях, и во всей округе отключили свет. Такое случалось много раз и раньше. Но теперь Юра был один на один со своим ужасом. Дом превратился в жуткое подземелье. Промучившись несколько часов, укрытый с головой под теплым шерстяным одеялом, задыхающийся, Юра так и не смог заснуть. Далеко за полночь, превозмогая ужас, он поднялся, трясясь, шатаясь, побрел на ощупь сначала на кухню, отыскал спички, потом — в кладовку. Ступая в тьму босыми ногами и ощупывая пустоту перед собой, он сам себе казался тонким, легким, хлипким. Он ступал сквозь глухое навязчивое чувство, что из тьмы сейчас высунутся костлявые руки или липкие холодные щупальца и схватят его, — глупейший пожизненный, неодолимый бред...

Отыскав в кладовке керосиновую лампу, Юра дрожащими руками принялся одну за другой чиркать спички. Но когда удалось разжечь плоский желтый язычок керосинки, вначале все равно ничего, кроме этого огонька, не было видно, и страх только уплотнился. А потом и вовсе почудилось постукивание со стороны прихожей, словно кто-то ходил там, обретший плоть. Юра прислонился спиной к стене, чувствуя испарину по всему телу. Но когда в дверь заколотили — громко и требовательно, он понял, что стучит человек, реальный, живой — из костей и плоти. И только тогда схлынуло напряжение, Юра глубоко и шумно вздохнул.

Человек на веранде, бивший в дверь ногой, отпрянул, когда дверь открылась, немного присел и втянул мохнатую нечесаную голову в плечи. Юра приподнял керосинку и, увидев тощенькую фигуру, слипшиеся волосы и редкие черные клоки на месте бородки, тут же узнал школьного кочегара Толика.

— Ты что, Толик, так поздно? — сказал Юра удивленно и громко, но совсем беззлобно, шумным голосом кроша последние остатки страха и возвращая себя в земной мир.

— А я все знаю, Юр Василич, знаю! — заговорил кочегар. Щипанные грязные бровки его встопорщились, руки его быстро зашевелились у груди, оглаживая друг друга. Он стал плечиком протискиваться в дверь.

— Что ты знаешь? — Юра чуть отступил, держа лампу в левой руке, но правой рефлекторно притиснул Толика дверью, не пуская внутрь. — Ты знаешь, который час?

— А-а... — Толик судорожно засмеялся, настырно напирая на дверь. Их борьба продолжалась несколько секунд. Юра едва не уронил лампу, и кочегар, все-таки довольно сильный для своего небольшого росточка, прорвался внутрь.

— Пусти, я не просто так... — надрывно проговорил Толик. — Я выкуп принес.

— Какой выкуп? Зачем мне от тебя выкуп? — Юра совсем растерялся.

Толик вошел в прихожую.

— Ты пьяный, Толик?

— Не пил я, не ври, Юр Василич. — Толик смело прошел мимо него в темную большую комнату, служившую Чуракиным и спальней, и залом. Юра с лампой поспешил за ним.

Толик по-свойски сдвинул на столе книги и грязную посуду, освобождая угол, и начал выгребать из кармана на клеенку зазвеневшие монеты. Юра приблизил свет и, прищуриваясь без очков, склонился над столом. Были эти монеты разнокалиберной медью, в последнее десятилетие меняной-переменяной правительством и потерявшей всякую ценность. Толик с самодовольным видом пришлепнул монеты ладонью.

— Здесь все тридцать. — И уселся грязными штанами на разобранную постель, застеленную еще вполне опрятной простыней.

— И что? — рассердился наконец Юра. — Что ты теперь хочешь? Время два часа...

— А это, Юр Василич, чтоб ты не думал, что я тебе чего-то должен.

— Должен?.. — недоуменно хмурясь, переспросил Юра. — Что ты мне должен? За те бутерброды, что ли?.. Ничего ты мне не должен.

— Э-э, бутерброды, — морщась, протянул Толик. — Ты знаешь, за что. Ты, Юр Василич, деньги забери... Все тридцать — здесь. А душу мою не май.

— Душу не май... — пробормотал Юра. И наконец сообразил: — Ах, душу не май?.. Тридцать, говоришь? Тридцать сребреников, что ли?.. Да за что же ты так меня, Толик?.. Это что же, я теперь вроде как злодей какой в твоих глазах? И ты от меня вроде как откупиться хочешь?.. За что? Ведь я же к тебе всегда с добром...

Толик потупился и хмуро проговорил:

— Ты мне зубы не заговаривай!.. Нужно мне больно твое добро... А сам всегда с камнем за пазухой... Отпусти душу мою в покаяние.

— С камнем за пазухой? С каким ?!.

Глаза Толика жмурились, бегали по углам, он ерзал на простыне, лицо его тоже словно ерзало, морщилось, делалось злым и тут же улыбалось,

и видно было, как тяжело ему нестись в том потоке образов и раздерганных мыслей, которые наводнением захлестнули его.

— Душу тебе не маять... — пробормотал Юра даже с обидой, но вовсе не надеясь, что Толик может что-то понять. Он поставил керосинку на стол и нервно прошел по комнате к серванту, остановился, повернулся. — А я разве тебе душу маял, Толик, а? Давай разберемся... Разве же я тебе душу маял, а не наоборот, не ты меня извел вконец? — Он сквозь обиду и возмущение старался говорить все-таки мягким голосом, — и это была его манера говорить так с теми людьми, которых он инстинктивно опасался. А этого человека он, как сам себе порой сознавался, побаивался: кто знает, что может придти на ум сумасшедшему.

— Еще бы знать, что такое твоя душа... — сказал он тихо в раздумье, но Толик хорошо услышал и понял его.

— Душа... — Толик заерзал на кровати. — Известное дело, душа — не барахло какое-нибудь.

— Душа — потемки, — мягко с усмешкой сказал Юра. — Вот уж потемки...

В доме неожиданно включился свет. Лампы засияли во всех комнатах разом, ярко и обнаженно. И Юра почувствовал нелепость своего положения. Он стоял посреди комнаты в больших пестрых трусах и провисшей до живота майке. Середина ночи. И вообще все это дурацкое выяснение отношений с деревенским сумасшедшим... Он долго смотрел на зажженную керосиновую лампу, оттопыривал губы и пыхтел, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться, и наконец подошел к столу, наклонился к керосинке, задул ненужный огонь.

— Я тебя совсем не понимаю, Толик, — весело сказал он, но сквозь еле сдерживаемое это веселье и сквозь все еще блуждавший по нервам готовый вот-вот опять вырваться наружу страх Юра начал еще и злиться.

— Забери! — вдруг громко, почти истерично вскрикнул Толик, так что Юра опять вздрогнул и отпрянул. — Забери эти свои деньги гадкие!

— Ну хорошо, хорошо, — быстро заговорил Юра. — Будь по-твоему. Ни слова тебе больше не скажу. Забираю твои тридцать... — Он запнулся, мгновение раздумывая, сказать «копеек» или «сребреников», но не стал договаривать вовсе, побоявшись «копейками» разъярить Толика, а «сребрениками» расписаться в еще большей трусости и глупости — хотя бы и перед самим собой.

— Не мои. Твои, — сказал Толик.

— Ну хорошо, мои... Но ведь и ты тоже, со своей стороны... — Он запнулся. — Ты ко мне больше, пожалуйста, со своими вопросами не подходи.

— Больно надо.

Юра осторожно обошел стол, сел напротив и начал сгребать монеты в ладонь.

— Ладно, будем считать, что сделка состоялась, — устало сказал он. — И вообще мне спать очень хочется.

— Посчитай, Юр Василич, — потребовал Толик, теперь молодцевато заулыбавшись. Был он взъерошен и как-то особенно воинствен.

— А нужно? Я тебе доверяю.

— Посчитай...

Юра, со злой и вместе с тем беспомощной ухмылкой покачав головой, стал демонстративно пересчитывать монеты, откладывая по одной в левую ладонь, прижатую к животу. И, пересчитывая, вдруг вспомнил, как давным-давно его собственная мать вот так же, прижав руку к животу, отсчитывала мелочь, отсортировывая монетки самые жалкие — копеечки и двушки, чтобы послать с этими монетками маленького Юрика за хлебом. А потом в хлебном магазине, в кассовом окошке, красномордая продавщица сипела себе под нос, испытывая злобное удовольствие от безнаказанности перед безответным мальчишкой.

— Собрали на паперти... Голытьба нищая...

Эта мелочь, скидываемая в ладошку, подставленную к животу матери, поднимала в Юре волну унижения и злости, и он с убитой душой смотрел, как медленно шевелятся ее пальцы и шевелятся губы на сухом жестком лице, отсчитывая нужную сумму.

— Все тридцать... Доволен? — Юра зло посмотрел на Толика. Но тот как ни в чем не бывало хмыкнул, поднялся и, обойдя стол, замер сзади учителя. Юра повернул сколько мог голову, но Толика не увидел, а больше повернуться мешала гаденькая занемелость в теле. «Что ему стоит пырнуть ножом или ударить чем-нибудь тяжелым?..» Холодок побежал по спине Юры, по шее и выше, колко сошелся в затылке — в тех местах, которые ожидали удара.

— А мне даже расписка ненадобна, — сказал Толик. — Кто вас знает, чего вы там понапишите... — Он тихо вышел из дома.

Юра повернулся на стуле к дверному проему и долго не закрывал дверь, смотрел на ночь, будто здесь, в дверях, заканчивался тесный мир, освещенный электрической лампочкой, — прорубленный в тьме прямоугольник. До Юры не сразу достигло, что ночь тоже жила и пела, что это не в его ушах звенит, а насекомые и птицы оглашают ночное царство отрывистыми назойливыми вскриками и монотонным стрекотом — теми неприятными звуками, что так не похожи на мелодичные дневные песни. Юра поднялся, осторожно подошел к двери, к ночи, из которой налетали крупные комары, и быстро закрыл дверь, отсекая от себя эту огромную тьму со всеми ее странными существами и ужасами.

* * *

Года полтора назад время еще текло по-другому. Бабки Толика Марфы уже не стало, и те дни, когда ее похоронили, были пропитаны томлением, тоской, от которой не было избавления. Толик, распаренный, в пропитанной потом и грязью рубашке, работал в кочегарке.

Оттепель пожирала серые от пыли мартовские снега, но Толик разогнал огонь в топке так, что плавился шлак на колосниках. И казалось,

что это ревущая раскаленная топка распространяет оттепель во все стороны снежного мира.

В кочегарку пришел учитель Чуракин. Он наклонился в низкой двери, но все равно головой задел притолоку, так что очки чуть не слетели с его худого сердитого лица, — он едва успел их поймать. Он пришел в кочегарку с твердым намерением ругаться: в классах от жары пришлось открывать форточки, и по школе гуляли опасные сквозняки. Но, войдя в тусклое кирпичное помещение с затянутым сажей оконцем, Чуракин увидел на чумазом заросшем лице Толика размазанные слезы и растерялся.

Юра на протяжении многих лет видел этого человека — сначала школьником, сидевшим в уголочке класса, тихого, боявшегося обращать на себя внимание. И его, конечно, тоже не тревожили. А если Юра по необходимости задавал ему вопросы (нужно же было каким-то образом отмечать в классном журнале присутствие в учебном пространстве известной породы учеников), то в ответ слышал лишь тот самый мычащий, экающий тоскливый гимн пытающегося эволюционировать человечества.

— Скажи, пожалуйста, Анатолий, к какой группе веществ относится ферум?.. Ну, подумай хорошенько, что такое ферум?

— Э-э... Э-ээ...

И даже просачивающиеся справа и слева подсказки не сразу побуждали Толика к ответу. Тот делал вид, что не слышит подсказок и будто сам пытается вспомнить:

— Же... ээ-э, же... железо.

— Прекрасно. Садись, три.

А потом Юра видел его вернувшимся из армии, а вернее, из госпиталя, — с бледным отечным лицом после долгой больничной жизни и даже распухшего, ожиревшего на госпитальных харчах. И несколько раз мельком без особого интереса слышал, что на второй неделе службы Толик, не выдержав «дедовщины», выпрыгнул из окна казармы с третьего этажа. А спустя полгода обследований его комиссовали по причине психической непригодности к службе.

Спустя какое-то время Толик мелькал перед Юрой среди фоновых декораций окружающего пространства уже отощавшим, обветрившимся и вновь похожим на подростка-беспризорника мужичком в замызганной телогрейке, в изношенных кроссовках и полинявшей синей бейсболке. Где-то он работал, кажется, в слесарной мастерской, а потом и вовсе не работал, выращивал картошку со своей бабкой, летом собирал ягоды и грибы и возил в город на продажу. В иные дни его можно было видеть сидящим на лавочке у своей калитки, нагнувшимся лицом почти к самым коленям, опустившим до земли свои полинявшие телогреечные крылья — отупело пьяным.

И так прошло, может быть, лет семь или больше. Юре было недосуг отслеживать время и судьбы таких людей, как Толик: их жизнь лежала в нижних ярусах, где-то на границе человеческого бытия и растительной незначительности.

Хотя случались и чудеса. Как-то Юра увидел его в совершенно невозможном исполнении: сад, старые корявые яблони и там, за грядками, одетый в ту же телогрейку, несмотря на теплую погоду, Толик, сидя на траве под яблоней, привалившись к стволу, держал в руках раскрытую книгу. Судя по ее толщине, книга скорее всего не содержала картинок. А значит, вот так внимательно глядя в нее и даже перевернув страницу за те несколько секунд, пока Юра шел мимо, и опять внимательно упершись взглядом внутрь, Толик ее читал. Это было потрясающим открытием, Юра долго был удивлен увиденным...

В тот день, в кочегарке, Толик тихо сидел на топчане, свесив ноги, смотрел в круглое смотровое окошечко на ревущее белое пламя.

— Что же ты плачешь? — спросил Юра с невольной участливостью, как-то сразу вспомнив, что Толик схоронил своего последнего родного человека — бабку. И тот послушно утер рукавом слезы с чумазого лица и с плаксивым удивлением, будто только теперь открыл все это для себя, сказал:

— Юр Василич, а Марфа померла.

— Что же поделаешь... — развел руками Юра, припоминая, что по смерти старухи прошло не меньше месяца. — Старая она была, сильно болела.

Он присел на краешек грязного топчана и, пытаясь успокоить маленького закопченного человека, проговорил с ним весь свободный урок, во время которого хотел сбегать домой и перекусить. Потом он долго пытался вспомнить тот разговор в грязной душной кочегарке. Но почти все слова, произнесенные тогда, смешались и никак не желали выстраиваться в прежнем стройном порядке. В памяти от всего красивого и в общем-то пустого тогдашнего юриного монолога оставалось единственное неприятное чувство — самолюбование, которое Юра принял в тот день за сострадание, и что-то дежурное, бросаемое просто так: «Людей хороших много, они всегда помогут... И я помогу. Как же иначе».

С того самого мартовского дня и началось это странное и тягостное их общение. Юра мог придти домой не то что уставший — с выжатым сознанием, в упадке сил, а на порожках его уже поджидал Толик — сидел в уголочке, не обращая особо внимания на Юриных домашних. Маленький сынишка учителя пробегал мимо, на ходу приговаривая:

— Толька-дурак, курит табак...

Так его обзывала вся детвора округи. Выходила Марина, у которой с ее полставкой уроки заканчивались значительно раньше, скашивала на Толика возмущенные глаза, пожимала плечами и только для порядка, не особенно строго говорила сынишке:

— Разве можно так обзываться, кто тебя научил? — И добавляла, с ехидством склонив голову: — А мы уж и откушали... — В этом содержался намек, что Толику была выдана какая-нибудь подачка: мисочка с вареной картошкой и соленой килькой, или сооружен посильный бутерброд, или что-то еще в этом роде. А значит, его подкармливать уже не нужно.

Толик скромно вставал навстречу появившемуся учителю, комкая в руках кепочку — совсем как крестьянин перед барином, и видно было, как ему хочется быть рядом с людьми. Пусть «Толька-дурак...», лишь бы не гнали. И по тому, о чем он спрашивал и как спрашивал, Юра догадывался, что одиночество для него мучительно. Он мог спросить совершенную нелепицу, так что Юре от усталости и нелепости своего положения порой хотелось плакать.

— Юрий Василич, а правда, что есть люди-крысы? Они гибриды, — и сразу, без пауз, — а люди-крысы умеют говорить?

— Наверное, есть, Толик. А есть еще люди-обезьяны и даже люди-черви...

— Нет, ну правда, Юр Василич, я серьезно...

— И я вполне серьезно. А есть просто хорошие люди...

— А вы кто, Юр Василич?

— Я? — Юра цепенел от неожиданности. — Ну, я надеюсь, что все-таки не крыса...

— Вы, Юрий Василич, на собаку похожи. Которая у Вали, на том конце, добрая собака. Она ни на кого не брешет.

— Ну что ж, собака, значит, собака. Уже не крыса...

— А собаки едят человечину, Юрий Василич?

— Кха... Я не знаю, Толик, я не видел.

А однажды Толик выдал:

— Юрий Василич, а Бог есть?

— Это как посмотреть... — Юра пожал плечами. — Ну если ты думаешь, что есть, значит, есть.

— А я читал, Лаплас говорил, что это все гипотеза, а Бога нет.

— Кто? Лаплас? — таращился на него Юра, кажется, уже обязанный привыкнуть к его причудам, но так и не привыкший. И будто помимо воли, будто кто-то гипнотическим внушением втягивал его в эту бессмыслицу, Юра вплывал в бредовый, не нужный ему разговор, переваривая вместе с Толиком кашу, которой была набита голова сумасшедшего.

— Ну если Лаплас говорил, что гипотеза, — рассуждал Юра, — то, наверное, так и есть — гипотеза. Хотя мне кажется, что Лапласу эта гипотеза однажды тоже очень сильно понадобилась.

— Лапласу — нет. Он инопланетянин. Они такие прилетят сюда, внесут смуту и опять улетят.

— Ты так считаешь? — еще выше поднимал брови Юра. — Ну, нельзя исключить...

— А вам, Юрий Василич, эта гипотеза нужна?

— Мне?.. Ну если честно, я как-то не думал... Пожалуй, пока не нужна...

И так он плавал в этом море бреда, особо не задумываясь, что сказать, и скорее лишь угадывая, что хотел бы услышать его странный собеседник. А намешано было в голове Толика столько всего, что хватило бы, как думал Юра, для добротного исследования по психиатрии. Он уже знал, что Толик мог часами слушать радио, — телевизора у него в

доме, к счастью, не было, — слушал все подряд: новости, рекламу, тематические беседы, проблемные репортажи, радиоспектакли. И даже читал книжки, которые иногда выпрашивал у Юры или в школьной библиотечке. Сказки братьев Грим разбредались по темным закоулкам его разума вперемешку с «Происхождением видов» и «Приключениями Тома Сойера».

Юра же, когда говорил с этим человеком, смотрел на себя будто со стороны и порой сам себе удивлялся, с какой готовностью его собственное сознание идет на поводу у сумасшедшего. И так все это утомило, измотало Юру за последний год, что он уже и прятался от Толика, и якобы уезжал в командировку, но Толик все равно подкарауливал его и маял по часу, так что избавиться от него было невозможно.

Удивительным было то, что Юра никак не мог все это прекратить — раз и навсегда. Бывало, он заранее подготовится, придумает, как скажет: «Ну хватит, мил человек, надоел ты мне хуже горькой редьки. Вали-ка ты к себе домой и оставь меня в покое». Но хватало его только на смягченное, похожее на попрошайничество: «Извини, Толик, я сейчас не могу с тобой говорить: очень устал, хочу пообедать». «Ничего, Юр Василич, я вас здесь, во дворе подожду». «Да, но потом я прилягу отдохнуть». «А ниче, я и так тоже подожду». «Но потом мне надо проверять тетради, готовиться к урокам». «Да ниче, Юр Василич, я тут, во дворе как-нибудь». «Ну что ж с тобой поделаешь».

Мало того, пока обедал, сооружал и ему, Толику, какое-нибудь нехитрое угощение. Выносил на порог. Опять же барский жест.

Но только это барство и вообще все их общение сопровождались странными ощущениями, в которых поначалу трудно было разобраться. И лишь потом Юра вдруг осознал, что этого человека он боится. Боится его непредсказуемости. И что только из этого страха, из опасения, что тот натворит что-нибудь нехорошее (а ну, как подожжет дом!), рождалось в нем и этакое подхалимское его барство.

И вот теперь, глядя на ночь за порогом, Юра думал: выходит, и правда камень за пазухой... Милосердие через страх. «Так что же? — вдруг спрашивал он себя. — Неужели все милосердие людей строится на страхе?» И тут же думал следом, со злостью: «Какая все глупость, какой-то сумасшедший дурак, и я ничего не могу поделать... Надо же, кем он себя возомнил?.. Тридцать сребреников принес... И кем выставил меня. Иудушкой? А я, дурак, надо было прогнать, и все тут...»

Он поднялся, прошел на кухню, отрезал ломоть от буханки и, сутуло усевшись, навалившись на стол, стал сосредоточенно жевать. Отчаянное зябкое раздражение переполняло его. Он медленно жевал хлеб и прислушивался к назойливому стрекоту кузнечиков за окном.

Страхи переполняли его всегда. Иногда он пытался анализировать свои ощущения. И тогда ему открывалось, что это не поверхностные наносные испуги, а глубинное, генетическое, всегда присутствующее в нем напряжение — ожидание какого-нибудь подвоха судьбы. Он понимал, что его, таких, как он, приучают бояться даже не с детства, а еще в

материнской утробе — через страхи матери. Всего на свете боялись все, кто его окружал: знакомые, приятели, братья и сестры, боялись родители. А еще больше боялись деды и бабки. Стойкий образ матери с выпученными, злыми глазами, проговаривающей свое зло рычащим полушепотом — из страха, что услышат соседи: «Ты что болтаешь, чумовой! Никогда! Никогда! Не смей даже думать на эту тему... Кто тебе сказал такое поганое про нашу партию?!. Кто?! Никогда, не смей даже в мыслях произносить...» Его окружала страна страха, которую целую тысячу лет учили бояться и жить с оглядкой на барина, на начальника, на хозяина. А такой страх расползался на все окружающее пространство, на всех людей, даже на тех, которые шли мимо твоей жизни.

«Но, может быть, это не так уж и плохо, — думал порою Юра. — Что бы люди делали и в кого превратились без страха?.. Тот грабеж и воровство, в котором теперь утопает страна, они делали бы не тайком, а открыто; все подлости, которыми живут люди — от самого мелкого жулика до самого главного человека в стране, они совершали бы не исподтишка, а явно...»

Но у страха была скверная особенность: он опустошал душу до ощущения безысходного одиночества, граничащего с сиротством. А ведь и выходило так, что он, Юрий Чуракин, давным-давно был сиротой — при живой матери, при живых здравствующих братьях и сестрах. Случилось это так давно, что он и не мог теперь припомнить себя наполненным чужим теплом и участием, — случилось, может быть, еще в тот самый миг, когда он, весь в горячей крови и слизи, орущий, растолкав материнские кости, вывалился на белый свет.

Юра всегда чувствовал возле себя пустоту, хотя родня была весьма многочисленна: были у него восемь родных братьев и сестер, и была своя семья — жена и сын, и еще в доме одной из сестер доживала старая согнутая надвое мать, а кроме того, по всей России обитали неисчислимые двоюродные ветви. Юра часто воображал себе всю эту полуродную и родную ораву — дядьев, теток, племянников, братьев, сестер, зятьев, свояков... В памяти его копошилась пестрая многоголосая толпа, дружелюбные теплые лица... Но он-то хорошо помнил, как эта толпа перепилась на похоронах брата Лени, а потом те, кто был потрезвее, устроили между собой дележ имущества: Леня работал профессиональным фотографом, умер бобылем и кое-что успел накопить за свою непродолжительную обывательскую жизнь.

И они вдруг на какое-то время позабыли о своих страхах.

Юра сам, недостаточно хмельной, наблюдавший, как две старшие сестры тихо и неистово спорят, кому брать видеомагнитофон, кому музыкальный центр, кто возьмет телевизор, а кто новое кожаное пальто, — Юра сам поддался неизвестно откуда родившейся алчности и прихватил пару дорогих фотоаппаратов, один из которых и теперь без надобности валялся где-то в пыльной кладовке.

Когда же проспались пьяные, выяснилось, что наследство большей частью уже распределено и вывезено. И тогда небольшой отряд разъярен-

ных обделенных родственников начал рыскать по городу, по квартирам других родственников, и требовать назад причитавшуюся им часть имущества. Скандалы были такие, что и за десять лет кто-то не сумел примириться.

Заглянули они и к Юриной теще, у которой он тогда остановился. И он, сгорая от стыда, отдал им один фотоаппарат. Родственники устроили ему допрос на кухне, и он долго припоминал и смущенно рассказывал им, какое имущество было присвоено двумя старшими сестрами. Как он потом узнал, сестры стойко выдержали напор возмущенной родни, не уступив ни одной наволочки. И уже тогда Юра понял, что в этой пестрой жадноватой толпе не было даже намека на любовь, никогда не было, а был мираж благостности, подобный цветному облаку на закате. Оно, кажется, и есть, и переливается всеми гаммами охры и янтаря. Но все эти переливы красок — лишь пестрая иллюзия, а само облако — холодный пар страха, который всегда окутывал их неприкаянные душонки.

Юра кисло улыбнулся и пошел в спальню. И скоро, разметавшись на диване, уже блуждал по лабиринтам своих беспокойных снов.

* * *

Утром его словно подменили, и он сам удивился нежной радости, вдруг открывшейся ему. Он так и подумал, как часто думал, пробудившись, — подумал, что людей во сне кто-то словно меняет: ложился спать один человек, измаявшийся, потускневший, а просыпался совсем иной. И еще подумал, что раз уж вчерашний исчерпавшийся человек ничего не мог знать об утреннем, в котором добавилось нечто новое — не из пустоты же сна рожденное, то почему бы и вправду не предположить подмену?..

Он должен был встречать этим утром жену и сына на станции. Под утро прошел дождь: капли все еще насачивались из шиферных щелей и редко, пронося мимо глаз осколочки света, шлепались на порожек. Открыв настежь дверь, Юра стоял на влажной веранде, глубоко втягивая воздух.

Из этого нежного света и возник Толик, похожий на темное привидение. Юра растерялся. Толик, наверное, давно прятался в заброшенном саду напротив — там, где много лет назад случился пожар, вознеся в небеса теперь уже неизвестно чей дом, — ни дома давно не было, даже фундамент зарос, ни воспоминаний о его хозяевах. Хорошее настроение все-таки перевешивало, и Юра снисходительно улыбнулся Толику, который что-то нес в холщовом мешке под мышкой.

— Доброго здоровьишка, Юр Василич, — издалека заговорил он. — А я, вот, принес...

— Мелочи опять принес? — Юра весело посматривал на него, решив не расстраиваться по пустякам.

— Мелочи? — откровенно не понял Толик. — Какой мелочи? Я вот чего принес, — на ходу разворачивал мешок, начал он, но, оказавшись перед глазами учителя, почему-то смутился, и от смущения у него засвер-

бело в носу, он сморщился, стесняясь этой своей нечаянной взволнованности, и оттого взволновался еще больше. И уже боясь что-то говорить, раскрасневшись лицом, извлек из мешка писанную на темных досках икону, сунул в руки Юры. Учитель на мгновение замер от удивления, а потом просипел:

— Ты что же такое в грязный мешок?.. — Хотел впопыхах вытереть от налипших мусоринок и влаги лик с кудлатой бородой, но отдернул руку, затряс ею, словно обжегся. — Да разве можно так... Толик, Толик... — Зачем-то заглянул на тыльную сторону, изъеденную мелкими бороздками, задумался и вдруг хмуро спросил: — А где же ты взял ее?

— Да как же где? — обиделся Толик. — Марфина она... А я вам принес.

— Марфина? — Юра смягчился, покачал головой. — Я не возьму. — Однако он рассеянно рассматривал икону, на которой была фигура старика в мягких обводах ярких одежд, с посохом. Он одну руку протягивал летящей птице (то ли вороне, то ли орлу), у которой в клюве был непонятный предмет. Крохотные деревья росли вокруг старика по склону маленькой горы. Сам старик сидел на ее склоне, и как-то странно голова его была вывернута, борода задралась, будто шея его была надломлена.

Юра протянул икону Толику:

— Забери сейчас же.

— Обратно нельзя, Юр Василич. — Толик спрятал руки за спиной, попятился.

— Да ты что, не могу я взять... Это, наверно, старая вещь, ценная... Не могу. Я и не верующий... Какой уж там верующий... Мне не надо. Забери, на память о Марфе оставь, — увещевал Юра, но сам же чувствовал, что тон его не вполне убедительный. Не хотелось ему отдавать эту вещь. Вещь была любопытная. Да и просто иметь старую икону, которой никак не меньше полутора века, а то и больше, было соблазнительно. К тому же этот сумасшедший наверняка погубит икону: пропьет, потеряет или просто испортит, — вот как теперь сунул в грязный мешок.

— Э-э, — протянул Толик. — Там в красном углу уже стоят... Я пойду, Юр Василич.

— Я и заплатить тебе никак не смогу, у меня с деньгами слишком туго... Она, должно быть, не меньше тысячи стоит.

— Марфа говорила, икону нельзя продавать... — Толик рассеянно склонил голову набок, выставив вперед бороденку, стал и сам, как иконка. И вдруг повернулся и побрел со двора.

— Как знаешь, — сказал неопределенно Юра. Он был даже доволен происшествием, но все-таки подумал, что Толик, может, еще не раз помянет про икону, — тогда можно будет отдать ее назад. А не помянет — тем лучше.

Юра внес икону в дом, положил на стол, раздвинул шторы и, нацепив очки, склонился над ней и долго рассматривал тонкое письмо, ничего не понимая в нем больше того, что видели глаза: птица была все-таки вороной, в клюве несла, верно, яйцо. «Ну да, яйцо, — подумал Юра, — символ жизни...» Старик, сидя на огромном камне величиной с

гору, босыми ногами касался, наверное, воды, — что-то вроде ручья было изображено у его ног. Надпись Юра совсем не смог разобрать, да как-то и не подумал разбирать ее, зато его удивили цвета: одежды на старике золотые и алые, выступы горы тоже золотые и алые, деревья ярко- даже слишком ярко-зеленые. Юра такую яркую и так тонко прописанную икону никогда раньше не видел, а если видел, то, наверное, не запомнил, что видел: никогда он не обращал особого внимания на иконы. А здесь вдруг подумал, что когда-то вся страна жила вот этими образами, судьбу свою выстраивала, глядя на них, а теперь ничего не осталось от того уклада, все прежние идеи ушли в песок. И вот сам он, Юра, смотрел на икону и ничего не смыслил в ней, да и не было надобности смыслить. Он улыбнулся, отошел на шаг от стола. А ведь взгляд у старика с надломленной шеей был лукавым. Он хоть и к вороне тянулся, чтобы взять у нее из клюва то, что она несла, да глаза его были с прищуром. Юра переложил на стол с серванта несколько книг, на освободившееся место поставил икону. Отошел, рассматривая ее, подошел ближе, почти вплотную, и опять отошел.

«Чудак, — с улыбкой подумал он о Толике. — И что в голове! Сначала тридцать сребреников, теперь эта икона... То он меня за святого принимает, то за злодея, за полудьявола... Что он в следующий раз вообразит?..»

— Полудьявол, — произнес он вслух пришедшее на ум странное слово и пожал плечами.

Благодушие долго не покидало его. Когда вернулся после ночных блужданий кот — мокрое мурлыкающее чудовище в черных и белых пятнах, с огромной головой и рваными ушами, Юра щедро поделился с ним завтраком — холодной вареной картошкой, намятой с молоком, — в общем-то обычной своей холостяцкой едой. В еде Юрины фантазии, а еще более учительские финансовые возможности развернуться широко не позволяли. Однако неприхотливое животное все съело, лениво почавкивая под столом. И позже, отмахав несколько километров до станции и ожидая запаздывающий дизель-поезд, Юра все еще мог вдруг заулыбаться, не замечая, как благодушие разливается по его лицу. И только когда поезд пришел и возле дальнего вагона среди вышедших пассажиров мелькнула красная кофточка Марины, он наконец очнулся. И пустился к жене и сыну почти бегом.

И Марина, увидев Юру, тоже улыбнулась. Ее радость начала выстукивать в груди задолго до остановки. После месяца, проведенного вне дома, это было чувство новизны, о котором не стоит задумываться, а нужно принимать его с простодушием, потому что, если задумаешься о нем, чувство тут же и утратит свежесть, зачахнет, превратится в старый цветочный веник. Первые мгновения, пока Марина видела Юру, пока они целовались влажными торопливыми губами, тычась друг в друга носами, пока он подхватывал Сережку и тискал его, ей все еще было тепло и тесно в самой себе, — хотелось что-нибудь сказать или сделать — соразмерное радости. Но он вдруг знакомо шмыгнул носом и быстренько

украдкой провел рукавом под ним — досадная пожизненная привычка, и вот подхватил сумки, как обычно, сгорбившись. И весь он, в своей выцветшей узкой штормовке, словно в древнем застегнутом под самое горло сюртуке, в своих старомодных очках в тонкой металлической оправе, походивший на народовольца столетней давности, явившегося в деревню просвещать темный народ, — теперь он вновь обретал привычные очертания ее ленивого, нищего, бестолкового муженька, способного только к многословным умствованиям, но которому просто нечего больше надеть, кроме этой штормовки, похожей на сюртук, и в душе которого, — уж она-то все это хорошо знала, — теснилось много чего, что простительно разве только ребенку, но не мужчине.

Где-то в груди, пока лишь в одном неуютном уголке, она услышала привычную саднящую тоску, которая денно и нощно многие годы глодала ее в этой ненавистной деревне рядом с этим слабым трусливым человеком, который если и бывал смел, а иногда даже и криклив, этим своим психом срывая мелкую беспомощную злость на свои же слабости, то только с ними — с женой и крохотным сынишкой. И Марина не стала удерживать огорчение в себе и не стала откладывать на потом заранее подготовленный разговор, громко сообщила в первую же минуту согбенной, но веселой спине мужа, который бодро вышагивал с сумками по узкой мокрой тропинке вдоль железнодорожного полотна:

— А ты знаешь, мне все-таки удалось найти место. Помогла Альбина из РОНО.

— Это же здорово! — бодро воскликнул он, на ходу чуть обернувшись, и прибавил шагу, но бодрость была из обязательных сфер, ведь не мог он не услышать ядовитых ноток в ее голосе. И голова его, кажется, еще больше втянулась в плечи, спина ссутулилась, а потом и ноги стали заплетаться. Но он все равно опередил жену и сына, делая вид, что уж больно тяжела ноша в руках и надо бы скорей протопать отрезок пути побольше, чтобы потом передохнуть.

Пару минут спустя он остановился, поставил сумки на шпалы и стал смотреть по сторонам, — будто отдыхал, поджидая чуть отставших жену и сына. Раздувшиеся облака наползали из-за леса, распустили набрякшие животы и кое-где уже развесили длинные темные дождевые юбки.

— И где же? Какая работа? — Юра хотел придать голосу прежнюю беззаботность, но теперь слова у него получились просто громкими и грубоватыми.

— Вполне уютное место, — ответила она, поравнявшись с ним. — Методистом в областной школе юннатов. У меня в хозяйстве две черепахи, аквариум, попугай и кактус.

Он поднял сумки, они пошли рядом.

— Надо же, — произнес он и невольно хмыкнул, — я не думал, что такая школа еще существует.

— Как видишь...

— Хозяйство негустое.

— Зарплата тоже негустая, ноги можно протянуть, — ответила она с раздражением, заметив его улыбку. — Во всяком случае, я больше не буду трепать себе нервы с этими оболтусами.

— Не в этом дело, — тихо сказал он. — Нервотрепка здесь ни при чем... Там просто ничего не нужно будет делать.

— Да, ничего не нужно будет делать...

— Не злись, пожалуйста. Я разве против?.. За такие зарплаты, которые нам платят... Такие зарплаты, я слышал, они проедают за один ужин.

— Я не злюсь.

— Будешь спокойно сидеть за столом, получать копейки и вязать кофточки на продажу...

— Да, буду вязать кофточки. Надеюсь, что это поможет прокормить семью.

— Так ведь это хорошо. Не злись, пожалуйста.

— Я тебе сказала, что не злюсь.

Они сошлись на юбилейном балу факультета, когда обоим перевалило далеко за тридцать — тот самый возраст, когда о людях вот так и говорят: сошлись, — и уже не говорят, что они полюбили друг друга. В таком возрасте браки чаще заключаются без ухаживаний и сговоров, — ухаживания противопоказаны, — и словно кто-то надзирающий и потусторонний берет на себя право без лишних слов уложить уставших мужчину и женщину в одну постель. В такую ночь уже не может быть ни удивления, ни фантазии, ни романтизма, ни стихов, ни песен...

К тому году многое изменилось с их студенчества, и Юра уже способен был замечать то, что не замечается в детстве и юности. Он стал замечать, как земля меняет вид. Появляясь время от времени в городе, Юра видел, как одни дома исчезают в небытии, ни о чем о себе не напоминая, а другие вырастают, подобно термитникам, из красной глины новостроек; а в деревне видел, как одни деревья погибают, а другие поднимают свои головы; видел неожиданно свежую автотрассу там, где раньше было голое поле; и видел, как почти все поля вокруг на десятки километров перестали давать хлеб, — на них успели произрасти молодые березовые леса; и видел, как целые деревни обезлюдели в считанные годы и слились с природой, прорастая бурьяном и лесом. И еще видел тщету ежегодных встреч: бывшие студенты собирались с неясной и нелепой мыслью сыграть в некую символическую машину времени, желая испить глоток счастья от соприкосновения с воспоминаниями. Выходило же одно расстройство: да и что могло выйти от вида морщин, седин и проплешин на головах товарищей и подруг? Юра и Марина, столько лет видевшие, но как бы не замечавшие друг друга, сошлись с молчаливой безропотностью. Один большеносый, толстогубый, безбровый, с бледной шкурой, воспаляющейся до раздражения от летнего солнца, индифферентный, способный часами созерцать, как меняется цвет неба и леса по мере захода; другая слишком широконосая, широколицая, с далеко расставленными глазами, излишне нервозная, — они в ту самую постель завалились с отчаянностью меланхоликов: мол, ну и пусть, авось как-то стерпится.

Меньше чем через год на свет появился миловидный Сережка со светлым ликом, на котором уровнялись все недостатки родительских физиономий. И теперь семилетний мальчик, вырываясь вперед, бежал по железнодорожным шпалам, и величины его шага хватало как раз на то, чтобы ступать именно на шпалы, а не попадать между ними. Юра же одолевал с каждым шагом полтора пролета и одной ногой все время угождал в провал, и это крохотное обстоятельство в какой-то момент почему-то больше всего взволновало его. Отбежав немного, Сережка останавливался и ждал родителей, а потом вновь бежал, мелькая синими штанишками, и тогда расстегнутая легкая ветровка, которая была еще слишком велика, потому что покупалась с запасом года на три, надувалась за спиной зеленоватым горбиком. И Юра, глядя ему вслед, чувствовал свои отяжелевшие набухшие глаза. Юра глухо буркнул:

— Значит, судьба...

— О чем ты? — спросила она, чутко улавливая его настроение.

— Я так, ни о чем. Я просто хочу сказать, что судьба...

— Только не надо про судьбу. Ты знаешь, я терпеть не могу твоих рассусоливаний. У тебя все судьба. Судьба быть нищим, судьба целыми днями валяться на диване, судьба... — она запнулась, помолчала. — Ведь сколько просила: давай переберемся в город, я не могу здесь больше...

— Куда же мы переберемся? На балкон к твоей маме?

— А вот уж!.. — Она было зашлась в возмущении, а потом словно передумала, взвешено добавила: — Никто не заставлял тебя отдавать комнату сестре. Она теперь и знать тебя не хочет...

— Какое все это имеет значение, — горько отвечал он. — Комната. Это было так давно... Я же не знал, как все будет...

— Да все ты прекрасно знал. Да только ты испугался, испугался этих своих родственничков. Испугался, как бы тебя, нежного, не обидели.

— И что же, мне надо было судиться с ними?

— Да им-то чихать на тебя, они посудились бы с тобой без зазрения совести...

И так они шли, препираясь, пока железнодорожное полотно не стало плавно поворачивать влево вместе с изгибом высокой насыпи. Впереди под железной дорогой, под бетонными перекрытиями моста, пробегало узкое асфальтированное шоссе, тоже мокрое от дождя, со светлыми плешинами высохшего асфальта. И Юра издали увидел внизу темную фигурку, которая спешила по дороге со стороны села Стасова, белыми крышами испятнавшего на горизонте большой зеленый холм. Юра замолчал и больше не выпускал из виду беспокойную фигурку, которая, быстро приближаясь, превращалась в маленькую подвижную старушенцию в темном платочке, широко размахивающую тяжелыми длинными руками на полубегу. Старушенция исчезла под мостом, когда Юрино семейство было наверху. И он сразу почувствовал колкое волнение, закрутил головой, но старуха показалась справа, свернула с асфальта и взяла вверх по тропинке, идущей параллельно железной

дороге. Чуть впереди, где дорога подходила к лесу, Юрино семейство тоже должно было выйти на эту тропинку. Старушенция задирала голову, пытаясь против солнца угадать, кто идет по высокой насыпи. А Юра уже хорошо рассмотрел ее. Это была бабка Лизка, которая повадками своими походила на неотесанную болтливую девочку больше, чем на женщину, израсходовавшую в трудах семь десятков лет, — она будто не прожила эти годы, а торопливо мосласто отмахала. Разверстый пустой рот старухи тревожно скособочился, а глубокие глазки торопливо шевелились в мохнато-бровастых провалах. Вот и она узнала идущих и еще шибче зашагала вверх, отклячив тощий задок и далеко вперед выкидывая трудовые грубые рычаги.

— Василич, Марина, бяда, — стала причитать она еще издали. — В Стасове батюшку убили.

— Какого батюшку? — душа у Юры оцепенела, лишь ноги продолжали еще вышагивать.

— Батюшку, отца Михаила... — подвывала Лизка.

— Как убили? — Юра остановился. Разум еще не успел понять услышанного, а память уже выхватила образ прямого крупного человека в черном, с большим лицом и широкой бородой. Память почему-то не выдала подробностей его лица, но сразу вспомнилось, что окладистая темная борода была небрежна, нечесана, а лицо всегда выражало веселость, скорее даже беззаботность. С таким выражением лица и лучистостью в глазах отец Михаил принимал осиновского учителя раза три в своем маленьком старом доме на окраине Стасово, куда Юра приходил не в гости, скорее по делу.

— Пропал батюшка, пропал. Не сыщут нигде...

— Так пропал или убили? — заполошно переспросил Юра.

— Пропал, — размахивала рычагами Лизка. — Не сыщут. А церкву ограбили, восемь... не то девять образов унесли...

— Иконы? — воскликнул Юра, и что-то вспыхнуло в нем, так что лицу стало жарко. И закружилось, полетело куда-то сломя голову: Лизка, облако, лес, холм, шпалы. — Вот оно что... — он опустил сумки на землю.

— Нынче ночью церкву обокрали, а батюшка пропал, Господи ты мой... Мялицейские приехали, собаку нюхать по церкви пускали, срамота... — Она застыла на мгновение, снизу всматриваясь в учительскую пару и оценивая произведенное на них впечатление, а потом подхватилась: — Побегла я, побегла. — И побежала вперед, быстро стала удаляться, нетерпеливо неся свою весть дальше. Ей выпала завидная роль: быть первой рассказчицей во всей округе, и оттого горе и радость смешались в старухе, она как-то увлеченно всхлипывала на ходу. Тропинка увела Лизку в сторону, в деревья.

— Бред какой-то... — пробормотал Юра.

— Надо же, а я так ни разу не побывала в церкви. Все собиралась... — проговорила Марина. — А священник тот самый, о котором ты рассказывал?

— Да, там один священник... — Юра чувствовал тошноту и тяжесть в груди. Он подхватил сумки. — Пойдем, Маришь. Пойдем быстрее, мне так неприятно все это.

Он зашагал по липкой неровной ленточке, обгоняя жену и сына. На выходе из широкой лесополосы Марина с Сережкой задержались на земляничной опушке, а Юра еще прибавил шагу, оставляя их далеко за собой.

У дома на пороге он бросил сумки, открыл дверь, ворвался в дом, побежал зачем-то на кухню, потом в комнату, остановился посреди комнаты, уперся взглядом в икону, соображая, что делать дальше... Наконец схватил ее, стал бегать с ней по дому, пока в маленькой боковой комнатке не догадался забросить ее на гардероб, откуда дохнуло стремительное пылевое облачко.

«Убили... Или пропал?.. Чепуха какая-то... Чепуха... И эта икона!.. Неужели этот идиот как-то причастен?.. А ведь все они, эти деревенские грабители, которые по сараям шарят и по домам дачников, — все они такие же... Ведь больше некому, только такие, как они, шантрапа, слабоумные, олигофрены... А значит, и этот туда же... Я же видел его в компашках... Тупые деревенские люмпены... Они кого хочешь спьяну ограбят и убьют...»

Он нервно метался по дому. И вдруг его окатило холодом: «Зачем же он мне ее принес?.. Неужели хочет меня, как это они говорят, подставить?.. Зачем?.. Чтобы унизить, чтобы только унизить... За то, что сам всегда унижен... И меня тоже... Тоже... А может быть, нет? А появилась у дурака вещь или не одна вещь, а, — сколько там сказала Лизка, восемь образов унесли? — и он меня пожелал отдарить... Господи, в какую историю я попал... И все это твоя мягкость! Не нужно было брать!»

Полчаса спустя Марина, с укоризной покачивая головой, ходила по дому и с едва уловимой издевкой вещала:

— Юра, ты знаешь, есть такой предмет — веник? Если ты хочешь, я могу рассказать о его назначении.

— Ну что ты, Мариш, перестань... Мне как-то не до шуток сейчас... Я просто как-то не думал...

Марина намеренно ступала в самые грязные места, под ее подошвами хрумкал мусор.

— Берлога... А это что? — Она ногой выгребла из-под дивана горку засохших куриных костей, обросших серой пылью, с вкраплениями дохлых мух. — Что это, Юра, запасы на черный день?

— Это Яшка... Яша, Яша, ксс-ксс-ксс... — позвал он.

— Если тебя оставить одного подольше, у тебя заведутся вши. — Ее ирония убывала, скисала в нервное дребезжание: — А ты все о судьбе рассуждаешь. Судьбоносец...

— Перестань, — бормотал он, мучительно пытаясь что-то обдумать. Он вышел из комнаты в коридор, и Марина сочла это вызовом, последовала за ним.

— Неужели ты за целый месяц даже не подумал о нас?

— Я думал, конечно... Но при чем здесь это?..

— Как при чем? — Она отчаянно воздела руки. — Да ты во всем, в каждой мелочи, являешь собой такую поразительную безответственность...

— Перестань... — твердил он.

— А по отношению к нам... Мог бы к нашему приезду...

И вдруг, выпучив глаза и сделав шаг ей навстречу, он истово — тихо, но истово, с придыхом — зашипел в ее перепуганное лицо:

— Пе-ре-стань!.. Вот уже восемь лет ты...

Он осекся, увидев ее растерянность. И, поникая еще больше, бледнея, робко пятясь, промямлил:

— Мне надо... Прости... Мне надо сходить в одно место. Это очень срочно.

— Что значит, тебе надо? — все еще в растерянности и даже с испугом сказала она.

— Мне надо узнать... — Он развернулся к двери. Но приостановился, словно желал еще что-то сказать в оправдание. Да так и не сказал, быстро ушел молчком. А за калиткой почти побежал, но побоялся, что на него обратят внимание, умерил шаг. Он спешил на противоположный край деревни, растянувшейся по обе стороны дороги на две версты. За своим домом едва не угодил под колеса грязно-синего трактора. За баранкой «Беларуси» трясся пьяный, сосредоточенный на каком-то дальнем предмете мужик, кативший по деревне, видимо, в поисках спиртного. Трактор догремел до конца деревни и там, надрывно газанув, испражнив в атмосферу вонючую дымную черноту, разбудил в одном из домов Толика. Растрепанный маленький человек, открыв глаза, сел в куче пестрого тряпья, давно залоснившегося от грязи и пота. Сел, будто курица в гнезде, уставившись на светлую полоску в шторах. Осоловевшие глаза его продолжали спать и видеть фантастические сны: сто тысяч крохотных белых муравьев бежали по золоченой полосе навстречу свету, и торопливое движение их рождало в комнате невообразимый шорох. По углам клубились томительные глубокие тени, и в них ничего еще нельзя было разобрать, взгляд утопал в тенях, как в вязком болоте.

Торжественное муравьиное шествие исторгалось откуда-то совсем рядом, наверное, из самого Толика, из рукавов его пропотевшей во время жаркого сна рубашки. Но щекотный бег крохотных существ по коже не был неприятен, а напротив, приносил сладость и нежность: Толик тихо радостно похныкивал, будто хихикал. Световая полоска иногда становилась резкой, тени по сторонам укладывались на пол и стены, залезали под стол и шкафчик, а муравьи мельчали, обращаясь в сонмище пылинок. Но затем все возвращалось в нормальное состояние, шествие возобновлялось. И так продолжалось неизвестно сколько времени. Пока тень справа не заколыхалась. Что-то в ней блеснуло, вытянулось в нависающее тело, на котором наметились голова с очками, разеваемый рот и руки, летавшие вверх и вниз. Тень приблизилась, затвердела, и учитель Чуракин, блестя очками, гневно зашипел-зарычал ему в

самое лицо, но все же не так громко, чтобы кто-то из соседей мог понять, что в доме Толика происходит что-то неладное:

— Ты хоть понимаешь, во что ты ввязался?.. Что ты уставился на меня, истукан?.. Урод!.. Отвечай же... — Юра, ворвавшийся в дом, в спрессованный кислый воздух, схватил Толика за грудки и стал неистово его трясти. И, проделывая все это, с удивлением — фоном сознания — думал, что ведь вот же, смог и ворваться в дом к своему мучителю и схватить за грудки: видно, один страх, большой, даже всеобъемлющий, пересилил-таки страх перед этим человечком. Безвольно, как мертвое, тряслось тупое заспанное лицо Толика с красными полуспящими глазами.

Логово, где спал Толик, было устроено на огромном деревянном сундуке, кованый угол которого выглядывал из-под тряпья: крепкую пружинную кровать, доставшуюся от Марфы, Толик давно сбыл дачникам за бутылку водки, — пропил бы и сундук, если бы кто на него позарился. На полу в изголовье и теперь стояла порожняя бутылка.

— Откуда у тебя деньги на водку, если с апреля не работаешь? — вполголоса выкрикивал Юра. — С кем ты был? Твоя работа, говори? Ты был сегодня ночью в церкви? Где священник? Куда вы краденые иконы дели?..

Но в какой-то момент учитель вдруг увидел в слезившихся глазках Толика, в его маленьких зрачках свое собственное отражение: мутную крохотную очкастую головку, словно оторванную от туловища. Он отступил от Толика, распрямился, не зная, что теперь делать с бестолковым сумасшедшим, который в ответ только и взмыкивал что-то совсем неразборчивое. Толик подтянул к подбородку колени, сжался от ужаса, тихо подвывая. И вдруг сказал осмысленно, хотя и захлебывающимся голосом:

— Я иконы не крал...

— Значит, ты! — тихо и свирепо сказал Юра, сам себе удивляясь — удивляясь, что может быть вот таким свирепым и сильным. — Дураком прикидываешься? А ты не дурак, нет. Ты, получается, бандит... Смотрика, вон как ты все хорошо понимаешь... Но теперь милиция разберется... — И ему даже как-то радостно стало на душе. Вот же, — был выход, было поблизости избавление от этого истязателя: если Толик участвовал в ограблении, то его теперь должны будут надолго изолировать.

— Чего пристал! — взвизгнул Толик.

— А та икона, которую ты мне принес?.. — Юра задумался на мгновение и опять с великим возмущением прошипел: — Ишь ты, сволочь какая. Подставить меня захотел?

— Чего пристал!

— Ну ничего, ничего... — Юра некоторое время неподвижно взирал сверху на съежившегося кочегара. — Всегда подозревал, что ты тот еще фрукт...

Он повернулся и вышел, на ходу сердито приговаривая:

— Теперь все! Все!

«Но зачем же я ему... им? — лихорадочно думал он. — Зачем он все-таки принес ее мне? Может быть, спрятать ворованное?.. А когда пе-

реждется, забрать?.. Этак под видом подарка спрятал свою долю. А с него, если что, получается, и взятки гладки... И у меня не пропадет... Да нет же, все это чепуха, просто отдарился, по идиотии своей не понимая, ни что это за вещь, ни куда сам вляпался, ни куда меня втягивает, отдарился своей долей после грабежа.. Они же как-то там должны делить награбленное?.. Надо разобраться, разобраться...»

Он шел поспешно, спотыкаясь, а на него наваливались все новые опасения: «Но ведь если этот уродец не один, а он, точно, не мог быть один... Пешка, стоял на шухере... А я пойду в милицию, то его дружки... А что его дружки! Подожмут хвост... Какие у него дружки! Ну да, я видел этих его дружков. Самое последнее отребье, такие рожи... Там и сидевшие, — один, кажется, за изнасилование... Из Стасово и райцентра... Господи, как они находят друг друга!.. От них можно ждать чего угодно... Им пырнуть ножом, как курицу зарезать... Залезут в дом, пока меня нет, спрячутся, а когда я лягу спать... А про этого на следствии скажут, что невменяемый. Так его просто отпустят!.. Ведь ничего доказать нельзя!»

Спустя полчаса он прикатил на ржавом громыхающем велосипеде в Стасово. Несколько старух и дедов топтались у побеленного квадратного храма с маленьким золоченым куполком на крашеной в зеленое жестяной крыше. Церковь была скромна и мала и снаружи походила не на храм, а на большой каменный дом весьма простой кубастой архитектуры.

Милицейский «УАЗ» с дремлющим за баранкой водителем стоял, почти ткнувшись бампером в притвор. Юра хотел войти внутрь, но его окликнула низенькая пожилая служительница храма, повязанная черной косынкой, с узлом под затылком:

— Закрыта церковь.

Юра узнал ее лицо и кивнул. Имени ее он совсем не помнил, но помнил, что ему раза два называли его прежде, и все-таки каждый раз, случайно видя эту женщину с маленькими полными сложенными у груди ладонями, он имя забывал. Он вдруг подумал про эту женщину, что имя ее совсем утонуло в кротости и отрешенности, как ненужный к ее благости довесок. Пожалуй, что ей и самой удобнее было безымянство: она жила рядом с храмом, с которым слилась совершенно, в крохотном хозяйственном деревянном строении, похожем на простой сарай, где в углу для нее был сооружен деревянный топчанчик. Однажды Юра своими ушами слышал, как она говорила искренним голосом:

— Я пылинка с того места, где Господь прошествовал... — Она взирала на все окружающее огромными светлыми глазами снизу вверх, будто из погребка на ясное небо, широко и нежно крестилась и добавляла распевно, умильно: — Дивные дела твои, Господи, слава Тебе, Господи...

— Здравствуйте, помилуй вас Бог, — сказала она осиновскому учителю, даже теперь, в такой скверный час, изливая на лицо отведенную ей радость бытия. Юра подумал, что ей, должно быть, сегодня нелегко протаскиваться с этой радостью сквозь растерянность и страх. — Вот

видите, какая беда стряслась у нас. Испытание нам Господь послал. На все Его воля.

— Я слышал, — кивнул Юра. — Кто же они? Нашли... воров?

— Нет, не нашли. Господь им судья...

— Как же они в храм залезли?

— И не спрашивайте, — женщина осенила себя крестом. — То ли уж ключи они сумели подобрать, то ли... — Она вновь с мгновенным испугом перекрестила себя, словно чужой грех мог коснуться ее нечистым дуновением. — То ли самое страшное: увели с собой отца Михаила, а ключи с него сняли. Украли девять образов. Господь им судья.

— Так где же отец Михаил?

— Жив, — твердо ответила она.

— Так нашли его?

— Нет, не нашли. Но — жив...

— Откуда же вы знаете, что жив?

— Я не знаю, но верю: жив он. На все воля Божия.

— Да-да... — Юра не знал, что еще сказать служительнице, ему хотелось уйти, чтобы присесть где-нибудь: такая внезапная усталость навалилась на него. Присесть бы где-нибудь под деревом, закрыть глаза и прислониться спиной к шершавому теплому стволу, и чтобы дерево тянуло из хлипкого тела эту мороку, усталость и вообще все мысли. Но Юра вдруг спросил, весь обратившись к низенькой женщине и даже немного присев, чтобы прямо перед собой видеть сияющие глаза.

— А тетка Марфа?.. Когда церковь восстанавливали... Когда люди понесли в церковь спрятанные иконы, тетка Марфа приносила что-нибудь?

— Это какая же Марфа? — Служительница внимательно взирала на его носастое напряженное лицо.

— Марфа... Из Осиново, такая дородная, полная... Она всю жизнь в совхозе проработала.

— А как же... Осиновская Марфа? Она померла год назад? — Служительница, тепло улыбаясь, перекрестилась и что-то прошептала мягкими губами. — Приносила. Не то два образа...

— И что же, какие это были иконы?

— Простите меня, но я не помню, — женщина кротко улыбалась. — Разве вспомнишь... А есть тетрадочка в храме, там все записано...

— А из тех икон, которые похитили. Из тех икон... была там икона со стариком бородатым?..

— Простите, — она посмотрела на него испуганно. — Каков же старик? — И закрестилась уже не испуганно, а с ужасом.

— Да-да, извините... — Юра распрямился. — Извините...

Он пошел с невысокой паперти, с сомнением озираясь на служительницу. Та скрылась в церкви, приоткрыв тяжелую дверь совсем чуть-чуть — лишь бы протиснуться. А Юра томился, не зная, что теперь делать. Он присел на низкую деревянную изгородь, сгорбился, пытаясь мысленно выстроить какую-нибудь стройную пирамиду из своего пос-

леднего времени. Но времени было так много и так громоздки оказывались его валуны, что Юра плутал среди них, не находя выходов. «Надо все рассказать милиционерам», — думал он, с сомнением поглядывая на машину возле храма. Но чем больше он думал об этом, тем больше его пробирало холодком, и все происходившее в эти минуты в его разуме было даже не борьбой мотивов, было это борьбой страхов.

Он вдруг представил себе все те жуткие проблемы, которые неминуемо встанут перед ним из-за этого дела, и сознание его цепенело от одной мысли, что его будут таскать на допросы, а возможно, посадят на какое-то время в кутузку, — пока не выяснятся все обстоятельства. В любом случае, даже если все обойдется благополучно, станешь центром всеобщего внимания, посмешищем на многие годы. А если не обойдется и настоящие виновные не будут найдены? В таком случае обязательно потребуется «стрелочник»...

Но главным страхом было не это, главным был страх перед теми вероятными подельниками Толика, с которыми сумасшедший грабил храм. Страх перед ними просто не давал дышать.

Юра уже готов был сесть на велосипед и укатить домой, как из церкви вышли трое мужчин, и среди них Юра узнал участкового капитана. Коротконогий крепыш с толстой шеей теперь был не в форме, а в светлых брюках и легкой сорочке с короткими рукавами. И крепыш этот направился прямиком к Юре. Без фуражки милиционер, наверное, не ощущал рабочего уюта в себе: два раза он быстро провел рукой по короткому ежику. Но пока он приближался, губы его растягивались в улыбочку на плотном темном от загара лице, и кажущаяся будто бы даже немного глуповатой улыбочка эта ничего хорошего не сулила.

На ходу он полуобернулся, махнул рукой своим сослуживцам, приостановившимся у машины, видимо, призывая их не спешить. Те издали беззастенчиво рассматривали неказистую фигуру учителя в тонком трико с большими пузырями на коленях и старых кедах с разноцветными шнурками.

Когда участковый начал произносить плохо расслышанные, не понятые сразу слова, Юра совсем был подмят страхом.

— А что ж вы, приехали и не зашли?..

— Что? — испуганно переспросил Юра.

— Что же в церковь не зашли? Вы... Э-э...

— Юрий Васильевич... — Юра встал с заборчика, и участковый оказался совсем низким — едва до подбородка, но крепкий и широкий.

— Юрий Василич, — участковый все так же по-простецки улыбался, но с первых секунд было видно, что и улыбочка его, и простецкий говор — это все игра. Под спудом всех этих движений, слов, пауз, которые участковому, может быть, и хотелось приправить крепким словечком, могла скрываться хитрая проницательная натура.

— Вы чего ж, Юрий Василич, знакомы, что ль, были с батюшкой?

— Можно сказать, знакомы... — промямлил Юра.

— Как это — можно сказать? — Улыбочка быстро исчезла с лица участкового, лицо его чуть нахмурилось. — Тут либо можно сказать, либо нельзя сказать. А как это с серединки на половинку? — И он тут же еще и засмеялся.

— Ну да, да, — быстро закивал Юра, — был знаком. — И с ужасом подумал: «И этому я хотел обо всем рассказать...» — Но что это за знакомство, несколько раз говорили.

— Ну вот и пожалуйста. — Губы участкового вновь глуповато заулыбались. — Так все ж-таки говорили?

— Говорили...

— О чем же говорили-то? Секрет, что ли? — И участковый вдруг подмигнул Юре. В голове Юры промелькнуло: так ведут себя с детьми и с провинившимися маргиналами, которые в сущности тоже дети — состарившиеся подростки, когда хотят выведать у них подробности их бесхитростных гнусных шалостей и преступлений. И это уже с годами выработанная привычка. Но самое потрясающее, что и такой человек, как учитель, понимая все это, с безропотностью принимал игру и никак иначе — при всем желании — не мог бы себя вести, а именно вот как большой провинившийся шалун. В этой игре оставалось только один допуск: натянутое, допускаемое как крайность «вы» — все-таки учитель. Но и это «вы» могло вот-вот соскользнуть в простецкое «ты».

— Да, можно сказать, спорили... — кисло улыбаясь, сказал Юра.

— Спорили? — участковый сделался нарочито удивленным. — О чем же можно спорить со священником: как катехизис, что ли, справлять? — И сам же громко рассмеялся.

— Да нет, зачем же я буду спорить о катехизисе... Я в этом ничего не смыслю...

— Так о чем же? — И капитан опять хитро подмигнул. — Небось интересовались, можно ли с соседкой того-сего, не будет ли греха?

Юре стало неловко. Именно так и бывает неловко за чужую глупость. Хотя подспудно он чувствовал, что и эта глупость — тоже игра.

— Что рассказывать, — говорил он. — Так, совсем отвлеченные темы...

— Ишь ты, отвлеченные темы, — участковый недоуменно и обиженно отпятил нижнюю губу. — Что же, я, по-вашему, не пойму, что ли, отвлеченные темы?

— Ну, о том, например, святой ли Владимир Креститель или кровавый грешник, — пожимая плечами, стал объяснять Юра. — Или о том, что Григорий Отрепьев был вовсе не Григорий Отрепьев...

— Ну и? — весело глядя на него, спросил участковый.

— Что «ну и»?

— Давно вы Кривцова видели?

— Какого Кривцова? — Юра ничего не понял.

— Ну дает, — засмеялся участковый. — Священника, ё-моё, отца Михаила. Кривцов Михаил Семенович — с детства его так кличут.

— Я сразу не могу вспомнить... — Юра поморщился. — Уже несколько месяцев... Я не помню. Я ему вернул книги — брал почитать.

— Почитать надо отца с матерью. — Весьма довольный своей шуткой, участковый опять от души рассмеялся. — А откуда вы познакомились с Кривцовым?

— В прошлом году и в позапрошлом, когда церковь восстанавливали... Всей школой приезжали — на субботники.

— Во как получается, — участковый намеренно растягивал слова. — Раньше на субботниках церкви ломали, а теперь наоборот — строят. — Он опять рассмеялся. — Только все никак не достроят.

Юра улыбнулся, он даже сумел внутренне немного расслабиться: этот мужик оказался вовсе не так уж страшен.

— А вы знаете, мне довольно безразлично, — спокойно сказал он. — Было распоряжение РОНО — работали.

— Но ведь спорили...

— С кем спорили?.. Ах, да... Ну и что, спорили тоже. Когда работаешь с человеком — хоть день, два, начнешь с ним говорить. А почему бы не поговорить и не поспорить?

— А тетрадочка зачем вам понадобилась? — участковый приподнял брови.

— Какая тетрадочка? — оторопел Юра.

— Важная тетрадочка, Юрий Василич. — Участковый беззастенчиво смотрел ему в глаза. И он вдруг заговорил совсем другим тоном, голос его стал тих и серьезен, вся эта дурашливая игра разом прошла, и перед Юрой стоял уже человек суровый, даже, может быть, жестокий, не дающий никому спуску: — Вообразите картину, Юрий Василич: подходит к нам человек и сообщает, что осиновский учитель интересуется важнейшей во всем деле уликой. И мало того, интересуется конкретными пропавшими иконами.

— Собственно, я никакой тетрадочкой не интересовался, — стал мямлить Юра. — Я и знать не знал про тетрадочку. И не надо это мне вовсе... Единственное, что я сделал, — он запнулся, уже пожалев, что заговорил об этом, — да, не отрицаю — полюбопытствовал, какие иконы пропали. Но так именно полюбопытствовал.

— Полюбопытствовали? — участковый зло поджал губы. — А насчет тетрадочки, значит, вранье?

— Ну, выходит, вранье. — Юра пожал плечами.

— Вранье? Но вот какая странность: ко мне лично подходит гражданка Никольская и просит: позвольте тетрадочку с описью на минутку, осиновский учитель хочет взглянуть. Хороший, говорит, человек этот учитель. Почему бы не показать ему, если так хочет. А тетрадочка — единственное, за что можно зацепиться в деле. Опись имущества. Как все это понимать?

— Никольская? — Юра пожал плечами. — Я не знаю...

— Ей врать никак нельзя.

— Ну, может, не врет. — У Юры сквозь страх и растерянность наконец стало прорезаться что-то похожее на возмущение. — Если не врет, значит, путает. Я всего спросил, какие иконы пропали, а мне говорят:

сейчас пойдем посмотрим в тетрадочку. — Он заговорил еще бодрее: — Откуда мне знать, что за тетрадочка такая ценная? И не нужна она мне сто лет.

— Оч-чень интересно... — И случилось так, — Юра этого вовсе не ожидал, — что участковый пришел в легкое замешательство, круглая голова в ежике потупилась. В этом была его промашка. Он вдруг сказал коротко, но все еще зло: — Ладно, разберемся. — И развернулся, — наверное, чтобы уйти. Но в последний момент остановился, обернулся и вновь заговорил, продолжая хмуриться:

— У вас, должно быть, отпуск сейчас? Так вот мой вам совет: покамест поживите дома, никуда не уезжайте. А то мы не так все это расценим. — На секунду замолчал и неожиданно добавил прежним дурашливым тоном, с которым начинал разговор: — Мы с вами еще потолкуем, уж мне больно интересно про этого самого, про Гришку, про Отрепьева...

Отворачиваясь, он хохотнул и качнул головой. Пошел к машине, но в хохотке этом и в движении было столько навязчиво демонстрируемого пренебрежения, даже презрения, что у Юры уже не оставалось никаких сомнений в том, что думает участковый о нем и скольких усилий стоило ему вот так — сдержанно — вести себя с этим учителишкой, которого, по хорошему, стоило бы привезти в участок и отметелить дубинкой по почкам.

* * *

Юра назад поехал медленно, раздумывая над всем, что случилось, но через некоторое время заметил, что крутит педали уже изо всех сил. Велосипед гремел, и Юра часто усиленно дышал. Ему казалось, что велосипед, все его выработанные механизмы, все эти сочленения старого железа: педали, звездочки, цепь, колеса, — они словно рвали что-то в его плоти. Голове стало горячо, в груди хрипело, из глубины заболевших легких стала выходить застоявшаяся мокрота. Юра хрипел и сплевывал на сторону длинные тягучие слюни. Но усталость только раздражала его, в какой-то момент начинало мерещиться, что сбоку в пространстве среди заливных полей возникает неподвижная точка, какое-то одинокое дерево, и всякое движение его становилось подобным миражу: он будто не ехал по новому асфальтовому покрытию, а прилагал все усилия только на грохот и повизгивания старого железа. Тогда он привставал и еще сильнее давил на педали.

Марину он застал во дворе. Она в купальнике лежала возле крыльца на раскладушке. Купальник давно превратился от стирок из красного в розоватый, с попревшими торчащими из швов нитками. Бледный жирок на животе Марины от прямого солнца подтаивал в мелкие капельки. Она улеглась загорать, верно, из демонстративного протеста, не желая ничего делать дома. Но так увлеклась теми ощущениями, которые рождало в ней солнце, топившее и томившее ее, что по-настоящему разленилась и задремала.

— Не обгори, — прохрипел Юра.

Она приподнялась на локтях:

— Ты думаешь, мы приехали выгребать за тобой грязь?

— Прости. — Юре не хватало воздуха. Он прислонил велосипед к веранде, поднялся на крыльцо. — А ты знаешь, ведь все подтвердилось... Про церковь...

Марина обиженно сказала ему в спину:

— Очень жаль, но при чем здесь церковь?

— Там, возможно, погиб человек... Очень хороший человек...

— Нас не было целый месяц...

Юра уже плохо слышал ее.

— Я сейчас, — он кивнул и, пошатываясь, пошел в дом.

Она села, спустила ноги на землю, голос ее возрос:

— Ты поступил по-свински... Это не имеет никаких границ! — Она замолчала на какое-то время. И вдруг сказала громко, натянуто: — Выйди сейчас же! — И следом еще жестче, почти закричала: — Выйди сейчас же!

В коридорчике он прислонился щекой к крашеной стене, чтобы почувствовать хоть какую-то прохладу. Сердце разрослось и хлюпало в груди, будто оно было дряблым и драным, будто было не сердцем вовсе, а каким-то шмякающим куском чужого мяса. «Зачем же я так гнал на велосипеде?» — испуганно думал Юра. Он с тревогой слушал торопливые взбулькивания в груди, и ему казалось, что сбейся он с частого дыхания, то и сердце не выдержит и распадется на куски при какомнибудь заполошном всхлебе. И только фоном слышал выкрики Марины, уже почти рыдания с короткими всхлипами, которые всегда сопровождали ее скандалы:

— Я так больше не могу! Не могу! Ты негодный, никчемный человек!

Юра развернулся и осторожно, бороздя затылком по стене, опустился на корточки. И только теперь его прошиб горячий пот. «Я сейчас», — то ли ответил он жене, то ли подумал ответить.

Его отпускало медленно. Плотоядная пасть уже лизнула пот с его горячечного тела и теперь с неохотой расставалась с добычей. Юра выскальзывал из липких тесных ручищ, постепенно начиная чувствовать спиной прохладу крашеной стены.

Марину не было некоторое время слышно, а потом, наверное, решив сменить тактику, она позвала неожиданно помягчавшим голосом:

— Юра...

— Да-да, — сказал он тихо: она никак не могла услышать его.

— Юра! Нам надо поговорить.

— Я сейчас, — крикнул он через силу. Придерживаясь за стену, встал и медленно прошел на кухню, стал умываться у рукомойника, заливая рубашку, трико, но не замечая этого. Постепенно он успокоился, почти расслабился, или ему только казалось так. — Я сейчас, сейчас... — бормотал он. — Мне все-таки очень нужно пойти... Не обижайся.

Он заглянул в кладовку, нашел мешок почище, вернулся в комнату, взгромоздился на стул, достал икону с гардероба и быстро сунул ее в

мешок. На улицу вышел решительным шагом, почти выбежал. И уже не обращая внимания на возгласы Марины, только отмахиваясь: «Я мигом, мигом...» — побежал трусцой вокруг огородов скошенным полем к избе кочегара.

На ее дверях висел тяжелый железный замок, полученный Толиком в наследство от Марфы.

Юра, потолкавшийся у закрытой двери, был замечен соседкой Толика Валей. Высокая жилистая баба, находившаяся в том помятом возрасте, за которым начинаются пожилые годы, выплыла из дома напротив, оперлась о калитку. Она и в свои предвечерние годы все еще молодилась сквозь многолетнюю усталость: не покрывала голову, чтобы коротко, по-городскому стриженные волосы могли бесшабашно взлетать при встречном ветре, и говорила зычно, как говорят девочки-подростки между собой, безотчетно желая привлечь к себе чужое внимание. Она и с Юрой поздоровалась громким голосом, будто кликала потерявшуюся козу, и стала наблюдать за ним беззастенчивыми глупыми глазами. Он же демонстративно похлопал ладонью в дверь Толика, хотя на ней и висел замок.

— А Толька ушел, я видала, — лыбясь золотым ртом, зычно сказала Валя. Она наконец приблизилась, не сводя глаз с мешка, который Юра неловко прятал за спину, перекинув через плечо. Исхудалое лицо ее тянулось от любопытства.

— А чегой-то, вы чего принесли Тольке?

— Нет, это так... учебное пособие. Проходил мимо... В школе был, — придумал Юра. Он отошел от дверей, пытаясь казаться рассеянным, как бы раздумывающим, уходить или еще подождать.

— А то чего передать, я передам... — предложила баба и кивнула на мешок.

— Нет, у меня разговор по поводу ремонта, — отрезал Юра. — Так что я пойду.

— А... — сказала Валя. Она еще потопталась немного, но поняла наконец, что содержимое мешка так и останется для нее недоступной тайной. Сделавшись равнодушной, двинулась назад, елозя по земле огромными мужскими башмаками, от отца ли еще доставшимися ей или от случайного сожителя, обличье которого как-то мелькнуло в деревне и растворилось на бродячих просторах.

Юра бочком, на цыпочках быстро перебежал за дом Толика, к древнему массивному сараю с высокой соломенной крышей в четыре ската. Сарай трухляво покосился: уже что-то отгнило у него с одной стороны и отсохло, а с другой стороны еще что-то держалось. Подпертую кирпичом дверь до Юры за ненадобностью давно никто не открывал, и затхлый сумрачный сквознячок сдул годовалую пыль с заброшенных куриных насестов. Не долго раздумывая, Юра вытащил икону и прислонил ее к стене сразу за дверью. Осторожно вышел и, подперши дверь кирпичом, отправился домой, все еще не веря своей свободе, часто с нервностью оглядываясь и ожидая чего-то, какого-то подвоха или, может быть, окрика из-за спины.

И лишь поздно вечером, когда он вдруг увидел себя в тишине восседающим на кухонном табурете и услышал за стеной сладкую возню: Марина укладывала спать сынишку, — он почувствовал ту меру душевного покоя, которая может заставить человека и сладко смеяться, и сладко плакать. Он закурил, чувствуя, как от слабости и счастья кружится тесное пространство кухоньки, наполняемое белесыми фантастическими спиралями дыма.

* * *

Толик всего за полчаса до того, как учитель прибежал к нему, сидел у себя за столом, ел сало и картошку со сковороды, соскребая пригоревшие шкварки железной ложкой. Полкило сала ему щедро выделил богатый сосед Быков за то, что Толик три раза почистил большой быковский свинарник. Толик довольно посапывал, налегая на еду, но в какой-то момент он почувствовал, как на него опять надвигается тьма, которую он уже хорошо знал и которой боялся до трепета. Его начало трясти в ознобе, и ломота расползалась по всему телу. Боязно было так, как, пожалуй, только в детстве, когда бабка и живой еще дед стращали Толика Бабаем.

Врачи, когда он лечился в госпитале, говорили ему, что так у него протекают приступы, что нужно быть готовым к ним и нужно пытаться себя успокоить. Но он не знал, верить ли врачам или собственной действительности. Трудно было поверить, что это всего лишь приступ, потому что в действительности он оказывался в таком пространстве и среди таких странных существ и предметов, которых врачи и представить себе не могли. А его будто переносило в подземное царство или на другую планету, а могло и вообще подхватить, поднять над поверхностью и вертеть вверх тормашками, так что он на какое-то время совсем переставал видеть свет и, кажется, переставал дышать. Когда же все заканчивалось и его бросало вниз, он мог очнуться — иной раз валяющимся у себя же в доме на грязном полу, с пеной на губах, а иной раз и вовсе в незнакомом месте.

Он сидел за столом, дрожал и всхлипывал, ожидая, когда все это начнется, и всего его ломало от озноба. А когда скосил глаза влево, заметил проворное шевеление в пыльной тени за сундуком и в другой тени, под кухонным засаленным шкафчиком. Наверное, с десяток крыс прятались там и лишь караулили удобный момент, чтобы броситься на него. Толик стал медленно подниматься из-за стола, видя, как черные глазки внимательно следят за его движениями. На цыпочках сделал шаг-другой, и крысы тоже подались вперед, высунув из теней оскаленные зубатые мордочки. Но Толик все-таки успел прокрасться в сени и, схватив замок, выскочил на улицу. Хлопнул дверью, сунул замок в петлю и, судорожно фыркая, с лихорадочной поспешностью, часто озираясь, зашагал через зеленые выпасы вниз по склону широкого лога, убегая, взрыдывая на ходу. Но здесь его и настигло, накрыло тьмой, подхватило,

подняло вверх и стало вертеть — головой то вниз, то вверх, так что он от ужаса закричал, завыл, разметывая руки, чтобы хоть за что-то ухватиться. И вдруг — почти сразу, как ему показалось, — он очнулся в месте совсем непонятном, в земляной яме посреди леса, ногтями он скреб землю, тянул ее себе в рот и жевал. А потом, очнувшись, стал плевать черное, набившееся в рот, стал давиться. И долго так сидел, давился, отплевывался. Наконец выбрался из ямы и побрел по лесу. И будто бы все смешалось в пространстве, или он опять перелетел в другое место и в другое время: почему-то увидел себя в начале той зимы, когда снег долго не ложился и до конца декабря тянулась распутица...

Марфа слегла и уже с неделю проваливалась в какую-то бездонность. Толик за эту неделю напрягся, окостенел. Ему казалось, когда он передвигался, что вместе с собой нужно передвигать куски закостеневшего пространства: к ногам и рукам все прицеплялось — стол, стулья, калитка, двери, дом, сарай, уличная грязь... — все это нужно было тянуть, открывать, ронять, тащить за собой.

Марфа, массивная, распластанная, лежала на провалившейся кровати, как старый, заветренный, зазеленевший студень. В первые дни она еще ворочалась и разговаривала, привычно давая указания: «Покорми курей. Подои козу...» И глаза прикрывала не так часто, а, прикрыв, начинала стонать и бормотать толстыми губами, и он понимал, что она выборматывает и выдувает из себя ноющую мучительную боль, но становилось ли боли меньше внутри нее, он не знал. Он ухаживал за ней, поил и кормил, а когда нужно было, кряхтя, переворачивал чудовищное, тяжкое тело и менял подложенные тряпки.

Постепенно беспамятство ее становилось продолжительнее, а те отрезочки времени, когда она отдувалась, потная и обессиленная, короче.

— Кабуто рожаю кого... — говорила она в такие минуты. — Вот рожу ж, поди, кикиморёнка, пойдет, треклятый, скакать...

Как-то раз, одышливо хрипя, она улучила минуту, когда Толик был рядом, злобновато сказала:

— Помру скоро... А тебя куда? — Отдышалась, добавила: — Кабы тебя к Вальке пристроить, она жалостливая баба, хорошая...

— Да на кой она мне? Она старая, — недоуменно возразил Толик.

— Ста-арая, — зло передразнила Марфа. — А как жить-то будешь, дурак?.. — И она опять закинула голову, завела глаза. — Ох, силушки мои... Не приведи Господь без покаяния отойтить... Как дам знак, беги за отцом Михаилом, а то прокляну с того света.

Два раза за эту неделю приезжал из района и вскоре уезжал раздраженный врач, несколько раз наведывались деревенские старухи. Часто приходила соседка Валя, притихшая, чуткая, приносила поесть. И подолгу стояла в ногах Марфы, — склонив набок непокрытую голову, молча взирала на бабку да так и уходила, почти ничего не сказав.

Под конец Марфа уже не могла говорить, а только стонала, закатив глаза и положив на огромную распластанную грудь толстопалую руку. А он все думал: какой же знак она должна дать? В последнее же утро,

пробудившись и одевшись, он обнаружил, что Марфа и не стонет уже. Она часто-часто дышала, и дыхания ее можно было не заметить, если б не тихий торопливый посвист в кособоко открытом черном рту. Толик наклонился, всматриваясь в ее глаза. И догадался, что они блуждают уже не здесь, не в засыревшей комнатенке.

Марфа вздрогнула. Тень ли она заметила от наклонившегося внука или тепло его почувствовала, но рука ее с опухшими желтыми пальцами стала шарить в воздухе, поймала Толика, вцепилась в его рукав и потянула к себе. И в Толике что-то оборвалось, он в страхе отпрянул, но он был крепко ухвачен Марфой. Она будто хотела такой крепкой хваткой утянуть его за собой, туда, куда сама отправлялась. И подвывая от ужаса, он стал отрывать эту полумертвую, но необыкновенно сильную руку.

— Ба! Ты чего! Ты чего, ба! — заревел он. И наконец вырвался и, спотыкаясь, выбежал, как был, в одном свитере, на мороз. И мороз этот, еще легкий, почти незаметный, первый раз опустившийся на землю под утро, усилился и захрустел наледью к позднему вечеру.

В сумерках Толик вернулся, но Марфа уже затвердела к тому времени в простывшем доме, словно огромная мясная туша, залежавшаяся без разделки. Во время же бесцельного потерянного блуждания по замерзшему лесу Толик вышел к Московскому шоссе, к этому беспрерывно изрыгающему дым тысячеголовому змею. И, пытаясь перебежать на другую сторону, едва не был убит большой смрадной змеиной головой с тупой высоколобой мордой. Толик заметил выросшее слева мордастое чудовище, заслонился руками и был сброшен упругим горячим воздухом с дороги.

В тот день он почувствовал, что ничего не понимает вокруг. Что-то жуткое двигалось перед ним, и что-то стояло, и у того, что двигалось, у того большого и белого, что-то завивалось и клубилось, а у того, что стояло, что-то высовывалось с боков и покачивалось. Он говорил сам себе: это белое — это вверху, это облака, а это черное — это деревья, это ветки бьют меня в лицо. Но то были пустые слова, он с диким ужасом таращился на шевелящееся перед ним и не верил самому себе, что вот там, над головой, в небе — облака, что сам он идет через лес. Что такое лес, что такое небо, — только странные звуки остались от всего, что теснилось вокруг: ле-е-ээс, не-ээ-бо, облаааакааа, овраааааг, де-ээээиииириииивооо. Откуда же было знать Толику, что душа Марфы в эти самые минуты исторгалась из огромного отекшего, трясущегося на ржавой кровати тела...

* * *

Ничего нельзя было увидеть дальше порога. Слабая сорокаваттная лампочка отрезала от наступившей ночи небольшой теплый кусочек, и Юра, умиротворенно попыхивая сигареткой на крыльце, тщетно пытался что-либо разглядеть в тьме, в которой слышалось много оборванных удаленных звуков.

Юра вернулся в дом, плотно закрыл дверь. Сережка уже спал. Юра остановился возле его кровати, и мальчишка, раскидавший тонкие, будто сломанные в локтях и запястьях руки, завозился сквозь сон. Юра притронулся к его голове, провел пальцами по мягким волосам и ниже — по лобику, по щеке, с трепетом чувствуя кончиками пальцев тонкую до боли близкую и в тоже время бесконечно чужую жизнь. И Юра подумал, что в такие поздние минуты что-то необычайное может происходить в человеке, как происходило теперь в его собственной душе, чему он не мог и не желал искать объяснения.

Марина, распустив черные волосы, сидела в ночной рубашке на разложенном диване, освещенная тусклой настольной лампой, тихая и мягкая. На ее коленях зачем-то лежала книга, но Марина вовсе не читала, а смотрела отсутствующими глазами в полумрак. Но вот и она уловила взгляд Юры, сама взглянула на него, и широкое теплое лицо ее улыбнулось. Юра почувствовал, как нечто стронулось в этом мире, нечто дремавшее подняло свой лик и торжественно воспарило над миром. Горячий поток жалости и любви захлестнул его, и, готовый расплакаться, он опустился перед Мариной на пол, осторожно убрал книгу, положил голову на ее колени. Она погладила его волосы, и он почему-то подумал в это мгновение, что пройдет время и когда-нибудь все они умрут: и он, и она, и маленький Сережка, мирно теперь почивавший и ни о чем на свете еще не ведавший, — но эта мысль не испугала его — она пронеслась, как проносится шелест по верхушкам в тихом лесу, и затухла — так далеко, что уже нельзя было и понять, что это за тревога прикоснулась к нему. Разве имела какое-нибудь значение смерть, если они были вместе, если время могло, оказывается, вот так неожиданно замирать — на одном счастливом вдохе?

— Я вас так ждал... — сказал он.

— Да... — она перебирала его волосы, — мы тоже скучали...

И они опять притихли, удивленные покоем, наплывшим на них из безмерной ночи.

— Ты устал, — прошептала она. — Ложись...

— Да...

Но он прежде поднялся, вышел на улицу, потом прошел на кухню, напился воды, а когда вернулся через несколько минут в комнату, Марина уже дремала, забравшись под одеяло. Заслышав его, она слабо улыбнулась, не открывая глаз, и Юра почувствовал, что из-за этого ее тихого бегства в сон, из его, Юры, души вдруг начало ускользать то легкое, теплое, умиротворенное, что так неожиданно обдало его счастьем. С волнением он попытался удержать это ускользающее ощущение, заулыбался, позвал шепотом:

— Мариша...

Но она только хлопнула в его сторону все еще улыбчивыми, но уже ничего не видящими глазами и, кажется, совсем вывалилась из реальности в утомленные сновидения... И все разрушилось. Юра остался один посреди ночи: была вокруг него мягкая нежная оболочка любви, а тут

вдруг оказалось, что он все там же — на краю своей личной пропасти. Он захотел было нагнать убегающее от него чудо, начал суетливо раздеваться. Но с досадой понял, что торопливость его нелепа и нелеп теперь он сам во всей своей поэтапно обнажаемой физиологии. И чем дальше продвигался он по известным маршрутам, тем больше росло его недоумение. И уже отбывая свою повинность, он видел, как Марина иногда утрачивает улыбку терпения и кисло кривит сквозь полудрему мокрые губы.

...Выключив торшер, он лег у стены и стал слушать ровный сап жены. Мысли наползали на него, тягучие, неотступные. И Юра не гнал их, самоотрешенно наблюдая, как томят они его: раз уж ничего не связывает людей в их такой бренной, такой наполненной миражами жизни, — с тихим отчаянием думал он, — раз нет того, что сплетает их в один узел любви, а то, что принимается за любовь, так же просто и тупо, как желание жрать, — если уж все так и обстоит, если я прав теперь, — так неужели прав? — если прав, то нет и самих людей, а на земле передвигаются, жрут, совокупляются заведенные неизвестно кем и неизвестно зачем бездушные биомашинки... Он лежал и плакал в темноте, и была душа его так же напугана, потрясена, как в те давние мгновения, когда лет тридцать пять назад он, малорослый щуплый мальчик, точно так же, как и все мальчики на свете, открыл для себя холодное слово «смерть». Он стал думать, что теперь он — тот самый плачущий мальчик и не мог быть другим: ведь, наверное, нет такой минуты, когда заканчивается взросление человека, а до конца своих дней он остается неразумным мальчиком, тайком плачущим глухими ночами.

Был год, когда семья Юры стала убывать: умер отец. Но еще живы были два брата и сестра, которым суждено было умереть позже. Старшие сестры и братья к тому году разъехались, и мама Поля осталась одна с шестью детьми в просторной пятикомнатной квартире, выделенной советской властью многодетным коммунистам Чуракиным. Об этой квартире и о семье их обе областные газеты — комсомольская и партийная — опубликовали большие бравые очерки, хранившиеся как реликвии мамой Полей в старом комоде. Из-за этих газет она и надавала пятнадцатилетнему Юре пощечин, обнаружив куцый обрывок одного очерка в туалете, в настенном фанерном ящичке для бумаги. Из-за нищеты они совсем не выписывали газет, и с бумагой всегда были трудности, кто-то из детей и пустил в дело памятный очерк. А кто, осталось тайной. Но Юра из детей был тогда в доме старшим, — пощечины достались ему. Мать в те годы уже начала сохнуть и сгибаться, а руки ее, напротив, становились все крупнее и тяжелее; мосластой рукой она, влетев в комнату, несколько раз, выплескивая из себя всю возможную ярость, хлестко ударила Юру по лицу на виду у затихших младших. Он в полном недоумении выкрикнул:

— За что?!.

Она же, не в силах от клокочущей ярости ответить, стала больно тыкать кулаком с зажатым газетным обрывком ему в лицо, стараясь боль-

нее попасть в губы или нос. И Юра, в слезах отпихнув ее руку, ушел из дома, твердо зная, что ушел навсегда.

Вернулся он на третий день. Двое суток он провел в окрестностях вокзала, пытаясь подсесть на какой-нибудь товарняк, идущий в южном направлении. И, наверное, уехал бы, если б на третью ночь от одиночества, голода и своих неодолимых страхов не почувствовал такую лютую тоску, что уже горько плакал от жалости к себе, к своей несчастной изработавшейся матери, к братьям и сестрам: Бог знает, что они могли подумать, пока он пропадал неизвестно где.

Вернулся он в воскресенье, когда семья готовилась приступить к завтраку или к обеду (в семье всегда было что-то одно из двух), и все уже разместились за большим столом на широкой кухне с высоким светлым окном. Юра, толкнув никогда не запиравшуюся входную дверь, осторожно прошел на кухню по длинному коридору. Все притихли и посмотрели в его сторону. А мать после секундной паузы строго прикрикнула:

— Ноги разуй! — И метнула в него грязной мокрой тряпчонкой.

Потом, сидя за столом, он торопливо черпал из миски вермишель, выискивая кусочки предварительно измельченных котлет, — мать подала к столу целое ведро этого варева. Она уже вышла на пенсию и подрабатывала в те годы посудомойкой в большой заводской столовой, и Юра хорошо знал о происхождении этих ведер, но он всегда ел спокойно, не чувствуя брезгливости. Он и в тот день, основательно оголодав, ел жадновато, но аккуратно и только боялся встретиться с кем-нибудь взглядом. Но когда он поднял все же полные вины глаза, то обнаружил, что никто и не смотрит в его сторону. Был-то обычный чуракинский обед: многоротый, чавкающий, торопливый — за длинным деревянным столом под выцветшей клеенкой. Привычно мелькали алюминиевые ложки, натасканные из столовки, привычно погромыхивали миски. Юре показалось сначала, что ему объявили по наущению матери бойкот. Но он тут же понял, что братья и сестры просто жадно насыщались, и никому не было дела до Юры, будто он и не исчезал на три дня и не было страшной вероятности потерять его навсегда.

* * *

С рассветом ему привиделся беспокойный сон. Он открыл глаза, и сразу тот цельный ужас сна, все его зловещие фигуры и роковые действия — все распалось, так что ничего толком нельзя было вспомнить, в сознании ворочались только бесформенные осколки приснившегося ужаса.

В изогнутом стеклышке будильника обозначилось отраженное окошечко в темно-охристых занавесках. Юра долго лежал, смотрел на тикающие часы, на крохотные занавесочки, которые постепенно насыщались светом, превращаясь из темно-охристых в лимонные. Стрелки ползли к половине шестого, секундная накручивала оборот за оборотом и словно накручивала его нервы на ось. Вот так, будто и не спал — во всем теле

чувствовал прежнюю усталость и раздражение. Понял, что уже не сможет уснуть. Тогда он поднялся, зацепив Марину — скорее специально, хотя сам и подумал, что грубость его могла сойти за случайность. Марина проснулась на мгновение, хлопнула ресницами, тяжко, мясисто повернулась на другой бок и, кажется, опять провалилась в сон. А Юре уже хотелось, чтобы не он один, чтобы все поднялись в этот ранний час. Он громко раздвинул шторы, надел трико, протопал в прихожую и, грохнув дверью, вышел на улицу, к маленькой деревянной уборной.

Сойдя с крылечка, замер. Утро наполнялось сырым светом. Юра без очков не увидел ни твердых линий, ни очерченных силуэтов, и цвета оттого насыщены были особым соком: вверху синь с ее немыслимыми текучими оттенками, с переливами, и синь эта втекала в плавные обводы нижнего мира, в земную зелено-коричневую тяжесть, во все темные углы, где еще держалась ночь. Вдаль тянулась цепочка электрических столбов, но они расплывались в воздухе, и можно было позволить воображению превратить их во что-то возвышенное — в античные колонны, а водонапорную железную башню — в минарет. Юра подумал, что вся его нервозность — вздор. «Надо пойти сегодня куда-нибудь, — подумал он, — хоть на рыбалку с Сережкой или всем вместе по грибы...» Он обернулся и увидел на веранде, за открытой дверью, на полу прислоненную к стене икону. Он сослепу не мог бы, наверное, точно понять, что это та самая икона, но все-таки сразу догадался, что да, та самая: красно-золотые и ярко-зеленые пятна. Он не удивился и не испугался, и если удивился совсем чуточку, то как раз этому своему странному спокойствию.

Он медленно вернулся на веранду, присел перед иконой на корточки и, склонив голову, стал смотреть, как блестит и глянцевито переливается от росы ее поверхность. И оттуда, из-под блестящего слоя в его близорукое пространство вплыл лик лукавого старика с топорщившейся бородой. Юра осторожно провел ладонью по иконе. Темные разводы влаги поплыли по гладкой поверхности.

— Нашел все-таки, — прошептал он. — Какое же упрямство в человеке...

В доме что-то стукнуло: наверное, поднялась Марина. Юра взял икону, прижал ликом к груди и на цыпочках прокрался в прихожую, оттуда налево, в маленькую сумрачную комнатку, где спал Сережка и где в углу размещался массивный — в полкомнаты — гардероб. Увидел себя мельком в мутном зеркале на двери: размытого, смазанного в полумраке.

— Юра... — натужным и еще сонным голосом позвала Марина. — Зачем же рано разбудил?

— Извини, не хотел...

Он вновь забросил икону на гардероб. Звук раздался громкий, будто что-то тяжелое рухнуло и сломалось. Сережка заворочался, из спальни послышался певучий скрип диванных пружин — Марина вставала. Юра открыл дверцу гардероба, оцепенело уставился на полки с вещами, но ничего толком не видел в беспорядочных ворохах одежды. Марина, шаркая шлепанцами, вошла в комнатку.

— Ты зря шумишь: Сережа спит, — сказала она показательным громким шепотом.

— Я ищу чистые носки, — хмуро ответил он.

Марина обиженно смолчала и вышла, но через некоторое время, когда они вновь оказались рядом, она с вызовом спросила:

— А что, собственно, происходит? Мы тебе помешали своим приездом?

— Не говори ерунду... — с тихим исступлением ответил Юра. Он сидел на кухоньке, нетерпеливо дожидаясь, когда закипит чайник на нерасторопной электрической плите, и тарабанил пальцами по столу — тише, потом громче, опять тише. Иногда пальцы зависали и вновь обрушивали на столешницу нервный марш.

— Ты вот только со мной можешь поднимать голос, — с досадой сказала Марина, неотступно глядя на его руки. — Не надо разговаривать со мной в таком тоне.

Он опять забарабанил, и она истерично прикрикнула:

— Перестань, пожалуйста! Я прошу: перестань!

— Что ты прицепилась ко мне? Я же словом не обмолвился...

— Ты и вчера, только увидел нас, пытался учинить скандал. И сейчас, не успел продрать глаза... Мы можем взять и уехать, и живи себе один, как хочешь!

— Не надо меня пугать... — Юра побледнел.

Марина вдруг успокоилась и тихо, но твердо сказала:

— Я ничуть тебя не пугаю. Мне, в общем-то, все равно: пугать тебя — не пугать. Ты, наверное, не понял, что я на самом деле давно готова уехать. Это все совершенно всерьез. Собственно, я уже решила... Меня ничто не держит здесь. Понимаешь: ничто... Я и приехала — осмотреться, да, вон, вещи собрать.

— Уезжай, — сказал Юра с тихой яростью. Он потянулся к полочке, взял сигарету, закурил, выпустил длинную струю дыма. Это была поза: он не позволял себе курить дома при Марине.

— Я ведь и правда уеду, — тихо сказала она.

И вдруг он бешено ударил ладонями по столу:

— Уезжай, тварь! — Резко встал и вышел. И пока он в коридорчике напяливал кеды, не зашнуровывая их, Марина торопилась визгливо выкрикнуть:

— Ты — псих и трус! Ненормальный! Ты мне испортил жизнь своей проклятой деревней... В кого я превратилась! — И потом еще, вдогонку, когда он ринулся из дома: — Вернись! Ты пожалеешь!.. Вернись сейчас же!.. Ты пожалеешь!

Юра исступленно шагал по деревне, свернул на покосы. Кеды его вымокли от обильной росы. Он оказался внизу у речки, в прохладном воздухе, державшемся в густых ивовых зарослях. Спустился к воде, сел на берегу.

— Да пусть уедет... — сказал он. Бросил в воду давно потухший длинный окурок, река подхватила его и понесла. На Юру стали нале-

тать тяжелые, вялые комары, он принялся нещадно лупить их на себе. И окончательно распсиховался, встал, выбрался на поле, пошел краем покосов.

— Пусть уедет к чертовой матери, к своей матери... к мамане... к мамочке, у-сю-сю...

Но что-то в нем уже сломалось. Он безотчетно смотрел по сторонам: вдаль — на лесистые холмы, направо — на заливной ровно скошенный луг, влево — в густые заросли ивы и крапивы, где на камнях шумела речка, но увидеть ничего нельзя было. И вдруг остановился. «Как же, гад, принес икону назад?.. Нашел... Выследил меня... Следил, как я оставил ее в сарае... Или сам зашел в этот треклятый сарай... Надо было не так все сделать... А как надо было сделать? Не выбросить же... Такую вещь выбросить...»

— Я его прибью! — сказал он вслух.

Он опять пошел и опять стал думать о Марине, что она, конечно, права, и нужно было давно уехать отсюда, когда они еще только познакомились и было куда отступать. Но куда уехать теперь: в город, которого он боялся все больше и больше и куда наезжал только по необходимости? Он прожил в деревне семнадцать лет, попав в местную школу по институтскому распределению, а позже перетащил сюда и Марину. Но оттого, что он чувствовал ее правоту, еще больше в нем разрасталось упрямство. И он себе в утешение перечислял собственные правды, которые наваливались одна на другую в крепкую баррикаду: он был нужным здесь человеком, и был независимым от множества обстоятельств тесного жительства в городе, и был он во всей округе уважаем, и к тому же верил, что страстно ненавидит городскую вонь, и люди здесь жили другие, и он любил этот лес, речку, поле... Он много подобного давно расписал в уме и выучил назубок. Такое мировоззрение уже не философией было, а почти религиозной верой.

Но теперь и эта вера становилась водицей. «Что тебе еще остается? — думал он. — Поди, были бы другие возможности, по-другому и запел бы...» Сказало начальство ехать в эту дыру, и поехал без ропота. И здесь, когда появлялись проблески на перемены, — а ведь маячили перспективы вернуться, — ничего не предпринимал все из того же страха что-то менять. Катится жизнь — и пусть себе катится. Если и психовал из-за чего-то, да и психовал-то тихо, чтобы никто и прознать не мог, так ведь как раз по поводу возможных перемен. Но на самом деле оказывалось, что провалились в пустоту эти семнадцать лет, потому что по-настоящему не нужны были ему ни этот лес, ни эта речушка, ни люди, детям которых он преподавал абсолютно не нужную для них науку. Кому из них хотя бы раз в жизни понадобятся знания о бензольном ряде или технологии получения дивинила? Бред, да и только!.. Все, что он делал эти семнадцать лет, было в воздух произносимой пустой тарабарщиной, ставшей уже малоинтересной, ненужной ему самому.

И вдруг опять:

— Я его прибью.

«Пойду и прибью чем-нибудь тяжелым. Вот такие тихие и добренькие, как я, и становятся убийцами...» Из-за этого шизофреника все коверкалось, рассыпалась в прах пусть иллюзорная, но все-таки его — Юрина — жизнь. Чумазый опустившийся больной человечек оказался той самой молекулой-катализатором, которая привела в действие весь громоздкий процесс распада. И в Марине, — а Юра хорошо видел это, — его появления вызывали особый прилив раздражения, он словно демонстрировал тупик их собственного тихого тоскливого существования. По сути этот человек замыкал круг их светского общества. Так что рано или поздно Марина — ленивая городская девочка, привыкшая к определенному набору невинных и недорогих утех, вроде любительского театра, выставочного зала, библиотеки, а здесь вынужденная преподавать биологию «совершенно неотесанным чадам», а кроме того еще и пропалывать три грядки в их домашнем огородике, — Марина должна была взбунтоваться.

Исковерканное утро еще только поднималось из-за темно-синих лесистых холмов, а Юра уже обогнул деревню и вошел в нее с противоположной стороны. Напротив избы Толика приостановился. На двери по-прежнему висел замок. Юра постоял немного, с недоумением пожал плечами и хотел идти дальше, но справа его окликнули:

— Здрасьте, Юрий Василич. — Соседка Толика Валя участливо улыбалась у своей калитки, сцепив красные руки под животом.

— Здравствуйте, — вяло ответил он.

— А чего, обратно Тольку ищите?.. А его не было со вчерашнего...

— Со вчерашнего?..

Он снял очки, протер стекла майкой, надел и вдруг неожиданно даже для себя спросил: — Валентина Ивановна, а вы ведь водкой торгуете?

— Есть, — удивилась она и сильнее налегла на калитку, так что груди ее надулись под платьем. — Самогонка есть. А вам чего, бутылку?

— Да мне целую бутылку много будет... — Юра засмеялся.

— Завсегда пожалуйста, берите чекушку...

— Чекушку? — Юра уже пожалел, что затеял этот нелепый разговор. — Для меня, в общем-то, и чекушки много... Я так, нашло на меня что-то...

— И чего ж? — Валя всплеснула руками. — Выпейте. Вона мужики приходят, так я им и стакан наливаю, здесь сразу пьют... — Она подумала и сообразила: — А я вам полстакана налью. Да самогоночки, не спирта этого треклятого. — Она проворно выскочила за калитку, подцепила Юру под руку, повела к дому. — А вы заходите, не стесняйтесь.

— Да я не знаю, — вяло возражал Юра, но почему-то покорно следовал за ней и оказался в длинных сенях с земляным полом, где пахло куриным пометом и терпким козлиным потом.

— У меня и денег нет... — запоздало вымолвил Юра, но Валя уже скрылась в доме. Он растерянно потоптался, не зная, что делать, может уйти, но проворная Валя скоро вплыла в сени, бережно неся полстакана прозрачной — не мутной, как ожидал Юра, — жижи.

— У меня денег нет, — с облегчением договорил Юра.

Валя замерла на секунду, но потом снисходительно улыбнулась желтозубым ртом:

— А ничего, опосля отдадите. Верю вам. Кому не верю, а вам верю.

Юра принял из ее рук чуть теплый стакан, досадуя и сердясь на себя. Но что-то ведь и подзадоривало его: злая лихость в груди. Он с опаской оглянулся в дверь на улицу, нет ли случайных зрителей, и в несколько крупных глотков, давясь, выпил самогон. Задохнулся, заморгал, ничего не видя от наплывших слез, замахал рукой.

— Хлебцем заешьте. — Она совала ему маленькую подсохшую горбушку.

Минуту спустя он вышел во двор, она следом за ним. Он полуобернулся:

— А может, у вас и сигаретку выпрошу?

Валя всплеснула руками:

— А как же, держу. — Опять сбегала в дом, принесла крепкую сигаретку.

— А что же, супруга ваша приехала? — полюбопытствовала она.

— Угу... — Юра с наслаждением затягивался крепким дымком.

— А что же, из отпуска она?

— Угу... — Юре казалось, что тепло, которое растекалось у него в животе, наполняет его, как горячий воздух наполняет воздушный шар, и тело оттого становится легче и беззаботнее. — Я пойду, спасибо...

Он побрел домой и, когда увидел запертую дверь, ничуть не удивился. Он знал, что ключ Марина оставила под крыльцом, но не стал доставать его. Расслабленно опустился на порог и пробормотал самому себе:

— Может быть, так лучше...

Он знал, что, пожалуй, смог бы нагнать их: не было его всего минут сорок, так что они, может, и до мосточка не дошли. Но было что-то постыдное и унизительное — не в ее бегстве, а в его оставленности — такой стремительной, демонстративной. И тут он припомнил, что Марина не разбирала со вчерашнего приезда сумки, они так и стояли в комнате. «Она специально... заранее, — подумал он, — заранее все спланировала и устроила...»

— Ну и пусть... Пусть... — пробормотал он вслух и сам же почувствовал, что готов заплакать.

Он сидел на деревянных порожках, съежившись, будто от холода, и невольно наблюдая, как в сотне шагов, там, где кончался брошенный сад, тощий длиннорукий старик окашивал лужок. Непомерные портки и выпущенная темная рубашка расхлябанно развевались на нем, но старику не было дела до одежды, он мерно ворочал из стороны в сторону косой. Юра подумал, что в сказках смерть видится людям с косой, может быть, потому, что созревшие травы уж очень напоминают сонмище людское, толпы маленьких существ, которые покачивают своими головками — неприкаянными и безропотными под роковыми взмахами косы.

Иногда старик останавливался и, тряся белой рубахой, громко сосредоточенно вжикал по косе оселком, стоял, отдыхал, наверное, со-

всем ни о чем не думая, и вновь принимался исступленно водить косой по полю.

Юра знал, что дед Семен совсем одинок: жену свою он схоронил так давно, что иные люди за это время успели родиться, вырасти, попировать в меру своих способностей, пошуметь и отправиться на тот свет. Так получилось и с двумя чадами старика: один из сыновей давно уже лежал рядом с мамашей на местном погосте. А другой сынок, городской, спившийся слесарь, лежал на городском кладбище.

Юра знал также, что у старика давно не было никакого хозяйства: несколько дряхлых кур — и все. Но ведь находил же какой-то смысл по-своему мудрый дед Семен в том, чтобы каждый год заготавливать небольшой стожок сена. Стожок этот обычно не доживал до первого снега, расхищался односельчанами, и дед Семен каждый год безуспешно разыскивал вора, ходил по домам и отчаянно ругался. Но, может быть, и не было никакого толка в стариковских трудовых потугах, а давно уже израсходовалась, дотлела в Семене жизнь, осталась только напрасная бездумная инерция, как в отжившем шмеле, уже обреченном, подыхающем, но все еще упрямо переползающем с цветка на цветок. И как определить, где граница, за которой жизнь прекращается, перетекая в то стылое, что уже ничего не может давать, а только доедает само себя, что уже никак нельзя назвать жизнью? И с какой стороны этой границы находился лично он, Юрий Чуракин, сидящий на крыльце веранды, утративший что-то важное в себе, но, несмотря на свои потери, пьяненький и не собирающийся что-то менять в этой жизни?

* * *

Когда Толик стал различать впереди силуэты леса, солнце уже сушило мир со своей верхотуры. Лес развеивал горячие лучи, и в подлеске они крошились и трепетали, — в подлеске можно было найти прохладные уголки. Толик сидел на земле, прислонившись спиной к старому толстому дереву с грубой темной корой. И сидел так, наверное, давно, потому что спиной чувствовал жизнь липы, какие-то ровные звуки в глубине дерева, которое прочно вплелось своими щупальцами и в землю, и в небо и, кажется, уже проросло в самого Толика.

Иногда поверху потягивало ветерком: нависшая над человеком липа шелестела, и несколько длинных теней могли пропорхать недалеко — там, где лес сгустился плотнее и где уже вставала стена неизвестности. Толик сидел бессильно, положив исцарапанные руки на вытянутые ноги и склонив голову к плечу. И он видел, как темный размытый силуэт впереди, в гуще леса, становился все больше похож на Марфу. Она будто сидела на самой земле, подогнув под себя одну ногу, а другую выставив на сторону, спиной к Толику, сидела и чуть покачивалась из стороны в сторону. И будто она была укутана по-зимнему: в теплый платок, в свой старый полушубок, — и обута в валенки.

— Ба! — громко позвал он.

Но Марфа не ответила, — так и сидела кособоко, покачиваясь из стороны в сторону.

— Ба, ты чего?.. Холодно тебе?..

Она опять промолчала. Толик, захныкав, стал подниматься и, когда поднялся в рост, увидел, что Марфы уже нет на прежнем месте. И нигде ее нет... Наверное, ушла. Он стал озираться, разыскивая старуху, побрел дальше, вышел на опушку незнакомого леса.

Внизу под пологим спуском на краю большого поля цветущей люцерны топорщились крыши деревушки, и оттуда летел по теплому воздуху слабый механический рокот, отдававшийся в Толике тягучим нудным пением: «Иииии-ааааааа-рррррр... Иииии-ааааааа-рррррр...»

Синий колесный трактор огибал поле краем, поднимаясь к лесу. А по полю медленно катились лимонные волны. Трактор достиг леса, поехал по твердой колее, поравнялся с Толиком. Запахло выхлопом, и этот запах и рокот мотора окончательно вернули Толика в действительность. Он заулыбался чужому человеку, который высунул из кабины сизое опухшее лицо. Человек этот, наверное, давно измаялся от работы. Он с подозрительностью смотрел на поцарапанного оборванного молодого мужичка с запущенной растительностью на лице. Остановил трактор, сбавил обороты двигателя и громко пробасил:

— Ты чейный будешь, малый?

— Из Осиновки... — Толик сжался внутри. И подбодренный чужой растерянностью тракторист задом-наперед, отклячив тощий зад в засаленных брезентовых штанах, вылез из кабины. Он прежде подошел к мотору сбоку, что-то сделал там, так что мотор стал работать ровнее и тише, удовлетворенно кивнул и вновь повернулся к Толику.

— Че-то я не вспомню, где такие осиновские.

— А где Стасово.

— Где Стасово? — Мужик свистнул. — Это ж в другом районе... А здесь чего забыл?

— Заплутал я... — Толик пожал плечами.

— Ничего себе заплутал... — Мужик подозрительно поцвыркал во рту, ворочая там языком и как бы пробуя щелочки в зубах. — Давеча плутал кто-то, корову у соседей заплутали, одна требуха в канаве осталась.

— Воды попить дай, — вдруг попросил Толик. — Пить охота, страсть.

— А в деревню чего не пойдешь? И попил бы, — недовольно заметил тракторист. — А то чего стоишь и высматриваешь.

Но за водой к трактору он все-таки сходил, вытащил из кабины большую пластмассовую бутылку. И пока Толик, припав к горлышку и пуская внутрь громкие бульки, жадно напаивал обезвоженное тело, тракторист приговаривал: — Легче, паря, самому весь день сохнуть.

Он забрал бутылку из рук Толика и хотел уже отпустить его, но вдруг сказал неопределенно:

— А ну-ка поехали со мной — подвезу.

Толик примостился рядом с ним в тесной кабине, и трактор покатил назад в деревню, больно подпрыгивая на ухабах. Возле корявого

домика тракторист остановился и велел вылезать. Из домика вышла приземистая тетка, почти уже старуха, в платочке. Она, откинув голову назад, любопытно взирала на Толика.

— Алена, — громко, как для глухой, сказал тракторист, — этот был там?

— А то кто его знает. Может, и был, — так же громко отвечала тетка.

— Так был или не был?

— Был, — кивнула она.

— Ну что, малый?.. — повернулся к Толику тракторист, еще не придав себе суровости, а только еще думая, как проявить вспышку того злорадного удовольствия, которое бывает у агрессивных людей, когда они хватают праведной рукой какую-нибудь мелкую сволочь.

— А может, и не он был, — сбила тракториста с настроения тетка. — Там те втроем были. Один как пужанет меня — я ни жива, ни мертва...

— Ты, Алена, не вводи меня в заблуждение. Он был?.. — окончательно рассердился тракторист.

— А ты на меня не ори, — сама взъерепенилась тетка. — Ишь, орун какой! — И она неожиданно развернулась и, обиженная, ушла в дом.

— А ты чего ж, а?.. — вдогонку крикнул тракторист. — Да мое-то дело еще меньшее. Корова — твоя, а мне надо что ли? — И он зло подступил к Толику, — казалось, сейчас ударит: — Ступай отседа, малый. И не вейся здесь. Если б точно знал, что ты, я б тебя сам застрелил. Достал бы ружье и застрелил. Увижу еще, вертеться будешь, так и знай, башку отстрелю... Ступай...

Толик испуганно попятился, потом повернулся и затрусил мимо незнакомых домов, оборачиваясь и со страхом замечая фигуру мужика, который так и стоял возле трактора и мрачно смотрел вслед убегавшему...

Домой Толик притащился к вечеру, в пять минут вымокнув под грозой. Молнии, казалось Толику, с грохотом били вокруг него в самую землю. Он едва перевел дух от страха, когда ввалился домой. Кое-как стянул мокрые сапоги и разделся, а потом повалился на сундук, зарылся в тряпье и уснул. А поздним утром, когда уселся на постели, вдруг подумал, что должен идти к учителю Чуракину. Он не мог знать, что учитель в это время уже забирается в один из вагонов пропахшего мазутом и соляркой дизель-поезда на маленькой станции в четырех километрах от Осиново.

* * *

Юра расположился на деревянном сиденье в полупустом буднем вагоне, поставил на пол между ног объемный портфель. Он смотрел на проплывающие мимо массивные острова леса, на серые покатые крыши деревень, на железную водонапорную башню с большим гнездом аиста — и взирал на все это со странным желанием впитать увиденное, словно уплывающие назад картины должны были безвозвратно отодвинуться в прошлое и утонуть в стремительных черных клубах дизельного дыма. Предвосхищение безвозвратности, странное чувство, что за

него где-то все решили, беспокоило Юру. Все произошло накануне, когда он пришел в такую апатию, в совершенное нежелание что-то делать, что если бы можно было забыть дышать, он забыл бы.

Он вечером, когда уже солнце коснулось подоконника, лежал на диване навзничь, вытянув руки вдоль тела, — и лежал так, почти не меняя положения, несколько часов подряд. Иногда он будто утрачивал сознание, проваливаясь в полудрему-полуобморок, и тогда пространство вокруг искажалось и наполнялось бесформенными объемными предметами и молчаливыми малоподвижными существами, которых нельзя было разобрать — люди это или большие животные, и он не силился узнать их — просто смотрел из своих полуснов. Но, очнувшись, глаза его так же безучастно блуждали по потолку среди мелких трещин, испещривших желтоватую побелку. И в таком состоянии Юру застал участковый: он приехал к дому на мотоцикле. Юра слышал звук мотора, но продолжал возлежать на диване даже тогда, когда кто-то прошелся по веранде. Двери были раскрыты настежь, длинные занавески в проемах пузато дышали сквозняками.

Участковый не спросил прежде, а спросил строгим голосом, уже войдя, сунув в комнату стриженую голову с маленькими красными ушами, а потом и вдвигаясь весь сам, крепкий, решительный:

— Можно войти?

— Входите, — ответил Юра, только теперь возвращаясь в реальность, усаживаясь на диване.

— Отдыхаем, значит? — строго сказал милиционер. Он уже наполнял собой комнату, его сила играла под тонкой форменной рубашкой, в крепкой шее и скулах. Он уже прохаживался по комнате, беззастенчиво шире отодвинул штору, выглянул в окно, развернулся, будто невзначай, чуть склонившись, заглянул под стол.

Юра, поеживаясь, сидел на диване.

— А супруга где? — Капитан по-свойски выдвинул стул из-за стола. Бросил на стол толстую кожаную папку, уселся на стул, но как-то набычившись, будто верхом на лошадь, широко расставив ноги.

— Супруга в городе, — промолвил Юра.

— Как же так? — усмехнулся капитан. — Только что слышал, что супруга ваша приехала, и опять в городе?

— Так получилось, — тихо сказал Юра.

— А ведь вы, э-э...

— Юрий Василич.

— Гляди, какая странность, — со строгой ехидностью улыбнулся капитан. — Все никак не могу запомнить... Юрий Василич... Странность, да? У одного имя сразу запомнишь: только тебе сказали, и все — запомнил. У другого — хоть сто раз повторяй, вылетает из головы, — и все тут. А значит, что?

— Что? — натянуто проговорил Юра.

— А значит, что человек такой! — капитан едва опять не засмеялся, как и в прошлый раз, у церкви. — Вот и вас, э-э... сразу не запомнишь.

— А вы на бумажке напишите, — тихо сказал Юра.

— Вот спасибо за совет, — скривив губы, продолжал капитан. — Теперь, точно, напишу. Имя ваше очень даже нужное для нашего общего дела.

Юра не смотрел на него, опустил глаза на свои босые давно не мытые ноги. Но не убирал, выставил вперед. А почему не убирал, и сам не мог понять. Может быть, просто боялся делать в присутствии этого человека лишние движения.

— Я с вами, Юрий Василич, кривить душой не буду. Вы много воды намутили. А мне, понятное дело, нужна ясность, чтобы, значит, все точки над «і». Вот сейчас мы с вами и попробуем эти точки поставить.

— Что же я намутил? — Юра сглотнул комок. Он все так же не смотрел на участкового, и он знал, что участковый замечает его растерянность.

— Вы мне наврали, Юрий Васильевич.

— Что же наврал? — сказал Юра таким тихим голосом, что сам себя не услышал. Или только показалось ему, что голос его тих, а не услышал себя, потому что так сильно стало биться сердце и зашумело в ушах.

— А то, что видел попа последний раз несколько месяцев назад. Наврал...

И даже наконец скользнувшее в ехидном голосе «ты» (видел, наврал) ничуть не задело Юру.

— Почему же наврал? — все-таки вымолвил он, хорошо помня, что и правда давно не видел священника.

— Ну-ну, ишь ты, — засмеялся капитан. А вот у нас есть показания... — Он раскрыл папку. — «...Учитель Чуракин приходил к священнику во вторник двадцать первого ноль седьмого...» Выходит, неделю назад.

Юра пожал плечами. Его немного отпускало, и шум в ушах почти прошел.

— Но я, действительно, не видел его.

— Ну-ну, конечно...

— Я не видел его, — повторил Юра с нарастающей смелостью. — Заходил, но не застал дома. Мало ли, что я заходил. — Он вдруг сразу свежо вспомнил события того дня. — Я в тот день поехал в РОНО — по поводу ремонта в школе, а там — одна досада, как всегда, скандал, не дали ни краски, ни побелки... Ну, не дали — мне меньше мороки... А на обратном пути в Стасово я ждал попутку и мимоходом зашел к священнику... Да, зашел во двор, постучал в дверь, но дома никого не оказалось... Я развернулся, вышел, а тут попутка... Вот я и забыл.

— Все это просто прекрасно. — Капитан однако не собирался отступать. Он с настойчивостью спросил: — С какой целью вы к нему пришли?

— Ну как вам объяснить... — Юра задумался. — Просто зашел. Нужно было мне поговорить, что ли... Ну, поймите, бывает у человека такое, что нужно ему с кем-то поговорить.

— То есть исповедаться, значит?

— Ну если хотите, то исповедаться.

— Как же так исповедаться, если вы сами говорили, что все это вам абсолютно все равно?

— Ну не то что исповедаться, а поговорить по душам.

— То есть вы к священнику по-приятельски зашли?

— Да, можно сказать, по-приятельски.

— Юрий Васильевич, — участковый развел руками, — что вы мне все время околесицу несете?

— Почему околесицу?

— А вы забыли, что говорили мне день назад? Вы же со священником почти незнакомы. Так, разговаривали несколько раз.

— Да, в общем-то, так и есть...

— И о тетрадочке вы тоже так, между прочим, интересовались. — Капитан был откровенно зол: весь громоздкий материал, вся его работа, которую он проделал, отрабатывая версию с учителем, разваливались, уцепиться было не за что. — Вы, Юрий Васильевич, в трех соснах заплутали и все чего-то пыжитесь.

— Ничего я не пыжусь, — возразил Юра, ставший еще смелее, несмотря на злобу капитана. Он даже развернулся на диване и опустил ноги на пол. — Все так и было: зашел во двор, постучал, вышел, сел на попутку...

Но участковый сделал вид, что перестал слушать его: взял ручку из папки и быстро, поджав губы, стал там что-то писать.

— Сделаем вот что. Я вам выпишу повестку. На завтра... Хотя нет, на послезавтра. Так что в одиннадцать ноль-ноль... Тогда и оформим все по уму. Времени у вас полно... А то, может, чего дельное надумаете.

Капитан уехал, оставив на столе бумажку, заполненную корявым почерком. Юра поднялся, надел очки, видимо машинально желая прочитать, что написано в бумажке, но стал ходить взад-вперед по комнате, иногда останавливаясь у стола, глядя на бумажку, но не трогая ее и не склоняясь к ней.

В голове его будто выкрикивал кто-то из тесной клетки: «...Испугать хочет!.. Испугать хочет!.. Как они сами говорят: взять на понт... Ничего он тебе не может сделать, никакого понта, ни в чем ты не виноват... Не виноват!.. Ведь и правда же не виноват!.. Или в чем-то все-таки виноват?»

И другой голос, ноющий, мямлящий твердил фоном, будто из-за двери: «Виноват... Виноват... Не заявил сразу... Не заявил... А теперь уже и нельзя заявить: всех собак на тебя повесят... Теперь виноват... — И даже распевно, весело: — Виноват... Виноват... Придут с обыском — и крышка... крышка... Вынести из дома нельзя: ведь, точно, следят уже... Такая улика в доме... Даже не улика, — на их языке это называется вещдоком...»

Но ведь не виноват же!

Он допоздна не выходил. При каждом звуке со двора подкрадывался к окну, выглядывал в щелку между занавесками. С темнотой кое-как

улегся, но почти не спал эту ночь, часто вставал, включал уличный свет, заглядывал на веранде за дверь. И все ждал обыска.

Под утро, едва заря подсветила небо, проснулся, разбуженный внезапным громким и четким мужским голосом, сказавшим над ухом: «Амбулатория». Сел в постели, но голоса больше не было. «Почему амбулатория?..» Надвинул тапочки, вышел на улицу. «Неужели никто не следит?..» По росе обошел весь участок, осматриваясь по сторонам, но никого не заметил. Прошел вдоль забора соседей, но и там никого не было.

Вернулся домой, стал разогревать чайник, сидел на табурете и продолжал машинально выстраивать цепочку вариантов: «Отнести и все рассказать?.. Подбросить назад в церковь?.. А если увидят?.. Или сесть на велосипед... Отъехать подальше куда и оставить в лесу?.. Поставить на видном месте, и тогда, может быть, какой-нибудь хороший человек...»

И вдруг ему на ум пришла совсем шальная идея. Так что сначала он только усмехнулся себе. Но через минуту эта непутевая и такая не обычная для него мысль вновь пришла к нему. Он посмотрел на часы, вспоминая расписание дизеля. До отхода еще было достаточно времени. И он как-то машинально, уже почти ни о чем не думая, стал собираться: надел застиранную сорочку, старенькие синие брюки и туфли с каблуками, косо стертыми от неправильной походки. И поглядывал на часы — со смутной надеждой, что все-таки не успеет. Однако времени было предостаточно. И он так же — будто в тумане — взял старый дерматиновый портфель, снял икону с гардероба, сунул ее в портфель. Хотел уже выйти из дома, но, подумав, вернулся к гардеробу, напихал в портфель тряпок без разбора, запрятывая икону. И только тогда вышел на улицу и опять стал осматриваться: по-прежнему никого не было поблизости. Только тарахтел мотокультиватор с дальнего огорода да по дороге одна за другой проехали две легковушки.

Озираясь, он зашел в брошенный сад напротив, продрался через бурьян и выбрался на другую сторону деревни, вокруг огородов спешно зашагал к станции.

И вот он трясся на жестком деревянном сидении, тупо взирая на проплывающий мимо зеленый мир: смотрели только его глаза, а сам Юра вслушивался в сотрясения вагона, в грохот колес и в собственные звуки в груди, может быть, только мерещившиеся ему за общим грохотом. Поезд с подземным скрежетом перетаскивался по железному мосту, под которым неширокая река делала плавную петлю. Юре стало холодно на душе от ее вида, он отвернулся от окна.

Напротив него, поставив на пол вместительную корзину из свежей белой лозы, уселся усатый седой дед в кепочке. Старик еще на станции приметил Юру и перебрался сюда из соседнего вагона.

— Василич!..

— А, Семен Иваныч... — очнулся Юра. Он с неудовольствием посмотрел на старика: сидел бы, где сидел, — зачем приперся? Но тот по-своему растолковал его взгляд:

— Чего заупокойный, Василич? — Дед таращил на него красные глаза. Но седые усы Семена Ивановича были знатные, расчесанные, длинные, свисающие на запорожский манер, с пробором. И Юра с еще большим раздражением подумал, сколько усилий и забот старик прикладывает к своим усам. Не то что у других дедов: уж если усы, то две свалявшиеся пакли, если борода, то вроде войлочного обеденного нагрудника. А этот, нет, усы бережет, лелеет, — любит себя. И костюмчик свой изношенный содержит в чистоте: от самостийных стирок костюмчик стал жеванным и маленьким, но все же приходился впору старику, — видимо, потому, что со временем и сам хозяин подсох и уменьшился. Сразу видно: любит себя старик. А любя себя, вспоминает ли о сыновьях, спившихся и погибших от суррогатной водки?

— На базар? — спросил Юра, все-таки пытаясь припрятать свое неудовольствие. — Бизнесом ворочаете?

— Туда, — дед радостно затряс белыми усами. — Погляди-ка, — он наклонился, сдвинул с корзины метелочки зверобоя, обнажив грибы. — Одни подберезники... Так-то. Поеду, продам...

— А я вас видел вчера, Семен Иваныч, вы сено косили.

— Косил, — закивал дед. — Еще маленький клинышек собью, и будет стожок. А руки вот болят, чтоб их. — Он радостно подвигал черными пальцами, демонстрируя их корявость.

Юра молча смотрел на него, и эта демонстративная деловитость старика все-таки вызвала в нем прилив желчности, он вдруг заговорил с этим человеком так, как, наверное, никогда не позволил бы себе говорить с тем, кто старше него:

— Семен Иваныч, а зачем вам сено?

— А я каждый год кошу.

— Я знаю, что каждый год. Но ведь у вас хозяйства совсем никакого нет. Сами что ли едите это сёно?

Дед посопел, не зная, обидеться ему или стерпеть, но нашелся:

— Авось сгодится.

— Чепуха все это... — Юра ухмыльнулся. — Бред у вас в голове. Бред и маразм.

— И-и... — Старик обиделся, стал мрачен. — Чего ты, молодой, разошелся?.. Всегда тихий такой, культурнай... Бред какой-то, тудыть...

— Да мне в общем-то все равно... Что там... Я просто подумал: что ваша жизнь, Семен Иваныч? Если разобраться, пустышка... А вы у нас еще показательный дед, образцовый, водки не пьете, как ваши сынки, сгинувшие... Но если б вы знали, Семен Иваныч, как я устал от вас ото всех, сколько я натерпелся от вас, от деревенщины несчастной... Семнадцать лет. А на что?.. А вы... То рвань, то спесивая дубина, то дрянь, то убогий, то просто дурак... Мне бы эти годы — на стоящее дело, на аспирантуру... Я же отличником был... А я... Как жаль-то, если бы вы знали... — Юра замолчал как-то отчаянно, отвернулся к окну.

Старик сидел тихо, скованно и вдруг подхватился, сцапал корзину и, проворно шаркая башмаками и двигая локтями, устремился между ряда-

ми в следующий вагон. Юра с нервным чувством, с досадой или раздражением, сказал себе: «Да пусть с ним...» Но долго не смел взглянуть на людей в полупустом вагоне. Они, может, и не слышали его: в вагоне многие страстно о чем-то между собой говорили, а его собственный голос был все-таки тихим, — но Юре казалось, что кто-нибудь мог и услышать этот его маленький бунт, и он сидел, уставившись в окно пустыми глазами.

* * *

Толика испугал нарастающий вдали дождь. Из-за того края земли, где черной стеной до неба пыжилась гроза, потянуло ветром, солнце скрылось, в лицо наперло прохладой, деревья стали гнуть головы. Толик остановился посреди дороги, смотрел на сине-черную текучую громаду, уже натекшую на лес Железню на косогоре. Сам Илия скакал по вершине тучи на огненной колеснице. И когда до слуха достигало грозовое эхо, Толик слышал что-то обрывающееся и медленно замирающее в самом себе. Он поспешил к дому Вали, постучал в ближайшее окошко, в небольшую застекленную крестовину. Никто не услышал его. Постучал сильнее. Треснутое наискось и склеенное прозрачной широкой лентой стекольце опасно задребезжало в раме. В темной глубине дома шевельнулось что-то, и спустя минуту на порог вышла хозяйка.

— Ты что? — вспоминая вкус тягучего дневного сна, она жмурилась, позевывала и потягивалась, упершись левой рукой себе в шею, правой в бок, прогибаясь, так что кофточка на груди ее вздымалась высоко и мясисто. Но пробудилась окончательно, с легкой тревогой посмотрела на небо.

— Учителя, Юрия Василича, не видала? — сказал первое попавшееся Толик.

— Это чего ж такое? — Глаза Вали стали любопытно округляться, она опустила руки. — Зачем он тебе?

— Так, нужен... — Толик от усталости тяжело дышал, и ему все равно было, видела Валя учителя или нет: он пришел сюда, потому что ему невмоготу как захотелось увидеть хоть одно доброе участливое лицо.

— А чегой-то нужен? — Валя заговорила настойчивей. — То он тебя ищет, а то ты его... Второй день друг дружку ищите.

— Ищет? — удивился Толик.

— А зачем он тебе, а ты ему?.. Приходил тута, в дверь ломился. На двери — замок, я ему говорю: нету Тольки. А он все ж таки ломится. Я ему говорю: нету. А он стучится.

— Так ведь ремонт делать в кочегарке... — придумал Толик.

— А, ремонт?.. — недоверчиво сказала Валя, подумала и добавила: — Я его вчерась видала.

— Вчерась?.. — равнодушно согласился Толик. Теперь нужно было уходить, но он помялся, и Валя спросила, уже сочувственно присматриваясь к нему:

— А ты чего запыхамшись? Ободрался-то где?

— Да, устал... Пить охота.

— Ну поди, попей, — она улыбнулась, но уже, кажется, не Толику, а чему-то своему, задумчивому и смутному.

— Да... — вяло сказал Толик. — Я дома попью.

— Чего дома... — потянула Валя. — Ты и за водой, небось, не ходил. Проходь, говорю, попей...

В небе ударило громко, оба вздрогнули, и Толик скорее с испугу, чтобы спрятаться поскорее, пошел в сени. Случайно коснулся плечом мясистой Валиной груди и, виновато отстранившись, запнулся о порожек. А Вале, увидевшей его сбоку, его поникшую голову и виноватое движение, вдруг стало нестерпимо жаль этого тридцатилетнего малого. Вплыло в нее душное, сострадающее, страстное чувство. Она пропустила Толика вперед и, когда он осторожно вошел в сени, вдруг ни с того ни с сего торопливо коснулась пальцами его спины, будто хотела вот что-то сказать, что-то доброе и ласковое, но не смогла надумать нужных слов. Желание ее не оформилось до конца, но она успела понять, что ей нестерпимо хочется притиснуть к себе этого поникшего жалкого человека, как дитятю, крепко сдавить до стона.

— Проходь... — сказала тихо. И Толик услышал ее близкое дыхание в свою шею, и в дыхании был не только воздух, пахнущий козьим молоком, но и что-то нежное и теплое струилось из груди женщины.

В доме из-за печи высовывалась никелированная спинка кровати, на которой терпеливо сидела маленькая слепая дряхлая Валина мать. Старуха, уловив чужое присутствие в доме, настороженно перестала сопеть.

— Валь, ито там? — надсадно спросила она и пальцами освободила замшелое ухо из-под платка — прислушалась.

— Да Толька зашел, воды попить, — сказала Валя.

— Ась?

— Да ни чо, мам, ни чо...

— Гремит-то как, страсть, — сказала старуха. — А то дом подожжеть, Валь, а?..

Валя слегка подтолкнула Толика к столу:

— А хочешь, молочка?

— Не, — помялся тот, — воды...

Она зачерпнула ковшиком из ведра. Толик жадно отпил половину, вернул ковшик, а сам с неудержимой жадностью уставился на стол, на сковороду с жареной картошкой и грибами. Голод подминал в нем остальные чувства.

— Так ты есть хочешь? — Валя словно обрадовалась его голоду. — А ну-к садись, ешь.

— Да не... Пойду я...

— Садись, говорю. «Не» да «не»... — Она усадила его на стул, дала ложку и, отрезав ломоть хлеба, сама села напротив. И пока Толик с обязательной стеснительной скромностью поглощал еду, смотрела на

него неподвижными темными глазами. Он поел немного, поблагодарил, нехотя поднялся, глядя в окно: там стемнело еще сильнее, и вдруг взметнулась пыль на дороге, и первые крупные капли расшиблись о стекло.

— Да погоди ты... — Валя тоже поднялась, чувствуя мучительное возбуждение и теперь уже хорошо понимая, что́ ей вот сейчас, в эти минуты, нужно.

Дождь начал постукивать все чаще, молния ударила совсем недалеко — стекло задребезжало. Оба смотрели в окно, на поплывшую по стеклу воду, которая меняла, размазывала, мутила все, что было на улице. Женщина вдруг громко прошептала:

— Буде от меня бегать-то. — И сначала нерешительно взяла Толика за рукав, а потом, одолев последние сомнения, потянула его куда-то — несильно, без настойчивости, но он был растерян и не думал сопротивляться. Она потащила сильнее, напористее — во вторую половину дома, а там — в зашторенный, сумрачный закуток с высокой убранной тюлем кроватью.

— Буде бегать-то...

Она развернулась, повалилась спиной на кровать, утопая в жаркой взбитой постели и затягивая за собой обмякшего Толика; лицо его приблизила к своему красному лицу, искаженному страстной похотью. Раскрытым ртом стала ловить губы и щеки Толика, еще больше растворяя его в своем тепле. И тягостное, горячее, но вместе с тем нежное волнение возникло в Толике, ударило в голову, растеклось по всему телу. От неожиданности он задохнулся, но вцепился в бока женщины, откуда-то подспудно понимая, что нужно делать, засопел, чувствуя в руках чужую жизнь. И женщина проворно заворочалась под ним, пытаясь стащить какие-то одежки с себя и с него...

— Сичас... Сичас...

Но что-то другое уже прошмыгнуло перед глазами Толика, серая крыска пробежала по темным немыслимым коридорам, и вот: выскочила на свет и, разинув вонючую пасть с четырьмя длинными желтыми резцами, высунув узкий красный язычок, завизжала в самое лицо. В тот же миг ударило громом с такой силой, что дом задрожал, — ударило, пожалуй, в самый дом, — и будто что-то раскололось в голове Толика. Он замычал с перепугу и, почти рыдая, вырвался из рук Вали, отпрянул и, спотыкаясь, ударяясь об углы, опрокидывая что-то за собой, выбежал на улицу.

* * *

Минувшей зимой, в каникулы, когда Юра несколько дней гостил в городе, он как-то встретил Соколова, давно забытого однокурсника. Юра подмерзал на остановке в ожидании троллейбуса. Горел красный светофор, порыкивали рядом машины. Из одного приземистого фиолетового авто не понятной для Юры марки его и окликнули.

Соколов, бледный тонкий студент, за прошедшие годы оброс сверху толстосалым кабинетным мужиком: каждый сантиметр мяса и сала являл собой удачно использованный год. Его крохотный подбородок совсем потерялся в степенности и был теперь посторонним вздутием посреди белых мяс, бесшейно втиснутых в огромный по-тропически расцвеченный галстук.

Соколов посадил Юру рядом с собой в мягкий, похожий на маленькую спальню автомобиль. Они поехали степенно, даже как-то вяло, но, что заметил Юра, почти по центру улицы.

— Ну ты, это, сиди, сейчас покажу, где я... — говорил Соколов.

— Где же?

— Ко мне в офис поедем. Выпьем. Есть настроение. — И все это произносилось неспешно, глядя не на Юру, а вперед, но и не на дорогу, а так, неизвестно, в какой туман.

— А что ж, поехали, — кивал Юра, хотя понимал, что согласие-несогласие его — пустое. Сказано было «есть настроение», и Юрино мнение как-то не учитывалось. И сразу, с первых минут, понятно было, что потащил его к себе Соколов из самого простого желания похвастать своими успехами: видимо, не хватало человеку признания.

Пили они, вопреки ожиданиям Юры, не дорогой импортный коньяк, а отечественную водку, хотя, конечно, по меркам Юры довольно дорогую, закусывали вареной колбасой (но и дорогая колбаса эта, пожалуй, мало чем отличалась от тех дешевых целлюлозных и соевых сортов, которые иногда ела Юрина семья). Пьянея, Соколов все больше молчал: не оправдались его надежды произвести эффект. И он все ждал чего-то от Юры, — наверное, восторгов, иногда — для проформы — спрашивая:

— Ну, как сам?

Юра искренне принимался рассказывать, но Соколов тосковал и не слушал, глядя в сторону, а потом вдруг мог брякнуть:

— Дом хочу купить на Мызе, экологическое место...

— Угу, — выдавливал растерявшийся Юра. — Ну давай тогда за дом...

Он так и не понял, в какой фирме пребывал Соколов, чем она занималась и что делал в ней сам Соколов, назвавшийся коммерческим директором, что для Юры осталось смутным определением.

Одно обстоятельство все-таки весьма поразило Юру: пышные тропические деревья и кустарники, обильно наставленные в коридорах и черно-белых компьютеризованных офисах фирмы, оказались не живыми, а сделанными из мерзкой, жирноватой пластмассы. Местные обитатели помещений, видимо, давно уже привыкли к искусственности растений и не замечали их, но захмелевший Юра все порывался спросить у Соколова, почему не посадить в кадушках обычные финики, герани и кактусы, чтобы немного освежить воздух, пахнущий дешевыми и довольно ядовитыми полимерами и ядреной разнобойной косметикой молоденьких работниц. Юрино обоняние едва переносило весь этот вонький коктейль. Но он так и не спросил, ушел от бывшего приятеля, кото-

рый в свое время списал у него десятки курсовых и лабораторных, — ушел с легким сердцем, словно отделался от тяжелой работы, и он не подозревал, что через несколько месяцев придется вновь попасть в этот синтетический мир.

На проходных фирмы сидела охрана, и Соколова пришлось вызывать по внутреннему телефону. Он спустился минут через пять. Обозрев Юру с его объемным портфелем, сказал без улыбки:

— Ты мне картошки привез? — Эту фразу, видимо, нужно было воспринимать как степенную шутку. Но Юра не стал подыгрывать:

— Я по делу.

— Понятно. — Соколов кисло скривил губы. — Но денег, сразу говорю, я в долг не даю — мое правило.

— Мне в долг не нужно, — спокойно возразил Юра. — Я по делу.

— Ну, пойдем... — Соколов спокойно направился к лифту.

Поднявшись, они прошли по ярко освещенному, отдающему все теми же реактивами коридору, прошли в одну дверь, мимо секретарши — во вторую.

И вот теперь Соколов сидел за столом, сдвинув на край черные папки, и держал перед собой икону, но словно блуждал глазами где-то в стороне, кажется, не замечая ни иконы, ни Юры, примостившегося в черном низком кресле и поджавшего ноги в старых пыльных туфлях.

— И чего ты хочешь? — спросил наконец Соколов.

— Хочу продать.

— Продать? — без удивления переспросил тот.

— Но только так, чтобы никто не узнал.

— Ишь ты, — на этот раз толстогубо улыбнулся Соколов. — Чтобы никто не узнал? Ну ты брат даешь. И ты туда же? — Он с прищуром смотрел на Юру.

— Да нет же, не совсем все так, как ты подумал...

— А что я подумал? — еще хитрее спросил Соколов.

— Игорь, ну ничего такого нет! Просто я хочу, чтобы никто не узнал, что я продаю икону. Представь себе, в какой я школе работаю, и если кто-то узнает, то...

— Да хорошо, хорошо, не волнуйся! — Соколов примиряюще поднял ладонь. — Никто ничего не узнает. Я никогда не подвожу друзей. — Он опять тупо, ничего не понимая, уставился в икону. — Собственно, мне это не нужно... Но только то, что мы старые друзья... — Наконец с сомнением спросил: — Сколько просишь?

— Ну, сколько прошу, — замялся Юра. — Если бы я знал, сколько просить, к тебе, может быть, и не пришел.

— С тобой все понятно, — закивал Соколов. Еще некоторое время он с серьезным видом смотрел на икону, поворачивал ее к себе тыльной стороной. Наконец поднялся. — Ты немного подожди. Я скоро.

Он вышел, забрав икону. А Юра остался один в просторном помещении, но он так и сидел, не шелохнувшись, поджав под кресло ноги, словно боялся, что за ним наблюдают. И кто знает, может быть, и правда

наблюдали: он был почти уверен, что здесь стояли замаскированные камеры наблюдения.

Соколова долго не было, вернулся он не раньше чем через двадцать минут. Осторожно положил икону перед Юрой, сел на свое место и, чуть улыбнувшись, спросил:

— Тебе рублями или деньгами?

— Как? — рассеянно сказал Юра.

Соколов засмеялся, заколыхался в кресле, но промолчал. Он развернулся, потянулся к низкому черному металлическому шкафу, нажал несколько кнопок, открыл тяжелую дверцу и стал перебирать что-то там. Совсем утратив улыбку, сосредоточенно посапывая, вытащил пачку тысячерублевок, закрыл дверцу, отсчитал из пачки какое-то количество: Юра машинально пытался следить за счетом, но, кажется, на пятнадцатой сбился. Соколов положил отсчитанные деньги перед Юрой — справа от иконы, остальные спрятал во внутреннем кармане пиджака.

Юра помутневшим взором смотрел на стопочку денег.

— Здесь тридцать «штук», — сказал Соколов весомо, с вальяжностью в голосе. — Тебя устраивает?

Юра молчал и не двигался. Соколов с ухмылкой наклонился и подвинул деньги ближе к нему:

— Ну, ты что, раздумываешь?

— Я... Знаешь...

— Ну, у тебя зарплата какая? — с едва уловимым раздражением спросил Соколов.

— Оклад — три пятьсот ...

— Три пятьсот... Ужас, — усмехнулся Соколов. — Я уборщице плачу семь пятьсот... И что же вас, учителей, кандобят, как вы еще работаете... — Он помолчал, ожидая реакции. Юра молчал, опустив глаза.

— Так тебе что, тридцать мало?

— Нет, не мало...

— Ну так что же ты? — Соколов хмыкнул. И он сам, солидно покряхтев, поднялся, взял с пола Юрин портфель, раскрыл и сгреб в него деньги, сунул портфель Юре на колени, — тот послушно обхватил. Соколов взял икону, опять повозился с сейфом, запер ее.

Юра сидел в той же позе, оцепенело обхватив портфель. Соколов сел на место, улыбнулся прежней улыбкой — едва изгибавшей мясистые добрые губы, которые, наверное, всегда вот так вальяжны, добры — и дома, когда он говорит с детьми, и с женщинами, когда он устраивает себе пятничное рандеву, и в работе, когда он «дожимает» покупателя...

— Ты заходи, Юра, я всегда рад, — сказал Соколов.

Наконец у Юры разомкнулся рот:

— Скажи, почему именно тридцать?

Соколов посмотрел на него внимательно:

— А что, много?

— Ну в общем-то...

— А скандалить не будешь. Назад требовать не будешь?

— Не буду.

— Не много, Юр. Начало семнадцатого века... И какая-то она там... какая-то школа, что ли... Ярославская, что ли... Она подписанная... Какой-то известный парень нарисовал. Она раз в десять больше стоит, на подержанный автомобильчик потянет.

— И что же, ты ее у себя дома повесишь?

— Да нет, Юр, ты что. — Он вяло улыбнулся. — Продам.

— Но почему именно тридцать?

— А что, хочешь, возьму назад тысячу, будет двадцать девять...

Юра встрепенулся, но не нашелся, что еще сказать.

— Да все нормально, Юр, не переживай. Хорошо, что ты ко мне пришел, в другом месте у тебя ее просто отобрали бы.

— Наверно... — задумчиво произнес Юра.

— Ты заходи, я всегда рад...

— Я пойду? — не глядя на него, покорно кивнул Юра.

— Давай, Юр, бывай здоров, жене привет.

— Бывай, Игорь...

В вестибюле он рассеянно открыл портфель, посмотрел на купюры, потом, скорее рефлекторно, упрятал деньги глубже, на самое дно, под тряпки. Толкнул дверь, вышел и с рассеянным видом зашагал по улице к троллейбусу. Он никак не мог оправиться от странного чувства: почему тридцать? Странное совпадение... Тридцать копеечек, которые принес ему Толик под видом тридцати сребреников, вдруг превратились в тридцать тысяч рублей... Всего лишь совпадение, — успокаивал он себя. Совпадение, ни о чем не говорящее, ничего не означающее... Но, успокаивая так себя, не верил себе.

Уже позже, после поезда, когда вышагивал он от станции к деревне по мокрой, грязной от прошедшего ливня тропинке, издали заметил на опушке широкой загустевшей лесополосы, где тесными рядами тянулись осины, знакомую сутулую фигурку.

А Толик, надеявшийся, что учитель поехал в город одним днем, давно вышел встречать его и понуро слонялся у опушки по мокрой траве и будто что-то высматривал среди травинок. И когда увидел шагающего учителя, то с опаской отступил дальше, глубже в лесополосу. Почувствовал он что-то неладное, грозное в приближающемся человеке.

Юра с необычайно злым лицом прошел мимо, намеренно не глядя в сторону Толика, который от испуга онемел. Когда же учитель удалился на почтительное расстояние, Толик осторожно побежал за ним, заскользил по размокшей тропке, балансируя руками. Но едва начинало сокращаться расстояние между ними, Толик останавливался, чтобы держать безопасную дистанцию. И Юру это выводило из себя, он раза два поворачивался и грозил кулаком робкому преследователю. И один раз все-таки заорал:

— Что ты от меня хочешь, гаденыш?!. Сволочь! Сволочь!..

Толик остановился. Юра плюнул в сердцах и зашагал дальше.

* * *

Юра не мог успокоиться. Оказавшись дома, он еще больше разнервничался, даже разгневался, его трясущаяся душа хотела бы нестись в какие-нибудь необъятные пустоты, творить что-то бешеное, непоправимое, но он не способен был на такие вещи, и его трясло от бессилия. Ноги метались взад и вперед по дому, он останавливался в углу, заламывал руки за спиной, привставал на цыпочки и прогибался, чтобы больно стало напряженной спине, и опять шагал к противоположному углу. И неистово думал при этом: «Надо прилечь... Да! Надо прилечь, успокоиться!»

Наконец оказался на кухне, полез в шкафчик, стал грубо шарить там, выворачивая пакетики с остатками крупы, пустые картонные коробочки из-под чая, и вдруг увидел банку тушенки. «Марина оставила...» — мелькнуло в голове, и это его немного переключило.

Он дрожащими руками поставил воду в кастрюле — под макароны, открыл тушенку, достал тарелку, нарезал черствого хлеба и замер, прислушиваясь к шуму, который начала издавать кастрюля на плите. И точно так же что-то ныло в нем самом — точно так же что-то желало закипеть и выплеснуться горячим паром наружу. Он порылся в пепельнице, отыскал окурок подлиннее, вышел покурить на порожек.

И теперь сидел на деревянном крылечке, спешно с придыхом затягивался, пфыкал и плевался. И смотрел, как сад напротив наливается злым красным закатным соком. Пришел кот, заурчал и запустил большую голову в ноги хозяина, норовя натереть на человеке свои невидимые метки.

— Пошел! Брысь! — Юра с силой отпихнул его ногой.

Яшка отскочил в сторону, равнодушно пожмурился, посидел и куда-то шмыгнул. А Юра еще несколько раз глубоко затянулся сигаретой, чтобы унять дрожь. Сад напротив стал туманно расплываться. Юра сосредоточился на головокружении и затянулся еще раз. Но тут какой-то звук из дома, из раскрытых дверей, привлек его внимание. Юра прислушался. Опять что-то звякнуло. И Юра догадался:

— Ах, сволочь, на стол забрался... Да я ж тебя!..

И тогда злость прорвалась на свободу. Он хотел тотчас вбежать в дом, чтобы измутузить, испинать мерзкое животное, но что-то холодное удержало его. Он прежде поискал лютыми глазами во дворе, увидел обломок черенка от лопаты, подхватил его и, притворив за собой дверь, задыхаясь от гнева, прокрался на кухню.

Кот, по-воровски поджавший лапы, готовый к прыжку, расположился на столе и, насколько мог, втиснул толстую голову в высокую железную банку с тушенкой. Кончик хвоста его благоговейно шевелился, и на загривке две косточки, две лопатки, бугристо выпирали из-под короткой шерсти. По этим косточкам Юра, размахнувшись дубинкой, и хотел ударить. Но в последнее мгновение кот проворно стронулся вместе с банкой, и дубинка только скользнула по гибкой спине. Промах еще больше взбесил Юру. А кот свергнулся на пол, увлекая за собой банку. Юра мельком заметил: тушенка розоватой мазней разметалась по полу. И еще что-то грохнулось, разбилось. Яшка ошалело сунулся мордой в

угол, и там его настиг страшный удар. Яшка катнулся через спину и, запоздало утробно рыкнув, ломонулся между ног Юры — в дверь и дальше — в прихожую, но, ткнувшись в запертую дверь, дико безысходно завыл.

— Не-е-уй-дешь!.. — хрипел Юра. Вся злость, все неистовство, бешенство, вся жуть последних дней — и даже, может быть, всей его терпеливой испуганной жизни — собрались теперь в этих нескольких мгновениях, и Юру подхватило и поволокло: будто по крутому склону покатился он кубарем. Не понимая ничего мутным разумом, он с придыхом, не разбирая, начал бить кота черенком. И, наверное, убил бы, если б входная дверь не распахнулась. Кот проворно скользнул по веранде, перебирая передними лапами и волоча задние, уже, кажется, ненужным довеском к туловищу, исчез под крыльцом и оттуда тоскливо с дребезжащими звуками завыл еще раз.

А распахнул дверь Толик. Осторожно на цыпочках подходя к дому, он услышал странный шум внутри, но ничего не успел разобрать и распахнул дверь. Рычащий комок метнулся под ноги, Толик отскочил. И увидел учителя Чуракина, пригнувшегося, с короткой дубинкой в руке.

— Юр Василич, — произнес Толик, улыбаясь, чувствуя, что попал в напряженное пространство, что оно, как пустота, уже втягивало и его.

— Ах, Юр Василич? — учитель шагнул ему навстречу. — Да я тебе сейчас, образина ты несчастная! Кыыш отсюда, тварь! Кыыыш!

Толик попятился, ударился плечом о дверной косяк на веранде, проворно крутнулся и, жалобно подвывая, побежал от страшного дома, запинаясь, чуть не падая, часто оглядываясь на учителя, который, наверное, готов был преследовать его.

И Юру отпустило, оборвались дергавшие его веревочки, разъяренная душа осела, обмякла. Он, сам же потрясенный своей выходкой, сошел с крыльца, испуганно отбросил палку, хотел зачем-то выйти за калитку на улицу, с нервностью потоптался, прошел в палисадник, но торопливо вернулся к дому и, нагнувшись, посмотрел под крыльцо.

— Яш, Яш, Яш... — сказал настороженно в темный сырой воздух. Но ничего не увидел и не услышал. Кот, наверное, уполз под дом и, может быть, даже издох там.

Притихший, Юра вернулся домой, запер дверь за собой и долго стоял в прихожей, сжавшись, пытаясь унять дрожь в теле. Особенно сильно тряслись руки, не слушались, и губы прыгали, их будто сводило. И в голове при этом ничего не складывалось, а вертелась карусель из картинок, звуков, стремительных ощущений то холода, то жара.

Он все-таки прошел в комнату, достал трясущимися руками деньги из портфеля и, присев возле шкафчика прямо на пол, рассыпал деньги перед собой и, пораженный внезапной слезливостью, наполнившей глаза, вдруг вспомнил о Марине и Сережке.

— Ничего-ничего-ничего... — зашептал он скороговоркой. — Теперь все будет хорошо-хорошо-хорошо... Теперь все-все-все... Хорошо-хорошо-хорошо...

И он правда стал понемногу успокаиваться, взял в щепоть несколько купюр, слегка подбросил их — купюры с шорохом порхнули на пол.

— Тридцать тысяч... — произнес Юра огромную по его меркам сумму. Потом подбросил деньги еще раз и еще раз произнес: — Тридцать тысяч...

* * *

Ночь он проспал совсем без снов. Его это даже потрясло утром: он проснулся и стал вспоминать, что ни снов, ни ночных побудок у него не было. И такое обстоятельство, вместо того чтобы успокоить, тревогой отозвалось в душе. Он лежал и понимал, что надо бы встать, устремиться в новый день, но, с другой стороны, понимал, что спешить совсем никуда не нужно: словно вот как раз теперь кто-то все уже и решил за него и расставил все на свои места.

Он лениво оделся, вышел на воздух. Не торопясь, обогнул дом и стал с рассеянным видом ждать чего-то, вовсе не отдавая себе отчета в том, что он именно ждет чего-то. И скоро увидел — двух баб, показавшихся из-за выпирающего на дорогу соседнего дома. Они сосредоточенно и быстро шли, почти бежали, по улочке мимо Юры. На ходу поздоровались, и одна приостановилась и, выворачивая к Юре толстую шею и кривя рот, выпалила:

— А вы чего ж глядеть не идете, Юр-Василич? Тольку-кочегара поездом сшибло.

— Кого сшибло? — опешил Юра.

— А вы не знали?.. Так ведь шел по путям, и его вдарило. Он жеть совсем дурак... — возмутилась баба.

— Насмерть?

— А я не знаю... — Бабы торопливо понесли дальше свою рыхлую тяжесть на кукольных ножках.

И Юра как бы удивился и был потрясен услышанным, но сам же почувствовал, что и удивление его, и потрясение внешние, не в глубине родились. Там же, в настоящих потемках души, что-то сжалось от немой тоски и захныкало опустошенно, по-сиротски.

Когда он притащился к старому бревенчатому дому, где гнетущими гундливыми голосами переговаривались люди, машина скорой помощи из районной больницы уже отъехала — Юра издали видел белый микроавтобус, нерасторопно выруливающий на дорогу. Но человек десять не уходили от дома. Мужики попыхивали разнокалиберным куревом, сидя на толстом бревне и повиснув на плетне, а несколько женщин тихонько судачили в сторонке от них. И один мужик, степенный, налитый перезревшим жирком, по фамилии Быков, голосом первооткрывателя, наверное, уже в четвертый или пятый раз рассказывал:

— Я по утрянке вышел — скотину погнал, там-сям. До железки дошел, а он, гляжу, шкандыбает по путям от той стороны. И шатается, будто упился. Ну я думаю, и... с ним... А гляжу, идет поезд. А этому хоть бы хрен. Я

ему: уйди! Уйди! А он идет специально прям и не глядит назад. А там поезд. Я ему: уйди! Уйди! А он хоть бы хны... Его как даст в бок... — Быков замолчал, перевел дух и спокойным тоном заговорил опять: — Помрет, отпевать в церкви нельзя! Прямо самоубийца какой. — Я ему: уйди! Уйди!.. Потом бегу, думаю: все, хана! А он в канаве, глядь — живой! Весь в кровище, как мешок, а живой. Я его на закорючки и сюда притащил. Бабы скорую вызвали... Сам перемазался. Хорошая еще рубаха — хана.

Но он теперь был в чистой одежде, — наверное, успел умыться и переодеться.

— Живого повезли, вон как маялся... Но умрет, — добавил еще один человек и сделал медленный жест рукой, как бы зачеркивая что-то в воздухе.

И еще один мужик тщедушным голосом согласно добавил:

— У армян-беженцев, гляди-ка, парень двадцать три года, помнишь, который в аварию попал? Тоже в больнице помер...

Все замолчали, пуская в воздух клубы дыма. Юра попросил сигарету, закурил. Он словно был заворожен солидным спокойствием мужиков, имеющих каменные лица, под которыми неизвестно что скрывалось. А может быть, скрывалось полное непонимание происшедшего.

— А вы уверены, что он сам вот так?.. — спросил Юра Быкова.

— Чего ж там. Я ему орал, орал.

— Вы же знаете, какой он был. Может, и не было никакого смысла в том, чтобы ему кричать...

Быков пожал плечами.

Глотнув горьковатого дыма и присмотревшись к низкой наполовину приоткрытой двери в дом Толика, Юра заметил, что дверь, сколоченная из толстых крепких досок, снаружи была покрыта мелкими зарубками. Наверное, Толик еще мальчишкой, а может, и не мальчишкой уже, бросал в нее с азартом нож. На порожке при выходе валялся драный резиновый сапог с отрезанным наполовину голенищем. Внутри же, в сумраке сеней, на стене висел большой железный ковш, и еще, видимо, Марфой собранные связки иссохшей пепельной травы свисали вокруг этого ржавого ковша. Все предметы от живших здесь людей еще имели свое место, но Юра подумал, что сами люди уже совсем не чувствуются в доме, коснулось дома омертвение, пусть надуманное, вызванное знанием того, что, вот, последний хозяин дома если еще не погиб, то долго все равно не протянет. Но Юра, наверное, не смог бы войти в эту дверь, даже если пожелал бы: беззвучный страх наполнял его. Он подумал, что так и умирают русские селения — дом за домом. Уходит последний неприкаянный жилец, и наступает омертвение в жилье и на земле вокруг.

До Юры долетали голоса. Один из мужчин говорил:

— Так ты ж слушай, самый анекдот. Стасовский поп объявился. — Юра, обернувшись, увидел, что говорил остроглазый язвительный мужик Климов, еще раньше сказавший, что Толик теперь умрет, и зачеркнувший что-то в воздухе. — В Москве поп был, ни сном ни духом... Так ведь самое, это, никто ничего не грабил. А собрал батюшка старые ико-

ны, погрузил в машину и свез в Москву, к реставратору. А поповна с детишками в санатории, сказать некому. И он, не сказавши никому, сел да поехал. А эта-то, ненормальная которая, не то спала, не то блукала где, приходит, и понеслось. Ограбили! Ограбили!..

— Да уж слыхали, — сказал еще один ленивым голосом.

— Вот тебе и ограбление века, — добавил кто-то с сарказмом.

Юра подошел ближе, вытянув лицо, чувствуя, что задыхается. Он спросил тихо, сипло, проваливающимся голосом:

— И что... это все верно, что вы говорите, церковь никто не грабил?

— Верней не бывает, — ухмыльнулся Климов. — Сам свидетель, видел его вчера вечером возле церкви. И ментов там — сам начальник РОВД. А как же — скандал.

— Еще вчера вечером?.. — пробормотал Юра. — Понятно.

Пошатываясь, он отошел в сторону и о плетень, о срез сухого потрескавшегося столбика, стал давить короткий окурок, пальцами прижимая огонек, чувствуя, как прожигает кожу, но не отдергивая руку...

* * *

Одноэтажный районный городишко прикрылся от дождя шиферными крышами, будто неподвижная толпа собралась под квадратными зонтами на пологом холме у подножия высокой колокольни и внимала чьим-то увещеваниям. Эта облезлая колокольня и два пятиэтажных панельных дома на отшибе выпирали из одноэтажной приземистости. Дождь набирал силу, и когда Юра приехал к больнице на велосипеде, тонкий спортивный костюм его вымок насквозь, отяжелел и неприятно облепил тело. Юру знобило.

Он долго отряхивался, теребил волосы, шмыгал кедами о постеленную при входе тряпку. Еще на пороге его разбирали сомнения: стоило или не стоило идти дальше, — он еще боролся со страхом, но лишь только он открыл застекленную дверь и втянул носом напитанный хлором и лекарствами воздух, как больничка затянула его в себя.

В вестибюле слонялись несколько женщин и мужчин, одетых по-домашнему — в халаты и спортивные костюмы. Они с молчаливым любопытством стали смотреть на пришедшего, который неуверенно топтался у двери, а потом с опаской двинулся через кафельный вестибюль в гулкий коридор и остановился, всматриваясь в полутемное пространство. Но потом они равнодушно отвернулись от него, вновь заговорили между собой, и Юра услышал навязчиво громкие озабоченные слова пожилой женщины в модном спортивном костюме из красной и черной ткани:

— Алексей Матвеич посоветовал мне на операцию не ложиться: у меня гипертония тяжелой степени и цикличная аритмия. А сердце при таких болезнях может плохо отреагировать на анестезию. Усыпят, и я не проснусь совсем... — Женщина засмеялась. — Я на перепутье: отдаться под нож или как-нибудь так, до будущего хорошего времени...

Юра из вестибюля попал в длинный полутемный коридор, который уходил налево, и в конце его виднелось побеленное окно с решеткой. Здесь никого не было. Юра пошел по коридору, осторожно ступая попискивающими мокрыми кедами на пестрый линолеум и прислушиваясь к ровному зудящему звуку, который распространялся не видимым Юре электрическим прибором. Звук этот, похожий на гудение пчелиного роя, то нарастал, то опадал, будто дверь, за которой скрывался его источник, приоткрывали и закрывали.

Но вот одна из дверей в коридоре открылась, вышла стремительная низенькая и толстенькая старая женщина в белом халате. Юра замер в испуге, но санитарка не обратила на него внимания, а, глядя мимо, позвала, чем-то удрученная, досадливо покачивая толстенькой головой в маленькой косынке:

— Марина! Марина!

Юра вздрогнул, услышав имя жены. За спиной зацокало, еле уловимо хохотнуло, и мимо прошла высокая женщина — тоже в белом. Юра успел заметить свежее, молодое лицо с большими озорными глазами и губы ее — аккуратно подведенные поблескивающей помадой, едва приоткрытые. Обе женщины скрылись за дверью, плотно прикрыли ее за собой. Юра остановился возле этой двери, имеющей на фанерном ромбике номер одиннадцать, и, пытаясь сдержать возбужденное дыхание, прикоснулся к ней. Он не решался постучать, потому что внутри кто-то заговорил резким мужским голосом. Но разобрать отдельных слов было нельзя: мешал беспрерывный зудящий звук, наполняющий коридор. Юра отошел, потоптался и вновь приблизился к одиннадцатому кабинету. Теперь оттуда слышался женский смех, а потом опять недовольное мужское бормотание. Наконец дверь раскрылась, толстая старая санитарка, чуть не налетев на Юру, вразвалочку, но стремительно покатилась по коридору:

— На процедуры!.. На процедуры!.. — И стала пихать коротенькой толстенькой рукой все двери с правой стороны. Потоки света из палат ворвались в коридор.

— Простите, — Юра поспешил за ней. — К вам сегодня должен был поступить из Осиновки... его сбил поезд...

— Ась, милый? — санитарка приостановилась.

— К вам сегодня поступил из Осиновки...

Она обозрела Юру странными веселыми глазами, будто жила еще недавним разговором, и, совсем ничего не сказав, вновь покатилась по коридору:

— На процедуры!..

— Да что же вы?..

Санитарка толкнула какую-то дверь, ввалилась туда. Юра поспешил за ней, но на входе остановился. В палате на одной из кроватей среди желтого мятого белья сидела совершенно голая женщина с растрепанными седыми космами. И она — кожа ее — была такая же желтая, как белье. Женщина беспомощно ссутулилась, руки лежали обок тела, дряб-

лые морщинистые груди и вздутый живот массивно наползали на толстые ляжки. Женщина не заметила появившегося в дверях мужчину, а так и смотрела перед собой. Юра несколько секунд онемело взирал на нее, развернулся, вышел из палаты.

Коридор заполнялся людьми, медленно шествовавшими в сторону вестибюля и дальше — в противоположное крыло, где, наверное, и были оповещенные «процедуры».

— Простите, вы не знаете?.. К вам сегодня поступил после аварии...

— Нет-нет...

— Не знаю, братан...

Стало шумно, во втором крыле выстраивалась очередь. И Юра побрел дальше по коридору. Возле замазанного побелкой и зарешеченного высокого окна остановился и стал рассматривать белые узоры, оставшиеся на стекле от небрежной кисти. Здесь, в конце крыла, заметил маленькую дверь без надписей. Толкнул ее пальцами. Дверь легко подалась, медленно пошла внутрь, в темное кафельное помещение без окон. Юра вошел, по какому-то наитию нащупал справа выключатель. Под потолком загудело, дневная лампа, раздраженно мигая, кое-как разгорелась трескучим ртутным светом, обнажая словно изнанку больнички, ее нутро: старые ржавые ведра горкой — друг в дружке, сломанные швабры в углу, гора какого-то барахла или ветоши и целый штабель носилок с рваным и разлохмаченным брезентом. Толик лежал среди хлама в углу. Он лежал на матрасе, и сверху на него тоже положили казенный полосатый матрас, и матрас был весь в темных пятнах, словно суриком прокрашен. Из-под него высовывалось маленькое тощенькое лицо, неподвижное и белое. Юра потрогал матрас: этот старый сурик, пропитавший ткань, делал ее твердой, как картон. Толик открыл глаза, посмотрел на Юру и тихо, почти шепотом, сказал:

— Ты сегодня не уходи от меня, мне сегодня одному никак нельзя...

— А я специально приехал и никуда не уйду, — ответил Юра. Он постоял над Толиком, но потом взял оцинкованное ведро, перевернул вверх донышком и сел на него.

— Дом заперли?..

— Заперли, — соврал Юра. — Я сам запер, а ключ Вале отдал.

— Она присмотрит. — Толик согласно моргнул и опять закрыл глаза. И проговорил еще, уже не открывая их: — А если ты со мной не сможешь долго и уйдешь?

— Отчего же не смогу... Смогу... Сколько нужно, столько и смогу... Я даже всю ночь смогу.

Толик затих, но что-то неутешное бродило в нем, подрагивало на лице, на веках. И Юра опять заговорил:

— Я вот так буду сидеть с тобой рядом и все время разговаривать с тобой буду, а ты, когда уже не сможешь говорить, будешь мне показывать глазами, приоткрывать их, что слышишь. — Он помолчал, чувствуя, как упорно, гулко и оттого тошно стучит в его собственной груди. — А когда ты уже не сможешь слышать, то я все равно не уйду. Я тогда возьму

твою руку — вот так — и буду иногда пожимать ее... И ты все еще будешь знать, что я здесь...

— А ты не испугаешься?

— Нет, я уже не испугаюсь... Когда-то испугался бы и убежал, а теперь нет. Я вдруг вспомнил, что я человек. Не крыса, не обезьяна, не собака, а человек. А как только я вспомнил это, так сразу все стало на свои места.

— Да, ты больше не бойся, Юр Василич, тогда у тебя все будет хорошо.

— А ты простишь меня? — сказал Юра тихо.

— За что же мне тебя прощать, я сам виноват...

— Есть за что... — Он подумал и добавил: — За то, что ты был послан мне для искупления, а я не сумел увидеть этого, испугался всего на свете и предал тебя.

— Я тебя прощаю, Юрий Василич... — промолвил Толик сухими губами и прикрыл глаза. — И Бог тебя простит... У тебя все будет хорошо, ты все поправишь...

Они замолчали на время, которое, кажется, давно утратило свою абстрактность и перешло в мир осязаемого. Время стало подобно затяжному холодному дождю, или тяжкой болезни, или надсадному собачьему вою...

* * *

Ночью Юра возвращался домой пешком. Велосипед, оставленный у больничных дверей, украли. Но Юра не думал об этом. Ливень накрыл городок, тарабанил по крышам, по окнам и собирался в потоки, которые неслись вдоль проезжей части. Два тусклых фонаря стояли на улице городка — один внизу, у пригорка, другой — наверху, и вода тускло взблескивала желтыми искорками — падающая, пузырящаяся на асфальте, несущаяся в канавах. Ступая слабыми ногами, Юра чувствовал тупую болезненность в груди, и было томительное ощущение, что он забыл что-то важное — досказать или сделать. Томило, может быть, даже не столько это забытое дело, сколько невозможность вспомнить, что же именно забыл.

Вдруг все озарилось голубоватым пронзительным светом: близко сверкнула молния, — и тут же оглушительно лопнул гром. Юра провел рукой по голове, по лицу, сгоняя воду, глаза заливало. Но ливень был теплый, или Юра просто не чувствовал его, утратив ощущение холода. Он дошел до окраины, вышел из городка. И, все больше удаляясь от жилья, погружался в тьму, в сплошную дождливую массу, почти наугад шлепал по лужам, пытаясь догадаться, что это светится впереди: блеклая пенистая полоса асфальта, или уже что-то примерещилось ему, а идет он вовсе не по дороге, а по странной залитой водой плоскости, раздавшейся во все стороны мира. Но опять сверкнула молния, выхватывая из тьмы ровную асфальтовую полосу и несколько неподвижных деревьев справа. Ударил гром. А потом сверкнуло и разнесло гром еще несколько раз.

Но пришло мгновение, и ливень внезапно иссяк, на землю падали уже только редкие запоздалые капли. Гроза отодвинулась. А потом дождь вовсе стих, но все живое пропустило его окончание и некоторое время продолжало таиться. Тишина и тьма еще плотнее обступили Юру, спрессовались. Он шлепал по мокрому асфальту и ничего, кроме своих мокрых чавкающих шагов и собственного надсадного дыхания, не слышал в темноте.

В груди стало болеть особенно нестерпимо. Юра остановился, а потом присел на корточки, угнувшись, пережидая боль и слабость. Он к самому лицо поднес ладони, пытаясь увидеть их во тьме, повернул тыльной стороной к глазам и опять внутренней, но ничего не видел, кроме двух совсем неясных пятен. Он сказал в растерянности:

— Кто же я?.. Кто я? — И вдруг чуть не заплакал: — Ответит мне кто-нибудь?.. Да хоть кто-нибудь ответит мне?

Боль стиснула грудь так, что он замолчал, почти задохнулся. Правую ладонь он положил на грудь, а левую опустил на мокрый асфальт, но некоторое время совсем ничего не чувствовал левой рукой. И лишь потом в ладонь из земли стал подниматься холодок и потек выше — в плечо — и постепенно заполнил Юру целиком, заливая горячую боль в груди.

Тогда он распрямился, разом, всем телом, чувствуя прохладу и легкость, наполнившие его, и вновь зашагал по фосфоресцирующим чавкающим лужам. Он почувствовал, что теперь, в эти минуты, происходит что-то необычное не столько в окружающем мире, сколько в нем самом. Он не смог с этим сразу разобраться и шел еще некоторое время, как вдруг в сознании всплыло: он совершенно не боялся окружающей тьмы. Ночь густо окутывала его, а он, с самого раннего детства, с тех первых минут, когда осознал себя, и дожив до седин, всю жизнь трясущийся перед тьмой, теперь не боялся тьмы и не боялся своего одиночества посреди огромной слепой ночи.

Он остановился, потрясенный своим открытием, осмотрелся по сторонам, но почти ничего не различил в потемках — только слабые силуэты деревьев слева и проблески мокрого асфальта впереди.

Страха не было.

Он пошел дальше, хмыкая и приговаривая:

— Ничего себе, — удивленный скорее даже не своим внезапным открытием, а тем, что сорок с лишним лет не видел простого: ночь не страшна.

У него вдруг возникла иллюзия, что дорога стала забирать круто вверх, но он совсем не ощущал тяжести подъема, тело наливалось удивительной бодростью, шаг сделался шире, и, одолевая крутизну, он вдруг стал замечать, что светящееся асфальтовое полотно словно отрывается от земли и поднимается все выше, пока наконец не достигло верхушек придорожных деревьев, похожих из-за ночи на бесформенные силуэты огромных дремлющих животных. Юра ступал шаг за шагом, слабо сияющее полотно дороги вздымалось, и скоро деревья слились с земными потемками где-то внизу. И тогда внизу и чуть в стороне открылась и

засветлела речная лента, вьющаяся до горизонта, где тьма земли уже отделилась от тьмы небес. Несколько огоньков на берегу реки еще можно было различить с высоты, на которой оказался Юра. «Что же это такое мне мерещится?!» — с радостью думал он. И он шел и шел, не останавливаясь, как вдруг что-то прервало тишину. Юрина душа замерла на мгновение. Первая очнувшаяся птица уронила слабый посвист в бездну, и Юра понял, что еще не видимые глазом лучи уже просочились в ночь. Тьма исподволь начала таять в летнем рассвете. Мир просыпался, словно кто-то огромный и медлительный поднимал лицо от ночного ложа, чтобы взглянуть сияющим оком на обнаженную землю, на петляющую реку, на очарованную человеческую душу, бредущую в неведомые дали.

Ирина ШУБИНА

ПОПЫТКИ К БЕГСТВУ

Мост

I

Ну вот, я и сожгла мой первый мост,
И пепел в волосах моих белеет.
Я ни о чем как будто не жалею,
Все кончилось, а может, началось.

Что ждет меня — довольство и покой,
Дорога в ад или ключи от рая?
Мой первый мост бесшумно догорает,
А я гляжу на берег за рекой.

II

Я ступила на берег и мост за собою сожгла,
А потом ужаснулась, вокруг ощутив пустоту,
И, не думая, в воду шагнула и кинулась вплавь
В том же месте, где спичку вчера подносила к мосту.

И теченье уносит меня от остатков моста,
Я же плаваю плохо, и если удастся доплыть —
Будет берег другой, мне вовек не вернуться туда,
Где вчерашние теплятся угли под слоем золы.

Ирина ШУБИНА — родилась в Москве. Окончила Московский электротехнический институт связи, ныне МТУСИ, затем Факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ и Московский государственный лингвистический университет. Работает в компании «Тоталь». Переводила с английского Роджера Желязны и Роберта Асприна, с итальянского — Примо Леви, несколько стихотворений и переводов напечатаны в журнале «Химия и жизнь». В литературно-художественном издании публикуется впервые. Живет в Москве.

Сонет самаритянки

И тот, которого ныне имеешь, не муж тебе...
Ин 4:18

А тот, с кем ты живешь, тебе не муж...
Да, Господи, ты прав, но что поделать,
Когда он мил и сердцу, и уму
И с сердцем и умом согласно тело?

Законным женам, с сердцем опустелым
Влачащим опостылевший хомут,
Пристало осуждать, но не приму
Ни их суда, ни горького удела.

О Господи, во сне ли, наяву
Войди в мой дом, взгляни, как я живу,
Как дней моих вода на камни льется.

Ты знаешь все, ты будешь нас судить,
Но воду, что тебе дала испить,
Я для него достала из колодца.

Переводы с арканарского

I

...в торговой республике Соан, давно уже пустившей все свои леса на корабли...
А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом

Еще не все леса пошли на корабли,
И не на всех дорогах устроены засады,
И можно, слава богу, рискнуть бежать из ада
Куда глядят глаза — за море, за пролив.

От плахи и петли, от пламени костра
Бежать в чужие страны, где нынче поспокойней,
Не сыпать соль на раны, зажить в ладу с законом,
И день, как чистый лист, откроется с утра.

Нам нечего терять, ведь лучших больше нет,
Немногие бежали, а прочие боятся,
Нет ничего, с чем жалко нам было бы расстаться —
Посвюду кровь и грязь, и города в огне.

Но как покинуть мир, летящий под откос?
Но как покинуть братьев, не ведающих света?
Кто сможет разобраться и подсказать ответы?
Как трудно быть людьми, — а впрочем, кем легко?

Весь мир кругом в огне, как будто в судный день,
Уже полна до края пред нами чаша бедствий,
Но пусть не ожидают от нас попытки к бегству:
Там лучше, где нас нет, но наше место здесь.

Проклятый наш глагол еще звучит в душе
Сильней, чем осторожность, сильнее, чем усталость,
Хотя, вполне возможно, нам только и осталось
Еще одной строкой пополнить список жертв.

II

Есть преступники, желавшие странного.
А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству

С изначальной поры в бесконечных мирах
Господа и рабы очень схожи в желаниях,
Если ж волей судьбы кто потянется к странному —
Выйдет вон из игры и долой со двора.

И приходится жить в ожиданьи чудес,
И сигнала трубы, и призыва к оружию,
И стараться не быть до поры обнаруженным,
И на лица чужие бесстрастно глядеть.

Чтоб никто не узнал за спокойным лицом
О бесчисленных «но», о тревожных сомнениях,
Что труба под окном — не сигнал к выступлению,
А всего лишь сигнал, что замкнулось кольцо.

То проклятье и дар, от него не уйти,
И в желаньях других не находим мы радости,
Тянут книзу долги и привычные слабости,
Но ведет нас звезда там, где нету пути.

Что-то с нами не так — мы на муку свою
Как святыню храним и лелеем проклятие.
Не расстаться нам с ним и вовек не сменять его
Ни на желтый металл, ни на место в раю.

И в одежке любой мы своих узнаем,
По проклятью друзей выделяя меж встречными,
Хоть мы с виду как все, и пока не отмечены
Мы ни желтой звездой, ни бубновым тузом.

И в домашнем плену нам велела судьба
Ждать, когда трубачи заиграют под окнами,
И молиться в ночи за проклятых и проклятых,
Неизвестно к кому причисляя себя.

* * *

Нам пора, нам луна
Осветила пути, что уносят
В Нуменор, в Арканар,
В Зазеркалье, Заморье, Замостье.

Что за срок на дворе,
Отчего так душа холодеет?
Ведь в Париже апрель,
И нисан настает в Иудее.

Торопись, торопись,
По ступенькам, по каменным плитам,
Ты слыхал — по степи
Вдалеке простучали копыта,

И шумят поезда,
И тревожны ночные вокзалы,
И восходит звезда, —
Посмотри, разве этого мало?

Что печаль нам и боль,
Если сорваны с мира покровы,
Если назван пароль
И заветное сказано слово,

Не касаясь травы,
Ждут нас кони нездешней породы,
Но я знаю, увы, —
Ты оглянешься перед уходом.

И вокруг никого,
Никого, ни посланца, ни друга,
Только над головой
Темнота нависает упруго,

И дорога твоя
Холодна и пуста, как обычно,
Ну а «мы» вместо «я» —
Это просто дурная привычка.

И колечко в руках —
Современной фабричной работы,
И сигнал «Маяка»
Возвестит наступленье субботы.

Возвращайся. Прощай.
Вот твой город, вот твой переулок.
Ты зачем по ночам
Просыпался от крика назгула?

Валерий ШЕЙМОВИЧ

АЛИМ

Повесть

...Крови еще будет.
М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Они, наверное, думали, что я умный, а если и не очень умный, то, наверняка, догадливый. И когда я спрашивал, как твой брат, — а брат был здоровенный мужчина, красивый, могучий, в черных густейших усах, — как твой брат сломал ногу, он отвечал мне: «Он с дерева упал и сломал ногу», — и я верил, что брат с дерева упал и поэтому сломал ногу.

Кажется, этого достаточно, чтобы понять степень моей догадливости. Однако они думали, что я умный и догадливый, и ничего мне не поясняли и не объясняли. Но если бы я был таковым, то в 1985 году я бы сразу понял, что его брат получил пулю в ногу, а через эту пулю догадался бы, что Карабах не просто так оканчивается на «бах», а там, где «бах», там и «бах-бах-бах». И это «бах-бах-бах» началось задолго до того, что потом назвали «Карабах». Но они так и не догадались о моей простоте, которая, по мнению некоторых и моему тоже, хуже воровства.

Все-таки кое о чем я догадывался и спрашивал «почему?», но по другим поводам.

Если бы не друзья и знакомые, то осенний ноябрьский Азербайджан с теплой мягкой погодой, плавными очертаниями предгорий, поросшими только что начавшими желтеть лесами, с никуда не спешащими горожанами, которые сидели в чайханах среди бела дня, с его обильными доброжелательными застольями, с целующимися при встрече мужчинами предстал бы передо мной как сытая и довольная собой страна благополучия, как блаженное теплое солнце, переливающее на невысоких ленивых волнах зеленоватое море. Но вот меня встретили Марк и Натаван, свели меня со своими знакомыми и друзьями, которые начали узнавать меня и, почувствовав ко мне доверие, стали делиться своими горестями и заботами. И чем дольше я жил здесь и слушал людей, тем менее благополучной казалась эта страна. Я начал пристальнее всматриваться в это зеленое, слабо вспучивающееся благополучное море бытия. Мое зрение становилось все острее и острее, и вот на поблескивающей морской поверхности я начал различать поднятые в призыве о помощи руки,

---

Валерий ШЕЙМОВИЧ — родился в 1937 г. в Москве. Окончил Московский геолого-разведочный институт. Почти всю жизнь работал и жил на Камчатке. Автор восьми книг прозы. Публиковался в журналах «Дружба народов» и «Огонек». Живет в Москве.

выныривающие с молящим призывом в раззявленных ртах человеческие головы. Уши мои ловили эти клики. Их становилось все больше и больше, пока они наконец не слились в сплошной гул, который я принимал раньше за слабый плеск морского прибоя.

А как легко начинались в 70-е годы мои поездки в эту республику, куда я приезжал в отпуск, чтобы побыть с Марком!..

Но однажды Марка (он гидролог) послали в командировку в отдаленный район, горную глубинку республики, провести рекогносцировку местности под строительство консервной фабрики. И он взял меня с собой. Мы остановились у его старых знакомых: Вязира и Фатимы. Но хозяевам было не до нас. За неделю до нашего приезда к ним на постой поставили двух коров из колхозного стада. Это было решение районного начальства — раздать коров, чтобы спасти стадо от бескормицы. Здорово и бесплатно: ведь ни кормов, ни денег на их приобретение колхозникам не выдавали. А попробуй не сохранить коров к весне!

Насилие, насилие и еще раз насилие. Вязир рассказывал с горечью: вот так же дали на прокорм шелкопряда, чтобы потом сдать коконы. «А ты знаешь, сколько стоит грузовик тутовых листьев? Ты скажи там в Москве...»

Но как сказать и кому? Но как сказать, что дети учатся три месяца из девяти, а остальное время проводят на колхозных полях? А детей у Вязира и Фатимы трое. Старшей скоро поступать в институт. Но ведь она недоучка. Нужны деньги на взятку приемной комиссии. А как их накопить, когда кормишь то шелкопряда, то колхозных коров?

Вскоре Марка пригласили на колхозное собрание. Приглашение исходило от первого секретаря райкома, фактического хозяина и владетельного князя района, и нельзя было никак отказаться, если иметь в виду строительство фабрики. На собрании стоял один вопрос: перевыборы председателя колхоза. Видимо, хотели дать Марку показательный урок на будущее. Пусть знает, с какими решительными людьми он столкнется при строительстве фабрики.

Собрание происходило на открытом воздухе, на скамейках возле правления. Докладывал первый секретарь Расулов. Он же и вел собрание. Говорил, что председатель колхоза не справляется. Поэтому его надо заменить. И он похлопал по плечу молодого человека, который справится.

— Прошу выступать по данному вопросу.

Наступило молчание. Наконец кто-то потянул руку. Ему милостиво дали слово. Встал звеньевой, пожилой заросший сивым волосом мужик.

— Я скажу так. За два года у нас сменили три председателя. И все три умерли. Этот будет четвертый...

Марк говорил, что это правда. Все снятые председатели поумирали от инфарктов.

От слов звеньевого Расулов задохнулся, покрылся красными пятнами и чуть не лопнул. С первой скамьи без приказа поднялось все начальство. Когда оцепенение прошло, Расулов разразился площадной бранью:

— Этот негодяй, подлец, сволочь не понимает текущего политического момента. Милиция! Немедленно послать следователя и проверить его дела. Прокурор, разобраться и осудить! У кого еще будут вопросы и предложения?!

Собрание безмолвствовало. Самое удивительное, что это произошло на самом деле. Но были вещи и почище. Вязир — добрый и мудрый хозяин своего дома — с гордостью показал мне как-то награду за трудовые успехи — дешевую перьевую авторучку. Он сказал, что ее ему вручил сам Расулов. Он сделал для этой вещицы пенал со стеклянной крышкой, и эта вещь украшает столик в спальне.

— Мой народ черный. Очень черный. Черный как сажа. (Мне, правда, так не показалось, но кому, как не ему, знать свой народ, и я не спорил с ним.) Он не знает, что он наследник великой культуры, — говорил мне черноволосый, чернобровый Алим, широко раскрывая на меня свои черные глаза и округляя свой красногубый рот. — Ты понимаешь, мой народ непросвещенный. Везде феодальные порядки и никакого просвещения народа. Никакой свободы и демократии. О какой свободе можно говорить, когда каждый гражданский и партийный чиновник имеет военный чин, а? — Эти его слова как бы оправдывали и черные дела, в которых я мог бы обвинить его любимый народ. Однако я ни в чем никого не обвинял. Ресторанный столик, уставленный яствами, не место для обвинений. Опровергая это мое ленивое мнение, два собутыльника, которых я не мог видеть, потому что они сидели за моей спиной, за столиком у стены, кончили громкий разговор, в котором слышались взаимные обвинения, раздался шум, в результате которого получился стеклобой, и в тишине стали слышны удары кулаком по сырому тугому тесту: чмок, чмок и еще раз чмок.

Мною овладел стыд за наследников высокой культуры, и он не дал мне обернуться и посмотреть, что там за дела. Но когда шум прекратился, мимо нас прошел к выходу энергичный молодой человек в усиках и в костюме-тройке в мелкую коричневую клетку. Он быстро шел, глядя на черные лакированные туфли, а навстречу ему к столику спешил официант.

Я уже не мог ни есть и ни пить. Мой знакомый, который позже стал моим Алимом, не принадлежал к категории богатых бакинцев, а состоял научным сотрудником национальной Академии, работая там в отделе древних рукописей. Я не думаю, что у кандидата наук была высокая зарплата. И вот он повел меня в дорогой экзотический ресторан, в подвалы Караван-Сарая, «сделал стол» из уважения к другу своего друга, а этот друг друга, то есть я, сидит, как объевшийся хомяк, и молчит. Он рассчитался с официантом, мы поднялись из-за стола, а на столе осталась недопитая дивная шестидесятиградусная водка в бутылке с черной этикеткой, кебаб из баранины, кебаб из осетрины и еще черт знает какие, но очень вкусные блюда, какие сейчас и во сне мне не могут присниться.

Вообще-то я приезжал в Баку вовсе не с исследовательскими целями. Не с целью, например, познать культуру незнакомого мне народа или географию края, а просто повидать Марка и его жену Натаван, по которым я успевал соскучиться за год разлуки. Я их любил, а Натаван (она преподавала в Бакинском университете) даже называл Натаван-баджи или даже и просто баджи — сестра. За этот год я успевал забыть, что меня опять будут перекармливать фруктами, долмой, кебабом, прочей экзотикой из рыбы и мяса. Меня будут поить вином, айраном, чаем и снова кормить орехами, медом, и все я буду заедать вкуснейшими травами, которые я не умею переваривать, от которых меня будет раздувать до того, что я не смогу вздохнуть полной грудью. Я забывал, что меня будут знакомить со знакомыми и друзьями моих дорогих друзей, и от постоянного пережора я превращусь в сущее чудовище, стану мизантропом, аутистом, если можно так сказать, желающим остаться наедине только с Марком и Натаван. Я про все это забывал, но это каждый год повторялось. Я попадал в плен обстоятельств, меня оплетали путами традиций и обычаев, я пытался сопротивляться, брыкался, рвался, но объевшийся и опившийся изнемогал в объятиях моих друзей. Однако эти встречи не проходили совсем уж впустую не только для меня, но и для них. Они чего-то стоили. Я встречал красивых женщин, среди них попадались и умные, но были и такие наивные, каких я раньше не видел. Передо мной обнажали нити тайных интриг. Я знакомился с бакинской интеллигенцией, и мне нравилось, что эти умные люди уважают моих друзей. Я потихоньку познавал Восток. Люди здесь, на Кавказе, были хорошие добрые люди, обычные люди, среди которых я привык жить. Они совершенно отличались от тех, на которых я с удивлением и оторопью вглядывался на рынках Москвы и других городов России.

Существовал еще один момент моего бакинского бытия. Там в России, вспоминая своих друзей, я видел себя бегущим по желтому горному увалу, длинному, как хребет верблюда и такому же бурому. Меня овевал теплый южный ветер с ароматом помойки и увядающих трав дикой степи. Это нагорье, которое я открыл для длинных пробежек, спасавших меня от обжорства, было моим, было моей землей. Я бегал здесь по часу и больше — бегал по прекрасной земле, которая служила Баку свалкой. Я открыл эту землю с энтузиазмом мореплавателя.

Мы жили в Баку в поселке Мусабекова, на самой окраине большого города. За нашими кварталами в низине лепились хибары местного Шанхая, окруженные огородами, а дальше, если перелезть через ограды из ржавых листов железа и колючей проволоки, перейти через вонючий теплый ручей и подняться по пологому склону, можно было попасть на плоскогорье, усыпанное отходами жизнедеятельности города. Здесь на желтые песчаники, едва прикрытые зелеными пятнами жесткой травы и солончаковой глины, подъезжавшие то и дело самосвалы сыпали мусор. То тут, то там виднелись мятые кузова автомобилей, кучи строительной щебенки. Свалка сверкала битым оконным стеклом. Донышки бутылок посылали мне в глаза усиленные отражения солнца...

И я часами бегал среди этого великолепия под блеклым осенним небом. Вдали виделись медленно передвигающиеся пятна овечьих отар со своими собаками и пастухами, зеркально сверкали неведомые мне водные глади, слева или справа, в зависимости от того, куда я бегу, расстилался таинственный город. И каждый год меня, как магнитом, тянуло сюда. Я понял причину этого притяжения позже, побывав в Иудейских горах. Меня привлекал древний полупустынный пейзаж. Видно, он пробуждал в моей крови воспоминание о неведомом мне прошлом. Наверное, давным-давно мои предки жили в каменистых горных пустынях. Поэтому-то я и считал эту землю родственной, но об этом молчал, чтобы не пробудить у моих хозяев чувство ревности. Так или иначе, но моя душа зацепилась за эту землю и не хотела с ней расставаться. Надо сказать, что чем дольше я бежал, тем легче дышалось после вчерашнего пережора, и какой-то смысл появлялся в моем существовании...

В общем, я был гостем и настоящих прав не имел.

На другой день после похода в Караван-Сарай я покидал Баку. Утром Алим вызвался проводить меня. Я не возражал, хотя меня уже провожал Марк и я не люблю многолюдных проводов.

Мы ехали в такси и молчали. Молчание давило меня, и это тягостное чувство исходило от Алима. Наконец он лопнул, разразившись тирадой:

— Ну почему ты за эти часы, что мы вместе, был так безразличен, — его черные глаза уперлись в мое лицо.

— К чему безразличен? — всполошился я, чувствуя, что меня обвиняют.

— Ко мне, к нему, — он темпераментно ткнул в сторону Марка, — к ним, — и он показал на прохожих.

Я не знал, что сказать, но чувствовал, что обижены на меня всерьез.

— Ты только глядишь на нас, а что думаешь? Что чувствуешь? Ты не ругаешь нас. Я не услышал от тебя, что мы болваны, дикари, убийцы... Ты что, так сильно презираешь нас, что и дураками назвать не можешь?

Он ломился в открытую дверь, и я не стал помогать ему. Я с удивлением смотрел на недоброе, возбужденное лицо с воспаленными глазами, и первое, что мне пришло в голову, это мысль, что ему надо опохмелиться после вчерашнего. Все-таки мы выпили этой шестидесятиградусной, и кто знает, какова его доза? Может быть, мы там на севере более привыкши.

И что он хочет от меня? Я вообще-то приехал в семью Марка, и больше никуда. Захотели видеть меня, узнать меня — ваше дело, и, пожалуйста, без претензий. Вот оно, восточно-кавказское гостеприимство! Оно делает гостя объевшимся господином, но своим временем и собой он не распоряжается. И вот, пожалуйста, — я безразличный человек. А я не безразличный.

Мы познакомились с Алимом всего за неделю перед моим отлетом. Марк почему-то решил, что меня надо познакомить еще с одним из его

многочисленных знакомых, а Натаван предупредила, что это хороший человек, ее и Марка друг. Она знает его по университету. Он историк. Лет шесть-семь тому назад его посадили за пропаганду националистических идей. И кругом, конечно, все испугались. Но вот Марк все три года отсидки носил ему передачи и общался с ним. Сейчас времена изменились... Но теперь он работает не в университете.

И вот мы с Марком доехали на метро до 26 народных комиссаров и быстро дошли до здания с плоским серым фасадом, похожим на пештак азиатского медресе. Под высокими потолками гулко раздавались наши шаги. Мы вошли в большой прохладный кабинет. Лишь за одним из столов гнулся над листом бумаги друг моего друга.

Он поднялся со стула и улыбнулся. Улыбка получилась смущенной. Открылись крупные белые зубы, блеснули в дневном свете круглые глаза. Роста он оказался выше среднего, довольно узок в плечах. Обращали на себя внимание длиннопалые нервные кисти рук, которые он прижимал к груди, говоря какие-то вежливые слова. Но больше всего привлекало его лицо с высоким лбом, на который не набегал мысик волос. Черные волосы клубились над головой, придавая ей правильную форму, вроде шара, раздвоенного по диаметру прибором. Мне сразу вспомнилась кудрявая голова Анджелы Девис — темнокожей американской коммунистки, от которой мы когда-то призывали американских реакционеров убрать руки прочь.

Улыбка хоть и сияла жемчугами, однако казалась сдержанной из-за пристального вглядывания. Потом жемчуга скрывались под слегка собранными в пончик красными губами, и лицо принимало слегка смущенное выражение. Похоже, что это было лицо мыслящего человека.

Черты лица казались необычными. Нос прямой, как у финикийцев, разрез глаз скорее округленный, и этот высокий лоб при высоких дугах бровей. При удлиненном овале и слегка раздвоенном подбородке эти черты создавали эффект неопределенности, заставляли всматриваться в лицо, искать узнаваемые черты кавказского жителя. Приклеивать под нос полоску черных усов, что ли.

Мне встречались такие «непохожие» лица, в которых национальные кавказские черты были как бы размыты. Поллад Бюльбюль-оглы, Муслим Магомаев, Хаджи-Мурат на иллюстрациях Бенуа к книге Толстого. Однако я сознавал, как обманчиво и мимолетно мое впечатление. Запусти они бороду и усы, нахлобучь папаху или намотай чалму, вот и готов абрек или воин Аллаха. Такие превращения продемонстрировал все тот же Поллад сначала в знаменитом фильме, а потом и в жизни, став восточным министром. А потом такой фокус показывал Шамиль Басаев, который в шляпе при галстуке и без бороды выглядел вполне мирным евреем... Но я сейчас говорю о более ранних временах, когда Басаева и в помине не было.

Марк представил меня, Алим вывел нас из кабинета, и мы пошли по залу мимо коричневых витрин, под стеклами которых лежали толстые рукописные книги. Их страницы, покрытые строками арабской вязи,

представляли собой не что иное, как остывшие кирпичи некогда раскаленных каминов знания, разогретых страстями человеческими. Такую заумь я выдал от скуки, свалившейся на меня от этой старины. Книги под желтым неживым электрическим светом чернели черными строчками на потемневших страницах с изъеденными краями.

Мы шли мимо витрин, и Алим скупо ронял цифры, означавшие годы создания памятников. Чаще всего тысячелетие назад или около того. Я вспоминал, что тогда Русь еще не была крещена и только что появилась кириллица, и с уважением переводил взгляд с экспонатов на нашего гида. Однако вскоре, как это со мной бывает в музеях, жидкий свинец налился в мои лобные пазухи куда-то выше бровей, ноги отяжелели, и я подумал, что на фиг мне эта музыка. И я прервал бы нашу экскурсию, как вдруг мой взгляд, который гулял сам по себе по скучным и однообразным для невежды экспонатам в поисках чего-нибудь веселенького, наткнулся на нечто вроде бы знакомое.

Всмотревшись как следует, я увидел сферу, пересеченную знакомыми линиями и плоскостями. Красные чернила не выцвели. Я еще немного напрягся и тут же узнал рисунки из своего учебника не то школьного, не то студенческого времени, вспомнил портрет математика Лобачевского, серьезно взглядывающего через очки из Казани в наше время из своего начала девятнадцатого века.

Я закричал: «Как так?! А Лобачевский? Что это такое?!» Слишком громко закричал для этого тихого помещения. Я очень несдержан. А друг Марка казался, напротив, чрезвычайно сдержанным, тактичным и вежливым. Он не позволил себе сделать встречное столь же интенсивное эмоциональное движение (теперь-то я знаю, что в подпитии он и гневен, и слезлив, и может вполне темпераментно признаться и в любви, и в неприязни). Вероятно, поэтому я не мог понять, сколько же ему лет. Он казался мне значительно моложе меня.

— Это, — сказал Алим, не повышая голоса и ничем не поощряя моего знания, даже легкая улыбка не тронула его губы, — это трактат Насреддина Тусси «Комментарии, добавления к “Началам” Эвклида»...

И тут я узнал, из какого далека идут пути к истине, как они извилисты и что бывает прежде. Господи! Ну почему же так интересно было человеку, пересекаются или не пересекаются параллели?! Любопытно, что этот Насреддин Тусси, который жил вот здесь тысячу лет назад, был, по словам Алима, совсем не первым в своей критике Эвклида по этому поводу.

— А как же Тусси выразил свою математическую идею? — спросил я.

— Он сказал это на языке мусульманина того времени, — Алим, наконец, улыбнулся, но довольно скупо. Однако глаза его прищурились. Видно, мой вопрос ему понравился, и я поймал себя на чувстве, что очень доволен в связи с этим самим собой. Но тут же велел себе перестать выпендриваться и пытаться подпрыгнуть выше своего зада.

Однако какой точный ответ я получил: «Язык мусульманина своего времени». И еще он добавил:

— Он говорил о гармонии тела мусульманина и воли Аллаха. — (Да простится мне за неточный пересказ этого великолепного ответа.) Тут же до меня дошло, что передо мной — историк, гордый историей своего народа, такой гордый, что понял, что История, которая стала известна ему, великолепна и не нуждается в его гордости, которую он пытался сдержать оковами своей скромности. (Эко меня, как говорят в Одессе, разбарабанило, но иначе не скажешь. Здесь ведь Восток.)

Что же это получается? А как же наш Лобачевский? Но Алим не собирался отнимать лавры у г. Лобачевского. Он стал объяснять мне, что каждое время, каждая эпоха имеет свои образы, которые несут свой смысл. Алим говорил, что то, что имел в виду Тусси, не то, что подразумевал Лобачевский и другие европейцы девятнадцатого века. Однако я мало что понял в его софистике. Рисунки Тусси походили на чертежи казанского математика, как одна капля воды на другую. А потом, почему Эвклидова геометрия осталась геометрией до наших дней, а Пифагоровы штаны так и равняются во все стороны во все времена и эпохи?...

Как бы невзначай, попутно Алим рассказал, что во времена Лобачевского в Казанском университете жил и работал замечательный востоковед и переводчик Александр Мирза Казымбек, знаток премудростей восточных, знавший о Насреддине Тусси и о его «Комментариях» и не таивший своих знаний в себе. Недаром же его так усиленно сманивали в свой Лондон английские ученые (о, эти англичане: лишь бы навредить России!).

Алим увидел восхищение и другие чувства в моих глазах и скупо, и гордо улыбнулся. Как я люблю такие улыбки! Они свидетели того, что их обладатели достигли некоторой мудрости на пути познания.

Он мне понравился, этот человек; он стал мне интересен. Я понял, как много я могу почерпнуть из этого живого колодца исторических знаний. Мой новый знакомый специализировался на Исламском Ренессансе, который пришелся на X–XII века, на несколько столетий раньше итальянского и других Возрождений. Я задал ему много вопросов об исламе, наверно, один глупее другого, один невежественнее другого. Ну, например, чего стоили вопросы о воинственности, антигуманности, ортодоксальности ислама, о противоречивости мусульманских правил и так далее. Один вопрос, как я теперь понимаю, оскорбительнее другого. Однако все вопросы были выслушаны со спокойствием, на все мне ответили как можно более исчерпывающе, а те крупицы знаний, что я почерпнул из исторической литературы, он одобрил и вдобавок высказал восхищение моими глубокими познаниями.

Его русский язык мог бы быть и получше. Он не обладал большим словарем и не мог свободно выразить мысль на этом языке. Но акцент его мне нравился, слова выходили из него не всегда согласованными, но как бы окатанными, крепкими. А чтобы быть понятым до самого конца, он подкреплял сказанное свободным жестом своих красивых рук. Но к жестам он прибег позже, когда понял мою искреннюю заинтересованность в его знаниях и стал доверять мне. В определенных границах, конечно. Но тогда, при первой встрече, о доверии речи не шло.

Главная особенность его неправильной русской речи заключалась в том, что каждое его слово попадало на свое место в свое время. И все-таки слово в его употреблении казалось как бы обновленным с новым незнакомым смыслом, посвежевшим, будто камень самоцвет получал достойную оправу, в которой лучше видны его красота и его достоинство.

Потом я еще не один раз приезжал в Баку к Марку и Натаван и, погостив, уходил из их гостеприимного дома, сгибаясь под рюкзаком, набитым дарами южного Востока: орехами, фруктами, а потом, во времена правления «минерального секретаря», когда с прилавков России исчезли водка и вино, и бутылками дешевого портвейна «Агдам».

А через год снова прилетал, протискивался через толпу, заполнившую аэровокзал, выходил на привокзальную площадь и сквозь бензиновый перегар заполнивших ее автомашин различал непобедимый аромат роз. Хотя в мире стоял декабрь, а иногда и январь.

Моя связь с Алимом не прервалась. Я видел, что искренний его интерес ко мне не иссяк. Я объяснял это моей склонностью к истории, ко всем историческим эпохам, и то, что я узнавал от него, казалось мне чистой драгоценностью, которую мне дарили по доброте душевной, и владеть ею было одно удовольствие. Потом я мог произнести вслух такие понятия, как газават, хакикат, смысл которых я когда-то знал, но успел забыть. Но зато, когда я произносил эти слова, чтобы спросить об их значении, высокие брови Алима поднимались еще выше. А это означало, что Алим приятно поражен моими знаниями.

И вот в очередной мой приезд Натаван-баджи имела честь передать мне приглашение: «Алим хочет видеть тебя».

Алим — таким именем я его назвал. Я не знаю, существует ли такое имя на языке его народа. Но оно созвучно со словом, означающим «учитель, ученый». Моя баджи тоже называла его так. Она произносила «Алим», я бы сказал, с вдохновением.

— Алим хочет увидеть тебя и погулять с тобой.

Церемонии, с которыми он сопровождал свое предложение, используя в качестве посла прелестную черноокую Натаван, хотя и были смешны, но внушали почтение перед его джентльменской учтивостью. Все-таки, видимо, мои крошечные знания внушали почтение и делали из меня собеседника. Я немного знал историю России и сопредельных стран. Я даже побывал в Хорезмском оазисе, походил, выражаясь высоким стилем, по следам великих разрушителей: Александра Македонского, Чингисхана, Тимура, — узнавал, как с помощью огня и меча поклонники огня, Зевса, а потом и христиане становились мусульманами. Жизнь Джалаладдина Руми взволновала меня. Под взглядами восточных мудрецов и поэтов обыденное переставало быть простым. Они заставляли задумываться над тем, насколько мы упростились и какая польза от того, что порвались связующие нити времени. И я мог задать и задавал Алиму вопрос: почему в рукописях Бабура, на его миниатюрах так нату-

рально изображены красавцы-мужчины и красавицы-женщины вопреки известным мне мусульманским традициям...

Вот он и прислал мне через Натаван церемонное приглашение, хотя жил в том же доме, но в другом подъезде. К тому же работал телефон.

И я уже без Марка пришел к нему на работу, и мы пошли по Музейному Баку. Экскурсовод он был не очень-то хороший, потому что скупился на слова, на красочные сравнения, образы. Может быть, он стеснялся своего русского языка. То, что я узнавал, было ново для меня. Ново даже не фактами, а как на эти факты смотрели. И взгляд на эти факты был вовсе не из Москвы, а свой алимовский взгляд.

Азербайджан вовсе не добровольно присоединился к России, его завоевали и присоединили с помощью политических интриг. На мой наивный вопрос: «Зачем же он так нужен был России начала восемнадцатого века, когда нефть еще не представляла собой черного золота?» — мне разъяснили, что завоевание земель, прилегающих к теплому морю, и выход прямо к Индийскому океану — давнишняя мечта русских царей, и Петр I (ай да Петр!) еще чуть-чуть и осуществил бы эту мечту. Но какова Российская империя с ее мирным расширением своего пространства!

Мы стояли у плохо освещенных стендов-витражей, которые изображали исторические границы Закавказья и проясняли историю Азербайджана за последние три века. И никакого исторического стремления слиться с Россией... Потом Алим объяснил мне странные границы республики, явление Нахичеванской автономии среди Армении. Он говорил мне, что мир знает о разделенной Германии, Корее, а о том, что шестнадцать миллионов азербайджанцев живут в Персии и только два в Советском Союзе, что его народ разделен, миру неизвестно.

Я сказал ему, что в свое время читал об этом в романе Олдриджа «Дипломат». Потом моя мысль заработала самостоятельно, я вспомнил слова, улыбку Алима, когда он говорил о культуре своей страны, о том, что Азербайджан — это геометрический центр Исламского Ренессанса, и мне показалось, что я начинаю понимать мечту этого человека.

В этом человеке, я подозреваю, чувство юмора напрочь отсутствовало. Иначе зачем он, не спросив меня, завел меня в зал ковров. Я не разбираюсь в их красоте и просто не понимаю, почему они стоят таких бешеных денег. Для меня тот немецкий гэдээровский эрзац, что у меня дома, ничуть не хуже, а может быть лучше, потому что из-за его дешевизны я могу ходить по нему в уличных туфлях. Но вот на этом сохранилось имя мастера, который более тысячи лет тому назад ткал его. И сохранились имена многих ковроделов, гончаров, кузнецов и других мастеров начала нашей эры, а наша Россия того времени была безымянна. Имена князей и их приближенных, и только...

И Алим добавляет: и семинотную систему здесь создали тогда же. И я, наконец-то, услышал:

— Мой народ, создавший такую культуру, велик, и я горжусь своим народом и желаю возродить его единство и величие, — это я услышал

своим внутренним слухом, потому что Алим, молча, стоял с бесстрастным лицом в проходе музея.

Вскоре мы оставили музей и вышли на вечернюю улицу. Пахло морем и розами. Стоял мой отпускной декабрь.

— Выходит так, — сказал я, когда мы пошли по этой вечерней улице, — выходит так, что Россия главный виновник народных бед Азербайджана. А Персия, а Турция?

Вообще-то я ощущал всю легковесность своих знаний и наглую задиристость моих вопросов, но мне нравилось их задавать знающему человеку, который попытается снять с глаз моих темные завесы и не смеется над моей темнотой.

— Нет, немного не так... Конечно, Россия — это другой, христианский мир. Она отрывала азербайджанский народ от корней своих. Но царь не придумывал азербайджанскую азбуку на основе кириллицы, заменяя на кириллицу арабскую грамоту, отторгая нас и от культуры мусульманских стран, и от просвещенного Запада, и от своей литературы, которая написана арабской вязью. Теперь кто из нас знает свои литературные памятники? А вот Турция самостоятельно перешла на латиницу и процветает.

Я, помню, усомнился в прямой связи между латиницей и процветанием Турции, но ничего не сказал, а продолжал слушать.

— ...Но перед революцией на нефтепромыслах зародилась национал-буржуазия, и народ стал играться с капитализмом, учиться демократии. Но пришла советская власть, и опять феодализм. Понимаешь? — и он посмотрел на меня вдруг построжавшими глазами.

Что меня в нем привлекало, так это совмещение несовместимого. Чего-то робкого, нежного, что отражалось в его несмелой улыбке, в легком жесте руки, которой он дотрагивался до головы, в том, как он подходил к тебе, слегка ссутулившись в легком поклоне, в том, как он тщательно специально для вас подбирал слова, чтобы довести до вас свою мысль. В этом я чувствовал трогательную заботу о душевном комфорте своего собеседника. И вдруг он чувствовал заблуждение, не ошибку, а закоренелое заблуждение, враждебное ясной и давно понятной мысли. Лицо и взгляд его становились строгими, жест ладони с вытянутыми пальцами рассекал пространство по горизонтали, и отсеченное придавливалось вниз движением руки.

Помню, обсуждали статью в «Комсомолке» под названием «Партия Аллаха». Мне это название резало слух, и я сказал об этом. Я сказал, что уже давно известно, что Богу Богово, и ни о какой Божеской партии не может быть и речи. Поднялся шум, заговорили о российском шовинизме. А Алим начал издалека. Он заговорил о значении слова: «Слово имеет свой вес и свое место. Здесь слово “партия” при слове “Аллах” не на месте». Начал не прямо по сути, зато попал в точку. Но эти слова я услышал, когда уже возник Народный Фронт Азербайджана.

Как-то я попросил его разъяснить мне некоторые понятия, относящиеся к исламскому воспитанию. Некоторые сведения об этом я вычи-

тал из жизнеописания Джалаладдина Руми. Услышав в ответ что-то не очень доброжелательное, я заметил, что вряд ли сам поэт и философ одобрил бы его недовольство, потому что видел истину в любви и был добрым. И вот позже я как-то зашел к Алиму и увидел перед ним на столе книгу стихов Руми в переводе на русский.

— Вот читаю, — сказал он, — и изучаю, — и он улыбнулся.

Я понял, что он помнит о нашем разговоре. Он попросил взять эту книгу в подарок с таким видом, будто просил оказать ему честь. Я вспоминаю этот случай, и что бы мне потом ни рассказывали о нем как о политике, которым он вскоре стал, я видел застенчивую улыбку и тонкую руку, протягивающую мне книгу. Что бы мне потом ни говорили о нем беженцы из Азербайджана, я понимал, что они говорят не о нем, а о той темной силе, которой он пытался руководить. Я знал, что он человек хороший, ценивший жизнь человека. Он думал и верил, по крайней мере в то время, когда я его знал, что идея добра всемогуща и он сможет остановить волны ненависти словом.

Позже, когда мы уже нахлебались политической похлебки перестройки и постперестройки, насмотревшись, наслушавшись и начитавшись всего того, что может наговорить, наснимать и написать взбесившаяся страна, я понял, что человек с душой и интеллектом, с тонкими запястьями и длинными пальцами, человек с невыветрившимся чувством добра и красоты как политик обречен на поражение и гибель.

Наши встречи происходили с длинными перерывами на протяжении лет пяти-шести, но о том, что передо мной человек неведомого еще мной типа, я начал догадываться после того «музейного» дня. Мне показалось, что передо мной народный вождь. Бывает человек-художник, человек-музыкант, а вот он человек-вождь, природный вождь. Поведет ли он свой народ за собой в светлые дали или не будет у него такой возможности, не имело значения.

Никогда я не встречал вождя. А вот он настоящий. Пахнуло неведомым, будто первый раз очутился на морском берегу. Я замер на вдохе от чувства, внушенного невиданным раньше простором. Вот кто ответит на вопрос, который так давно смущает меня. Вот кто скажет мне, если я спрошу: «А по какому праву ты, гуманист, можешь брать судьбу другого человека, который и не подозревает о твоем существовании, в свои руки?» Я не перестаю мучиться над этим вопросом с тех пор, как первый раз до конца прочел «Войну и мир» вплоть до «Эпилога» в поисках ответа и не нашел его, но понял, что Лев Николаевич был еще как им озадачен. Наверное, я ошибался тогда по неопытности, путая качества лидера и человека, влюбленного в свой народ.

И я стал подбираться к Алиму, протискиваясь через сумятицу своих мыслей, своего смущения, неуверенности, которые рождали вопросы к себе: «А зачем тебе это нужно?» или «Да знает ли Алим ответ?» и так далее...

Мне нужно было знать ответ. Узнай я его, я бы понял, в чем причина возможности власти одного над другими, а, поняв это, избавился бы от

чувства собственной несвободы и перестал бы хихикать при глупых шутках какого-нибудь начальствующего дебила... Но что бы я узнал?

Итак, мы шли вечерней пустынной улицей. Рядом плавно и широко вышагивал Алим, выставляя колени вперед, что при его гордо поднятой голове и выступающем вперед носе делало его походку гусиной, а его похожим на эту важную птицу. И эта птица мне сейчас нравилась. Нам предстояло добраться до метро, но, похоже, Алим и не думал об этом. Он остановился, сойдя с тротуара, и стал ловить такси. Однако свободной машины не попадалось.

— Алим, брось, — мы уже были достаточно знакомы, чтобы я мог ему так сказать, — такси вечером разорит тебя.

Но вы не знаете высокомерного молчания восточного человека, тем более если он друг вашего друга.

Впрочем, не прошло и пяти минут, как около нас остановился зеленый уазик с брезентовым верхом. Дверца гостеприимно распахнулась. Улыбчивый водитель протянул руку, и Алим пожал ее, и мы поехали в гору в поселок Мусабекова. Оказалось, что Алим не знает водителя, а тот знал его. Это, на мой взгляд, кое-что значило в свете моих мыслей о народном вожде. К тому же нас довезли до самого дома.

— Ты тутовку пробовал? — спросил Алим, когда мы уже стояли перед нашим домом. — Я тебя хочу пригласить к себе. Не возражаешь?

Об этой тутовке меня спрашивали в Баку не один раз. Причем восхищенно прищелкивали языком, всем своим видом обещая нечто великолепное.

Небольшая квартира Алима шумела и звучала, как переполненный улей. Нас не заметили. Алим познакомил меня со своей мамой — худенькой старушкой ста шести лет, которая, улыбаясь, выглядывала из своей маленькой комнатки, где она сидела на красном коврике, вытянув ноги в белых шерстяных носках. С пустых беленых стен комнаты хозяина строго смотрел портрет серьезного мужчины в зеленом кителе. Написанный неумелой рукой портрет изображал Ататюрка.

— Алим! — воскликнул я патетически с непосредственностью европейца. — Что я вижу! Портрет в комнате правоверного! Как это?

— Но это человек, который поднял Турцию!

Иногда он смущал меня противоречиями. Значит, Ататюрк хороший, а Советская Россия плохая. Но я слышал имя Ататюрка в связи с ленинской внешней политикой Советской России, когда наша страна, изнемогая от лишений прошедшей и продолжающейся Гражданской войны, помогла отцу турков и флотом, и армией. Ну, а как же тогда?..

Мы прошли в гостиную, гости потеснились, и мы сели за стол. Тутовка оказалась крепкой водкой... Мне показалось, что я ушел незаметно.

Дома баджи, пользуясь отсутствием мужчин, проводила уборку. Работал телевизор, по экрану бегали полосы, сквозь шум пылесоса слышались звуки мугама. Натаван очень удивилась моему раннему приходу.

— Ай, как нехорошо, — сказала она, разгибая спину. Но она давно знала, что я дикарь, любила меня дикаря и простила мне мое не очень

учтивое поведение. По ее мнению, я должен был сидеть с ее любимым Алимом до потери пульса. Они земляки с Алимом, и он для нее непререкаемый авторитет.

— Он такой умница, такой талантливый! А ведь из деревенских. А как он любит своих братьев и мамочку. Он тебя познакомил со своей мамой?

Проглотив легкое чувство зависти многим достоинствам Алима, которые у меня, наверняка, отсутствуют, я стал слушать историю алимовой мамы, которая попросила, чтобы ее привезли к любимому сыну попрощаться перед смертью. Ей исполнилось сто шесть лет. Она родом из Нахичевани... И вот когда турки устроили резню армян в Турции, армяне в ответ там, где могли, начали громить азербайджанцев, рядом с которыми жили долгие годы.

— И ты понимаешь, — вдохновилась моя баджи, сверкая черными алмазными очами, — они ночью напали на деревню, и ее жители, кто смог, убежали в чем мама родила. Босые, раздетые, они шли, унося детей, через горные заснеженные перевалы. И мама Алима обморозила пальцы на одной ноге. Началась гангрена, пальцы почернели, и она взяла кинжал и отсекла эти пальцы... Потом она вышла замуж и родила шесть сыновей. Нет, ты понял? Сама, сама кинжалом! — и она грозно посмотрела на меня, а потом пошла на кухню и принесла мне кружку айвового компота.

И опять я уехал в свою российскую провинциальную жизнь, чтобы через год снова сюда вернуться на короткое время. Уж такой я верный своим привычкам человек. Ну, а как им изменить, если за месяц до отпуска мне звонят из Баку, чтобы узнать номер рейса, на котором я прилечу, предупреждают, что лучше прилетать днем, а не вечером, передают мне приветы от давних знакомых, говорят, кто и когда хочет меня увидеть. Сумасшедшие какие-то. У них какая-то мания любви ко мне. Алим тоже хотел бы меня увидеть...

Казалось, что все идет, как и прежде. Но времена менялись. Хотя к черту времена! Что толку говорить о них, не имея подробных дневников? Без архивных материалов обязательно соврешь. Да и не хронику я пишу. И я не помню, вот этот мой приезд произошел до Сумгаита или после.

О погоде в Баку можно было сказать языком радиопрогноза: стояла переменная облачность без осадков, температура воздуха была 10-12 градусов тепла. Я не одевал теплой куртки, гуляя по городу, осененному бронзовой дланью Кирова.

Ага! Вот она, примета времени! Киров еще стоял на высочайшем постаменте, возвышаясь над приморскими бульварами и дворцами. Его пока еще не сбросили с высокого пьедестала. Честно скажу, мне нравилась эта устремленная вперед и вверх скульптура человека. Зря они его всё-таки сбросили. Город потерял, я думаю, какую-то свою черточку.

Так вот, я ездил в город в пиджаке. И как-то попался. Гуляючи в районе «Офонарелой площади», — там фонари такие же, как на Арбате

в Москве, в виде гроздьев, поднятых над землей, там скамейки, на которых так удобно читать, поглядывая на проходящих женщин, когда переворачиваешь страницу, и там чистый туалет неподалеку, — я был застигнут ледяным ветром, который меня мгновенно заморозил. Я понял, что погибну, если не забегу куда-нибудь в укрытие. Прямо не погода, а восточное коварство.

Я забежал в кафе, что неподалеку от армянской церкви, и там, стоя в очереди за пивом, я услышал, как кто-то сзади меня сказал по-русски, что лучший армянин — это мертвый армянин. Я оглянулся, но того, кто это сказал, не узнал в густой очереди из небритых бакинских мужиков в кепках. Я взял кружку темного, почти красного местного пива и сильно наперченную сардельку. Значит, Сумгаит уже произошел и слово «Карабах» уже прозвучало...

Дома в гостиной кричали женщины. Гости: Лера — большая русская женщина, жена аварца Шамиля — друга Марка, Додо — бакинская интеллектуалка, — и Натаван-баджи громко обсуждали последние события. Лера, которая работала начальницей паспортного стола в милиции районного центра, с выражением рассказывала о своем городе:

— Ой, девочки! — кричала она. — Толпа милицию громить хотела. Мы думали — всё. Но митинг на стадионе объявили, и все туда двинулись. Только поэтому и спаслись... А там на стадионе, — она поправила корону каштановых кос, — там армян изгоняли из города. Заставляли жен азербайджанок отрекаться от своих армянских мужей, от отцов детей своих. И отрекались, девочки! Перед народом отрекались. Мне этого не понять.

Додо — худая нервная женщина, похожая в профиль на худую Ахматову, — сказала женским басом:

— Это от того не понимаешь, что ты не азербайджанская женщина. — Слово «женщина» она произнесла не очень внятно, потому что прикуривала от зажигалки сигарету.

Лера промолчала, а Натаван ушла на кухню, где что-то готовилось. Кончался 1989 год

Вот и это разбудило во мне память о мной не пережитом, о том, что, мне казалось, давно ушло, и от этой генной памяти у меня слабело тело, сохло во рту, и тоска, рожденная разочарованием, вползала змеей в сердце. Я уже успел съездить по турпутевке в Ереван. Там тоже жег людей пожар национализма. В экскурсии по местам боев армянской армии с турками наш симпатичный гид патетически, со слезами на глазах, кричала о грядущем нападении азербайджанцев на Ереван. Туристам из России было неудобно глядеть в ее лицо. Водитель нашего автобуса, обтирая руки ветошью, подошел к нам и, презрительно растягивая толстые губы в улыбке, сказал:

— Что она кричит? У меня друзья азербайджанцы, — и он пнул переднее колесо ногой в грязной тапочке. — Неделю назад видел, как один из наших на рынке держал на ладони баранье сердце и орал: «Вот сердце моей зарезанной сестры!» Кому-то это нужно, нас ссорить.

Вернулся Марк с работы. Сняв плащ, он подошел ко мне.

— Алим хочет завтра с нами встретиться. Хочет, чтобы мы с ним в больницу сходили. У его брата очень сложный оскольчатый перелом. Знаешь, Алим волнуется. Завтра будут делать операцию. По новому методу — будут кости навинчивать на пластинку...

Я не возражал... Такая, значит, чувствительная конституция у нашего Алима. На следующий день после полудня мы вышли из дома и пошли к метро по просторной улице. Стоял мирный сумеречный день. Около нашего дома трещали отбойные молотки, разрушая недавно положенный асфальт, стлался вонючий сизый дым от отработанного горючего. Строили платную стоянку для автомашин.

— Не задохнетесь вы здесь? Стоянка так близко от дома, — спросил я. Марк махнул рукой.

— У них тут все схвачено. Не поспоришь.

Я никогда не видел таких просторных палат и коридоров, какие увидел в этой больнице, которую построили в начале века. Марк назвал известную фамилию русского князя, которому почему-то было дело до закладки в этом углу империи больницы, в коридорах которой мог проехать грузовик, а при нужде имелась возможность организовать дополнительные палаты.

Алим разглядел в большой палате своего брата, взял стул и притулился рядом с его кроватью. Посетителей было очень много, но их не гнали, как это обычно бывает в наших больницах. На кровати лежал могучий мужчина. На его красивом орлиноносом лице, утопленном в белой подушке, чернели густейшие усы.

И вот тогда я и спросил, как же он ухитрился сломать ногу. Удивительно, но брат совсем не говорил по-русски, и Алим, улыбаясь, перевел мой вопрос. Брат скосил на меня черные глаза и что-то ответил Алиму, а тот перевел мне:

— Он с дерева упал. На охоте, понимаешь, полез на дерево и упал.

Могучие руки его брата лежали поверх одеяла. Такие руки не могут выпустить ничего, если за что-то ухватятся или будут держаться. Однако я привык верить Алиму и не обратил внимание на усмешку, скользнувшую в усы богатыря.

Из больницы Алим повез нас обедать на такси. За последние годы он приобрел довольно уверенные манеры и не спрашивал у нас разрешения повезти нас обедать в ресторан, а просто повез нас, и все. Что-то менялось в этой жизни.

Но мы не подъехали на такси к самому ресторану, решив немного пройтись по незнакомому мне району города. Нам встретился невысокий печальный человек в плаще. Он, будто стесняясь, поздоровался с Алимом и, сняв шляпу, познакомился с нами. Алим представил его нам как доцента философского факультета. Мне вдруг захотелось поближе познакомиться с философом. Останься он с нами, и Алим, — я уже знал это его свойство — по возможности кратким путем доходить до сути, — вызвал бы его на диспут, интересный слушателям. Однако Ра-

фаил, — так звали философа, — сославшись на занятость, отказался идти с нами, а Алим не настаивал на своем вежливом приглашении.

Я постоянно ловил себя на мысли, что я не свободен в присутствии Алима, не свободен до того, что и речь свою строю не совсем по-русски, и веду разговор не так, как привык. Например, не могу ничего сказать этакого о прошедшей мимо женщине, рассказать анекдот или рассмеяться от души, а все хочу казаться умным и понимающим многое. Я мог соответствовать своему состоянию, лишь приняв достаточную дозу алкоголя, которая раскрепощала меня и как бы поднимала до уровня высоких идей. Поэтому, когда Алим заказал бутылку лимонада, я чуть ли не закричал:

— Зачем нам лимонад?!

В громадном пустом зале современного ресторана мы заняли столик у окна. Когда мы уселись, я спросил Алима, почему печальный философ не принял его приглашения. Мой собеседник ответил мне довольно витиевато, но я понял, что Рафаил — армянин в азербайджанском стане, и причина его печали в этом. Он сам понимал, что должен исчезнуть из кузницы национальных азербайджанских кадров и чем быстрее, тем лучше.

И опять мне стало скучно от повторения пройденного, но к нам уже спешил официант. Он поставил бутылку лимонада и прекрасные закуски на стол. Тут была и осетринка, и.., и...

— Водку до пяти часов нельзя, — сказал он и по-доброму улыбнулся.

Марк разлил подозрительный лимонад по стаканам.

— Ну что ж, мы не в мечети, — улыбнулся Алим, и мы выпили водку из лимонадной бутылки.

Потом принесли зелень и все, что полагается, в горшочках и на вертелах. Ударило пять часов, и мы, уже не таясь, заказали водку. И вот уже душа моя освободилась от стесняющих оков, и я мог болтать с Алимом на любую тему. Свободно, без задержек отвечал и сам задавал вопросы.

— Послушай, Марк, — обратился Алим к моему молчаливому другу, — а твой россиянин неплохо подкован по истории Востока.

И он был прав. Я кое-что успел узнать. Когда-то мы с женой совершили наше свадебное или послесвадебное путешествие по Хорезмскому Оазису, где, если прислушаться, можно услышать дыхание этой истории. Почти тысячелетия стоят развалины старинных городов. Среди пепелища Куня-Ургенча мрачным памятником погибшему городу и его жителям, посеченным саблями всадников Чингисхана, высятся арочные ворота караван-сарая. А самого караван-сарая нет. Повсюду валяются черепки и осколки того времени, и вам под ноги может подкатиться разрубленный клинком череп. И никто не заселяет это место, и никто не засевает это поле. Там вместе с ветром пустыни ветер истории проник в мое сердце и оживил прошлое как настоящее. Не от того ли мне так тоскливо, когда я узнаю в чертах сегодняшнего дня, казалось бы, давно прошедшее?

И Алим это чувствовал во мне. Я ощущал, что одновременно и раздражаю, и привлекаю его. Может быть, тем, что у нас было разное отношение к истории. Я читал ее, как открытую интересную книгу, поража-

ясь, ужасаясь и тоскуя от того, что люди не могут научиться у своего прошлого, а Алим, опираясь на это прошлое, хотел сделать не кого-нибудь, а свой народ счастливее. Я его еще не спрашивал, что же такое счастье целого народа. Видимо, боялся. Нам столько говорили о том, что мы самые счастливые дети, люди, народ, что я попросту боялся услышать ответ на мой вопрос.

— Послушайте, историки, — вмешался Марк в нашу беседу. — Сегодня Игорь придет с невестой к нам. Пора...

В такси мы продолжали беседу, чувствуя близость, которую дарит хмель людям, и ранее расположенным друг к другу.

— Алим, — сказал я размягченно, — а ведь я никогда не слышал вблизи, как звучат стихи твоих любимых классиков.

Все замолчали, стал слышен гул мотора, и я понял, что наступили сумерки.

— Слушай Фирдоуси, — сказал Алим, и кругло, плавно, туго и незнакомо полились ритмичные звуки. Они околдовали меня своей медовой сладкой тягучестью, густотой непрерывающейся струи, необыкновенной знойностью и вдруг напомнили мне знакомые любимые стихи. Это до того меня поразило, что я закричал:

— Послушай, как похоже, — и прочел:

На протяженье многих зим
Я помню дни солнцеворота...

Я так и не понял, услышал ли он меня, понял ли он меня. Ответного восторга я не услышал тоже.

У Марка собралась красивая молодежь. Помню впечатление света от застолья, из самой его середины. Помню сухое веселое лицо Игоря и узкое сероглазое чистенькое лицо его Леночки, напомнившее мне умненькую лисичку. Помню смех веселых молодых людей и вкусную еду.

Мрачный Алим сидел рядом со мной. Он не ел, не пил и молчал.

— Алим, давай выйдем, — предложил я ему, и мы вышли из-за стола, сразу снизив уровень застолья до двадцати лет.

Далеко мы не ушли, а зашли в комнату младшего сына Марка и Натаван, который сейчас служил в армии. Одну стену этой комнаты занимал книжный стеллаж, украшением которого была Большая Советская энциклопедия. Я каждый день открывал разные тома БСЭ. Я делал это наугад, безо всякой системы. Это было что-то вроде ежедневного гадания.

Другая стена, у которой стояла постель, на которой я спал, представляла собой фотовыставку кинозвезд обоего пола, но я спал непосредственно под голенькой беленькой Мерилин Монро — вид со спины. Мерилин обернулась, почти перекрутившись в талии, так, что у поясницы появились складочки, и улыбается, глядя через плечо. Этот портрет меня не очень раздражал, то есть раздражал, но не очень.

Мы сели на стулья по обе стороны небольшого стола и посмотрели друг на друга. Я увидел другого человека с круглыми жесткими глаза-

ми, едва ли не враждебно глядевшего на меня. Я почувствовал себя на краю, я почувствовал опасность. Алкоголь преобразил Алима. Мой друг Алим, — а здесь строго: друга моего друга я просто обязан считать своим другом, — пить не умеет. Ведь выпили мы сущую ерунду, всего триста — триста пятьдесят грамм водки на брата.

Как передать ощущения, охватившие меня перед этим новым Алимом? Конечно же, это чувство опасности, непонятной опасности, исходившей от Алима. И враждебности. Но эти ощущения не парализовали мои чувства, а возбудили меня. Я возмутился и сказал себе: «Какого хрена!» — и продолжил свой монолог о Фирдоуси и Пастернаке. Меня, видимо, понесло, и я перешел ко Льву Толстому...

Будучи с Марком в Белоканском районе, мы побывали у одного врача, аварца по национальности, и я поговорил с этим умным человеком о другом аварце — о Хаджи Мурате, и поразился тому, что и врач и русский писатель сказали о том Хаджи одинаково: «Он герой, интересный человек, но предатель».

Вот этот случай я стал рассказывать Алиму, упирая на то, что и у россиянина и кавказского человека могут быть одинаковые мнения по сложным вопросам. Но я чувствовал переполнявшее его раздражение. Наконец оно переполнило его, он вскочил и, опершись на столешницу, закричал:

— Твой Толстой, Гоголь, Пушкин — это главные культурные агрессоры!

Вот к этому я не был готов, потому что не знал в полной мере, что национализм, оскорбленное национальное достоинство отрицает все, что не родилось в недрах нации, и не признает ничего, кроме самого себя, считая себя самодостаточным во всех отношениях, испепеляя ненавистью все вокруг себя. (Получилась неплохая декларация, потому что думал я об этом с пристрастием.)

И тогда мною овладело странное чувство, что я на краю, а за этим краем неведомая мне правда, и я готов рисковать ради нового знания. Но Алим надел свое узкое черное пальто с прямыми плечами и собрался уходить.

— Алим, ведь еще рано...

Часы в гостиной недавно пробили восемь раз. Но ночь уже наступила, и фонарь за окнами рассеивал ее темень. И опять Алим поразил меня робкой улыбкой, сразу сделавшей его ближе. Потупясь, он пробормотал, что ему надо в туалет и что он только забежит домой и вернется.

— Господи! — воскликнул я, не ко времени помянув Господа. — Тут же есть туалет!

— Нет, здесь неудобно...

— Алим, как же можно стремиться к свободе, бороться за раскрепощение целого народа, когда сам так закрепощен?

Я понимал шаткость высказанной мысли, однако я знал, о чем говорил. Я сам человек несвободный, сам закрепощен чувством ложной стыдливости.

Алим сердито сверкнул на меня глазом и ушел, а я улегся на постель под портрет Мерилин. В комнату заглянула баджи.

— А где Алим? Поссорились? — удивительная женщина с бешеной интуицией. Я листал том энциклопедии на букву «р».

— Не спи, я тебе сейчас чай принесу с медом.

Она принесла два стакана чая в подстаканниках, мед и орехи. За ее спиной Алим стягивал свое пальто.

Мы молча хлебали чай. Нерв нашей встречи, казалось, порвался, и говорить вроде стало не о чем. Он вдруг спросил, сколько мне лет, и, когда я ответил, обвинил меня в преждевременном постарении, заявив, что Аллах так наказывает грешащих людей. Заметьте, он сказал не «грешников», а «грешащих людей». Он же, заявил Алим, всего на два года моложе, почти мой сверстник, а выглядит на десять лет моложе меня. Стоило ли ему раздражаться по этому поводу? Может быть, он жалел меня? Но во мне не жило ощущения моей такой уж староватости, и не было желания делом доказывать свою мужскую моложавость, какое я видел у стареющих мужчин...

Я уж не помню, кто из нас сказал: «Пойдем пройдемся», — но кто-то сказал, и во мне снова зажглось то самое чувство, что я узнаю что-то новое, вывернусь наизнанку, но узнаю. Мы оделись и спустились на холодный ночной асфальт улицы рядом с перекрестком, залитым здесь искусственным светом фонарей и непогашенных витрин большого гастронома и булочной. Из-за этого звезды едва виднелись. И тут меня осенила идея.

Прямо скажем, безумная идея.

— Алим, пойдем на свалку. Там нет фонарей и будут звезды.

Все-таки и я выпил, и выпил не так уж и мало. Но Алим легко согласился. Не понимаю, что он не мог дома хоть капельку протрезветь?

В том, что моя идея безумна, я убедился очень скоро, когда мы перелезали, разрывая одежду, через колючую проволоку огородных заборов и брели, утопая по щиколотку в теплом зловонном ручье. Нам удалось перейти его, и, несмотря на безлунную ночь, я нашел дорогу, и мы стали подниматься на плоскогорье.

Я столько раз пробегал здесь, что по нечетким силуэтам узнавал крупные предметы: кузова смятых «Запорожцев», громадные детали портальных кранов, недавние кучи строительного мусора. Я чувствовал, что мы уже поднялись. Тут справа от дороги должна быть довольно чистая прогалина. На которой лежала большая стиральная машина, на которой вполне можно было бы расположиться, отжать мокрые носки, вытрясти грязь из туфель.

Я подвел Алима к светившемуся белой эмалью корпусу и предложил присесть. Ему в пальто не будет холодно. Он сел, откинулся назад, опершись на прямые руки, и подставил лицо звездам. Я тоже смотрел на звезды, такие крупные мерцающие бриллианты. Такие осязаемые. Действительно, «твердь сияла грубыми звездами» над этой обезображенной, но любимой землей.

— Что? Что ты сказал? — спросил Алим, шаря глазами по небу.

— Да так. Ничего... Я уезжаю послезавтра...

Смешно сказать, но ведь мы с Алимом никогда не говорили о простых житейских делах. Культура, свобода, религия — вот темы наших разговоров. Вот и сейчас я задам вопрос, который задавать, — я это чувствовал, — не стоит. Но я уже решился, и меня повело.

— Скажи мне, Алим, вот ты говоришь о тяжелой доле народа, о его забитости, дикости, о разделенности народа. И вот вы хотите улучшить его долю, — эти слова, казалось, царапали мне рот, но Алим меня слушал, и я продолжал: — Меня здесь интересует вот что: как один человек или небольшая группа людей может знать, что хотят миллионы человеков и, главное, действовать от их имени, не спрашивая у них разрешения. Мне это очень важно знать, понимаешь?

Но Алим молчал, и я не договорил своего вопроса. Мне это важно было знать, чтобы понять, как глубоко в природе человека желание властвовать и желание отдавать власть над собой в чужие руки. Не может быть, чтобы Алим не задумывался над генетической стороной власти. Мне казалось важным знать это. Но Алим молчал. Мне казалось, что он просто презирает меня за мою наивность.

— Я скажу тебе, — начал он, — скажу тебе, что я не одинок, и я не говорил тебе «я», «я», а говорил «мы», и нас не так уж мало. Не сегодня мы решили вести народ за собой...

Я уже понял, что он, такой чуткий к слову и желанию собеседника быть понятым, не хочет отвечать на мой наивный вопрос: откуда в нем берется это желание повести всех за собой? Неужели же можно так сильно жалеть всех?

— Но, Алим, ведь то, что вы хотите, я чувствую, это путь через кровь. Одно объединение разделенной нации в одно государство чего стоит! — Я ловил себя на том, что я заговорил высоким «штилем», но, как говорится, этот тон здесь был уместен. — Да и сколько вас? Кто эти мы?

Он уперся в мое лицо злыми глазами и сказал так:

— А скажи, какое твое дело?!

В этом вопросе-восклицании я услышал не только презрение к чужаку, но и подозрение. Дожили. Он меня подозревал! Я хотел рассмеяться, но было не до смеха. Я обиделся, и еще присутствовало какое-то чувство, очень похожее на жалость. И я сказал:

— Не забудь обуться.

— Я поведу, — сказал природный вождь, а мне стало все равно. Природный вождь мелко плавал и говорил высоким стилем даже по крошечным поводам. Он поведет. Пусть ведет.

Я пошел за ним, стараясь не упустить из виду его узкую спину в черном пальто. Мы спустились в ложбину и пошли вверх по течению вонючего ручья. Я понял, что он хочет найти более удачный брод и путь без преград из колючей проволоки. И ему это удалось. Но зато мы попали в лабиринт переулков меж глухих стен каких-то мазанок, каменных заборов, где не светили фонари и ни одно окно не проливало свет

наружу, где, по словам Натаван, живут одни бандиты. Нам было встретилась группа мужчин, но они исчезли, как ночные птицы: мгновенно и бесшумно.

Мы то и дело упирались в глухие стены без окон. Время шло, а мы все не могли выйти на городскую улицу. Мне надоело ходить без толку, и я предложил зайти в любой дом и спросить дорогу. Но мой вождь категорически отказался, сделав такое заявление:

— Это моя земля, и я найду выход.

Мы действительно вышли, несмотря на его высокопарное заявление.

Сейчас он напоминал мне мальчика из нашего московского двора. В моем детстве в нашем дворе жили такие мальчики. По дворовой легенде, это были внуки еще тех политкаторжан, дети коммунистов-интернационалистов. Они с раннего детства гуляли с бабушками или боннами, которые говорили с ними по-французски. А когда они подросли, то встретились с нами — драчливой послевоенной безотцовщиной. Из них вырастали хилые, но восторженные подростки. Когда им приходилось драться, они кричали, что будут драться «до последней капли крови». Мне было жалко этих мальчиков. Жалко и неудобно за них из-за этих слов и из-за того, что они дрались с закрытыми глазами, выкрикивая лозунги, как в кино. Алима хоть и не водили бонны за ручку в детстве, но вот возникло сейчас у меня то чувство.

Мы пришли к Натаван и Марку. Гости уже разошлись, и, пока Марк ставил кипяток и заваривал обязательный в Баку чай, мы сидели и молчали. Алим сидел на диване, а я — за столом, и мог как следует его рассмотреть. Я чувствовал, что начинаю что-то понимать, но для окончательного понимания чего-то не хватало. Я чувствовал, что еще чуть-чуть и найду, пойму. Даже кончики пальцев чесались от предчувствия. Так иногда по наитию до меня доходило, что эта шатенка вовсе не шатенка, а крашеная рыжая. Да, она рыжая, и тогда все ее черты сходились в понятный характер. Вот и сейчас... Вот, вот, вот...

Вот он выпрямил спину, закинул одну ногу на другую, откинулся назад и обхватил высоко поднятую коленку. Он о чем-то попросил Натаван, и я увидел его профиль. Голова слегка откинута, прямой нос выдается вперед. Тут во мне что-то щелкнуло и сдвинулось, как в настенных часах, которые сейчас будут бить. Я нахлобучил на его затылок паричок. Робеспьер! Да! Робеспьер.

— Давайте пить чай, — пригласила к столу Натаван.

И никто не догадывался о моем открытии, а я молчал, посмеиваясь над собой: «Тоже мне Кассандра!»

Но в глубине души я не удивлялся своему видению.

КИЕВ СОРОК ПЯТОГО ГОДА[1]

Памяти Якова Гальперина

Студент-филолог Киевского университета Яков Гальперин родился в 1921 году и погиб в занятом немцами Киеве в 1943 году. В последний раз я увиделся с Яковом 1 июля 1941 года, через несколько дней я покинул Киев и ушел в армию. Якова в армию не взяли: тяжелая хромота (последствие детского полиомиелита). Все лето он провел на окопных работах, а в сентябре, когда падение Киева было неизбежно, твердо решил остаться в городе: «Я должен увидеть, как немцы войдут в мой Киев».

Он видел, как чужие солдаты входят в Киев и как по Киеву ведут евреев в Бабий яр на расстрел. От Бабьего яра Якова спасли Светозар Драгоманов, Борис Каштелянчук и Евгений Герасимов. Первые месяцы оккупации Яков провел в доме Драгоманова. После отъезда Драгоманова нашел пристанище в доме Каштелянчука и доме Герасимова.

Живя в занятом немцами Киеве, Яков много писал. В памяти друзей сохранились обрывки русских стихотворений:

Дорога, дорога, дорога... Ах, сытая дрожь лошадей,
Спаси нас от черта, от бога, а паче всего от людей,
От их недреманного ока и длинных ослиных ушей.

...Блажен Иерусалимский еврей...
Собаки, должно быть, блажены не мене...
Блажены влюбленные, но отмене
блажены имущие матерей...

Яков Гальперин погиб в Гестапо в мае 1943 года. В его гибели повинны женщина, которую он любил, и сосед по его довоенной квартире, который работал переводчиком в полиции. Яков не дожил нескольких месяцев до освобождения Киева.

[1] Стихи этого цикла написаны в 1941–1945 годах.

Марк БЕРДИЧЕВСКИЙ – родился в 1923 г. в Киеве. Во время Великой Отечественной войны служил в авиации. В 1949 г. окончил Геологический факультет МГУ. Доктор технических наук. Двадцать лет работал в Геофизическом институте Министерства геологии СССР, с 1969 г. — профессор МГУ. Как поэт дебютировал в «Континенте», № 89 (№ 3 за 1996 г.).

1. На смерть Якова Гальперина

...где, забыв о бомбах и беде,
немцами расстрелянный Гальперин
мне читал стихи о тамаде.

Наум Коржавин

Не забудь про базар, где торгуют одеждой убитых,
где вокруг — пепелище, и чужие солдаты вокруг,
где по городу смерти, над зверинцем людей и событий
как свидетель проходит расстрелянный в Киеве друг.
Не забудь про тюрьму, где на грубо сколоченных нарах
мой расстрелянный друг доживает последние дни...
Ах, дорога, дорога, ты спишь на весенних бульварах
и в ночных поездах зажигаешь скупые огни.
Ах, дорога, дорога, тюремные стены щербаты,
и какая тоска, и какая чужая весна...
Мой расстрелянный мальчик, стучат сапогами солдаты...
Ах, стучат сапогами солдаты, стучат сапогами солдаты,
И последний апрель исчезает в квадрате окна.
Исчезает апрель, исчезают весенние сроки,
исчезают года, и событья идут чередой...
О, мой мертвый товарищ, дороги, дороги, дороги,
но когда же мы кончим твой киевский спор с тамадой?
Всё на тех же базарах торгуют одеждой убитых,
те же смутные лица и тот же весенний разлад...
И над этим зверинцем, зверинцем людей и событий,
я по-прежнему слышу шаги караульных солдат.

2. Расставание

На окнах Киева война
бумажные скрестила шпаги.
И вот кончается весна,
и наступает день отваги.
И вот подводится итог,
итог побед, итог страданий,
эвакуаций и тревог,
смертей, разлук и ожиданий.
Тебе, наверно, не понять
из Будапештского далёка,
зачем я сохранил тетрадь
стихов Ахматовой и Блока.
И ты, должно быть, не поймешь,
зачем в предчувствии разлуки
я ждал тебя в тот летний дождь
на берегу любви и муки.

3. Июль сорок первого [2]

Глухого ветра и глухого слова
мне надоело слушать пустоту,
когда уходят над землею снова
чужие самолеты в темноту.
Мы плыли по Днепру к Днепропетровску
на обгоревшей беженской барже.
Река казалась узкою полоской
на роковом, на смертном рубеже.
А родина, пропавшая в тумане,
еще катила белые пески,
а женщина, которая обманет,
еще глотала слезы от тоски.
Я никогда не думал, что в июле
так холодно под звездами лежать,
когда ветра рассветные подули
и берега задвигались опять.
Как реквием, тянулись километры,
и, сидя на шершавинах перил,
какой-то парень, кашляя от ветра,
о гибели России говорил.
Но я не верил, что Россия гибла,
Россия — дым... Россия — дом в огне...
Кричал буксир томительно и хрипло,
и города горели в стороне.
Но мир не мог погибнуть оттого, что
пугали немцы киевский рассвет
и приносила утренняя почта
трагические листики газет.
И это вовсе не было началом
кровавого библейского конца —
затопленные лодки у причала
и сломленные взрывом деревца.
И я слыхал, плывущий ниоткуда
по сумрачному тихому Днепру,
как на мосту поругивались люди,
укладывая рельсы поутру.

---

[2] Это и следующее стихотворение в сокращенном виде были опубликованы в «Континенте», № 89.

4. Возвращение

Ты не вейся, черный ворон, над моею головой.
Я вернулся в древний город, искалеченный войной.
Снял шинель, отбросил ранец и заплакал от тоски.
И пошел, как иностранец, возвращенью вопреки.

Дня умирающего облик
был так банальности далек...
Он по небу плывущий облак
В кайму сияния облек.

Анатолий Юдин,
пропал без вести под Вязьмой
в октябре 1941 года

По старинке многолюден, город был совсем не тот,
где скуластый Толька Юдин по Крещатику идет.
Толька, Лист над садом вырос, скрипку бедную знобя.
Только что с тобой случилось, что играют без тебя?
Улетает дым пожарищ. Глохнут выстрелы вдали.
Где ты сгинул, мой товарищ? На каком краю земли?
Толька, ты ли в древний город не вернешься никогда?
Над тобой ли вился ворон, провожая в никуда?

Я говорю, быть может, скоро
мы все подохнем, Тамада.
И пепелищем станет город,
где мы родились, Тамада.
Опустится старинный ворон
На Золотые ворота...

Яков Гальперин,
расстрелян в Киеве
в мае 1943 года

Горькой памяти неверен, город явно был не тот,
где хромающий Гальперин по Владимирской идет.
Яшка, стихла канонада, и война пошла на слом.
Доживи до листопада в этом городе пустом.
Спит веселый виночерпий, трав надгробьем не поправ.
Яшка, ты ли — пыльный череп? Ты ли — тело тонких трав?
О тебе ли древний город песни жалостные пел?
Над тобой ли вился ворон, провожая на расстрел?

Ничего теперь не осталось,
даже улицы, даже дома.
Только ночи глухая усталость,
только пыль дорог незнакомых,
только гарь костров придорожных
да запевки песен острожных.

Мун Люмкис,
погиб под Киевом,
в ноябре 1943 года

И по-прежнему туманный стынет берег за Днепром,
где в могиле безымянной Люмкис спит последним сном.
Оседает пыль развалин. Возвращается весна.
Мунька, в городе читален наступает тишина.
Слышишь, Мунька, книги мира без тебя лежат в пыли.
Ладомира Велемира в печке сволочи сожгли.
Над рекой желтели звезды и чернел разбитый мост.
Ты ли пил предсмертный воздух в этой сутолоке звезд?
Ты ли рвался в древний город, умирающий солдат?
Над тобой ли вился ворон, провожая в медсанбат?

От горячих разговоров след остался неживой.
Вьется ворон, вьется ворон над разрытой мостовой.
Он шныряет у вокзала и спиралит над окном
Той, что с немцами пропала и живет в краю чужом.
Мы плутали в сводах парка, звезды плыли за моря,
сероглазая Наталка, нежность первая моя.
Боже, как нас разметало... Где наш довоенный дом?
Я живу среди обвала, ты живешь в краю чужом.
Старомодные трамваи тянут рельсы на вокзал,
И скрипит не умолкая взятый ржавчиной металл.
Фонари и тротуары ничего не говорят.
Ошалевшие базары матерятся и едят.
Спекулянты и кликуши держат город в пятерне.
Города имеют души... Души гибнут на войне...

5. Дождь

И снова времена глухие,
и грустные стихи о том
дожде, что шел во всей России,
возникнув в городе родном.
Дождь шел в пространстве луж и пятен
и, оседая на шинель,
был пешеходу тем досаден,
что обещал тупик и мель.

Он был внутри того же круга,
где одиночество — финал,
и говорил про гибель друга,
и смерть любимой означал.
И бил по лужам, не слабея,
и громко падал, уводя
туда, где жить еще труднее,
чем вырваться из лап дождя.

6. Еще тревожен сон солдатский

Еще тревожен сон солдатский,
но музыка уже гремит,
а вдалеке в могиле братской
страданье мертвое лежит.
И нет страданья постоянней...
Сквозь тысячи мирских забот
охрипшее от расстояний
оно свой голос подает.
Не спите... Сон Земли не долог,
глаза столетья застит дождь,
и в некий дом за некий полог
уходит бесноватый вождь.
И снова рядом, снова рядом
безглазое лицо беды.
Не спите... миром правит атом
в куске урановой руды.
И навсегда неразделимы
плывут над горем мировым
тяжелый пепел Хиросимы
и Аушвица черный дым.
И рвы кровавые Катыни,
и шахты смертной Воркуты
зияют посреди пустыни
послевоенной суеты.

7. Стихи Якова Гальперина

Я привожу стихи Якова в том виде, в каком они сохранились в моей памяти и в памяти моих друзей — Наума Коржавина и Бориса Каштелянчука.

* * *

Полуистлевшие расскажут фото
о наших лицах, смуглых и суровых.
Пластинки, уцелевшие от бомб,
заговорят глухими голосами,
отличными от наших голосов.
И рыжие газетные листы
откроют наспех сделанные сводки.
В глубокодумье мемуаров сыщут
крупицы наших мыслей и страданий
и строк возьмут тяжелые слова,
рожденные в затишии боев,
и, верно, будут удивляться, как
могли мы думать о траве и небе.
Но никогда сердцами не поймут
ни нашей скорби по убитым, ни
молчания умерших городов,
еще дымящихся, ни неуемной,
как голод, ненависти и ни той
бесовской гордости, что нам одним
дано и выстрадать и победить.

1940

* * *

На привалах молчим. И отогреваем шинели
на холодных кострах. И выпрашиваем: «Починай».
Хрипловатый басок выводит: «Ой, хмелю мій, хмелю», —
а другой, перебивши: «Ой, їхав козак за Дунай».
Нас учили не верить ни в черта и ни в романтику.
Кровью платят за кровь. И кровью смывается кровь.
И уже позабыты теплые руки матери.
Только изредка вспомнятся теплые руки матери,
первозданная тишь да скрипение флюгеров.
Это в песне поется: «Краще було б не любити».
Мы ж забыли, когда целовали в последний раз.
Топчем мерзлую землю и к топям идем необжитым.
Чем нас встретит весна и ветрами какими обдаст?
Будут взрывы дождей, будут ливни, и по-над озерами,
по-над холодом рек финское солнце взойдет.
Мы исходим Суоми по топям и по косогорам,
от реки до реки, по равнинам, и вплавь, и вброд.
И тогда мы вернемся. Мы еще повернем издалека.
Мы еще позабудем сполохи батарей.
Їхав хлопець за Буг. Переїхав та Паленіокі.
Ох і дальняя путь! А заїхав, козаче, за Рейн.

1940

Петр ОРЕХОВСКИЙ

НЕОСТОРОЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ОГНЕМ

Маленькая повесть

1

Я русский человек, а следовательно — русофоб. Как ни печально в этом самому себе сознаваться. И живу я среди русофобов — скрытых, так называемых представителей малых наций, и откровенных, так называемых русских интеллигентов. Или теперь у нас интеллигентов нет, надо говорить — интеллектуалов? Какая, собственно, разница. Старая русская дореволюционная интеллигенция страдала тем же самым: иначе откуда бы взялись все эти большевики и прочие социал-революционеры? Как там у Ленина и других, желавших поражения России в Первой мировой войне? У партии пролетариата нет родины? Ага. С чего бы это у нынешней партии капиталистов она появилась? Сколько их потом, начиная с того же Солженицына, призывало к блокаде СССР! Мечтали, чтобы коммунисты поскорей обгадились. А эти, видать, чувствовали, что обгадятся: все вели счет, сколько продержатся: вон, в каждом совковом городе — улицы 25 лет октября, 40 лет октября, очередных партсъездов, каждую дату увековечивали. Не прошло и семидесяти лет, как — все. Накрылось. И сидим теперь все в этом замечательном результате диссидентских мечтаний, никак не можем выйти на уровень производства 1991 года, а уж 10 лет прошло. Какая тут любовь к отечеству! Лучше нам дайте политическое убежище с пожизненным пособием за понесенные муки от царско-большевистско-постсоветского режима, мы все расскажем про эту проклятую страну. И пожелаем ей дальнейшего распада тюрьмы народов, тем более что нас там уже нет. Вот он — настоящий русский интеллигент. Чего только не сделает из любви к родине.

Одно радует — нет ни одной улицы имени августа 91-го. Или первого срока президента ЕБН. Или это только пока?

Всех нас, по-моему, крепко ушибают об Запад еще в детстве-юности, так, что мозги потом вывихиваются. И живешь потом с чувством, что твоя родина — там, а здесь ты временно. Любишь английскую музыку, французскую живопись, американское кино. Уезжаешь туда — и обнаруживаешь, что тебя там никто не ждет. Как так не ждет: ведь ты же

Петр ОРЕХОВСКИЙ — родился в 1960 г. в Москве. Окончил Новосибирский государственный университет. Доктор экономических наук. Работает в Международной академии современного знания. Как прозаик дебютировал в 2001 г., печатался в журналах «Октябрь», «День и ночь», «Складчина». Живет в Обнинске.

их любишь! Уже за это они должны тебе помочь устроиться в своей содержательной жизни. А эти сытые американо-европейцы предлагают тебе должность младшего клерка в риэлтерской конторе. Хорошо, что не уборщицы. Говорят в ответ на мое недоумение что-нибудь вроде советского «У нас любой труд почетен». У них-то может и почетен, а как же мои мечты? дерзания? стремления? Я же хочу творить. Я хочу мирового признания, славы, я так долго этого хочу. А они ничего подобного не хотят. И смотрят на тебя большими круглыми глазами. Не любят в ответ. И чувствуешь себя обманутым.

Возвращаешься в Россию. Здесь тебя тоже никто не ждет, и твое место давно занято. Занято таким же, как я, который только и мечтает об отъезде на Запад. Но никогда не уедет, потому что еще сильней меня боится, что у него ничего не выйдет.

Хуже всего — наши бабы. Эти-то везде приспосабливаются, хоть в Америке, хоть в Африке. И становятся туземцами. И дети уже — французы, немцы, американцы, — кто угодно, только не русские. Идеал русской женщины — чеховская «душечка», как пустой CD-RW — записывай и переписывай, что угодно. И как с ними после этого жить?

Ужасно, все ужасно в моей нынешней счастливой семейной жизни.

А ведь прошло только два года, как я вернулся сюда и женился. Сдуру, конечно. И вернулся, и женился. Подождем еще.

Декабрь 2002

Георгий Харин дочитывает страницу и откладывает дневник покойного мужа своей нынешней супруги в сторону.

— Ирина, а чем Сергей занимался за рубежом? И где жил?

— Жил вроде бы в Штатах. А чем занимался, не знаю. Зачем тебе?

— Любопытно. Тебя-то он в Америку не вывозил?

— Я сама по себе — в экспортном исполнении. Но он ездил туда еще до знакомства со мной. А потом как-то не до того было.

Вечер в провинциальной столице. Ирина смотрит очередной российский сериал, допивая чай. В соседней комнате спит их ребенок, которому недавно исполнился год. Георгий сериалы не любит, но дорожит душевным покоем жены, поэтому спускается на первый этаж их дома. Он проходит через холл, объединенный с кухней, направляясь в угловую комнату, где расположен небольшой тренажерный зал. Харин дает своим мышцам нагрузку утром и вечером, особенно обращая внимание на ноги и пресс. Он считает, что при сидячей работе и вождении автомобиля эти части организма начинают болеть в первую очередь, хотя до сих пор жаловаться на свое здоровье ему не приходилось: от широкого разворота плеч, мощных бицепсов, узкой талии веет здоровьем, витаминами и отсутствием вредных привычек.

Занимаясь монотонными физическими упражнениями, Георгий размышляет о жизни: чтение дневника привело его в философическое состояние. В свои тридцать лет он уже начальник кредитного отдела в банке, где 20% акций принадлежит его отцу, а еще 25% — фирмам-

учредителям банка, которыми владеют отец и его друзья. Дом в тихом городском центре, среди восьми таунхаусов на бывшей территории городского лесопарка, в котором он живет с Ириной, был построен во многом благодаря ссуде, которую ему, как особо ценному специалисту, выделили по месту работы.

Ссуды компании-застройщику выдавал сам Георгий. Несмотря на то, что четверть престижных квартир в таунхаусах еще не проданы, полученных средств компании хватило, чтобы полностью рассчитаться с банком, да еще и получить почти пятидесятипроцентную прибыль.

Харин — действительно ценный специалист. Он не хуже, а то и лучше других молодых финансовых трудоголиков перелопачивал балансы и бизнес-планы клиентов, подвергая их вертикальному и горизонтальному анализу. Но еще он с юных лет обладал связями, которые позволили сформировать обширный личный архив кредитных историй и репутаций. Этим своим достоянием Георгий крайне не любил делиться. Тем не менее это приходилось делать, чтобы полученная когда-то информация сохраняла свою актуальность. В результате он был в курсе всех городских, да и областных сплетен и привык знать все обо всех. При переезде не то что на Запад, а даже в другой российский город ему бы пришлось начинать все сначала, поэтому мысли, подобные прочитанным в дневнике, Георгию никогда не приходили в голову.

Однако о прошлом своей жены Харин знал на удивление мало, если считать по его собственным меркам. Ирина появилась в его жизни три года назад: они заметили друг друга в фитнес-центре, — трудно было не заметить миниатюрную девушку с идеальной фигурой и шевелюрой ярко-голубого цвета, — потом ближе познакомились на презентации инвестиционного проекта крупной фармацевтической компании, потом как-то быстро стали любовниками. Ирина тогда была замужем за Сергеем, а заводить романы с замужними женщинами было не в правилах Харина. Но о муже она не говорила, в ресторанах платила за себя сама и производила впечатление полностью самостоятельной молодой женщины. Георгия все это вполне устраивало. Наряду с Ириной у него были и другие женщины: тогда он считал, что еще не созрел для создания семьи. Но как-то незаметно встречи с другими дамами сердца стали случаться все реже. Они вдвоем съездили в осенний тур по Испании, и там Харин впервые заговорил о создании семьи и о детях.

— Видишь ли, я некоторым образом замужем, — ответила ему Ирина.

— Так разведись.

— Он — хороший человек, мне это будет непросто сделать.

Георгий почувствовал неожиданный укол ревности. Естественно, он давно был уверен, что, кроме него, для Ирины не может существовать других хороших мужчин. Чувства, видимо, отразились на его лице, но Ирина не собиралась его утешать сакраментальным «ты у меня лучше всех»; напротив, наблюдала за ним с легкой ироничной улыбкой, слов-

но провоцируя его проявить мужской быковатый тупизм и начать злиться. Харину пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сказать ей колкость.

В их отношениях хватало острых углов. Внешне это выглядело так, будто Ирина особо не дорожила их семейной гармонией и не щадила немалое харинское самолюбие, хотя и никогда не была груба с ним. Но это, в конце концов, и укрепляло их связь: другие подруги Георгия, по его мнению, уж слишком хотели сочетаться с ним законным браком, что выражалось в существенном градусе женской лести. При расставании перегретая лесть обычно превращалось в хамство.

Их союзу помог несчастный случай. Супруг Ирины, ночуя в деревенском доме, забыл открыть заслонку в печке и погиб, отравившись угарным газом.

В процессе регистрации брака выяснилось, что Харин стал для Ирины уже третьим мужем. Ни родственников, ни друзей из ее родного Петербурга на свадьбе не было, были только ее здешние подруги. На всякий случай Георгий подготовил жесткий брачный контракт: при разводе жена не могла претендовать на его имущество, движимое и недвижимое. Она пожала плечами и легко его подписала. Харин подумал часа два и решил, что Ирина его любит.

2

Город N, в котором родился и вырос Георгий Харин, был крупным городом. Как и большинство провинциальных столиц, он производил обманчивое впечатление простоты: казалось, что вся жизнь происходит вокруг губернатора и мэра, которому губернатор покровительствовал. Был крупный бизнес, который спонсировал социальную политику губернатора, был бизнес поменьше, который помогал градоначальнику; бизнесмены, политические люди и выдающиеся представители спорта и культуры периодически встречались с тем или другим и договаривались, как сделать жизнь в городе N еще лучше. В результате дома и гаражи строились, дороги асфальтировались, спортивные представители города N получали разнообразные медали на российской и мировой арене, зарплаты бюджетников и торгово-промышленного пролетариата росли, — периодически то отставая, то догоняя рост цен. О непрерывном увеличении благосостояния N-ских капиталистических трудящихся оповещали газеты и телевидение, увязывая улучшение жизни с деятельностью городского бомонда. Впрочем, когда жизнь местных обывателей в результате забот многочисленных благодетелей все-таки становилась хуже, то с деятельностью N-ских начальников ухудшение странным образом не увязывалось: в крайнем случае пресса сообщала о негодяях, поселившихся в городе Москве, но эта некоторая алогичность гражданами замечалась нечасто. Больше половины жителей города N местные газеты читали не чаще раза в месяц, да и телепередачи про

свою жизнь старались не смотреть, но бомонд об этом предпочитал не знать. А если порядочные люди чего-то не знают, так этого на самом деле и нет вовсе. И не было никогда.

Георгий Харин, конечно же, полностью принадлежал к местному высшему обществу. Однако в силу своего социального происхождения и особенностей характера он привык смотреть на бомонд с некоторой иронией. Большинство его богатых собеседников были уверены в своих связях, знании окружающей жизни и профессиональной компетентности: практически каждый из них не сомневался в своей способности прогнуть окружающий мир под себя так, как ему захочется, вполне разделяя мораль старого хита знаменитой «Машины времени». Харин обычно был осведомлен о сложных взаимосвязях окружающего мира несколько лучше, чем его собеседники. В частности, он знал, что бедный неизвестный сын учительницы, только начинающий свое дело, мог оказаться внуком горкомовского работника и племянником хорошего врача, известного всему городу. Люди не появляются из пустоты и не живут в пустоте, а жизнь у всех складывается по-разному. Гнутопальцевые нувориши тоже должны учить в вузах своих детей, ремонтировать квартиры и автомобили, искать хороших врачей... и оказывать презираемым ими «маленьким людям» встречные услуги. Исключением являются только бандиты, но они и не живут долго. Узнай о человеке, кем были его родители, где и с кем он учился, кто и откуда его жена, и окажется, что между ним и тобой цепочка из трех-четырех знакомых. Все обо всех известно, было бы желание узнавать.

О Сергее Ковыршине Георгий Харин впервые услышал в связи с появлением в одном из городских таблоидов рейтинга местных предприятий. К рейтингам Харин привык относиться с вниманием, но местные газеты вызывали у него естественное для N-ского бомонда раздражение. Плохо напишут — приходится разбираться, хорошо напишут — непременно что-нибудь да соврут, если долго ничего не пишут — тоже плохо, надо напоминать о себе. Рейтинг оказался неожиданным: наглый редактор в своей колонке измерил близость крупных предприятий к губернатору и мэру... Попытался, так сказать, выстроить по ранжиру использование административного фактора местным бизнесом. А заодно обозначил и позиции местных, полностью независимых, СМИ на все той же шкале близости к источникам финансирования. Статья была написана вежливо — и достаточно внятно, что для прессы города N было редкостью. Прозвучал там и холдинг Харина-отца, что было вполне логично, но почему-то все равно несколько неприятно. Георгий попытался собрать информацию о связях Ковыршина, но ничего особенного не нашел: приехал человек из Петербурга, купил в провинции трехкомнатную квартиру, отремонтировал, вселился. Какие связи в столицах оставил, с кем дружил, непонятно. Харин сделал запрос в банковскую службу безопасности и получил следующее:

Конфиденциально
Начальнику кредитного отдела
Г. Л. Харину

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

На Ваш запрос от __ апреля 2003 г. сообщаем:

Ковыршин Сергей Дмитриевич, 1975 г. р.

Образование — высшее, Исторический факультет Санкт-Петербургского университета (1998). После окончания был зачислен в аспирантуру СПбГУ, в 1999 г. уехал на стажировку в США, где пробыл до 2001 г. (срок стажировки истекал в 1999 г.). Чем занимался в 1999–2000 гг. — неизвестно.

В 2001 г. журналист газеты «Ночная смена», в 2002 — пресс-секретарь Прибалтийского пароходства. С предприятием в 90-е годы неоднократно происходили скандалы, в Петербурге его часто связывают с криминальным капиталом и переделами собственности. Ковыршину не удалось существенно улучшить имидж пароходства, однако его деятельность петербургские источники, связанные с силовыми структурами, характеризуют положительно.

Осенью 2002 г. неожиданно увольняется, предположительно, в связи с личными причинами. Женится на бывшей супруге коммерческого директора инвестиционно-строительной компании.

В городе N Ковыршин приобрел квартиру в ноябре 2002 г. Окончательный переезд, вместе с женой — в феврале 2003. Но работать в городе начал уже с декабря 2002: открыл газету-еженедельник «N-ский обыватель» в формате таблоида, куда переманил часть местных известных журналистов с неоднозначной репутацией. С марта 2003 организовал консалтинговое агентство, которое ведет маркетинговые исследования, заодно производит и монтирует наружную рекламу.

В настоящее время «N-ский обыватель» имеет устойчивый тираж свыше 50-и тысяч. Источники утверждают, что при таком тираже газета должна быть весьма рентабельна. Ковыршин — человек финансово независимый. Доход от консалтинговой деятельности неизвестен. Жена, Ирина Ковыршина, владеет риэлтерским агентством, также весьма доходным. Однако успех агентства во многом зависит от успеха газеты: большинство клиентов приходят через объявления, письма и рекламу в еженедельнике.

В связи с тем, что Ковыршин за помощью по официальным каналам не обращался, а его неформальные связи весьма обширны, проследить приоритетные в сжатые сроки не представляется возможным. Политические симпатии неопределенные, таблоид источниками классифицируется как «желтая пресса».

Как источник дополнительной деловой информации С. Д. Ковыршин и газета представляют для банка несомненный интерес.

Начальник отдела внешних связей
управления собственной безопасности
15 мая 2003 г.

«Столичная штучка», — подумал Харин, прочитав информашку. — «Скоро ему тут станет скучно. Или начнет беситься, или продаст все и уедет. "Представляет интерес". Ишь ты. Хотя насчет газеты — мысль полезная. Может, и стоит ее прикупить. Надо будет поговорить с отцом. Впрочем, поживем — увидим».

Фразу «поживем — увидим» Харин почерпнул у старшего поколения. Это означало, что субъект жизни собирается дальше вычеркнуть объект обсуждения из дальнейшего рассмотрения то ли из-за полной ничтожности данного объекта, то ли из-за слишком больших сложностей, связанных с ним. Так что серьезный человек Георгий Леонидович решил не знакомиться с приезжей темной личностью Сергеем Дмитриевичем, перепоручив рекогносцировку газетного бизнеса клеркам. Обычное дело для человека из бомонда — правилом хорошего тона здесь является интерес только к своему кругу. Недаром в рейтинге Ковыршина холдинг Харина-старшего был в первой десятке.

3

Конечно же, мне нужна была стерва. Жадная до денег, мужского внимания, секса, нарядов, расчетливая и хитрая. Умеющая заинтриговать любого мужчину и удержать его внимание до тех пор, пока он ей нужен. Я бы ревновал ее, устраивал скандалы с бурными последующими примирениями в непременной постели — вот она, настоящая жизнь! Романтика, Кармен, свобода. Не можешь обеспечить это жадное тело ласками или деньгами — пошел отсюда, уступи другому. Надоела своей жадностью и стервозностью — вот тебе фунт моего мяса, Шейлок в юбке, и прощай навсегда. Никакого чувства вины. Никаких обязательств. Идеал моего романтичного поколения. А я? То ли я не молод? И то ли женщины, которые у меня были, были устроены по-другому?

Иринка сначала полностью соответствовала моим критериям. Когда мы с ней познакомились, я много зарабатывал, отмывая закопченные в боевых рейдерских разборках мордашки наших бизнесменов. Агрессивная часть журналистской братии, увлекшаяся публицистикой, путает это занятие с лизоблюдством. Даже экономический термин для профессии придумали, — видимо, чтобы оправдать свой подход, — искусство ануслизинга. Дерьмо собачье. Бизнесмены наши, хотя и шельмы прожженные, однако вполне готовы стерпеть плевок от прессы. Конечно же, только в том случае, если слюна стирается, а имидж становится лучше. Это здесь, в N, они боятся давать пресс-конференции и объяснять, чего они хотят, не посоветовавшись с губернатором. Деревня на восемьсот тысяч населения. Абсолютно по-сиволапому: все секрет, и ничто не тайна.

Мы оказались с ней у меня дома, зная только имена друг друга, имея в виду секс и ничего более. У хорошего человека познакомились на банкете, в малом зале, мест на пятьдесят. Уже потом, поскольку нам обоим понравилось, обменялись телефонами и фамилиями. Я узнал, кто она такая. Она навела справки и выяснила, кто я такой. Я пару раз видел

ее с другими мужчинами. Как мне показалось, их намерения были очевидны. Иринка как-то пронаблюдала мои приветственно-прощальные объятия со знакомыми подружками. Думаю, что и она сделала правильные выводы. Мы не годились ни на что семейное — два разумных эгоиста, смеявшихся над Чернышевским. Этот странный писатель предполагал, если не ошибаюсь, что нормальный мужчина мог дожить до двадцати семи, не будучи уродом и нищим, — и ни разу не побывать в постели с женщиной.

Мое поколение мало пьет и тем более редко напивается. Бодрость, свежесть, сочность, здоровье, сила. Это наше все. Розарий, шиповник, репейник — наши необъявленные флористические символы. И в три часа ночи Иринка была все так же свежа и бодра, как и в семь вечера. Я задним числом думаю, что она выпила лишнего. А тогда я решил, что наступил час Быка. Муторное время. Если не спишь, то со дна души появляется всякая муть.

Ира загрузила меня своим неудачным браком, делами мужа и своими проблемами по самые уши. Я был уверен, что она — стерва, оказалось — несчастная женщина. Или все стервы на самом деле просто несчастные женщины? Навряд ли. Хотя — кто знает.

С мужем они сосуществовали, стараясь выглядеть на людях красивой современной парой. Он был старше ее на двенадцать лет, когда-то она была от него без ума. После двух лет замужества безумие куда-то делось, а отягощать себя потомством не хотелось ни ей, ни ему. В результате муж стал использовать ее в служебных делах — сделал исполнительным директором риэлтерской фирмы, через которую проводил свои левые заказы — и левые деньги. И жестко контролировал ее финансы. Она чувствовала себя в тупике, из которого не видела выхода.

В четвертом часу ночи это звучало трагически, особенно если не думать о том, что большинство моих простых знакомых девиц с удовольствием бы променяли свою перспективу жены официанта и карьеры торгового работника на такой вот ужасный жизненный тупик. В общем, как всегда, многие живут хуже. Но ведь некоторые — живут лучше. И почему именно она должна это все терпеть?

Наутро Ира попыталась забыть свою нечаянную исповедь. Но я ей этого не дал, я, видите ли, возомнил себя рыцарем-спасителем заблудшей Марии Магдалины на белом коне. Спасать ее было приятно, тем более что мужа своего она, похоже, действительно ненавидела и ненавидит до сих пор. Когда она заявила ему о разводе, он, во-первых, оставил ее без недвижимого имущества, а во-вторых, как мог, постарался испортить репутацию в их общих инвестиционно-строительных кругах. Как оказалось, она ошибалась: они были далеко неравнодушны друг к другу.

На таком фоне нетрудно оказаться героем ее романа. Да я сам восхищался собой по самое «не могу». Ради этого и было все затеяно.

Как я гордился, увольняясь со своей хлебной работы и покупая квартиру в этой дыре! Хоть что-то сделать из благородства, ради женщины, которая меня любит. Пожертвовать, в чистом виде. И вот я здесь,

с ней. Гордый и самостоятельный. Деньги то ли начинают кончаться, то ли кончают начинаться, почти все вложил в эту чертову газету, ведь больше мне здесь заняться нечем. Работать приходится по восемь рабочих дней в календарную неделю. Все — ради нее. Потому, что Ирина не стерва. Чего мне еще? Неужели того, что женщина — умна, красива, любит меня, — неужели всего этого мне мало? Похоже, что да.

Ира теперь должна мне навсегда; мы об этом никогда не говорим, но я так чувствую, и не могу убедить себя в обратном, применяя любые логические аргументы. Она уверена, что расплатилась со мной, выйдя за меня замуж, — но так ли мне нужно видеть ее каждый день? Я раздражаюсь на себя, а потом и на нее. Любит ли она меня или просто пользуется мной? Люблю ли я ее? Достаточный ли это повод для того, чтобы торчать здесь, в N, и изо всех сил делать вид, что я — счастлив?

Февраль 2003

4

«При современных средствах косметики женщина не имеет права быть некрасивой». Ирина не помнила название глянцевого журнала, в котором когда-то давно она прочла эту категоричную фразу. Тогда же она научилась пользоваться косметикой и сделалась естественной блондинкой, что в сочетании с карими глазами и слегка вздернутым носом придало ей почти модельную миловидность.

В другом журнале Ирина прочла: «Улыбка — недорогой способ выглядеть лучше». Она научилась улыбаться, когда ей не говорили ничего смешного: она просто давала понять собеседнику, что ей приятно его видеть.

От природы обладая хорошей фигурой и миловидной внешностью, Ирина удивляла своих подруг фанатической приверженностью к фитнессу и диетам. Она хотела того же, чего хотят все, — быть красивой и богатой, но путь к богатству был слишком абстрактен, в то время как с красотой ей было все понятно. Пройдя через несколько студенческих романов по пути к получению диплома юриста, Ирина приобрела сексуальный опыт, иронию и понимание того, чего она не хочет от мужчин. Как ей тогда казалось, получить желаемое можно методом исключения. Руководствуясь последним, она и вышла замуж за человека с хорошими связями, деньгами и властью, перебралась с Ржевки на Каменный остров и перестала встречаться с родственниками и друзьями детства.

Ее первый муж оценил в ней красоту и целеустремленность и дал ей возможность получить некоторый опыт в сфере торговли недвижимостью. Однако этот свой брак он оценивал как мезальянс и ради Ирины не собирался отказываться от прежних привычек. Умиление, которое она сначала приняла за его любовь, оказалось обычным приятным чувством собственника красивой вещи. «Посмотрите, она у меня еще и разговаривает!» — так Ирина со временем научилась переводить веселый взгляд своего мужа, обращенный на нее во время совместных

выходов на различные корпоративные мероприятия. Она попыталась изменить ситуацию самым надежным способом, — заговорив с мужем о ребенке. Он рассмеялся и ответил, что должно пройти три года карантина, пока он не убедится, что Ирина действительно способна быть женой и матерью его ребенка. И что прошло всего полтора года, а они уже начинают скучать в обществе друг друга. Да и вообще с ней бывает не о чем побеседовать.

— Ты хоть прическу перекрасила бы, что ли, — с какой-то неожиданной досадой сказал он, уминая специальной лилипутской ложечкой табак в дорогой длинной трубке. — А то ведь — Барби, ни дать, ни взять.

— И какой же цвет тебе нравится, милый? — она с трудом сдержалась.

— Да не все ли равно. Лишь бы — не платиновый и не пергидрольный.

Сначала она почувствовала горечь и обиду. Потом — холод разочарования и злость, и выкрасила волосы в цвет красного дерева с перемежающимися белыми прядями, поставив шевелюру дыбом. А еще позже — начала мстить. По-своему. Как выражались в ее дворе, она стала *гулять,* стараясь не афишировать свои случайные связи.

Хотя явных доказательств ее измен не было, их отношения изменились, став вежливо-равнодушными. Муж как будто ждал от нее этого. Умиление ушло давно, но теперь пропала даже былая жестковатая откровенность, он вообще стал мало говорить с ней. Зато появился неукоснительный контроль за денежными тратами и доходами. При всех этих обстоятельствах они продолжали время от времени делить супружескую постель. Постепенно Ирина возненавидела своего мужа. Она чувствовала, что их отношения не переживут срок карантина.

Ирина действительно не знала, что делать, до встречи с Сергеем Ковыршиным. Уходить от супруга было некуда. Дело было даже не в материальных потерях: она была готова и на потери, и на то, чтобы начать все сначала, — однако где и как начинать? Никакого ответа на этот вопрос у нее не было. Целых два года и одну вечность назад, во время медового периода их брака, она воображала себя Галатеей. Ее деловому супругу было еще интересно играть в профессора Хиггинса и знакомить Ирину со своими друзьями и объяснять темному самородку разные вещи про окружающую жизнь. Тогда она поняла, что люди живут своеобразными «кругами»: у каждого свой круг общения, этот круг поддерживает и двигает вперед человека, а человек должен поддерживать и укреплять свой круг.

— Что есть истина? — посмеиваясь и разглаживая ухоженные усы, задавал риторический библейский вопрос ее супруг. И сам же отвечал — Истина есть продукт коллективной мыследеятельности.

— А что такое мыследеятельность? — спрашивала наивная Ирина.

— Когда ты думаешь перед тем, как говоришь, что ты собираешься делать... Впрочем, это абсолютно неважно. Главное, чтобы мыслили и приходили к выводам коллективно. Вот это по-настоящему важно. По-

скольку даже если придуманная коллективом истина никак не соотносится с реальностью, тем хуже для реальности.

— Так ведь реальности-то все равно, чего про нее думают...

— Нет, не все равно. Реальность, дорогая моя простофиля, существует только постольку, поскольку ты о ней каким-то образом думаешь. Реальностей вообще много может быть. Теперь представь: если ты думаешь про нее одно, а десять человек — другое, то восторжествует не твоя, а их реальность. Поняла?

— Поняла. Ну и что?

— А то, что существовать ты можешь только вместе с коллективом, а не сама по себе, потому что в противном случае все, что ты думаешь, чувствуешь, хочешь, не будет иметь никакого значения. Просто с тобой, с твоей реальностью никто не будет считаться.

Ирина это хорошо поняла. Как поняла со временем и то, что у ее мужа круг был, и не один, а несколько. А у нее не было ни одного. Поняла она и то, что мужнин круг защищает ее семью, а следовательно, ее саму; дает ориентации и цели в жизни, наполняет ее смыслом. Наконец, она заметила, что, кроме нескольких кругов, у ее мужа есть еще и родственный клан, а у нее, несмотря на живых брата и родителей, клана-то нет.

Так что не в потерях дохода и имущества было дело. Уйти от мужа она могла: снять комнату, во всяком случае, ее доходы позволяли. Однако Ирина только в этой тяжелой для себя ситуации поняла, что на самом деле означало для нее замужество. Она довольно далеко продвинулась к своей второй цели — стать богатой. Ведь дело не в деньгах, а в принадлежности к определенному кругу. И потерять все это было для нее по-настоящему страшно.

Она не стала объяснять это Ковыршину: не маленький, сам из таких же кругов, должен понимать. Но он не понимал. Ирина долго не могла в это поверить. Она как должное приняла любовь Сергея к себе: ведь ее нельзя было не любить. Когда он предложил выйти за него замуж, это было тоже естественно: она хотела поменять мужа и выйти из того положения, в котором оказалась. Однако дальше начались разочарования.

Во-первых, при разводе она не получила ничего, кроме небольшой суммы денег. Внезапно для себя она выяснила, что у них нет «совместно нажитого имущества». От квартиры на Каменном острове оказалось невозможно оторвать ни одного квадратного метра. Юридическое образование ей не помогло: в пору былой влюбленности и надежд она не отслеживала тонкости подписываемых ею документов, среди которых оказался и брачный контракт. Собственно, то, что она не отслеживала эти тонкости, как она поняла потом, и сделало возможным их брак: с точки зрения ее мужа, это было доказательством того, что Ирина любит его больше, чем он ее. А их брак был возможен только на этих условиях. Она запомнила эту мужскую логику. Единственное, что ей подарили и за что она теперь получила отступные, — маленькая риэлтерская фирма.

Во-вторых, как и пообещал ей муж, ей не удалось устроиться в той среде, которую она считала своей. Никто из их общих деловых знакомых

не захотел взять ее на работу. Ирина решила, что они боятся испортить отношения с мужем, чтобы не думать про себя о чем-нибудь похуже.

И наконец, связавшись с Ковыршиным, она рассчитывала на круг его связей. Прибалтийское пароходство — серьезная фирма, и она была бы не против туда попасть. Но Сергей всерьез спасал ее от мужа: он решил увезти Ирину подальше, в город N. Она поехала, предвкушая роль провинциальной королевы. Когда она поняла, что в N у Ковыршина нет никого, кроме одного старого приятеля по работе в питерской «Ночной смене», с которым они собираются делать газету, она пришла в бешенство.

Но делать было нечего, оставалось отыгрывать этот вариант до конца. Тем более что с Ковыршиным это было несложно — его было просто любить, он не вел сложных бесед, состоящих из хитрых ловушек, как ее первый муж. А готовить и гладить рубашки Ирина умела. Что еще нужно для взаимности?

Деньги, полученные в качестве отступного, она вложила в строительство двухкомнатной квартиры в Питере. Не Бог весть что, в новом районе. Но и это было бы невозможно, если бы ее первый муж не смилостивился и не помог: строительство осуществляла его инвестиционная компания.

Уже через полгода еще недостроенная квартира стала стоить на 25% дороже по сравнению с первоначальной ценой. А к концу строительства, как сказал ей бывший супруг, она будет стоить в два с половиной раза дороже. Это было уже что-то.

В N к Ковыршину Ирина привезла только свои наряды.

5

Вчера источник в областном правительстве передал мне этот отчет, который теперь гуляет по областным структурам. Я профессору Z конкретно перешел дорогу — был заказ на разработку рекламной компании здешней торговой сети «Переулок».

И что теперь делать?

Видимо, придется просто наплевать, не отказываться же от денег.

Для служебного пользования

Начальнику департамента информационной политики области

В соответствии с договором №____ от __ июня 2003 г. направляем Вам отчет о выполненной работе.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

За первые семь месяцев 2003 года на территории N-ской области выходило 7 общественно-политических газет (не считая «районок» и областных приложений к центральным газетам), осуществляло вещание 3 телевизионных канала (2 — в региональной собственности, 1 — с

преобладанием частного капитала, с муниципальным участием), работало (в УКВ-диапазоне, так называемое FM-радио) 4 радиостанции.

Радиостанции осуществляют прежде всего развлекательное и рекламное вещание. Новостные блоки даются без комментариев в начале каждого часа и берутся из Интернета и официальных областных релизов.

Региональные телевизионные каналы осуществляют наиболее взвешенное информационное освещение... [.....]...

Содержание передач частного телевизионного канала в целом сбалансировано. Контент-анализ вещания показывает, что из 150 упоминаний, в которых фигурировала областная администрация и губернатор, 100 — позитивно-нейтральных, 25 — однозначно позитивных, 15 — однозначно негативных. В отношении городской администрации — 200 упоминаний, 120 — позитивно-нейтральных, 65 — однозначно-позитивных, 15 — негативных. Такое положение, учитывая распределение контроля и позиционирование канала, следует признать в целом нормальным...

...Несмотря на большое количество печатных изданий, распространяемых на территории области, только три газеты имеют реальный (а не заявленный) тираж свыше 35 тысяч: «N-ская правда», «Бизнес-курсЪ», «N-ский обыватель». «N-ская правда» является традиционно региональной газетой, получающей поддержку из областного бюджета. В силу своего позиционирования, освещение деятельности областной администрации с однозначно негативных позиций в рассматриваемый период практически не наблюдалось (имеется конструктивная критика в отношении подготовки к посевной кампании — департамент сельского хозяйства, ремонта дорог — департамент транспорта). Контент-анализ показывает существенное (13) количество публикаций с критикой (однозначно негативные) в адрес областного совета, 40% мест в котором традиционно принадлежит представителям КПРФ и аграрной партии...

...«Бизнес-курсЪ» ориентирован на читателей областного центра и занимает про-мэрскую позицию. За рассматриваемый период вышло сравнительно небольшое количество однозначно негативных публикаций (5) с оценкой деятельности областной администрации и губернатора, с критикой городских властей (2, конструктивная критика). Здесь обращает внимание на себя количество опубликованных интервью с представителями «Единой России», их в четыре раза больше, чем в «N-ской правде» (19 против 9)...

Позитивно оценивает деятельность левых партий только газета «Вечерний N». Однако, несмотря на заявленный тираж этой газеты в 30 тысяч, едва ли его реальный тираж превышает 15-20 тыс. экземпляров...

....[.....]... Наибольшие опасения в связи с предстоящими выборами Государственной Думы, а также приуроченными к ним выборами депутатов в состав областного совета вызывает позиция газеты «N-ский обыватель». Контент-анализ показывает, что за рассматриваемый период в еженедельнике было 46 однозначно негативных материалов в адрес областной администрации, немногим меньше — 42 — в отношении городской администрации и городского совета. Зачастую несколько

негативных публикаций по разным поводам размещались в одном номере еженедельника....

...Позиционирование «N-ского обывателя» как газеты с негативной направленностью по отношению к действующей системе власти позволяет использовать его в своих интересах оппозиционным левым политическим силам. Хотя в целом еженедельник можно охарактеризовать как внесистемное СМИ, в силу роста его тиража и распространения его влияния среди протестного электората возможно осуществление манипуляций общественным мнением...

[.....]... в настоящее время достигнута определенная целостность политического руководства области и города, конструктивных политических сил и представителей большей части растущего перспективного бизнеса. В силу своей внесистемности «N-ский обыватель» на данный момент не может угрожать упомянутому единству, однако потенциально позиция газеты представляет определенную угрозу....

Руководитель экспертной группы
Факультета журналистики N-ского
государственного университета _____

август 2003

После чтения этого отчета, вложенного в папку с дневниковыми записями Ковыршина, Георгий Харин задумался. Он сам относился к областным властям со всей серьезностью: по его мнению, губернатор уже давно считал себя местным богом, благодетелем N-ского народа и был абсолютно нетерпим к любым высказываниям СМИ. «Может быть, это все объясняет... А может, я просто хочу так думать, потому что мне так удобно», — констатировал он и пошел в свой тренажерный зал.

6

Фитнесс-клубы в городе N появились сравнительно недавно. Конечно, то, что называлось когда-то атлетической гимнастикой, культуризмом, бит-физкультурой, аэробикой, было в городе всегда. На многих спортивных залах времен советской постройки появились новые гордые вывески, но редкий представитель N-ского бомонда бывал в этих унылых храмах здоровья и потребления анаболиков. Для настоящего фитнесс-клуба много чего нужно: это не подвальная качалка и не зал с зеркалами и балетным станком. Сауна, душ, тренажеры, массажные, косметические кабинеты и многое из того, что не поддается рациональному объяснению, — все это требуется для достижения тонуса и хорошего настроения работающего над своим организмом современного человека. В N это не только дорого, но еще и не рекламируется: клиенты и так знают нужный адрес. Ирина нашла нужный ей фитнесс-клуб в городе N только с пятой попытки.

Она регулярно гоняла себя там до седьмого пота, чем поражала местную публику, которая приходила туда, как и положено, отдать должное здоровому образу жизни, но не собиралась особо упираться. В конце концов, для того чтобы убрать жир, есть операция липосакции.

В фитнесс-клубе Ирину заметила и разглядела золотая молодежь города N. Она не отказывалась от знакомств во время употребления зеленого чая, однако не принимала приглашений на свидания. Ирина выпила чаю и с Георгием Хариным, запомнив на всякий случай эту фамилию: она вообще старалась запоминать фамилии, — сказывалась выучка ее первого мужа.

Из клуба вечером она заезжала на подержанном фольксвагене в редакцию к Сергею. Он всегда радовался ее приезду. Иногда ей удавалось забрать его с работы, иногда — нет. Но Ирина каждый раз улыбалась ему и висла у него на шее, не стесняясь других сотрудников редакции. Они приветствовали симпатичную, всегда открытую к легкому флирту, жену шефа. Почему бы и нет? Тираж газеты рос от месяца к месяцу, что позволяло Ковыршину платить им хорошую зарплату.

Ирина внимательно следила за Сергеем, тщательно скрывая от него свой гнев. В каком-то смысле она не ошиблась в нем: это был человек круга, просто свой круг он носил с собой. Как и множество других русских людей, он был крайним индивидуалистом, даже не задумываясь об этом; более того, совершенно искренне говоря всем вокруг, что он — человек коллективный.

Чем дальше от Москвы, тем сильнее русский человек одинок, индивидуален и склонен полагаться только на самого себя. В своей самодостаточности он не нуждается в кооперации, наоборот, он готов подчинять окружающих грубой силе, и сам подчиняется ей. Люди независимые, не склонные ни к подчинению, ни к господству, в провинции редки; они пользуются авторитетом и ненавистью в равной степени. Ковыршин, который пережил в США неудачный опыт приобщения к коллективистским ценностям страны закрытых клубов, вернувшись в Россию, научился незаметно располагать к себе других людей. Это помогало его успеху в провинции: то, что сначала Ирина спутала с наличием большой суммы денег, оказалось всего лишь его способностью к коммуникации и каким-то тихим, домашним обаянием. Кроме того, приятель Ковыршина по «Ночной смене», питерский еврей Борис Стерлин, единственный из всех его знакомых смотревший на Ирину с откровенной иронией, очень сильно ему помог, сразу же перейдя на работу в «N-ского обывателя» и став соредактором. Он же поддержал создание консалтинговой фирмы, где стал партнером и риэлтерского агентства, которое, впрочем, сразу же было «записано» на Ирину.

В консалтинговую фирму пришло несколько молодых людей, выпускников экономического и журналистского факультетов N-ского университета. Они публиковались в газете и получали гонорары как внештатники, заодно довольно быстро набрав заказы на изготовление рекламы. После этого фирма стала получать самые неожиданные контрак-

ты, а ее сотрудников, как и журналистов «N-ского обывателя», стали приглашать на все сколь-нибудь значимые презентации и деловые мероприятия в городе.

Сначала Ковыршин сам ходил на такие мероприятия, однако со временем стал появляться на них все реже. Зато он часто отправлял туда Ирину, Стерлина и молодых сотрудников фирмы. «Поговори с приличными людьми, развлекись. Познакомишься с интересными мужчинами. А у меня тут вечно — то понос, то золотуха», — дергая себя за длинный нос, смущенно улыбался он Ирине. Сначала ее это раздражало, она видела в подобных предложениях Ковыршина слишком незамысловатые провокации, на которые нельзя поддаваться. Но постепенно она стала ходить на премьеры, презентации и вернисажи без Сергея.

Летом, в мертвый сезон отпусков, Ирина попала на презентацию инвестиционного проекта фармацевтической фирмы, где в очередной раз встретила Харина. Делать им было нечего: они оба ничего не понимали в химии и предъявляемых теперь к фармацевтическому производству международных жестких регламентах и проболтали друг с другом час, пока не сбежали с фуршета в ресторан с джазовым трио. Тем не менее Ирина, внутренне сравнивая себя с Золушкой и смеясь сравнению, к полуночи была дома.

Ковыршин спал на диване одетым: видимо, ждал ее и заснул. Она почувствовала необычную жалость и нежность к нему. После разговоров с Хариным ей был нужен мужчина. Она разбудила Сергея. Ночь была на редкость страстной.

7

Удивительное дело, в России всегда чувствуешь наличие опасности. Это чувство то притупляется, то становится острее. Как только уезжаешь на Запад, оно исчезает.

Именно за этим толпы российских туристов регулярно пересекают границы. Природа в России красивее, леса величественней, история богаче, реки и озера глубже и больше... Любовался бы этим всю жизнь. Но только залюбуешься, как тут же прилетит по голове. От бандитов, милиции, пьяного соседа. Взорвется газовый баллон на кухне, попадешь в такую рытвину на дороге, что останешься без подвески. Впрочем, какая разница? Кругом засады. Все время как на войне.

Зачем я сюда вернулся? Чего мне не хватало на Западе среди узкого круга уехавших и всеми силами пытающихся приспособиться в США стажеров, пока еще не эмигрантов? Молодые историки стран Восточного блока... Да, мы, русские, конечно, дерьмо, зато украинцы, белорусы, грузины, прибалты — вот это настоящие народы! Вся их история, правда, опять-таки была написана русскими, да и народов-то самих сейчас бы, того и гляди, не было чисто физически, но ведь это не повод уважать Россию, напротив. Нам только дай волю, и мы такое вам покажем! Теперь-то мы знаем, кто нам мешал национальную историю творить на иностранные деньги.

Как это все было противно. Оказалось, что у меня есть принципы. Вот уж о чем и не подозревал. Пришлось уйти из профессии. Но я мечтал писать, понимаете ли. Открывать людям глаза. И в результате стал репортером. Между прочим, я стал американским репортером, и это была хорошая школа.

Что я хотел найти на родине? Да все. Я думал, что теперь я много чего умею, никакое издание периодической печати не откажется от услуг такого замечательного парня. Я хотел денег и славы, думал заняться литературой и философией, чтобы отличаться от соотечественников, которых объединяет между собой единственно всезнайство и самодовольство, эта еще Чеховым описанная всепобеждающая ограниченность несостоявшихся Остапов Бендеров. Я хотел любви, а не добрых отношений с моей герлфрендой. Я хотел найти друзей, а не сослуживцев.

И— что мне удалось? Почти сразу же мне пришлось ориентироваться на деньги. Пишу только колонки и репортажи. Думал, что встретил большую любовь, — оказалось, увел жену у богатого мудрого человека. Сама она теперь время от времени сожалеет о бывшем муже и своем неразумном молодом поведении.

Любовь— это когда отдаешь и не требуешь ничего взамен, тебе приятно отдавать все любимому человеку. Отдавать-то мне приятно, однако я, как оказалось, очень даже многое хочу получить взамен.

Мы пытались разговаривать с Ирой об этом. Она, похоже, искренне не понимает, чего я от нее хочу: ведь жена изредка готовит пищу, пользуется стиральной машинкой-автоматом и гладит мне рубашки, убирается в квартире Ира прилично зарабатывает в нашем агентстве и не берет у меня денег на свои развлечения. Что еще может быть нужно мужчине?

Оказывается, много чего нужно. Тепло и готовность отдавать не фиксируются в словах, они есть или их нет в интонациях... Время от времени я вечерами наблюдал ее недовольный вид. А теперь ее уже не надо уговаривать ходить на презентации, — шляется сама, хлебом не корми, — и вечера я часто провожу один. Мужики какие-то ей звонят и не представляются, когда я беру трубку. Вот она, моя счастливая семейная жизнь.

Интересно, Иринка уже изменяет мне или нет? Похоже, это вопрос времени. Я уже хочу этих ее измен, чтобы расстаться со своей большой любовью тихо и миролюбиво. «Пост сдал, пост принял». И одновременно еще ревную ее жутко, с трудом удерживаюсь, чтобы не начать ее выслеживать.

А я все удивлялся, что она не говорит о ребенке. Какой уж тут ребенок.

Проблемы не ходят по одной. На работе как-то все из судов не вылезаем. Вроде бы и не трогаем никого, а все время иски о защите чести и достоинства. Пока выигрываем, — спасибо Стерлину, уже пару раз питерских адвокатов притаскивал, — а ну как начнем проигрывать? И— что дальше тогда?

Продавать надо газету, пока она чего-то стоит. Уже несколько раз звонили из холдинга Леонида Константиновича Харина: дескать, сам приглашает на встречу. Жаждет поговорить. Мне, впрочем, тоже есть, что ему сказать. Зачем ему, системному человеку, внесистемная газета? Электоральный ресурс, на котором он наварить хочет?

Мечты, которые тебе дороги, глупо продавать задешево. Свободный капитал — это всегда хорошо, плюс еще и пойду в наемники, голова перестанет обо всех болеть. К сорока надо будет начать жизнь рантье, жениться по расчету на бесприданнице, и все такое прочее.

Конечно, глупо это все. И мое чувство опасности, и личная жизнь, и конъюнктура — все за то, чтобы продать дело и расстаться с женщиной. Но я еще не готов. Я еще поборюсь.

Сентябрь 2003

8

Георгий Харин сравнительно редко виделся с отцом, хотя перезванивались они часто. На этот раз у них был длинный деловой разговор по поводу земель в лесопарке в центре города, которые выделялись под малоэтажную частную застройку. Проект с экономической точки зрения был беспроигрышным, однако на землях рекреационной зоны города что-либо строить было запрещено. Перевод земель в другую категорию — дело долгое, кроме того, о проекте в этом случае узнавали конкуренты, и затраты на получение землеотвода увеличивались в несколько раз. Поэтому оформлять участок и строить надо было начинать сейчас, а перевод земель оформлять задним числом. Они обсудили это: застройщик был не из холдинга Харина-отца, так что при возникновении скандала они оказались бы ни при чем. Но в этом случае за застройщиком требовался особый контроль, существенную роль в котором играла кредитная линия, открытая под данный проект банком, где работал Харин-сын. И принципиально важным было сохранение конфиденциальности. Вдобавок компания-застройщик принадлежала депутату областного совета, который шел на очередные осенние выборы. В преддверии последних скандал ему был совсем не нужен, но откладывать реализацию проекта или уступать его другому застройщику не хотелось. Кусок был слишком жирным, и на него могло найтись много желающих, о которых Харины говорили с чуть презрительными интонациями потомственных аристократов.

Прощаясь, Леонид Константинович сказал Георгию:

— Пора бы тебе тоже дом построить, я думаю. Место хорошее, возьми себе участок.

— Да куда мне, отец. Дорого, хлопотно, долго. Мне и в моей квартире хорошо.

— Скромность — это похвально. Жениться тебе пора, я говорю. Пока в лоб не скажешь, похоже, до тебя не доходит. Девушка-то у тебя есть?

— Девушки-то есть... этого добра хватает. Только несерьезно все это. А женщина, которая нравится, как назло, замужем.

— Ты с ней объяснился? Тебе отказали?

— Я же тебе сказал. Она замужем. Какие могут быть объяснения. Так, пару раз вместе чай пили.

— Дом начинай строить. Потом поговоришь. С ней или с другой. Дом — это серьезно. Туда девушек водить неудобно, не то, что в твою квартиру. Да ты, поди, квартиру-то продавать не будешь. Ловелас. Хыгмм.

Георгий Харин отнюдь не считал себя донжуаном. Может быть, именно в силу этого он редко делал женщинам неприличные предложения. Еще реже ему отказывали. Он не настаивал и не обижался.

Георгий не собирался делать такое предложение Ирине: поговорив с ней, он решил, что Ирина только посмеется в ответ. Они продолжали время от времени пересекаться в фитнесс-клубе, улыбались друг другу, иногда вместе пили чай. Харин восхищался Ириной — и одновременно понимал, что вызывать восхищение и желание у мужчин является частью бессознательного поведения этой молодой женщины. Он вздыхал и ехал к очередной любовнице.

Ирина, естественно, заметила вздохи молодого банкира. Он был ей симпатичен, но этого было мало, чтобы воспользоваться его сексуальными услугами. Ирина считала себя верной женой, хотя и предпочитала всегда иметь несколько вариантов про запас. Приехав в N, она пыталась строить отношения с Ковыршиным: в конце концов, разве не она сама решила дать ему шанс, официально вручив ему руку и сердце?

Вначале, по мнению Ирины, Сергей честно пытался отрабатывать полученный аванс, создавая свой бизнес, зарабатывая необходимые для семьи деньги, будучи с ней щедрым и ласковым мужем. Но постепенно она с изумлением обнаружила, что этот длинноносый яйцеголовый Ковыршин вовсе не считает себя осчастливленным ею, как и не чувствует своей ответственности за то, что увел ее от богатого мужа. Эта новая мужская философия была ей непонятна: стало быть, Сергей занимался газетой и остальным потому, что ему это было *интересно*, а не потому, что он должен занять свое место в N-ском, а потом и в российском бомонде и обеспечить свою семью? А если ему перестанет быть интересно? Если возникнут *другие обстоятельства*? Ирина предчувствовала, что здесь кроется какая-то опасность для нее, и пыталась понять логику жизни Ковыршина. До этого о ребенке не могло быть и речи. Впрочем, Сергей и сам не разговаривал с ней о детях.

Ирина как в воду глядела: к осени Ковыршин все чаще стал срываться в депрессию без внешнего повода. Он все чаще отказывался уезжать с ней с работы, находя поводы задержаться, но когда она приезжала из гостей и с презентаций, он почему-то всегда уже был дома. Это было странно и скандально. Более того, Сергей перестал быть инициатором их любовных игр. Когда она заметила это, она почувствовала себя глубоко уязвленной. И пришло время для Георгия Харина. Запасной вариант должен готовиться заранее... хотя то, что его приходилось готовить

в каком-то задрипанном N, а не в Петербурге или, на худой конец, в Москве, наполнял ее сердце желчью и сарказмом. Докатилась. В сентябре она впервые вместо тренировки в фитнесс-центре приехала в квартиру Георгия.

Жизнь молодых деловых людей в России XXI века оставляет мало времени для секса на стороне и романтических свиданий. Встречи урывками только распаляют фантазии о возможной будущей счастливой жизни с секс-бомбой (суперменом) и неудовлетворенность настоящим. И хотя Ковыршин ни о чем не спрашивал Ирину, не звонил ей среди дня на работу или на мобильный телефон и даже стал сам готовить утренний кофе и вечерние бифштексы из полуфабрикатов, теперь она жила в постоянном напряжении. Ирина заметила, что Сергей после семи вечера уже не оставался на работе. Он явно стал писать что-то, не связанное с его журналистскими делами, пользуясь ноутбуком, а не домашним компьютером с гораздо более удобной клавиатурой. Ирина потихоньку попыталась посмотреть, чем занимается Ковыршин, однако ноутбук оказался запаролен, а как справляться с такой напастью, она не знала, хотя и попробовала набрать в качестве входа свое имя и дату рождения мужа. За последней пришлось лезть в папку с архивом семейных документов, но и это было бесполезно.

Ирина чувствовала, что с Ковыршиным происходит нечто важное, ускользающее от нее. Однако Георгий Харин занимал почти все ее мысли. С этим надо было что-то делать. Она провела глубоко эшелонированную подготовку мужа к осознанию необходимости для нее краткосрочного отпуска, время от времени осторожно вводя в семейную дискуссию тему своей поездки в Петербург. Сергей со всем соглашался, участливо поддакивая. И в то же время, когда он считал, что Ирина его не видит, он как-то тихо, по ее мнению, исключительно издевательски, улыбался. Она бесилась, но сказать было нечего.

В первую декаду ноября Ирина и Харин поехали в Испанию. Дали, Гойя, Гауди... — все это надо было увидеть. В конце концов, влюбленные и высокое искусство — они должны были ближе узнать друг друга.

9

Никогда не любил ноябрь. Не осень, не зима. Да еще и начинается со странных праздников. По идее, надо было бы вместо всех этих толерантностей устроить централизованный день поминовения жертв Гражданской войны. С вывозом всех не только на старые, а уже и на новые кладбища. Может, проняло бы. Хотя — кто знает. Посмотрели бы на могилы, помянули, а потом спьяну полезли бы в драку друг с другом. Ноябрь — это у нас такой месяц Волка, недаром он проходит под знаком Скорпиона. Вредоносное животное.

Ожидания полностью оправдались.

Сначала был очень неприятный разговор со Стерлиным. Он через свои источники в архитектуре нарыл инфу о том, что часть центрального

лесопарка, которая принадлежала аграрному университету, собираются отдать под частную застройку. И что продавливает это решение Харин, причем все жутко спешат, чтобы успеть все сделать до выборов. Хороший материал, но я решил его придержать. На Борин вопрос «почему?» я сказал, что негоже ссориться будущему главному редактору с возможным будущим собственником газеты. От Стерлина я не хотел скрывать свои планы.

Он, конечно, расстроился. А потом разозлился, начал кричать, что он на меня все это время работал, как лошадь. Я ответил, что все работали, как лошади, иначе бы ничего не вышло. Стерлин сказал, что работали-то все, а прибыль от этого получу один я. Тут уж я не выдержал и спросил его, в каких местных изданиях он еще видел такую зарплату. Прибыль у нас всегда шла только на приобретение оборудования, Интернет, базы данных и прочую лабуду, я себе в карман не положил ни копейки.

— Зато теперь положишь.

— Боря, я же потом уеду отсюда. Все, что у меня есть, — это здешняя квартира, да еще бизнес. Мне же надо будет опять начинать все с начала.

— Да тебе еще нет и тридцати! Заработаешь. А мне уже сорок пять, и какой собственник после твоего ухода будет мне платить столько? Да и насчет главреда: утвердят ли меня — это еще вопрос.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу треть того, что ты получишь за газету.

— Понятно...

В конце концов его устроила четверть. Еще пять процентов я пообещал выплатить трудовому коллективу в качестве премии. Чтобы его успокоить, мы даже сходили к нашему юристу, заключили гражданский договор: я — что все выплачу, он — что обязуется не публиковать свои материалы.

Потом еще была череда абсолютно изматывающих торговых разговоров с Хариным. Вот же бык старой закалки. Привык, сволочь, в советское время к тому, что покупаются-продаются люди, а не бизнес. Барин, а все кругом для него — проститутки. То есть это понимается так: я тебе лично плачу, а ты публикуешь то, что мне надо. Дешево и сердито. А газета и консалтинговая фирма ему, видите ли, не нужны. Работорговцы хреновы. Забавно, сколько лет уже эта схема в России работает. У них тогда хотя бы работники КГБ не продавались? Продавались поди, вон, только Гордиевский с Калугиным чего стоят...

Две недели понадобилось, чтобы он понял: со мной у него так не получится. Пришлось его немного ускорить, сообщив ему, что мы знаем о готовящейся застройке в лесопарке. В мои намерения не входило его шантажировать, о чем я и сказал. Чистая коммерция.

О цене мы договорились сравнительно быстро, хотя, думаю, что так дорого в N не продавалась до сих пор ни одна газета. Тут надо отдать ему должное: старик не жлоб. Просто у него такое, советским капи-

тализмом и коммунистической партией воспитанное и вошедшее в плоть и кровь представление о людях. Мы даже поговорили с ним об этом. По-моему, Харин получил определенный кайф от того, что мог откровенно, хорошо поставленным басом, высказать свое кредо: «Есть рабы и господа — такова человеческая природа. Она не социальная, она биологическая. И ничего вы, демократы, с этим не сделаете. Посмотри: ну, дорвались ваши до власти в начале девяностых под лозунгами ликвидации кремлевских пайков и номенклатуры, — и что? Да сейчас любой мелкий чиновник имеет больше, чем в советское время директор завода, секретарь горкома или предгорисполкома. Куда там номенклатуре КПСС до секретарей ваших демократических партий. Ты, дорогой мой, молод еще. Это хорошо, это преимущество, а не изъян. У тебя еще принципы, а может, даже идеалы есть. Только вот запомни, что я тебе скажу: человек, у которого принципов нет, но который постоянно всем о них говорит и смотрит, кто больше за это заплатит, — быдло. Все твои демократы, в отличие от тех же большевиков или тех же белых офицеров, — быдло. А последнюю субстанцию можно только покупать или продавать: договариваться с ней нельзя, у них нет своего слова. И раз мы с тобой договорились, смотри за собой, парень».

Что там говорить, я тоже получил кайф, выслушивая его кредо. Приятно, когда тебя принимают за серьезного человека.

И конечно же на закуску ноябрь приготовил мне выяснение отношений с Ириной. После возвращения из Петербурга (одна она туда ездила или нет — какая разница — за две недели можно было и там найти старых друзей боевой юности) она изменилась. Что-то в ней в очередной раз «щелкнуло». Знать бы, где у нее переключатели.

Наверное, все просто. Какой-нибудь любовник послал ее подальше, и теперь она тянет меня в постель зализывать раны. Мы с ней даже разговаривать начали. О высоком, о перспективах, жизненных целях, общем (?) будущем. О продаже газеты она меня не спрашивает, хотя наверняка знает, наверняка в редакции кто-нибудь мог сболтнуть. Хотя ее там не любят с Бориной подачи. Интересно бы тоже когда-нибудь узнать, почему. Может, у нас просто баб много, у них вечная конкуренция? Но и молодые ребята к ней как-то не очень, или это — при мне?

Потрясающая вещь — она сегодня впервые заговорила о ребенке! Что ж, подождем. Мне есть куда разместить в Питере деньги, так что страховка у меня будет. Пока же дадим нашему союзу еще один шанс. Так приятно чувствовать себя любимым.

Может, ноябрь все-таки не так уж плох?

17 ноября 2003

10

Первый муж Ирины в начальный период их знакомства сказал ей, что совместные путешествия надо совершать до, а не после свадьбы. И осуществил это на практике. Ирина очень хорошо запомнила эту фор-

му беспощадного тестирования, когда ей сразу же пришлось обратить внимание и на подробности своего бытового поведения, и культурные предпочтения, и манеру совершать покупки... Одно только наблюдение мужа за ее технологией сбора и укладки чемодана, как она поняла потом, сказало ему об их будущем больше, чем несколько дней их прежних разговоров во время флирта и секса.

«Когда ты смотришь в пропасть, не забывай, что и пропасть смотрит в тебя». Эту фразу Ницше тоже сказал Ирине первый муж. Она и не забывала. Однако сама почему-то запомнила, как он чистил зубы нитью и выбирал галстуки к рубашкам. Еще запомнились его пижонство перед метрдотелем, долгое стояние перед парой женских портретов в музее, его бесконечное раскуривание трубки... Ирина умилялась этим мелочам. А он признался, что многое в ней ему уже тогда не понравилось. Но того, что понравилось, было больше, включая цвет волос. Ирине же тогда понравилось все. Поздней она часто думала, что была не очень внимательна.

С Ковыршиным у них не было возможности так тщательно проверять друг друга. Вдобавок каждый считал себя опытным и готовым к худшему в партнере. Как оказалось, это были завышенные ожидания.

С Хариным Ирина сразу была настороже. Первоначальный имидж провинциального мальчика-мажора и красавца-атлета не смог ее обмануть: Георгий был слишком самостоятелен и успешен для беспечных детей больших начальников. Вдобавок на Ирину произвело впечатление его сравнительно долгое безропотное ожидание, что свидетельствовало об отсутствии самонадеянности. Он привлекал ее своей силой и умом, однако была ли это видимость или реальность, в путешествии это должно было неизбежно выясниться.

Ирина знала и о том, что образ умной, вечно юной и одновременно опытной девочки-женщины, над которым ей пришлось много потрудиться, в поездке также будет подвергнут серьезному испытанию. Но в себе она была уверена. Про запас у нее всегда был вариант «несчастненькой», который действовал безотказно. На добрых — потому, что они не могли не помочь, на злых — потому, что они не могли упустить случая самоутвердиться на самолюбии другого — злого богатого мужа.

Поездка ее разочаровала. Про себя она постоянно вспоминала Ковыршина с его наивным восхищением странами и городами, вспоминала его бесконечные истории, которые он ей рассказывал, когда, — это Ирина чувствовала в мужчинах лучше всего, — когда доверял ей. «Американцы прекрасны, — говорил он ей неожиданно. — Простые люди всегда готовы тебе помочь. Надо только не стесняться к ним обращаться. И не бояться быть открытым.

Представляешь, они отделились от Англии в связи с тем, что представителей американских колоний не посылали в парламент. Они, видите ли, честно платят налоги, а их нет в парламенте. Для нас это — дикость. Плевали мы на представительство в парламенте, нам главное — налоги не платить, а деньги из казны получать».

В другой раз Ковыршин, дергая себя за нос, как-то заявил ей: «Плохих народов нет, есть плохая интеллигенция. Если умные люди презирают свой народ, то ничего из такой страны не получится. А русская интеллигенция только все время и делала, что ради чужих идей и своей славы на Западе предавала свой народ». Ирина, которая потратила много сил, чтобы выбраться из народной массы и стать интеллигенткой, слегка обиделась и спросила его: «Кто у нас народ-то? Ты его видел?» На что Ковыршин совершенно серьезно ответил ей: «Народ — это я. И меня предали». Ирина покрутила пальцем у виска: Ковыршин, понятное дело, совсем офонарел со своими комплексами. Несмотря на это, диалог врезался ей в память.

С Хариным такие разговоры были невозможны, и в какой-то момент Ирина поняла, что она скучает по Ковыршину, по его угловатости, странностям, периодически ставившим ее в тупик. Харин был надежен, мил, внимателен, но все время немного назойливо пытался расспрашивать ее о прошлом. Это ее утомляло: она совершенно не собиралась делиться с ним своим жизненным опытом и слишком далеко впускать его в свою жизнь. В то же время Ирина старалась быть благодарной, воздерживаясь от колкостей. Она была с Хариным взбалмошной и легкомысленной, что позволяло уходить от неприятных вопросов и сохранять теплоту в отношениях. Про себя она решила, что по приезде попытается наладить жизнь с Ковыршиным, даже вспомнила народную циничную мудрость: хороший левак укрепляет брак. Когда Харин заговорил о будущих детях, она дала ему понять, что не собирается разводиться с Ковыршиным. Одновременно Ирина увидела, что Георгий не понял ее замаскированного отказа. Но объяснять она не стала, и запасной вариант остался в силе.

По возвращении сначала все шло прекрасно. Ковыршин не стал ничего выяснять относительно подробностей поездки, а объятия двух соскучившихся друг по другу людей были вполне искренними. Кроме того, Ирине никто ничего не сказал о продаже газеты, она узнала об этом случайно, спустя почти месяц после возвращения. Юрисконсульт, которая работала в газете и составляла договор между Ковыршиным и Стерлиным, работала и в риэлтерском агентстве. Она и решила поинтересоваться у Ирины, как двигается продажа. Когда законница поняла, что сболтнула лишнее, было уже поздно.

К Ирине вернулся гнев, к которому примешивалась странная тоска. Ведь все это, по ее мнению, с ней уже один раз было. Очевидно, что Ковыршин, продавая газету, заберет деньги себе, не поделившись с ней. И даже если она подаст на развод и потребует по суду 50% «совместно нажитого имущества», эти деньги к тому времени уже исчезнут, из имущества останется только N-ская квартира. Да и стоит ли вообще шум поднимать, учитывая то, сколько может стоить их газета? Максимум десять миллионов рублей. Не больше, — Ирина, ориентируясь в стоимости газетного бизнеса N-ска, на всякий случай завысила цену вдвое.

Ирина подумала еще и решила, что шум, вообще-то, поднять стоило бы: три-пять миллионов рублей ей бы не помешали. Однако, приняв во внимание другие обстоятельства, решила, что таким образом она их не получит, а свое лицо в N потеряет. Получался тупик.

Особенно обидно было то, что, по ее мнению, Ковыршин решил ее бросить. Что за напасть такая с ее мужчинами. А сейчас он просто делает вид, что ее любит, с тем, чтобы получить деньги, без шума их распихать по углам, а потом уже подавать на развод. А может, уже получил? Ужасно. Все обстояло ужасно в этом дрянном провинциальном городишке.

11

Разговор с Хариным имеет свои косвенные последствия: недавно нам из его холдинга слили данные о том, как используются внебюджетные деньги ректором N-ского университета. У них там фонд имени Кулибина, из которого должны финансироваться местные изобретатели, включая гуманитарных ученых. Милое дело — распределение грантов. 90 процентов всех денег последние четыре года получают пять семей, включая ректора с женой. И что приятно лично мне, среди этих семей и мой «любимый» придворный профессор. Ректор баллотируется в областные депутаты, самое время для такой публикации. Что мы и сделали с превеликим удовольствием.

Деньги за газету мне перечислили, со Стерлиным и коллективом я поделился. Теперь пора бы и мне ехать в славный город Петербург. Но надо разобраться с Ириной до отъезда. Позавчера ко мне зашел здоровенный смазливый чернявый парень и, улыбаясь, сообщил, что они с ней любят друг друга. Замечательно, за чем же дело стало. Оказывается, я им мешаю, Ирина боится сделать мне больно. А ему, надо полагать, это за счастье. В общем, не за счастье, но — по фигу: он, видите ли, не любит писак. И, дескать, в ноябре Ира не в Питер ездила, а в Испанию. С ним, естественно. Он полагает, что теперь имеет на нее некоторые права. Это уже — без комментариев.

Самое странное то, что его зовут Георгий Леонидович Харин. Я попросил Стерлина проверить: не сын ли. Сын, конечно. И все остальное сходится: в ноябре он в то же время ходил в отпуск, что и моя жена.

Не опубликовать ли мне в знак признательности за благоприобретенные рога материал по лесопарку? Просто руки чешутся. Пусть даже к выборам можем опоздать, но скандал все равно поднимется неслабый. Харин-старший понесет убытки. Теперь уже на правах собственника меня уволит. Но если мы с Ириной так и так расстаемся, то не все ли равно?

Или позвонить ему, чтобы угомонил сыночка? Если Ира захочет уйти, ее не остановишь. А хочу ли я, чтобы она осталась? Хочу. Только стала жизнь налаживаться

Надо все обдумать — и переговорить с ней и с папашей.

Стерлин звал всех наших в деревню на субботу—воскресенье, там кто-то из его знакомых богачей дом построил, да еще и к местным можно пристроиться на постой. Баня, купание в проруби, лыжи, водка и прочие тридцать три удовольствия. Поеду.

12

Ковыршин не стал разговаривать с женой: с ней поговорил, после его звонка, Леонид Константинович Харин. После этого она к ночи приехала в деревню, где пыталась найти Сергея. Но ей помешал пьяный Стерлин, настойчиво предлагавший выпить за здоровье Ковыршина:

— Он со мной обошелся не по-честному, но я его все равно люблю. Талантливый у тебя муж, Ира.

— И что же он тебе нечестного сделал, Боря? — заинтересовалась Ирина.

— Он мне денег дал мало. Мы же вместе с ним газету делали, а он мне дал всего двадцать пять процентов, — честно выкатывая на нее грустные сливовые глаза, сообщил Стерлин.

— То есть двадцать пять — нечестно, а пятьдесят — честно.

— Зачем же пятьдесят, мне бы хватило тридцать пять... Давай выпьем за его здоровье.

«Хорошие у Ковыршина друзья, — подумала Ирина. — Впрочем, мне ведь тоже нужно пятьдесят процентов. Или — мне нужно все?» Стерлин продолжал нести какую-то чепуху про лесопарк. Тут она опять насторожилась.

— Не деревня, а проходной двор. Понаехали тут всякие Харины... Статья им, видите ли, не нравится.

Ирина поняла, что в деревню приезжал Георгий, еще какие-то люди из областных структур, и со всеми Стерлину и Ковыршину приходилось выпивать и о чем-то разговаривать. И что сейчас Ковыршин с другими мужчинами редакции все-таки пошел в баню, а Стерлин париться не может, сердце слабое.

Наутро Ковыршин был мертв. Приезжала милиция, допрашивали всех подряд, но Ирина ночью уехала в N. Впрочем, к ней следователь не имел вопросов. Дело быстро завершили, решив, что имел место несчастный случай. В своем заключении следователь написал: «Исходя из заключения судмедэкспертизы, смерть наступила вследствие отравления угарным газом. Признаков насилия на трупе не обнаружено...

Потерпевший был городским человеком, не умевшим правильно обращаться с огнем...»

Зато к Ирине долго приставал с вопросами Стерлин: «Вы все его убили, все вместе. Но кто-то это сделал конкретно?»

— Раз его все убивали, то не все ли тебе равно, Боря? — в конце концов обозлилась Ирина.

— Это татарам все равно. А я, если ты заметила, другой национальности.

— Шутки у тебя идиотские. Поговори еще, ты тут главный редактор только благодаря мне. Хочешь, я о тебе и твоих вопросах с Хариным поговорю? Или все-таки будешь татарином?

— Нас, русских, поскреби, татарин вылезет. Все, дорогая Ирина Борисовна, можете считать меня стопроцентным Минтимером Иосифовичем.

Больше вопросов не было.

Деньги, полученные за газету, были у Ковыршина на его личном счете. Они, как и квартира в N-ске, перешли ей по наследству. На похороны приезжала из ленинградского городка Пикалево мать Сергея. С Ириной они виделись второй раз в жизни. Мать тихо поплакала и уехала сразу же после похорон, забрав только фотографии Сергея, — большую часть из них пришлось распечатать из компьютерных файлов, они были только в цифровом виде. Кроме того, Ирине с трудом удалось заставить ее взять сто тысяч рублей.

Она носила траур сорок дней, даже перестала ходить в фитнесс-клуб, потом вышла замуж за Георгия Харина, который переехал к ней до тех пор, пока не построится дом. Леонид Константинович басовито одобрил выбор сына и сказал, что в Ирине чувствуется порода.

В августе 2004 года у них родилась дочь. Как пошутила Ирина, это был плод их барселонской корриды. Георгий был счастлив. Уже через год они переехали в построенный дом, оформлять который Ирина пригласила петербургских дизайнеров. Они же оформляли и ее питерскую квартиру, о которой, впрочем, Ирина не стала ничего говорить Георгию. Деньги от продажи N-ской квартиры и оставшиеся от газеты Ковыршина Ирина пустила частью в оборот своего риэлтерского агентства, а на другую часть купила акции питерской компании через посредничество своего первого мужа. Пока она с ним не виделась, только перезванивались, но она очень хочет приехать в Петербург, повидаться с ним и с другими своими старыми знакомыми.

13

Десять часов вечера субботы. Из приоткрытых окон-стеклопакетов тянет горечью осенних, сжигаемых в лесопарке листьев. В большом, стильно оформленном доме тихо и тепло. Супруги Харины вдвоем сидят в столовой за столом со свечами, пьют чилийское красное вино и закусывают виноградом, яблоками и дольками апельсина. У Ирины это ее обычный фруктовый ужин. Георгий перед фруктовым десертом съел бифштекс с жареной картошкой.

Он дочитал дневник Ковыршина. Чтение заставило его задуматься о неожиданных и неприятных для него вещах. Георгий хочет и одновременно боится поговорить о них с Ириной. Но она начинает сама:

— Ты прочел ковыршинские записи?

— Да. Надо отдать должное, талантливый был человек. Хоть и без царя в голове.

— Скажи, а вы тогда вместе с отцом в деревню ездили? Или ты один?

Харин без уточнений понимает, о какой деревне говорит Ирина. Разговор принимает неприятный для него характер, но он отвечает жене:

— С отцом.

— И что вы ему говорили?

— Я извинился за вторжение в его личную жизнь. Я потом ушел, а они с отцом еще разговаривали.

Ирина смотрит на него и думает, что либо сам Георгий, либо его отец могли спокойно задвинуть печную заслонку, уходя от пьяного Ковыршина. Мысль эта ее не пугает и не возмущает, но только доставляет определенное неудобство. Она думает о том, что никогда не следует говорить Харину, что дочь, которая у них растет, — дочь Сергея Ковыршина. Да и вообще об этом не следует никому говорить.

— Откровенность за откровенность, — говорит Харин. — А ты с ним встречалась? Ты же тогда приезжала в деревню, мне как-то Стерлин сказал.

— Встречалась. Хотела его оттуда увезти, но он был крепко пьян и зол на меня. Сказал, что проспится и приедет.

— Про поездку в Испанию спрашивал?

— Спрашивал.

— И что?

— Сказала, что ездила с тобой.

— А он что?

— Сказал, что так и думал, и пошел спать.

— А ты что?

— Сказала спокойной ночи, развернулась да поехала.

Харин поднимает бокал. Ирина, которая после беременности вернулась к состоянию естественной блондинки с идеальной фигурой и ямочками на щеках, тоже поднимает бокал. Они выпивают, не чокаясь. На прошлой неделе он разговаривал с отцом, и тот сказал ему, сколько пришлось заплатить за газету. До недавнего времени Леонид Константинович был сердит на сына за его роман с замужней женщиной, который так отрицательно отразился на бизнесе, и разговаривать на эту тему не желал. Однако деловые качества невестки он ценил весьма высоко, и когда сын сказал, что невеста у него получилась без приданого, хмыкнул и ответил, что только денег, полученных по наследству от Ковыршина за газету, ей надолго хватит, по N-ским меркам. И что делает она свой бизнес сама, в отличие от Харина-младшего. И что Георгию Леонидовичу вообще-то желательно продать свою квартиру, наконец, поскольку, если он туда водил свою будущую жену, то она легко может догадаться, по какому целевому назначению эта квартира может использоваться сейчас, когда у них есть дом, а свою квартиру она про-

дала. Семейный получился разговор, но Георгий выслушал отца вполне спокойно.

Сейчас он думал о том, что Ирина виновна в смерти Ковыршина. Убила ли она его сама или он покончил с собой, будучи пьян и безумен после разговора с женой об Испании, — а Харин-младший как никто другой знал, как больно Ирина может задеть мужское самолюбие, — все это не так уж и важно. Сделала она все это из-за денег и таким способом, что никто не может ее ни в чем упрекнуть.

Эти мысли не были неприятны Харину, скорее наоборот, — сознание, что ему известна интимная тайна жены, напоминавшей ему сейчас грациозную хищницу, доставляло ему определенное удовольствие. Он смотрел на Ирину сквозь колышащееся пламя свечей и чувствовал в себе разгорающееся желание. Она полуоделась к ужину. Георгий знал об этом женском способе одеваться, который предусматривает сочетание легкой официальности с возможностью быстрого раздевания. Однако, судя по ее виду, Ирина отнюдь не торопилась в постель и смотрела на него сейчас без улыбки, серьезно, изучающе.

— Зачем ты дала мне это прочесть?

— Хотела, чтобы ты узнал кое-что обо мне.

— Просто рассказать было нельзя?

— Нет.

— И что я узнал?

— То, что я любила Сергея. А теперь люблю тебя.

Харин почувствовал, что больше не стоит задавать вопросы. Пора было переходить к действиям, но он все продолжал смотреть Ирине в ее завораживающие темные глаза. Вдруг он отчетливо понял, что готов на все, лишь бы продолжать обладать этой женщиной. Похоже, это поняла и Ирина. И улыбнулась Георгию зовущей улыбкой.

В БЕЗУДЕРЖНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

* * *

Вновь уловом себя удивлю
из практически невозможного.
Счастье — цирк. Я его ловлю
из подручного, из подножного.

Словно шар Пикассо подо мной.
Клея жизнь из мгновенного крошева,
я верчу неустойчивый шар земной
ожиданьем хорошего.

* * *

Всюду я натыкаюсь на жизнь свою —
то листки со стихами, то фотки...
А звонки, а счета-вампиры!
Ох, устала я от себя самой,
от своей квартиры!..

Хочу в гостиницу.
Хочу с утра на экскурсию уезжать
и голову загружать
чем-нибудь замечательно давним,
чем-нибудь замечательно дальним.

Окунувшись в общую, тишком окунуться
и в свою историю, вглядеться в руины.
Заодно устроить будущему смотрины.
Помню, было оно такое манящее!

А потом соскучиться и вернуться,
Как из госпиталя на фронт, —
в безудержное настоящее.

Зинаида ПАЛВАНОВА — родилась в Мордовии. Окончила Московский институт народного хозяйства им. Плеханова. Работала в Москве — сначала социологом, потом — сторожем. В 1990 г. уехала в Израиль. Автор четырех поэтических сборников и многих журнальных подборок. Живет в Иерусалиме.

* * *

«Мой дом — моя крепость», —
говорят англичане.
Может, в Англии это и так.
У нас иначе.

Домой ты ехала
в битком набитом автобусе.
Твой сосед был похож на араба.

Теперь ты дома.
Сидишь на диване,
питаешься и с надеждой
пялишься в телевизор,
привычно глотая
плохие новости.
Этим тебя не возьмешь.

Ложась в постель, ты думаешь вот о чем:
опять не сложила в отдельную сумку
документы, деньги, свитер —
на случай ночного землетрясенья.
Ведь недавно было дневное,
легкое, как испуг.

Хорошо влюбленным.
Они решили, что не расстанутся,
так и останутся.

Ты заснешь, одеялом шурша,
с одинокой великой мыслью:
«Будь что будет».

Ко всему ты готова, несчастная,
даже к счастью.

Небо снова к утру надраили...
Твоя крепость — твоя душа.

А в Израиле как в Израиле.

* * *

Объявились у нас во дворе котята,
крохотные, слепые.
Пищат пронзительно, мамку зовут.
Нету мамки.

Не смотреть же мне, как они помирать начнут!
Вынесла им тряпье,
купила бутылочку с соской.
Суетятся, царапаются, жадно сосут,
а потом бросают соску и лезут дальше:
там, за соской, за молоком,
должна быть, должна быть, должна быть мамка...

Из гнезда выбираются, ищут мамку, пищат.
Взрослые дворовые кошки на них шипят,
и только одна, болезная,
терпит глупых, они с нею спят.

Пропали котята.
Пойду похожу, посмотрю.
Наверно, мальчишки их унесли.

Лежат под кустом
два крохотных тельца,
не пищат, не шевелятся.
Успокоились, мамку нашли...

* * *

Шар земной — он сверху начинается,
с рукотворных спутников планеты
в темном примыкающем пространстве,
с голубых предместий самолетных...

Если уж и птицы показались,
их головки, туловища, крылья,
хрупкие, летящие, живые, —
значит, ты уже почти что дома.

Где была ты? Сон тебе приснился?
Померещилось? Представилось подробно?
Всей душой земли своей коснулась,
неземную радость испытала...

* * *

Здесь, в жаре, мы с тобой остывали
год за годом и день за днем.
Вдруг рванули в дальние дали
мы на двух самолетах вдвоем.

Там, в Европе, цветной, как открытка,
ты назначил свидание мне.
Рассмотрели город в окне,
вновь расстались нежно и прытко.

Золотая копченая рыбка
там зависла на голой стене...

* * *

Ты уехал из дома.
Я ночую одна.
Как на точке излома
жизнь темна!

Сон — простейшее дело —
ускользает, шурша.
Как мешает мне тело!
Как мешает душа!

Утро. Все по-другому.
День — что суженый мой!
Ты уехал из дома.
Я вернулась домой.

ИСТОРИИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Доброе дело

Родственников и соседей не выбирают. Впрочем, так было раньше. Куда по ордеру пошлют, там и живешь — радуешься.

Моего отца-строителя распределили с семьей в кузьминскую хрущебу. Соседей было много хороших и разных, обо всех не расскажешь. Расскажу о самых близких, тех, что жили и умирали над нашим потолком. О семье Гришки-мастера. Первые несколько месяцев соседей я только слышала, а увидела — случайно.

Стояла весна, я проснулась рано-рано от непривычно-яркого солнечного света, распахнула окно, — и в этот миг сверху что-то пролетело. Это и был сосед Гриша.

А произошло вот что: поздно ночью он увидел в своей комнате чертей. Выпил еще, перекрестился — черти не исчезли. Тогда Григорий заточил карандаш, написал записку: «Раньше он приходил один, а сегодня явился с целой компанией». Написал, положил записку на стол — и выбросился с четвертого этажа.

Пролетел он, значит, соколом мимо меня, упал плашмя, поспал, встал и пошел к подъезду. А тут как назло другой сосед, с собачкой. Григорий возьми да и похвались:

— А я с четвертого этажа сиганул, видел?

Сосед хмыкнул.

— Не веришь? — возмутился Гриня. — Я что тебе, мальчишка, чтоб врать? Вот стой здесь и смотри!

Он кинулся в подъезд, вбежал в квартиру, снова прыгнул, снова пролетел мимо моего окна — и сломал ногу. Сильно сломал, получил группу и к ней в придачу инвалидный, крошечный тарахтящий автомобиль.

И полюбил Григорий в дни вынужденной горькой трезвости соседей по Москве покатать. За четвертинку.

Через несколько лет наша семья поменяла район и, соответственно, соседей. Григорий остался в моей памяти эдаким анекдотом, который при случае можно рассказать в компании. А тут на днях стою-голосую.

Анна САЕД-ШАХ — родилась в Москве, окончила Филологический факультет Московского областного педагогического института. Журналист, поэт, прозаик. Автор двух поэтических сборников на русском и одного — на болгарском языках. Печаталась в журналах «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Огонек», «Юность» и др. Живет в Москве.

Останавливается роскошный «Мерс», весь из себя со светящимися бамперами, антеннами, и из него, как вы уже догадались, высовывается добродушная Гринина физиономия.

— Эй, соседка! Садись прокачу.

— Ты откуда такой красивый?! — восхитилась я новым русским Гриней.

— Ведь если б своими глазами не увидела, не поверила бы, а? — по-свойски спросил Гриня, отключая сотовый телефон.

— Ну и метаморфозы! Как это ты так умудрился?

— А я как ногу тогда сломал, вскорости пить бросил, просветление нашло какое-то. Зашился. И резко поумнел. Ну, сама видишь. Тебе куда?

— На ВДНХ.

— А я теперь в Крылатском живу, на Рублевке. Самый классный район, и дом — одни иномарки... а давай вон ту старушку подвезем!

— Ты всегда такой добрый?

— Только когда сделка проходит или старых знакомых, вроде тебя, встречаю.

Григорий остановился рядом с аккуратной, интеллигентного вида старушкой.

Едем дальше втроем. Говорить вроде не о чем.

— Как здоровье, бабусь? — нашелся Григорий.

— Нормально, сынок. Только вот умру я скоро, — бодро ответила пассажирка.

— У тебя что, рак?

— Да нет, от старости умру. Старые все умирают.

— Жалко мне тебя, — искренне сказал Гриша.

— Да ты не печалься, я ведь смерти не боюсь. Об одном только сожалею: четыре языка знаю — как с ними быть? Ни подарить, ни в завещании оставить.

— Да, — философски заметил Григорий, — живешь-живешь, копишь-копишь, а потом бах — и нету.

Снова наступило молчание.

— Вот здесь меня и высади, приехали. Спасибо, сынок. — И она протянула деньги.

— Обижаешь, мать, — строго сказал Григорий. — Я, может, доброе дело хочу сделать. Я, может, пока ехал, придумал, как тебе помочь. А ты деньги суешь.

— Да как тут поможешь? — улыбнулась старушка.

— Очень просто! Я тебя иногда туда-сюда катать буду, а ты меня языкам учи. И мне нетрудно, и тебе помирать легче. На, возьми визитку.

Так они и простились.

Вскоре я тоже вышла, не рискнув дать ему, по старой памяти, на четвертинку. Но визитку взяла. А вдруг ему или его детям захочется научиться сочинять песенки?

Во покатаюсь!

Истинная вера

У моей соседки Айгюль недавно кончились последние силы. Если бы силы не кончились, она бы нашла их в себе и обязательно смогла придумать что-нибудь, чтобы ее маленький сын не кричал по вечерам от голода за моей стенкой.

Работает Айгюль в школе, учительницей пения или, как теперь принято называть, музыки. На полставки. Что такое полставки? Это полобеда, полпрически, полупальто. На улице — зима, на руках — дитя.

— Иди в церковный хор, — посоветовала я соседке, — с таким голосом обязательно возьмут. Я каждый вечер слушаю твои колыбельные — просто изумительно! У меня подруга в церкви поет. Всего два раза в неделю плюс праздники. Никто не пристает, и платят нормальные деньги, двести баксов чистыми.

Утром Айгюль сказала:

— Я боюсь одна, никогда там не была.

И мы, обмотав головы платками, отправились в церковь. Я нашла регента и поведала о желании подруги. Узнав, что у нее второй альт, регент обрадовался, а прослушав, прямо-таки пришел в восторг:

— Хорошо поешь, беру! Завтра же приходи.

Пока он, демонстрируя светские манеры, провожал нас до ворот, в церковный двор медленно и очень аккуратно въехал джип. Из машины, отряхивая снег с дубленки, вышел молодой человек с бородой, поздоровался с регентом.

— У меня все замки померзли и аккумулятор сел, едва завелся от доброго человека. Говорил же настоятелю — гараж нужен, у всех есть. — И молодой водитель прошел в трапезную. Айгюль проводила его заинтересованным взглядом.

— Красивый? Это Яков, наш дьякон. А твое-то имя как будет?

— Айгюль.

— Как-как? — испуганно переспросил регент, подходя ближе и тараща глаза сквозь запотевшие очки. — Повтори-ка.

— Айгюль, — она улыбнулась.

— Ты что, нерусская?

— Казашка я.

Регент наскоро перекрестился:

— Ты тише, тише говори. В Бога веруешь?

— Верю.

— А религию какую исповедуешь?

— Никакую. Казашка я.

— В паспорте национальность стоит?

— Конечно.

Регент задумался. Но ненадолго:

— Нужна ты мне. Вот что — прими православие. Как наш Яков.

— Это как?

— Да просто. Минут пятнадцать займет. Водичкой побрызгают — и все.

— И все? — Айгюль улыбнулась своими раскосыми глазками.

— Завтра же и покреститься можно.

— А сколько платить будете?

— Сто пятьдесят долларов.

— А мне сказали — две-ести, — разочарованно пропела Айгюль.

— Ну, это, должно быть, в какой богатой церкви. А мы столько не можем.

...И опять каждый вечер у меня за стенкой кричал ребенок.

— Ну почему? — спросила я однажды, вручив ей (для собственного покоя) пакет молока и картошку. — Почему ты не пошла?

Айгюль пожала плечами, высокомерно принимая мои подачки.

— А за двести пошла бы?

И она сквозь зубы ответила:

— Да лучше я всю жизнь в школе буду «Во поле березонька стояла» петь. Чем веру менять.

— Да ведь ты даже не мусульманка! — крикнула я.

— А ну и что! — гордо ответила Айгюль.

И я вдруг почувствовала, что в ее словах есть какая-то, неведомая ни мне, ни ей, правота. И что вот из-за этой необъяснимой правоты я каждый вечер теперь буду просить Айгюль принять мою скромную дань в виде литра молока или еще чего-нибудь съедобного. Дабы поддержать ее религиозный аскетизм, которым она не поступилась даже ради своего незаконнорожденного ребенка.

Избушка на курьих окорочках

святочный рассказ

Черт меня дернул провести эту ночь на полуострове с бабой Груней. Да еще тащить ей искусственную елку! И куда? В тверскую глушь, в деревню, где за каждым двором сразу начинался серьезный хвойный лес. «Така елочка никогда не кончится, на всю жизнь мою хватит». А шел бабе Груне восемьдесят пятый годок.

Мои домашние в эту святую ночь решили обойтись без меня. Я с непривычки обиделась, но, не желая портить им праздник, втянула надутые было щеки: вот и хорошо, что уходите, — не нужно стол накрывать. И бабу Груню навещу. А то все обещаю да обещаю.

— У нее окорочка кончились? — фыркнула дочь.

Оставшись одна, я стала строить дочкам козни: пусть у меня в машине сломается печка! Пусть я попаду одним колесом в прорубь, сбившись в темноте с единственной колеи, что тянется через всю Волгу к деревне. Пусть! Так им и надо. А то выросли, видишь ли... Дворники барахлили, и снежинки бесенятами нападали на лобовое стекло. А вообще-то красиво. Прямо по Пастернаку:

Стояла зима,
Дул ветер из степи,
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма...

Снег служил единственным источником света, если, конечно, не считать резких огней встречных машин.

На фига козе баян, — засомневалась я, еле вписавшись в закрытый поворот. Ну зачем ей искусственная елка и эти окоченелые окорочка? Своих кур, что ли, жалко?

А может, и жалко. Когда летом двух щенков подбросили, одного она взяла. Хотя у нее свой Шарик. Теперь у нас две одинаковые собачки, сестренки. И выходит, что мы с бабой Груней вроде дальних родственниц.

Вообще-то не грех было сегодня сестру в больнице навестить, да уж чего теперь, а ночью все равно не пускают. И куда я в такую пору тащусь? Все — в Москву, так и слепят фонарями, а я, выходит, к бабе Груне.

Ну, доеду... Она же с курями спать ложится. А мой щитовой домик весь промерз. Ладно, была бы и вправду родственницей, а то — просто соседка по выходным, к тому же вредная старушенция. Со всей деревней перессорилась и со мной хотела, да только у нее не получилось. «Ты, — говорит, — давно на пенсию-то вышла?» Это при первом же знакомстве! По всем правилам я должна была ее осадить: «Протри зенки, старая дура! Мне до пенсии еще пятнадцать лет!» Но я не доставила бабе Груне удовольствия перепалки, смолчала. И всегда, если ко мне приезжали подруги или сестра, она не забывала полюбопытствовать: «Чевой-то я не разглядела, это тебя дочь давеча навещала или племяшка?»

Ехидная, в общем, старуха. А я ей зато все равно елку везу. Пусть порадуется. Если, конечно, в прорубь не свалюсь.

Расстелившаяся передо мной равнина ничем не напоминала Волгу. Это успокаивало. Все-таки не так просто первый раз в жизни вести машину по снежной пустыне, которая на самом деле — великая русская река и течет в каких-то двух метрах под тобой. Главное — думать о чем-нибудь другом, высоком:

Всё злей и свирепей дул ветер из степи...
Все яблоки, все золотые шары...

Кстати, яблок нынче уродилось! Из садов катились до самой Волги...

Оказалось, что зимой в доме бабы Груни терпимее, чем летом: не так воняет скотиной, гнилыми яблоками и кислыми бревнами. Вполне можно и заночевать.

В брюхе свежевыбеленной печки что-то урчало, в углу над телевизором мерцала лампадка, освещая лик Спасителя.

— Ах ты, бедная, — засуетилась, закудахтала баба Груня, — ну проходи, коли приехала в такую даль. Да неужто елочку привезла? Так ведь Новый год уже прошел. А за окорочка спасибо. Очень я по ним скучала. Ну садись, грейся.

Я сняла сапоги, поставила их к печке. Баба Груня принесла самодельные серые валенки.

— И чего ж тебя, девка, принесло на ночь глядя? Али случилось чего?

— Так ночь-то сегодня особенная — Рождество Христово.

— Выходит, никому ты в праздник, окромя меня, и не нужна? — она хихикнула, как мультяшная баба Яга, и крикнула в сени:

— Шарик! Подь сюды — окорочок дам.

«И чего у меня общего с этой старой ведьмой?» — вдруг удивилась я, а вслух сказала:

— Может, тогда и Жучку угостите?

— Каку таку Жучку?

— Ну собачку беленькую, что вы летом пожалели. Вы же ее, помнится, Жучкой назвали.

— Аа, так нету давно этой Жучки.

— Украли?

— Кому она сдалась! Порешила я Жучку, — она, улыбаясь, следила за моим лицом. В надежде, что это очередные бабкины штучки, я тоже улыбнулась:

— Как так — порешили?

— Да она, сволочь, курицу мою задрала. Насилу выходила.

— Кого?

— Кого-кого, курицу. А Жучку твою я застрелила.

— Как? — только и воскликнула я.

— Из ружья. К дереву привязала и прямо в лоб. Помнишь, у нее на лбу, как у твоей, такое черненькое пятнышко было? С первого разу. Да ты не бледней, не бледней, сейчас окорочков нажарим...

Пока баба Груня возилась у печки, я все не знала, как поступить: вернуться в Москву, пойти в свою ледяную избушку или все же остаться. Вроде бы надо немедленно встать и уйти. А если уж остаться — сказать ей все, навсегда рассориться и по весне продать дачу...

Мы собрали елку, поужинали с водочкой при свече и легли спать. Я — на печь, на пуховую перину. Давно хотела попробовать.

Уютно потрескивали дровишки, подрагивал фитиль в лампадке, всхрапывала баба Груня. Заледенелая яблоневая ветка постукивала по крестовине окна. На улице Шарик звякал цепью, кто-то скребся и тихо повизгивал в чулане. На мышь вроде не похоже... Жучка, конечно! А кто же еще? Больше некому.

Утопив голову в огромной, набитой легкими куриными перьями подушке, я шептала: «Господи! Как хорошо! В какую чудную зимнюю ночь Ты родился! Чтобы спасти нас!..»

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе
И небо над кладбищем, полное звезд...

Как меня убивали

Первый раз меня не убили случайно.

Я возвращалась из гостей уже заполночь. Вошла в подъезд, вызвала лифт. Кто-то неожиданно встал сзади и тихо так промолвил: «Не оборачивайся». Я, как бы не почувствовав острого предмета, приставленно-

го к лопатке, повернула голову: высокий, фактурный, голубоглазый, с кривым шрамом на картофельном носу.

Дверцы лифта предательски раскрылись, я сделала было шаг в полумрак кабины, но (боже! *они* обожают замкнутое пространство!) тут же отдернула ногу.

Он погладил меня перчаткой по голове, ловко обследовав ничем не увешанные мочки ушей. Главное, считала я, не раздражать его и не кричать. И отойти подальше от лифта.

Он взял из моих рук сумочку, вытащил деньги, документы, затолкал сумку за почтовые ящики (и никто не узнает, где могилка моя).

— Больше у меня ничего нет. Я свободна? — Парень молчал.

— А почему ты на лицо чулок не надел?

— Ни к чему, ты меня не опознаешь... В лифт, значит, не войдешь? Ладно, пойдем в будку, сделаешь мне приятное.

При слове «приятное» по моему телу пробежали судороги, в голове затуманилось, к горлу подступил недавний обильный ужин у друзей. Как? Он заведет меня в телефон-автомат, а потом мне с этим жить?

Жить? Вот этого он как раз не обещал. Нужно умолять, плакать, но разве я могу ему верить, даже если пообещает?

Животный страх подступал все ближе к горлу. Чтобы не упасть со ступенек, я вцепилась в перила и попросила:

— Открой, пожалуйста, дверь, чтоб воздух шел, меня очень сильно тошнит.

Не успела я договорить, как меня стало рвать.

Опешив, он отпрянул от летящих в него помоев и приоткрыл входную дверь. В широкий проем я увидела знакомого ротвейлера, справлявшего нужду. У него на шее болтался поводок, — значит, хозяин рядом. Мой мучитель тоже увидел собаку.

Брезгливо скинув облеванную куртку, сложил нож и выскочил из подъезда, даже не простившись.

Два дня я в полном отупении просидела дома. На третий — страх и слабость отступили, и я вышла на улицу. У соседнего дома стоял похоронный автобус.

— Кого хоронят? — спросила у старушки.

— Женщину молодую, официантку. Третьего дня шла ночью с работы, так прямо в подъезде и зарезали. И муж встречал с собакой, да видать, пропустил.

Что касается милиции, то там меня с интересом выслушали, показали кучу невыразительных снимков, приняли заявление с описанием особых примет и заперли листочек в ящик стола. Больше меня не вызывали.

Но, как оказалось, я все еще продолжала верить, что в жизни есть место подвигу.

Дело было так. Возвращаюсь с работы и вижу трех незнакомых, но довольно обычного вида мужчин, изучающих наш домофон. У одного даже самодельная инструкция в руках. А домофон, надо сказать, са-

мый что ни на есть элементарный: набрал номер квартиры и жди себе ответа. Если, конечно, не ставишь своей целью нанести неожиданный визит.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если мы войдем с вами? — задал риторический вопрос самый старший, с усиками.

— Проходите, я не съем, — и показала на всякий случай здоровые острые зубы.

— А не боитесь? — спросил чернявенький, и знакомый мороз пробежал по моей пугливой шкуре. Однако кабина уже закрылась, и на поставленный в лоб вопрос я не сочла возможным ответить честно.

— Вам на какой?

— А на каком восемьдесят пятая квартира?

Через сорок минут в мой домофон позвонили.

— Откройте, милиция. Тут ваших соседей грабанули, а они почему-то не открывают.

Через мгновенье я уже стояла перед 85-й квартирой в ожидании представителей карательных органов. Это были двое здоровенных мужиков в боевых доспехах и при автоматах. Пока они жали на кнопку соседского звонка, я с гордостью рассказывала, что лично впустила грабителей в дом и даже ехала с ними в одном лифте. И хотя мне казалось, что говорила я довольно громко и вдохновенно, стражи порядка меня не слышали.

Когда дверь квартиры открылась, на пороге нарисовался сам пострадавший с шишкой вместо левого глаза. Сосед этот, если честно, и до ограбления был не сильно богат.

— Ну, показывай, чего там тебя лишили, — сострил служивый, и я, почувствовав себя лишней, пошла дожаривать картошку, напомнив еще раз о своей полной готовности помочь следствию. Жарила и прислушивалась: вдруг позвонят в дверь, а я не услышу.

Должно быть, я очень их насмешила.

Да, вспомнила: пока мы стояли перед дверью ограбленного алкаша, один из ментов, интеллигентного такого вида — типа Ларина из сериала с неприхотливым одноименным названием, сказал:

— В трудные времена всегда растет количество квартирных краж. Таким вот старым способом, *хоть и не по обоюдному согласию*, люди делятся друг с другом, чем могут.

Мне вскоре тоже предложили поделиться. И опять почему-то не убили.

Кстати, приехал тот же наряд милиции, лениво выслушал свидетелей-соседок, куривших на лестничной клетке и хорошо запомнивших трех симпатичных молодых людей, выходивших из моей квартиры. Молодые люди не удрали, сломя голову, увидев соседок, а предложили девушкам вместе покурить. Вот и окурки под батареей. А еще предложили купить недорого дамские сапоги. Покурили, потом сели в синие «Жигули» пятой модели и укатили, помахав ручкой.

Позвали следователя. Он тоже выслушал свидетельниц:

— Что вы мне голову морочите? Так не бывает! Что-то слишком все просто. Мы тут годами ищем, а у них окурок, видите ли, и сапоги из ограбленной хаты.

Они бы и искали годами, если бы в это самое время случайно не позвонил Юра Щекочихин и не спросил, как я поживаю. Я и рассказала, как есть: сижу, мол, в разграбленной квартире, в голове дырка, а из рассеченной брови кровь хлещет. А так все ничего, беседую со следователем.

— Запиши телефон Гурова, — только и ответил он

И что самое удивительное, к вечеру следующего дня мои обидчики отыскались, их хотели строго-настрого засудить, но я не позволила. Почему? Ну, во-первых, мне не нравится, когда преступников ловят как бы по блату, из особого расположения к высоким чинам. Во-вторых, самому старшему было девятнадцать. Но все-таки главная причина в другом.

Когда они вошли и объявили о своем намерении меня обчистить, я, не долго думая, схватила тяжелый бронзовый подсвечник и, держа его наготове, приказала им немедленно убираться вон. Тогда самый старший выхватил «оружие» из моих рук и огрел им меня по голове. Второй посоветовал прямо как в кино:

— Нужно бы ее кончать, а то она нас теперь узнает.

Теоретически они были правы. Но когда из моей башки и бровей кровь брызнула на потолок и занавески, я увидела, как они испугались. На их глупых щенячьих мордах застыл извечный вопрос: что делать?

Для начала они отвели меня в ванную, но не насиловать, как принято у бандитов, а промыть мне раны. Потом предложили сварить кофе. И только потом стали неохотно собирать в свою сумку мои вещи.

— Оставьте, пожалуйста, деньги, — попросила я, — это последние и, кажется, надолго. Но они не удержались и, взяв все, что смогли донести, в том числе и деньги, поспешили удалиться, попросив не держать на них зла.

Но я обиделась. И очень захотела увидеть их еще раз. Мы встретились в зале суда. Я не хотела, чтобы они получили сроки. Мне нужно было, чтобы эти салаги уяснили раз и навсегда, на всю жизнь, кто **в собственном доме** — хозяин.

Большинство моих знакомых меня осудили за легкомыслие — простила преступников! Но были и те немногие, кто хорошо знал: ударами жизнь меня и прежде не обделяла, бывали и побольнее. И кровь из ран текла такая же живая.

Вот только раны мне потом не зализывали и уж тем более — не предлагали горячего кофе.

Хоть и были мне эти люди не чужими. И вроде бы даже любили. Но они говорили: прости, — и я прощала. И всякий раз мое прощение принималось как должное.

А тут я их, родных, выходит, предала, уравняв в праве на прощение с какими-то чужими выродками. Как будто прощать боль, исходящую от близких людей, великодушнее, чем один раз дать шанс чужаку, растерявшемуся при виде твоей, совершенно не дорогой ему, крови.

ВДВОЕМ ПОСРЕДИ ПУСТОТЫ

* * *

Знать, великий дворник снова в деле —
Сквозняки заталкивает в щели.
На руки дышу, но греет вяло —
Кутаюсь в сырое одеяло.

Где-то ты на кухонных задворках
Зажигаешь газ на всех конфорках,
Для тепла распахиваешь двери.

Быстро остывают батареи.
Бабушка ворчит за стенкой: «Жуть», —
Кашляет, пытается уснуть.

Рождество

Утро постновогоднее,
Даже скорей пост пост,
Медленно пробирается
В пряди твоих волос.

Красишься перед зеркалом,
Думаешь ни о чем.
Только ночнушку комкает
Крылышко за плечом.

* * *

Город весь пропотел и сегодня почти здоров,
От зимы излечился и вылез из-под снегов.
Мы стоим, словно два конькобежца на льду катка,
Закадычным друзьям «Ну все, — говорим. — Пока!»

Дмитрий РУ — родился в Ленинграде в 1980 г. Окончил Лесохозяйственный факультет и аспирантуру Лесотехнической академии им. Кирова. Стихи печатались в журналах «Девушка с веслом», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Нева», «Футурум — Арт» и др., а также в различных Интернет-изданиях. Участник всероссийского форума молодых писателей в Липках (2006, 2007). Живет в Санкт-Петербурге.

Слышишь, парни с мечами смакуют: «Игра, игры...»
Скоро кошки, коляски, пьянчуги займут дворы.
Мы на роликах мчимся к метро, и на нас летят
Прошлогодние листья, музыка, чей-то взгляд.

Город вновь на работе, и платят ему в у. е.
Он тасует машины, словно лихой крупье.
Он тасует людей, а мы мчимся, и не свернуть,
Между пальцев его пытаемся проскользнуть.

И нам больше не нужно уже никаких вершин.
Голубей напугав, из трубы вылезает джинн,
И нам есть, что ему загадать — ну давай, борода,
Чтобы эта весна не закончилась никогда!

Наблюдатель

Когда Бог резинкой стирает звезды,
Я иду по проспекту, следя за его рукой.
Тополя на первых лучах берут аккорды,
И от этой музыки в сердце моем покой.

Я давно наблюдатель.
Знаешь вниманье к миру,
Интерес к всевозможным краскам и мелочам,
Любопытство — сто килограмм на милю,
Поворот приемника и антенны к его речам,

Это то, без чего мне становится вдруг тревожно,
Словно я потерял очень скользкий, но важный брод.
Потому я у мира уже столько лет заложник,
И не хочется на свободу — наоборот.

Потому весне и не скрыть, как река болтает,
Как на площадке каплет вода с колец
Баскетбольных.
Как голубь у ног картавит.
И ее процессор в тыщи вселенских герц.

* * *

Зима быстро кончилась. В апреле уехала бабушка.
Мы стали, как Робинзоны, в пустой квартире.
Можно теперь свободно кричать тебе: «Лапушка!»
Ловить твои нежные волны в чистом эфире.

В газетах и в Интернете каждый второй рвет связки,
Что пора повернуться к востоку передом, к западу задом.
Тебе на это плевать, ты смотришь «Культуру», читаешь Гессе и сказки,
Выращиваешь цветы и любуешься очередным нарядом.

А я пишу диссертацию и жду новостей.
Мы любим друг друга, и сверху нам потакают.
И суть потихоньку становится все ясней,
Словно глаза к темноте привыкают.

* * *

Река обмелела. Там больше не ходят суда.
Там летом во время дождей торфяная вода.
Ей вслед опустел целый хутор, зарос иван-чаем.
Сидим на мостках и, как дети, ногами качаем.

Развалины шлюза, обломок бетонной плиты.
Какая свобода — вдвоем посреди пустоты.
Осевшая баня, у дома остатки плетня.
Возможно, так выглядит рай для тебя и меня.

Возможно, что люди, здесь жившие по берегам,
Уехали в город и хутор оставили нам.
И, может быть, именно здесь, только здесь и сейчас,
Покой и бессмертье лежат под ногами у нас.

Тайна

Идти по полю,
по сторонам
Глазеть и думать:
«А что за небом
интересно спрятано,
а если там
Бог, укутавшись теплым пледом,

В кресле сидит у камина. Слуг
прогнав,
звезды подбрасывает,
черта
не вспоминает...

и заметить вдруг
бегунок у молнии горизонта.

Осмотреться. Никто не увидел чтоб,
Потянуть и, притворяясь спокойным,
Голову высунуть и тут же в лоб
Схлопотать каким-нибудь астероидом...

* * *

Брось, глупая это бравада.
Не важно ведь — грипп или СПИД.
Устойчивый запах распада
Давно во всем мире стоит.

Все чаще мне слышится скрежет —
Первичный, и в том драматизм,
Ржавеет невидимый стержень,
И сыпется весь механизм.

Лишь небо все та же константа,
Без примесей, без перемен,
Пусть держат его не атланты,
А тысячи хрупких антенн.

* * *

Тихо и без лишений.
Клубы, работа, сон.
Вместо креста на шее
Сотовый телефон.

Старых друзей не чаешь
Вывести из пике.
Знаков не замечаешь.
Зрение на замке.

Настоящее богоборчество:
Во время молитвы
обратился к творцу
на Вы...

СЛОВО И ДЕЛО*

Беседа с президентом Института экономического анализа Андреем ИЛЛАРИОНОВЫМ

Часть первая. «Антисоветчик»**

— Андрей Николаевич, в прошлый раз мы завершили нашу беседу на теме социальных расходов. Вы говорили и о необходимости их сокращения, и о том, что это нельзя делать командными методами. Но это были общие Ваши соображения, а ведь конкретно тема эта возникла, напоминаем, применительно к закону о монетизации льгот. Так что же все-таки было сделано правильного и неправильного, с Вашей точки зрения, именно с этим законом?

Деньги и мораль

— Что было сделано с законом о монетизации? Многие идеи в нем были правильными, но осуществление его оказалось совершенно неприемлемым.

---

* Окончание. Начало см. в № 134 (№ 4 за 2007 год).

** Начало этой части — также в № 134.

Андрей ИЛЛАРИОНОВ — родился в 1961 г. в Сестрорецке, пригороде Ленинграда. Окончил экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук. В 1983–1990 гг. — ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990–1992 гг. — старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. В 1992–1993 гг. — первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР). В 1993–1994 гг. — глава Группы анализа и планирования при премьер-министре России В. С. Черномырдине (советник премьер-министра). В 2000–2005 гг. — советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми. С 1994 г. — директор, с 2000 г. — президент Институт экономического анализа в Москве. С октября 2006 г. — старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Живет в Москве и Вашингтоне.

Этот закон, по сути дела, никто серьезно не обсуждал ни в рамках правительства, ни в Думе, ни в Совете Федерации. В свое время Грызлов сказал, что Госдума — это не место для дискуссий. Но нельзя просто отменить обсуждение значимых для страны вопросов. Люди все равно будут их обсуждать, — только место обсуждения поменяется. Когда значимые для общества вопросы не обсуждаются в тех местах, где они должны обсуждаться, — в Думе, в правительстве, в средствах массовой информации, — они начинают обсуждаться на улице. И люди, обманутые и оскорбленные теми решениями, которые были приняты без их участия, естественно, выходят на улицы.

С рядом положений закона о монетизации, так называемого Федерального закона № 122, действительно невозможно согласиться. Например, в соответствии с предложением Минфина поддержка гражданам, репрессированным коммунистическим режимом, и их родственникам, осуществлявшаяся в 1990-х годах на федеральном уровне (пусть нерегулярно и в незначительном объеме), теперь была переведена на местный уровень. То есть средства по этой статье теперь должны были изыскивать региональные органы власти в зависимости от состояния своих бюджетов: тот, кто найдет деньги, платит; тот, у кого их меньше, платит меньше; тот, у кого их нет, — не платит совсем.

С таким порядком согласиться было нельзя. Во-первых, в общем объеме социальных расходов средства на социальную поддержку репрессированным просто ничтожны. По сравнению с другими категориями граждан, получающих социальную помощь, число репрессированных и лиц, приравненных к репрессированным, включая их непосредственных родственников (почти исключительно детей, потерявших родителей в лагерях ГУЛАГа) в стране, незначительно. Расходы по этой статье были ничтожными — около пяти миллиардов рублей. Это настолько несопоставимо с социальными расходами по другим направлениям, с расходами по другим статьям, со всем государственным бюджетом, что говорить о том, что сокращение этой статьи даст какую-то экономию, — изощренное издевательство над фактами. Для сравнения: для внесения в уставный капитал Ростехнологий осенью 2007 года власти выделили сумму в 150 млрд рублей. Суммарно же на все госкомпании из Стабилизационного фонда направлено свыше 600 млрд рублей. Только дополнительные (по сравнению с утвержденными законом) бюджетные доходы в 2008 году превысят 900 млрд рублей.

Во-вторых, отказ от поддержки репрессированным неверен по сути и глубоко аморален. Репрессии осуществлялись не региональными властями, — федеральным правительством, советским государством. Закон о компенсации — не только финансовый и в первую очередь не финансовый. Это базовый закон человеческой жизни: ответственность за совершенные действия несет тот, кто эти действия совершает, или его правопреемник. Поэтому компенсации за акции центрального правительства — репрессии, ликвидацию аварий на Маяке, в Чернобыле — должны осуществляться на федеральном уровне. Наконец, никакие финансовые компенсации в этом деле совершенно несопоставимы с понесенными людьми потерями, утратой жизни, здоровья, близких.

Вопрос перевода компенсаций репрессированным с федерального уровня на региональный обсуждался у президента. Выступив на совещании про-

тив предложения А. Кудрина, я оказался в абсолютном одиночестве. С моим предложением сохранить компенсации на федеральном уровне не согласился никто. Против в довольно резкой форме выступили и А. Жуков, и Д. Медведев, и В. Путин. Все они высказались за то, чтобы финансирование по этой статье перевести на региональный уровень и поставить в зависимость от финансовых возможностей и политической зрелости региональных властей.

Повторю, что речь шла о сумме, составлявшей тогда около одной десятой процента от всех расходов федерального бюджета...

— Андрей Николаевич, но здесь, если мы правильно Вас понимаем, Вы выдвигаете на первый план критерии уже не столько собственно экономического, сколько нравственного порядка, не так ли?

— А почему, собственно, экономическая политика, да и политика вообще, не должна быть нравственной? Можно ли применить критерий нравственности, например, к накоплению и использованию средств Стабилизационного фонда? В течение нескольких лет дополнительные средства, накапливаемые в результате благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, из Стабфонда не расходовались. Благодаря этому темпы инфляции пусть медленно, но снижались. В 2006 году они опустились до 9% годовых. В 2007 году, увы, не безучастия Е. Гайдара, были приняты решения о вскрытии Стабилизационного фонда. Львиная доля этих средств была отдана госкомпаниям. Результат не заставил себя ждать: темпы инфляции к маю 2008 года подскочили до 15% годовых, по продовольственным товарам — до 20%, а по стоимости минимального потребительского бюджета — до 30%. И что является более нравственным по отношению к большинству российских граждан: сохранять Стабфонд и снижать темпы роста цен или отдавать десятки миллиардов долларов государственным олигархам и разжигать инфляцию?

— Ну тут ответ очевиден. А как, Вы полагаете, следовало бы поступить со Стабфондом? И какие решения относительно расходования его средств можно оценивать как нравственные?

— Прежде всего — погашение государственного внешнего долга (сейчас он выплачен еще не полностью, но его осталось уже немного — меньше 4% ВВП). После же полного погашения внешнего долга средства Стабфонда можно использовать по-разному. В случае регулярных значительных колебаний внешнеэкономической конъюнктуры Стабилизационный фонд нужен в качестве резерва на черный день — на случай падения цен на нефть, газ и другие экспортные товары. Если же цены на нефть только растут, устанавливая рекорд за рекордом и оставаясь на высоком уровне в течение длительного времени, то тогда ясно, что они из циклического фактора превратились в структурные. В таком случае сохранение Стабилизационного фонда в прежнем виде бессмысленно. Тогда его объемы надо сокращать, а сам фонд в конце концов ликвидировать. Лучшим способом его ликвидации было бы сокращение налогов. Устойчивый уровень профицита бюджета в 8% ВВП в течение каждого из последних трех лет означает, что фактичес-

кий уровень налогов в стране завышен как минимум на 8% ВВП. Следовательно, налоговая нагрузка завышена и ее надо снижать, оставляя больше средств частным субъектам национальной экономики. Спрашивается, что является более нравственным: завышение налоговой нагрузки на граждан? Или ее снижение? Однако на такое решение власти не идут, а околовластные эксперты этого не предлагают.

Наконец, если власти не хотят сокращать налоги, а хотят раздавать средства Стабфонда, то тогда уж вместо раздачи немногим друзьям лучше раздать их всем гражданам — без исключения. Ведь это государственные средства, они должны принадлежать всем гражданам страны. Можно выбрать принцип, по которому эти средства разделить: поровну, в зависимости от возраста гражданина или как-то иначе. В таком случае тоже можно говорить о нравственном подходе в экономической политике. Такое решение было бы более нравственным, чем то, которое в итоге оказалось принятым. Ведь, как известно, ни по первому, ни по второму пути власти не пошли. Накануне так называемых парламентских выборов они раздали своим друзьям порядка 25 млрд долларов. Рост инфляции стал подтверждением того, что́ российские граждане заплатили за этот трюк: во-первых, у них отобрали потенциально им принадлежащие средства, а, во-вторых, их еще и заставили оплатить это похищение повышенной инфляцией.

Этот пример показывает, какие различия могут иметь форма и содержание проводимой политики. Даже если по форме экономическая политика выглядит правильной, по своей сути она может укреплять политический режим, наносящий непоправимый ущерб своим гражданам. Например, по формальным критериям бюджетная политика, проводившаяся в СССР министром финансов А. Г. Зверевым, была весьма приличной. Зверев оставался министром финансов дольше, чем кто бы то ни было в истории страны, — больше двадцати лет: начинал наркомом при Сталине в 1938 году, завершил министром при Хрущеве в 1960-м. С чисто профессиональной точки зрения, Зверев был одним из лучших финансистов страны. Темпы инфляции при нем даже в нерегулируемой части экономики — на колхозном рынке — были относительно умеренными даже во время войны. После же нее в течение ряда лет цены, как известно, снижались. Какой бы ни была пропагандистская составляющая этой кампании, она не смогла бы быть реализована, если бы под нее не было подведено серьезного финансового фундамента. Насколько та ситуация отличается от ситуации последних двух десятилетий, показывают раличия в темпах инфляции тогда и в конце 1980-х—1990-х годах. Если же мы примем во внимание, что на его руководство Минфином пришлось почти полтора десятилетия военных конфликтов разной степени интенсивности, в которых находилась страна, то профессиональный успех Зверева будет еще более зримым.

Зверев проводил классическую консервативную фискальную политику, обеспечивавшую относительную ценовую стабильность на внутреннем рынке и способствовавшую относительно устойчивому экономическому росту, — насколько последний вообще мог быть устойчивым в условиях советской власти и плановой экономики, — а также пусть медленному, но все-таки последовательному повышению уровня жизни граждан. И профессионализ-

му Зверева можно и нужно отдать должное. Но это не меняло сути сталинского режима, не меняло рабовладельческого характера политической системы страны, не отменяло гибели миллионов репрессированных и страданий миллионов узников Гулага. Наоборот, эффективность действий Зверева помогала выживанию античеловеческой системы, легитимизировала ее в глазах и части собственных граждан, и некоторых зарубежных наблюдателей.

Бюджетная политика последних лет, 2000–2008 годов, является, несомненно, более ответственной и более профессиональной, чем безответственная финансовая политика 1990-х. Но сегодняшний политический режим несравним с политическим режимом 1990-х. К Б. Ельцину можно предъявить немало претензий. Многие и предъявлялись, в том числе и несправедливые. Но за все время его президентства за нападки на Ельцина ни один журналист федеральной властью не преследовался...

Для многих людей гипотетический выбор между провальной экономической политикой в условиях несовершенной демократии и приличной экономической политикой в условиях политической диктатуры совершается против первого и в пользу второго варианта — выбор так называемой *колбасы против свободы*. Это объяснимый, но ошибочный выбор. Такой выбор находит оправдание ровно до того момента, когда собственные дети «любителя колбасы» не оказываются в бесланской школе, его близкие — на представлении Норд-Оста, а сам гражданин, сторонник «колбасы» и политической «стабильности» и противник «несистемной» оппозиции не окажется ночью в своей постели в доме на какой-нибудь условной улице Гурьянова или во время учений ФСБ с гексогеном в какой-нибудь условной Рязани.

— А в обсуждении каких еще проектов Вы принимали участие в последние годы своей работы в должности советника президента?

Реформа РАО

— Был еще один проект, привлекший мое внимание во время моей работы советником президента, — реформирование электроэнергетики. Поначалу я не был в него вовлечен. Не стал я заниматься этим проектом даже после нескольких настойчивых приглашений со стороны руководителя РАО ЕЭС А. Чубайса весной–летом 2000 года «вникнуть в проблему» и «поспособствовать» в ее «сопровождении». Я отказался: мало ли кто хочет получить поддержку государственной власти для проталкивания своих интересов.

Однако по прошествии некоторого времени мое внимание обратила на себя одна совершенно четко проявившаяся тенденция: акции РАО ЕЭС постоянно падали в цене. Со своего локального пика 24 марта 2000 года, — сразу после президентских выборов, на которых победил В. Путин, — цена акций электрокомпании стала падать. Она снижалась в апреле, в мае, июне, июле, августе, сентябре, октябре, ноябре... Это было очень необычно. Акции разных компаний двигались по-разному, в разные стороны: какие-то дорожали, потом дешевели, какие-то дешевели, потом дорожали. Но не было ни одной российской компании, акции которой в 2000 году последовательно дешевели в течение восьми месяцев подряд. Кроме РАО ЕЭС.

Если бы еще это была небольшая или даже средняя по размерам компания, то тогда вряд ли ситуация с ее акциями заслуживала бы пристального внимания с моей стороны. Однако РАО ЕЭС — одна из крупнейших компаний России, в то время крупнейшая компания страны по численности занятого персонала (около 600 тысяч человек), компания, удельный вес которой в российских фондовых индексах тогда превышал четверть. Иными словами, динамика ее акций оказывала заметное воздействие на поведение всего российского фондового рынка, а следовательно, и в целом на то, что происходило в экономике страны. Пришлось разбираться с динамикой цен на акции РАО.

Выяснилось, что своего пика цена акций компании достигла в день, когда Чубайс публично заявил о планах реорганизации компании. После этого цена пошла вниз. И каждое новое заявление Чубайса о реформировании РАО сопровождалось новой волной сброса акций и соответствующими потерями в их цене. Вот это уже действительно становилось любопытным. Дело в том, что на планы по реорганизации компании инвесторы обычно реагируют положительно. Они рассматривают реформу как способ отказаться от излишних управленческих звеньев, ненужных производств, неэффективных затрат — как способ повышения конкурентоспособности реформируемого организма и как путь к улучшению его финансовых показателей. Именно поэтому при объявлении о планах реорганизации компании они, как правило, начинают интенсивно покупать ее акции, обещающие повышенный доход в будущем, провоцируя рост цен на них.

Падение же цен как реакция на реформу компании в такую логику не укладывалось. Инвесторы явно голосовали против программы реформирования РАО ЕЭС. Почему? Пришлось разбираться. И вот тогда стали постепенно проясняться причины массового сброса акций компании и падения цен. Сейчас нет возможности, да и необходимости детально излагать открывшийся главный замысел предложенной реформы. Тем более что я неоднократно и подробно об этом говорил.

Но, если говорить коротко, то в целом план Чубайса заключался в одновременном достижении двух его главных целей — приватизации и монополизации. Во-первых, хотелось поучаствовать в приватизации последнего значительного куска государственной собственности, остававшегося еще не приватизированным, причем в качестве явного бенефициара.

Во-вторых, хотелось экономически и политически воспользоваться уникальным положением электроэнергетики в сегодняшнем мире. Современная цивилизация базируется на использовании электричества. До 98% энергии, потребляемой в современном мире, — это электроэнергия. Лишь 2% потребляемой конечной энергии представляет собой энергия, вырабатываемая двигателями внутреннего сгорания автомобилей, двигателями самолетов и кораблей, мускульная энергия человека и животных. Без электроэнергии нет современного общества. Следовательно, тот, кто контролирует поставки электричества, электрическую сеть — от электростанции до последнего провода, ведущего к выключателю в квартире, к компьютеру в офисе, к рубильнику на заводе, — тот контролирует нашу жизнь. В свое время весьма популярным был фантастический роман «Продавец воздуха». Если бы кто-

то смог стать хозяином, собственником воздуха планеты, то власть такого монополиста над всем человечеством оказалась бы совершенно невероятной! Тот роман был фантастикой, а вот попытка монополизации поставок электричества, попытка монополизации электросетей страны в руках одного лица стала реальностью.

Грандиозная операция по приватизации активов в электроэнергетике, с одной стороны, и установлению монопольного контроля над электросетями, с другой, нуждалась в масштабной операции прикрытия. В качестве таковой была избрана шумно провозглашенная, шумно сопровождавшаяся и по-прежнему изрядным шумом сопровождаемая программа реформирования электроэнергетики. Не без изящества с самого начала была осуществлена подмена понятий: программа реорганизации компании, пусть и крупной и крупнейшей, но все же одной из целого ряда в этой отрасли, была представлена в качестве программы реформирования всей отрасли.

Как только Чубайсу стало ясно, что я не в восторге от его плана, против меня была развязана грязная пиаровская кампания. Началась борьба, тяжелая, нудная, длительная, с подключением огромных материальных и людских ресурсов со стороны крупнейшей российской компании, со стороны ряда министерств, прежде всего МЭРТа и Минфина, со стороны правительственного аппарата, со стороны премьера Касьянова.

Для меня итоги этой борьбы — борьбы против реформы электроэнергетики по-Чубайсу — оказались смешанными. Она не увенчалась таким успехом, как это было с выплатой государственного долга, с созданием Стабилизационного фонда, с вхождением страны в «восьмерку», с сокращением государственных расходов, с переходом к конвертируемости рубля по капитальным операциям, с поддержанием экономического роста и обеспечением удвоения ВВП на душу населения за десятилетие. Хотя на промежуточных этапах в ней были достигнуты отдельные успехи, в целом она была проиграна.

Окончательная версия постановления правительства по реформированию электроэнергетики, утвержденного Касьяновым, занявшим в этом споре сторону Чубайса, в основном отражала интересы последнего. Некоторые пункты постановления в итоге удалось совместить с более разумной точкой зрения, отстаивавшейся комиссией Госсовета. Но в целом, конечно же, это была чубайсовская программа, подкрепленная законами, принятыми Госдумой. То, что в итоге оказалось принято, конечно же, никакой либеральной программой реформирования электроэнергетики не являлось. В дальнейшем в процессе осуществления этой программы Чубайс вынужден был принять некоторые из тех положений, которые мы с коллегами из комиссии Госсовета отстаивали в 2001 году: отказ от монополизации всех электросетей, сохранение вертикальной интеграции на Дальнем Востоке, применение «зеркального» метода разделения акций компании РАО ЕЭС, увеличение инвестиций в расшивку «узких мест» в электросетях. Естественно, пропагандисты из РАО предпочли не привлекать общественное внимание к тому, что именно Чубайс так яростно боролся против всех этих предложений в 2001 году.

Временами проливается некоторый свет на масштабы изменения благосостояния Чубайса и членов его «команды». Совсем недавно, в ноябре

2007 года, один из верных его соратников и один из главных функционеров СПС Леонид Гозман был обвинен в числе прочего в предоставлении искаженной информации в Центральную избирательную комиссию относительно владения им недвижимостью, а также в получении полумиллиарда рублей незадекларированных доходов. Комментарии сторонников Гозмана поначалу сводились к политической подоплеке нападок со стороны ЦИК и низкой компетенции ее сотрудников. Однако все сомнения рассеял сам Леонид Яковлевич, публично подтвердивший, что его месячный доход в РАО ЕЭС составляет не меньше одного миллиона рублей, и решительно заявивший, что, будучи членом команды Чубайса, «не стыдится того, что зарабатывает эти деньги».

Я не только не возражаю ни против больших зарплат, получаемых в частном секторе, ни против владения российскими гражданами недвижимостью, заработанной собственным трудом на свободном рынке. Я — обеими руками «за». Но, признаюсь, у меня нет аргументов для защиты немыслимых для подавляющего большинства населения России зарплат, получаемых в государственных компаниях за счет устанавливаемых государством тарифов. Я считаю это грабежом. Мне трудно объяснить миллионам российских пенсионеров, получающих в среднем пенсию в четыре тысячи рублей (в 250 раз меньшую, чем зарплата Гозмана), да и любому гражданину страны, оплачивающему ежемесячно электроэнергию по государственным тарифам, предпринимателям, вынужденным платить за подключение к сети тысячи долларов за киловатт, почему они из своих пенсий и заработков должны финансировать такого размера зарплаты, а также всякие иные бонусы, премии, опционы, акции, земельные участки и прочие маленькие радости этих *членов команды Чубайса*.

Да, очевидного успеха в деле реформирования электроэнергетики мне добиться не удалось. Были некоторые подвижки, но в целом Чубайс с поддержкой Касьянова и при фактическом нейтралитете Путина осуществил ту «реформу», какую и хотел. И все-таки кое-чего сумел достичь и я. Самое главное, что удалось сделать, по крайней мере, на том этапе, — это не допустить, во-первых, очередного этапа разворовывания государственной собственности в масштабах сопоставимых, а, возможно, и превосходящих «залоговые аукционы», а, во-вторых, установления монопольного контроля над всеми электросетями страны.

Тем не менее Чубайсу удалось многое. Приведу только два примера. Первый — это так называемая *чешская операция*, воспетая в свое время в панегирике Александра Беккера в газете «Ведомости» под названием «Шедевр Чубайса». Опуская сложные схемы расчетов и переводов, перейду к ее сути. Государственный долг Российской Федерации перед Чешской Республикой в 3,5 млрд долларов был списан таким образом, что российский Минфин в итоге расстался с примерно 1,5 млрд долларов. Однако из этой суммы около 700 млн долларов, если мне не изменяет память, в конечном счете оказались на счетах Чехии, а 800 млн — осели в РАО ЕЭС.

— Подождите, а какое отношение к государственному долгу имеет РАО ЕЭС?

— Вопрос абсолютно справедливый, потому что никакого отношения ни к междгосударственным расчетам, ни к государственному долгу РАО ЕЭС не имеет. Точнее не имело. РАО даже формально не поставляло электроэнергию в Чехию. Но факт остается фактом: 800 млн долларов перекочевало из российского бюджета на счета РАО ЕЭС.

Как так получилось? Какое отношение РАО ЕЭС имеет хоть к межгосударственным расчетам, хоть к государственному долгу? Наверное, примерно такое же, как и Росукрэнерго — к расчетам между Россией и Украиной за газ. С той только разницей, что Росукрэнерго в нынешнем виде появилось позже. А «шедевр Чубайса» — раньше. Что же касается того, насколько российский Минфин занижал налоги, взимаемые с РАО ЕЭС, как регулярно списывал накопленную электрокомпанией налоговую задолженность, даже говорить не буду. Эту систему даже коррупцией нельзя назвать. Из-за возможного нанесения оскорбления слову «коррупция».

Еще одна операция, какая была позволена нынешним режимом Чубайсу, — это проведение IPO (Initial Public Offering), то есть первоначального размещения акций, для электрокомпаний, выделенных из РАО ЕЭС, с зачислением средств, полученных от размещения этих акций, на счета самих компаний. Поясняю: если что-то продается, любой актив, то независимо от того, кто именно продает этот актив, выручка, получаемая от продажи, поступает собственнику продаваемого имущества, а не организатору продажи. Поскольку собственником государственных компаний является государство, то, естественно, при продаже акций государственных компаний полученные средства должны были бы поступать в государственный бюджет. Собственно, так это и происходит во всем мире. Так это происходит и в России по отношению ко всем иным компаниям, кроме двух: РАО ЕЭС и Роснефти. Суммарные средства, полученные от продажи энергоактивов РАО ЕЭС, достигли 700 млрд рублей, или около 30 млрд долларов. При том, что государству принадлежит чуть более половины акций РАО ЕЭС, за проданные активы оно должно было бы получить не менее 15 млрд долларов. Государство не получило ничего. Можно интересоваться технической схемой осуществления такой операции, а можно задуматься о том, какими должны были быть заслуги Чубайса перед режимом силовиков, если ему было позволено осуществить «сокращение» государственных активов на миллиарды долларов — то, чего не было позволено в стране в последние годы никому, — за исключением лишь Роснефти, Ростехнологий и некоторых других компаний, в руководстве которых находятся сотрудники спецслужб.

— Вы сказали, что такие IPO проводились и в пользу Роснефти?

Роснефть

— Да, и впервые это оригинальное изобретение было применено 12 июля 2006 года при проведении на лондонской фондовой бирже IPO как раз акций государственной компании Роснефть. При продаже около 10% акций компании Роснефть, принадлежащей российскому государству, полученные двенадцать с лишним миллиардов долларов поступили не в госу-

дарственный бюджет страны, а на счета компании Роснефть. С чем можно сравнить эту замечательную операцию?

Можно сравнить с действиями сторожа, продавшего на рынке то имущество, которое охранял, и положившего деньги в собственный карман. Или, например, с действиями директора государственного музея, который продал хранящиеся в фондах музея картины, статуи и гобелены где-нибудь на Сотбис и направил эти деньги себе и своим сотрудникам на зарплату, премии или даже ремонт залов, обновление экспозиций и т. д.

Аналогов подобным операциям в мире нет. Когда готовились IPO Роснефти и РАО ЕЭС, я консультировался со специалистами, проводившими подобные IPO в разных странах. И когда я спрашивал, возможно ли такое зачисление средств на счета продаваемых компаний, мои зарубежные коллеги долго не понимали вопроса. Многие люди с уважением относятся к представителям власти. Поэтому когда с просьбой обращается советник президента, ему, как правило, стараются помочь. Когда я спрашивал: «Возможно ли в вашей стране такое, чтобы полученные средства от продажи акций государственных компаний оказались бы не в госбюджете, а на счетах самих компаний?» — на другом конце провода (или во время личной встречи) воцарялось молчание. Затем меня просили задать вопрос еще раз. Затем еще раз его уточнить. Затем извинялись, что, наверное, неправильно поняли. После неоднократного повторения одного и то же вопроса раздавался встречный вопрос: «Вы что, нас разыгрываете?» Коллеги обижались, они были просто не в состоянии представить, не только, что такое возможно, но и что такие странные вопросы вообще могут задаваться.

Самый холодный душ я получил от коллеги из Экономического отдела ЦК КПК. Как Вы знаете, в Китае в последнее время проводилось немало продаж акций государственных компаний, так что китайские власти наработали приличный опыт в организации соответствующих IPO. После неоднократной формулировки традиционного вопроса я получил кинжальный ответ на аккуратном английском языке: «Вы откуда звоните? Вы, наверное, вводите нас в заблуждение. Не может быть, что Вы работаете в администрации российского президента. Чтобы средства от продажи акций государственных компаний не зачислялись в государственный бюджет, такого быть не может. Пожалуйста, не отвлекайте нас больше». И теперь каждый раз, когда я снова слышу утверждения о том, что политические и экономические модели современных России и Китая очень похожи, я с грустью вспоминаю эту и еще несколько подобного рода историй.

Так вот, IPO с зачислением средств от продажи государственного имущества самим компаниям нынешняя власть разрешила только двум компаниям: Роснефти во главе с И. Сечиным и РАО ЕЭС во главе с А. Чубайсом. Можно выяснять различия между указанными господами. А можно задуматься и о том, что их объединяет, каково реальное отношение режима к Чубайсу, Чубайса — к режиму, какую роль он играл все эти годы и какую он продолжает играть.

— А в обсуждении каких еще проектов Вы принимали участие в последние годы своей работы в должности советника президента?

— Было еще немало разных тем. Была борьба против ратификации Россией Киотского протокола. Три с лишним года удавалось удерживать страну от ратификации этого безумного документа. К сожалению, российские власти не захотели спасителя человечества от киотизма — зеленой разновидности тоталитаризма. Если бы Россия не ратифицировала Киотский протокол в 2004 году, сегодня он был бы мертв. Увы, эта киотская истерия продолжается и уже обходится человечеству в десятки миллиардов долларов, оборачивается ростом цен на продовольствие во всем мире, сопровождается беспорядками, в ходе которых погибают десятки и сотни людей. Кстати, и в истории с ратификацией Россией Киотского протокола роль Чубайса оказалась не последней.

Была и история с ЮКОСом. С моей стороны тогда не было такой публичной борьбы, как с расхищением российской электроэнергетики или с ратификацией Киотского протокола.

В политической жизни далеко не всегда все получается, в ней не обходится и без компромиссов. Были бои, которые я выигрывал, были битвы, которые проигрывал, была борьба, которую удавалось сводить вничью. И в 2000, и в 2001 и в 2002 годах далеко не все получалось. Но до 2003 года исход любой новой схватки не был предопределен. Поэтому были все основания бороться. 2003 год стал переломным. В июле 2003 года, сразу после ареста Лебедева и еще до ареста Ходорковского, стало ясно, что ситуация радикально изменилась. Прежние правила и обычаи перестали работать. В течение какого-то времени еще сохранялась призрачная надежда, что это случайность, что это ошибка, что все еще можно исправить. Тем более что на мои вопросы о ЮКОСе и судьбе Ходорковского мне неоднократно было сказано, что будет суд, что суд у нас независимый, что на суде все проблемы и прояснятся и решатся, и потому, если никто не виноват, то, конечно же, никто невинного человека в тюрьму и не отправит.

Не то, чтобы я особенно в эти слова поверил, но их запомнил. И суда над Ходорковским ждал терпеливо. Когда же в 2004 году началась работа Басманного суда, то я пришел на его заседание. Мне было чрезвычайно важно проверить действенность данных мне обещаний о независимости, беспристрастности и объективности суда. Мне было важно присутствовать там, видеть и чувствовать, что происходит на суде, — не только по сообщениям прессы, не только по репортажам журналистов и словам достойных людей, мнение которых ценю и уважаю. Мне было важно увидеть процесс собственными глазами. И я увидел его сам. Поэтому к тем ста мнениям, которые я по этому поводу услышал и о которых прочел до того, как я туда пришел, добавилось еще одно — мое собственное мнение. Поэтому никаких иллюзий по поводу того, что, как и кем было сделано, у меня не осталось. Как, кстати, и по поводу данных мне обещаний.

События 2003 года стали переломными. Тогда, — помню это очень хорошо, — было огромное количество вопросов со стороны наших зарубежных коллег: что все это означает? Надо сказать, что за рубежом отношение к российскому руководству тогда было очень хорошим, почти дружеским. Никто не мог поверить, что то, что происходило с ЮКОСом и Ходорков-

ским, может происходить в цивилизованной стране, какой, казалось, уже начала становиться Россия. Практически все полагали, что это невероятная ошибка, которая вот-вот будет исправлена, что это трагическое недоразумение. На встречах «шерп», на двусторонних, на многосторонних встречах коллеги постоянно спрашивали и никак не могли поверить. Казалось, что это дурной сон, который вот-вот должен прекратиться — через неделю, две, три. 2003 год еще сохранял надежду, что многое можно исправить.

Следующий, 2004-й, год расставил точки над i. Хотя ответы на поставленные вопросы так и не были даны в словесном виде, но они были даны в действиях власти. Действия оказались красноречивыми и убедительными. Стало ясно, что даже та ограниченная кампания либерализации, — пусть только экономической, конечно, не политической, — уже закончилась, и страна идет семимильными шагами (точнее, несется со скоростью паровоза) в совершенно другую сторону. Поэтому на своей пресс-конференции по итогам уходившего 2004 года я назвал его «годом великого перелома», а операцию по захвату Юганскнефтегаза Роснефтью — «аферой года».

2005 год уже стал вторым годом подряд, когда по рейтингам Freedom House Россия признавалась недемократической, несвободной страной. Если в предшествовавшие годы она была частично политически свободной, каждый год опускаясь все ниже и ниже, то в 2004 году она пересекла границу, отделяющую частично политически свободные страны от политически несвободных.

После убийства российскими военными заложников в бесланской школе для меня стало абсолютно неприемлемым оставаться российским «шерпой» в «группе восьми», то есть быть представителем недемократической страны и ее лидера в клубе демократических стран. По условиям клуба («восьмерки», а раньше «пятерки» и «шестерки») в него входят только демократические страны. Если члены этого клуба по-прежнему считают возможным встречаться с представителями России, то это их выбор. Я же попросил президента освободить меня от обязанностей «шерпы».

— И он освободил Вас?

— Нет, не освободил. В течение какого-то времени все делали вид, будто бы ничего не изменилось, и эта моя «блажь» пройдет. Какое-то время казалось, что проблема как-то «утрясется». Однако я повторил несколько раз, что работать больше не буду, — так, как мы и договаривались с самого начала. И я перестал работать.

И это принесло свои результаты. Очевидно, помог и мой визит в Басманный суд.

Через три месяца после моего заявления о прекращении исполнения мной функций «шерпы» и после фактического их прекращения был обнародован Указ Президента РФ об освобождении меня от обязанностей «шерпы». По хорошей бюрократической традиции он был опубликован 3 января, когда страна находилась в объятиях новогоднего отпуска. В Указе не было упомянуто, что освобождение произошло по моей просьбе, что ухожу я по собственному желанию. Просто говорилось, что я освобожден и назначен новый человек.

— А Вы понимали, что уйдете и из советников президента?

Да, конечно. Наступил новый, 2005 год. Но большого рассказа о нем, очевидно, пока не будет. Год ознаменовался быстрой деградацией качества экономической политики, деградацией институциальной структуры государства. Страна споро погружалась в авторитаризм. Мои попытки что-либо сделать оказались безуспешными. В администрации разворачивалась бюрократическая склока, жизнь в ней становилась все более «веселой»... Условия, на которых в 2000 году мы договаривались с Путиным, не выполнялись. Оставаться во власти не имело никакого смысла.

В декабре 2005 года события пошли уже вскачь. Началась подготовка «газовой» войны против Украины, развернувшейся уже в следующем, 2006-м, году. Было понятно, что готовится что-то безумное, но то, что операция станет дымовой завесой, под прикрытием которой будут организованы эксклюзивные условия для Росукрэнерго, при которых от российского налогообложения освобождаются поставки газа на миллиарды долларов, выяснилось позже.

Прошло совещание по предоставлению налоговых льгот при разработке нефтяных месторождений Восточной Сибири — месторождений, по совершенно случайному совпадению незадолго до этого доставшихся почти исключительно Роснефти и Газпрому.

Произошло обсуждение предстоящего IPO Роснефти. Поначалу я полагал, что инициаторами аферы является руководство Роснефти, пытавшееся присвоить государственных средств на сумму реализации акций (ожидалось получение 10 млрд долларов, в итоге получилось 12 млрд долларов). Выяснилось однако, что автором схемы является Дмитрий Анатольевич Медведев. Обсуждение в присутствии высших должностных лиц государства показало, что все в курсе проводимой операции, что она со всеми согласована и все понимают, кто что и зачем тут делает. Обнаружилась лишь одна небольшая нестыковочка: Игорь Сечин, председатель наблюдательного совета Роснефти, запланировал направить из ожидавшихся к получению 10 млрд долларов от IPO сущую мелочь — какие-то 1,5 млрд долларов — на «материальное стимулирование руководства компании». Поскольку «нестыковочка» оказалась несогласована с коллегами и коллеги лишь случайно узнали о ней на совещании, вскочивший со своего места, как школьник перед строгим учителем, и мгновенно ставший малиновым «серый кардинал Кремля» был подвергнут безжалостной моральной экзекуции: «Что же это такое, Игорь Иванович?» — не мог остановиться президент. Мне же досталась редкостная похвала: «Большое спасибо Вам, Андрей Николаевич! Большое вам спасибо!» На следующий день после стирания со всех компьютеров компании информации об этом предложении Сечин позвонил мне по «кремлевской связи» и строгим голосом потребовал от меня предоставить информацию, на основе которой я «осмелился так грубо подставлять его перед президентом».

Каждый день приносил мне новые и новые свидетельства об усугубляющемся «празднике жизни». Делать мне там было абсолютно нечего. Желающие же изображать «либерально-гуманистическо-профессиональное» лицо режима обязательно найдутся. Очередное заявление об освобождении с поста

советника было подано мной 20 декабря 2005 года. Президент попросил подождать: «Вы понимаете, так не уходят. По этому поводу мы должны еще отдельно поговорить». Прошла неделя. Наступил конец декабря, приближался отпускной январь. Нарастала вероятность годичной давности истории об освобождении с поста «шерпы». Ждать дольше не имело смысла. 27 декабря 2005 года я официально объявил, что подал заявление и ухожу в отставку.

Я вернулся в Институт экономического анализа, где продолжаю работать и сейчас. Через некоторое время получил приглашение в Институт Катона в Вашингтоне, где с октября 2006 года работаю старшим научным сотрудником.

Часть вторая. «Столетняя война»

— Спасибо Вам большое, Андрей Николаевич, за этот откровенный и содержательный рассказ. Вы дали читателям «Континента» возможность не просто познакомиться с Вашими взглядами на то, что происходило в России и с Россией за последние четверть века, но и увидеть ее историю пропущенной через Ваш личный человеческий опыт — глазами непосредственного участника и свидетеля многих важнейших событий, определивших ее рисунок. А это особенно ценно, и это дает нам теперь возможность попросить Вас именно в этом же русле одновременно личностно-биографического и научно-аналитического подходов, — а значит, и как бы в продолжение предыдущего Вашего рассказа, — ответить и на несколько более предметных наших вопросов.

И первый наш вопрос будет такой. Всем памятно то Ваше шоковое определение характера режима, упрочающегося в последнее время в России, которое Вы дали после Вашего ухода из советников президента, — «корпоративистский режим». Определение, которая вся вменяемая страна перевела практически как «бандитски-корпоративистский». Мы помним и тот системный анализ, который Вы дали, раскрывая содержание этого определения в сравнительном сопоставлении нынешнего российского режима с теми моделями, которые в истории уже существовали. В частности, нам показалось очень убедительным — во всяком случае для людей нашего уровня непрофессионализма в экономике и в политике, — отличие, проведенное Вами между этим режимом и уже существовавшими в истории режимами партийных диктатур. А в этой связи — и отличие «Единой России» от тех партий, которые создавали режимы партийных диктатур, хотя и нынешняя партия власти тоже старается, как и они когда-то, выработать себе определенную идеологию. Потому что, понятно, без этого инструмента работать с народом нельзя. Но соотношение тут все же иное: там, в тоталитарных партиях, осуществлявших режим партийной диктатуры, идеология была первична, практика же была результатом идеологии (хотя постепенно это соотношение изменялось, и к концу советского режима идеология на самом деле почти не имела уже никакого значения). А для «Единой России» идеология изначально вторична как всего

лишь один из подсобных инструментов ее функционирования, потому что она и сама является, с Вашей точки зрения (если мы правильно ее понимаем), всего лишь рабочим инструментом некоей сложившейся в последние годы корпоративистской институционально-государственной структуры преступно-мафиозного характера. Так вот, если принять это Ваше определение и Вашу характеристику нынешнего режима (а мы с ней согласны, Вы нас убедили, подтвердив и наши собственные внутренние интуиции), то тогда возникает такой вопрос. Скажите, а на первом этапе, когда Вы стали советником президента и когда режим не приобрел еще столь отчетливо выраженного преступно-мафиозного корпоративистского характера, у Вас что, была уверенность, что власть живет и озабочена интересами страны? Или Вы и с самого начала чувствовали, что все движется именно в сторону мафиозной структуры? Если же нет, если тогда было все-таки ощущение, что эти люди всерьез думают о стране, о ее благосостоянии и развитии, то в какой момент произошел перелом в сторону мафиозности? И почему? Это же, в общем-то, должно было, наверное, как-то почувствоваться даже на самом простом, интуитивном нравственно-психологическом уровне восприятия окружавшей Вас властной среды — что что-то не то делается, что что-то назревает опасное, темное. Короче говоря, то, что произошло, — это, с Вашей точки зрения, результат постепенного изменения характера власти или результат постепенного выявления того, что было заложено в ней с самого начала, ее истинных подспудных стремлений и целей?

Эволюция или заговор?

— Вы задали один из самых интересных вопросов, касающихся нынешнего политического режима. В течение последних лет этот вопрос был, наверное, наиболее часто обсуждаемым. Было ли запланировано получение такого результата с самого начала? Или же полученный итог есть результат внутреннего развития? Что это было: эволюция или заговор?

Есть два ответа на этот вопрос. Согласно одному, таков был изначальный план, так было задумано с самого начала. Согласно другому, так *не* было задумано, но *так* получилось в результате эволюции. С моей точки зрения, отчасти верны оба подхода. Элементы осуществления некоего плана можно проследить практически с самого начала — и с мая 2000 года, и с января 2000 года, и с августа 1999 года, и даже с августа 1998 года. Но кое-что появилось позже, в том числе и как реакция на изменение ситуации.

В чем-то это похоже на судьбу новорожденного ребенка: кем ему предстоит стать? Кто-то станет нобелевским лауреатом, кто-то — бандитом. Вечный вопрос: являются ли судьбы людей, общественных групп, целых стран заранее предопределенными? В чем-то — да, в чем-то — нет.

Некоторое время назад я написал статью «Фридман и Россия», посвященную выдающемуся американскому экономисту Милтону Фридману, которого мне посчастливилось знать в течение десяти лет. У Фридмана было особое отношение к России, хотя он никогда в ней не бывал. Фридман часто, подолгу и с большим интересом расспрашивал меня, что происходи-

ло в нашей стране. Каждый раз, когда мы с ним встречались, у меня возникал один и тот же вопрос: а что было бы в том случае, если бы, например, он и его супруга Роза оказались бы не в Америке, а в СССР? С одной стороны, наличие гения на территории своей страны, — это невероятный вклад в ее развитие. С другой стороны, представить Фридманов в 1930-е — 1950-е годы в СССР мне даже гипотетически никак не удавалось. Однажды я спросил их об этом обоих: смогли бы они стать теми, кем стали, если бы оказались не в США, а в СССР? Они помолчали полминуты и потом дружно и очень серьезно ответили: нет.

Почему я вспомнил о Фридманах? Потому что в их истории звучит своего рода попытка ответа на вопрос, который только что был сформулирован: в какой степени предопределена судьба отдельного человека, человеческого сообщества, всей страны? В какой-то степени это разговор о том, а что было бы, если... В жизни всегда есть альтернативы. Оставаясь на почве реальности, нельзя заранее предсказать, что произошло бы, если бы история повернулась другой своей стороной. Так что думаю, интерес к ответам на этот вопрос обеспечен надолго.

Одни аналитики объясняют происходящее сегодня в России институциональной природой спецслужб, сотрудники которых оказались у власти. Другие ссылаются на разницу в людях независимо от принадлежности к спецслужбам, включая КГБ. Среди сотрудников спецслужб мне встречались и недостойные люди, и люди весьма порядочные. С моей точки зрения, принадлежность человека к той или иной организации, к той или иной службе, к той или иной партии, к той или иной идеологии не является единственным фактором, исключительно предопределяющим характер его поведения. Каждый человек — в большой степени хозяин своей судьбы. В схожих ситуациях похожие люди делают разные шаги. Борис Ельцин тоже был первым секретарем обкома КПСС. А в свое время он отдал распоряжение о сносе Ипатьевского дома.

— Он первым секретарем и остался...

— В чем-то остался. А в чем-то... Ельцин оказался уникальным первым секретарем обкома. Кого среди таких секретарей обкомов 1980-х — 1990-х годов можно поставить рядом с ним? Лобова? Скокова? Романова? Гришина? Зайкова? Лигачева? Кто среди них — первых и вторых секретарей обкомов и горкомов — по масштабу понимания происходившего был сопоставим с Ельциным? Конечно, учитывая уровень его образования, он вряд ли мог стать, так сказать, Милтоном Фридманом. Но, принимая во внимание его фактический background, нельзя не отметить, что Ельцин оказался совершенно необычной личностью. Условия для формирования взглядов Михаила Горбачева были более благоприятными: Московский университет, юридический факультет. Но, объективно говоря, понимание ситуации у Ельцина оказалось более глубоким. Хотя не было у него ни юридического образования, ни университетов. Какую эволюцию он прошел, будучи по образованию строителем, проведя бóльшую часть жизни в Свердловске, не имея особых возможностей для интеллектуального общения...

— Вы очень хорошо сказали, что экономическая политика может быть в чем-то даже и верной, но это не имеет отношения к сути режима.

Гарвенсазимит и корпоративизм

— Для описания политического режима неприменим традиционный экономический инструментарий. Он годится для анализа качества экономической политики. На фоне политики, проводившейся в нашей стране в 1990-е годы, на фоне распространенной мировой практики качество текущей макроэкономической политики остается пока еще приличным. Тем не менее *голландская болезнь* начинает ощущаться все сильнее, а расходные аппетиты государственной власти в последнее время заметно растут.

Что касается структурной политики, то она характеризуется термином «аргентинская болезнь». *Аргентинская болезнь* — это неутолимая страсть властей перемещать ресурсы из одной отрасли в другую, от одного сектора к другому. Этот атавизм социалистического подхода в условиях в целом рыночной экономики смог разрушить Аргентину, бывшую в начале XX века одной из богатейших стран мира.

Кампанию квазинационализации экономических активов, проводимую сегодня в России, имеет смысл именовать «венесуэльской болезнью», с тем отличием от страны, давшей имя этой болезни, что в российском случае государство является инструментом в целях приватизации активов «правильными» людьми.

Начало экономических войн против соседей — Украины, Молдавии, Литвы, Грузии, Эстонии — с использованием энергетического оружия, с использованием торговых и транспортных блокад — это своего рода «саудовская болезнь» (в 1973 году саудовские власти ввели эмбарго на поставки нефти против стран, поддерживавших Израиль).

Наконец, последняя и наиболее опасная в долгосрочном плане экономическая болезнь России — это «зимбабвейская болезнь»: разрушение институтов современного общества и государства по типу того, которое осуществляет в Зимбабве Роберт Мугабе. По индикаторам институционального развития нынешняя Россия занимает пока еще более высокие позиции, чем современная Зимбабве. Но уже ненамного. Надо отдать должное российским властям: разрушение современных государственных и общественных институтов у нас в последние годы происходит с более высокой скоростью, чем в Зимбабве.

Если взять все болезни вместе, то получим общий диагноз современной российской экономики — *гарвенсазимит (голландско-аргентинско-венесуэльско-саудовско-зимбабвейская болезнь)*. Когда во время публичных выступлений я произношу этот замечательный термин, внимание аудитории, как правило, гарантировано.

— Снова — как пять источников и пять составных частей?

— Немножко иначе: пять хворей, пять болезней. Экономический анализ дает необходимый инструментарий для понимания этих болезней. А вот

для понимания причин, по которым один общественный организм оказывается подвержен той или иной болезни, а другой — нет, экономического инструментария недостаточно. Тут уже необходимо понимание того, что происходит с государством, какие решения и почему принимают лица, обладающие политической властью.

Анализом поведения государств и общественных групп в государстве занимается наука political science, название которой на русский язык пока крайне неудачно переводится как «политология». Применение политического анализа и соответствующего терминологического аппарата к нынешнему российскому феномену привело к появлению работ, посвященных анализу *корпоративистского государства*. Нынешнему российскому государству далеко до критериев современного государства демократического типа, примеры которого есть в странах Европы и Северной Америки и зародыш которого возник в России в 1990-е годы. Нынешнее корпоративистское государство отчасти напоминает корпоративные государства Германии, Италии, Португалии, Испании середины XX века.

Приемлемость термина «корпоративистское государство», не являющегося синонимом понятия «корпоративное государство», активно обсуждалась несколько лет назад. Сейчас термин «корпоративистское государство», кажется, уже вошел в русский общественно-политический язык.

Однако для анализа нынешнего российского режима инструментария political science тоже недостаточно, тут уже необходим социологический анализ, а он неизбежно приводит к рассмотрению не только партийных структур, но и силовых структур, общественных групп, специализирующихся на применении насилия, среди которых государство является лишь одним из примеров — наряду с армией, частными охранными предприятиями, организованными преступными группировками разного типа. Одни имеют бóльшую полноту власти на подконтрольной территории, другие — меньшую, одни более конкурентны, другие — более монопольны. Сложившийся в России силовой политический режим по свое природе и методам своих действий занимает промежуточное положение между ЧОПом и ОПГ.

— Иными словами современный политический режим в России напоминает мафию?

— Да, группировка мафиозного типа может служить своего рода образцом. Классический пример для таких режимов — мафиозные организации в Италии, в том числе в Сицилии. Видимо, не случайно некоторые итальянские политики оказались весьма близкими по духу, а сардинские поместья — одними из наиболее посещаемых мест. Правда, деинституциализация в России приводит к такому уровню разложения институтов, который не вполне характерен даже для мафии. Похожими на нынешний режим являются группировки уличной шпаны — менее стабильные, менее устойчивые, менее институциализированные.

Конечно, полного аналога политического режима тому или иному неполитическому феномену нет и быть не может. Например, предвыборная кампания, проводившаяся накануне 2 декабря 2007 года, — явление для город-

ской шпаны не совсем характерное. Такого рода кампания была более характерной для партийных режимов, проводивших аналогичные кампании в 1932–1933 годах в Германии и в 1937 году в СССР. Такого рода аналогии позволили некоторым наблюдателям проводить сравнения нынешнего российского силового режима со сталинским и нацистским. Что-то в этих режимах оказалось похожим, в чем-то есть различия. Так что анализ фашизма, начатый мной три десятилетия назад, неожиданно получил новую пищу.

— Есть еще одна параллель... Знаете ли Вы, что одна из последних публицистических статей Владимира Максимова о России называлась «Шпана у власти»? Забавное терминологическое совпадение, не правда ли? Хотя до сегодняшнего дня он не дожил и эта его квалификация относилась к тому, что делала правительственная команда Гайдара... Вы рассказывали о московско-ленинградском кружке ученых. Кто входил в него? Там ведь как будто были едва ли не все члены будущего правительства Гайдара?

Портрет Дориана Грея

— Этот вопрос достоин того, чтобы обсудить его более детально. Сквозь призму действий *команды Гайдара* и судеб ее участников становится более понятным и история страны, и судьба реформ, и судьба надежд начала 1990-х годов, объединявших многих людей демократических и либеральных взглядов. Судьба самой команды и ее членов показательна.

Надо сказать, одно дело — быть исследователями, непосредственно не вовлеченными в процесс принятия политических решений. Другое дело — эти решения принимать. Поначалу, при вхождении во власть, интересы общего дела среди членов *команды Гайдара*, казалось, явно превалировали. Однако вовлечение в процесс принятия политических решений привело к неизбежному перерождению группы исследователей в другую группу. Это отразилось даже в ее названии: из так называемой *команды Гайдара* (группы исследователей и аналитиков) она превратилась в то, что сейчас часто называют *командой Чубайса* (то есть группу управленцев). Хотя эта *команда Чубайса* имеет некоторые исторические корни в первоначальной группе исследователей, собравшейся двадцать лет назад на первый семинар в «Змеинке», по своим политическим, идеологическим и моральным взглядам она имеет с ними мало общего. Одних уже нет, те же, кто остался, изменились до неузнаваемости.

— В том числе и сам Чубайс?

— Естественно. Пожалуй, ни в ком прошедшая эволюция не оказалась столь драматической и столь наглядной, как в личности Анатолия Чубайса. Причем даже во внешем облике этого человека. Те, кто знал его в 1980-х годах, глядя на сегодняшнего Чубайса, с трудом могут поверить, каким этот человек был раньше.

Судьба *команды Гайдара* действительно уникальна, а ее детство и юность вспоминаются с душевной теплотой практически всеми ее участниками.

Наверное, не случайно история ее создания уже эксплуатировалась в околополитических целях — начиная с первой попытки написания истории этой группы в середине 1990-х годов.

В августе 2006 года сайт ПОЛИТ.РУ начал проект, посвященный двадцатилетию семинара в «Змеинке». Серия открывалась интервью Егора Гайдара, продолжилась рядом интервью других участников команды и, по логике вещей, должна была бы завершиться материалом с участием Анатолия Чубайса. Собственно говоря, авторы проекта этого и не скрывали. Трудно было отделаться от впечатления, что кроме благородного мемуарного запала преследуется и политическая цель — своего рода теоретическая подготовка СПС к парламентским выборам 2007 года. Но у политического процесса есть свои законы. К тому времени, когда наступил момент для интервью с Чубайсом, он как действующий государственный чиновник и один из крупнейших государственных олигархов, очевидно, понял, что сделать такое интервью, какое он планировал дать вначале, он уже не сможет.

Так и остался этот проект оборванным. Опубликованные материалы представляют двоякий интерес. С одной стороны, они содержат любопытную историческую информацию. С другой, они, увы, сохраняют следы чистки прошлого с точки зрения идеологических и практических потребностей сегодняшнего дня. Как «уточняется» история, как затушевывается роль одних лиц и выпячиваются действия других, как создаются партийные легенды и мифы, теперь, увы, можно видеть на примере не только «Краткого курса ВКП(б)». Несколько человек, стоявших у истоков этой группы, сыгравших важнейшую роль в ее создании и становлении, в материалах этого проекта практически не были упомянуты. Например, Юрий Ярмагаев — один из трех отцов-основателей группы экономистов в Ленинградском инженерно-экономическом институте. Или же Петр Сергеевич Филиппов, сыгравший исключительную роль в формировании и сплочении этой группы, душа компании. Однако в силу расхождений во взглядах с Чубайсом оба оказались фактически «вычеркнуты» из истории команды, точнее, из ее «краткого курса». Про другие искажения даже не хочу говорить.

Три источника и три потока

Настоящая история этой группы экономистов началась в 1979 году, а фактически закончилась в начале 1992 года — после формирования нового правительства в ноябре 1991 года и начала экономических реформ. Именно тогда прояснились принципиальные различия во взглядах на экономическую политику, на политические предпочтения и, не побоюсь этого слова, на моральные принципы, приемлемые в политике. Тогда произошло разделение первоначальной *команды Гайдара* на три группы.

К первой группе относятся представители интервенционистских взглядов, считающие необходимым государственное вмешательство в рыночную экономику (в московско-ленинградском экономическом кружке всех объединяло признание необходимости рынка и понимание того, что советская плановая экономика нежизнеспособна). Наиболее заметным из них был Сергей Юрьевич Глазьев, один из активных участников семинаров 1980-х

годов, по-своему очень яркий человек, весьма работоспособный, автор нескольких книг, создатель концепции научно-технологического развития, недавно избранный членом РАН. В 1991 году Глазьев был назначен на пост заместителя министра внешнеэкономических связей. В декабре 1992 года после ухода Петра Авена он стал министром и был им до октября 1993 года, когда, присоединившись к Р. Хасбулатову и А. Руцкому, покинул российское правительство. К этому же направлению я бы отнес Оксану Генриховну Дмитриеву. В правительстве Е. Примакова в 1998 — 1999 годах она была министром по социальной политике. В настоящее время в качестве депутата Государственной думы от «Справедливой России» она помогает С. Миронову.

Второе направление в терминах современной мировой экономической мысли я назвал бы кейнсианством, а в терминах политической классификации — правым консерватизмом. Наиболее заметные представители этого направления — Егор Гайдар и Анатолий Чубайс, а также присоединившийся к ним позднее Евгений Ясин. Суть этого подхода — создание привилегированной рыночной экономики для немногих избранных.

— Но в чем в таком случае отличие от позиции Глазьева?

— Глазьев выступал (и, видимо, продолжает выступать) за более экстремальные формы государственного вмешательства в пользу многих, Гайдар и Чубайс — за более камуфлированные способы вмешательства в пользу немногих. Условно говоря, Глазьев — за французский социализм миттерановского типа, Гайдар и Чубайс — за правый консерватизм латиноамериканского типа. Хотя последние двое предпочитали позиционировать себя в качестве либералов, с точки зрения общепринятой международной системы координат, их позиция, строго говоря, практически совпадает с правым консерватизмом.

Третье направление представляли экономисты, придерживавшиеся позиций классического либерализма. В *команде Гайдара* они были представлены прежде всего Сергеем Васильевым, Борисом Львиным и мной. Никто из нас не занимал позиций в исполнительной власти, позволявших принимать самостоятельные решения. Иногда эти позиции бывали достаточно высокими как для аппаратной работы (Васильев был первым заместителем министра экономики и первым заместителем руководителя аппарата правительства), так и для общественной дискуссии (в частности, моя позиция как советника президента). Но такой статус практически не давал полномочий на принятие самостоятельных решений в сфере экономической политики, что отличало нас как от Глазьева и Дмитриевой, работавших министрами, так и от Гайдара, Чубайса и Ясина, занимавших посты министров, вице-премьеров, первых вице-премьеров, и. о. премьера, руководителя президентской администрации, менеджера крупнейшей государственной компании.

Таким образом, в *команде Гайдара* были представлены три экономических и политических направления.

— Три источника и три составные части...

— Три источника и три потока, три школы экономической мысли и три направления экономической политики...

Как только рубеж 1991 — 1992 годов был преодолен, как только от вопросов, что и как делать, члены команды перешли к осуществлению политики, разногласия, казавшиеся ранее незначительными, «вдруг» проявились в полный рост. С того времени начинается и размежевание прежних сторонников по различным политическим предпочтениям.

Сменив целый ряд партнеров — бывшего вице-президента Руцкого, Конгресс русских общин, КПРФ, Сергей Глазьев стал одним из основателей и организаторов партии «Родина», избирался от этой партии депутатом Государственной думы и даже выдвигался от нее кандидатом в президенты.

Егор Гайдар и Анатолий Чубайс стали создателями партии «Демократический выбор России», который через ряд этапов превратился в СПС. Эта организация тоже прошла свою эволюцию, закономерными ступеньками которой стали ее лозунги про возрождение российской армии в Чечне и либеральную империю, действия по уничтожению старого НТВ и монополизации российской электроэнергетики.

Сторонники либерального пути развития России недавно также создали свою политическую организацию — Союз «Либеральная Хартия».

— То есть Вы хотите сказать, что разногласия в московско-ленинградском кружке начались только после 91-го года?

Теоретические споры

— Споры по разным вопросам у нас были с самого начала. Но поскольку принятие решений на государственном уровне нам тогда не грозило, то спорить можно было о чем угодно: разногласия не приводили к расколу. Хотя дискуссии были острейшими.

В 1987 году, к примеру, на одной из встреч развернулся энергичный спор по поводу того, можно или нельзя сотрудничать с коммунистической властью. Насколько я помню, П. Филиппов, а также несколько представителей юного поколения из клуба «Синтез» настаивали на том, что сотрудничать с коммунистической властью нельзя, что все произошедшее в стране в течение семидесяти лет сделало такое сотрудничество невозможным. Чубайс придерживался противоположной точки зрения, считая, что сотрудничать с властью не только можно, но и нужно, причем не только с КПСС, но и с КГБ, поскольку там, мол, «есть продвинутые ребята».

В 1988 году на один из семинаров в Ленинград из Москвы приехал Виталий Найшуль и познакомил нас со своей книгой «Другая жизнь», в которой была изложена его концепция ваучерной приватизации. Дискуссия по поводу приватизации была очень бурной. Под конец большинство собравшихся в той или иной степени концепцию Найшуля приняли, — кроме одного человека. По иронии судьбы этим человеком оказался Чубайс, утверждавший, что ваучерной приватизации в нашей стране никогда не будет. Забавно, что судьбе угодно было провести ваучерную приватизацию в России руками именно Чубайса. (Справедливости ради следует сказать, что к

тому времени, когда в 1992 году Чубайс, будучи уже руководителем Государственного комитета по имуществу, не только принял, но и стал осуществлять эту концепцию, ее непосредственный автор, В. Найшуль, от нее уже отказался. Он пояснял, что ситуация, в какой он считал такую приватизацию возможной, безвозвратно ушла в прошлое. Виталий Аркадьевич отказался тогда и от поста советника Чубайса.)

Другой темой, вызвавшей весьма энергичные споры, стал грядущий распад СССР. Дело было в июле 1988 года на семинаре, проводившемся около деревни Черное на южном берегу Ладожского озера. Нас было человек двадцать — двадцать пять, жили мы неделю в палатках на берегу озера, днем проводили семинары, слушали доклады, участвовали в обсуждениях, а вечером сидели у костра, пели, устраивали прогулки на катамаране по Ладоге. Обсуждавшиеся вопросы не ограничивались исключительно экономикой: говорили мы о том, каким видится будущее страны с разных точек зрения. На одном из таких семинаров выступил Борис Львин со своим прогнозом распада Советского Союза. На протяжении предшествующих лет Борис неоднократно говорил на эту тему на заседаниях клуба «Синтез», но на «взрослые» заседания команды эту тему еще не выносили. Борис Михайлович выступил, как всегда, блестяще. После чего состоялось обсуждение.

Следует напомнить, что на дворе стоял июль 88-го года. «Поющих революций» в республиках Прибалтики еще не произошло, народные фронты только-только начали формироваться, в неизбежный распад советской империи поверить было непросто. Можно было, конечно, ссылаться на эссе Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Но 1984 год к тому времени уже прошел. И ничего похожего на осуществление прогноза, относившегося, как тогда казалось, к разряду ненаучной фантастики, не случилось. В то время многим казалось, что СССР стоит неколебимо.

Однако после доклада Бориса большинство участников семинара с ним согласились, кроме опять же Чубайса. Он говорил, что не может представить себе распад Советского Союза: «Мы даже четыре Курильских острова не можем отдать! И не отдадим! Калининград не отдадим! А ты говоришь: Украина, Белоруссия, Прибалтика, Закавказье!.. Это не-воз-мож-но!» Помню, как Львин спокойно так заметил: «Курилы не отдадим, а Прибалтику — отдадим. И Украину. И Крым». И вот тогда, во время этой дискуссии, его спросили: «А когда все это произойдет?» У меня так и запечатлелась эта картина в памяти — мы сидели вокруг костра, Борис Михайлович покачал головой и так негромко произнес: «Да думаю, больше трех лет Союз не проживет». Повторю еще раз: это был июль 1988 года.

Так что споры у нас существовали и тогда, но тогда они были сугубо теоретическими.

Практические разногласия

Шестого ноября 1991 года Гайдар был назначен вице-премьером. Поскольку премьером стал Ельцин, то Гайдар de facto оказался руководителем правительства. Чуть позже были назначены министрами и другие члены

команды: Чубайс, Авен, Нечаев, Мащиц. Некоторые стали советниками, помощниками, руководителями подразделений в правительстве.

Если не ошибаюсь, 18 января 1992 года, по результатам переговоров с бастовавшими шахтерами, Гайдар принял решение, во многом предрешившее судьбу и своего правительства, и экономических реформ, а возможно, и всей страны на десятилетия. Правительство приняло на себя финансовые обязательства по поддержке шахтеров на сумму, эквивалентную 8% валового внутреннего продукта. В это невозможно было поверить. Восемь процентов ВВП — это совершенно фантастическая сумма! Сумма, которая никогда — ни до, ни после — ни на какие иные цели одноразово не выделялась. Бюджетная политика в России и сегодня далека от образцовой. И сегодня государственные средства растаскиваются на разные сомнительные проекты, в том числе и на популистские, и на силовые. Тем не менее ни одна из этих трат не сопоставима по масштабам с решением января 1992 года. Так, к примеру, совокупные расходы на оборону (закупки вооружения, денежное довольствие армии, пенсии военнослужащим и т. д.) составляют сегодня около 3% ВВП, совокупные расходы на МВД, органы безопасности, прокуратуру — чуть более 2% ВВП. Вся социальная сфера сегодня поглощает около 8% ВВП. Это огромные суммы. Они идут на финансирование секторов, где заняты сотни тысяч и миллионы людей. В январе же 1992 года для одной только подотрасли топливной промышленности — на зарплату, на поддержку шахт, на субсидии — были выделены средства в размере 8% ВВП. История даже нашей страны иных таких примеров, кажется, не знает.

Когда это решение было принято, стало ясно, что первое условие успешного экономического реформирования — макроэкономическая стабилизация — уже разрушено: при таком уровне бюджетных расходов добиться ее было невозможно. Решение же по шахтерам оказалось, увы, не единственным. В результате последующих решений совокупные государственные расходы, в советское время составлявшие чуть более 50% ВВП, в течение 1992 года подскочили до 70% ВВП. Просела и доходная часть бюджета. В результате появился гигантский бюджетный дефицит размером почти в 30% ВВП. Неизбежным результатом во многом искусственно спровоцированного бюджетного кризиса стала массированная денежная эмиссия, приведшая к инфляции и гиперинфляции, а затем и к политической смерти гайдаровского правительства, к дискредитации экономических реформ, как будто бы в насмешку названных «либеральными» и «радикальными»... Впрочем, мы уже говорили об этом.

— Вы начинали такой, казалось бы, единой группой. И все были как будто бы примерно одного профессионального уровня, все доверяли друг другу. Но тот искусственный кризис, который создал потом Гайдар, Вы, насколько можно понять, охарактеризовали, в общем-то, как результат очевидной некомпетентности. А разве эта некомпетентность Гайдара в финансовых вопросах не была очевидна Вам с самого начала?

— В 1987 году, когда я присоединился к этому кружку, вопросы бюджетного дефицита и макроэкономической стабилизации только-только нача-

ли активно обсуждаться. Дефицит государственного бюджета СССР был еще относительно скромным, но быстро рос. В 1985 году он был еще около 2% ВВП, а в 1986 году превысил 6% ВВП. Расходные аппетиты продолжали расти, и в повестке обсуждений нашей группы появились вопросы стабилизации бюджета. Стали появляться и обсуждаться доклады по теме финансовой стабилизации. В 1989 году в журнале «Коммунист», где Гайдар был зам. редактора экономического отдела, была опубликована статья одного из членов *команды* Константина Кагаловского с говорящим названием «Поджаться». В 1991 году до дыр была зачитана и чуть ли не наизусть выучена статья Руди Дорнбуша «Макроэкономический популизм», посвященная финансовой дестабилизации, осуществленной правительствами С. Альенде в Чили и А. Гарсиа в Перу. Так что нельзя сказать, что для Гайдара в 1992 году эта тема была совершенно неизвестна: она неоднократно и детально обсуждалась в течение нескольких лет.

К 1991 году стало ясно, что бюджетная система страны идет вразнос. Ситуация усугубилась, когда обострилась конкуренция российских и союзных властей за то, в чей бюджет предприятия могут платить налоги. В результате в союзном бюджете стали образовываться огромные дыры. В 1990 году дефицит бюджета вырос до 8% ВВП, а в 1991-м — очевидно до 15% ВВП. В 1992 году он подскочил почти до 30% ВВП. На одной из встреч, произошедшей уже в 1993 году, Егор Тимурович поделился своими впечатлениями о тогдашней работе в качестве министра финансов и фактического руководителя правительства. Тогда он сказал примерно следующее: «Если к вам приходит один человек и просит у вас денег, вы можете отказать. Если приходит пятый человек и просит у вас денег, вы можете отказать. А вот когда приходит двадцатый человек, вы отказать не можете...»

Наверное, это наилучшая иллюстрация к тому, как *не* может и *не* должен вести себя министр финансов, руководитель правительства. Государственные чиновники независимо от ранга не вправе единолично определять, кому и сколько выдавать государственных денег. Руководитель исполнительной власти является представителем всей страны, всего общества, всей государственной власти. Его обязанность — соблюдение процедур, в том числе процедур принятия бюджетных решений. Это не только не вопрос компетенции одного человека. Это вообще не вопрос исполнительной власти. Бюджетные вопросы — это вопросы законодательной власти. Правительство лишь готовит соответствующие предложения, а рассматривает их парламент.

Так что отказ от применения демократических процедур в бюджетном процессе по-своему тоже способствовал финансовому кризису и гиперинфляции в России.

В последующие годы члены *команды Гайдара* неоднократно обращались и к нему и к Чубайсу с просьбой о проведении анализа проводившейся политики: что было сделано правильно, что — неверно, почему. Увы, ни разу такой встречи не произошло, ни разу такого анализа не проводилось. Игнорирование коллег после рубежа 1991–1992 годов стало вопиющим нарушением неписанных традиций, сложившихся в *команде* в предшествующие годы.

В декабре 1992 года Гайдар был вынужден уйти из правительства, премьером был назначен Черномырдин. Несмотря на довольно грустную атмосферу, не было ощущения бесповоротного поражения. Наоборот, было ощущение, что это лишь временное отступление, что через некоторое время Гайдара вновь призовут во власть, потому что проблемы страны никуда не делись, а людей, способных сделать необходимое, по-прежнему не хватало. Поэтому было ощущение, что Гайдар уходит, но обязательно вернется. Работа продолжится, ошибки будут проанализированы, уроки будут извлечены. Увы, анализа ошибок так и не было сделано, а ответы на поднятые вопросы так и не были даны.

Вы спрашивали меня по поводу понимания — непонимания, компетентности — некомпетентности. Думаю, что отказ от обсуждения очевидных провалов говорит о том, что, видимо, имело место понимание того, что ошибки были. Если же говорить с высоты нынешнего времени, то произошедшее является, очевидно, свидетельством не только личной слабости, но и институциональных провалов, главными из которых стала монополизация исполнительной властью полномочий по проведению экономической политики.

Как бы то ни было, прекращение работы правительства Гайдара в декабре 1992 года следует признать закономерным. Если бы Гайдар остался на своем посту и на пост вице-премьера и министра финансов в конце 1992 года не пришел Борис Федоров, то инфляция в России в 1993 году скорее всего не замедлилась, а ускорилась бы. Ничего похожего на план финансовой стабилизации, который немедленно стал воплощать Федоров, у Гайдара не было. Если в первые пять месяцев 1992 года у него еще наблюдалась определенная реформаторская активность, то начиная с июня 1992-го (когда Гайдар был назначен исполняющим обязанности премьера) правительство охватил фактический паралич: невозможно назвать ни одного решения, которое можно было бы считать реформаторским. В июле 1992 года на смену уволенному Матюхину на пост руководителя Центрального банка был назначен В. Геращенко. В августе 1992 года Геращенко организовал денежный взаимозачет, энергично поддержанный и Гайдаром и Чубайсом и вызвавший новый прилив денег в экономику и дополнительную инфляционную волну. Денежной системе страны был нанесен новый удар.

— Теперь мы снова попросили бы Вас отдать дань установившейся уже у нас традиции как бы закольцовывать некоторые из обсуждаемых сюжетов. Давайте попробуем закольцевать весь тот большой период жизни страны, который был охвачен Вашим рассказом и ответом на предыдущие наши вопросы. Прежде чем вернуться снова к нынешнему времени, не можете ли Вы очень коротко, очень тезисно, ничего не аргументируя, просто еще раз обозначить главные вехи и итоги этого периода? Что бы Вы отнесли к плюсам, а что — к минусам Перестройки? Что было сделано не так, а что — так? Что было в Ельцинский период? И так далее. Что называется — по пунктам, чтобы нарисовалась как бы некая итоговая стержневая схема...

Фаталист

— Я попробую ответить на этот вопрос, начиная с другого конца — с сегодняшнего дня.

Для многих людей, живущих в современной России, каждый день наблюдающих (и, к сожалению, на себе испытывающих), во что превратились суды, как практически ликвидированы свободные средства массовой информации, в какие бандитские группировки вырождаются ОМОНы, УБОПы, другие государственные силовые структуры, вполне очевиден тяжелейший кризис, поразивший политическую и правовую систему России, институты современного государства и общества. Даже если сравнивать происходящее в нашей стране не с эталонными образцами либеральной демократии, а хотя бы с элементарными правилами поведения, соблюдаемыми большинством государств современного мира по отношению к собственным гражданам, трудно назвать происходящее иначе, чем катастрофа. То, что происходит в последние годы в России, — это то, чего не было в ельцинские годы, это то, чего не было, по крайней мере, в таких масштабах, в последние годы советской власти. Тогда не было такого демонстративного, циничного, масштабного применения силы против граждан страны. Не было и такого тотального разрушения основ правового порядка. Естественно, возникает закономерный вопрос: когда и почему произошел этот перелом? Какие события можно назвать переломными?

Для меня переломным событием, сделавшим невозможным работу с этой властью, стало уничтожение силовыми подразделениями бесланских заложников 3 сентября 2004 года. Если задаться вопросом, как именно российская власть пришла к Беслану, необходимо признать, что Беслан стал неизбежным следствием Норд-Оста, Чернокозова, похищения Андрея Бабицкого, второй чеченской войны, взрывов домов осенью 1999 года.

Немалое количество людей в нашей стране и за ее пределами переломными называют события 2003 года — атаку на ЮКОС, аресты Лебедева и Ходорковского. Если согласиться с таким подходом, то следует задать вопрос, почему это произошло именно в 2003 году. Можно ли было этого избежать? Ответ будет неутешительным: события 2003 года были практически предопределены. Учитывая характер людей, оказавшихся в российской власти, их background, принимая во внимание их целевые ориентиры и понимая, что к 2003 году в их руках оказалась фактически неограниченная государственная власть, трудно было ожидать, что они могли бы поступить с ЮКОСом, Лебедевым и Ходорковским иначе. Наверное, могли поступить и хуже. Но вряд ли могли не атаковать.

Тогда многие события последнего десятилетия — от спецопераций 2 марта 2008 года и 2 декабря 2007 года, от отравлений Александра Литвиненко и Юрия Щекочихина, от убийств Анны Политковской и Сергея Юшенкова до разгрома «старого НТВ», захвата ОРТ, похищения Андрея Бабицкого — оказываются практически неизбежными после появления этих людей в российской власти.

Если осенью 1999 года — весной 2000 года у кого-то еще могли быть сомнения относительно природы наступавшего политического режима, то

к 2003 году, а уж тем более к сегодняшнему дню никаких оснований для таких сомнений не осталось. Природа этого режима очевидна.

Признав предопределенность его действий, в том числе исходя из внутренней природы людей, пришедших к власти, мы не можем не обратиться к 9 августа 1999 года. В тот день, как известно, Борис Ельцин назначил Владимира Путина премьер-министром России и назвал его своим преемником. Если мы попытаемся понять, что повлияло на решение Ельцина, то после анализа всех факторов нельзя не признать, что это решение было во многом предопределено. Решение Ельцина остановить свой выбор на Путине было вызвано провалом других кандидатов в кастинге, который Ельцин проводил в течение предшествовавшего года среди силовиков.

С августа 1998-го по август 1999 года Ельцин искал преемника, последовательно рассматривая кандидатуры среди выходцев из силовых ведомств. В качестве кандидатов на наследование президентской власти последовательно рассматривались Николай Бордюжа, Андрей Николаев, Сергей Степашин, Владимир Путин. Последовательно рассматривая и последовательно отвергая кандидатуру за кандидатурой, Ельцин остановил свой выбор на Путине.

Годы спустя, увидев, что делает с его любимой Россией выбранный им преемник и не имея возможности ни повлиять на его действия, ни изменить свое собственное решение, Ельцин переживал невероятно. Истории не удастся заново провести эксперимент по отбору ельцинского преемника, и мы, очевидно, можем лишь догадываться, каким могло бы быть решение Ельцина в 1999 году, знай он тогда то, что узнал в последние годы своей жизни. Однако даже сегодня у меня по-прежнему нет полной уверенности в том, что и с сегодняшним знанием Ельцин принял бы другое решение.

При отборе преемника Ельцин руководствовался рядом требований к будущему президенту. Среди них, конечно же, была способность преемника обеспечить безопасность самому Ельцину и его близким. Однако важную роль играла способность преемника сохранить главное в ельцинском политическом наследстве — ликвидацию монополии КПСС, мирный роспуск СССР, создание в России рыночной экономики. С точки зрения таких критериев (одного персонального и трех политических) вряд ли кто-либо другой из рассматривавшихся кандидатов смог бы, по мнению Ельцина, справиться с этими задачами лучше, чем Путин. Тогда назначение Путина 9 августа 1999 года следует признать во многом неизбежным.

Если это верно, то нужно искать другую дату, предшествовавшую 9 августа 1999 года, когда поворот на исторической развилке был еще возможен. Кастинг преемников среди силовиков начался в августе 1998 года. До августа 1998-го Ельцин и его окружение искали преемника среди другой когорты претендентов — среди тех, кого было принято называть реформаторами, либералами, демократами. Последний кандидат на пост преемника из этой группы, Сергей Кириенко, в августе 1998 года занимал ключевой пост на кратчайшем пути к президентству — пост премьер-министра.

Августовский кризис 1998 года похоронил не только мнимую финансовую стабильность, не только правительство Кириенко, не только надеж-

ды самого Сергея Владиленовича на приобретение президентской власти в России. Августовский финансовый кризис похоронил саму идею выбора президентских преемников среди гражданских лиц. Удар финансового и политического кризиса 1998 года оказался столь мощным, а неспособность так называемых либералов справиться с экономическими катаклизмами, порождаемыми во многом их собственной деятельностью, — столь очевидной, что они не оставили Борису Ельцину шанса на продолжение поиска преемника среди гражданских лиц. Защищать завоевания ельцинской революции, по его мнению, теперь мог только человек в погонах.

Переход к поиску среди силовиков стал неизбежным результатом очередного болезненного экономического удара. Весь российский экономический кризис 1990-х годов оказался невероятно длительным. Страна провела семь кризисных лет в условиях рыночной экономики — с 1992 по 1998 годы. С учетом же двух лет спада в условиях плановой экономики в 1990–1991 годах получилось девять лет кризиса. Это почти абсолютный рекорд по длительности кризиса среди стран с переходной экономикой. По любым историческим меркам это невероятно долго для любой страны. Какими бы терпеливыми ни были граждане страны, депутаты парламента, президент, семь лет экономического кризиса — слишком большой срок для проверки правильности экономической политики и выставления политической оценки ее авторам. Даже более короткий — двух-трехлетний — экономический спад во многих странах Центральной Европы и Балтии, нанесший много меньший ущерб этим странам, привел везде к смене правительств. Однако спад двух-трехлетней длительности можно если не принять, то хотя бы в какой-то степени понять. Ни одна страна, осуществившая переход от плановой экономики к рыночной, не смогла избежать падения производства в течение двух-трех лет. Оно было везде — от Польши до Болгарии, от Восточной Германии до Монголии, от Эстонии до Таджикистана (за исключением Китая и Вьетнама).

Если спад производства в России в 1992-м, 1993-м, в первой половине 1994 года, очевидно, был неизбежным, то для экономического кризиса длительностью в семь лет не было ни объективных оснований, ни оправдания. За дополнительные четыре года искусственно организованного экономического спада в 1995–1998 годы страна может «поблагодарить» политику «валютного коридора», наращивания государственного долга и сохранения неподъемного налогового бремени, проводившуюся в эти годы Анатолием Чубайсом и его коллегами.

В течение первых семи лет своего президентства Ельцин искал себе преемника среди других кандидатов. В его шорт-листе тогда были другие имена — молодых гражданских политиков, способных, с его точки зрения, вывести Россию из исторического тупика семи советских десятилетий. В разные времена в этом списке были имена Григория Явлинского, Егора Гайдара, Анатолия Чубайса, Бориса Немцова, Сергея Кириенко. Предлагая этим людям разные позиции и проверяя их на разных должностях, Борис Ельцин раз за разом приходил к неутешительным для себя выводам. Увы, эти кандидаты не выдерживали испытаний делом, не способны были сохранить публичную поддержку в кислотно-щелочном растворе российской

политики, не способны были нести ответственность не только за всю страну, но даже и за ее экономику. Тестирование Ельциным и Россией они пройти не смогли.

Каждую крупную ошибку в их действиях, каждый пропущенный (или организованный) ими экономический катаклизм Ельцин был вынужден закрывать собой, прикрывать своим авторитетом, расходуя свой политический капитал для того, чтобы дать им возможность продолжать работу, которая, по мнению Ельцина, вела Россию в лучшее будущее. Лишь после исчерпания почти всего собственного капитала в условиях острейшего политического цейтнота гражданский список преемников был закрыт. Лишь после августовского кризиса 1998 года, слизавшего с политической сцены руководство правительства и Центробанка, лишь тогда, когда под реальной угрозой оказались не только сам Ельцин и его близкие, но и главные результаты его политической революции, президент переключился на поиски преемника среди силовиков.

Решение 9 августа 1999 года стало неизбежным результатом кризиса 17 августа 1998 года. А был ли предопределен кризис 1998 года? С чисто экономической точки зрения, конечно, никакой предопределенности в нем не было. Если власти не проводили бы политику «валютного коридора», не раздували бы бюджетный дефицит, не создавали бы пирамиду ГКО, не повышали бы налоги, то августовского кризиса бы не было. Поразительно, но все это властям многократно советовали. Ничто из этого списка не было секретом для властей. И ничто из этого не было сделано. Почему?

Если винить в этом конкретные лица, находившиеся во власти, то следует признать, что август 1998 года был фактически предопределен в ноябре 1991 года тем решением Ельцина, которым Егор Гайдар назначался «экономическим царем». Тогда надо вернуться в осень 1991-го и, представив себя на месте Бориса Ельцина, за него попытаться принять главное кадровое решение того времени. Важнейшим вопросом тогдашней повестки дня было проведение экономических реформ. Страна буквально погибала от тотального дефицита, наступавшего голода, развала рынка, многочасовых очередей буквально за всем.

Если взглянуть глазами Ельцина на те группы экономистов, среди которых проходил выбор будущего кабинета, то и с высоты сегодняшнего знания следует признать, что команда Гайдара в 1991 году была наиболее подготовленной. При всем уважении к другим командам (и отдельным их представителям), нельзя не отметить, что ни одна из них не обладала таким интеллектуальным и организационным потенциалом, ни одна не имела такого понимания стоявших перед страной задач, как тогдашняя команда Гайдара. Так что упомянутое выше решение Ельцина, похоже, было лучшим из возможных.

Если это так, то следует обратиться к следующей исторической развилке — 19–21 августа 1991 года, к августовскому путчу. И если вновь по шагам проанализировать то, что делал тогда Ельцин, то нетрудно увидеть, что решения, принимавшиеся им в те дни, были наиболее рациональными (а часто и единственно возможными) для него, для сотен тысяч людей, вышедших к Белому дому в Москве, к Мариинскому дворцу в Петербурге, на

площади и улицы в других городах страны, для большинства российских граждан, проголосовавших за Ельцина за два месяца до этого.

Но эти шаги Ельцина и его сторонников, в свою очередь, стали неизбежной реакцией на действия тех, кто организовал августовский путч.

Если же проанализировать действия путчистов, то в известной степени у них тоже не оставалось большого выбора. Путч 19 августа был фактически предопределен результатами президентских выборов в России 12 июня 1991 года, ускорявшими и закреплявшими утрату государственной власти союзными органами. В результате победы Бориса Ельцина на российских президентских выборах у сторонников сохранения СССР фактически не оставалось иных инструментов противодействия Ельцину, кроме силовых. После того как 57% голосов избирателей было отдано Ельцину на выборах, кстати говоря, несопоставимо более справедливых и честных по сравнению со спецоперациями 2 декабря 2007 года и 2 марта 2008 года, возникновение ГКЧП было практически предопределено. У тех, кто находился у власти в СССР и видел, как эта власть уходит от них, уже не оставалось иных способов удержать ее, кроме насилия.

Если же проанализировать события, предшествовавшие голосованию 12 июня 1991 года, то его итоги также выглядят в большой степени закономерными. Обращаясь к годам перестройки, ускорения и гласности, возвращаясь в 1985 год, трудно избавиться от ощущения, что эти события тоже были во многом предопределены предшествовавшей историей страны.

Альтернативная история

Конечно же, по отношению практически к каждому упомянутому событию можно предложить иные варианты развития, которые могли бы повернуть ход истории. Попробуем, например, представить вариант развития страны при проведении иной экономической политики. Например, если бы Гайдар и Чубайс, получившие власть в России осенью 1991 года, стали бы делать не то, что они на самом деле сделали, а то, что обсуждалось и планировалось к осуществлению в течение двенадцати лет в рамках московско-ленинградского кружка экономистов. Наконец, если бы они повторили то, что делали *до* них и *одновременно* с ними другие реформаторы плановой экономики — такие как, например, Лешек Бальцерович в Польше, Вацлав Клаус в Чехии, Март Лаар в Эстонии.

Что произошло бы в России в этом случае? Тогда никакой бюджетной катастрофы в 1992 году не случилось бы, и хотя бюджетный дефицит сразу бы, наверное, ликвидировать не удалось, его размер вместо 30% ВВП был бы сокращен до пристойных 1–2% ВВП. Тогда цены в 1992 году выросли бы, конечно, не втрое, как это было обещано накануне либерализации, но и не в 26 раз, как это произошло на самом деле. Цены за год выросли бы, наверное, раз в 5–8. Тогда уже в следующем 1993 году рост цен вряд ли был бы более, чем двукратным, а не 10-кратным, как это было в действительности. Тогда уже начиная с 1994 года была бы достигнута финансовая стабилизация с темпами инфляции не более 10–15% годовых. Тогда цены за последние 16 лет выросли бы кумулятивно, возможно, в 30–40 раз, а не в

100 тысяч раз, как получилось на самом деле. Тогда не было бы ни пирамиды ГКО, ни «валютного коридора», ни внешних заимствований, ни бесконечных программ МВФ, ни необходимости расплачиваться с огромным внешним долгом. Никакого кризиса в 1998 году не произошло бы. Вполне возможно, что уже с 1994 года или, в крайнем случае, с 1995 года в России начался бы экономический рост. К 1998 году он шел бы в стране уже четвертый или пятый год подряд. Совокупные экономические, социальные и демографические потери в результате перехода к новой экономической системе были бы меньшими, чем то, что получилось в реальности. Люди начали бы повышать свое благосостояние не с 1999–2000, а с 1994–1995 годов — как минимум на 4 года раньше. Тогда экономический спад в условиях рыночной экономики занял бы не семь лет, а два-три года (и в целом не девять, а максимум пять лет) и закончился бы он, скорее всего, в 1994 году.

Предложенный в качестве гипотетического вариант развития на самом деле вовсе не так фантастичен, как может показаться. Именно такой оказалась траектория роста во многих странах с переходной экономикой. На такую же траекторию начала выходить и российская экономика. Помесячный анализ динамики промышленного производства показывает, что во второй половине 1994 года спад промышленного производства прекратился и начался его рост — на уровне 6% в годовом измерении. Увы, он продлился лишь несколько месяцев и был сломан начавшейся политикой повышения реального курса рубля, получившей затем наименование «валютного коридора». 6% в год — это весьма приличные темпы роста. Если бы этот рост не был искусственно прерван, то в годовом измерении он стал бы очевидным по итогам 1995 года. За ростом производства последовал бы рост заработной платы, занятости, благосостояния — то, что происходило в других странах, то, что в конце концов произошло в России в 1999 году.

Через пару лет после своего начала экономическое оздоровление стало бы осязаемым и осознаваемым. К 1995–1996 годам многие люди в России смогли бы убедиться, что несмотря на все трудности, страдания и потери страна действительно восстанавливается на фундаменте рыночной экономики, возвращается на естественный путь своего развития. Тогда бы и социально-психологическая и политическая ситуация в обществе была бы другой. И тогда альтернативы, стоявшие перед политическими силами, могли быть немного иными, да и сами политические силы могли бы измениться. Тогда, возможно, не было бы ожесточенности в обществе, тогда не возникла бы та угроза, какую Ельцину пришлось почувствовать в августе 1998-го, тогда, возможно, не было бы попытки его импичмента коммунистами весной 1999 года. Тогда у Ельцина, возможно, не возникло бы самой потребности искать преемника среди силовиков, и он либо продолжил бы его поиск среди гражданских, либо же вообще отказался бы от института преемничества, доверив свою жизнь и судьбу своих реформ пусть несовершенным, но демократическим институтам российского государства.

Социально-политическое напряжение в стране хотя и не исчезло бы полностью, но было бы существенно меньше. И хотя правительство, наверное, перешло бы от правых к левым и от левых к правым (как в Центральной Европе и странах Балтии), признание обществом заслуг реформа-

торов, приведших страну к экономическому процветанию и политической стабильности, было бы искренним и достаточно широким. Кто знает, может быть, в условиях постепенной экономической и социально-политической нормализации не поддался бы Ельцин ни на первую, ни на вторую чеченские войны. Сотни тысяч российских граждан — русские и чеченцы, представители других народов — остались бы живы, не были бы изуродованы ни физически, ни морально. Многих террористических актов тогда бы не было. Ельцину не понадобилось бы обращаться к помощи силовиков. Сами же российские реформаторы — так же, как и их коллеги в Европе Бальцерович, Лаар, Клаус, — возможно, еще не раз вернулись бы в правительство, а один из них, как и раздумывал Ельцин, мог бы стать российским президентом.

Вот что могло произойти, сделай Гайдар и Чубайс то, что они должны были сделать. Если бы они смогли стать настоящими реформаторами. Но они не стали. Почему? Не захотели? Не смогли?

— Вы говорили о начале экономического роста в 1994-м году и его искусственном прерывании Чубайсом. Напомните, пожалуйста, что тогда произошло.

«Валютный коридор»

— Есть важная закономерность — связь между реальным курсом национальной валюты и экономическим ростом. Попробую пояснить. Условием естественного экономического роста является возможность продавать товары, производимые в стране. Если товары не могут быть проданы, то ни одно производство не выживет. Чтобы товары продавались, они должны обладать приемлемым качеством, а издержки по их производству должны быть ниже цен их реализации. Если товар невозможно продать по цене, превышающей издержки его производства, то производитель не сможет вернуть себе затраты и обанкротится. Тогда будет экономический спад, а не экономический рост.

Поэтому для устойчивого роста важно, чтобы издержки по производству товаров были ниже цен, по которым эти товары продаются. Например, многие знают, насколько высоки цены в Швейцарии, Норвегии, Исландии, Финляндии, Дании, Великобритании. В некоторых других странах — Турции, Египте, ОАЭ, Таиланде — цены гораздо ниже. Если в Эфиопии товары продавать по «швейцарским» ценам, то экономика Эфиопии встанет. В бедных странах устойчивого платежного спроса на товары и услуги по высоким ценам нет.

Для того, чтобы обеспечить устойчивый экономический рост, цены продаваемых товаров должны быть приемлемыми для значительной части потенциальных покупателей. В открытой экономике товары продаются по мировым ценам или по ценам, близким к мировым. Главным регулятором издержек является валютный курс — отношение, в соответствие с которым отечественная валюта обменивается на иностранную. Если курс отечественной валюты повышается, то с ним повышаются и все внутренние цены,

измеренные в иностранной валюте. Тогда наши товары дорожают, а спрос на них падает. Тогда покупатели наших товаров перестают их у нас покупать и переходят на приобретение заменителей, либо на закупки у нашего соседа, цены у которого ниже. Спрос на товары падает, экономический рост останавливается.

Что же было сделано осенью 1994 года? Экономический спад в России начался в конце 1989 года. Он шел четыре года подряд — 1990, 1991, 1992, 1993 годы. В 1994 году темпы промышленного спада стали сокращаться. Помню, среди специалистов, следивших за данными ежемесячного мониторинга, возникло ожидание чего-то, похожего на ожидание чуда: неужели спад действительно прекратится? Неужели возобновится рост? И вот в сентябре 1994 года был впервые зафиксирован положительный прирост промышленного производства — на уровне 0,2% (по отношению к августу). В октябре рост продолжился — уже на 0,7%. В ноябре прирост повысился до 1% (в годовом измерении это более 12%). Появилось ощущение, что страна наконец выходит из многолетнего провала, что наконец-то начался настоящий экономический рост. Причины для эйфории тогда были посерьезнее, чем некоторые нынешние победы.

Тогда, осенью 1994 года, успели появиться несколько сдержанных заметок, посвященных возобновлению экономического роста, — в частности, Владимира Бессонова из Центра экономической конъюнктуры и моя. Конечно, экономический рост был неравномерным. В черной металлургии он начался в мае 1994 года и продолжался больше года — до июня 1995 года, за это время объем производства в отрасли увеличился на 16%. В химии и нефтехимии за время роста выпуск увеличился более чем на 12%, в нефтепереработке — почти на 13%, в машиностроении — на 7%, в лесной и деревообрабатывающей промышленности — на 5%, в цветной металлургии — на 3%. Было ясно, что двигатель экономического роста, заработавший в отдельных отраслях, начинает воздействовать на смежников, захватывая новые сферы и постепенно вытаскивая страну на подъем...

И вот в ноябре 1994 года, в тот самый момент, когда машина промышленного роста начала, немного почихивая, потихонечку набирать обороты, Чубайс, бывший тогда первым вице-премьером в правительстве Черномырдина, начал кампанию по *повышению реального курса рубля*. В своем официальном виде политика «валютного коридора» была объявлена 5 июля 1995 года и продолжалась до своей безоговорочной капитуляции 17 августа 1998 года.

В конце января 1995 года газета «Известия» опубликовала мою статью — предупреждение о том, что выбранный правительством способ достижения финансовой стабилизации убьет начавшийся экономический рост, а следовательно, сделает невозможной и устойчивую финансовую стабилизацию. К сожалению, прогноз оказался верным: экономический рост, начавшийся в 1994 году, был прерван; возобновился спад, продлившийся еще долгих четыре года — до сентября 1998-го. Вместо практически гарантированного роста на уровне около 6% ежегодно (что обеспечило бы кумулятивный прирост производства за четыре года на четверть) страна была вновь брошена в кризис с кумулятивными потерями промышленного выпуска в 22,3% и ВВП в 11,3%.

— А какой тогда был курс доллара?

— В апреле 1995 года среднемесячный номинальный валютный курс составлял 5060 рублей за один доллар, в мае — 5049 рублей, в июне — 4743 рубля, в июле — 4510 рублей за один доллар. Валютный курс рубля рос при сохранении ежемесячной инфляции на уровне 5–9%. Это означало рост реального курса рубля, т. е. совокупных производственных издержек в стране, на 7–14% ежемесячно. За год к октябрю 1995 года реальный курс рубля вырос на 52%. Неудивительно, что российские предприятия в массовом порядке теряли свою конкурентоспособность и быстро сокращали объемы производства.

1 января 1997 года была произведена деноминация рубля с ликвидацией трех нулей. Курс, составлявший накануне 5540 рублей, превратился в 5 рублей 54 копейки за доллар. В 1998 году номинальный валютный курс вышел на уровень чуть более 6 рублей за доллар. 17 августа 1998 года он составлял 6 рублей 22 копейки.

Следует пояснить, что такое значение валютного курса не соответствовало экономическим возможностям страны, его невозможно было обеспечить естественным образом. Курс искусственно поддерживался с помощью центробанковского регулирования и массовых заимствований за рубежом. С каждым годом эти заимствования возрастали. Если в 1995 году внешние займы составили 7 млрд долларов, что по тем временам было огромной величиной, то в первой половине 1998 года они выросли до 20 с лишним миллиардов. Однако и этого было уже недостаточно. В конце июня Чубайс договорился с МВФ относительно нового пакета финансирования в размере свыше 24 млрд долларов, а в августе Джордж Сорос стал говорить о выделении еще 15 млрд долларов. Иными словами, в течение четырех лет проводилась политика по быстрому увеличению внешней задолженности страны для поддержания искусственно завышенного курса рубля, одним из последствий которого было подавление национальной экономики. Трудно найти другой пример более последовательной и эффективной политики по нанесению максимального ущерба собственной стране.

Сложилось бы неверное впечатление, если сказать, что никто против этой политики не возражал. Все эти четыре года шли жесткие споры по поводу того, является ли политика «валютного коридора» благом или несчастьем для российской экономики. И, естественно, в этих спорах обнаружились два лагеря. В лагере сторонников «валютного коридора» были А. Чубайс, С. Дубинин, С. Алексашенко, Я. Уринсон, Е. Ясин, Е. Гайдар. Я был среди противников. Неудивительно, что при таком соотношении сил борьба против политики «валютного коридора» в краткосрочном плане не привела к успеху. Но в августе 1998 года ее банкротство стало очевидным.

Новые кредиты, полученные Россией за четыре года, превысили 50 млрд долларов, с учетом же осуществленных Россией платежей прирост внешней задолженности составил свыше 30 млрд долларов. За это время производство ВВП на душу населения было сокращено на 11%, промышленное производство — на 20%, частное потребление граждан — на 7%. По сравнению с уровнем 1994 года к 1998 году располагаемые денежные доходы

граждан упали на 24%, средняя зарплата — на 31%, средняя пенсия — на 21%, потребительские расходы сократились на 9%. Численность безработных по методологии МОТ выросла с 7,4 до 11,9%, или более чем на 3 млн человек. Про неизбежные социальные и политические последствия такого кризиса, некоторые из них мы по-прежнему наблюдаем, мы уже говорили.

Итак, с настойчивостью, достойной лучшего применения, в течение четырех лет в стране искусственно поддерживался экономический кризис. Если спад в течение двух — трех лет, с 1992 до середины 1994 года, можно еще признать практически неизбежным (отдельный вопрос — какой могла быть глубина такого спада), то экономический кризис с 1995 по 1998 год является искусственной добавкой и личной заслугой Анатолия Чубайса. Именно эти четыре года закономерно и неизбежно привели страну к августу 1998, сделавшего кастинг преемника среди силовиков неизбежным.

Иными словами, если искать переломные точки в недавней российской истории, открывавшие реальные возможности для того, чтобы страна избежала нынешней тупиковой девиации в своей эволюции и пошла бы, например, по «центрально-европейскому» пути развития переходных экономик, то кандидатами могут служить, по меньшей мере, два события. Первое — это проведение политики финансовой стабилизации в том виде, как она осуществлялась А.Чубайсом в 1994–1998 годах, и тогда, следовательно, назначение его в сентябре 1994 года первым вице-премьером российского правительства. Второе — это фактическое осуществление экономической политики как минимум с января 1992 года, и, следовательно, назначение гайдаровского правительства в ноябре 1991 года.

Конечно, сейчас можно утверждать, что если Чубайса осенью 1994-го, а Гайдара в январе 1992 года удалось бы убедить в необходимости проведения иной политики, то и исторические результаты их действий могли бы быть другими. Но тогда возникает вопрос: если опыт Бальцеровича, Клауса, Лаара оказался для них недостаточно убедительным, если их собственная, минимум десятилетняя, подготовка в рамках, возможно, лучшего экономического кружка в стране оказалась недостаточной, если общение в течение нескольких лет с экономической элитой современного мира оказалось для них непродуктивным, то какие события, какие советы, какие рекомендации могли бы стать для них более весомыми?

Не только события 1992 или 1994 годов, но и многочисленные события последующих лет показали: иного, очевидно, и быть не могло. Можно обсуждать, в чем причина этого — во внутренней неспособности воспринимать взгляды других людей, в сути их собственных представлений и убеждений или в чем-то другом. Но как бы то ни было, а несмотря на прошедшие шестнадцать лет, несмотря на чудовищный ущерб, нанесенный стране, ее экономике, либеральному и демократическому движению, с которыми они долгое время ассоциировались, несмотря на ущерб их персональному имиджу в глазах своих сторонников и многих российских граждан, эти люди продолжают демонстрировать удивительное отношение к своей стране и своим гражданам, поразительное умение повторять и усугублять ошибки. Речь идет не только о катастрофах в экономической политике в 1992, 1993, 1994–1998 годах, но и провалах на парламентских выборах в 1993, 1995, 2003, 2007

годах, бесконечных скандалах — от залоговых аукционов до ненаписанной книги про приватизацию. Речь — о бесчисленных аферах с РАО ЕЭС и реформой электроэнергетики, публичных апологиях Лугового и Кастро, о воспевании колониальной войны и империи, о нападках на свободу слова и свободные выборы, об участии в пропагандистских кампаниях нынешнего режима против Британии и ПРО, о демонстрации неутолимой жажды быть во власти, при власти, рядом с властью, какой бы эта власть ни была.

В течение всех этих лет не было ни одной искренней попытки разобраться в собственных ошибках, ни одной попытки честного разговора со своими сторонниками, да и с самими собой. Вместо этого шли пропагандистские кампании по прославлению самих себя, кампании информационного террора против своих противников. Кто бы ни оказывался в рядах их оппонентов — политические ли лидеры либерального направления, как, например, лидер блока «Вперед, Россия!» Борис Федоров, руководитель «Яблока» Григорий Явлинский, Михаил Ходорковский, поддерживавший СПС, миноритарные ли акционеры РАО ЕЭС, губернаторы ли российских регионов, профессиональные ли энергетики, — против каждого из таких людей и каждой такой группы разворачивались грязные информационные кампании. Какой травле Гайдаром и Чубайсом были подвергнуты Галина Васильевна Старовойтова, пытавшаяся создать демократическую коалицию в 1997–1998 годах, один из создателей «Демократического выбора России» и СПС Сергей Николаевич Юшенков, по моральным причинам вышедший из рядов СПС и начавший создание партии «Либеральная Россия»...

Казалось бы, время может научить исправлять ошибки. Можно было бы хотя бы сейчас, по прошествии лет, позволить себе объективный анализ прошлого. Увы, оказывается, и это не получается. Достаточно красноречивый пример тому — цикл «1990-е — годы надежд» на «Эхе Москвы» с участием Евгения Ясина и Егора Гайдара. Вместо честного разговора со слушателями, передачи эти оказались, увы, еще одной кампанией пропаганды, передергиваний и искажений. Видимо, то, что произошло за эти годы, все же не было случайными ошибками и неосторожными заблуждениями. Таковы были их собственные взгляды, такой была и остается их последовательная позиция. Поэтому то, что произошло в 1992 году и в последующие годы, очевидно, было закономерным.

— Поясните, пожалуйста, о какой травле идет речь? То, что делают нынешние охранники власти, достаточно очевидно, но о травле кого-то со стороны СПС слышать прежде как-то не приходилось.

— Травля, или, как теперь говорят, «информационное сопровождение» осуществляется профессионалами, находящимися как в штате РАО ЕЭС и СПС, так и фрилансерами. Для собственной пропаганды и травли противников используются солидные бюджеты. Есть несколько правил чубайсовско-гозмановской PR школы: создание позитивного имиджа Чубайсу и Гайдару и их действиям, создание негативного имиджа лицам, подвергаемым травле, — от пренебрежительно-оскорбительных комментариев до публикации проплаченных материалов. Острие таких кампаний направлено не

против нынешнего политического режима, не против Путина или Медведева, Сечина или Устинова, Патрушева или Бортникова, Зюганова или Жириновского, но против заметных фигур на либеральном и демократическом фланге политического спектра, представляющих наибольшую опасность монополизму их дуэта. Кампании проводились и против Бориса Немцова, Ирины Хакамады, Никиты Белыха.

Возвращаюсь к вашему главному вопросу: была ли у России историческая альтернатива? Альтернативное развитие неизбежно связано с другими людьми. Оно осуществляется другими людьми — людьми, имеющими иные представления, преследующими другие цели, придерживающимися других моральных принципов.

— Хорошо, а если бы Ельцин назначил тогда своим преемником не Путина, а, скажем, Андрея Илларионова, были ли у Илларионова шансы повернуть Россию на путь демократии и прогресса?

Личности и институты

— Это было бы плохое решение. Уверен, впрочем, что плохим в этом случае оказалось бы любое решение — независимо от того, на кого пал бы выбор. Опыт российского развития в течение длительного времени и уж точно в течение последних шестнадцати лет убеждает, что в случае использования института преемничества плохим решением оказывается абсолютно любой персональный выбор, выбор любого преемника. Ни одна, пусть даже самая способная, личность не в состоянии компенсировать дефицит в стране эффективных и ответственных перед гражданами институтов.

Роль личности в истории огромна. Жизнь полна примеров личностей, вносивших огромный вклад в истории своих стран, в судьбы других личностей — в том числе и в их избиение, ломку, уничтожение. Вот как получается: для того, чтобы разрушать судьбы людей, стран и народов, достаточно иметь сильные личности. А вот для того, чтобы защищать людей и создавать благоприятные условия для их жизни, необходимы не только сильные личности, нужны мощные институты. Нужны воспроизводимые, устойчивые, не подверженные легкому и быстрому уничтожению институты защиты человека, его жизни, здоровья, прав, свобод, интересов. В нашей стране наблюдается острый дефицит таких институтов.

Если какое-то лицо оказывается во власти, то для осуществления своей программы, своего плана, своей «мечты» оно нуждается в силовых инструментах. Каким бы замечательным, талантливым и многообещающим такое лицо поначалу ни было, оно начинает концентрировать, монополизировать и абсолютизировать эту власть в своих руках. Поначалу — почти исключительно для осуществления своей программы. В дальнейшем — почти исключительно для персональной защиты. В истории стран со слабыми политическими институтами не так много политических деятелей, вырвавшихся из этого почти заколдованного круга.

При концентрации власти практически неизбежно происходит эволюция не только политического режима, но и личности на его вершине, в том

числе ее поведения и интересов. В результате усиливается ее изоляция от общества и ее зависимость от узкого круга советников, помощников, охранников. Тогда возрастают частота и масштаб совершаемых ошибок. В стране с сильными демократическими институтами наказание лидеров за ошибки наносится избирателями на регулярных выборах. В стране со слабыми институтами у лидеров возникает искушение (а также и возможность) ослаблять и разрушать политические институты, что приводит к умножению регулярности и масштабов совершаемых ошибок.

За последнюю четверть века мы стали свидетелями ряда таких циклов. Поначалу отношение довольно широкого круга людей к Михаилу Горбачеву было весьма теплым. Начатые им политические кампании пользовались широкой поддержкой. В течение относительно короткого времени произошла драматическая эволюция личности, и тот же самый человек, еще недавно совершавший шаги, пользовавшиеся почти всеобщей поддержкой, начал делать одну ошибку за другой. Масштаб ошибок возрастал, они стали приводить к гибели людей.

Похожая история повторилась с Борисом Ельциным, потом с Владимиром Путиным. Все трое — очень разные люди, пришедшие во власть из разных частей российского общества, с разной подготовкой, с разным background'ом, с разными мировоззрениями и мироощущениями. Но история во многом повторяется. Вначале — широкая поддержка. Затем — сомнения и разочарования. Наконец — почти тотальное неприятие, переходящее в осуждение и ненависть.

Что происходит? И с кем? С лидером во власти? Или со страной? И почему? Переход от эйфории к проклятиям выглядит подозрительно закономерным. Понятно, что утверждения о нынешней 60-70-80-процентной поддержке Путина не могут восприниматься серьезно. Масштабы политической поддержки, определяемые с помощью социологических опросов, могут быть относительно точно определены в демократических обществах. В авторитарных и тоталитарных обществах такие методы не работают. Реальная общественная поддержка Путина неизвестна. Она, конечно, не нулевая. Но и ничего общего с 80% она тоже не имеет. А результаты недавно проведенных и чудовищно фальсифицированных голосований показывают, что, несмотря на все усилия нынешнего режима, его реальная поддержка все равно падает.

— Сколько же, получается, проголосовали за Путина — процентов сорок от общего числа избирателей? Кажется, получается что-то в этом роде: «за» проголосовало шестьдесят процентов от тех, кто пришел на выборы, но на выборы-то пришло шестьдесят процентов от тех, кто имеет на это право...

— Прежде всего, в обоих последних случаях голосовали все-таки не совсем за Путина. Во-вторых, свободными, конкурентными, честными выборами эти голосования точно не были. В-третьих, результаты, полученные даже с такими огромными фальсификациями, свидетельствуют об изменении тренда и снижении публичной поддержки. В 2000 году за Путина, по офи-

циальным данным, проголосовали 39,7 млн человек, в 2004 году — 49,6 млн человек. 2 декабря 2007 года за возглавлявшуюся им партию отдали голоса 44,7 млн человек. По результатам 2 марта 2008 года ЦИК объявил, что за ставленника Путина проголосовало 52,5 млн человек.

Однако, как показал в своем блестящем докладе Сергей Шпилькин, Медведеву было добавлено по меньшей мере 14,8 млн дополнительных голосов. Таким образом, даже с учетом невиданной кампании подкупа, шантажа и угроз, путинский преемник получил не более 37,7 млн голосов из 109 млн российских избирателей, что меньше 35%. Это немного. А если бы выборы были действительно свободными, с участием всех реальных кандидатов — от Игоря Сечина, Анатолия Чубайса, Владимира Устинова, Сергея Иванова до Владимира Буковского, Гарри Каспарова, Бориса Немцова и Михаила Касьянова, сколько голосов набрал бы Дмитрий Медведев? Так что реальная, а не фальсифицированная поддержка представителей режима сегодня много ниже той, что Путин получил в 2000 году. И он как неглупый человек это не может не понимать.

Вернемся к историческим повторам в отношении общества к трем, в общем, незаурядным людям, находившимся у руля российской власти. Почему происходят такие циклы? С моей точки зрения, это происходит не из-за личных особенностей этих весьма разных людей и не из-за личных особенностей российских (и советских) граждан. Это происходит, по моему глубокому убеждению, из-за того, что работу политических институтов пытаются заменять деятельностью личностей.

Поэтому когда некоторое время тому назад началась подготовка к очередным президентским выборам, когда посыпались вопросы, кто будет в них участвовать и за кого следует голосовать, я предложил отменить их совсем. Проблема не столько в той или иной личности во главе страны. Проблема в самом президентском режиме, в монополизации государственной власти, являющейся одной из важнейших причин регулярно создаваемых кризисов и катастроф. Авторитарный президентский режим порождает их с угрюмой неизбежностью, независимо от того, каким бы замечательным ни был гражданин, оказывающийся на этом посту. Парламентская демократия, как известно, тоже не сахар. Но, как говаривал Черчилль, все остальное еще хуже.

— А что если Вас послушают и отменят президентские выборы — оставят нам национального лидера, а должность президента упразднят?..

— Да ведь наличие демократических политических институтов как раз и исключает такое явление, как национальный лидер. Речь идет об институтах парламентской демократии, наличие которых и позволяет отражать разные интересы, существующие в обществе, обсуждать проблемы, выдвигаемые разными группами, формулировать различные подходы к решению значимых для общества проблем, причем делать это способом, сопровождающимся наименьшими общественными издержками.

Речь идет о создании, выращивании, совершенствовании институтов, обеспечивающих формулирование различных политических, идеологических, философских позиций, группирование граждан вокруг этих позиций,

конкуренцию групп, разделяющих эти позиции, по ясным, понятным и неизменным правилам без применения насилия друг к другу. Причем эти правила должны соблюдаться независимо от того, какая позиция, какая точка зрения, какие взгляды в данный момент получают наибольшую поддержку в обществе. Поскольку трудно ожидать того, что какая-то одна специфическая позиция — либеральная, левая, националистическая или какая-то другая — получит абсолютную поддержку в обществе, значит, необходимы договоренности разных политических групп друг с другом, значит, неизбежны компромиссные решения, следовательно, не обойтись без формирования политических коалиций.

То есть речь идет, в частности, и о том, что́ при всех проблемах и трудностях происходит последние годы на Украине. Правда, у Украины, страны, во многих отношениях очень похожей на Россию, есть и существенное отличие — несколько иной институциональный фундамент. Как известно, украинский президент не обладает такими полномочиями, как российский, Рада является реальным органом представительной, а правительство — самостоятельным органом исполнительной власти. Украинская институциональная структура еще далека от совершенства. Но она позволяет, как это мы видим в последние годы, нарабатывать «мышечную массу» демократической политической культуры, разрешая многочисленные политические кризисы не путем насилия, а с помощью договоренностей и политических компромиссов. В этом — в совершенствуемых институтах и нарабатываемой культуре — и лежит залог долгосрочного успеха того или иного общества.

Частично этот успех уже начинает проявляться. Украина и Россия — две страны, только что вышедшие из одной советской «шинели», близкие по уровню экономического развития (с некоторым отставанием Украины от России), с населением, большинство которого по своим образовательным, профессиональным, культурным характеристикам мало чем отличается друг от друга. В то же время уровень институционального развития Украины оказывается сегодня выше, чем в России, причем разнонаправленность тенденций усиливается: в Украине — рост, в России — падение.

И каковы результаты? Оказывается, более высокий уровень развития государственных и общественных институтов обеспечивает не только более высокий темп экономического роста. По темпам роста ВВП на душу населения нынешняя Украина, являющаяся не экспортером, а импортером нефти и газа, уже опережает Россию. Еще более важно, что более высокий уровень развития демократических институтов обеспечивает более высокий уровень безопасности граждан.

— Поясните, пожалуйста, какая связь между демократическими институтами и безопасностью граждан. Что тут может быть общего?

Институциональные катастрофы

— А связь между ними самая прямая. Ярким примером, подтверждающим это, стали последствия урагана в Керченском проливе в ноябре 2007 года. Вне всякого сомнения, шторм — стихийное бедствие, предупреждать и

полностью избегать которое современное человечество пока не умеет. Но защищаться и минимизировать ущерб от буйства стихии человечество уже научилось, причем разные общества делают это по-разному. Природа не различает государственных границ, и шторм с равной силой ударил по Керченскому проливу и по прилегающим к нему территориям в России и Украине: по российскому порту Кавказ и по украинскому порту Керчь. В результате потерпели кораблекрушение пять судов, восемь кораблей были выброшены на берег. Согласно обнародованным (и, скорее всего, неполным) данным, погибли шесть моряков. Предварительная оценка ущерба — полтора миллиарда долларов.

Давайте теперь посмотрим, как этот ущерб распределен между Украиной и Россией.

Что касается недвижимости — портовых сооружений и коммуникаций, то ущерб, нанесенный двум странам, оказался примерно одинаков. Что касается движимого имущества, то все пять погибших кораблей оказались из российского порта Кавказ, все восемь кораблей, выброшенных на берег, — оттуда же. Все погибшие моряки — с кораблей, стоявших на рейде российского порта. На украинском берегу не произошло ничего подобного: там не погиб ни один человек и не затонул ни один корабль. Как будто сама природа поставила эксперимент, создав фактически равные условия для двух очень близких во многих отношениях стран. А результаты оказались столь различными. Спрашивается — почему?

Потому что в отличие от Украины в России есть не столько вертикаль власти, сколько безответственность власти перед гражданами, ее ненаказуемость за ошибки перед обществом, ее несменяемость независимо от цены, которую страна платит за ее провалы. Поэтому начальник порта Кавказ, не несущий ответственности за свои ошибки ни перед вышестоящей властью, ни перед обществом, ни перед капитанами судов, находившимися на рейде и просившими, требовавшими, умолявшими разрешить им вывести корабли из опасной зоны накануне шторма, не дал им соответствующего разрешения. Потому что в условиях «вертикали власти», то есть абсолютизации личной безответственности, государственный чиновник не отвечает ни перед погибшими моряками и их близкими, ни перед капитанами, ни перед компаниями, которым принадлежат суда, ни перед государственной властью — исполнительной ли, судебной ли, представительной ли.

Потому что в авторитарных странах двух последних ветвей власти фактически не существует, а первая занята совсем другими делами. Поэтому государственный чиновник в авторитарных и тоталитарных странах остается безнаказанным. Поэтому в таких странах люди гибнут чаще, чем в других, пусть более бедных и менее экономически развитых, но более институционально продвинутых странах. Потому что лучшим защитником людей оказываются не деньги, не власть, не изобилие природных ресурсов и даже не более совершенное оборудование и современные технологические решения. Лучшим защитником человека, его жизни, здоровья, прав, свобод и интересов является разветвленная инфраструктура горизонтально устроенных общественных институтов с максимально ограниченной государственной властью.

Именно в этом заключается принципиальное отличие демократических политических режимов от авторитарных. В демократиях, какими бы бедными они ни были, не бывает массового голода. В авторитарных режимах, в тоталитарных диктатурах, независимо от того, какими бы богатыми они ни были, массовый голод не исключен. По ВВП на душу населения СССР в 1930-е годы и в 1947 году, Северная Корея в 1980–1990-е годы были много богаче, чем Индия в 1960-е годы. Но в отличие от бедной, весьма несовершенной, но демократической Индии, в СССР и Северной Корее от голода умерли миллионы людей.

Да, и в Индии люди умирали от массового голода, — но тогда, когда она была британской колонией. Когда же Индия стала демократической республикой, она в течение длительного времени по-прежнему оставалась невероятно бедной страной. От голода в ней по-прежнему умирали. Однако массового голода, бывшего во времена колониализма, уже не было. Советский Союз в 1930-х и 1940-х годах был среднеразвитой страной, но это не спасло десятки миллионов людей от массового голода и миллионы — от голодной смерти. Китай по уровню развития в послевоенные годы был близок к Индии, но там массовый голод продолжался до конца 1970-х годов — на три десятилетия дольше, чем в Индии.

Принципиальное отличие демократических режимов от авторитарных и тоталитарных — это обеспечение более высокого уровня безопасности своим гражданам. В самых несовершенных демократиях развивается и укрепляется ответственность власти перед людьми. В самых совершенных авторитарных и тоталитарных режимах такой ответственности нет, институты подменяются людьми, что увеличивает риск и цену ошибок, провалов и кризисов.

Примеров институциональных катастроф в истории нашей страны, в особенности в XX веке, немало. Это и коллективизация, и голод 1930-х годов, и Большой террор, и предательский удар в сентябре 1939 года в спину Польше, подвергшейся нападению гитлеровской Германии, и финская война, и оккупация Прибалтики в 1940 году, и военная катастрофа 1941 года. Сейчас, когда появляются уточненные данные о потерях Советского Союза в ходе Второй мировой войны, выясняется, что в мире нет ни одной страны, которая была бы сопоставима со сталинским СССР по абсолютному и относительному числу человеческих жертв. Отсутствие ответственности военного руководства перед собственной армией и собственным народом привело к массовой, невероятной по масштабам, чудовищной гибели людей, невиданной в мировой истории. И, похоже, главная вина за размеры этих потерь, — так же как и в Норд-Осте и Беслане, — лежит не только на нападавшей стороне, но и на своей власти.

Более бедный и менее технически оснащенный в военном отношении Китай понес от японской оккупации и гражданской войны меньшие потери, чем СССР. Военные потери (не гражданского населения) Германии, Австрии, Финляндии, Венгрии, любой другой авторитарной державы Европы оказались в процентном отношении к численности всего населения, к численности мужского населения, к численности мужского населения призывного возраста несопоставимо меньше, чем у Советского Союза. С военными потерями демократических стран — Великобритании и США — советская ситу-

ация совершенно несопоставима. В СССР относительные военные потери были на порядки выше, чем в этих странах. Такую цену за отсутствие институтов ответственности власти вынужденно платят не режимы — народы.

Поэтому на вопрос, что сделал бы я, если бы мне представилась возможность использования значительного властного ресурса, я ответил бы так: постарался бы сделать все возможное для построения в нашей стране системы парламентской демократии с предоставлением возможности различным политическим силам, какими бы они ни были, конкурировать в честной политической борьбе по стабильным правилам и отстаивать свои позиции перед гражданами России с единственным, но важнейшим условием — неприменения в этой борьбе насилия.

— Как кажется, именно потому что Россия всегда развивалась по принципу выстраивания и укрепления вертикали власти и отсутствия институтов гражданского общества (эти особенности ее истории Ключевский обозначал как алгоритм «догоняющего развития»), у российской власти — особенно большая ответственность перед тем, как будет развиваться страна. На власти лежит ответственность определять путь развития страны, и главная задача здесь заключается в том, чтобы развивать то, что называется институтами государства, или институтами гражданского общества.

— Это институты и государства и гражданского общества. Они взаимно дополняют друг друга.

— Андрей Николаевич, теперь вот какой вопрос. Снижается рейтинг, снижается поддержка Путина, но все-таки она существует и довольно значительная. Идеологически-психологические истоки этой поддержки, в общем, понятны. Это, во-первых, психология и идеология реванша, чрезвычайно искусительная сегодня для русского народа, который привык себя считать народом великим и для которого трудно переносимым унижением было, конечно, чувствовать и сознавать то, что отчасти действительно было реальностью, но еще больше ему внушалось — что с Россией перестали считаться, что русскими можно помыкать и т. п. Зато теперь, как нам говорят, мы «поднимаемся с колен»! На этих струнах можно играть, на жажде национального реванша, которая взрастила когда-то нацизм, действительно очень многое можно сделать: недаром же сейчас так энергично — и, согласимся, достаточно успешно — разыгрывается карта врагов, со всех сторон окружающих Россию... Второе — это относительный порядок. Тоже, конечно, в огромной степени миф, но недаром в него верят даже на Западе, где выбрали же Путина человеком года. И недаром даже Солженицыну изменили его зоркость и трезвость и он решился подтвердить, что Путин укрепил государственную стабильность, хотя уровень преступности у нас повысился, а с безопасностью, как мы только что говорили, дело обстоит куда хуже, чем в той ж, например, соседней Украине. Однако есть и третий фактор, которым режим обеспечивает себе поддержку, — фактор очевидного экономического роста и относительного

благополучия населения. И в какой-то мере это как раз реальность, непосредственно страной ощущаемая. Но — в какой? Насколько прочна и надежна эта нынешняя опора режима? И какова все-таки сегодня реальная структура нашего общества — каков реальный уровень средних доходов населения, как меняется соотношение его социальных слоев, уменьшается или увеличивается разрыв между самыми богатыми и беднейшими? Какие перспективы всех нас в этом отношении ожидают?

Беспрецедентная халява

— Вы задали немало вопросов, и на них будет непросто ответить. Что касается первого вопроса — описания российского общества, — это огромная задача, простите великодушно, я даже не буду за это браться. Что же касается ответа на вопрос об источниках поддержки Путина, то попытаюсь ответить.

Первый и самый важный фактор — это экономический рост и вызванное им повышение благосостояния людей. Это не миф, это неоспоримый факт. Рост благосостояния происходит в основных группах и слоях российского населения, в большинстве регионов страны. При этом важно понять, рост за чей счет, за счет каких факторов. По оценкам Института экономического анализа, рост в течение последних пяти лет в значительной мере, а возможно, и полностью был обусловлен исключительно благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой. За последние восемь лет доходы от продажи российских нефти и газа превысили триллион долларов. Если бы цены оставались на уровне ельцинских 1990-х годов, доходы от продажи энергоносителей вряд ли бы превысили двести млрд долларов. Иными словами, страна получила гигантский windfall profit — своего рода внешнеэкономический *грант*, подарок внешнеэкономической конъюнктуры, или то, что на новоязе называется *халява*.

Размер этого гранта составил 800 млрд долларов. Цифра огромная. Она лишь немногим уступает суммарному российскому ВВП за три года — в 2000, 2001 и 2002 годах. В 2007 году внешнеэкономический грант превысил 20% ВВП этого года. Это чистый подарок стране от зарубежных покупателей наших ресурсов, на эти деньги мы купили немало потребительских товаров, машин, оборудования, потратили их на услуги. Эти средства можно сравнить с библейской манной небесной, только в гораздо бóльших масштабах. Не только в истории России, но и в экономической истории мира, кажется, нет примеров столь масштабного межстранового перераспределения общественного богатства.

Подарок таких масштабов перевешивает потенциальные результаты всех мыслимых вариантов продуктивной экономической политики. Политики, способной в течение года увеличить ВВП на 20%, не существует. Для сравнения: при обсуждении эффективности той или иной экономической политики, успешной обычной считается такая, при которой темпы экономического роста повышаются хотя бы на пол-процентного пункта ВВП. Экономическая политика, способная привести к 20%-ному росту в течение одного года, науке неизвестна.

Не только для обывателей, но и для многих подготовленных специалистов такой подарок ассоциируется с действующим политическим режимом, действующим правительством, действующим лидером. Сколько ни объясняй различия между вкладом конъюнктуры и вкладом политики, сколько ни демонстрируй разрыв во времени между возобновлением экономического роста после завершения кризиса (октябрь 1998 года) и изменениями в руководстве страны (январь, март или май 2000 года), как ни показывай разницу в темпах роста в России и в других, сопоставимых с Россией, странах (например, в Казахстане и Азербайджане), — против законов социальной психологии практически ничего сделать невозможно. Многие люди по-прежнему полагают: если это произошло во времена руководства такого-то лица, значит, это произошло благодаря ему. Даже тот факт, что экономический рост в 1998–1999 годах при ценах вдесятеро ниже, чем сегодня, был более быстрым, чем сейчас, не в состоянии изменить такую картину мира. Это та психологическая реальность, в которой мы находимся. Это первое и, пожалуй, самое главное.

Второй фактор, способствующий определенной популярности Путина, — это, конечно же, монополизация информационного ресурса. Надо отдать должное пропагандистам этого режима, свои кампании сегодня они проводят более грамотно, чем в свое время коммунисты. Срабатывает накопленный опыт, учитываются сделанные ошибки, сказывается то, что заняты этим профессионалы, интеллектуалы, в том числе и некоторые бывшие диссиденты.

Российский парадокс. Норма и девиация

Еще один ваш вопрос касается наших перспектив. Ответ на него весьма непрост. То, что наблюдается в нашей стране последние восемь лет, почти нигде в мире больше не встречается. Речь идет об одновременном сочетании экономического роста и развала государственных и общественных институтов. Такое сочетание создает редкую дихотомию, глубоко противоречащую тому, что известно об общественной эволюции многих стран мира. Такую ситуацию я называю *российским парадоксом*.

Одним из важнейших достижений экономической и политической науки последних столетий стало выявление важнейшей закономерности мирового общественного развития. Экономически развитыми, богатыми, сильными, привлекательными становятся общества и страны, защищающие индивидуальные свободы и политические права своих граждан, развивающие и укрепляющие институты либеральной демократии — свободные, конкурентные и регулярные выборы органов власти, разделение властей, независимый суд, свободу средств массовой информации, правовой порядок, реальное равенство граждан перед законом. Страны, где соответствующие права не соблюдаются, институты не закрепляются, а правовой порядок отсутствует, по размерам дохода на душу населения сегодня находятся ниже уровня Голландии, Великобритании, Северной Италии трех-четырехвековой давности.

Результаты исследований многих специалистов в течение столетий позволили сформулировать эту закономерность: чтобы стать богатой страной,

надо иметь демократическую систему, защищать индивидуальные права и свободы граждан, обеспечивать правовой порядок. Многие выдающиеся философы, экономисты, социологи, специалисты в области политических наук внесли свой вклад в формулирование, уточнение и практическое приложение этой закономерности. Среди них — Лао Цзы, Дж. Локк, Т. Пэйн, А. Смит, Д. Юм, Г. Гегель, Дж. Мэддисон, Т. Джефферсон, Ф. Бастиа, Г. Спенсер, М. Вебер, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, И. Берлин.

Полвека тому назад выдающийся американский социолог Сеймур Липсет написал статью о «политическом человеке», в которой на большом статистическом материале продемонстрировал, как по мере повышения благосостояния своего населения стра́ны становятся более демократическими. Эту же идею на новом и более полном материале в яркой и популярной форме изложил Френсис Фукуяма в своей ставшей классической работе «Конец истории». Каким бы ни был старт исторического пути, каким бы ни было его продолжение, но, похоже, что суть исторического развития заключается в постепенном движении стран мира в сторону экономической системы, базирующейся на рынке, и политической системе, основывающейся на либеральной демократии. Это то, что можно назвать *нормой* в общественной эволюции.

Такая мировая закономерность получила новое и, казалось, совершенно очевидное подтверждение в результате серии революций в Центральной Европе в 1989 году, в результате краха «железного занавеса», поражения августовского путча и роспуска СССР в 1991 году. Казалось бы, каждое новое событие работало в подтверждение этой закономерности. Однако то, что происходит последние восемь лет в России, очевидным образом опровергает эту закономерность. Налицо почти тотальное разрушение основных институтов либеральной демократии, насмешка над правовым порядком, подавление гражданских свобод и политических прав, уничтожение свободных СМИ, ликвидация независимой судебной системы, эскалация государственного насилия. И в то же время продолжается бесспорный экономический рост, увеличивается благосостояние населения. Почему? Может быть, мировая закономерность перестала работать?

Похоже, нет. В Украине и Эстонии и совершенствуются институты, и продолжается экономический рост. В Зимбабве уничтожаются институты, и страна погружается в тяжелейший экономический кризис. А в России разгром институтов и устойчивый экономический рост сохраняются, так сказать, «в одном флаконе». Может быть, для каких-то стран, например, для нашей, и в самом деле существует пресловутый «особый путь»? Неужели мировые закономерности, действующие для Америки, Швейцарии, Японии, перестают работать в случае России? То есть, например, для Финляндии, Эстонии, Украины, Грузии они действуют, а для России — уже нет? Иными словами, верно ли, что мировые закономерности общественного развития перестают действовать при пересечении российской государственной границы — из Котки в Выборг, из Нарвы в Ивангород, из Чернигова в Белгород, из Батуми в Сочи, из Хэйхэ в Благовещенск? В любом случае российский феномен — это зримая *девиация* (отклонение) в мировой общественной эволюции, требующая серьезного анализа. Российский парадокс привлека-

ет публичное внимание и с практической стороны, поскольку пропагандисты нынешнего режима уже представляют нынешнюю т. н. *суверенную демократию* в качестве успешной альтернативы либеральной демократии.

— Хотелось бы еще спросить про Арабские Эмираты. Уже приходится слышать, что надо брать с них пример: вот ведь тоже сырьевая держава, а живут не в пример лучше нашего.

— Пример с ОАЭ удачен, поскольку подтверждает действие упомянутой выше мировой закономерности. Эмират Дубай, лишенный значительных запасов нефти, стал символом предприимчивости, экономической свободы, правового порядка как на Арабском Востоке, так и во всем мире. Соседний с ним эмират Абу-Даби существенно отстает по уровню благосостояния от своего ближайшего соседа — несмотря на обладание огромными запасами и экспорт большого количества нефти. Конечно, политической демократии в Дубае нет, власть находится в руках наследственного монарха, однако правовой порядок, экономическая свобода, гражданские свободы находятся в нем на весьма высоком уровне. Выше, чем в нынешней России.

Сказанное о Дубае во многом относится и к Сингапуру. Иногда можно услышать утверждение, будто бы Россия идет по сингапурскому пути. Ничего подобного: нынешняя правовая система в Сингапуре является одной из лучших в мире, по ключевым показателям защиты граждан и прав собственности Сингапур опережает и США и многие европейские страны. Сингапур смог стать мировым торговым и финансовым центром во многом благодаря тому, что нейтральное недискриминационное право жестко стоит на защите интересов собственности любого бизнеса, оперирующего в этой стране.

Более того, даже материковый Китай, который вместе с Россией иногда тоже относят к одной и той же группе стран, по показателям правового порядка оказывается заметно выше, чем наша страна. Для многих российских граждан этот факт может показаться шокирующим, поскольку Россия в целом по-прежнему богаче, чем нынешний Китай. Однако по уровню институционального развития — с пекинскими коммунистами и шанхайскими бюрократами — сегодняшний Китай оказывается более развитой в институциональном отношении страной, чем Россия. Китайские институты современного государства, судебной системы и гражданских прав по-прежнему далеки от совершенства, они по-прежнему сильно отстают от европейских, американских, японских или сингапурских образцов. Тем не менее сегодня они находятся на более высоком уровне, чем их российские аналоги. Таким образом, и Китай, и Сингапур, и Арабские Эмираты, и Эстония, и Украина, и Грузия, — все эти страны идут по тому же пути, что и Швейцария, Норвегия, Люксембург, США, Япония. Конечно, со своими особенностями. Однако *столбовая дорога мировой цивилизации* остается той же. И большинство стран современного мира движутся по ней. В отличие от России.

Понимание того, в каком тяжелом состоянии находятся российские институты современного государства и общества по сравнению даже с Эмиратами, Китаем, Монголией, Эстонией, Украиной, Грузией, заставляет

задуматься о месте в мировой системе институциональных координат, в котором находится нынешняя Россия. Является ли и может ли являться такая модель существования альтернативой современному миру? Для объективности следует назвать страны, оказавшиеся по степени парадоксальности экономического и институционального развития в одной компании с нашей страной. Таких стран немного: помимо России это — Венесуэла, Беларусь, Туркменистан, Казахстан, Тринидад и Тобаго. Возникает вопрос, представляют ли эти страны, взятые вместе или по отдельности, реальную альтернативу столбовой дороге мировой цивилизации? Норме мировой эволюции? Ответ очевиден: нет. Ни одна из этих стран не является ни богатой, ни стабильной, ни успешной. Вопрос лишь во времени, когда выбор цивилизационного тупика в этих странах станет очевидным. В России для понимания пагубности политики «валютного коридора» потребовалось четыре года и августовский финансовый кризис. Для массового осознания институционального кризиса времени может потребоваться больше. Но и цена институциональной катастрофы несопоставима с ценой макроэкономического кризиса.

В силу сочетания особых обстоятельств последних восьми — десяти лет Россия действительно оказалась в такой специфической ситуации. У нас действительно есть большие ресурсы энергоносителей, продажа которых обеспечивает впечатляющий рост благосостояния граждан. Это случайность. Закономерности в этом немного. Закономерность связана с развитием институтов. То, что страна сейчас переживает, на языке социальных наук называется *девиацией*, отклонением в мировом общественном развитии. На языке медицины и биологии это явление носит название *патологии*. Можно обсуждать причины патологии, ставить диагноз и разрабатывать прогноз течения болезни. Но при этом необходимо понимать: это патология. Рано или поздно либо она приведет к тяжелейшему кризису российского общественного организма, либо же организм от нее избавится.

— А есть в этой патологии какие-то закономерности?

— В общественных, так же как и в биологических, патологиях есть определенные закономерности. И так же, как в медицине, в социальных науках патологические случаи расследуются, выясняются их причины, разрабатываются методы их лечения. Что касается того, как лечить, то такого рода знания пока ограничены. Сказывается то, что социальные науки моложе и менее развиты, чем биология или медицина. Тем не менее базовые технологии лечения известны — хирургические и терапевтические. В любом случае важно понимать, что нынешнее состояние российских институтов не является альтернативой для основной закономерности мирового общественного развития. Это не «особый путь», это отклонение от пути.

— Андрей Николаевич, Вы говорили о том, что в отличие от мафиозных структур классического типа, где все-таки действуют некоторые институты и правила, у нас все вообще непредсказуемо. Но как Вы думаете, — та структура, которая сейчас, похоже, намечается, — «Единая

Россия» как ведущая партия в парламенте, которая сможет провести любые решения, — не будет ли эта структура обеспечивать более предсказуемое, а значит, и более устойчивое функционирование режима? Ведь если руководитель партии, от которой зависит любое парламентское решение, имеет полную возможность подвергнуть президента импичменту, буде тот вдруг начнет «рыпаться», и это всем заранее известно, не значит ли это, что тем самым, благодаря этой нашей новой мафиозной структуре, обладающей такими парламентскими возможностями, укрепляется именно устойчивость нынешнего мафиозно-корпоративистского государства, его прочность?

Пластилиновые институты

— Думаю, что нет. Не скажу, что такого быть не может. Но мне не кажется такой вариант развития вероятным. К тому же пока мы не видим этому каких-либо подтверждений. Наконец, даже в том случае, если бы это и произошло, это скорее вело бы к разрушению самого режима.

Дело в том, что государство по своей сути является достаточно консервативной структурой. Его, конечно, можно и иногда нужно реформировать. Но делать это лучше, имея для этого достаточно четкое идеологическое обоснование: зачем и для чего это делается. Реформирование такой сложной и инерционной структуры, как государственная машина, в целях удовлетворения индивидуальных интересов конкретной личности возможно, но чревато нанесением значительного ущерба самому государству. Ничто так не подрывает стабильность государства, его эффективность, уважение к нему, как бесконечные сюрпризы, творимые лицами, оказывающимися во главе его. Такие сюрпризы дискредитируют и государство, и тех, кто их преподносит.

В силу инерционности государственных институтов их изменения оказываются более успешными и приемлемыми при их длительной и тщательной подготовке. Даже в случае передачи власти, скажем, от Ельцина к Путину ее публичная стадия началась за восемь месяцев до президентских выборов, причем пять из них Путин действительно работал премьер-министром. Причем, следует отдать должное Ельцину,он сделал все возможное, чтобы помочь Путину: фактически ушел в тень даже на первые пять месяцев и выставил под лучи софитов нового премьера, с тем чтобы дать ему возможность действовать самостоятельно даже тогда, когда Ельцин еще оставался президентом. Ельцин создал Путину максимально благоприятную обстановку и для него самого, и для передачи ему власти. Но даже в этой ситуации мы слышали немало комментариев относительно неизвестности кандидата, нелепости сделанного выбора, несерьезности принятого решения.

В случае же с преемничеством Медведева позиции последнего выглядят много слабее. Он был выдвинут не за восемь месяцев до выборов, а менее чем за три. Он был выдвинут на пост президента, не будучи премьер-министром и оставаясь на посту вице-премьера. В своем бюрократическом возвышении он пропустил все важнейшие ступеньки, традиционно считающиеся обязательными для приобретения необходимого политического и административного опыта для руководства страной — депутата, сенатора,

министра, губернатора, лидера политической партии. Результаты голосования в его поддержку были массово фальсифицированы, что сделало его назначение нелегитимным.

В отличие от Ельцина Путин не потеснился и не ушел в тень, он продолжал оставаться центром всех важнейших событий и во многом их создателем, сохраняя и укрепляя рычаги своей политической и административной власти, продолжая привлекать к себе и аккумулировать публичное внимание. За время, прошедшее после своего выдвижения, избрания и занятия президентского поста, Медведев так и не сделал и не сказал ничего самостоятельно, он не оставил ни одного запоминающегося жеста. Он так и остался в тени своего Хозяина.

В новом властном дуэте получила продолжение старая советская традиция сохранения всей государственной власти в стране в руках одного лица при выполнении презентационных функций на посту президента другим лицом. Примеры Сталина и Калинина, Хрущева и Булганина, Брежнева и Подгорного, Горбачева и Громыко дают немало пищи для исторических сопоставлений. С другой стороны, на сей раз эта традиция возобновлена в условиях формального действия совершенно другой, президентской, конституции страны. Такое преемничество, очевидно, является еще одной, хотя, возможно, и наиболее яркой иллюстрацией чрезвычайно изменчивого, гибкого, я бы сказал, *пластилинового*, характера правовых основ современного российского государственного устройства. Оно подтверждает масштабы институциональной девиации и патологии, которым оказалась подвергнута нынешняя Россия.

— Все это подтверждает ходящую сейчас шутку неведомого автора: «Пушкин — наше все, Церетели — наше везде, Путин — наше навсегда»... И в связи с этим хотелось бы задать Вам такой вопрос: как Вы считаете, есть ли у Путина личная заинтересованность в том, чтобы стоять во главе именно такого — корпоративистского — государства? Имеется в виду не просто понятная честолюбивая потребность быть у власти, а и некая личная материальная в этом заинтересованность.

Своизм во власти

— Гораздо более важной, чем материальная заинтересованность, мне кажется приверженность Владимира Путина своей корпорации и ее членам — сослуживцам по КГБ, представителям силовых органов в целом, соседям по участкам в дачном кооперативе, бизнес-партнерам в компаниях, зарегистрированных в питерской мэрии. Это качество, правильное название которому — *своизм*.

Путин никогда не считал нужным скрывать, что интересы членов своей корпорации для него важнее, чем любые иные интересы. Он регулярно это подчеркивает, иногда даже демонстративно. Достаточно вспомнить знаменитый комментарий времен Байкалфинансгруп о «хорошо ему известных физических лицах, давно работающих в области энергетики», заслуживших, с его точки зрения, право на получение активов Юганскнефтегаза. Отвечая

на вопросы журналистов в июне 2007 года он сказал: «*Такое* (а прозвучало нечто, вызвавшее у него недоумение или критику) представители правоохранительных органов сказать не могли. Это могли сказать лишь представители парламента или средств массовой информации». После бесланской катастрофы первых соболезнований удостоились погибшие бойцы «Альфы», а не убитые дети и их матери. В недавнем интервью газете «Монд» трудно провести более резкий контраст между характеристиками, данными «правильному», «своему» бизнесмену Олегу Дерипаске и «неправильному», «чужому» бизнесмену Михаилу Ходорковскому.

Эти и многие другие высказывания, а главным образом, действия демонстрируют не просто невыполнение фундаментального требования к современному государственному руководителю — его нейтральности, но и поразительную иерархию различных социальных и профессиональных групп в его сознании. Высшую позицию в этой иерархии занимают представители правоохранительных органов, в особенности спецслужб, а все остальные люди находятся на существенно более низких ступенях, в том числе и те, кто относится к представительной власти, а также журналисты. Причем такое отношение к обществу и социальным группам настолько глубоко и естественно укоренено в его сознании, что не видно даже признаков стеснения, когда он делится такими соображениями с журналистами — представителями, с его точки зрения, низшей общественной касты. Когда он комментировал смерть Анны Политковской, эта убежденность в незначительности роли журналиста в обществе в очередной раз вылезла не столько по отношению к самой убитой, сколько по отношению ко всем представителям журналистской профессии... Похоже, это совершенно естественное состояние сознания человека, согласно которому верхушку социальной иерархии занимают представители корпорации спецслужб, а все остальные граждане служат лишь материалом для удовлетворения интересов этой высшей корпорации.

— Сейчас хотелось бы вернуться к вопросу о Чечне. Основной аргумент, которым оперируют те, кто считает, что не надо предоставлять независимость Чечне: если это сделать, то начнется развал страны, из России выйдут Кавказ, Башкирия, Татарстан и т. д. и т. д. Насколько серьезна такая опасность для современной России? И в какой мере это вообще зависит от Чечни?

Завершение распада

— Мне кажется, важно правильно осознавать место сегодняшней России на отрезке исторической эволюции. Мы переживаем третий этап распада Российской империи. Острая фаза первого этапа пришлась на 1917–1922 годы, когда произошла вначале дезинтеграция Российской империи, а затем ее частичная реинтеграция, правда под другой «шапкой», другой идеологией и с потерей двух крупных территорий — Финляндии и Польши.

Второй этап распада империи, приведший к формированию на территории бывшего СССР более полутора десятков самостоятельных национально-территориальных образований, произошел в 1988–1993 годах.

Процесс этот еще не завершился. Совершенно ясно, что он будет продолжаться и далее. Это общемировая закономерность, и нам от нее никуда не деться. На территории нынешней России наиболее заметно этот процесс происходит в Чечне. В 1995 году вместе с Борисом Львиным мы написали статью «Россия должна признать независимость Чечни». В ней мы применили к чеченскому случаю более десяти критериев, традиционно используемых для определения возможности того или иного народа получить независимость от метрополии. Оказалось, что по всем возможным критериям существования независимых наций чеченцы имеют не меньшее право на отделение и формирование самостоятельного государства, чем, например, Эстония, Латвия или Литва. Поскольку независимость балтийских государств ответственными людьми сейчас не оспаривается, то при применении тех же самых критериев любой серьезный человек должен признать неизбежность, приемлемость и нормальность государственной независимости Чечни.

Очевидно, что в положении, подобном Чечне, находится еще ряд народов. Сам по себе вопрос, хотят ли народы жить совместно, в рамках одной страны, или предпочитают жить индивидуально, должен решаться не имперскими властями, а сами народами. С точки зрения опыта, накопленного как нашей страной, так и другими странами, с точки зрения долгосрочных интересов развития России и народов, ее населяющих, было бы гораздо лучше, чтобы завершение этого третьего этапа распада Российской империи произошло бы с наименьшими издержками, потерями и жертвами. Завершение распада империи произойдет в любом случае. Но для всех нас, российских граждан, исключительно важно, как пройдет развод — кроваво, по югославско-милошевичевскому варианту, или «бархатно», по чехословацко-гавеловскому.

Что касается нынешнего состояния, например, республик Северного Кавказа, то надо прямо сказать, что некоторые из них сегодня de facto более независимы, чем всего лишь десять лет тому назад. Чечня при Кадырове-младшем стала фактически гораздо более независимой от России, чем Чечня при Масхадове. Такова реальность, которой нельзя не видеть.

Для процессов автономизации и приобретения фактического суверенитета переломным оказался декабрь 2003 года, когда федеральные власти, выдвинувшие во время президентских выборов в Башкирии своего кандидата Веремеенко против кандидата Рахимова, в конце концов полностью сдали свои позиции. С тех пор ни в одном из национальных регионов с преобладающим населением титульной нации (например, Карелия или Ненецкий автономный округ к ним не относятся) федеральными властями не было предпринято ни одной существенной попытки установления кадрового контроля. Это говорит о том, что, несмотря на всю имперскую риторику, нынешний режим, похоже, признал de facto самостоятельность большинства национальных регионов в ключевых вопросах своего существования. Следовательно, это лишь вопрос времени, причем, очевидно, не слишком значительного, когда их самостоятельность de facto будет признана de jure.

— Печальная перспектива для русских имперских умов, да, пожалуй, и для некоторых национальных окраин...

— Для имперских умов — возможно, печальная, для русских умов, — возможно, оптимистическая. Но и для тех и для других — неизбежная. Скажем, тридцать лет назад для юнионистов в Северной Ирландии сама идея о том, что Ольстер когда-либо может присоединиться к Ирландской Республике, была абсолютно немыслимой. Сейчас она перестала быть таковой. Годы кровавого конфликта и цена, уплаченная в виде его жертв, помогают осознанию очевидного. До 1974 года не было света в конце конфликта между греками и турками-киприотами. Фактический раздел Кипра и расселение представителей обеих общин по разные стороны разделительной линии привели к фактическому прекращению кровавой междоусобицы. Обмен индуистским и мусульманским населением между Индией и Пакистаном вскоре после провозглашения независимости от Британии позволил если не ликвидировать, то существенно снизить межэтническое напряжение.

Арабо-еврейский конфликт в Палестине в течение длительного времени не позволял найти подходящую для обеих сторон формулу мирного сосуществования друг с другом. Сейчас, после многих войн, после интифады, после бесконечного числа террористических актов и у евреев и у арабов постепенно приходит понимание, что вместо того, чтобы пытаться жить в склоке вместе (то есть воевать), лучше жить раздельно и хотя бы в относительном мире. Об этом свидетельствует и драматическая эволюция видения Ариеля Шарона. После войны 1967 года он стал главным идеологом и организатором создания еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Такая политика, полагал он тогда, должна была стать надежным способом обеспечения безопасности Израиля. Прошло тридцать с лишним лет, и не кто-нибудь, а именно Шарон, «отец» программы этих поселений, принял решение об эвакуации евреев и передаче территорий этих поселений арабам. Мы помним, какой взрыв эмоций и сопротивления это решение вызвало, но теперь уже не между Израилем и арабами, а внутри самого Израиля.

Несколько иной по форме, но близкий по сути подход выдвинул Авигдор Либерман, израильский политик, предложивший изменить границы Израиля в пользу арабов. Обеспечение территориальной консолидации еврейского населения, с одной стороны, и его физическое размежевание с арабским населением, с другой, рассматривается в качестве большей ценности и более эффективного способа обеспечения долгосрочной безопасности Израиля. Межэтническое размежевание в ряде случаев оказывается наиболее приемлемым и наименее дорогостоящим средством, способным обеспечить безопасность граждан. Оно еще раз подтверждает справедливость народной мудрости о привлекательности худого мира по сравнению с доброй ссорой.

Только информационный железный занавес, опущенный нынешним российским режимом, до поры до времени блокирует обсуждение в отечественном политическом сообществе чудовищного ущерба, нанесенного нашим народам в результате двух чеченских войн, а также гигантского дренажа финансовых ресурсов в пользу нынешнего чеченского режима. Но осознание невозможности совместного проживания русских и чеченцев все же постепенно начинает проникать в головы российских политиков.

— А вот то, что нынешняя власть «зачищает» всякое оппозиционное поле, закрывая независимые СМИ, разгоняя «марши несогласных», в которых и без того участвуют считанные единицы, препятствуя тому же Буковскому баллотироваться в президенты (ну сколько процентов избирателей проголосует за Буковского! — говорить же смешно), то есть чинит препятствия своим оппонентам где только можно и без всякой на это вроде бы нужды, — чем вот такое поведение нынешнего режима можно, на Ваш взгляд, объяснить? Зачем «мочить в сортире» оппозиционеров, когда народ и без того не хочет никаких «оранжевых революций», а мечтает только о том, чтобы хуже не стало? Потому что хуже уже столько раз бывало... Может быть, эта немотивированная агрессивность связана с тем, что положение нынешних властей вовсе не так прочно и втайне они испытывают какой-то страх?

— Мне кажется, это не страх. Это инстинкт, безусловный рефлекс, привычка, проявление не второй, а возможно, даже и первой натуры. Это синдром Шуры Балаганова, оказавшегося в трамвае. Они по природе своей к этому склонны, их этому учили, им это внушали. Многие люди во власти другого не умеют. Они живут в таком мире. К тому же они извлекли, как они полагают, главный урок из своего самого тяжелого и самого болезненного поражения — утраты власти в результате провала августовского путча 1991 года и крушения СССР. Власть — слишком серьезная вещь, чтобы в нее играть, чтобы позволить себе не законопатить все возможные дырочки на всякий случай, не закрыть все потенциальные каналы движения к власти *несвоих*.

В то же время, с точки зрения наиболее квалифицированных в их рядах специалистов, не следует закрывать абсолютно все щелочки. Оставлены — по крайней мере, пока — несколько информационных ресурсов, таких как радиостанция «Эхо Москвы», телевизионный канал Рен TV, «Новая газета», журналы «Нью Таймс» и «Континент», ряд интернет-ресурсов. Для чего? Чтобы предъявлять внешнему миру доказательство наличия в стране оппозиции? Отчасти да, но не только для этого. Необходимо время от времени выпускать пар общественного недовольства, — чтобы у политического котла не снесло крышку. Но главным образом — для мониторинга эволюции общественно-политических настроений, для фиксации изменения позиций инакомыслящих и несогласных. Традиционные методы слежки важны, но недостаточны. Должны существовать и такие площадки, где диссиденты могут высказывать свое мнение относительно свободно, чтобы можно было понимать, какая эволюция происходит в обществе, какие новые идеи предлагаются. Это важное отличие методов действия спецслужб при авторитаризме от методов действия КПСС при тоталитаризме. КПСС пыталась забетонировать все поле общественной дискуссии, превратив его в мертвое кладбище. Спецслужбы действуют умнее, они на собственных ошибках поняли, что полная зачистка информационного поля ведет к риску утраты важных источников информации и, следовательно, их контроля. Они знают, что информация управляет современным миром, и для ее извлечения годятся все средства — от радиостанции «Эхо Москвы» до интернет-

ресурса «Одноклассники.Ru». И не надо никаких дорогостоящих разработок — только смотри и слушай...

Надо отдать им должное. В современном мире, кажется, нет примера другой страны, где абсолютная политическая власть находилась бы в руках корпорации сотрудников спецслужб. Есть немало примеров того, когда монополия на политическую власть оказывалась в руках отдельного лица, семьи, этноса, партии, военной хунты. Такие случаи с разной степенью детализации изучены, и в целом понятно, как такие политические модели работают. Спецслужбы в таких режимах играют важную, но все же вспомогательную, служебную роль. А вот примеров захвата власти и ее монополизации самими спецслужбами — такого, кажется, в истории еще не было. И в этом заключается особенность, известная уникальность нынешней российской общественно-политической девиации.

— Это похоже на то, как если бы борзую собаку пустили охотиться самостоятельно...

— Поначалу действительно имел место известный кризис позиционирования в новых условиях. *Охотиться самостоятельно* еще не привыкли — ждали приказа и инструкций. Тем не менее кризис длился недолго и оказался не слишком глубоким. Спецслужбы стали одной из немногих российских организаций, довольно быстро и весьма успешно адаптировавшейся к новым условиям. А уж захватив политическую власть в стране, они сами стали приспосабливать к своим интересам и нуждам другие организации и институты, российскую государственную машину, государственный и частный бизнес, масс-медиа, религиозные, неправительственные организации. Несогласных же и сопротивляющихся — в СМИ, в бизнесе, среди губернаторов, политических партий, общественных организаций, отдельных личностей — практически немедленно начали выдавливать, разрушать, уничтожать, на уголовном жаргоне О. Шварцмана, «нагибать и мучить». Сейчас у них нет проблем с определением своей стратегии, отданием приказов, созданием инструкций. А в последнее время вырабатывается, уточняется и совершенствуется новая идеология.

Восемь лет назад они получили страну. Сейчас они хотят сделать, чтобы так осталось навсегда.

— Как не выразить сожаления, что наша страна оказалась в положении столь специфической девиации в мире... Грустно, что наш разговор приходится заканчивать на такой ноте.

— Наиболее серьезный долгосрочный вызов нашей стране заключается не только в природе нынешнего политического режима, и даже не в цене, какую нашему народу, увы, очевидно, придется заплатить за освобождение от него. А то, что режим уйдет — раньше или позже, никаких сомнений не вызывает.

Наиболее серьезный вызов нашей стране заключается в преодолении политической культуры, характерной для гражданской войны, длящейся в

нашем обществе последнее столетие. Практически все крупнейшие события в российской истории последнего века — три революции, гражданская война, коллективизация, индустриализация, уничтожение кулаков, духовенства, белого офицерства, купцов, голод, террор, ГУЛАГ, Вторая мировая война, борьба с вредителями, космополитами, врачами-отравителями, стилягами, художниками-абстракционистами, диссидентами, за Союз, против самостоятельности народов, за независимость республик, за создание рыночной экономики, против сепаратистов, «террористов», «олигархов», «оранжевых», «шпионов» — происходили в формате большой непрекращающейся гражданской войны. Весьма часто оказывавшейся «горячей», лишь изредка «холодной». Но всегда — войны.

Нам, гражданам нашей страны, неравнодушным к ее судьбе, публицистам, общественным активистам, политическим деятелям, патриотам нашей Родины и своего собственного народа надо найти, выработать, укрепить взаимопригодные способы выявления в нашем обществе разных точек зрения, мирного их обсуждения, ненасильственного выяснения отношений друг с другом. Только на пути преодоления неограниченного насилия, применявшегося и по-прежнему применяемого по отношению к своим гражданам различными группами, оказывавшимися и находящимися во власти — большевиками, правыми реформаторами, силовиками, — наша страна сможет вырваться из порочного круга и все-таки завершить нашу долгую бесконечную столетнюю гражданскую войну.

О ФИЛЬМЕ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА) «ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. ВИЗАНТИЙСКИЙ УРОК»

От редакции

Фильм архимандрита Тихона, где о. Тихон выступает одновременно и как сценарист, и как ведущий, уже несколько раз демонстрировался на телеканале «Россия». Приуроченный автором к 555-летию падения Константинополя и к выборам президентского преемника в России, «Византийский урок» вызвал достаточно широкий общественный резонанс: его обсуждают в прессе и в Сети, о нем страстно спорят, диски с фильмом продаются в храмах и магазинах и пользуются неизменным спросом, а в быту постоянно приходится слышать, как на него даже и ссылаются — как на вполне авторитетный источник. Да и может ли быть иначе, если едва ли не большинство людей, посмотревших фильм, еще вчера вряд ли даже и помнили о том, что существовала когда-то какая-то Византия, о которой что-то рассказывали им в школе, а сегодня вдруг узнали, что это был, оказывается, настоящий рай на земле, и стоял он себе тысячу с лишним лет и до сих пор стоял бы, кабы не козни Запада, не продажные олигархи, не мятежные губернаторы, расшатавшие вертикаль византийской власти и положившие конец стабильности и процветанию великого государства?.. Что прикажете бедному россиянину с совковым и постсовковым историческим школьным образованием думать, если вся эта «информация» подается ему не со страниц какого-нибудь веселого развлекательного комикса, а с экрана вполне серьезного вроде бы исторически-документального фильма? И подается не каким-то там лихим журналистом с сомнительной репутацией, а иеромонахом и наместником Сретенского монастыря, да еще, как постоянно намекается во всех СМИ, чуть ли не духовником самого Путина?!

И сам этот фильм, и популярность его, и влияние его на умы — все это, на наш взгляд, весьма красноречиво свидетельствует о духовном и нравственном состоянии современного российского общества. Поэтому он вполне заслуживает и вполне серьезного к себе внимания. И поэтому мы и попросили высказаться о «Византийском уроке» таких хорошо известных нашему читателю авторов «Континента», как Ольга Седакова, Юрий Каграманов и Владимир Можегов. В их компетентности в заявленной отцом-архимандритом исторической теме сомневаться, надеемся, не приходится. И поэтому полагаем, что их суждения о фильме могут помочь тем, кому это может помочь, надежнее разобраться в тех уроках, которые стоит и должно извлечь из творения архимандрита Тихона.

Юрий КАГРАМАНОВ

БЕЗОТВЕТНАЯ ВИЗАНТИЯ

Телефильм «Гибель империи. Византийский урок», где архимандрит Тихон (Шевкунов) выступил в качестве автора сценария и ведущего, неожиданно (для меня, во всяком случае) получивший весьма широкий резонанс, относится к жанру, который у немцев и французов именуется «исторической дидактикой». Такой жанр имеет право на существование; более того, без него трудно обойтись. Добросовестные ученые-историки пытаются понять, каким прошлое «было на самом деле» (согласно известной формуле Леопольда фон Ранке). Но общество, со своей стороны, вправе задавать истории вопросы, которые его волнуют в настоящем, и ждать от нее ответов.

Вот только «извлечение уроков» из материала истории — дело тонкое и зачастую рискованное. Здесь легко проявить субъективность и проецировать в давно минувшие времена то, что называется злобой дня. Хотя бы до некоторой степени прошлое всегда таинственно и всегда недопонято. Там есть вещи, на которые, так сказать, наведен фокус и о которых мы можем высказываться более или менее определенно (хотя и они тоже нередко допускают различные толкования). И есть другие, как бы расплывающиеся в дымке, которая нас от них отделяет.

И наконец, то, что называется злобой дня, можно понимать очень по-разному.

Самый факт обращения к теме Византии следует, конечно, приветствовать. «Встреча» с нею стала для России определяющей, «на всю жизнь». И чем больше мы будем о ней (Византии) знать, тем меньше мы будем воспроизводить сцены, излюбленные в XVIII веке Юбером Робером: на фоне величественных развалин Рима равнодушные к ним люди живут своей мелкой, мелкотравчатой жизнью.

К сожалению, о. Тихон слишком «пригибает» Византию к «нашим проблемам», как он их понимает, а в таком, «пригнутом» положении она не способна сообщить нам ничего для нас важного.

Удивительным образом поздняя Византия, какою она предстает в фильме, сходствует с современной Россией: мы находим в ней олигархов и повальную коррупцию, националистов, стремящихся отделиться от греческого ядра, и пришлые этносы, не желающие ассимилироваться, и т. д., и т. п. Я не византинист, но даже тот скромный объем знаний, какой у меня есть в этой области, позволяет мне утверждать, что это искаженная картина. Со-

Юрий КАГРАМАНОВ — родился в 1934 г. в Баку. Окончил Исторический факультет МГУ. Автор книг и статей по западной и русской культуре и философии, публиковавшихся в журналах «Вопросы философии», «Иностранная литература», «Новый мир» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

мневаюсь, чтобы термин «олигарх» можно было применить к крупным феодалам, которым только и было под силу, в определенные периоды, оспаривать власть императоров (в античной Греции были свои олигархи, но это другой коленкор), и уж тем более непозволительно применять его к негоциантам, чье влияние на политическую жизнь империи всегда было ограниченным. Что касается национализма, то это все-таки понятие, взятое из логического арсенала Нового времени; в прежние времена существовало, разумеется, чувство этнической общности, но до национализма в современном понимании оно сильно «не дотягивает».

Позднюю Византию, действительно, растаскивали на части, но причиною этому стало стихийное заимствование того типа феодальных отношений, какой существовал на Западе. То же явление мы наблюдаем и в Киевской Руси в ее поздний период.

В чем о. Тихон, как я полагаю, прав, так это в том, что иная нация способна ярче выразить себя в «теле» империи, нежели в своем собственном изолированном «теле». Армяне, к примеру, гораздо больше сумели прославиться в византийском месте-времени, чем в месте-времени своего, армянского царства.

Более всего занимает о. Тихона, что явствует уже из названия фильма, вопрос, отчего погибла Византия. «От внутреннего врага» — говорит он в одном месте. И в другом: «Византийцы не смогли победить самих себя». Ответ правильный, если иметь в виду того врага, который есть в груди у всех и каждого. Однако по всему содержанию фильма складывается впечатление, что речь идет скорее о каких-то внутренних отщепенцах. Равно как и об «агентах Запада».

Антизападничество — лейтмотив фильма. Выстраивается схема: люди Запада — грубые варвары, думавшие только о том, чтобы кого-то ограбить и что-то захватить, в то время как Византия оставалась высокой и процветающей цивилизацией. Схема не вполне верная даже применительно к раннему Средневековью. Потому что из нее выпадает римская церковь (до середины XI века, то есть на протяжении первых семи веков существования Византии, слитая с константинопольской в единую православную кафолическую Церковь), которая этот природный «материал» (варваров) просвещала и возвышала. И будила в нем творческие импульсы, уже, по крайней мере, в XII и, тем более, в XIII веке давшие ощутимые результаты. Так что применительно к данному периоду говорить о культурном превосходстве Византии становится уже затруднительно.

Центральным событием в истории отношений Византия–Запад фильм делает взятие Константинополя крестоносцами в 1204 году. Это, конечно, прискорбное событие, но оно не должно заслонять всю панораму, даже если ограничиться временем крестовых походов. Хотя каждое приближение воинства крестоносцев вызывало в Константинополе некоторые опасения (как оказалось, оправданные), все же там преобладало чувство солидарности с ними как защитниками общего христианского дела. Кстати, это же чувство солидарности с крестоносцами испытывала и Киевская Русь.

С изгнанием крестоносцев (1261) начинается последний, закатный период в истории Византии. Для историка это особенно сложный период в

плане изучения ее отношений с Западом. Потому что Запад, а точнее, Италия, с которой Византия всегда была тесно связана (отдельные ее части входили в состав «империи ромеев» еще в X столетии), совершает в протяжение его культурный рывок, именуемый Возрождением. Этот рывок не был, как иногда думают, просто возрождением античного, языческого наследия; более того, поначалу он имел отчетливо христианский характер (Данте — Джотто). И в дальнейшем, обращая взоры к античности, возрожденцы видели ее как бы сквозь призму уже укоренившихся христианских представлений. С православной точки зрения, однако, в их творчестве было много сомнительного и порою совершенно неприемлемого. Да и с католической точки зрения, если строго ее придерживаться, совершенно недопустимыми были всякие сближения Мадонны с Венерой и многое другое, что можно найти в искусстве и литературе Возрождения. Для православного Востока чуждым был самый тип человека, сложившегося в тогдашней Италии: его «раздувающиеся ноздри» и «ненасытные челюсти» (цитирую по памяти одного византийского автора XV века), его подчеркнутый артистизм и зачастую тщеславное самохвальство. При всем том творческое напряжение, отличавшее итальянских треченти стов и кваттрочентистов, как и яркие плоды его, производили впечатление.

Суммируя, можно, наверное, сказать, что Византия, в лице образованных ее слоев, была смущена теми картинами, что открывались ей на Западе. И это свое чувство она передала России, которая, впрочем, испытала его значительно позже, тогда, когда русским довелось вплотную соприкоснуться с западной культурой.

Но и смущенная Византия не сошла с позиции православия. Уния с Римом, заключенная на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 годов (на которую Византия согласилась, уже будучи «припертой к стенке османами»), не могла погубить ее, как то утверждает о. Тихон, по той простой причине, что она почти сразу же от нее и отреклась. И пошла навстречу своей гибели с гордо поднятой головой.

«Обещанной помощи из Европы, конечно же, так и не пришло», — говорит о. Тихон. Это не вполне справедливо. Точно помню, что в роковые майские дни 1453 года из девяти тысяч воинов, которые ожидали врага на стенах Константинополя, насчитывалось три тысячи «латинцев», главным образом генуэзцев; среди них, правда, было немало наемников, но были и убежденные защитники общего христианского дела.

Между прочим, фактически руководивший обороной города венецианец (или генуэзец, точно уже не помню) Джустиниани, которого вывезли оттуда раненным, вскоре умер, как утверждают хронисты, «от горя» — не от своей личной неудачи, но от мысли, что пал великий Константинополь. И такую его реакцию нельзя считать нетипичной для Запада. В те дни плач о гибели Второго Рима, усугубленный тревогой за свою собственную судьбу, раздавался повсюду в Европе.

Что было бы совершенно необъяснимо, если бы Запад, как утверждает о. Тихон, испытывал только ненависть к Византии, которая «на каком-то глубочайшем генетическом уровне» продолжается до сих пор. Значит ли это, что Запад не может успокоиться даже при виде давным-давно мерт-

вой Византии? Или предметом ненависти стала ее наследница — Россия? Скорее имеется в виду последнее. Но в таком случае приведенное высказывание свидетельствует или о плохом знании истории, или о нежелании разобраться в чувствах западных людей. Пока наша страна оставалась для Запада малознакомой, тогда, да, там преобладало недоверие к ней и зачастую враждебность, но когда Россия научилась рассказывать о себе (в произведениях литературы и искусства), тогда гамма чувств, которые европейцы испытывали в отношении России, высветлилась, и очень-очень заметным цветом в ней стала л ю б о в ь: всякий, кто знаком с культурной жизнью Европы (да и Америки) конца XIX — начала XX века, найдет тому многочисленные подтверждения. Конечно, советская «интермедия», если позволительно применить это слово к отрезку времени длиною в семьдесят лет, сильно попортила образ нашей страны, и теперь нужно время, чтобы его исправить. И не просто время, но и соответствующие задаче усилия.

Сказанное, разумеется, не означает, что мы должны из кожи вон лезть, чтобы нравиться Западу. У нас все-таки своя религиозно-культурная традиция, побуждающая критически отнестись ко многому из того, что происходит на Западе. Но это уже другой вопрос, на котором здесь не место задерживаться.

Приходится констатировать, что о. Тихону не удалось по-настоящему «разговорить» византийцев. Хотя им есть чем с нами поделиться, — надо просто задать им другие вопросы.

Ф. А. Степун писал: *светлая память чтит и любит в прошлом не то, что в нем было и умерло, а лишь то бессмертное вечное, что не сбылось, не ожило: его завещание грядущим дням и поколениям*[*]. Иначе говоря, в прошлом для нас ценны не столько дела его, сколько стремления.

Поставим вопрос так: что нам завещала Византия? Ну, конечно, веру, но это само собой разумеется. А еще, пожалуй, вот что: принцип «симфонии», понятый в предельно широком смысле. Обычно под «симфонией» понимают равновесие между «Царством» и «священством», иначе говоря, между светской и духовной властью; такое равновесие в Византии более или менее соблюдалось, то есть оно постоянно нарушалось, но и постоянно возобновлялось. Но если понимать под «Царством» весь круг земных задач, а под «священством» устремленность общества к миру иному, то и между ними тоже существовало подвижное равновесие. Одни византийцы строили красивые дома и писали стихи, изучали математику и римское право (в византийском усовершенствованном варианте: кодекс Юстиниана), а другие смотрели на мир сей, как на «юдоль скорби», и в идеале предпочитали империи пустыню (монашеское движение начиналось как движение *мирян* и к духовной власти отношения не имело), но общество удерживало в своем лоне и тех, и других и само колебалось между теми и другими. Вот этот «симфонизм» византийской жизни каждое поколение принимало от предыдущего, как дар, и старалось, «не расплескав», пронести его дальше.

---

[*] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М., 2000. С. 6.

Для сравнения: Запад рано пошел по пути резких движений. Сначала «священство» одолело «Царство» (Каносса), на что «царство» ответило набиравшей силу секуляризацией, потом протестантство восстало против того и другого, и дальше пошло-поехало.

Но вот, может быть, еще более актуальный вопрос: почему Византия спасовала перед исламом? Не перед мусульманскими армиями, а именно перед исламом. Положим, османы представляли собою большую военную силу, но ведь первые поражения с этой стороны Византия потерпела еще в VII веке — от арабов, о которых вряд ли можно сказать, что они превосходили византийцев в военном отношении. Империя тогда фактически уполовинилась: в считанные годы были потеряны огромные территории на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Не секрет, что это произошло в частности или даже главным образом потому, что на указанных территориях усилилась духовная смута: распространились всевозможные ереси, оживился полузабытый со времен античности оккультизм и т. п. Как единственная альтернатива духовному разброду был умело подан властный «твердокаменный» ислам. В результате сразу или почти сразу после арабского завоевания значительная часть населения отступилась от христианства и передалась исламу.

Право, здесь есть о чем поразмыслить.

Владимир МОЖЕГОВ

ВСЕ СПОКОЙНО В НАШИХ ВИЗАНТИЯХ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО УРОКА

Фильм Тихона Шевкунова «Гибель империи. Византийский урок» стал едва ли не самым заметным событием первой половины года. Не рискну сказать, что он затмил президентские выборы, но последние были все же лишь спектаклем со всем известным концом, фильм же (неожиданно, наверное, и для самого автора) стал сенсацией, разорвавшейся бомбой. Многие даже восприняли его как своеобразную презентацию новой государственной идеологии. Последнее мне представляется не столь однозначным, но об этом после.

Сам я включал телевизор без всяких предубеждений, ожидая увидеть нормальное историческое кино и услышать мнение консервативного церковного крыла на важную, но, в общем, частную тему. В первую очередь мне было интересно, насколько баланс между неизбежным идеологическим посылом и исторической объективностью окажется соблюден. То, что я увидел, превзошло, конечно, все мои ожидания. Такого безбожного измывательства над историей, над правдой — исторической и просто человеческой, такой, мягко говоря, *нелюбви*, льющейся с экрана, я никак не мог ожидать.

Конечно, уже прошло время, эмоции улеглись, и, в общем, понимаешь, что ничего такого уж неожиданного здесь нет: мы все же духовная страна, и у нас завсегда «две бездны рядом», как заметил Достоевский. Начиная с полубезумного старца Феофила с «третьим Римом», Ивана Грозного с его инфернальным монастырем с опричниками в монашеских скуфьях, потом какой-нибудь апокалиптик архимандрит Фотий — вдохновитель «антибиблейского восстания», политтехнологии попа Гапона, революционеры (тоже, по-своему, совершенно религиозная стихия) — все это для нас очень традиционно. И это именно то, что о. Александр Шмеман, говоря о неочищенной, непросветленной религиозности, называл *средоточием демонизма*. Религия без любви, христианство без Христа — что может быть страшнее?

В статье «Гибель империи. Тридцатиминутка ненависти для народа»[1] я даже рискнул сравнить это кино с фильмами Лени Рифеншталь. «Рискнул», — потому что сравнивать это по всем критериям трудно. Фильмы Ри-

[1] РЖ, 5 февраля 2008 года.

Владимир МОЖЕГОВ — родился в 1968 г. в Воркуте, окончил Академию кино и телевидения в Санкт-Петербурге. Публиковал работы на религиозно-философские, культурологические, историософские темы в «Московских новостях», «Литературной газете», «НГ-религиях», в «Русском журнале», журнале «Политический класс», «АПН», обозрении «Радонеж», альманахе «Илья» и др. Живет в Волоколамске.

феншталь при всей их неоднозначности гениальны. «Триумф воли», «Олимпия» — это космическая песнь, романтический — в полнеба — рассвет фашизма. Фильм Тихона Шевкунова, — не говоря уже о мысли, эстетически и художественно, — совершенное убожество. Вся эта аляповатая эклектика с самодовольным — в центре — монахом, шатающимся по средиземноморским курортам, — смотреть на это невыносимо даже с выключенным звуком. Кроме огромных вложенных денег, современных технологий и откровенно бессовестной пропаганды там ничего и нет. И единственный критерий, по которому эти явления вообще можно сравнить, — их знаковость.

Бюрократическая опера

Знаковость эта наиболее красноречива в эстетике, и сам этот фильм можно было бы назвать иконой консервативного сознания эпохи постмодерна. Византийский «барочный космос» — это ведь, по-своему, совершенно постмодерный мир (не случайно постмодерн и называют необарокко).

Константин (как позднее, двигаясь в другом направлении, Петр Великий) строил город своей мечты, город философов, столицу нового христианского мира, получился же у него мир совершенно измышленный, мир без корней: город учрежден имперским указом, вера насаждена, имя «ромеев» присвоено, у города даже имени толком нет, только титул: «новый Рим». Это не мир, а какой-то полумагический театр, населяют который не люди, а актеры, связанные лишь тщательно проработанной иерархической системой и играющие предписанные каждому роли. И главную роль играет сам император — «живая икона» Христа, все бытие которой становится церемониалом (в «Книге церемоний византийского двора», состоящей из 153 глав, регламентирована даже длина его волос, — замечательная в своем роде пародия на евангельское «у вас даже волосы на голове все сочтены», не правда ли?).

Впечатляющее изображение этой «иконы» оставил последний великий историк Римской империи, грек по происхождению, Аммиан Марцеллин (ок. 330 — ок. 395 н. э.), описывая торжественный въезд императора Констанция в Рим на золотой колеснице, в окружении знамен и золотых драконов на копьях с отверстыми пастями и развиваемыми ветром хвостами: *Будучи очень малого роста, он (император) тем не менее наклонялся при въезде в высокие ворота; он устремлял свой взор вперед, как будто шея его не могла двигаться; как статуя, он не поворачивал головы ни вправо, ни влево; при толчке колес он не подавался вперед, не вытирал рот, не сморкался, не сплевывал, и никто не видел, чтобы он пошевелил хоть одной рукой.*

Ясно, что к Христу эта «икона» никакого отношения не имеет: это «икона» царской власти, и Констанций играет здесь самого себя. Таков и весь византийский мир, обращенный в символ, в икону самого себя. Не жизнь, а опера, не столько бытие, сколько пародия на него (чего стоит один только этот коротышка, наклоняющийся, чтобы проехать под триумфальными воротами!).

Живая жизнь, человек со всеми естественными движениями его души из церемониала «византийской оперы» практически исключен (роскошный собирательный образ всех наших византий от Юстиниана до Сталина дает фильм Эйзенштейна «Иван Грозный» — опера в чистом виде).

Такова и византийская религия.

Если утопающий в роскоши император превращен в подобие Христа, то Божество, лишенное Своей трансцендентности, поселяется в храме, — неизбежный результат брака Церкви и империи. Если древние христиане вовсе не знали сакрального пространства храма (храмом был для них сам человек — вместилище духа), если свои первые храмы христиане начинали строить в форме базилик, подчеркивая этим светский характер своих собраний, то отныне центром мирового православия («небом на земле») становится собор Святой Софии, воздвигнутый творцом «симфонии» императором Юстинианом.

То же происходит и в религиозном сознании. Символ уже не столько указывает на Первообраз, сколько постепенно вытесняет и подменяет его. Живая жизнь Евангелия скрывается за системой аллегорических толкований. Христос, превращенный в чистую «аллегорию», возносится на недосягаемую для человека высоту. Пантократор-Вседержитель — единственный известный здесь образ Спасителя, иконографический тип которого, как полагают, восходит к Зевсу работы Фидия (византийские императоры перевезли знаменитую статую, одно из семи чудес света, в Константинополь, где она и пребывала, пока не сгорела в V веке вместе с императорским дворцом. Дошедшие до нас изображения на монетах действительно позволяют сделать такой вывод). *После Доброго Пастыря (Гермес Криофорс) пришел Христос-Асклепий, Милосердный Врачеватель IV и V столетий; затем Христос-Зевс*, пишет об историческом развитии образа Христа Георгий Федотов. — *Представить, что такой Бог мог ходить по земле почти невозможно... Христос этого мира — не Спаситель, а Судия*[2].

Основа византийской религии — страх. Перед вознесенным на трон Христом в образе Зевса-Громовержца человек может лишь повергаться в прах и пепел. Этика рабства, которой пропитаны все здешние социальные отношения (каждый византиец — раб вышестоящего и господин подчиненного), возводится византийской церковью в идеал. (Тысячу лет спустя византийская идея найдет достойное завершение в образе Ивана Грозного. Но еще интереснее подобную радикальную трактовку христианского Бога встретить в протестантизме — у Кальвина).

В сущности, от евангельского христианства здесь не остается ничего, и тот же Федотов справедливо замечает: *По сути, вся византийская религия могла бы возникнуть без исторического Христа, как Он предстает в Евангелиях,— только на одном мифе о небесном спасителе, сходном с эллинистическими мифами об избавителе.* В сущности, это религия не Христа, а занявшей Его место священной бюрократии (если это и опера, то опера бюрократическая). И настоящей «иконой» этого мира, *диковинным логическим пределом такого принципиально беспочвенного бытия* становится не император даже, а придворный чиновник-евнух.

Всегда безжалостные и жестокие, лишенные всяких кровных связей, они испытывают чувство привязанности к одному лишь богатству как самому дорогому их сердцу детищу, — писал об этом своеобразном явлении византий-

[2] *Федотов Г.* Русское религиозное сознание: киевское христианство X–XIII вв.

ского двора Аммиан Марцеллин. А Сергей Аверинцев в своей «Поэтике ранневизантийской литературы» остроумно замечал: *Если присущая чиновнику отчужденность от общества— пародия на аскетическую отрешенность, то бесполость евнуха — пародия на аскетическое безбрачие, более того — пародия на ангельскую бесплотность.* И действительно, мы можем наблюдать, как византийцы в своих «видениях» то и дело принимают явившегося им ангела за придворного евнуха...

Тот же Аверинцев указывает на своеобразный поэтический предел такого удивительного обожествления бюрократии: Роман Сладкопевец, один из самых почитаемых ранневизантийских церковных поэтов, в одном из своих гимнов сравнивает страдания Спасителя на Кресте с имперским циркуляром. Кровь Христа подобна пурпурным чернилам имперской канцелярии, а Его окровавленное, «исписанное» бичами тело — правительственной хартии, на которой император пишет эдикт о свободе граждан (!).

Но сам себя этот мир, даже не сознающий своего цинизма, сознает как абсолютный идеал. История здесь остановилась, ибо достигла своего свершения, «светлое завтра» настало, и до конца мира делать в сущности нечего, кроме как вращаться в круге одной вечно повторяемой мистерии и дворцовых церемоний.

Именно в этом радикальном отказе от экзистенции (где *эсхатологическое будущее подменено политическим настоящим*, как точно заметил Аверинцев) можно увидеть корень духовной трагедии Византии.

О. Александр Шмеман в своих знаменитых «Дневниках» обращает внимание, как Страстная неделя (самое экзистенциальное мгновение земной истории) из реальности, всегда свершаемой с нами, превратилась в византийских службах в «дискурсивный рассказ» о когда-то бывших событиях, а *Великая Пятница, день явления зла как зла,.. стал днем нашего маленького человеческого смакования собственной порядочности и торжества благочестивой сентиментальности. (Это византийское, риторическое «сведение» счетов с Иудой, с иудеями, наш праведный «благочестивый» гнев). И мы даже не знаем, что мы, в конце концов, «упраздняем крест Христов».*

Этой «византийской матрицей», которую мы неизбежно унаследовали (весь наш сегодняшний церковный институт — тот же, в сущности, барочный византийский театр), буквально «дышит» фильм Тихона Шевкунова. И вся, смешанная с ненавистью, невыносимая фальшь этого фильма достигает кульминации, когда, говоря о «предательстве Запада», нам долго-долго, с каким-то оргастическим наслаждением, показывают фреску с поцелуем Иуды, все приближая и приближая камеру. Всего же более символично, что заканчивает свой фильм автор именем Сталина (открывшим новую эру изучения Византии в России), имени Христа умудрившись не помянуть вовсе.

Икона постмодерна

Но если центром византийского «барокко» оказывалась Святая София (небо на земле), то центром современного постмодерного мира стал Телецентр. И фильм Тихона Шевкунова являет нам своеобразную встречу («симфонию») двух таких вымороченных, противоестественных миров прошлого

и настоящего, своего рода абсолютную (как нам исторически и свойственно) икону постмодерна.

Фильмы Рифеншталь тоже, как мы помним, апеллировали к героическим эпохам прошлого, смыкая современный фашизм с Древней Элладой и зороастрийскими культами. У Тихона Шевкунова мы видим нечто подобное, только в предельно фарсовом (как и положено постмодерну) виде: его герой в «житиях» медийных виртуальных пространств — тот же «византийский евнух» в барочных антуражах императорского дворца (особенно забавна эта поп-икона ввиду совершенно прозрачных отсылок к известному телесериалу Леонида Парфенова о последних десятилетиях советской империи).

Такое слияние пародий дает возможность посмотреть на это кино как на художественную акцию в стиле московского концептуализма (интересно, что по этому поводу сказал бы Владимир Сорокин?). При том что подобного «православного поп-арта» мы видим сегодня не мало вокруг: православные ярмарки с торгующими на них схимонахами, митрополиты, торгующие вагонами с сигаретами и вином, иконы Малюты Скуратова и поппевца Игоря Талькова, гламурные православные журналы, да и весь наш сегодняшний православный бомонд в эстетике предшествующих эпох от Грозного до Политбюро.

Эстетическое убожество фильма тоже замечательно вписывается в формулу постмодерна. Что такое пошлость? Это, прежде всего, несоответствие формы своему содержанию. Вот вам и Византия: мир, который как бы вверен Христу, но из которого Христос почти полностью вытеснен. Таков и современный постмодерн — роскошное буйство формы при полном отсутствии содержания: таракан, впаянный в бриллиантовое колье за миллион долларов. Но постмодернизм спасает и делает искусством его предельная самоирония и некая божественная игра в смыслы. Тихон Шевкунов, как и положено консерватору, по отношению к себе предельно серьезен (вряд ли он даже толком сознает ту игру, в которой участвует), и выходит у него не только нечто смешное, но и нечто зловещее.

И вот мы, зрители, становимся свидетелями рождения из постмодерна (который и есть, прежде всего, глобальный кризис смысла, кризис христианства) некой новой *сверхидеологии*. И вот где, пожалуй, главная знаковость этого фильма и оправдание сближения его с фильмами Рифеншталь.

Рождение сверхидеологий — тоталитарных идеологий на фундаменте великих религий — это ли не суть времени, в которое мы живем? И кто знает, быть может, одиннадцатое сентября; ваххабиты, расстреливающие детей в Беслане во имя «милосердного Бога»; иконы Ивана Грозного на крестных ходах в Москве и вот этот, только что представленный нам фильм с тавтологичным — на пределе фарса — названием «Гибель империи», — есть знаки шествия Великого Инквизитора XXI века, по сравнению с которым тоталитарные режимы века XX-го покажутся детскими игрушками.

Кстати, буквально в то же время, что и «Византийский урок» (с интервалом в несколько дней) по Первому каналу прошел показ документального фильма National Geographic «Евангелие от Иуды» — о манускрипте III–IV века, найденном в 1970 году и ставшем недавно предметом многих медийных

спекуляций. Никто, кажется, не сблизил два эти явления, хотя параллели напрашиваются: в одном случае мы видим гностический (квазилиберальный), в другом — квазиконсервативный миф о христианстве с полным погружением в псевдохристианскую мифологию и при полном отсутствии Христа как такового. И вот что интересно: если на Западе история с «Евангелием от Иуды» вызвала немалый шум, то у нас она прошла почти незамеченной (чего не скажешь о фильме Тихона Шевкунова). И вот вопрос: можно ли по этим приметам сделать вывод о том, по каким путям дальше пойдет на Востоке и Западе отречение от Христа? Поживем — увидим...

Миф о прекрасной Византии

Обратимся теперь от формы к содержанию фильма. Его составляют два главных тезиса: миф о прекрасной Византии и миф о проклятом Западе. Но, прежде чем углубиться в них, позволю себе обширную самоцитату из статьи, посвященной фильму Тихона Шевкунова:

> ...Конечно, к истории той универсальной империи, охватывающей практически весь античный цивилизованный мир, захолустный городок на Босфоре никакого отношения не имел. Он мог бы вовсе лишиться своей исторической судьбы, если бы Константин, задумав перенести столицу, остановил свой выбор на Трое, легендарной прародине римлян. Император, говорят, даже отправился к прославленным руинам, и уже были построены ворота города, как (по свидетельству христианского писателя V века Созомена) ночью, во сне, Константину явился Некто и убедил искать для столицы другое место.
>
> То, что новая столица империи оказалась все же на Востоке, а не на Западе, означало прежде всего приближение центра нарождающегося христианского мира к его духовному центру — Иерусалиму. Не откажешь Константину и в политическом и экономическом чутье. Находящийся вблизи главных очагов эллинской культуры, практически недоступный с моря, способный держать в своих руках все торговые пути между Азией и Европой, новый Рим обладал исключительными преимуществами и был «обречен на величие».
>
> Чтобы придать блеск новой столице, Константин ограбил старую. Также и все прочие крупные города империи вынуждены были отдать новой столице большинство своих статуй. Сюда же переехала и римская знать. И до самого VII века (то есть все время своего действительного могущества) Константинополь оставался прямым наследником принципата Августа, миром универсальной греко-римской цивилизации и культуры (что сами византийцы, гордо именуя себя ромеями, и подчеркивали).
>
> Тот Правовой кодекс, который архимандрит Тихон Шевкунов гордо объявляет достижением Византии, был в действительности титаническим предприятием Юстиниана, обобщающим свод римских законов и римского права (и составленным, естественно, на латыни, официальном языке византийской канцелярии). Превыше всего ценил единство империи и сам Юстиниан, последний великий римский император и подлинный творец исторической Византии, который и заложил динамит в ее основание, став творцом «теории симфонии» — антихристианской и антицерковной по духу

утопии, навсегда заворожившей сознание христианской Церкви и явившейся причиной неисчислимых трагедий исторического христианства. «Роковой характер Юстиниановой теории состоит в том, что в ней вообще нет места Церкви, что, ставя христианство искренне и по-своему глубоко в основу всего государственного делания, великий император не увидел Церкви и потому все понимания христианского мира вывел из ложных посылок», — писал протоиерей Александр Шмеман («Исторический путь православия»). Теория Юстиниана вела к утрате границы между государством и Церковью, которая до тех пор охраняла неотмирную свободу последней («Богу — Богово, кесарю — кесарево», «стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»).

Но такова природа власти: римский Pontifex maximus, осознающий себя «представителем Бога на земле», мог принять христианство и даже сделать его официальной религией империи, но никогда не мог принять онтологичной независимости Церкви. Хуже всего, что с этим согласилась и Церковь. Проблема ее отношений с государством даже не встала перед церковным сознанием, а была «почти бессознательно подменена проблемой отношений светской и церковной власти», которая торжественно и разрешилась в «идеале симфонии».

То, что Церковь молча согласилась со своей зависимостью, объясняется, конечно, не столько привилегиями, которые сулил ей брак с империей (сервильность епископов во всей силе проявится уже позже и будет прямым его следствием), сколько искренним желанием сделать весь мир христианским, соблазном «тысячелетнего царства», золотой мечтой «светлого будущего». В воцерковлении империи с ее принципами универсализма и свободы гражданина Церковь увидела воплощение своей мечты.

Увы, реальность явила нечто совсем иное. Лишь только в христианском сознании произошло слияние Церкви и власти, как от свободы не осталось и следа, а языческий римский принципат просто переродился в полуязыческую теократическую монархию, увенчал которую новый Pontifex maximus, мнящий себя равным Христу.

Уже после гибели Византии этот «идеал» во всей своей экзистенциальной мощи разрешится в трагедии Ивана Грозного. Если для византийского василевса сравнение его с Христом было скорее способом подчеркнуть его власть над Церковью, то для первого русского царя (русские все воспринимают слишком серьезно) это стало реальной рефлексией. «Бог я или не Бог?» — спрашивал себя Грозный, и все греческие книги подтверждали его догадки. Оглушенный откровением, цезарь Третьего Рима стал вершить свой Страшный Суд на отдельно взятой территории, претворяя все современное себе политическое настоящее в тотальный Апокалипсис и проявляясь в нем живой иконой человекобога-антихриста.

Спустя века тот же опыт, но уже в парадигме модерна и в еще более впечатляющих масштабах повторит бывший семинарист Иосиф Сталин...

Увы! Христианство смогло устоять в гонениях от власти, но не перед ее «любовью». И хотя ложь теории симфонии сегодня столь очевидна, она продолжает оставаться центральной «иконой» нашего православного сознания. И сегодня 97% православных с удивлением воззрятся на вас, услышав, что Церковь и государство — суть разные, не сводимые друг к другу планы

бытия, что не может абсолютная ценность быть зависима от ценности относительной, как не может совесть зависеть от нужд тела. Но, видимо, потому, что 97% нашего видимого «православия» аккумулирует совесть скорее «корпоративную», нежели христианскую, очевидность эта остается столь неочевидной.

Зато мы имеем возможность снова воочию наблюдать печальную, но поучительную притчу о том, как самое светлое учение о любви и свободе может превращаться в самую мрачную и бесчеловечную идеологию. И это, быть может, главный из уроков фильма архимандрита Тихона Шевкунова[3].

Статья, из которой я процитировал этот отрывок, вызвала ответ группы консервативных историков[4]. Ответ, к сожалению, совершенно пустопорожний, но содержащий, тем не менее, одну любопытную мысль, которая станет хорошей иллюстрацией для наших дальнейших рассуждений. Вот эта мысль:

Рефлексия на византийскую историю относилась не только к генезису русского национального сознания, но и к цивилизационной самоидентификации народов Западной Европы. Можно даже говорить о латентном византийском комплексе западноевропейцев. Запад, констатируется в фильме, являлся по отношению к Византии культурной периферией. Для современного западноцентристского миропонимания это звучит как приговор. В основе западного экспансионизма обнаруживается тривиальный комплекс неполноценности...

Традиционное, идущее через века западное неприятие России также восходит к родовой травме Запада, комплексу неполноценности бывших варваров. Россия, как прямой восприемник Византии (восприемник прежде всего в отношении византийского православия), самим фактом своего существования служит указанием западному миру на произведенную им узурпацию, на нелегитимность западнической неоимперской экспансии...

Чем эта мысль любопытна? Конечно, не своей новизной. Да и говоря по сути, уважаемые доктора наук городят здесь чушь. Никогда Запад не забывал своих эллинских корней и к византийской мысли относился с величайшим вниманием и почтением. Скажем, знаменитый корпус «Ареопагитик», переведенный на латынь Иоанном Скоттом Эриугеной, был известен на Западе с IX века, оказав огромное влияние на христианскую мысль вплоть до Фомы Аквинского и Данте (в то время как «О граде Божием» Блаженного Августина, книга, ставшая основной для средневекового Запада, осталась на Востоке совершенно не известна). Другое дело, что греки издревле пользовались на Западе (да и во всем мире) устойчивой репутацией лжецов и лицемеров (*«греки суть лукавы до сего дни»* — слова русского книж-

[3] *Можегов В.* Роковая симфония: НГ-религии, 20 февраля 2008 года.

[4] *Византийский набат.* К дискуссии о фильме архимандрита Тихона (Шевкунова): НГ-религии, 2 апреля 2008 года. Багдасарян В. Э., доктор исторических наук, профессор; Орлов И. Б., доктор исторических наук, профессор; Репников А. В., доктор исторических наук; Реснянский С. И., доктор исторических наук, профессор; Федулин А. Я., доктор исторических наук, профессор.

ника), а после катастрофического раскола предстали еще и в образе врага, что, конечно, не способствовало взаимопониманию.

Любопытна эта мысль главным образом тем, что не только показывает уровень спора, но и обнажает его иррациональную основу — эту почти детскую обиду на Запад за то, что он Запад (чем-то напоминающую отношение нашего провинциала к Москве). Это «меряньe животами» — извечный «спор славян между собою», кто меньше периферия и больше Европа, — далеко не так смешно, как кажется. Вся история европейской культуры берет начало в легендарном пожаре гомеровской Трои — разоренной греками древней прародины римлян. И с тех пор, как видим, в самосознании европейцев мало что изменилось. И такова сила национального инстинкта, и такова рана национального самолюбия и обид, что они оказываются непобедимы ничем — ни христианством, ни культурой, ни высшим образованием. И варвар глядит из сегодняшнего доктора наук так же, как глядел он из Ахилла и Гектора, из греческого епископа и римского легата XI века. Увы, начав с яблока раздора, наш культурный цивилизованный мир ушел отнюдь не так далеко, как иногда кажется, глядя на все его ракеты и мониторы...

Так и в христианской истории мира спор национальных самолюбий завершился в конце концов сокрушительной катастрофой раскола. Но, конечно, одна национальная спесь не могла бы еще разложить его изнутри. Христос с Его «несть ни иудея, ни эллина» давал слишком мощный против нее антидот (и сегодня взыграние национального инстинкта является, как правило, когда все иные аргументы уже исчерпаны и тонкий слой культуры ползет с багровеющих лиц). В безобразную трамвайную склоку «спор о догматах» вылился, когда христианское миросознание было уже полностью расшатано.

Расшатал же его и первопричиной нравственного краха средневекового христианства стал брак Церкви и государства, — исторически, видимо, неизбежный, но от того не менее губительный. Чтобы не впасть в пристрастность и не выплеснуть вместе с купелью ребенка, мы должны сознавать всю двусмысленность и сложность византийского мира. Фундамент Византии — это, с одной стороны, богословие Отцов Церкви, отлитое в формах эллинской философии (тексты «великих каппадокийцев» и тот самый корпус «Ареопагитик»), и «симфония» Церкви с государством, с другой. С одной стороны, на протяжении всей истории Византии мы слышим непрекращающийся «хруст ребер» Церкви в «любовных объятиях» империи (как говорил А. В. Карташев), с другой, видим редких, но действительно великих святых. Можно сказать, что все лучшее в Византии вырастает из преодоления византизма, что особенно ярко являет судьба Иоанна Златоуста — святого епископа-проповедника, обличавшего нравы императорского двора, осужденного собором епископов «в разврате» и умершего в изгнании. История Иоанна Златоуста — это подлинный голос и судьба Христа в Византии и на все последующие времена.

О сущности и последствиях «симфонии» для исторической Церкви мы сказали уже достаточно. Остановимся лишь на одном явлении, хорошо знакомом нам и сегодня, но совершенно неведомом ранней Церкви, — Свя-

щенном Синоде. Первые христиане знали епископа — главу общины, отца (папу), который заботился о своей общине и представлял ее, в случае нужды, на церковном соборе. Священный Синод — нечто совсем иное, это орган чисто административный, аналог правительственного. Его существование никакого естественного смысла не имеет, он вызван к жизни с единственной целью — быть подобием бюрократии государственной, как того требует этикет и философия «симфонии».

Именно в Синоде как зримом воплощении брака Церкви и государства в полной мере явила себя трагедия Церкви, ее собственное превращение в «придворного императорского евнуха» (известно, что евнухи здесь возводились и в патриархи). И когда сегодня мы наблюдаем совершенную инфантильность и оторванность от жизни нашей священной бюрократии при всем ее неудержимом стремлении к власти, мы должны видеть и начала этой трагедии. Священная бюрократия, будучи лишь отражением бюрократии имперской, естественным образом стремится к своему «первообразу». В свою очередь, бюрократия государственная нуждается в оправдании себя высшей, божественной санкцией. Отсюда и их взаимная симпатия, неудержимое желание слиться в экстазе «симфонии»: таковыми они созданы, и иначе они не могут.

Мы знаем, сколько неисчислимых трагедий принесла византийской Церкви теория Юстиниана, как приходилось уже русской Церкви оправдывать преступления Грозного (и целые века — от умученного митрополита Филиппа до патриарха Тихона — практически не слышно голоса Церкви, обличающего или взывающего к совести власти) и как в феврале 1917-го Священный Синод встречал арест и суд над «священным помазанником» радостными возгласами «воззваний». Помним и трагедию митрополита Сергия, вынужденного в своих манифестациях симфонии с «другом всех верующих» отрекаться от мучеников Церкви, утверждая, что все казнимые в СССР священники есть политические преступники, замешанные в «монархических происках» (и ради чего? Ради сохранения архиерейской службы!).

Трагедия эта продолжается и сегодня, когда во святых у нас ходят не мученики за веру, а Грозный, Распутин и «тайный христианин Сталин», когда бездомных детей и сирот больше, чем после Первой и Второй мировых войн, а самые медийно раскрученные иереи откровенничают о том, что их «религиозные святыни» дороже им «жизни всего человечества», и снимают фильмы-поэмы о горячей любви к имперской канцелярии.

В сущности, перед нами все та же извечная картина нравственного краха византизма, которую так живописал о. Александр Шмеман:

> Максимализм теории трагически приводит к минимализму нравственности... На смертном одре все грехи императора покроет черная монашеская мантия... все, даже раскаяние, даже обличение имеет свой «чин», и за этим златотканным покровом христианского мира, застывшего в каком-то неподвижном церемониале, уже не остается места простому, голому, неподкупно-трезвому суду простейшей в мире книги... «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Настоящая трагедия Византийской Церкви не в произволе царей, не в грехах и падениях — она прежде всего в том, что настоящим

«сокровищем», безраздельно заполнившим ее сердце, стала сама Империя. Не насилие победило Церковь, а соблазн «плоти и крови», земной мечтой, земной любовью завороживший церковное сознание[5].

Миф о проклятом Западе

Иррациональные корни второго мифа фильма Тихона Шевкунова мы уже вскрыли отчасти. Посмотрим теперь на историю развития этой иррациональной ненависти к Западу.

Когда Тихон Шевкунов, отрываясь от созерцания завораживающих его баснословных богатств империи, перестает нести ахинею о византийском стабфонде, олигархах и преемниках и вспоминает о вере, он говорит следующее: *но главным богатством Византии было ее неповрежденное Православие.*

На самом деле вплоть до X–XI веков мы видим нечто совсем иное. В то время как страстный, находящийся в лихорадочном духовном поиске Восток утопает в бесконечных ересях, хранителем православия выступает, как правило, менее богословский, более рациональный, трезвый, а оттого и более устойчивый Рим. Так было во время победного шествия по Востоку арианства и во время монофизитской ереси в VII веке и иконоборческой смуты в VIII-м. Как на защитников веры и Церкви смотрели на пап и восточные патриархи, всегда признавая за римским первосвященником первенство чести. Эта незыблемая православность и общее признание и утвердили амбиции Рима. Восток же, веками подогревая их своей обычной витиеватой двусмысленностью и лестью, никогда по существу не признавал «мистики папства», и когда две безнадежные амбиции (престол пап и престол императоров) наконец встретились, столкновение это вылилось в скандальный и безобразный развод, навсегда оставшийся самой позорной страницей истории христианства.

Каждый, кому доводилось наблюдать супружеские раздоры в жизни, знает, что концов в них, как правило, не найти, что каждая из сторон при этом вооружена своей «абсолютной истиной» и что настоящая правда здесь всегда бывает одна — отсутствие любви.

Одну из таких версий обиженного супруга рассказывает нам и Тихон Шевкунов. Вот он (изрядно путаясь в датах) хвастает орга́ном, пришедшим на Запад из Византии. Но Богу свойственно уравнивать счет человеческих тщеславий, и в ответ можно указать на *колокол*, совершивший обратное путешествие. Так же и во всем остальном.

Вот автор вспоминает захват и разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году (действительно, самый трагичный момент этой истории, когда ненависть между греками и латинами вошла в плоть и кровь средневекового мира). Но при этом забывает рассказать о резне латинян в 1182 году, когда озверевшая толпа, науськанная будущим императором Андроником (прокладывающим этим мероприятием себе путь к престолу), уничтожила все латинское население Константинополя, не пощадив ни жен-

[5] *Шмеман А.* Исторический путь православия.

щин, ни детей: младенцев вырезали из чрева матерей, голову папского посланника кардинала Иоанна протащили по улице, привязав к хвосту собаки, избежавшие же смерти (около 4000 человек) были проданы в рабство туркам.

Негодуя о святотатствах крестоносцев, автор не вспоминает, как император Исаак Ангел (по рассказу византийского историка Никиты Хониата) ел и пил из священных сосудов, а из окладов, снятых с крестов и Евангелий, делал себе ожерелья, утверждая, что царям позволительно делать все, ибо между ним и Богом нет несоединимого и неощутимого расстояния (!).

Не вспоминает автор, что крестоносцев к стенам родного города привел сын свергнутого Исаака Ангела, и лишь когда, получив престол, он не смог заплатить честным рубакам, а вскоре сам был убит очередным узурпатором, обманутые крестоносцы вторично взяли город, подвергнув его страшному разграблению.

В мире, в котором убийство императора стало ритуалом почти таким же, как воскресная литургия (из девяти десятков византийских василевсов половина были свергнуты или убиты), очередной дворцовый переворот, конечно, не новость. Но, говоря о полувековой «латинской империи», учрежденной крестоносцами в Константинополе, автор забывает сказать, что стала возможной она лишь потому, что захваченный город остался к тому времени без законной светской и духовной власти (патриарх с очередным императором, прихватив казну, благополучно бежали).

Крича о «предательстве Запада», автор забывает рассказать о весьма «гибкой» политике империи в середине V века, направленной прежде всего на то, чтобы любую угрозу вторжения варваров перенацелить на земли Запада. Не вспоминает, как позднее утопающая в роскоши Византия фактически бросила западную часть империи под ордами лангобардов и что только полная невозможность получить помощь из столицы вынудила римских пап к союзу с франкскими королями, давшему начало тому западному миру, который мы знаем. Не вспоминает он и о более чем двусмысленных связях византийских василевсов с султанами, но историкам хорошо известно, как во время III Крестового похода тот же Исаак Ангел вступил в соглашение с Саладином, чтобы задержать и уничтожить идущую на него германскую армию Фридриха Барбароссы.

Стоило бы здесь вспомнить и об отрядах генуэзских и венецианских рыцарей, мужественно сражавшихся против Мехмеда на стенах Царьграда бок о бок с отрядом последнего византийского императора, в то время как десятки, если не сотни тысяч здоровых византийских мужиков сидели по домам, закрывшись с женами и детьми.

Так что и причины полного разложения духа, постигшего Византию, искать нужно не в «тлетворном влиянии Запада», а в органических свойствах самого этого противоестественного, тоталитарного общества. Они — все в том же вездесущем здешнем чиновнике-евнухе, отчужденном от народа, озабоченном лишь наживой, бывшем здесь не только «метафорой ангела», но и военачальником (вещь совершенно немыслимая в эллинском или средневековом мире).

Армию, которая воплощает в себе силу общества граждан,.. должен вести в бой мужчина и воин — «свой человек» для своих подначальных. Иное дело — армия, которая воплощает собой мощь государства, отчужденную от общества, компенсирующую немощь общества; такую армию может вести в бой евнух и чиновник, распоряжающийся мужчинами и воинами, как чужим для него инструментом...[6]

Вот настоящие причины рокового бессилия этого общества, то и дело балансирующего на грани распада, и не единожды (как, например, в 626 и 674 годах) спасающегося буквально чудом. Показательно, что в 1204 году неприступные стены Константинополя, богатейшего города тогдашнего мира, взяла горстка (менее чем полтора десятка тысяч) крестоносцев в каких-то три дня. *И знайте, что не было такого храбреца, чье сердце не дрогнуло бы, и казалось чудом, что столь великое дело совершено таким числом людей, меньше которого трудно и вообразить*, — писал позднее Жоффруа Виллардуэн, оценивая соотношение сил осаждавших и осажденных в пропорции 1:200 (!).

Уместно спросить, как подобное общество могло продержаться тысячу лет. Сохранял ли Господь Бог этот мир в назидание потомкам в качестве урока истории? Для того ли, чтобы передать православие нам, славянам? А можно сказать и так: взрывная сила христианства настолько велика, что даже Византии потребовалась тысяча лет самого густого и тяжелого лицемерия, чтобы ее задушить.

Пушкин, как всегда мудро, отвечая Чаадаеву, заметил:

Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие разве от этого менее изумительно?

В преодолении еврейского национализма, консерватизма церковников и патриотизма зилотов (в сущности, и распявших Христа) рождалось христианство. Так же, *в преодолении* всего сгущенного зла Византии, ее вероломства, жестокости и лицемерия (Георгий Федотов справедливо говорил, что *переносясь из Византии в мир ислама, начинаешь дышать более чистым воздухом*), рождалось живое творческое богословие Симеона Нового Богослова и Григория Паламы, совершавших — ради всего человечества — свой грандиозный прорыв к Богу. Именно в них православие восстанавливало свою сверхкосмическую, сверхприродную высоту и вселенскость, и, быть может, ради нескольких этих ослепительных мгновений и сохранял Бог целое тысячелетие этот громоздкий, лживый и бесчеловечный мир.

А что же Запад? По части нравственности дела здесь обстояли, конечно, не лучше, чем в Византии, но все же мир этот, в силу постоянного пребывания в гуще живой жизни — войны, труда, рынка, — гораздо свободнее, естественней, проще. В нем есть доблесть и порыв и нет разъедающего двуличия и удушающей лжи византийского общества (правда, нет и ее всеохватной мечты, выносящей в небо в экстазах Псевдодионисия Ареопагита).

---

[6] *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы.

Запад тоже, конечно, не избежит своего духовного краха, и той стеной, отчуждающей от живого присутствия Бога, которой для Востока стал отяжелевший символ, станет для него рассудочная абстракция. И кончится это, в сущности, тем же: вспомним Гегеля, всерьез обожествляющего государственный порядок империи Габсбургов, и Ницше, с наслаждением взрывающего этот душный самодовольный мирок не хуже орд Мехмеда, разоряющих Константинополь.

Восток — это мир чистого духовного вдохновения, захлебывающегося в потоках медоточивой «священной лжи». Запад — мир героического порыва, разбивающегося о пороги нравственного релятивизма (*не жадность, разврат, предательство, зависть, безделье, обжорство, гордыня: не они причина крестовых походов. Они причина их неудачи*, — писал Томас Элиот). И уж конечно, Запад совсем не похож на ту «единую, враждебную силу», которой предстает он в мифах Тихона Шевкунова. Вот каким мы видим его в письме знаменитого Эния Сильвия Пикколомини (будущего папы Пия II), потрясенного падением Константинополя под ударами турок:

> Я ни на что уже не надеюсь... Взгляните на христианство... Между королем Арагонии и генуэзцами война. Генуэзцы... платят туркам дань, венецианцы заключили с турками договор... В Испании... много королей,.. но их не увлечь на Восток, особенно, когда они имеют дело с гренадскими маврами. Французский король... боится высадки англичан. Англичане... только и думают отомстить за свое изгнание из Франции. Шотландцы, датчане, шведы, норвежцы ничего не ищут вне своих стран. Германцы... не имеют ничего, что могло бы их соединить.

Вот настоящая трагедия «христианского» мира — в бесконечных дрязгах, раздорах и счетах между самими христианами. Она в том, что, как пишет о. Александр Шмеман, —

> на протяжении веков, — мы не встречаем почти ни одного проявления страдания от разделения, тоски по единству, сознания ненормальности, греха, ужаса этого раскола в христианстве! В нем доминирует... почти удовлетворение разделением, желание найти все больше и больше темных сторон в противоположном лагере[7].

Холодный рассудочный Запад нужен был пламенеющему Востоку как камертон «здравого смысла». Углубленный в созерцание Восток был необходим динамичному Западу как недвижный духовный центр. И закономерно, что великий раскол привел в конце концов к мировому кризису христианства. И сегодня он продолжает сохраняться все той же энергией иррациональной вражды (все теми же политтехнологиями императора Андроника), исключи которые, и вся эта «религия ненависти» просто развалится. Вот что (сознательно или нет) понимают и чувствуют ее жрецы, и вот почему каждого неофита стараются провести, прежде всего, через эту школу ненависти: к Западу, евреям, католикам (т. е. нашим ближайшим братьям), гуманизму (то есть к человеку как таковому), либерализму (то есть к

[7] *Шмеман А.* Цит. соч.

свободе и личности). И не есть ли вся эта последовательная ненависть: к брату, человеку, личности и свободе (т. е. ко всем тем ценностям, которые принес на землю и утвердил Христос), — в сумме своей ненависть к Христу? И не есть ли она — самая подлинная, совершенная в своем роде религия Великого Инквизитора, заложником которой ее жрецы хотят сегодня снова сделать весь русский народ?

Момент истины

Едва ли не более знаковой, чем сам этот фильм, оказалась общественная реакция (без которой он, может быть, и вовсе не заслуживал бы внимания). Что же можно сказать о ней?

В одной из последних своих работ С. Аверинцев писал:

> Я не хочу пророчить мрачные перспективы, однако в одном я уверен: если, не дай Бог, снова придет, выражаясь на классическом языке немецкой мысли, das radical bose, сила, абсолютно неприемлемая по моральным соображениям, ей не трудно будет найти словесную маску, чисто внешне не похожую ни на один из видов уже известного нам тоталитаризма[8].

Поскольку же вся наша история прошла под звездой Византии (реминисценциями которой были и московское царство Грозного, и николаевская империя, и империя Сталина), естественно ожидать подобного возвращения в византийских одеждах. Это дыхание нового тоталитаризма под «словесной маской» византизма, видимо, и почуяло общество в скандальном фильме и, что сознавать приятно, в массе своей отвергло.

Либералы, указывая на случаи так называемого вранья (благо фильм оказался обильным кладезем), много смеялись (может быть, слишком легковесно противопоставляя этой «песне о главном» собственную мифологию). Консерваторы (что замечательно) простодушно признали, что фильм — чистой воды пропаганда, и просто поставили ему знак плюс (это мерзавец, но это наш мерзавец).

Реакция в церковной среде подтвердила, увы, худшие опасения: дух корпоративной солидарности перевесил здесь стремление к правде, и даже неглупые люди старались скорее замутить, нежели прояснить суть дела. Так, протоиерей Максим Козлов умудрился сравнить фильм с памфлетами Свифта. Мол, что вы указываете на вопиющие исторические несуразности, это просто шутка такая. (Любимый нашими консерваторами Иван Ильин както заметил: чтобы понять гения, надо самому не слишком далеко от него отстоять. Верно это, видимо, и в обратном смысле: чтобы спутать откровенную большевистскую агитку с блистательным, тончайшим и саркастичным Свифтом, надо и самому недалече отстоять от первых рядов ленинско-сталинской гвардии.)

Митрополит Кирилл как умный, хорошо чувствующий конъюнктуру политик поспешил откреститься от «Византийского урока», назвав его лич-

[8] *Аверинцев С.* Преодоление тоталитаризма как проблема.

ным взглядом автора, но не преминул заметить, что столь бурная реакция на фильм вызвана, вероятно, тем, что наша интеллигенция плохо относится к Церкви (а может, все-таки тем, что наше общество плохо относится к вранью? — *В. М.*). Выразил в конце концов свое мнение и патриарх, уже без всяких экивоков назвав фильм «частным мнением». И это все-таки слава Богу.

Единственной же трезвой оценкой здесь стала статья на сайте «Богослов.ру» преподавателя Московской Духовной Академии В. Буреги, сравнившего фильм с американскими боевиками и тактично указавшего на несовместимость пропаганды с христианством. Бурега, по сути, спас честь Церкви (правда, тут же, как полагается, был подвергнут остракизму, встреченному гулом одобрительных голосов).

Но, конечно, любые сравнения (с американскими боевиками ли, поп-артом или фильмами Рифеншталь) будут хромать, пока мы точно не определим место этого произведения среди типичных образцов тоталитарной пропаганды 30-х годов XX века. Вот здесь все встает на свои места, ум обретет устойчивость и успокоение: верное слово найдено.

Синдром неофита

Но вот на чем хочется остановиться особо. Нетрудно понять наших консерваторов и церковников (многие из них, люди в душе честные, хорошо понимая цену этого фильма, предпочитают по разным причинам молчать или соглашаться с «генеральной линией партии»). Но наша творческая интеллигенция никогда вроде не слыла таким уж «запуганным сословием», а главной честью ее всегда было умение отличать нечто существенное от откровенных подтасовок. Но вот одна из главных и известнейших наших газет, вполне интеллигентная, поместила о творении Тихона Шевкунова такую дивную сагу:

> В фильме виден священник — он говорит о вере. В фильме виден гражданин — он формулирует принцип «безбоязненной опоры на свои традиции и силы». Ключевое слово здесь — «безбоязненно». Вот так бы и смотреть на экран — без страха, без предвзятости,

— и так почти на целую полосу со стихами и притчами. Я просто онемел, когда это прочел. И невозможно было поверить, что все дело в такой уж кристальной сервильности: ведь еще год назад тот же автор писал вполне вменяемые тексты. Что же случилось? А вот что: началось воцерковление...

Неофит — существо, как бы тронутое Богом и потому уже не совсем в себе, очень открытое, совершенно некритичное, с радостью готовое принять на веру самую дикую ересь, — есть самое лакомое блюдо всевозможных черносотенных и тоталитарных гуру (а никто, кроме них, никакой миссионерской деятельностью у нас и не занимается). Развесившего уши и подвергающегося атакам на свое сознание снаружи и изнутри неофита (из всех нор лезут чудища подсознания) бросает из крайности в крайность, засасывает в самые темные водовороты «духовности». И все это может продолжаться лет шесть–восемь, а то и десять (в сущности, в это время

человек проживает в себе всю, шаг за шагом, трагедию исторической Церкви), после чего он либо справляется с вирусом и к нему возвращается способность сознательно мыслить, либо — теряет ее безвозвратно.

Печальные плоды такого тоталитарного воцерковления являют, например замечательные певицы Жанна Бичевская и Лина Мкртчан. Костями тысяч и тысяч жертв религиозного возрождения усеяны наши духовные дороги. И сегодня «синдром неофита», который начал поражать уже не только нашу культурную элиту, но и высшую бюрократию, кажется мне самым угрожающим явлением, гораздо более опасным, чем пресловутый «православный фашизм». Бюрократ не станет заигрывать с черносотенным (розлива К. Душенова) фашизмом, который слишком легко заклеймить. Последний — удел маргиналов или тонких творческих натур. Зато немалой популярностью в наших силовых ведомствах пользуются, говорят, «Русская доктрина», «Русский проект» и другие экзотические проекты тоталитарного «обустройства России».

И если плоды «духовного возрождения» девяностых — от «народного православия» с епископом Диомидом до пензенских сидельцев — уже налицо, есть смысл задуматься над тем, чего можно ожидать от сегодняшнего *массового воцерковления* бюрократии — этой адской смеси сервильности, жадности и неофитства, отчужденных от всякой реальности и настоенных на безоглядной воле к самооправданию и самообожествлению.

«Синдром неофита» — вещь слишком взрывоопасная, особенно когда им оказываются заражены люди, в руках которых сконцентрирована власть. Единственным же антидотом против его гремучего яда может быть *трезвость*. А с этим, увы, дела обстоят у нас еще более плачевно. И вот, пожалуйста, доказательство: если тревожно воцерковляющемуся Михаилу Леонтьеву нынешний государственный строй представляется либеральной демократией (чем-то вроде розовой водички для полоскания рта, которой нам только и остается, что прыскать в лицо грядущему на нас железному терминатору Запада), то в сознании наших либералов тот же самый строй предстает азиатской деспотией со страшным засевшим в Кремле лубянским упырем, по сравнению с которым даже Иосиф Сталин выглядит расшалившимся школьником. Не самая ли это удивительная наша сегодняшняя постмодернистская вещь в духе достоевских «двух бездн рядом»?

Единственным выходом из этого абсурдистского политического театра видится диктатура здравого смысла в каждом отдельно взятом разуме. Вот потому мне очень не хочется демонизировать сегодня ни сервильные бюрократиченские СМИ, ни власть, ни самого Тихона Шевкунова (такую же, в сущности, несчастную жертву религиозного мракобесия), ни впадать в «арианскую» (ставя знак равенства между православными большевиками, высшей властью и всеми ветвями госбюрократии), или «монофизитскую» (чрезмерно преувеличивая связь Шевкунова с Путиным) ересь. И когда сегодня кричат о «лубянском архимандрите — лидере православных фашистов, духовнике лубянского президента», — звучит это, конечно, эффектно, но не думаю, что стоит больше инвектив самого отца Тихона в сторону «проклятого Запада».

Легендарная близость Тихона Шевкунова к Путину связана скорее с историей примирения с РПЦЗ, чем с его апокрифическим духовничеством.

Отсюда, мне думается, и «растут ноги» этой истории. Успех примирения (в котором ключевую роль сыграл Путин, а ответственным от РПЦ и был Тихон Шевкунов) не мог не окрылить отца архимандрита. За сим последовала удача первого (снятого еще студентом ВГИКа) фильма о Псково-Печерском монастыре (действительно удачного, как всякая непосредственная, искренняя вещь). И вот, осознав себя (как это свойственно нашим консерваторам) спасителем отечества (уже, к тому же, вписавшим свое имя золотыми буквами в анналы истории), да еще и выдающимся режиссером в придачу, о. Тихон и сотворил сие «чудо», вложив в него всю неспокойную силу своей немирной души. И никакого «заказа с Лубянки» для этого не требовалось. Просто, Божьим промыслом, ему дана была возможность высказаться, и он ею воспользовался. Этим его фильм, в первую очередь, и интересен: как сама *живая история*, и *самая честная* манифестация самоупоенной консервативной души на самом пике ее космической эйфории.

Призрак бродит по Европе...

Какие же уроки из всей этой истории можно извлечь? С одной стороны, знаменательно, что вызов тоталитаризма получил достойный отпор. С другой, поучительно было наблюдать, как, залюбовавшись красотой своих крыл, отец Тихон рухнул со своих сияющих высот, умудрившись не только дискредитировать себя в глазах всего общества, но и здорово подставить Церковь и власть. (Раздражение высших сфер чувствовалось и в оправданиях митрополита Кирилла, да и Путин после всей этой истории постарается, скорее всего, максимально дистанцироваться от скандального архимандрита.)

Что же сказать о других «православных фашистах»? Кто это? Полуповрежденный Михаил Леонтьев? Старообрядческий постмодернист Александр Дугин с армией ботаников-отморозков?

С другой стороны, очевидно плачевное состояние нашей «неофитствующей» Церкви, где подобные идеи и люди пользуются, прямо скажем, бешеной популярностью, и при этом — все нарастающая симпатия государственной и священной бюрократии (особенно заметная на уровне местных баронов и епископов), — именно здесь создается то поле, в котором эти идеи могут получить влияние и где, под молчаливым золотым покровом, этот «большевистский нарыв» (зилоты во главе с епископом Диомидом, напряжение раскола, зреющего сегодня по монастырям) может вызреть и привести к взрыву.

Но нужно ли все это самой власти? Нужны ли ей эта сакрализация бюрократии при нарастающей изо дня в день коррупции и эти неуравновешенные личности, получающие влияние в обществе? Путин с Медведевым производят впечатление трезвых прагматиков, и можно надеяться, что здравого смысла у них окажется все-таки больше, чем у наших «православнутых гуру». Другое дело, что справиться с бюрократией не удалось ни Петру, ни Екатерине, вряд ли удастся и Путину с Медведевым даже при всем их искреннем желании. Для того, чтобы этого левиафана потревожить, необходим всеобщий антикоррупционный «крестовый поход» всех более-менее здоровых сил общества. Но можно ли развязать такой поход без хотя бы ми-

нимального доверия между властью и всеми противоборствующими в обществе лагерями?

И пока, увы, наша реальность все еще слишком пугающе напоминает реальность начала прошлого века: отчуждение интеллигенции от власти, власти — от народа, народа — от элиты, и все это в пространстве, сверху донизу пропитанном самыми невероятными мифами. В 1917-м в такой ситуации большевики могли вливать в уши народа все, что угодно, и их жадно слушали. И тогда Николай (тоже, конечно, царь, далекий от идеала, но все же не Ленин–Сталин) мог опереться только на высшую государственную и духовную бюрократию, которые благополучно и предали его в феврале 1917-го.

Правда, сегодня, в отличие от 1917-го, Путина с Медведевым поддерживает немалая часть народа. Но если завтра левиафан бюрократии окончательно заслонит от народа наших «царей» и это доверие рухнет, все может обрушиться так же быстро, как это случилось в начале и конце XX века. И ведь, по большому счету, других бездн, в которые мы могли бы сегодня упасть, кроме вынашиваемого в чреве византизма «ЧК во имя Христа» и «Дня Опричника», у нас не осталось...

И вот еще что. Не вина только власти, что в надежде найти себе нравственную опору, она пытается опереться на камень Церкви, а попадает в бюрократическое болото со скрытыми под его зеленой ряской темными трясинами большевизма. Уходя в глухую оппозицию, либералы сами же и вынуждают ее опираться на всевозможных «зилотов», всячески демонстрирующих ей свою преданность и лояльность. Русский человек любит впадать если не в мечтательность, то в истерику, зло же крадется тихо. И пока консервативным мифам о «проклятом Западе» будут противостоять только мифы о «православных фашистах», власть будет заниматься лишь поддержанием собственного имиджа, а общество на все это индифферентно взирать пустыми на выкате глазами, левиафан бюрократии будет только набирать силу.

В неофитствующем Дмитрии Медведеве (в кабинете которого висит, говорят, портрет Николая II) мне, при всем желании, трудно увидеть тирана, а вот встающие за ним исторические параллели просматриваются до мурашек по коже. Но даже если фильм Тихона Шевкунова действительно провозгласил пришествие нового призрака большевизма на равнины Евразии, — это лишь первый далекий раскат грома. И видимо, Господь Бог с вящей помощью отца архимандрита дает нам возможность все это услышать и осознать. Для того, вероятно, чтобы помочь нам придти в сознание и начать строить нормальное, свободное, демократичное, милосердное, христианское общество (лучшие изменения, как говорил Пушкин, происходят от простого улучшения нравов). Но если сегодня этим урокам не внять, повторения истории можно и не избежать.

Postscriptum

Сто пятьдесят лет назад славянофильствующий поэт Николай Языков, находясь уже при смерти, вдруг, восстав со своего одра, обрушил на тогдашних западников (*оплот ученья школы богомерзкой*) гневное поэтическое обличение под многозначительным названием «К не нашим»:

вы все — не русский вы народ...
Умолкнет ваша злость пустая,
замрет проклятый ваш язык.

Прокляв, в гроб сходя, всех западников поименно и призвав к войне и мщению, поэт отошел в долину сени смертной, а его антиода возымела немалые последствия. Между двумя лагерями, до сих пор споривших в одних гостиных, прошла роковая трещина, которая с тех пор только росла и ширилась, пока в феврале–октябре 1917-го в нее не рухнула вся Россия...

Тот ли самый бес, что потянул некогда за язык отчаявшегося в виду приближающейся смерти поэта, попутал архимандрита Тихона Шевкунова средствами «важнейшего из искусств» (*слепым страстям безбожно вторя, вливая ненависть в сердца*) развязать меха Эола и выпустить роковые ветра вражды, — нам не ведомо. Но то, что его сюрреалистические изыскания из жизни марсианской Византии пожали бурю не меньшую, чем знаменитая славянофильская инвектива, очевидно.

Скандальный фильм оказался, однако, не единственной манифестацией консервативного сознания. Видимо, чрезмерно напуганные грядущей либерализацией в лице заступающего на царство Дмитрия Медведева, консерваторы дружно испустили воинственный клич. Православные журналисты с Сергеем Мироновым во главе развернули знамена похода за нравственность на ТВ. Самые продвинутые заговорили о насущной необходимости введения цензуры. А известный телеведущий и издатель Михаил Леонтьев, комментируя в программе М. Ганапольского в эфире «Эха Москвы» выступление Владимира Путина на Госсовете, выдвинул манифест — не манифест, нечто вроде апрельских тезисов, суть которых звучала так: *России нужно не ковыряться в носу, а готовиться к войне.*

Этому крайне любопытному выступлению, красноречиво дополняющему мессидж фильма Тихона Шевкунова, мы и решили посвятить отдельный очерк, поместив его в качестве постскриптума к этой статье.

Итак, чем же обосновывал свой основной тезис популярный телеведущий? Экономика США терпит крах, — говорил Михаил Леонтьев, — а раз так, Америка непременно начнет замещать свое слабеющее экономическое влияние возрастающим силовым. Но та малахольная «либеральная демократия», которую построили нам Путин с Медведевым, справиться с этим вызовом будет не в состоянии, ибо помочь нам сможет только авторитаризм.

Разницу между добром и злом (т. е. между авторитаризмом и демократией) Михаил Владимирович пояснял с помощью нетривиальных парадоксов, вроде: *демократия — это имитация участия народа в управлении своей судьбой, а авторитаризм — это имитация неучастия народа в управлении своей судьбой,* — или: *Обама мне нравится. Поэтому я, конечно, хотел бы, чтобы президентом Америки стал Маккейн. Потому что я эту страну не люблю. Маккейн идеальный президент для России... который всякие иллюзии по поводу возможности партнерства с нами уничтожит на корню, и возникнет красивая здоровая ясность. Ничего лучшего.*

Что сказать на это? С одной стороны, логика во всем этом есть, и можно только дивиться тому, насколько сегодняшняя реальность напоминает ту,

что сложилась в мире к началу XX века, когда мировая борьба за передел сфер влияния вылилась, в конце концов, в полномасштабную мировую войну. Как слабая в своем подростковом капитализме Россия, защищая маленькую Сербию, вступила в нее, и чем все это для нее кончилось...

С другой стороны, наличие логики само по себе еще ни о чем не говорит. Своя логика есть и у маньяка, и шизофренический бред, как известно, бывает весьма последовательным. В конце концов, достоинство всякой логики поверяется уровнем ее критичности к самой себе. Смотрим дальше.

Вот, Михаил Владимирович критикует «зашедшую в тупик» западноевропейскую демократию, не способную, по его мнению, *реально транслировать никакие обратные связи*, а способную только *зомбировать огромное количество людей, насаждать рыночным рекламным путем определенную политическую мифологию* и *манипулировать сознанием масс.*

Но позвольте, оборотясь от болезней западных демократий к сугубо положительному фильму Тихона Шевкунова, что мы видим? Вот именно — пропагандистский продукт, призванный *зомбировать огромное количество людей,* насаждая *определенную политическую мифологию и манипулируя сознанием масс.*

Далее, на предложение Владимира Путина о необходимости всенародного обсуждения настоящего и будущего страны Михаил Владимирович откликается следующей сентенцией: *Всенародного обсуждения не бывает в природе. Потому что 99% людей не обладают достаточной квалификацией... Широкое обсуждение в обществе вопросов развития страны* кажется Михаилу Владимировичу даже *не вполне адекватным*, даже на ТВ. Ведь в телевизоре говорить о проблемах бытия просто не с кем, *ребята, не с кем. Надо разговаривать с людьми, с которыми у вас есть общий язык. Категории определенны...* Ага, понятно, т. е. на своем языке и своем ресурсе...

Отказав 99% народа (той пресловутой народности, на которую молились в свое время славянофилы) в способности рассуждать, Михаил Владимирович, следом, в необходимости говорить правду отказывает и президенту: *Путин никому собственно не обещался говорить правду на самом деле... Он должен говорить то, что он считает целесообразным. Если он считает целесообразным не говорить правду, значит...*

Кому же все-таки говорить правду можно? Снисходительно похвалив Ульянова-Ленина, который при всем своем *«убожестве и скотстве»* все же имел ум заметить, что *пролетариат сам идеологию вырабатывать не способен. Нет у пролетариата такой способности,* Михаил Владимирович замечает, что способностью обсуждать *проблемы бытия, вырабатывать идеологию и нести ее в массы* в полной мере обладает *узкая компетентная группа интеллектуалов.* Что за компетентная группа такая, уж не мировая ли закулиса? Этого Михаил Владимирович не уточняет, единственное, что он знает твердо, что *в так называемой либеральной среде людей, способных разговаривать в этих форматах, практически нет. Один с половиной.*

Итак, подведем итоги: правитель не должен говорить народу правду, народ не должен участвовать в обсуждении собственного бытия, а все, что ему нужно, в доступной для него форме должно быть спущено ему некоей «компетентной группой».

Обрисовав основы идеального государства будущего, Михаил Владимирович переходит к методологии. Являясь *ярым сторонником жесткого контроля над пропагандой,* он резко возражает против запрета на *интеллектуальную деятельность. Например, есть списки запрещенной литературы. Я бы яйца оторвал людям, которые придумали их составлять. Самая читающая нация в мире уже давно ничего не читает. И не надо делать этого.* (Последнюю мысль я, честно говоря, не до конца разобрал: что не надо делать — запрещать книги или их читать? То, что яйца будут отрывать в любом случае, более-менее ясно...)

Отвлечемся на минуту. Есть у Александра Герцена замечательное воспоминание о том, как однажды Константин Аксаков, *один из нежнейших по голосу славянофилов, человек красного православия*, на обеде, посвященном заезжему панслависту Гаю, разгоряченный тостами *за разных великих босняков, чехов и словаков*, сымпровизировал стихи, в которых были следующие бескомпромиссные строки: *«упьюся я кровью мадьяров и немцев»*. На присутствующих стихи произвели неоднозначное впечатление, и за столом воцарилось гробовое молчание. Спас кровожадного певца остроумный приятель, схвативший со стола десертный ножик и предложивший тотчас сбегать вниз и, не откладывая, прирезать знакомого ему настройщика-немца. Гром смеха разрядил поднимающееся негодование.

Вот и я (возвращаясь к нашей реальности) хотя отчасти и готов разделить негодование Михаила Владимировича («контроль над пропагандой» — звучит, во всяком случае, совсем не плохо), все же не могу целиком разделить его нехристианских методов.

Ведь если от соблазна перерезать несчастных мадьяр Константина Аксакова удержали в свое время его более благоразумные друзья, то скрежет зубовный Николая Языкова расколол русскую мысль уже безвозвратно, а рык Константина Леонтьева «*возненавидеть, а не возлюбить!*» в сторону пушкинского всечеловека сделал для дела русской революции едва ли не больше, чем заклинания всех ее «буревестников». Да и сегодня, если за всякое необдуманное слово, чуть что, отрывать людям яйца, что же будет с родиной и с нами? Что останется от сбережения народа и демографической политики партии? Хор (все в белом) придворных евнухов, на манер Византии?

Не знаю, помнит ли Михаил Владимирович (находящийся, по-видимому, под сильным обаянием идей своего именитого тезки: мир в виде арестантских рот для исправления заблудших душ; политика и мораль — две вещи несовместные; даже в убийстве есть своя эстетическая прелесть), насколько успешно мечты гения византизма воплотил вскоре бывший семинарист, на 30 лет подморозивший Россию в Колымских лагерях? Во всяком случает три его принципа идеального государства (антинародность, имморализм и автократия), помноженные на византийские грезы Тихона Шевкунова, дают вполне развернутое представление о чаемом нашими консерваторами тысячелетнем царстве абсолютного добра.

Что же до демократии, то вещь это, конечно, не идеальная (никто нам идеала на земле и не обещал), зато адекватная времени.

Один из самых популярных мифов наших консерваторов звучит так: «*Демократия в аду, а на небе царство*». Формулу эту приписывают Иоанну Кронштадтскому, но если даже наш замечательный святой и сказал в сердцах нечто подобное, он, очевидно, ошибся: в аду — тоже царство, только перевернутое. Царство — на небе, и царство — в аду, на земле же — демократия как вещь сугубо земная и простая, как сельская местность. Такая же земная и скучная, как государство или как линия горизонта.

Конечно, для русского сердца, любящего широкий размах, демократия — вещь чрезвычайно скучная. Мы для нее — слишком творческий и одаренный народ (*широк русский человек — не мешало бы сузить*, — как шутил Достоевский), отчего и падаем поминутно в свои творческие бездны. Нам внятно всё, и единственно, чего нам по-настоящему недостает в жизни, — трезвой рациональной логики.

И вот в качестве такой аскетической практики, призванной научить наше насквозь мифологическое сознание трезвости, самоограничению и, — не побоюсь этого слова, — смирению, нам и нужна демократия. В отличие от диктатуры, демократия способна оценивать себя критично, она есть школа жизни по простым и понятным для всех законам. Она есть попытка найти простые правила игры, с которыми согласятся все. И если она сама не превращается в идола (как это происходит зачастую в очень религиозной Америке), она может стать замечательным средством для того, чтобы протрезветь и найти самих себя.

Что такое хорошее государство? Это когда магазин внизу работает, когда на свою зарплату ты способен прокормить семью, а твои дети получить нормальное образование. Хорошее государство — то, которое не претендует на нечто большее, чем оно есть по своей природе; которое смиренно следит за тем, чтобы люди на его территории не вымирали и справедливость более-менее торжествовала; которое оставляет свободу — твоей совести и выбору твоего духа и не лезет поминутно в твою личную жизнь...

Духовность и национальная идея — вещи в высшей степени значимые. Но осуществлять и вести их должно не государство, — слишком земное по самой своей природе, — а культура и Церковь. Но по-настоящему способны на это они будут, только будучи свободны и независимы от государства. Просто потому что совесть не может зависеть от потребностей тела, потому что *когда бы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...*

Независимость не значит, что государству, культуре и Церкви наплевать друг на друга. Это значит лишь, что не их отношения становятся определяющими. Центром и местом встречи государства, культуры и Церкви должен стать *человек*, каждый отдельный человек (как это, кстати, и записано в нашей Конституции). Ибо главным смыслом их существования и является человек. И государство оживет только при наличии человека, и культура осуществляется только в присутствии человека, и Церковь является только в свободном человеческом духе и истине. И лишь в этой «точке сборки» они могут встретиться, актуализироваться, превратиться из абстракции в реальность. Лишь здесь, в человеке и его свободном выборе, возможны *со-бытие* и сама жизнь... Возможно осуществление христианства. Вот что было бы полезно

переварить и уяснить сегодня нашим консерваторам, чтобы снова стать адекватными времени и самим себе.

Кстати, в свое время европейские демократии совсем неплохо проявили себя в войне с фашизмом, что признал даже такой последовательный критик Запада, как Иван Ильин. Да и христианства, при всех своих минусах, в потенциале демократия содержит все же больше, чем все консервативные идеологии вместе взятые. Потому хотя бы, что уважает человеческую свободу. А ведь и Христос в свое время поставил человека и его свободу выше любых идеологий и государственных интересов, за что и был распят современными Ему консерваторами, патриотами и первосвященниками. Вспоминать об этом не очень приятно, зато полезно. А о том, насколько миру полезнее развиваться, нежели консервироваться, молча свидетельствуют руины византийской, российской и советской империй.

И не нужно так уж панически бояться «чуждых влияний». В конце концов, всю нашу более-менее сознательную историю мы брали чужие формы и наполняли их собственным содержанием. Достаточно вспомнить Андрея Рублева, создавшего в преображении византийского опыта чудо «Троицы», и Пушкина, впитавшего культурный миф Запада и родившего в его обновлении великую русскую литературу. И академик Дмитрий Лихачев не случайно называл Петербург самым русским городом в России и самым европейским в Европе. И вовсе не дело это партийных идеологов вести народ к туманным свершениям. Выбирать пути — дело культуры и самого народа, свободно преодолевающих в своих ошибках и падениях все соблазны. И вместо того, чтобы ради «спасения родины» отнимать у народа его свободу, не лучше ли дать ему возможность в этой свободе задышать полной грудью, не страшась его инициативы и доверяя его чутью? Как говорил тот же Иван Ильин, *не мешайте петь соловью, и он поведает своей песней последние тайны природы.*

СОВСЕМ ПРО ДРУГОЕ

Вначале я было подумала, что рецензию на этот фильм должен писать кто-то из профессиональных византинистов. Но эта мысль совершенно неуместна. О Византии, которую изучают византинисты, в этом фильме речь не идет. Речь идет: о стабилизационном фонде, о вертикали власти, об институте преемника, о внутреннем враге — мятежных олигархах и западнической интеллигенции, о государственной идеологии, о национальном вопросе, о модернизации, о призывной и профессиональной армии, о демографическом кризисе... Все это — цитаты из речи автора сценария и ведущего фильма, архимандрита Тихона. Все эти удивительные для византинистов (да и для иноков: во всяком случае, как мы о них привыкли думать) слова и соединения слов о. Тихон произносит то на скалистом морском берегу, то на крыше римского Сан-Пьетро, то в виду Колизея, то на венецианских, то на стамбульских улицах. Он произносит их, входя в разнообразные интерьеры и выходя из них, прохаживаясь по террасам разных городов и сидя за столом в трапезной. Он ходит, ходит, ходит и говорит. Семьдесят одну минуту. Он говорит таким знакомым голосом... Он смотрит на зрителя такими знакомыми глазами... И слова эти так нам знакомы...

Незнакомы они историкам Византии. Ни одно из этих политических понятий к исторической реальности Византии — любого из веков ее существования — не может иметь отношения. Не было там ни вертикали власти, ни стабилизационного фонда, ни государственной идеологии... и мятежных олигархов не было, и интеллигенции, которая злостно не заводит семей (и еще бы: каким образом иноки, составлявшие по преимуществу интеллектуальный слой Византии, могли способствовать росту населения?), и модернизации... Дело не в Византии. Кому в самом деле интересна Византия, тот может узнать о ней из других источников, — например, прочитать великую книгу С. С. Аверинцева, названную по обстоятельствам времени «Поэтикой ранневизантийской литературы», но говорящую о куда более обширных вещах, чем поэтика. Кому интересно то, что архимандрит Тихон называет государственной идеологией Византии, тот может прочитать тома «Добротолюбия», патристику, агиографию, гимнологию... Кому интересны политика и экономика Византии, тоже может найти, что прочитать.

А этот фильм — не о Византии, и ни с чем византийским его сравнивать не стоит. Фрески, мозаики, миниатюры византийских рукописей, на фоне

Ольга СЕДАКОВА — родилась в 1949 г. в Москве. Окончила Филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Кандидат филологических наук, поэт, автор многих книг, в том числе собрания сочинений в 2-х томах и книги избранного «Путешествие волхвов». Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

которых произносятся слова о стабилизационном фонде, делу не помогают. Если такая идея православной Византии и относится к своему предмету, то только так, как идея «римского величия» Муссолини относилась к реальности исторического Рима. Нет, меньше. Дуче все-таки каким-то вкусом обладал и образец для подражания выбрал более подходящий. Он возрождал дохристианскую, языческую Римскую Империю, и поэтому несообразность его идеологии ни с ветхозаветным Декалогом, ни с Заповедями блаженств вопросов не вызывала. Это совершенно не противоречило в его случае (как и в случае его германского коллеги) идее противостоять западной цивилизации как аморальной и растленной. С «моралью» в этих идеологиях было все в порядке.

Итак, фильм этот не о Византии. Это просто политическая инструкция. Смысл ее прост, как и должно быть в инструкциях: бдительность к проискам Запада, который не может не ненавидеть всего, что связано с Византией (нас, то есть), преданность государству и его идеологии, укрепление оборонной мощи и вертикали власти. Задачи на ближайшее будущее: не производить никаких модернизаций, не превращать призывную армию в профессиональную, не заключать никаких договоров с католиками: ведь именно уния с Римом погубила жизненную силу византийского народа, как повествуется в фильме; туркам после этого уже ничего не стоило захватить духовно поверженную Империю (интересно, что мусульманский Восток, который и расправился с Византией, не представляет в рассуждениях ведущего такой опасности, как Запад, а ведь и таким мог бы быть урок Византии: осторожнее с Востоком!). Итак, инструкции предложены. Все понятно. Непонятно только, почему с этой программой выступает православный архимандрит. Почему он, а не, как бывало, «труженик идеологического фронта», глядит *такими* глазами, говорит *таким* голосом и пользуется *такой* лексикой. Неужели только потому, что Джугашвили был семинаристом и знал, у кого учиться истории (опять цитата из фильма)?

Фильм этот не кажется мне страшным по одной простой причине. В нем ни разу не прозвучало имя Господа нашего Иисуса Христа. В нем не прозвучало ни одного стиха из Евангелия. Ни одного слова православных подвижников. Ни одного святоотеческого слова. Единственная цитата из Св. Писания, ветхозаветный стих (Втор 30:19) о выборе между жизнью и смертью, не слишком-то связана со всем этим контекстом: каждый, кто имеет самое отдаленное представление о Заповедях, знает, что речь здесь идет о грехе и праведности, и «жизнь», которую Господь обещает тем, кто сохранит Его Заповеди, никак не зависит от преданности государственным структурам и бывшим семинаристам (ибо среди десяти заповедей такой, как известно, нет). Вот эти — удивительные для речи духовного лица — пропуски утешают. По-настоящему было бы страшно, если бы имя Христово могло звучать рядом с Джугашвили. А поскольку ведущий сделать такого соединения не может, значит, не все еще пропало.

Татьяна СОТНИКОВА

ПИСАТЕЛЬ ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА

Жизнь и литература от Владимира Соловьева

1. «Не тот Шиллер»

«Перед ним сидел Шиллер, — не тот Шиллер, который написал "Вильгельма Телля" и "Историю Тридцатилетней войны", но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице».

Именно эту историю из гоголевского «Невского проспекта» вспомнила одна интеллигентная дама, которую пригласили однажды на гламурное мероприятие. Что такое гламур, дама по своему старомодному интеллигентскому неведению не знала, а мероприятие проходило в помещении почтенного музея, и она решила пойти. Пока гости фланировали по залу с аперитивом, непьющую даму (а человек она очень уважаемый, и поэтому ей уделяли особое внимание) опекала одна из устроительниц.

— А сейчас, — радостно объявила та, — я познакомлю вас с матерью Владимира Соловьева!

Интеллигентная особа остолбенела. Испугавшись, что, постоянно существуя в своем замкнутом книжном мире русской классики, уж не тронулась ли она немного умом, она принялась лихорадочно соображать, в каком году умер великий русский философ Владимир Соловьев и как такое может быть, чтобы приятная пожилая женщина, с которой ее знакомят, оказалась его матерью.

Недоразумение, разумеется, очень быстро разъяснилось: дама сообразила, что речь идет, конечно, не о том гениальном Владимире Соловьеве, который написал «Три разговора», а о каком-то совсем другом, современном Владимире Соловьеве. Будучи совершенно выключенной из нынешнего телевизионного пространства, которому она очень мало доверяла, наша дама, увы, просто не знала, что ее знакомят с матерью того широко известного Владимира Соловьева, которого вся страна минимум два раза в неделю (а

Татьяна СОТНИКОВА — родилась в 1963 г. в Минске. Окончила Факультет журналистики Белорусского государственного университета и аспирантуру Литературного института. Кандидат филологических наук, доцент Литературного института. Автор двенадцати романов (под псевдонимом Анна Берсенева) и многих статей по современной русской литературе в энциклопедических и периодических изданиях. Живет в Москве.

во время различных предвыборных кампаний и чаще) видит по телевизору, а также регулярно слышит по радио. Впрочем, нашу интеллигентную даму вполне может оправдать то обстоятельство, что если бы она задала вопрос о том, кто такой Владимир Соловьев, не своим непомерно образованным ровесникам, а людям более активного возраста, из десяти опрошенных про великого русского философа вспомнил бы, наверное, разве лишь кто-то один. В самом лучшем случае. Остальные твердо знают, что Владимир Соловьев — популярная и знаковая телевизионная личность нашего времени.

Впрочем, этот известный Владимир Соловьев тоже написал много книжек, и если в его телепрограммах принимает участие кто-либо из пишущих людей, он комментирует его высказывания словами: «Мы, писатели...» И верно — он действительно известный современный писатель, и эта сторона его разнообразной деятельности, похоже, особенно ему дорога, раз так часто он напоминает: «Мы, писатели...»

Вот об этом писателе (и не только писателе) и пойдет у нас сегодня речь.

Начнем с того, что это явление, конечно же, безусловно знаковое — кого современники считают писателем. А в том, что Владимир Соловьев проходит у публики по разряду не беллетристики, не публицистики, а вот именно большой литературы, нетрудно убедиться, прочитав аннотацию к его роману «Апокалипсис от Владимира»: «Увлекательный библейский сюжет, тонкий юмор, узнаваемость персонажей и неожиданный финал делают книгу Владимира Соловьева одним из лучших философских романов последних лет».

Вот так вот.

Об «увлекательном библейском сюжете» и «узнаваемых персонажах» из этого сюжета — отдельный разговор. Пока же заметим: Владимир Соловьев — автор едва ли не лучшего современного романа. Причем романа философского.

Понятно, что аннотация — жанр издательский, и цель ее прагматична: заставить читателя купить книгу. Но ведь и тенденция в позиционировании автора тоже показательна...

Что ж, писатель, значит, писатель. В таком случае его произведения могут и должны быть рассматриваемы согласно критериям художественной прозы. Во всяком случае, два из них — романы «Евангелие от Соловьева» и «Апокалипсис от Владимира».

Посмотрим же на этот мир прозы.

2. Мир прозы

Собственно, это не отдельные книги, а две части одного романа. Возможно, издатели просто выхватывали все написанное буквально из-под пера у автора и, дожидаясь новой порции текста, поскорее выпускали уже написанную часть. Почему бы и нет? Точно такая история происходила ведь когда-то и с романом «Война и мир» Льва Толстого. Не говоря уж почти о всех романах Достоевского. Просто другие времена — другие бестселлеры.

Словом, так или иначе, а перед нами в обоих романах этой «библии от Соловьева» действительно один и тот же сюжет, который развивается последовательно и завершается лишь в конце второй книги.

Суть его такова.

Московский тележурналист Владимир Соловьев («честолюбивый и правдивый», как назван он в предисловии к книге), будучи в командировке в США, знакомится с молодым человеком по имени Даниил. Выясняется, что Даниил этот — плод генетических экспериментов, которые за некоторое время до его рождения производил КГБ с Туринской плащаницей. В результате этих экспериментов советская еврейка родила сына, с которым уехала из СССР, после чего следы ее затерялись. Вот с этим-то повзрослевшим сыном и встречается Владимир Соловьев. И, встретившись, узнает, что стал свидетелем второго пришествия Спасителя, в миру — Даниила, американца советско-еврейского происхождения. Более того, герой узнает, что он, тележурналист Соловьев, избран апостолом, задачей которого является подготовка Страшного Суда. Партнером же Владимира Соловьева по апостольскому служению Даниил назначает Билла Гейтса. Особая отмеченность Соловьева и Гейтса выражается в неожиданном проявлении у них различных сверхъестественных способностей: читать мысли, мгновенно перемещаться в пространстве, в любую минуту находить у себя в карманах любое количество денег и тому подобное по мере необходимости — практически без ограничений. Способности, что и говорить, приятные. Такой же приятной оказывается и миссия Владимира Соловьева по разделению человечества на «чистых» и «нечистых», дающая ему неограниченную власть над людьми.

Естественно, о новоявленном апостоле мгновенно узнают отечественные спецслужбы. Сильные мира сего — могущественные руководители президентской администрации (к моменту написания романа это Волошин и Сурков) — ищут его внимания и снисходительности, как все равно какие-нибудь жалкие олигархи. Президент Путин тоже правильно оценивает перспективы Владимира Соловьева. Разумеется, президент заботится лишь о благе родины, а потому оговаривает с апостолом предоставление России различных преимуществ в ходе Страшного Суда. Не остается в стороне и папа римский (еще Иоанн Павел II): он дает аудиенцию Даниилу со апостол и признает, что второе пришествие действительно произошло, после чего отходит в мир иной.

Признание Даниила в качестве бога всем человечеством должно состояться в ходе телевизионного ток-шоу, прямую трансляцию которого на весь мир Соловьев и Гейтс готовят с помощью Теда Тернера. Тот не зря считается высоким профессионалом: шоу получается грандиозное, человечество убеждено, что Спаситель явился, и готовится к Страшному Суду. Лишь старики Енох и Илия считают Даниила не Христом, а Антихристом.

Так в «увлекательном библейском сюжете» появляется новый библейский виток. Если читатель романа Владимира Соловьева заглянет в Библию, он, конечно же, найдет там и Еноха и Илию. Однако заглядывать в Библию ему вовсе не обязательно: Владимир Соловьев и сам вкратце расскажет ему об этих ветхозаветных пророках. Удобно! Причем можно не сомневаться: немалое число читателей узнает об этих персонажах и событиях именно из книги Владимира Соловьева — и узнает о них именно то и так, что и как посчитает нужным сообщить о них Владимир Соловьев. Точно так же, как, например, немалое число зрителей узнало, вероятно, о Евгении

Онегине только из одноименного японского мультфильма. В мультфильме у Онегина красные волосы, а в книге Соловьева Енох работает таксистом.

Но ведь без этого увлекательного оживляжа кто стал бы читать про них в двадцать первом веке?

Но вернемся к сюжету этого «одного из лучших философских романов последних лет». Мы подходим, наконец, к тому вожделенному моменту, когда Владимир Соловьев начинает судить, наконец, человечество в лице тех его представителей, которые попадаются под его апостольскую руку. Первыми среди них, естественно, оказываются братья по профессии, журналисты. Их Владимир Соловьев попросту испепеляет дотла, чтоб неповадно было задавать ему неудобные вопросы. Правда, на некоторое время ему становится как-то не по себе: все-таки живые люди были, семьи у них остались, а Соловьев сам любящий сын и отец... Но очень скоро совесть его успокаивается. О чем переживать? Ведь скоро Страшный Суд, а там, как известно из Апокалипсиса, не будет разделения на живых и мертвых, все будут судимы одинаково. Так отчего бы и не отплатить коллегам, не любившим журналиста Владимира Соловьева и почем зря критиковавшим его, когда он еще не был апостолом, — в частности, за поверхностность суждений и за тщеславие, проявлявшееся в том, что он искал расположения сильных мира сего и виртуозно восхвалял их в востребованных ими формах?

В общем, сделавшись апостолом, Владимир Соловьев осуществляет многие свои скрытые мечты, считая, что имеет на это право, потому что «сила обернулась могуществом», то есть до-апостольские черты его характера получили полное и справедливое воплощение.

Билл Гейтс у себя в Америке тоже не церемонится с врагами. Не отстает от своих апостолов и сам Даниил: его гнев вызвали китайцы, и вот уже эта проблемная часть человечества стерта с лица Земли в точном соответствии со сценарием, изложенным в Откровении Иоанна. (еще одна завитушка «увлекательного библейского сюжета»)

Впрочем, что до увлекательности, то в этом автору, конечно, не откажешь. Сюжет развивается динамично, со множеством броских подробностей, частью вымышленных, а частью, — например, о кремлевских нравах, — взятых из жизни. Так что если бы задачей автора было только одно — увлечь читателя, можно было бы с уверенностью сказать, что со своей задачей он вполне справился. Правда, в глазах верующего человека справился кощунственным способом, сделав библейских персонажей, в том числе и Христа, объектами своих беллетристических упражнений. Но кто сказал, что все читатели обязаны быть верующими людьми?

Дело, однако, в том, что созданием увлекательного сюжета автор свою задачу вовсе, конечно же, не ограничивал. Это же Евангелие от Владимира Соловьева! То есть благая от него весть! Отказаться от высокой миссии наставить читателя на путь истинный? Да никогда. Роман, можно сказать, просто переполнен разного рода сентенциями о смысле жизни, рассуждениями о том, что есть черное, а что белое, как правильно себя вести и как неправильно...

Но вот тут-то, читая все эти рассуждения, как раз и начинаешь понимать, что делает Владимира Соловьева (настоящего, не книжного) одним из самых востребованных современных журналистов.

Владимир Соловьев, надо отдать ему должное, прекрасно умеет улавливать тенденцию усредненных представлений о жизни, свойственных нашим современникам, и закреплять ее в броских формулах. Причем делает это так, что абсолютная банальность начинает восприниматься его читателем и зрителем, не искушенным в отвлеченных размышлениях (а таких большинство), как личное открытие, — и открытие глубокое.

Вот, скажем, перед нами рассуждения Владимира Соловьева (романного), который собирается по-апостольски наказать олигархов: «Меня еще в журналистские годы восхищал предложенный олигархами алгоритм. Судить их за недостойное поведение в те лихие годы было нельзя, так как вся страна трещала по швам и каждый суетился как мог. <...> Ну, а когда в рамках традиционной морали им становится тесно, поскольку эго их уже перерастает размер государственных должностей, политических деятелей и даже целых партий, новые русские вдруг осознают, что их богатство — отметка о богоизбранности. Не больше и не меньше. А значит, они угодны Богу, и все, что с ними происходило, не случайно. Это их вел Всевышний! Так что критиковать их никто не смеет: они на прямой линии с Творцом. Но только вот, дружочки мои, одна неувязочка вышла. Деньги эти были для вас испытанием, и вы его не прошли. Был у вас шанс сделать страну и жизнь ее граждан лучше, справедливей, и как вы распорядились этой возможностью?»

Прочитает такое «нормальный» нынешний читатель, и ведь вряд ли не восхитится: разве не правда-матка?! Молодец мужик! Не он один так же про сволочей богатых думает!..

Или такое вот утверждение романного Соловьева: «Ум, сила и власть всегда сексуальны». И верно ведь: как только вы начальником заделались, разве не стали на вас бабы совсем по-другому смотреть? Молодец этот Соловьев, правильно про жизнь понимает.

Публика, как заметил Чехов, любит в искусстве то, что ей самой известно. Поэтому было бы странно, если бы двухтомная «соловьевская библия» не пользовалась успехом. Динамичный сюжет, набор броских пошлостей, развязный разговорный слог — что еще нужно, чтобы «легко читалось»?

А что, разве книги пишутся для чего-то другого? — спросит едва ли не бóльшая часть читателей. Будьте проще, и люди и к вам потянутся...

Найдутся, конечно, читатели, у которых самоуверенность, самовлюбленность и прочие подобные качества романного Владимира Соловьева, которые были присущи ему еще в журналистский период и в полной мере проявились в апостольский, вряд ли вызовут умиление. Весьма вероятно, что верующему человеку книга покажется даже отвратительной, хотя ее автор и утверждает, что она была специально затребована представителями церковного чиновничества и признана допустимой с точки зрения православной морали.

Но ведь у этого автора на любые упреки имеется ответ! Укажут ему, например, что не стоило бы писать о придуманном им Даниле «Он» с большой буквы, так автор тут же на это: я и «Туда» пишу с большой буквы, когда сообщаю, что Владимир Соловьев не мог быть агентом КГБ, потому что Туда полуевреев не брали. Обозначаю заглавной буквой, так сказать, великие явления...

Ну, а о тех, кто все же категорически не пожелает полюбить главного героя, автор тоже подумал. На всякий случай он приготовил эффектный финальный ход: Даниил и в самом деле оказывается ведь Антихристом, как о том и предупреждали Енох с Илией! А значит, все отрицательное, что думал и совершал его апостол Владимир Соловьев, было инициировано именно Антихристом, которому бедняга Владимир Соловьев преданно служил, даже и не подозревая, что служит Антихристу. Так что с него и взятки гладки...

Съели? Так что если кому не понравились какие бы то ни было суждения Соловьева-романного, то предъявлять претензии Соловьеву-реальному бессмысленно: он тут же ответит, что сам думает совершенно иначе, чем его герой.

Но, увы, отказаться от мировоззренческого счета Владимиру Соловьеву-реальному, предусмотрительно отделяющему себя от Владимира Соловьева романного, можно было бы лишь в том случае, если бы книги «Евангелие от Соловьева» и «Апокалипсис от Владимира» были его единственными произведениями. «Художественный вымысел», — что возьмешь (о том, какое отношение все эти увлекательные библейские сюжеты имеют к искусству художественной прозы, судите сами)?

Дело в том, что многие суждения, высказываемые книжным лжеапостолом Владимиром Соловьевым, до странности совпадают с суждениями, которые писатель Владимир Соловьев высказывает лично от себя, комментируя лично от своего имени события самой что ни на есть реальной реальности.

3. Мир общества

Делает он это в книгах, вышедших почти одновременно: «Мы и Они. Краткий курс выживания в России» и «Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории».

Книгу «Мы и Они» можно было бы снабдить эпиграфом: «По всем вопросам бытия обращайтесь к Владимиру Соловьеву!». Одно непонятно: за что автор этой книги так ненавидит свою коллегу Ксению Собчак? Она, дескать, претендует на то, чтобы быть образцом для современников. Да что Вы, Владимир Рудольфович! Ведь она же просто скромная девушка, эта Ксения Собчак! Разъясняет, что надеть и как себя вести, чтобы выйти замуж за миллионера. Дает сугубо практические советы в ограниченной сфере деятельности.

А Вы? Прежде чем читать Вашу книгу, давайте откроем ее оглавление.

«Деньги от Соловьева.
Душа от Соловьева.
Общение от Соловьева.
Бизнес от Соловьева.
Женщины от Соловьева.
Внешность от Соловьева.
Еда от Соловьева.
Социология от Соловьева».

Читатель, не сомневайся! — автор данного руководства страстно жаждет того, чтобы в вашей жизни не осталось ни единого уголка, не освоенного Владимиром Соловьевым! И согласитесь, это ведь очень удобно: не надо осваивать свою жизнь самостоятельно.

Вот, например, деньги. Конечно, вам хочется, чтобы они у вас были. А знаете ли вы, что деньги — «это всегда мерило энергии»? — «Деньги появляются у людей энергичных, неожиданных, парадоксальных и резких». Так что, если у вас денег нет, то это не потому, что вы школьный учитель или врач в провинциальном российском городке, а потому, что вам недостает вышеперечисленных качеств.

«Мы хотим замечательно работать, — пишет Владимир Соловьев. — И мы хотим работать по профессии. А еще мы обязательно хотим, чтобы работа была интересной. Но, увы, это не работа. Это хитрая форма наслаждения собой. Кто вам сказал, что за это вам должны платить деньги? Когда я встречаюсь с бюджетниками, они мне говорят: "Вот учителям платят семь тысяч рублей!" Ну, так вы же работаете за эти семь тысяч рублей?! "А нам нравится наша работа!" Так вам нравится работа, а мы еще за это и платить вам должны? Вы же согласны работать за те копейки, которые вам платят. Вы же ничего не делаете, чтобы изменить эту ситуацию».

У вас голова еще не кружится от этого словесного потока? От учителей Владимир Соловьев плавно переходит к гаишникам, потом к какому-то своему другу-гитаристу, который тоже работает за копейки... Слова завораживающе льются со страниц, точно как льются они из его уст с голубого экрана. Следует и вывод: «Мужчину украшает <...> в конечном итоге, заработал ли он, обеспечил ли свою семью или нет. Наплевать, что ты делаешь. Если ты пришел вечером домой, а там у тебя голодные дети и голодная жена, — ты мерзавец. Неважно, почему. Разгружай вагоны, подвози людей, чини машины. Неважно, какое у тебя образование и кем ты был в предыдущей жизни».

Кто-то еще удивляется, что Владимира Соловьева любит российская власть. Да странно было бы, если бы она его не любила! В самом деле, кто еще так доходчиво и убедительно объяснит тому самому районному школьному учителю или врачу, что в его нищете виновата не власть, а лично он сам? Вместо того чтобы летом глупостями заниматься, детей в поход по родной стране водить, шел бы вагоны разгружать, здоровый же мужик! Или чем непонятные книжки читать, к операциям готовясь, на стройку к какому-нибудь генералу Генштаба чернорабочим нанялся бы.

Ну да не стоит особенно возмущаться. Через десяток-другой страниц Владимир Соловьев сообщит читателям, что работать надо исключительно по призванию. Это в том разделе книжки, в котором речь пойдет уже не о чьей-то, а лично о его работе.

«Теперь я абсолютно счастливый человек! Я выработал для себя формулу успеха и абсолютного счастья, которой следую по сей день: счастлив тот, кто уходит на любимую работу от любимой женщины, а в конце рабочего дня возвращается с любимой работы обратно».

Вообще, эту книгу правильнее было бы назвать не «Мы и Они», а «Я и Они». Потому что разницу между собой и остальным человечеством автор чувствует постоянно. Вот, например, рассказывает Владимир Соловьев о том,

как начинал в 90-е годы свой бизнес — производство аппаратуры для дискотек. И честно сообщает, что при всем желании не мог платить налоги, потому что по тогдашнему законодательству на сто рублей прибыли надо было отдать налогами сто пять рублей. Ему и в голову не приходит, что кто-то может осудить его за такое естественное поведение. Все же помнят, как оно в те годы было! Но вот как только речь заходит не о себе любимом, а о гражданине Ходорковском, позиция Владимира Соловьева резко меняется. Факт неуплаты налогов вызывает жгучую ненависть к этому персонажу. Что вы там про «то время» говорите? В «нефтянке» все было иначе! И подите проверьте, иначе оно было в «нефтянке», чем в производстве аппаратуры для дискотек, или все-таки очень похоже.

Не представляется возможным проверить и другие факты, приводимые Владимиром Соловьевым в доказательство того, что Ходорковский, без сомнений, преступник. Например, он утверждает, что в автомобилях врагов Ходорковского до сих пор находят закладки отравляющих веществ и тяжелых металлов, которые повредили здоровье этих самых врагов. Опровергайте, если можете. Вы ведь не присутствовали при извлечении отравленных закладок. Правда, что-то подсказывает, что и Владимир Соловьев при этом не присутствовал. Есть даже подозрение, что сей факт направленно сообщили ему люди, в профессиональные задачи которых входит распространение компромата на Ходорковского...

Но подозрения эти недоказуемы. А пафос, с которым Владимир Соловьев излагает такого рода «факты», имеет такой накал, что неискушенному человеку трудно ему не поверить.

Трудно, а главное, лень. Чтобы не верить Владимиру Соловьеву, надо думать самому. А это слишком утомительно. Пришлось бы, например, читать бог знает сколько томов скучного Достоевского или разбираться в психологических хитросплетениях фрейдизма. А Соловьев, спасибо ему, попросту объяснил в своей «книжке обо всем»: «Достоевский убил в России Бога, Фрейд убрал Бога из личности, а Ленин сделал еще проще. Он сказал: "Вы пролетарии, а значит, вы правы"».

Хорошо, если кто-то вспомнит советский анекдот: в том, что в магазинах нет колбасы, не надо обвинять декабристов: они боролись не за это. Но мало кто вспомнит, большинство поверят на слово Владимиру Соловьеву и будут уверены: суть творчества Достоевского заключается в том, что он убил в России Бога. Если бы Соловьев сообщил, что Достоевский закладывал в экипажи своих литературных врагов отравляющие вещества, поверили бы, пожалуй, и этому.

Головокружительная (в прямом смысле слова) стилистика этой книги направлена на одно: читатель должен погрузиться в соловьевскую стихию настолько, чтобы не замечать, как автор передергивает. Впрочем, надо отдать ему должное: он делает это виртуозно.

«Россия хронически больна большевизмом. Поэтому, на мой взгляд, отличить, к примеру, Владимира Ильича Ленина с Надеждой Константиновной Крупской от Гарри Кимыча Каспарова с Валерией Ильиничной Новодворской на какой-то определенной исторической перспективе невозможно!»

Так ли, Владимир Рудольфович? И вот прямо-таки представляете вы себе, как христианка Валерия Новодворская отдает приказ вешать своих политических оппонентов, а чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров велит изъять из библиотек «вредные» детские книги?

Или (это уже в книге «Русская рулетка») Владимир Соловьев утверждает: отсутствие прямого эфира на современном российском телевидении не есть показатель отсутствия свободы слова. «Отсутствие прямого эфира в Англии, — пишет он, — не воспринимается как трагедия, в целях борьбы с терроризмом англичане приняли решение давать изображение с небольшой задержкой, и никто не считает, что тем самым ставится крест на свободе слова».

И кто поверит, будто Соловьев не знает, что на страже свободы слова в Англии стоят такие мощные государственные и общественные институты, которые не сокрушит небольшая задержка телевизионного изображения? И кто поверит, будто он не понимает: когда говорят об отсутствии свободы слова в России, то имеют в виду не технические особенности демонстрации экранной картинки?

Впрочем, Соловьев очень любит говорить, что сам он никакой несвободы, ведя эфир на телевидении, не ощущает: рубит правду-матку как хочет. Может, ему в самом деле не приходит в голову: именно потому он и получил «добро» на все свои эфиры, что его правда-матка каким-то таинственным образом совпадает с мнением начальства до такой степени, что ему, начальству, даже указаний журналисту Соловьеву давать не требуется?

И не скажешь ведь, что Владимир Соловьев мракобес какой-нибудь. Что в Америке спиной вперед ходят и людей едят, он не утверждает. Наоборот, пишет: «Я считаю Америку фантастически великой. Америка для меня всегда была страной удивительной, потому что она показывала, насколько просто и одновременно правильно могут жить люди. <...> Живя в Штатах, человек знает, что все существующие там законы будут защищать его самого, его частную собственность и его мнение».

Да и других внятных утверждений в книге немало. Кому-то, возможно, пригодится даже совет Соловьева не давать чаевые официанту, если у того на руке золотой «Ролекс».

И истории из своей жизни, которые он рассказывает, бывают очень интересны. Ведь он видел немало интересных людей, — о них в основном и написана книга «Русская рулетка», наполовину состоящая из интервью, которые журналист Соловьев взял у Горбачева, Жириновского, Явлинского, Лужкова, Собчака, Новодворской, Хакамады, Примакова и других заметных фигур мира политического. Правда, здесь воспитанный человек Владимир Соловьев (а о том, что терпеть не может дурно воспитанных людей, он упоминает во всех своих книгах) не удерживается от банальных сплетен. Сообщает, например, как ругалась и чуть ли не дралась в лондонском доме Березовского прислуга, которая за полчаса до этого прислуживала за обедом с таким видом, что приходили на ум ассоциации с обедом сэра Генри Баскервиля. Каковы хозяева, такова и прислуга, делает вывод Владимир Соловьев. А читатель, хочется надеяться, сделает другой вывод: неважно, как ты относишься к господину Березовскому, но если собираешься написать гадость про обиход его дома, то не надо принимать приглашения в этот дом на обед.

Читая «Русскую рулетку», понимаешь: как бы ни был широк круг тем, которые интересуют Владимира Соловьева, главная его тема — власть и политика. Поэтому неудивительно, что он написал книгу, которую можно считать апофеозом его литературной деятельности.

4. Мир власти

Это книга о том, кто находится в эпицентре российской власти. Называется она «Путин. Путеводитель для неравнодушных». Название — с претензией на глубинный смысл: то ли это путеводитель по личности Путина, то ли сам Путин — путеводитель, ведущий неравнодушных людей по некому светлому пути. В любом случае автор должен вызывать у героя книги лишь положительные эмоции, потому что беззастенчиво хвалит своего героя абсолютно за все, что бы тот ни делал.

О том, какова будет эта книга, можно было догадаться еще из тех высказываний о Путине, которые встречались в «Русской рулетке».

«Во время встречи с правозащитниками президент довольно подробно прокомментировал нам арест Михаила Борисовича.

— Кстати, я был против ареста Ходорковского, — сказал Путин, — о чем я и сказал Устинову, когда он пришел ко мне. — На этих словах Устинов чуть заметно кивнул. — Однако он настаивал на своем, считая, что у этих все готово к тому, чтобы уйти под крышу Совета Федерации и тем самым затруднить следствию работу. При этом Устинов мне сказал, что он настаивает на своем решении, хотя и понимает, что президент имеет право инициировать вопрос об отставке генерального прокурора с должности в Совете Федерации.

В этой беседе с Путиным у меня не было повода не доверять президенту, он говорил убедительно и очень эмоционально. Снять трубку или сказать в личной беседе прокурору, как тому следует выполнять свою работу, — очевидно, такая идея противоречила представлению Путина о демократическом государстве как системе, базирующейся, в частности, на разделении и независимости ветвей власти. Нашим демократам не приходило в голову, что государство, в котором президент командует прокурором, не является демократическим».

Почему же, приходило это в голову нашим демократам, еще как приходило! Поводов для этого во время правления Путина было предостаточно. Странно, что Соловьев не вспомнил еще, как президент однажды вообще не мог дозвониться генеральному прокурору. Путин ведь так и сказал тогда: не могу, мол, дозвониться Устинову. Тот, видимо, и при этих словах чуть заметно кивнул.

Какая, однако, чистая душа этот Владимир Соловьев! Приятно узнать, что в нашем циничном мире еще остались такие простые люди!

Так что в книге «Путин», несмотря на ее солидный объем, ничего принципиально нового не содержится.

«Путин считает, что он не вправе вмешиваться в вопросы гражданского общества. Сколько раз ему говорили о необходимости введения цензуры на телевидении. Кто только не говорил, да и сам Путин постоянно крити-

кует телевидение. У нас с ним однажды завязалась забавная беседа, я бы даже сказал, анекдотичная. Путин говорит: "Какой кошмар — на вашем телевидении нечего смотреть!" А я отвечаю: "Ну, вы же государство, вы реально управляете Первым каналом. Пожалуйста, покажите, как надо!" Он говорит: "Да что вы, они там нас вообще не слушают!" Вот это понимание того, что влезать на ТВ с цензурой нельзя, потому что потом это будет не остановить, у Путина присутствует».

Неизвестно, вел ли Владимир Соловьев еще какие-нибудь забавные беседы с президентом, но аналогичные высказывания содержатся в книге «Путин» и на другие темы.

Так, автор утверждает, что карьера Путина в КГБ не задалась по простой причине: «Анализируя, что и как делает Путин, я, как мне кажется, понял, что же помешало ему стать выдающимся разведчиком нашего времени. Образование! Путин слишком юрист, слишком законник! Слишком сильное влияние на него оказали как юриспруденция, так и изучение немецкого языка. Во всем, что он делает, Путин слишком системен и выверен, а работа разведчика зачастую требует совсем иного».

О том, чего требует работа разведчика и отвечает ли этим требованиям Путин, непрофессиональному читателю судить трудно, остается лишь верить автору. Но вот о других особенностях личности президента читатель книги Владимира Соловьева иногда может сделать и самостоятельные выводы, которые, не исключено, будут противоречить тем, к которым его подталкивал автор.

Соловьев сообщает, например, что в свое время главным кандидатом в преемники Ельцина считался министр Аксененко. «Позже, когда карьера Аксененко не сложилась, именно Волошин настоял на том, чтобы уже тяжело больного, умирающего Аксененко все-таки выпустили из России на лечение. Путин долгое время сомневался в том, что эта болезнь настоящая, а не мнимая, и когда появились сообщения о том, что Аксененко за границей ходит по магазинам, он иногда пенял Александру Стальевичу, говоря: "Вот видишь, ты настоял, а он вовсе не больной". Но, тем не менее, как вы знаете, Аксененко все-таки умер от тяжелого онкологического заболевания».

История, много говорящая о ее, так сказать, главном фигуранте. Но, стоит повториться, едва ли Владимир Соловьев имел в виду, чтобы читатель сделал из нее те выводы, которые из нее с неизбежностью вытекают. Слишком любит он своего героя, чтобы сознательно представить его в невыгодном свете. К чему он эту историю вообще рассказал, непонятно. Впрочем, он много рассказывает в этой книге историй, которые вызывают недоуменный вопрос: к чему все это написано?

«Путин по самоощущению не является дедушкой. <...> Глядя на Путина, видишь, что это молодой, здоровый мужик, который еще вполне может быть отцом. Мало того, пример людей из его окружения или других активно действующих политиков показывает, что сейчас стало модно обзаводиться детьми и в гораздо более зрелом, чем у Путина, возрасте. Это не значит, что Президент сейчас все бросит и будет требовать от своей жены, чтобы она ему родила, — это вопрос личных отношений и разнообразных прочих условий».

И что это значит? Зачем это написано? В качестве тонкого намека на какие-нибудь личные обстоятельства жизни Путина? Возможно: ведь Соловьев человек осведомленный. Но скорее всего, ничего все это словоблудие не значит. Зато оно дает представление о том, что лежит в основе творческой манеры Владимира Соловьева: о его умении завести себя на демагогический пафос с любого слова и на любую тему.

«Путин как Президент пронзил абсолютно все народные стереотипы. <...> Путин совершенно архетипичен, как березка, и в то же самое время это воплощение солдата, вышедшего из огня. Он и скромный, небольшой — совсем не Илья Муромец, скорее уж Иван-царевич».

Читаешь все это, погружаешься в этот бурный поток, в котором архетипичная березка пронзает народные стереотипы, да и думаешь: лучше бы уж автор сплетни рассказывал, что ли! Про то, как там у Путина прислуга выучена обед подавать. А то сообщает читателю на голубом глазу: «Для себя Путин не считает возможным командовать судом, это его большой плюс, но, к сожалению, его ближний круг считает такую практику более чем нормальной. И командуют они по полной программе. Люди, которые управляют в стране, прикрываясь именем Президента, зачастую приводят его в состояние бешенства, после чего он вызывает их на ковер и что-то пытается объяснить. Но проходит время, дым рассеивается, и снова видны все те же на тех же местах. Вот это проблема Путина — грозная риторика не переходит в действие. При этом если речь идет о классово далеких олигархах, то да, здесь все доводится до конца. <...> Но эта вечная готовность простить «своим» их коммерческие просчеты — это, конечно, проявление, с одной стороны, силы Путина как человека, а с другой стороны, — слабости, потому что из-за этого в стране возникает чувство полного недоверия власти».

Вот и попытайтесь все это осмыслить, если сумеете. При хорошем царе правят плохие бояре, а он приходит в состояние бешенства, но прощает им коммерческие просчеты по управлению судами, потому что является сильным человеком...

Или: «Что поражает в Путине — он не похож ни на кого из предыдущих вождей. В то же время в нем есть черты тех вождей, которые нравились всем. Он не собирает себе ордена, ему никто не вручает награды, об этом не кричит пресса. Что у него есть, вообще никто не знает, — и в этом тоже есть особое удовольствие. Людям нравится, что он такой».

В Путине, значит, есть черты, которые нравятся всем, но при этом что именно у него есть, никто не знает, и в этом тоже есть особое удовольствие...

Голова кругом идет!

Но, с другой стороны, что уж такого нового в подобной стилистике? Разве не в такой же точно манере написаны все остальные книги Владимира Соловьева? Вернее, речь не о манере, не о стилистике, а о сути этих книг.

В литературоведении существует такое понятие — «формульная литература». Обычно его относят к произведениям жанровой беллетристики — детективам, триллерам, любовным романам. То есть к тем произведениям, сюжеты и герои которых созданы согласно определенным формулам.

Но такой выраженной формульности, которая присуща книгам Владимира Соловьева, не содержит в себе никакой детектив. Только в его произ-

ведениях формульность относится не к перипетиям сюжета, — в этом смысле Владимир Соловьев как раз вполне оригинален: вроде бы никому, кроме него, не пришло в голову представить себя апостолом в компании с Биллом Гейтсом и написать о своих приключениях в преддверии Страшного Суда, — а к сути авторского мышления.

Соловьев неоднократно поминает в своих произведениях Достоевского. И автор предисловия к его «Апокалипсису от Владимира» считает, что это роман не больше не меньше как «о служении, о собственной судьбе, о судьбе человечества и о будущем, которое, увы, уже не за горами». То есть чистый Достоевский практически. С одной лишь разницей: в произведениях Соловьева нет того главного, что лежит в основе литературы. Того, о чем настоящий писатель Юрий Домбровский говорил: «Я жду, что зажжется искусством моя нестерпимая быль». Соловьев ничего такого неясного не ждет. Он сам себя зажигает в своих книгах с ловкостью фокусника, точнее, телевизионного шоумена. У него на все мгновенно готов ответ — четкий, внятный, поверхностный. Что о судьбе человечества, что о необходимости давать или не давать официанту на чай — обо всем этом он рассказывает с легкостью необыкновенной, как о явлениях одного порядка. Странно ведь было бы требовать, чтобы знание системы чаевых было оплачено собственной жизнью. Точно так же не оплачены жизнью и другие знания, которые Владимир Соловьев с удовольствием, любуясь собой, передает людям.

В этом смысле он действительно является типичным современным писателем. Люди живут от телевизора: покупают стиральный порошок, который им рекомендуют с экрана, выбирают власть, которую им с экрана пропагандируют. И читают телевизионных писателей. Не в том смысле, что тех, которых показывают по телевизору, а по сути телевизионных — тех, которые не требуют, чтобы человек самостоятельно и трудно осмыслял свою жизнь, а удобно преподносят ее в виде простых готовых формул. Как Владимир Соловьев.

Наш известный Владимир Соловьев.

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ*

(март — май 2008 г.)

22.03.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, неделька выдалась чудесная. Подтвердилось единство народа и президентов, нашелся ключ к решению демографической проблемы; местная власть противостояла ЦРУ, а правительство прямо посулило народу благодать — ну, как обычно, т. е. не прямо сейчас, а чуть погодя, когда свидетели обещания немного подвымрут... С этой будущей благодати, пожалуй, и начнем.

Минэкономразвития дописало концепцию развития России до 2020 года, и обрывки этого счастья уже попали в газеты. Читать одно удовольствие! Если бы у меня была машина времени, я бы теперь знал, какой год ей заказать. Да и вы бы, я думаю, не отказались...

По прогнозам министерства, средняя зарплата к 2020 году вырастет в пять раз и составит до $2700 в месяц. При этом производительность труда, по прогнозам МРЭТ, вырастет лишь в два с половиной раза, а инфляция сократится до 4% в год. Подробных объяснений, как достичь таких показателей, МЭРТ не дает, пишет издание «Газета».

Ну, и правильно делает МРЭТ, что не дает подробных объяснений! Вообще, как правило, авторов таких прогнозов волнует не далекое будущее народа, а ближайшее свое. И тут, по случаю пересадки Путина из красного домика в Белый, от министерства, кровь из носу, требуется база для оптимизма! А народ у нас незлопамятный... — то есть, вообще ничего не помнит! Когда кто-нибудь из вас, господа, в последний раз вспоминал про удвоение ВВП? Ну, то-то. А посему говорить с народом надо легко и без подробностей. В таком примерно духе: перепишите прогноз Минэкономразвития пять раз и отправьте его пятерым своим друзьям — и будет вам счастье! И всё. А пробовать на экономический зубок каждую цифру — дело лишнее, ибо легче сва-

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Шукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

рить из олова золото, чем, снижая инфляцию, вырастить доходы граждан темпами, вдвое опережающими производительность труда. Но коллективный граф Калиостро из Минэкономразвития уже разбудил силы пяти стихий, — и от нас требуется только раскрыть варежку и ждать «сбычи мечт»!

А теперь, запасшись экономическим оптимизмом по двадцатый год, заглянем во внешнюю политику. Всё ли там хорошо? Всё. Теперь — совсем всё совсем хорошо. Если вы еще не врубились, как это достигается, рассказываю ноу-хау.

Технология называется — «смени повестку дня». Вот, положим, у вас все плохо, Запад обзывает вас гэбешником и тычет в нос права человека — разгон оппозиции, зажим прессы, Чечню, Ходорковского... Что делать главе государства? Сменить повестку! И вот глава государства едет в Мюнхен и ставит весь мир на уши речами, которые мир полвека не слышал; потом начинает страшным криком кричать про чешские радары и грозить за это ядерной катастрофой; потом долго торгуется с Западом — и когда Россия, наконец, перестает симулировать бешенство и соглашается с тем, что дважды два четыре, мир уже так счастлив, что ни о каком Ходорковском и речи нет, и про честные выборы уже никто не вспоминает, а только радуются как дети, что следующий царь этой неврастенической ядерной державы — Медведев, а не Иванов или Дугин с Чикатило...

Это я все к чему рассказал? К тому, что на минувшей неделе сюда приезжала Кондолиза Райс — и уехала, страшно довольная прогрессом по военной тематике и лично г-ном Медведевым, избранным давеча через двойное донышко в урне. И ничуть это двойное донышко Штаты теперь не беспокоит! Встречалась г-жа Райс и с нашей оппозицией — благо наша оппозиция тоже успела приятнейшим образом сменить повестку...

По сообщениям СМИ, лидер «Яблока» Григорий Явлинский во время встречи с Госсекретарем США Кондолизой Райс сосредоточился на внешнеполитической тематике и подытожил свою речь необходимостью «заключения всеобъемлющего российско-американского договора о наступательных и оборонительных стратегических вооружениях».

Ну! Вот же она, конструктивная оппозиция, о которой так тоскует Кремль. Эй, вы там, за зубчатой стеночкой! Обратите внимание на хорошее поведение Григория Алексеевича! А то вы там додумались до Богданова — несолидно это, нехорошо... Вот же он, известный всему миру, приятный во всех отношениях господин... обсуждает с Кондолизой Райс вопросы ядерного разоружения... Просто прелесть что такое.

У каждого театра, как известно, свои прихваты. В столицах в чести тонкая режиссура, а в провинции берут старым проверенным репертуаром...

На официальном сайте парламента Ингушетии размещен текст, в котором Международный Красный Крест, Комиссия по правам человека ООН, Комитет против пыток Совета Европы и другие правозащитные и гуманитарные организации прямо названы «шпионскими гнездами». «Деятельность этих структур в республике, — говорится в тексте, — как правило, тесно связана с зарубежными спецслужбами».

Ну, слава богу. Интересно только, Патрушев в курсе? Потому что если в Ингушетии, прикинувшись Красным Крестом, много лет вьют гнезда эти

гадюки, хорошо бы кого-нибудь из них поймать и заточить лет хоть на десять. Ну, так, чисто для торжества логики. А то странно получается: то ли у патрушевских чекистов закрылись глаза, то ли у зязиковских парламентариев открылись галлюцинации... Вы уж там как-нибудь договоритесь между собой, ладно? Пока у россиян окончательно башка набекрень не съехала.

Но в целом Ингушетия, конечно, на правильном пути! Прогнать только к чертовой матери Мемориал, Красный Крест, Комиссию по правам и совет по пыткам, и уж тогда никто не помешает Зязикову сделать народ счастливым (ну, как он умеет)... Только еще телевидение убрать из республики, чтобы никто не увидел, как силовики счастливят народ. Конечно, не все телевидение: к первому-второму каналам вопросов нет, но как какой-нибудь корреспондент РЕН-ТВ, так паршивая овца в федеральном стаде! Мало их выводила на расстрел личная гвардия президента Зязикова, да продлит его дни Старая площадь, мало им ребра ломали! В прошлое воскресенье РЕН-ТВ, окончательно забывшись, показало на всю страну фильм «Ингушетия. Тейп несогласных». То есть, на всю страну оно его, конечно, показало, да только не в самой Ингушетии — великолепный Зязиков дал своевременное указание отрубить по городам и весям электричество как раз на время трансляции. И что же получается? Из-за РЕН-ТВ ингушам теперь сидеть без электричества?! Свиньи они все-таки, эти телевизионщики. Разумеется, парламент республики встал грудью на защиту населения!

Депутаты Народного Собрания Ингушетии считают необходимым запретить трансляцию телеканала РЕН ТВ на территории республики. «Провокационные, клеветнические и тенденциозные репортажи РЕН ТВ о событиях в регионе ... наводят на мысли о том, что за этим стоят силы, которые заинтересованы в раскачивании ситуации на Юге страны», — говорится в заявлении депутатов. Под обращением поставили подписи лидеры фракций «Единой России», ЛДПР, КПРФ и «Справедливой России».

ЛДПР и особенно КПРФ — это, если кто забыл, наша нынешняя оппозиция... Но на свободную журналистику рефлекс у них единый! И в хронологическом смысле — тут еще вопрос, кто к кому присоединился... Неназванные деструктивные силы, стоящие за всяким, кто называет черное черным, — проверенная страшилка еще советских времен! А впрочем, сие, полагаю, работало и при царе Горохе. Неназванная деструктивная сила — как это сплачивает народ вокруг начальства!

И еще один сюжет о деструктивных силах. В Тарусе случилось страшное: окончательно уволен глава местной администрации! Месяц напролет, истекая кадровой кровью, глава тарусского района Юрий Нахров с группой бойцов держал оборону против распоясавшейся местной медицины, не желавшей делиться репутацией и благосостоянием. Для начала Нахров уволил главврача, а в больницу подъехал УБОП с обыском, и в две минуты врачи, гордость Тарусы, стали группой мошенников в особо крупных размерах. Это потом уж выяснилось, что никакого уголовного дела не было, а просто сам Нахров попросил УБОП привести врачей в надлежащий трепет... Главврача Олейникову, однако, УБОПом не проняло, и она пробилась к калужскому губернатору, и песочные часы перевернулись, и песок посыпался уже из Нахрова. Губернатор его уволил, а Олейникову, наоборот, ос-

тавил главврачом. Но глава Тарусского района тоже оказался не пальцем деланный — ушел на больничный, лег в тину и притворился куском дерева. Отлежался и спустя пару недель снова — хвать Олейникову за горло! Но теперь уже не хищения, шалишь! Теперь по-настоящему, по-нынешнему, с идеологическим составом преступления!

В прошлую субботу депутаты законодательного собрания Тарусского района отказались восстановить на посту главного врача городской Тарусской больницы Олейникову, уволенную главой администрации. Как сообщил в своем блоге один из врачей больницы, на собрании депутаты обвиняли защитников лечебного учреждения в том, что они «ставят опыты на людях, готовят переворот и работают на ЦРУ».

Вот, другое дело! Давно пора было сказать народу правду: доктор Осипов, доктор Охотин и главврач Олейникова вшестеро снизили смертность от сердечно-сосудистых заболеваний по заданию ЦРУ! — и продолжали ставить эти опыты над ничего не подозревавшими жителями Тарусы. По заданию ЦРУ был построен и новый кардиологический центр — циничнейшим образом, без копейки бюджетных денег, на средства спонсоров, причем главе района Нахрову и стае хладнокровных (в тине с ним по соседству) ЦРУ не предусмотрело никакого отката! Тут-то, видать, чаша терпения и переполнилась...

Ну, да ладно. История, кажется, подошла к концу. Губернатор рыкнул, районные депутаты, забыв о происках ЦРУ, послушно отправили Нахрова в отставку, больница снова работает нормально... Добро победило зло? Вроде как да. Как по другому поводу сказано у Гоголя: редко, но бывает! Стало быть, если навалиться всем миром — от букеровского лауреата Улицкой до академика Ясина, с письмами в правительство и репортажами РЕН-ТВ, то с третьего раза одного мелкого районного злодея одолеть можно! Конечно, неплохо было бы этого Нахрова посадить хоть ненадолго, чисто в назидание всем остальным российским начальникам, склонным решать свои политические проблемы посылкой УБОПа... А? Нет? Ну, хорошо, я не настаиваю. Будем считать хэппи-эндом и то, что есть.

Но, в части побед гражданского общества над бюрократией, случай в Тарусе, видать, исчерпал годовую общероссийскую квоту...

В Чите в минувший понедельник прошел обыск в офисе Народно-демократического Союза, где также располагается Забайкальский комитет общественно-политической поддержки Ходорковского. Как сообщают СМИ, в ходе обыска был изъят системный блок компьютера, диски и дискеты, а также все телефонные книги с контактами и списки активистов.

Ну, слава богу! Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы правоохранительным органам вовремя не досталась вся информация о планах сторонников Ходорковского; но теперь, когда их компьютер выпотрошен и поименный список демократических активистов Забайкалья в руках у прокуратуры, обыватели могут спать спокойно... Беда прошла стороной! Правда, как раз в то самое время, когда наши прокурорские лестрейды лежали в засаде возле читинского офиса сторонников Ходорковского, в Москве, практически у стен Кремля, полтора десятка неонацистов напали на семерых антифашистов и зарезали насмерть шестнадцатилетнего паренька. О гряду-

щем налете эти молодцы договаривались почти в открытую, в Интернете, на форуме болельщиков «Спартака»... Интересно, что думает по этому поводу наше общество «Динамо» во главе с Патрушевым? А толпа других бритых, национально озабоченных, долгое время собиралась, как выяснилось на минувшей неделе, в одной из средних школ Москвы, — и называлось это у них, разумеется, «клуб военно-патриотического воспитания». Шестерых инородцев убили члены клуба, и никаких проблем с организацией досуга! Интересно, сколько бы просуществовал в средней московской школе «клуб сторонников европейской демократии»? Сколько часов, я имею в виду...

Теперь — о борьбе с коррупцией. Тут, ясное дело, пощады не жди! Как это у Маяковского: «добыча Радия»?

Против мэра Элисты Радия Бурулова возбуждено уголовное дело. Он обвиняется в злоупотреблении должностными полномочиями. По данным следствия, Бурулов заключил по завышенным ценам контракт на поставку товаров для муниципальных нужд с фирмой, учредителем которой является его отец, а директором — его супруга, чем нанес казне ущерб на сумму почти 700 тысяч рублей. Как сообщают СМИ, Бурулову грозит до семи лет лишения свободы.

Мэр города, заключающий по завышенным ценам контракты с фирмой собственной жены, — что-то слышится родное... Не так ли, дорогие москвичи? Вот только ущерб казне, согласитесь, вышел там какой-то смешной. Тридцати тысяч долларов не набралось... По российским меркам — не о чем говорить! И вдруг все так «по серьезке»: следственный комитет, уголовное дело, в перспективе — семь лет на нарах... Сколько ж тогда Лужкову?.. Я имею в виду: сколько ж еще ему отстраивать Москву на радость Елене Батуриной? Ну, да УБОП с ней, с нашей сладкой парочкой, но что случилось в Элисте? Семь лет сидел Радий Бурулов на городском бюджете и горя не знал, — что за швейцарские нормативы общественной гигиены вдруг прорезались средь этих степей? Откуда такая внезапная нетерпимость к коррупции? Да все оттуда же.

Мартовские выборы в Народный хурал Калмыкии в Элисте оказались провальными для «Единой России»: всего 36%. По общему мнению, именно это могло послужить причиной возбуждения против Радия Бурулова уголовного дела, целью которого, по всей видимости, является отставка элистинского градоначальника, чей давний конфликт с президентом Калмыкии ни для кого не секрет, пишут СМИ.

Ну, Юрь Михалыч, отбой тревоги! Продолжаем украшать Москву посредством Батуриной. А нерадивый, не давший партии правильного процента мэр Бурулов — что?.. Сядет в тюрьму за семьсот косых? Да полноте, господа. Что вы, правда, как в Швейцарии... Мэр Бурулов уйдет в отставку — и все рассосется. А впрочем, калмыцкий коэффициент не учитывать нельзя: личные противники Кирсана Илюмжинова иногда жить переставали, а не то что городами руководить.

Теперь — небольшое авторское отступление. Всю минувшую неделю мне звонили и писали десятки людей с одним и тем же вопросом: вы слышали, что сказал Вася Якеменко? «Ну, слышал», — отвечал я. «А вы про это шутить будете?» — спрашивают. Да нет, пожалуй. Потому что смешнее, чем у

Васи, все равно ж не получится. Я просто его процитирую, ладно? Вася, придя с мороза, озаботился демографической проблемой и сказал: девушки, мол, в настоящее время хотят рожать, только получив «законченное высшее образование, состоявшуюся карьеру и нормального мужа». А нормальный муж, ясное дело, ставит под угрозу решение демографической проблемы, потому что «чем меньше денег, чем хуже квартира, чем дурнее муж, тем больше детей». В пример Вася привел собственных родителей... Да-а! Шутить после этого, согласитесь, даже как-то неловко.

А по-настоящему смешно здесь вот что: этот Вася, собственным папой за тупость недопоротый, у нас нынче — федеральный министр. Председатель Госкомитета по делам молодежи! Сметы у Васи, оклады кругом, аппарат сбоку, мигалка сверху... Вот тут, действительно, обхохочешься.

И напоследок — немного социологии. Дивные результаты опроса ВЦИОМ были опубликованы на минувшей неделе. Стало быть, так: две трети россиян не видят никаких отрицательных качеств в новом президенте России, преемнике прежнего президента, в котором они тоже не видели никаких отрицательных качеств. При этом с 2004 года шестеро из семи россиян на вопрос о вседозволенности высших госчиновников отвечают, что высшие госчиновники эти действительно «что хотят, то и делают». Наложение этих ответов дает нам дивную картину гармонии между властью и, с позволения сказать, обществом.

Счастья вам!

29.03.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, неделька порадовала своим классическим видом. Всего там было понемногу и в гармонии с остальным — всего, за что мы любим российскую действительность: и несгибаемое правосудие, и вечная борьба с коррупцией, и партийная забота о молодежи, и номенклатурная дурость, и дурость от энтузиазма, и просто дурость, наконец... Но начнем мы, пожалуй, не с дураков, а с шибко умных...

В прошлые выходные стало известно, что прокуратура после уже третьей по счету проверки вновь отказалась возбудить уголовное дело по факту смерти журналиста Юрия Щекочихина. Однако в минувший вторник глава Следственного комитета Александр Бастрыкин отменил это решение и направил материалы на новую проверку.

Молодцы! И те районные — молодцы, и этот центральный — умница! Те, районные, молодцы, потому что не стали возбуждать дело об убийстве Щекочихина. Подождали, носом вдоль нового ветра поводили, сигнал получили — яснее некуда. Путин Меркель как сказал? Легче, сказал, при Медведеве не будет! Ну, и все. Значит, сам умер Щекочихин. От неизвестной болезни, между убийствами ключевых свидетелей по делу «Трех китов», после многократных угроз об убийстве и как раз перед думским докладом о коррупции в высших эшелонах власти. То есть, согласитесь, — ну, совсем нечего тут расследовать! И не надо баловать общественность. Я считаю: не на орден, так на медаль от вертикали в районной прокуратуре наработали. Молодцы!

Да, но что же Бастрыкин, вдруг направивший дело на четвертую проверку? Неужели не чует ветра? О, не беспокойтесь. Просто поземка, метущая на уровне районной прокуратуры, и сирокко, гудящее на верхних федеральных этажах, — это совсем разные ветры... И мотивы разные, и финансирование... Тут ведь дело не в том, чтобы вдруг начать ловить убийц Щекочихина (обитающих, по некоторым данным, совсем неподалеку от тех, кто ищет), — нет, интрига гораздо серьезнее! Ходят слухи о скором создании в России единого следственного центра по аналогу американского ФБР... И кто там окажется сверху, кто снизу, а кто вообще вылетит мелким камешком из-под колес по случаю перекрестных проверок и взаимной охоты на оборотней — вот предмет заботы и причина громких, наперегонки, докладов об успехах...

Вслед за главой Следственного комитета об успехах своего ведомства отчитался в минувшую пятницу генеральный прокурор Чайка. На пресс-конференции он также заявил, что не видит ничего скандального в проверке деятельности ряда должностных лиц Следственного комитета.

Вот они, наши матросские радости, перетягивание каната! В этом русле и лежит перехват дела Щекочихина у мелкой прокурорской сошки. А то я вдруг как представил путинского однокурсника Бастрыкина, бесстрашно разоряющего чекистские мебельные гнезда и сажающего ихний генералитет за решетку, — мне аж не по себе стало! Нет-нет, все слава богу, никто не сошел с ума, — просто укрепление позиций в свете возможных кадровых перемен... И забудьте вы про поиск убийц! — ну, может, потом, когда придет пора выпускать пар и выбрасывать на вилы народу кого-нибудь из чекистов... Тогда — может быть. А до тех пор мучительной смертью Юрия Щекочихина будут играть, как мячиком, катая туда-сюда по просторному номенклатурному полю.

Ну, собственно, не мною замечено, что наши правоохранители давно перешли на самообслуживание. А в процессе самообслуживания перестаешь обращать внимание на такую формальность, как Конституция РФ...

Генеральная прокуратура предлагает узаконить конфискацию имущества граждан, легальность приобретения которого не сможет доказать сам подозреваемый. Такое предложение содержится в докладе заместителя генерального прокурора РФ Александра Гуцана. По его словам, принятие такого закона позволит бороться с наркоторговлей и с другими видами преступлений, в том числе — с коррупцией в органах государственной власти.

Отличное предложение! Но, как пелось в той песне, «непонятно, че конкретно ты имела в виду», дорогая прокуратура? Если ты задумала бяку всему Рублево-Успенскому шоссе, отстроенному на сотни непонятно откуда взявшихся миллиардов, то не хотелось бы это пропустить. С нетерпением жду репортаж программы «Время» о том, как зам. генпрокурора Гуцан кладет лицом вниз Госдуму, Совет Федерации и администрацию Кремля. Но отчего-то кажется мне, что я этого репортажа не увижу. И чудится мне, что г-н Гуцан, подтираясь статьей сорок девять, часть вторая Конституции РФ о презумпции невиновности, имел в виду совсем другое. А именно: упрощение технологии «наезда», за которым по местной традиции неизменно следуют «откат» и «отъезд» — и возвышение прокуратуры, вольной, по но-

вому закону, в любую секунду взять за чуткие места любого гражданина. Тут даже и рэкетом заниматься не надо. «Каждый сам ему приносит и спасибо говорит»... Заодно упростится и разговор с политически невоздержанными: то есть, Дерипаска той поправки в Закон, полагаю, и не заметит, а вот Касьянов замучается в ноги кланяться!

Ну, лиха беда начало: контролировать — так контролировать! Вызов на соцсоревнование, брошенный прокуратурой, приняли военные.

Госдума во втором чтении одобрила законопроект, позволяющий подразделениям Министерства обороны отслеживать любые перемещения призывников. Предполагается, что юноши призывного возраста должны будут сами приходить в военкоматы и докладывать о своем отъезде с места жительства. В противном случае против них будут применены административные меры, пишут «Новые известия».

Да! Тут главное — раз и навсегда выбрать путь. Либо прикрыть эту феодальную лавочку — либо уж кормить этого армейского дракона каждые полгода свежим призывным мясом. Решили, стало быть, заняться воспитанием мяса — чтобы оно приходило в лавочку само, стучалось и говорило: я тут! Не знаю, повысится ли от такого закона обороноспособность, — ставка откупа у военкомов повысится точно, ну и, соответственно, увеличится число тех, которые просто сделают отсюда ноги. Я, например, знаю с десяток молодых людей, дожидающихся конца призывного возраста вдалеке от мачехи-Родины, — и еще десяток мам и пап, которые твердо решили съехать отсюда до того, как их мальчикам исполнится восемнадцать... Ну, вот не хотят они, чтобы их мальчики становились мясом имени сержанта Сивякова, вот такие несознательные граждане! Тут, конечно, дело в недостатке патриотического воспитания. Но это мы поправим...

Партия «Единая Россия» объявила о планах создания подростковой организации, объединяющей «большинство российских подростков в возрасте от 10 до 18 лет». Как сообщает издание «Газета», идея уже одобрена главой партии Грызловым и секретарем президиума генсовета Володиным. Как сообщила член генсовета партии Валентина Иванова, ассоциация будет заниматься патриотическим воспитанием. «Ни для кого не секрет, — заявила Иванова, — что большинство совершеннолетних юношей не хотят служить в армии, а все потому, что с раннего детства никто с ними не работал и ничего не объяснял».

Вот в чем дело, оказывается. Никто не поработал в раннем детстве с «косящими» от священного долга! Никто не объяснил им, что без ног и половых органов жить лучше, чем с ними. Что полгода получать дембельским сапогом в живот — это большая честь, и быть проданным в рабство — примета гражданской зрелости. В самый корень поглядела эта работница Генсовета! (Господи, кого только не выносит на берег номенклатурным прибоем! Знай ходи, собирай эти ракушки. Теперь вот Иванову эту вынесло...) Стало быть, сейчас эта она, с благословения спикера-однопартийца, отрежет смету пожирнее, и они навалятся на молодежь и начнут приводить ее в патриотическое чувство. У вас лишние дети есть? Если есть, мой вам совет — смело отдавайте их в эти надежные руки! Забота «единороссов» о юношестве — это прекрасно, но и у юношества должна быть альтернатива этим грызлов-

ским леденцам на федеральной палочке, не правда ли? Альтернативой озаботились коммунисты. Тоже свежий продуктик нашелся в морозилочке...

Коммунисты должны расширить «пантеон своих молодых героев», заявил, выступая на пленуме КПРФ, секретарь ЦК партии Афонин. Для российской молодежи «может быть привлекателен образ молодого Сталина, сочетавшего в себе марксистского теоретика и большевистского боевика».

Ну, теорией в наши рыночные времена молодежь не заманишь, но практика — дело другое! Лови момент, братцы! Как насчет того, чтобы с большевистской прямотой грабануть «обменку» или взять на гоп-стоп у ресторана богатенького буратину? Не будьте лохами, имейте в виду инициативу секретаря КПРФ Афонина! Попадетесь — не тушуйтесь, а сразу сообщайте ментам, что вас вдохновлял образ молодого Сталина! А уж «лицам кавказской национальности» — сам бог велел... В общем, все айда в светлое будущее.

Теперь — несколько слов о Сочинской олимпиаде. Уже есть первые рекорды. Не зря мы ночей не спали, ждали вести из Гватемалы!

Чтобы освободить пространство для возведения олимпийских объектов, власти России собираются выселить более четырех тысяч человек, пишет «The Sunday Times». Многие из них получат незначительную компенсацию — или не получат ее вовсе. По данным издания, уже начато насильственное выдворение россиян с территорий, на которых планируется возвести олимпийские объекты.

Отвратительные все-таки люди эти сочинцы! Дрянь людишки оказались на поверку-то. Вместо того, чтобы порадоваться за престиж страны, за ее лучших людей, которым достанутся олимпийское финансирование и вся последующая недвижимость на этом солнечном берегу, — жалуются на Родину иностранным корреспондентам! Вот они, пробелы патриотического воспитания в раннем детстве! Ивановой на них нет. Ну, ничего, этих выселили — и других выселим, которые не понимают государственного интереса...

Так называемый олимпийский закон, фактически обязывающий собственника продавать свою недвижимость государству по цене, установленной самим государством, становится прецедентом, пишут СМИ. В марте мэр Москвы Лужков инициировал поправки в Земельный кодекс, значительно упрощающие процедуру изъятия земель у граждан. Проект аналогичного закона обсуждает и свердловское правительство. Как передает агентство «Новый регион», на прошлой неделе мэр уральской столицы Чернецкий попросил главу области Эдуарда Росселя помочь ему в борьбе с «жадными екатеринбургскими садоводами».

Жадины-говядины, живущие под Екатеринбургом на своих шести сотках и не желающие идти на снос, выгодно оттеняют бескорыстие мэра Чернецкого, известного этим своим бескорыстием на весь Урал, особенно после череды предвыборных бартеров с «уралмашевской» ОПГ (эти ребята известны альтруизмом уже на всю страну)... И все мы, конечно, желаем г-ну Чернецкому и г-ну Росселю, тоже большому аскету, успехов в их неравной борьбе с этим страшным злом, жадными уральскими садоводами!

Теперь новости правосудия. На всех парах несется оно навстречу Леониду Невзлину, решившему переждать этот сеанс в Израиле. А зря! Вот ей-богу, зря он не приехал в Мосгорсуд — там есть на что поглядеть.

Как сообщают СМИ, в минувший понедельник девятнадцать из двадцати свидетелей, вызванных в суд по делу Невзлина, обвиняемого в организации убийств и покушений на убийства, в суд не явились. Двадцатая свидетельница в суд пришла, но показания давать отказалась. Ведущий заседание судья Новиков, комментируя происходящее, в частности, сказал: «Такого вообще не бывает...»

Бывает-бывает! Вот она, паучья сеть сионизма! Причем когда свидетели не приходят — это еще полбеды. Когда они приходят и начинают говорить, получается еще глупее, потому что все эти потенциальные жертвы Невзлина утверждают, что убивать их Невзлину не было никакого смысла. Ни подосланными киллерами, ни парами ртути... В процессе допроса одного из потерпевших как-то уже совсем глупо выяснилось, что мотив для покушения ему сформулировало следствие, а сам он считал и считает это полной лажей... И что прикажете делать судье Новикову? Ведь Невзлин же убийца, это ж давно решено и населению по всем телеканалам рассказано! А тут такая ерунда. Ну, ничего, не впервой. И не такие логические пробки пробивали судейским вантузом. Будет Невзлин убийцей, вот увидите: раз надо, значит — будет!

Но слава богу, серийный убийца Невзлин уже давно угрожает только израильтянам, а в России остались люди чистые, один прекраснее другого... И делают друг другу — только приятное!

Председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов поддержал инициативу о принятии в Союз Рамзана Кадырова — и публично извинился перед ним за инцидент, связанный с выдачей журналистского удостоверения, передает Интерфакс. СМИ отмечают, что извинения были принесены заочно: Кадыров не нашел времени встретиться с главой Союза журналистов России во время его приезда в Чечню.

Когда пару недель назад группа холуев республиканского масштаба организовала Кадырову корочку члена Союза журналистов, Рамзан, будучи человеком простым, заявил, что он это в гробу видал, а журналистов вообще ненавидит. И показалось мне, что недоразумение исчерпано, и каждый остается при своей специальности: журналисты — писать статьи, а Кадыров — отрезать головы и осваивать финансирование. Но тут из кустов вышел глава Союза Всеволод Богданов с извинениями... Умница! Только так и надо! Лизнуть, а когда тебе плюнули на голову, извиниться и лизнуть еще раз. И мужественно настоять на своем праве лизать всякий раз, когда приспичит! Но вот незадача: лизнул Богданов Кадырова не в персональном порядке, а как глава Союза журналистов, от имени всего нашего цеха. Отчего у меня во рту немедленно образовалась конюшня. Поэтому я, пожалуй, выхожу из Союза журналистов — из гигиенических соображений. Пойду прополощу рот на свободе...

Но от мелких сюжетов республиканского розлива вернемся в мир большой политики. Не появилось ли там в отчетный период каких-нибудь новых идей? Новых — нет. Все те же.

Оптимальный срок пребывания на посту президента РФ должен составлять от 12 до 15 лет, заявил губернатор Костромской области Игорь Слюняев. «Даже вхождение в курс дел требует значительных временны́х рамок, — сказал Слюняев. — Поэтому два срока — это мало».

Ну конечно, мало! Особенно если вытаскивать в президенты кого попало из-под низу колоды. Накроет эдак бедолагу сходу шапкой Мономаха с ногами и аппаратом — пока наощупь сориентируется, уже полсрока долой. Да и россиянам тоже надо дать время оклематься, привести голову в порядок, сообразить, с какого бодуна они ставили галочку в этой клетке...

Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в начале марта, каждый четвертый россиянин, голосовавший за Дмитрия Медведева, не может сформулировать мотивы своего поступка.

М-да... Тут давеча Бастрыкин этот, из Следственного комитета, делился секретами мастерства: по ряду важных дел, сказал, следователям «удалось усилить память свидетелей с помощью гипноза». Так вот, насчет мотивов голосования за Медведева... Дело-то важное, надо бы выудить из россиян эту тайну, — так может, попробовать гипнозом? Усилить память свидетелей? Потому что обычным среднеевропейским способом (мозгами и без посторонней помощи) россияне с этим анализом явно не справляются.

И напоследок — дивный, почти сказочный сюжет из Нижнего Новгорода. Девять тамошних нацболов, находясь в элегическом настроении, скатали у стен нижегородской областной прокуратуры большого снеговика с носом-морковкой — и повесили на него табличку «самый главный экстремист». Они думали, что они пошутили... Но местный уровень юмора обнаружился через несколько минут. К нацболам вышел милицейский начальник с симптоматичной фамилией Козлов — и пятеро участников гуляния были задержаны «за оскорбление снеговика»! Задержанных обыскали и переписали их паспортные данные, а табличку Козлов реквизировал в качестве вещдока. Я думаю, не стоит останавливаться на достигнутом. Табличка есть, состав преступления налицо... Как там, в анекдоте? — *Для вас, Козлов, целый уголовный кодекс написан...* Да и сам снеговик — не был ли в сговоре? В общем, большой простор открывается.

Счастья вам!

05.04.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Неделька выдалась разнообразная — все органы власти постарались, со всех ветвей свисают подарочки россиянам, только успевай подбирать слюну... Ну, обо всем по порядку.

Важнейшим качеством для всякого руководителя является умение найти в своей работе главное и отсечь лишнее. Чтобы лишнее не мешало главному! На минувшей неделе Федеральная Служба Безопасности в очередной раз показала всем, что понимает приоритеты правильно.

Следствие по делу об убийстве Галины Старовойтовой прекращено из-за истечения сроков ведения следствия. Об этом сообщила Федеральная Служба Безопасности России. В официальном извещении причиной прекращения следствия названы «большой объем оперативно-розыскных мероприятий, а также окончание срока расследования».

Да-да, прежде всего — окончание срока расследования! Правда, уже много лет никто ничего и не расследовал. Стрелявший сидит, а чего он стрелял? Кто его попросил? Ну, в общем, никто на ответе не настаивает. Хотя на

суде, помнится, называлось имя посредника, депутата Госдумы от одной очень либеральной и страшно демократической партии. В настоящее время этот сокол обитает на своей вилле в теплых нездешних краях, и адресок известен... Конечно, он мог бы рассказать о заказчике убийства, но раз срок расследования прошел, то и с плеч долой, правда? Тем более, — как там в бумаге сказано? — «большой объем оперативно-розыскных мероприятий»! О да! Просто зашиваются от работы чекисты. Кругом же британские шпионы, носящие в карманах визитки сотрудников ЦРУ! То есть там так и было написано, на визитке: сотрудник ЦРУ! И все чекисты, ясное дело, брошены в пекло этого незримого боя. Угорают там помаленьку... А последние холодные головы были давеча брошены (цитирую Патрушева) на «пресечение исламской агрессии на Урале». Вы на Урале были? Ну, тогда вы в курсе. Исламская агрессия — это главное, что грозит хребту! «Уралмашевская» ОПГ, заодно с губернатором Росселем, изо всех сил отражает атаки Бен Ладена, но без Патрушева их, конечно, скоро накроет зеленым знаменем, если только раньше не задохнутся всем скопом от Нижнего Тагила... В общем, на разрыв работает Герой России Патрушев-Бесланский, на разрыв! Еле хватило сил слетать в Антарктиду, чтобы «прервать монополию США на Южный полюс». Ну? Можно ли отвлекаться на поиски убийц Старовойтовой, когда вокруг такие задачи?

Ну, чекистам спасибо сказали: кто еще в России на охране закона? Милиция, разумеется! Тоже чистые руки. Но волосатые...

Ежемесячный неучтенный доход московских милиционеров достигает одного миллиарда рублей. По информации издания «Московский корреспондент», в эту сумму входят взятки сотрудникам ГИБДД, поборы с незарегистрированных мигрантов, а также с ларечников и уличных торговцев, прекращение уголовного преследования за деньги, выкуп задержанных и многое другое.

Вы представляете себе эту нервотрепку, эти галеры? Всех окучить, со всех собрать... А ведь эти нечестивцы — торговцы-ларечники, мигранты... — они ж норовят утаить всякий дензнак, просаботировать, прошмыгнуть мимо стража порядка! И еще потом в спину обзываются — козлами, волками и всякими погаными ментами... Да тут не срок надо давать за коррупцию, а молоко за вредность! Впрочем, на молочко милиционерам доплачивают.

В 2007 году московской милиции было выделено семнадцать с половиной миллиардов рублей, а в нынешнем милиция получит бюджетных денег на пять миллиардов больше. Между тем данных о точном количестве стражей порядка в Москве нет, пишет издание «Московский корреспондент».

Я считаю, это правильно, что нет точных данных о количестве милиционеров в столице! Это государственная тайна! Чтобы преступное сообщество не смогло посчитать заранее размеры откупа. Мы их однажды разорим и тем победим организованную преступность! Единственное, что может этому помешать, — разумеется, журналисты. Они выдали гостайну, раскопав некоторые косвенные данные. И по косвенным этим данным получилось, что белокаменную охраняет около ста пятидесяти тысяч бойцов — в три раза больше, чем охраняет Нью-Йорк, где численность полицейских не является государственной тайной! И как-то при этом там, в Нью-Йорке, среди бела

дня скинхеды ножиками не балуются... Из этого некоторые скептики сделали поспешный вывод о неэффективности московской милиции... Но это они просто еще не знали об операции «Первоцвет»!

Правительство Москвы отчиталось о завершении первого этапа операции «Первоцвет-2008», целью которой является пресечение незаконной торговли подснежниками. За три недели к административной ответственности привлечен 71 правонарушитель. По данным правительства Москвы, в прошлом году в аналогичной операции «Первоцвет-2007» участвовало 26 тысяч сотрудников правоохранительных органов столицы — ППС, ДПС, участковые и бойцы Управления по борьбе с экономической преступностью.

Вау! Отлов бабушек с подснежниками силами УБОПа! Тут не до скинхедов, конечно... Я, как это услышал, сразу бросился к калькулятору — и вышло, что если прошлогодние масштабы операции сохранились, в этом году на одну преступную бабушку пришлось по 366 и две десятых мента! А вы еще спрашиваете, почему у нас милиции в три раза больше, чем в Нью-Йорке... Да они наших бабушек не видели, главный оскал преступного мира!

Как вы сами понимаете, для того, чтобы каждый год увеличивать на четверть содержание бойцов ППС, ДПС, УБОПа и остальных героев, охраняющих нас от бабушек с подснежниками, россиянам надо богатеть нарастающими темпами. И, кажется, это дело под надежным контролем.

Выступая на российско-сингапурском деловом форуме с докладом о перспективах России, вице-премьер Нарышкин заявил, что к 2025 году ВВП России в пересчете на душу населения достигнет пятидесяти процентов от уровня США, а в 2030 году — семидесяти процентов.

М-да... Тут самое время заметить, что в былые российские времена неподалеку от Нарышкина обитал Потемкин, и грядущие российские деревеньки, нарисованные в воздухе перед ошалевшими сингапурцами бестрепетной рукой российского вице-премьера, больше тянут на потемкинские... Впрочем, есть и более тревожная версия (тревожная для США). Потому что если Нарышкин не соврал, — это ж как надо Штатам деградировать к тридцатому году, чтобы у среднего россиянина обнаружилось 70% от их уровня жизни? А впрочем, на этот среднеарифметический счет только что появилась одна вполне оптимистическая статистика...

Россия вышла на первое место в мире по числу миллиардеров в государственных структурах, пишет журнал «Форбс». В настоящее время в парламенте страны заседает 12 миллиардеров с общим состоянием 41 млрд долларов. Большинство из них связаны с партией Владимира Путина «Единая Россия», отмечает издание.

А-а... Ну, если Нарышкин говорил в этом смысле, то резкий взлет нашего среднеарифметического благосостояния к тридцатому году я вполне допускаю и без Потемкина... То есть, пардон: как раз с Потемкиным! С Потемкиным, с Нарышкиным, с Разумовским, с графом Орловым... Привычная среднеарифметическая благодать! Те, которые поближе к скипетру (то бишь, к вертикали), бьют мировые рекорды благосостояния, а остальные чешут репу и ждут пугачевщины... Которая, как известно, начинается в один прекрасный день при стопроцентном рейтинге государыни-матушки, в обстановке полного единения народа и власти!

Отчасти в развитие темы о растущем благосостоянии начальства — новости из Мосгорсуда, со слушаний дела об убийстве первого зампреда Центробанка Андрея Козлова. Оттуда хорошие новости, господа! Хорошие — для начальства, разумеется.

Судья Наталья Олихвер запретила оглашать в заседании версию о связи убийства Козлова с делом банков «Дисконт» и «Райффайзен», через которые, по данным журнала «The New Times» и австрийской прокуратуры, крупные российские чиновники выводили на Запад миллиарды долларов.

Умница судья! Раз уже решено, что Козлова убил банкир Френкель, — зачем усложнять дело? Зачем вспоминать, что сразу после убийства руководители Центробанка в один голос называли вероятными заказчиками именно авторов «черной схемы» банка «Дисконт»? Зачем допытываться у них: отчего это потом они дружно закрыли рты на замочек по поводу своей же версии? И уж тем более ни к чему интересоваться данными о том, что слежка за Козловым началась задолго до появления на горизонте банкира Френкеля, но как раз почему-то спустя несколько дней после того, как Козлов направил в МВД информацию о странной деятельности банка «Дисконт»... В общем, куча лишних вопросов, — и молодец судья Наталья Олихвер, что не дала сбить суд с пути истинного, определенного свыше.

Теперь несколько неприятных слов о нас с вами, дорогие радиослушатели. Опять мы, недостойные, расстроили начальство своей общей убогостью, закоренелым маловерием и недостаточным гражданским сознанием... Тьфу на нас.

Две трети россиян не поверят Центризбиркому, если результаты последних избирательных кампаний будут поставлены под сомнение. Таковы данные соцопроса, заказанного самим ЦИКом. Как пишет «Независимая газета», член ЦИК Игорь Борисов выразил расстройство политической пассивностью граждан, которые не могут сформулировать, что именно их не устраивает в проведении кампаний. «Это тревожный симптом, — заявил Борисов. — Мы вместе с социологами не можем определить, по какой новой причине избиратель перестал ходить на выборы».

Позвольте: как это «перестал ходить на выборы»? Не верю ушам. У нас же при Чурове явка растет, как Гвидон в бочке! Распирает обручи! Или член ЦИК Борисов знает что-то такое, чего мы, убогие, не знаем? Какую-нибудь реальную ненадутую цифру? Так вы не скрывайте от нас, г-н Борисов... А вот насчет расстройства по поводу нашей политической пассивности — это вы точно зря! Будь мы политически поактивнее, давно бы погнали вас всех погаными метлами вдоль по Большому Черкасскому переулку в сторону Лубянки, да, боюсь, и Лубянку бы тоже сняли с кресел... А так — кочумаем на радость начальству: рисуйте за нас любой процент, вот только веры потом не требуйте, ладно! Мы тут ленивые, но все ж таки не совсем тупые, правда?

Впрочем, в последнее время из недр власти, из самой сердцевинки, начали вдруг доноситься удивительные эврики... То Владимир Познер вдруг возьми да и заяви, что в России нет свободы слова, — то есть говорит: что ж такое? того зови, этого не зови! Просто как вчера с CNN... А то вообще члены ЦИК бунтуют, — ну так, аккуратно бунтуют, не сильнее Познера, но все же.

«Мы должны одинаково подходить ко всем кандидатам и партиям», — приводят «Новые известия» слова члена ЦИК Елены Дубровиной. Дубровина высказалась также за необходимость воспитания гражданской позиции, чтобы «изжить механизм принудительного голосования». «У нас нет механизма принудительного голосования. Мы не в Бельгии», — возразил ей на это председатель ЦИК Чуров.

Чуров, я вас люблю. Вы, Чуров, умеете так сформулировать, что только остается — процитировать. Да, мы не в Бельгии. Там кружева, шоколад и бриллианты, а чудес-то не бывает! А у нас — то леший бродит, то РУСАЛко на ветвях сидит, а то рождаемость и смертность, как по заказу, начинают гулять по предвыборной синусоиде... Вы, Чуров, должно быть, не читаете журнал «The New Times». А зря. Там, специально для вас, социолог Орешкин приготовил дивные образцы арифметики...

По данным ЦИК, с июля по декабрь 2007 года в России прибавилось больше полутора миллионов избирателей, пишет «The New Times». При этом, как отмечает издание, за тот же год Росстат зафиксировал убыль населения в России на 478 тысяч человек. Ну, вы эту механику понимаете, да? Декабрь 2007-го, парламентские выборы, пропорциональная система: чем больше населения, тем выше доля победителя (при условии, разумеется, что все граждане, существующие только на бумаге, проголосуют именно за него... — но тут как раз сомневаться нет оснований). Единоросс Чичиков получает место в Думе с души населения, а живая та душа, мертвая ли — это единороссу без разницы. Но чу! — следим за синусоидой. Прошел декабрь две тыщи седьмого, настал март две тыщи восьмого — что с демографией? Отлично с демографией! — вымирать начали, как по заказу. Дружно так, к марту, со скоростью хорошей эпидемии, вымерли на миллион с лишком. В лидерах мора — Москва, Питер и Краснодар. И они же, что характерно, в лидерах прироста явки! Соображаете? Правильно: чем меньше народу в списках, тем выше процент явки! А нижний-то порог отменен... Была бы такая лафа, что все бы умерли, кроме Медведева с Путиным, вообще бы 100% получилось. Вот такая занимательная арифметика. Теперь остается только унять тяжкую думу членов ЦИК и понять: отчего же это россияне не доверяют Центризбиркому? Ну, чего мы такие несознательные сволочи, а?

Госдума России в среду приняла специальное заявление «памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР». В документе, внесенном на рассмотрение нижней палаты депутатом Затулиным от имени фракции «Единая Россия», искусственный голод 1932—1933 годов, известный под названием «голодомор», рассматривается как преступление коммунистического режима, но не этнический геноцид. Впервые в России официально названо количество жертв голодомора — семь миллионов человек.

Ну, семь там было миллионов или десять, никто уже не узнает, потому что перепись тридцать седьмого года закончилась поголовным расстрелом переписчиков, — но чудны дела твои, Господи! Жили себе российские депутаты, в ус не дули, и не скребли их ни секунды жертвы голодомора, и никаких преступлений коммунистического режима там не обнаруживалось. Даже не озаботились включить миллионы погибших в число жертв политических репрессий: ну, умерли и умерли, не о чем говорить! А депутата Затулина все

эти годы поочередно волновали проблемы американской гегемонии, прибалтийского фашизма и украинского национализма. Но чего только не сделаешь назло соседям! Киевские симметричные депутаты, которые назло москалям бабушку зажарят, решили давеча поиграть в «этнический геноцид» против украинцев, — ну, Затулина и повело на ответные меры! И депутаты российской Госдумы выхватили «голодомор» из рук украинской Рады и признали его в другой трактовке. Минус на минус — равняется плюс. Так, значит, Сталин у нас все-таки — убийца? Приятные вести.

И напоследок — о неизменном порядке вещей. Он чуть было не пошел под откос, этот порядок, но, слава богу, все осталось, как есть... Слушайте внимательно.

Комитет Госдумы по безопасности рекомендовал отклонить поправки в закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс об административных правонарушениях, внесенные Советом Федерации. На заседании комитета в минувший четверг было принято решение о необходимости доработки данного законопроекта, в связи с чем депутаты намерены посоветовать сенаторам внести коррективы в их законодательную инициативу и перевнести законопроект в Госдуму, приведя в соответствие с законом ряд юридических и технических вопросов.

Вы что-нибудь поняли? Вот и хорошо. Потому что никто и не хотел, чтобы было понятно. Отсюда и вся эта ботва про доработки, перевнесение и согласование... А для ясности следовало ведь сказать только одно слово: мигалки. Мигалки они с себя снимать не хотят, вот про что тот закон! Попиарились, ваньку предвыборного поваляли — и хорош! Грызлов при телекамерах кастрюлю синюю со спецсигналом со своего членовоза торжественно снял, телевидение разъехалось, он кастрюлю по тихому обратно прикрутил и будет под этой проблесковой кастрюлей ездить по гроб нашей жизни. И остальные, кто к кастрюле прорвался, ее не отдадут. Это и есть стабильность.

Счастья вам!

12.04.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Хрестоматийная неделька получилась — тут тебе и генеральский рык, и гражданское распоясавшееся начальство, и политический вертеп, и спортивные достижения с южным акцентом, и конечно — вечное карамзинское «воруют»... Ну, обо всем по порядку.

А начнем с внешних врагов, заваливающих наше несчастное Отечество шпионами и террористами. Эту сказку про белого бычка мы слушали тысячу раз, но пластинку, видать, заело крепко.

Некоторые иностранные неправительственные организации помогают международным террористам вести вербовку на российской территории, в частности, молодого населения. Об этом в минувший вторник, выступая на заседании Национального антитеррористического комитета, заявил глава ФСБ Николай Патрушев.

Ну, с иностранными неправительственными организациями нам давно все было ясно, но засветиться на подготовке террористов — это, я вам ска-

жу, полный провал! И я, конечно, очень обрадовался успехам ФСБ, Национального антитеррористического комитета и лично Николая Платоновича Патрушева, всем этим невидимым фронтом командующего. Стало быть, кого-то они все-таки отловили! Это славно. А то многие, признаться, считают Николая Платоновича дармоедом, который только и может, что находить в кустах шпионские камни, которые сам же туда и положил. Но раз он сказал про террористов, значит, есть факты! И я начал шарить по Интернету в поисках имен злодеев и названий ихних злодейских гнезд. И обнаружил невиданный разор этих гнезд: за шесть последних лет власти «вычистили» четыреста тысяч НКО! Но как назло, ни одно из них не было ликвидировано за подготовку террористов. И злодеев-иностранцев взято было за жабры с поличным — ноль целых ноль десятых. И я, вот уже пятый день, нахожусь в сильном недоумении: то ли глава ФСБ Патрушев просто безответственное трепло и, как было сказано выше, дармоед, то ли он, наоборот, сильно информированный глухонемой, потому что мычит Николай Платонович про шпионов и террористов давно и страстно, но ничего членораздельного мы от него так и не дождались...

Да-да, надо усилить контроль за западными неправительственными организациями, а остаток чекистов бросить на слежку за правозащитной бабушкой Алексеевой... В общем, все на борьбу с Западом! И главное — не забыть выписать главе ФСБ новую звезду Героя за успехи в околачивании груш! Слышите, какое эхо по стране?.. Или это — от взрыва? Ах да. Как раз в тот самый день, когда генерал Патрушев в очередной раз запустил на полную громкость свой органчик, в СМИ появились результаты экспертиз, проведенных на месте взрыва на улице Королева в Москве. Стали известны и некоторые подробности биографий погибших...

По итогам предварительного расследования, причиной взрыва в жилом доме на улице Королева в Москве было случайно приведенное в действие безоболочное взрывное устройство, начиненное аммиачной селитрой. Об этом пишет «Комсомольская правда» со ссылкой на неназванный источник в правоохранительных органах. Двое погибших при взрыве были активистами праворадикальной ДПНИ.

ДПНИ — это, в отличие от Британского совета, такая дружественная Патрушеву организация, и двадцать пять килограмм в тротиловом эквиваленте, рванувшие, по относительному счастью, в руках изготовителей бомбы, а не на рынке среди людей, — неплохой повод пригласить их лидера, г-на Белова-Поткина, в ФСБ, не так ли? Не на допрос, упаси боже, а, как обычно, — гостем на очередной корпоративный праздник: он ведь частый гость на Лубянке... Выпить-закусить, поговорить о засилье «черных», об опасности западного влияния... А там, глядишь, и снова горячее подадут... в тротиловом эквиваленте.

В дружный хор голосов, поющих об иностранном заговоре, на прошлой неделе уверенно вписался баритон начальника Следственного управления Следственного комитета г-на Довгия. Этот певец закона, только что выгнанный прочь по случаю коррупционного скандала, в последний момент, не щадя себя, успел слить газете «Известия» важнейшую новость: за убийством Политковской стоит Березовский! Ну, в сторону Лондона уже полто-

ра года кивают все, кому не лень, начиная с Путина, но Довгий намеками не ограничился, а прямо сказал: заказчик — Березовский! Вслед за чем рассказал «Известиям» и обо всей преступной цепочке. Зачем? Ну, наверное, чтобы преступная цепочка была в курсе...

Трогательная забота федерального начальства о том, чтобы следствие не застало врасплох подозреваемых по делу Политковской, заслуживает отдельной дырочки: либо в голове, либо на погонах (в зависимости от представлений об офицерской чести). Особняком здесь сидит, в ожидании ордена, генерал Купряжкин, собравший однажды специальную пресс-конференцию, чтобы «слить» информацию об аресте чекиста Рягузова — до того, как тому было предъявлено обвинение. Некоторые тогда предположили, что Купряжкин просто сошел с ума, но прошло несколько месяцев, а генерал все не на Канатчиковой даче, а по месту работы. Нормален, стало быть. А зачем же он это делал? Не знаю... Но не исключено, что верно сориентироваться нам поможет название генеральской должности. Купряжкин — начальник управления собственной безопасности ФСБ! Собственной, понимаете?

Так вот, кстати (об их собственной безопасности) — вернемся к главе Следственного управления Довгию, открывшему вдруг рот на ширину известинской полосы. Организатором убийства он назвал неуловимого и ужасного Хож-Ахмеда Нухаева (что, надо сказать, совпадает с данными следствия), а от Нухаева ниточка у Довгия потянулась прямиком к Березовскому, с которым — вот главная улика! — Нухаев имел дела во времена «Логовваза»... Других улик нет? Нет. Это сильно. Список людей, с которыми Березовский имел дела в девяностые годы, займет мелким шрифтом страниц сорок, а крупным шрифтом там будут фамилии ну буквально всей нынешней политической элиты, — начиная с Путина, регулярно и терпеливо стоявшего с букетом в длинной череде желающих поздравить всесильного Бориса Абрамовича с семейным праздником... Так что, я думаю, гораздо полезнее для дела глянуть в список контактов Нухаева: вдруг там, кроме Березовского, найдется что-нибудь интересненькое? Ой, найдется.

По информации «Новой газеты», так называемая лазанская преступная группировка, которую возглавляет Хож-Ахмед Нухаев, с начала девяностых годов работает под контролем ФСБ. Многие члены этой преступной группировки являлись и являются штатными сотрудниками Федеральной Службы Безопасности России, чему имеются многочисленные документальные подтверждения.

Ну, вот так, стало быть... Причем не сказать, чтобы «Новая» сказала тут что-то совсем новое для профессионалов. Бывший прокурор Колесников много лет назад вынужден был официально подтвердить эти опасные связи по запросу депутата Щекочихина. А совсем недавно, на Украине, один киллер начал вдруг громко возмущаться во время суда, что ему, сотруднику российской ФСБ, дают пятнадцать лет... Любознательные люди проверили, и оказалось — не врал человек! Был он и киллером «лазанской» преступной группировки, и штатным сотрудником ФСБ: два в одном, как шампунь! В общем, группировка ли так пронизана агентурой ФСБ, или ФСБ насквозь пронизано этой группировкой, — считайте, что хотите, но ловить мы, ко-

нечно, будем Березовского — ныне, присно и во веки веков. А Хож-Ахмед Нухаев, фигурант двух громких дел об убийствах, пускай себе спокойно ведет негромкий нефтяной бизнес в Туапсе и Новороссийске, благополучно партнерствуя с г-ном Тимченко, новоявленным миллиардером и близким другом Путина. Надеюсь, эти контакты Хож-Ахмеда не заинтересуют следствие, — ведь это отвлекло бы нас от ловли Березовского!

Ну, следствие на верном пути: роет под Биг-Беном. А вот от Фемиды пришли давеча тревожные новости...

Совет судей России намерен ввести специальные программы подготовки для будущих судей, пишет «Российская газета». В них войдут психологические тесты, собеседования с психологами и добровольная проверка на полиграфе. Как заявил генеральный директор Судебного департамента при Верховном суде России Александр Гусев, тесты, в частности, помогут разоблачить тех, кто стремится в судьи с нечистыми намерениями.

Это, я считаю, диверсия. Зачем нам в судах люди с чистыми намерениями? Монастырь, что ли? Суд — серьезное место, большая политика и денежные потоки! А тут тесты какие-то... полиграф, детектор... Эдак в судейские мантии понабьется честных людей — и начнут сдуру принимать честные решения вместо правильных! Эдак можно и Ходорковского на свободу выпустить! Эдак мы сейчас вместо банкира Френкеля начнем допрашивать участников цепочки банк «Дисконт» — банк «Райффайзен»... Да что там «Райффайзен»! Эдак можно и по Беслану довыясняться в суде черте до чего. В общем, так, господин Гусев: уберите-ка вы свои тесты и полиграф свой засуньте поглубже под диван. Как говорилось в старом одесском анекдоте: не теребунькайте, мамаша, мы проиграем процесс!

Ну, с честными судьями — это они немного отвлеклись от лекала, зато партстроительство идет строго по чертежам!

Политические клубы «Единой России» в ближайшее время будут встроены в структуру партии. На минувшей неделе соответствующую хартию подписали координаторы трех клубов: Андрей Исаев, Владимир Плигин и Ирина Яровая. «Мы обращаемся к руководству партии с призывом поддержать инициативу наших клубов по развертыванию конструктивной дискуссии», — говорится в хартии.

Конструктивная дискуссия под присмотром Грызлова — это раздолье для свободного ума! Пикассо, Шагал и Сальватор Дали обсуждают пути развития живописи в рамках соцреализма на выездной комиссии Союза художников под руководством Налбандяна... Впрочем, в нашем случае, я думаю, все будет гармоничнее: сами дискуссанты тем же пыльным мешком ударены, что и начальство, и больших закидонов не будет. Три головы этого казарменного змей-горыныча пожуют немного своей словесной жвачки, поизрыгают дежурное пламя, потом там внутри все это попереваривается в централизованном чреве — и прямым ходом по одноименной кишке... А что на выходе — даже и говорить неловко. А зачем же тогда? — спросите вы. Как зачем?

Хартия, подписанная на минувшей неделе, может стать первым шагом к созданию внутрипартийных фракций, которыми Кремль попытается заменить остальные партии, пишет «Ъ». По мнению представителей оп-

позиции, именно такое развитие событий представляется наиболее вероятным.

Еще вопросы? Ну, вот то-то. Изображать деление внутри себя они начали еще три года назад — разговоров было!.. Внутрипартийная дискуссия, левое крыло, правое крыло... Те же Плигин с Исаевым Троцкого с Бухариным из себя поизображали, на них рыкнули разок из центрального аппарата, они и притихли. Но нужна же стране хоть какая-то политическая жизнь после того, как реальную закатают под асфальт окончательно! Не Пхеньян все-таки. Ну, вот и достали из мешка ту же сладкую парочку, добавили к ним даму, свежеслепленную из ребра Проханова — вот тебе и весь вертеп. Можно начинать представление «Конструктивная дискуссия». То-то публике радость!

Ну, с контролем над идеологией больших проблем не предвидится, а с журналистами все вообще зашибись!

С седьмого апреля журналистам, аккредитованным при правительстве Российской Федерации, запрещен свободный доступ в Белый дом. Под запретом оказались и все неофициальные контакты с сотрудниками Белого дома. Для представителей СМИ определен строгий маршрут передвижения, от раздевалки до пресс-центра, под надзором сотрудников Федеральной службы охраны.

Ну, ясное дело: Путин идет! Это вам не Зубков-Фрадков, не говоря уже о Черномырдине. (С юбилеем вас, Виктор Степанович! Вот ведь: надо было дожить до этих небелковых андроидов, чтобы загрустить о вас.) Так вот, стало быть, Белый дом готовится к приходу Путина: все лицом к стене, руки на стену, ноги на ширину плеч! В буфет нельзя, в туалет под охраной, к сотрудникам не подходить, когда будет нужно, вас позовут. На тебе пирожок с водичкой, четвертая власть, зажуй профессию.

Теперь — новости культуры. О, плюньте в глаза тому, кто скажет, что государство жалеет деньги на это дело!

По сведениям вологодского издания «Премьер», на строительство дороги, ведущей к усадьбе Никиты Михалкова на Вологодчине, было потрачено из бюджета двенадцать миллионов рублей.

Ну да, помните, был еще такой фильм — «12»? У больших художников не бывает ничего случайного. У него там угодья, на Вологодчине, у Михалкова. Ну, не только на Вологодчине, разумеется, но там — сто сорок гектар с лесом. Оне там охотятся, на пару с губернатором Позгалевым. Большой художник у нас — большой охотник, в том числе до бюджетных денег. Ну, это у них фамильное... — оне, как гимн кому-нибудь напишут или панегирик снимут, так сразу в бюджет. И ну там стрелять! Одно слово: дворяне...

Да, так я про что хотел сказать?.. Я, конечно, хотел сказать про недостаточную сознательность отдельных российских граждан. Они, услышав про это европейское дорожное полотно к угодьям маркиза карабаса, заверещали, что, мол, как же так? — на Вологодчине дороги «убитые», с царя Гороха не чиненные, дети в школу проехать не могут, а тут, побоку от сметы, казенных двенадцать миллионов на заезжего барина... В общем, мелкие людишки, никакого государственного масштаба! Да пропади они пропадом, ваши дети! Вы соображаете, какие люди могут приехать в гости к Михалкову! Не со-

ображают. Совсем с глузду съехали. Депутаты местные аж прокуратурой стали грозить! Ну, грозить никому не заказано, но хотел бы я посмотреть на того прокурора, который поволочет на скамью подсудимых путинского кореша, автора юбилейного фильма «55». Кстати! «55», а вовсе не «12». Так что вы лучше там готовьте областной бюджет...

Теперь, как положено после новостей культуры, — новости спорта! В прошлые выходные, в четвертом туре чемпионата страны по игре, чем-то напоминающей футбол, в Грозном встречались команда ЦСКА и команда «Терек». Игра наша, но уровень напряжения, как у «Арсенала» с «Ливерпулем»! У каждой команды свои козыри! У ЦСКА — Жо с Красичем, у «Терека» — Кадыров с пистолетом и хорошее настроение по случаю годовщины инаугурации. Но калининградский судья Гвардис решил испортить республике праздник и начал судить так, как будто дело происходило не в Грозном и не в годовщину инаугурации Кадырова. Ну, в перерыве к нему, пройдя через все кордоны, зашел поговорить неизвестный человек с депутатским значком. Этот слуга народа прямо пообещал Гвардису, что, если тот не одумается, его «достанут» — не здесь, так по месту жительства... Уж и не знаю, установка ли на второй тайм так удачно сработала, или братья Березуцкие друг на друга засмотрелись, но «Терек» вдруг победил, и тренер ЦСКА Газзаев первым делом пошел поздравлять Кадырова с годовщиной. Праздник спорта! М-да. Стало быть, от армии Рамзану неприятностей не предвидится. Ждем приезда «Динамо»...

Да, жизнь удивительна — и всякий раз выдает новые коленца. Взять хоть, например, давешнее признание нашего президента о том, что у него наступает долгожданный «дембель»... В прошлый-то раз речь шла о галерах (к которым Владимира Владимировича приковал в 99-м Борис Абрамыч), и многие плакали от сострадания. Новый образ уточнил диспозицию. Стало быть, дембель! О-о, кто служил, тот знает... Это совсем другой коленкор — и совсем другие возможности, по сравнению с галерником. Вот и на саммите в Бухаресте «дедушка» напоследок куражился и наводил ужас на казарму...

По информации газеты «Ъ», президент Путин, выступая на закрытом заседании совета Россия — НАТО, в частности, сказал: «Украина — это даже не государство! <...> Часть ее территорий — это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!» По сведениям издания, Путин фактически пригрозил, что если Украину примут в НАТО, Россия может начать отторжение Крыма и Восточной Украины.

Ну, тут конечно в мире начался шухер, и все бросились под лавки... Нет? Не бросились? В общем, надо признать, как-то не очень... Даже, можно сказать, никто и ухом не повел на дембельские угрозы! Обидно. Но уж такой это жанр — дембель: крыша немного отъезжает напоследок. И окружающие относятся к этому с пониманием. Пускай бузит: проспится — даже не вспомнит. И не будет, разумеется, никакого отторжения Крыма — нечем его отторгать и не для чего... А танки на Донбасс уже посылал из телеэфира Михаил Леонтьев, но тоже как-то наутро обошлось... Не стоит напрягаться: мало ли что сморозит «дембель» на радостях! Кстати, дембель не дембель, а ключи от каптерки оставил себе.

Счастья вам!

19.04.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Чудесной получилась минувшая неделя — столько всего интересного... И машинка времени опять заработала, и государство вступилось за правильного человека, и милиция порадовала взаимопониманием, и вопросы бизнеса снова решались через одно место, и место это, как всегда, было в Кремле... А еще Африка порадовала. Ну, обо всем по порядку.

А начнем с сущей мелочи, почти не замеченной в процессе взаимного переселения начальства из Белого дома в Кремль и обратно, — и уж совсем неразличимой в громе оваций со съезда «Единой России». Впрочем, кому мелочь, а кому и не очень. Особенно если ногами...

По сообщениям СМИ, журналист Григорий Белоручкин, собравший фактические доказательства подтасовки парламентских выборов в подмосковном городе Долгопрудный и намеревавшийся выступить свидетелем на судебном процессе по этому поводу, был избит в день суда.

Ну, точности ради скажем: с судом в тот день не сложилось — председатели участковых комиссий, умницы, попросту не явились на заседание, где должны были объяснить, как вечерние 54% за «Единую Россию» превратились в утренние 82%. Суд был перенесен, а тем же вечером Белоручкина избили. Я думаю, в некотором смысле это можно считать выступлением со стороны ответчиков. Правда, четыре ноги, которыми избивали журналиста, к делу подшить не удастся: нападавших, разумеется, не нашли, как перед этим не нашли тех, кто угрожал Белоручкину по телефону. Причем номера звонивших журналист передал в милицию, но там ему честно ответили, что таких номеров у них в базе нет. А на нет — и суда нет! У нас же перед законом все равны, правда? Представляете, пришел бы в милицию ну, скажем, Грызлов, бывший глава всех ментов, а ныне глава партии, у которой за ночь после выборов нечувствительным образом образуются лишние 28%, — пришел и сказал бы: вот, мне тут звонят с угрозами с такого-то номера, — а дежурный мент зевнул бы и сказал: такого номера в базе нет, гуляйте лесом, Борис Вячеславович, не мешайте работать... Представили? Ну, у вас и фантазия... Да! А суд по делу о фальсификации все-таки состоялся — в минувший четверг. Угадайте, чем закончился? Правильно: суд решил, что никакой фальсификации не было! Просто вечером посчитали — было 54%, а утром пересчитали — оказалось 82%!

Итак, вот вам краткий обзор наших побед с декабря по апрель. 54% за «Единую Россию» превратились в 82%, журналиста, попытавшегося доказать фальсификацию, избили ногами, а «Единую Россию», победившую таким незамысловатым образом и на выборах, и в судах, возглавил президент Путин. Возглавил, но в партию не вступил.

Ну, тут человека понять можно. Бывает, идешь по дороге, а там лежит что-нибудь эдакое... большое и бесформенное, как «Единая Россия». Вступать большого смысла нет, но возглавить — совсем другое дело!.. Шофер большой дерьмовозки — работа не самая интеллигентная, но имеющая свои плюсы: например, можно при случае вылить содержимое на соседа. Например, сосед (допустим, его фамилия Медведев) много о себе возомнит и начнет вести себя так, как будто он не тебе всем в жизни обязан... Приво-

рачиваешь тогда к этой парламентской бочке шланг с импичментом на конце и выезжаешь с Охотного ряда в сторону Спасских ворот... Сверху мигалка, внутри дерьмо, в глазах решимость. Да и ехать не надо! Главное, чтобы сосед (допустим, его фамилия Медведев) понимал твои фекальные возможности и сидел за своими воротами тише воды, ниже травы. Правильно я говорю? Ну вот.

Но заглянем все-таки на съезд этой расчудесной партии. Как говорил Остап, из чистого любопытства. Конечно, тут радио не вполне канает... — это надо было видеть! Ухмыляющегося чуть ли не в открытую Путина, Медведева, с тайной тоской в глазах говорящего раздельной речью автоответчика, — и кувшинные рыла в партийной массовке, до боли знакомые со времен трансляций поздних съездов другой партии. Или это были их папы-мамы? Интересно, эти ломброзианские черты передаются по наследству — или благоприобретаются в процессе сидения на съездах? Ну, а содержание главного доклада — что ж тут говорить? Эта дорожка протоптана давно. Жанр!

Выступая на девятом съезде партии «Единая Россия», Борис Грызлов обозначил задачи, стоящие перед Россией, — в частности, остановился на проблемах использования природного газа, необходимости экспорта питьевой воды, вопросах культуры, проблемах здравоохранения и глубокой переработки круглого леса, а также назвал необходимую численность народонаселения России.

Последним человеком столь широкого интеллектуального охвата был Иван Александрович Хлестаков, тоже из Петербурга. Потом много лет никого не было, и вот явился Грызлов. Он везде, везде! Он всё, всё! Он зрит в корень и обнимает необъятное. Особенно силен этот леонардо в логике. Слушайте цитату внимательно!

ГРЫЗЛОВ. Противники России никуда не делись, и многие вызовы остаются на повестке дня. В этой связи особенное внимание наша партия уделит борьбе с коррупцией. Выполняя поручение Президента, мы инициируем программу антикоррупционных мер.

Понимаете? «Противники России никуда не делись», и «в этой связи партия уделит особое внимание борьбе с коррупцией»! Видать, коррупцией нас инфицировали противники России! Из ЦРУ, должно быть, приполз гад с пробиркой, распылил в Кремле и вентилятором направил это дело во все стороны. Но только Грызлов на страже, и «Единая Россия» инициирует программу антикоррупционных мер! О-о-о, ну теперь коррупции хана. Это было видно уже по лицам в президиуме съезда: Лужков, муж Батуриной, Шаймиев, совладелец татарской нефти, Володин из списка «Форбс» — все они просто горят энтузиазмом. Сейчас как возьмутся за коррупцию! Как выскочат, как выпрыгнут, пойдут клочки по закоулочкам... А Грызлов разошелся не на шутку: назвал чиновничий класс тормозом для развития демократии, потребовал сократить численность! Просто себя не щадит человек...

Ну, это они не в первый раз себя не щадят. С трогательной честностью сам спикер рассказал делегатам о результатах административной реформы 2004 года. Решили они тогда сократить число государственных чиновников высшего уровня! Сокращали-сокращали, и стало чиновников на полмиллиона больше... Помните советский анекдот про выступление председате-

ля колхоза? «В прошлом году мы засеяли двести гектаров пшеницы (аплодисменты), и ее пожрала проклятая тля. В этом году мы засеяли триста гектаров пшеницы (аплодисменты), и ее пожрала проклятая тля. Так засеем же, товарищи, пятьсот гектаров пшеницы, пускай подавится проклятая тля!».

Но, конечно, все, что напоследок трындел с трибуны съезда Грызлов, было совершенно неважно, и все понимали, что неважно, и сам Грызлов понимал в первую очередь. Важно на этом съезде было только одно — вот это...

ПУТИН. ...Я с благодарностью принимаю предложение членов партии и ее руководства... Готов взять на себя дополнительную ответственность и возглавить «Единую Россию»!

А вот угадайте, с какого съезда овации сейчас отзвучали? И какой партии? Ну, пальцем в небо: орел, решка? Потому что правильный ответ я вам не скажу, — неважно это! Главное: на колу мочало, начинай сначала. На пол-Евразии лежит страна в полуобмороке от гордости, в стране — одна великая партия, в партии — один великий лидер, а в игле — кащеева смерть... А дикция — дело наживное!

БРЕЖНЕВ. В партию приходят и лучшие, и рядовые представители советского народа. Однако порой в ряды попадают случайные, недостойные люди...

Общие приметы наступающего большого стиля стирают помаленьку незначительные различия между эпохами... Карта сама идет к карте и ложится в масть!

Общественная палата предлагает учредить звание «Герой труда России», аналогичное званию Герой Социалистического Труда. С этой инициативой выступило недавно Ставропольское отделение общественной организации «Трудовая доблесть России». Как считают авторы инициативы, введение такого звания поможет поднять имидж труда в России, который сейчас крайне низок.

Да, жалко, припозднились немного общественники! Раздать бы звезды Героев труда вместо денег голодающим вторую неделю шахтерам уральской шахты «Красная шапочка», — и они с поднятым имиджем поползли бы снова, дрожа от счастья, ковырять уголь для серого волка Дерипаски... Но я считаю: лучше поздно, чем никогда! И пока шахтеры голодают, добиваясь для себя месячной зарплаты в размере пары куршевельских десертов, Общественная палата во главе с академиком Велиховым уже готова приступить к разработке положения о новом ордене для рабочих!

Да! Стиль — это, как в индийском кино, главное родовое пятно, по которому времена опознают друг друга. И неважно, что там на знамени и какого оно цвета, — стиль не обманет: свои! Важно только не ошибиться с местом распила бюджета, а на этот счет сомнений давно нет, и стойкое направление ветра поворачивает в правильную сторону самые крепкие носы.

Мэр Волгограда, кандидат в члены ЦК КПРФ Роман Гребенников по собственному желанию покинул ряды партии и подал заявление в президиум генсовета партии «Единая Россия». «"Единая Россия" — это наша перспектива», — заявил Гребенников. Еще какая перспектива! Молодец, Гребенников, айда за Путиным, танки грязи не боятся. У нас кто громче всех кричит про народное благо, тот и перспектива! А громче всех кричит тот, у

кого в руках телевидение. Было у коммунистов, перешло к этим, и разница только в размере пилы, которой, под крик о народном благе, можно пилить бюджет. А тут даже и сравнивать нечего: при коммунистах и баррель был поменьше, и Андропов побольше, причем бомба у Андропова была, а интереса к «нефтянке» не было. А сейчас — полная лафа! Только войди в долю с «бугром» и начинай метать с тарелки.

Владельцы контрольного пакета акций Новороссийского морского торгового порта продают 20% компании структурам, подконтрольным Аркадию Ротенбергу, давнему и близкому другу Путина, сообщает газета «Ведомости». По мнению издания, целью сделки является нейтрализация давления, которому акционеры подвергаются со стороны «Транснефти». Издание напоминает, что акционерной компанией «Транснефть» руководит другой близкий друг Путина, Николай Токарев.

Вот она, чистота русского бизнеса, аж слеза наворачивается! Продать долю путинскому корешу, чтобы найти у него защиту от другого путинского кореша. Вот сейчас они, в борьбе за нефтеналивной терминал на Черном море, и начнут меряться глубиной дружбы: к кому сохранилось больше дружеских чувств у чекиста-дзюдоиста? Ну, президент макнет пальчик в нефть, повертит в воздухе, решит... В аналогичном анекдоте про судью было сказано: бери поровну и решай по справедливости.

Не только нефтеналивной — всякий бизнес и всякий бизнесмен в России находится под надежной защитой государства. Если, конечно, бизнесмен классово близкий и знает правила игры...

Представитель МИД России заявил, что Россия предпримет все необходимые меры, чтобы не допустить нарушения прав российского гражданина Виктора Бута, задержанного в Таиланде. По сообщениям СМИ, Бут был задержан по подозрению в сбыте колумбийской наркомафии российских зенитных ракетных комплексов «Игла». Представитель МИД подчеркнул, что Россия претензий к Буту не имеет.

Ну, еще бы. Какие могут быть претензии к человеку, который продавал зенитные комплексы, являющиеся монополией «Рособоронэкспорта»! Это ж тогда пришлось бы на одну подсудимую скамеечку с Бутом сажать целую толпу российских «оборонщиков», любителей толкать налево все, что стреляет! Пришлось бы, небось, допросить и г-на Чемезова, руководившего до недавнего времени этой монополькой и тоже, ясное дело, путинского дружка-корешка с чекистских времен... Не приведи господи, Таиланд выдаст Бута американцам, — как начнет Бут сотрудничать со следствием, как начнет рассказывать про свои торговые цепочки! Холодная голова — чистые руки — Виктор Бут — колумбийская наркомафия... Нет уж. Россия не отдаст врагам своего верного сына! Нашло, слава богу, государство гражданина, чьи права имеет смысл защищать всерьез.

Теперь — немножечко Чечни. Всю прошедшую неделю СМИ обсуждали подробности войны Рамзана Кадырова с кланом Ямадаевых. Ну, началось там все в этот раз довольно банально — повстречались на дороге братки на джипах, дорога узкая, лбы тоже неширокие, уступить не по-пацански, свои уважать перестанут... Начали меряться, у кого шире «кенгурятник». «Кенгурятники», как и лбы, оказались одной ширины, и пацаны начали стрелять.

Ну, в этих обстоятельствах и в Тамбове бы начали стрелять, а тут Кавказ... В общем, ничего особенного — и ничего особо смешного, кроме одного: обе бригады «братков» — наши военнослужащие, а главные «братки» — оба, как на подбор, — Герои России. Один — президент Чечни, а другой — глава спецбригады ГРУ Министерства обороны. Наша гордость, наша сплетенная вертикаль, торчащая из Чечни под прямым углом к Уголовному кодексу, который там давно лежит плашмя! Эти два Героя России раньше, по основному профилю деятельности, делили промеж собой республику, а в свободное время промышляли рейдерством снаружи и пытками внутри, но теперь, кажется, клан Ямадаевых может отойти от дел, потому что федеральный «кенгурятник» у Кадырова оказался значительно шире. Но я думаю, и многочисленные братья Героя России, полковника ГРУ Ямадаева Родине себя еще покажут. Отойдемте подальше, господа, сюда, сюда, в укрытие, полюбуемся этой вертикалью издалека...

Теперь несколько слов о милицейской службе. Она опасна и трудна. Но не сказать, чтобы на первый взгляд как будто не видна. Видна с первого взгляда! Бросается в глаза.

В прошлые выходные сотрудники милиции избили участников разрешенной акции против милицейского беспредела на Славянской площади в Москве. Когда участники акции развернули растяжку с надписью «Долой ментовский беспредел!», сотрудники милиции посчитали это оскорблением и накинулись на пикетирующих, сообщают СМИ.

Неформалы, конечно, во всем виноваты сами: не то написали на транспаранте! Ну что им мешало написать: «Спасибо сотрудникам правоохранительных органов!» — милиционеры бы тогда их пальцем не тронули и подарили бы каждому по белой гвоздичке. А тут — «ментовской беспредел...» А в милиции люди тонкие, непосредственные, вот и обиделись. Вот вы когда обижаетесь, — вы что делаете? Плачете в подушку? А милиционер, когда обижается, он сразу кулаками в рыло! Он ведь страж закона, последний оплот практически... А вокруг — такая мразь. И ладно бы только неформалы, а то — просто на улицу не выйдешь без криминала!

Выступая в минувшую среду в верхней палате парламента, глава МВД Рашид Нургалиев обвинил автовладельцев в провоцировании коррупции среди сотрудников ДПС. Глава МВД предложил строго наказывать водителей за попытки подкупа сотрудников милиции.

Да-а... Нургалиев вообще производит впечатление неглупого человека (когда молчит). Но как только он открывает рот, тут-то и становится ясно, что Нургалиев просто умен!

А теперь — обещанные приятные вести из Африки. В Зимбабве восстанавливается помаленьку стабильность. Деструктивные силы оппозиции думали прорваться к власти с помощью честных выборов, — и, когда их кандидат набрал больше половины голосов на выборах, они решили, что победили. Наивные люди! Гарант стабильности, символ борьбы с американским империализмом, восьмидесятичетырехлетний Роберт Габриель Мугабе не бросил свой народ на произвол демократии, а мигнул глазом — и тамошний черный Чуров просто не стал объявлять официальные результаты выборов. Вот не стал, и все! Пока лидеры оппозиции пытались понять,

как такое возможно, Мугабе их просто всех арестовал и явочным порядком ввел в стране военное положение. Короче, оранжевая зараза не прошла! Народ Зимбабве продолжает радоваться стабильности. Мугабе там у власти уже третий десяток лет, и степень счастья зимбабвийского народа мы будем в состоянии оценить только году в двадцатом, когда на третий десяток пойдут эти... В общем, у нас все впереди.

И напоследок — еще одно сообщение на африканскую тему, вселившее в меня некоторый, хотя и умеренный, патриотический оптимизм.

Политики центральноафриканского государства Габон все чаще убивают детей с ритуальными целями. Как пишет английская «The Daily Mail», племенные вожди, претендующие на высокие государственные посты, верят, что жертвоприношение ребенка повышает их шансы в победе на выборах, которые должны состояться в конце апреля.

Габон — государство нам дружественное и в некотором смысле сосед (я имею в виду рейтинги коррупции). Ну и вообще — много нефти, кругом враги, уровень жизни все никак не вырастет... Короче: я раньше Габон так себе и представлял — эдаким Сургутом, но под пальмой! А там, оказывается, перед выборами детей потрошат — для улучшения процента. Господи! А я еще, бессовестный человек, Грызлову замечания делаю, Чуровым недоволен. Да они ангелы, просто ангелы! Подумаешь, Каспарова в Останкино не пускают, делов-то. Нет, у нас в России еще вполне ничего... жить можно.

Счастья вам!

26.04.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Чудесная минувшая неделя подарила нам новые знания о нашем руководстве — не то чтобы совсем новые, конечно, но очень выразительные! Ну, и по судебной части много приятного... И про нравственность не забыли промеж бюджетного распила. Классная неделька! Ну, обо всем по порядку.

А начнем с большой удачи, которой был ознаменован конец прошлой недели. Мы сразу поняли, что это была удача, но сначала не твердо понимали, чья...

Бывший советник президента России Андрей Илларионов объяснил списание ливийского долга России во время завтрака Путина с Каддафи интересами лиц, возглавляющих госкорпорации. Аналогичная схема, как утверждает Илларионов, была применена при списании многомиллиардных долгов Алжира, Сирии и Ирака. СМИ подчеркивают, что всеми корпорациями, получившими сверхприбыли в результате этих сделок, руководят друзья Путина.

Странный все-таки человек этот Илларионов! Ну, был должен Каддафи России 4,5 миллиарда, — какая кому от этого польза, если он все равно их не отдает? Не то чтобы в нефтяной Ливии не было денег, — просто не хочет, и все! А великая Россия, регулярно встающая с колен, чтобы нагадить на британского посла или победить в неравной войне с боржоми, тут застенчиво ковыряет пальцем стенку и настоять на отдаче долга не может. Но два полковника — два орла — выход нашли, и на двоих съели российс-

кий долг во время завтрака. Да и зачем, действительно, Путину возвращать долг Каддафи в российскую казну, если можно просто переложить его в другой карман? Не в свой, упаси боже, это коррупция! А вот рассовать по карманам друзей. А уж они потом... Нет, что вы, не «откатят», это коррупция! — а вот просто подарят что-нибудь... или купят где-нибудь... или положат на счет... кому-нибудь... Ну просто так, из дружбы. А с коррупцией Путин будет бороться, даже не сомневайтесь. Видали, как кулачком стучал? Глаза — ух!.. А четыре с половиной миллиарда долларов сказали России последнее «прости», как раньше сказали ей аналогичное «прости» восемь алжирских миллиардов... Ну, не впервой.

Насчет того, что не впервой, — насчет путаницы с карманами, — бывший советник Илларионов во время своей онлайн-конференции в Газете.ру рассказал еще одну чудесную историю. Дело было три года назад. Государственная компания «Роснефть» удачно подраспухла за счет ЮКОСа и вышла на Лондонскую биржу, и разместила там акций на 12 миллиардов долларов. Хорошо помню торжества по этому поводу: национальные богатства, присвоенные олигархом Ходорковским, возвращаются Родине! М-да... Ну, если Сечин нам Родина, тогда да. Потому что казна эти двенадцать миллиардов увидела примерно под тем же углом, что и в случае с Каддафи: все деньги ушли на счета самой «Роснефти». Как так? А так. Молча.

История эта — с виньеткой. А виньетка вот какая: Андрей Илларионов, будучи в ту пору советником президента России, решил уточнить: бывало ли такое раньше в мировой экономической практике, чтобы государство реализовало свое имущество, а денежки пошли не в казну, а левее, да еще с последующим распилом в виде бонусов менеджерам? И начал Илларионов обзванивать коллег. Никто из западных коллег даже не понимал, о чем речь. А один восточный коллега (из Экономического отдела ЦК Компартии Китая), когда понял, сказал Илларионову: не может быть, что вы звоните из Кремля: вы не советник российского президента, вы, наверное, просто мошенник! Оказывается, у них там, в Китае, за гораздо более мелкие шалости с бюджетными деньгами чиновников казнят в торжественной обстановке. Причем перед казнью бывший чиновник еще просит прощения у народа. Представляете: речь Игоря Ивановича Сечина с Лобного места? А если перед этим еще Макаревич споет? — Это ж какой культурный досуг получается!

Теперь — новости олимпийского строительства.

Накануне визита комиссии МОК российские официальные лица, отвечающие за подготовку Сочи к зимней Олимпиаде-2014, выразили уверенность, что работа идет по графику, пишет газета «Время новостей». В то же время в самом МОК подтвердили, что хотели бы узнать о причинах кадровых перестановок в госкорпорации «Олимпстрой».

Уважаемые господа! В госкорпорации «Олимпстрой» все тоже идет по графику. Оттуда «ушли» Семена Вайнштока и поставили мэра Сочи Колодяжного. Сочи им уже освоены, а тут новые двенадцать миллиардов долларов сами в глаза заглядывают и просят: попили́ нас. А Вайншток хотел полного контроля над ситуацией, а в последние недели, говорят, хотел еще и попасть на прием к Путину, чтобы открыть глаза царю-батюшке на ход

вещей. А ход вещей таков, что лучше бы царю-батюшке было не летать в Гватемалу. Ибо икра, девки и Плющенко для презентации у нас всегда найдутся, а вот олимпийских объектов нет — и непонятно, откуда им взяться: расчеты денег и времени сделаны на глазок, свободных земель в Сочи нет, где селить двести тысяч рабочих — неясно... А главное — пейзаж! Пейзаж, бляха-муха, оказался горный — вот какая неприятность обнаружилась после победы на конкурсе! И как возить туда-сюда через эту гору полмиллиона гостей, когда Сочи и сейчас — одна сплошная пробка, один дьявол ведает... Но все это, конечно, подробности, ибо позор случится через шесть лет, а двенадцать миллиардов долларов большими кусками падают уже сейчас! Притом, примите во внимание: позор упадет на Россию, а финансирование — на чиновников. Странно было бы тормозить.

Теперь несколько слов о сверкающей колеснице правосудия. Она прет по указанной дороге, набирая скорость, хотя некоторые несознательные еще пытаются ставить палки в колеса.

Свидетели на процессе по «делу Невзлина» Евгений Решетников и Геннадий Цигельник, отбывающие восемнадцатилетний срок заключения за несколько убийств, заявили, что ранее, по требованию следователей, они оговорили крупнейшего акционера «ЮКОСа» Леонида Невзлина и экс-главу службы безопасности компании Алексея Пичугина, назвав их заказчиками этих убийств, передает «Интерфакс».

Бедный судья Новиков, ведущий дело Невзлина! Свидетели бегут врассыпную, а которые не бегут, потому что уже сидят, дают совершенно деструктивные показания! А ведь как все складно шло. Следователь Буртовой и следователь Банников, два бесстрашных синих бойца из Генпрокуратуры, договорились с убийцами, что суд даст им на десять лет меньше, если убийцы будут умничками и назовут заказчиком убийств не настоящего заказчика, а Невзлина с Пичугиным. Буртовой и Банников — запомните эти имена! Эта пара синеньких проявила государственный подход к делу: ведь государство позвало их закопать ЮКОС, а не искать реальных организаторов преступлений! Ну, убийцы назвали, кого им было сказано, но с судом Буртовой и Банников ни о чем договариваться не стали, — и убийцы, получивши на полную катушку восемнадцать лет, слегка обиделись. Не по понятиям получилось... Гнилой базар! Ну, и отказались от показаний на суде. Причем это было только начало, потому что наутро в суд доставили осужденного Пичугина, и синеватый портрет прокуратуры начал отливать уже совсем в черненькое...

Впервые прямое предложение о даче ложных показаний на руководство ЮКОСа поступило от следователя Банникова, заявил Пичугин, выступая на суде по делу Невзлина. Спустя год это предложение поступило вторично. По словам Пичугина, в конце марта 2005 года любую негативную информацию на Невзлина, Ходорковского, Брудно и других руководителей компании требовал дать начальник управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел Лысейко. «В противном случае, он сказал, что меня ждет пожизненное заключение», — заявил Пичугин.

Здесь следует заметить, что, в отличие от кидалы Банникова, г-н Лысейко оказался честным человеком. Обещал Пичугину пожизненное заключе-

ние, если тот не согласится лгать суду, — и обеспечил пожизненное. И теперь Пичугин с видимым удовольствием кладет с прибором на несчастного судью Новикова, который, бедолага, грозился ему давеча уголовной ответственностью за отказ от дачи показаний... Страшно напугал. Жалко человека, — я, конечно, имею в виду судью! Сидит под триколором и страдает. А он же не герб, у него голова одна, ее же оторвут, если Невзлин не выйдет из этого процесса убийцей! А судья — не Пичугин, ему есть, что терять. Даже не знаю, что посоветовать человеку...

Ну, ничего! Зато безо всяких сбоев прошло и быстро завершилось слушание иска Гарри Каспарова к движению «Наши». Каспаров по наивности считал, что «нашисты» в своей листовке обозвали его «предателем, вором и американским гражданином», но оказалось, — во-первых, обзывали не «нашисты», а во-вторых, — не его!

Савеловский районный суд решил, что указанный в листовках американский гражданин Каспаров не имеет никакого отношения к лидеру ОГФ Гарри Каспарову, подавшему иск. Согласно решению суда, Каспаров не представил доказательств того, что указанная на листовках информация касалась именно его, «а не какого-либо иного лица». Кроме того, суд указал на отсутствие доказательств того, что листовка отпечатана движением «Наши».

Тяжела работа судьи. Как не ошибиться, как не принять второпях неверного решения? Это ведь только на первый взгляд тут все понятно: вот хамская листовка, вот ложь, вот авторы лжи. У них-то самих сомнения в собственном авторстве не было: по крайней мере, у пресс-секретаря движения «Наши» Кристины Потупчик, когда ей позвонили с сайта «Избранное».

ЖУРНАЛИСТКА. Не могли бы вы прокомментировать листовку, появившуюся в Интернете, с призывом выступить на защиту президента от организации «Другая Россия» после выборов 2 декабря?

ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ ДВИЖЕНИЯ «НАШИ» К. ПОТУПЧИК. А что вы хотите конкретно узнать? Наши ли это листовки? Да, это наши листовки!

Конечно, можно было попробовать допросить в суде эту гражданку Потупчик, — если, разумеется, она потупчик до такой степени, что пришла бы в суд... Но во всем этом не было бы юридического блеска, свойственного судье Адамовой! А юридический блеск — он же как раз и заключается в том, чтобы черное оказалось белым «в строгих правилах искусства»! То же самое — с идентификацией пострадавшего. Авторы листовки звали граждан дать бой «Другой России» и писали гадости про Каспарова — вроде бы все понятно? Так это вам понятно, потому что у вас нет юридического образования! А Фемида задумалась, поковыряла в носу, и ее осенило: паспортные-то данные в листовке не указаны! При чем же тут гражданин Каспаров Гарри Кимович, 1963 года рождения? О-о... Спасибо за прецедент, судья Адамова! Теперь, стало быть, можно! Отлично, записывайте. Значит, так: Грызлов — тупица, Медведев — вор, Путин — лжец... Я ведь никого не обидел? Ах, как хорошо без паспортных данных!

Неплохо обстоит дело с правосудием и в Белоруссии. Ну, Союзное ж государство! Тамошняя старшая сестричка нашей Фемиды начала практи-

ковать раньше — и политзаключенные там с девяностых годов, и враги президента начали гибнуть раньше, чем у нас... А на минувшей неделе — ничего страшного: обычный воспитательный момент. Несколько месяцев назад тамошние менты разогнали оппозиционный митинг и задержали нарушителей порядка. Следствие было проведено блистательно и стремительно. Выяснилось, например, что один из демонстрантов, свежеотчисленный студент Андрей Ким, будучи левшой, ни за что ни про что заехал по левому же уху подошедшему капитану ГАИ. Вы не пробовали, будучи левшой, ударить кого-нибудь кулаком в левое ухо? А вы попробуйте. Если сумеете, прямая вам дорога в белорусские судьи! На этом аномалии не прекратились: обидев сотрудника ГАИ в извращенной форме, студент Ким почему-то не побежал прятаться, как сделал бы на его месте любой нормальный экстремист, а продолжал ровно идти в рядах демонстрантов — и был задержан только через полчаса и уже не на демонстрации. Обо всем этом суду честно рассказал сотрудник в штатском, шедший, по его словам, в полутора метрах сзади Кима, но видимо побоявшийся задерживать экстремиста, умеющего бить кулаком левой руки в левое ухо. Этот «топтун» и оказался единственным доводом обвинения, потому что на видео хорошо видно не как бьет Ким, а как бьют Кима. Дефект пленки, должно быть... В общем, Андрей получил полтора года колонии. И это он еще дешево отделался!

Два с половиной года колонии получил за избиение сотрудника милиции участник демонстрации в Минске Сергей Парсюкевич. Сам Парсюкевич, в прошлом майор милиции, объявил голодовку в СИЗО, был избит сотрудником спецприемника и подал на него в суд. Сразу после этого уголовное дело об избиении сотрудника милиции было заведено на самого Парсюкевича.

Во-от! Учитесь, министр Нургалиев, как держать в дисциплине сотрудников! Поезжайте в союзный Минск на повышение квалификации. Правильный урок всем бывшим ментам: сидеть тихо и не высовываться! И с оппозицией — ни-ни. Кстати, очень удачно (для белорусских властей) у Парсюкевича — тяжелая астма, что придает этому уроку союзного гуманизма дополнительную прелесть. Кстати, я так и не понял: мы же с Белоруссией вроде в одном государстве состоим? Я помню, смета какая-то была, Пал Палыч Бородин при смете... Ау, Пал Палыч! Вы только насчет сметы — или, может, заглянете на подведомственные просторы? И вы тоже, господин адвокат-общественник Кучерена, — может, все-таки спросите у батьки, ну так, для приличия: они там совсем с глузду съехали или притворяются? Вы же, я помню, организовали «мониторинг» нарушения прав человека на Западе... На карту посмотрите — это запад и есть!

Ну, а покамест нам не до Белоруссии, да и на родных просторах продолжаются прежние идеологические забавы.

ФСБ заявила о готовности предоставить доступ к архивам во избежание фальсификации истории, передает «Интерфакс». «Вы знаете ту программу, которую разрабатывают наши западные оппоненты, чтобы фальсифицировать историю, — заявил начальник Центра общественных связей ФСБ России Сергей Игнатченко. — И под это даже выделяются деньги. Получается, что наши производители кино фактически льют воду на мельницу противника».

Идеологически незрелые граждане, льющие воду на мельницу противника! Какой слог! Вроде из нафталина, а пару раз встряхнуть — и пиджачок как новенький, можно носить снова. А западные оппоненты, фальсифицирующие историю, — это, действительно, жуть. Взять хотя бы фильм последний Анджея Вайды «Катынь» — это ж, небось, чистая фальсификация! Недаром ни один российский кинопрокатчик его не взял, да и Добродеев с Эрнстом не дерутся за право показа... А не надо потому что фальсифицировать, г-н Вайда! Правильно, товарищ Игнатченко, давайте зададим им перцу, откроем архивы ФСБ! Вот насчет Катыни, в частности... Тем более, это еще Горбачев обещал. Когда можно зайти посмотреть архивчик? В понедельник — можно? Во вторник, в среду?.. Вы дайте знать. А мы покамест, раскрыв варежку, посмотрим что-нибудь правдивое, нефальсифицированное, вроде блокбастера Первого канала «Личный номер» — про бойцов ФСБ, спасающих человечество от заговора Бен Ладена и Бориса Березовского...

Теперь несколько слов о дополнительной ясности, которая установилась в нашем родном журналистском цехе.

Съезд Союза журналистов России упразднил должность Генерального секретаря Союза, которую занимал Игорь Яковенко, и подверг критике прежнее руководство Союза за излишнюю политизацию. Как отметил главный редактор «Российской газеты» Владислав Фронин, руководителям Союза журналистов нужно «определить приоритеты, выделить главное, научиться взаимодействовать с властью, без которой словами о журналистской солидарности ничего нельзя добиться».

Святые ваши слова, г-н Фронин! Определили наконец приоритеты российской журналистики, честно выделили главное: взаимодействие с властью! Это пускай в других широтах журналисты апеллируют к обществу и отправляют в импичмент зарвавшихся президентов, а мы смело подползем к начальству и в острой конкуренции, лежа в прахе, обнимем царские сандалии. Будем считать это частным случаем взаимодействия...

Ну, с журналистикой, надеюсь, теперь наладится окончательно, — остается, как всегда, подтянуть нравственность. Давно эту гайку федеральным инструментом не вертели.

Президент Санкт-Петербургского Государственного Университета Людмила Вербицкая предложила создать при новом премьер-министре России комиссию по нравственности. В задачи комиссии должны, в частности, входить выработка предложений по обеспечению госполитики в сфере духовности, разработка критериев нравственного поведения и подготовка законов, ограничивающих бесконтрольность СМИ.

Разработкой критериев нравственного поведения до Путина много занимались Господь Бог, Верховный раввинат, святая Римская инквизиция, Максимилиан Робеспьер, Коммунистическая партия Советского Союза, дружный коллектив красных кхмеров и еще сто пятьдесят восемь тысяч частных лиц и организаций. Видимо, как венец этих усилий миру и явилась профессор Вербицкая, ударенная идеей контроля за всем, что дышит.

Теперь заглянем в Государственную Думу — как они там, избранники народа, не скучают ли? Ой, нет. Не скучают.

Депутат Илюхин предложил коллегам отреагировать на показанную накануне по телеканалу НТВ видеосъемку того, как вице-спикер от ЛДПР Владимир Жириновский стреляет по домашней птице из окна железнодорожного вагона. Илюхин заявил, что речь идет об авторитете Госдумы. В ответ представитель фракции ЛДПР Сергей Иванов, обращаясь к членам фракции КПРФ, предупредил: «Многие вещи, касающиеся ваших руководителей, тоже документально подтверждены».

О да. На фоне документально подтвержденной уголовщины советских Генсеков вице-спикер Госдумы, палящий из окна вагона по курицам и коровам, выглядит безобидным сельским сумасшедшим. Пускай себе оттягивается чувачок: ей-богу, ему в жизни не выбить из Родины столько очков!.. Что же до авторитета Госдумы, то боюсь, что опасения коммуниста Илюхина напрасны: авторитету этой Госдумы ничего повредить уже не может. Поздно пить боржоми, тем более что его нигде нет.

И напоследок — о приятном. Нет, бывают в жизни радости, бывают!

Президент России Владимир Путин удостоен премии Людвига Нобеля — старшего брата Альфреда Нобеля — «за ряд заслуг в установлении порядка и законности на территории Российской Федерации». Об этом сообщает сайт News.Israel со ссылкой на Reuters.

Премию Людвига Нобеля с земли подобрал и Путину присудил некто Евгений Лукошков, российский бизнесмен и, как он сам себя называет, театральный деятель. Очень удачный выбор совершил этот бойкий господин! Во-первых, приятнейшим образом прогнулся и осуществил мечту Петра Ивановича Бобчинского: теперь государь-император знает, что, мол, есть такой — Евгений Лукошков! Но главное в искусстве — гармония формы и содержания, не правда ли? Так вот: вся эта российская «премия Людвига Нобеля» абсолютно нелегитимна, о чем имеется специальное разъяснение Международной ассоциации нобелевского движения. Доходчивее говоря, бизнесмен и деятель Лукошков имя Нобеля для своей синекуры — попросту спер. Так что все получилось очень складно: награда нашла адекватного героя.

Счастья вам!

10.05.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, вот, собственно, и все. Протрубили фанфары, вынесли вперед ногами Конституцию, проехал кортеж по вымершим улицам, прошел по красному ковру новенький, — и вот, собственно, Путин нам уже и не президент. Сам себя назвавший дембелем, восемь лет наводивший ужас на казарму, в минувшую среду, при полном параде, он вышел, наконец, за ворота части. Скатертью дорога, — и свиньи мы были бы, если б из старых моментальных фотографий не склеили уходящему, на память о службе, хороший дембельский альбом. Вот он, перед вами, в золоченом переплете...

Чем же открыть альбом? Что стало главным итогом этого восьмилетия? Пожалуй, вот это...

Продолжительные овации.

Слышите? Это — съезд «Единой России», первое октября прошлого года. Путин только что дал согласие возглавить их предвыборный список, и у

них истерика. Удивляетесь, что так долго. Это не я запись кольцом пустил, — это время закольцевалось.

Конечно, такая тяжелая форма наступает не сразу. К этой симптоматике Россия разгонялась издалека, много лет... А начиналось все довольно мутно: летом девяносто девятого призвали в Кремль новобранца Путина ... Призвала его группа товарищей во главе с Борисом Абрамовичем Березовским; группе этих товарищей стал во снах являться Евгений Максимович Примаков, и сон у них пропал совсем. Ну, они пошукали по сусекам — и взгляд их остановился на Путине. Непонятливому народу государевым пальцем тут же было указано, на кого отныне молиться, — и вот как впоследствии описал произошедшее наш дальневосточный геродот, губернатор Дарькин.

ДАРЬКИН. Владимир Владимирович Путин — это первый наш президент, который был избран ммм... а... путем... добровольное избрание... то есть Борис Николаевич Ельцин, так сказать самовольно, то есть он самостоятельно оставил свой пост, и мы избрали нового президента.

Ну, это легко сказать: избрали! А легко ли было за полгода из куска номенклатурного праха вылепить героя нации? Сами подумайте — и сами поймете: без войны было не обойтись...

Истинно про нее говорится: мать родна! В хорошее военное время рейтинг прет наверх по проценту в день! Черноземная зона пиара! Это тебе не сельское хозяйство поднимать. Родина в опасности, — и вот ты уже не хрен с горы, а спаситель Отечества! Особенно если круглые сутки торчать в телевизоре — то в барашковой шапке на военном корабле, то в кабинете над военными картами. А если еще разок на истребителе пролететь, так народу вообще счастье! Но где взять войну в мирное время? Проблема, но решаемая... В общем, как бы мягче сказать... ваххабиты, со взрывами домов, пришлись очень кстати. Собственно, особых улик на ваххабитов не нашлось, но к чему улики, когда сразу было решено и вслух сказано, что дома взорвали ваххабиты? Вообще, при Путине это вошло в обычай — эдак на глазок, без лишних судебных формальностей, сразу определять преступника: дома взорвали ваххабиты, Политковскую убил Березовский... Правда, чекисты в те же дни попались в Рязани на каких-то странных мешках с сахаром, а потом нервничали и путались в показаниях... Правда и то, что перед тем, как стать спасителем России, Путин полгода протирал свое версачче на должности главы ФСБ... Стало быть, можно сказать, что это он и проспал ваххабитов? Можно. Только кто ж это скажет?

Сказать могли — и начали было говорить — независимые СМИ, но при Путине они жили уже недолго: чай, не Борис Николаевич, чтобы терпеть разговорчики в строю! Свое отношение к свободной журналистике второй президент России с исчерпывающей искренностью выразил спустя несколько дней после убийства Анны Политковской.

ПУТИН. Это убийство само по себе наносит России гораздо... и действующей власти и в России, и в Чеченской республике, которой она занималась в последнее время,.. наносит действующей власти гораздо бóльший урон и ущерб, чем ее публикации.

Иногда, действительно, лучше жевать, чем говорить! И хотя слово не воробей, придворное агентство РИА «Новости» все-таки втихую отредактиро-

вало президентскую цитату, убрав из нее слова про вред, который публикации Политковской приносили России. Неловко стало кому-то за любимого президента.... А чего стесняться, коллега? Что завезли, то и на прилавке.

Вообще — критические минуты для страны регулярно становились его звездными часами. Чуть что-нибудь эдакое случалось: «Курск», «Норд-Ост» или Беслан, — главнокомандующий первым делом ложился в тину и притворялся куском дерева. Зато уж потом как выскочит — и хвать за шею очередное СМИ! После «Курска» вцепился мертвой хваткой в НТВ (а не надо было ловить на вранье адмиралов и спрашивать: где президент?); после «Норд-Оста» догрыз остатки НТВ, после Беслана прикончил «Известия»... И наконец установились в казарме положенные дисциплина и порядок: с утра — политинформация, вечером — программа «Время», на праздник — двойная пайка в виде государственной награды всякому, кто стоит ровно с восторгом на начищенной физиономии! А с теми, которые ровно стоять не пожелали, начало при Путине всякое разное случаться — то пуля в подъезде, то полоний в чашке, то какой-то неопознанный смертельный вирус... Впрочем, в нашей ли казарме удивляться неуставной смерти?

Вторая страничка «дембельского» альбома по справедливости будет посвящена путинской победе в Чечне. Об этой победе он сам нас оповестил — еще до того, как стать президентом. Про сортир сказал, ладонью по столу хлопнул, пару тысяч бандитов, заодно с мирным населением, замочил — и в феврале 2000-го обрадовал: война закончена! Ну, а в Чечне как раз после этого самое бог знает что и началось. Подлые правозащитники пытались чего-то такое вякать про права человека, но на эту тему в нашей казарме — где сядешь, там и слезешь!

ПУТИН. Вы говорите о нарушениях прав человека... Чьих прав? Имена, явки, фамилии...

Вопрос, чьи именно права нарушались в Чечне, — вопрос законный, но опасный: по самым скромным подсчетам, мирных жителей там погибло около шестидесяти тысяч, да двести тысяч стали беженцами, и поименное их перечисление с адресами всех самашек и алхан-юртов могло бы отвлечь президента от пиара на довольно длительный период. Но по счастью ни один российский суд на этот вопрос при Путине ответить не захотел, — только Страсбург, в поте лица, знай приговаривает Российскую Федерацию к выплате компенсаций за пытки и убийства! Причем, заметьте: приговаривает с именами, явками и фамилиями... Но, судя по высочайшему молчанию на этот счет, наш «дембель» решил, что при ста двадцати долларах за баррель Россия может позволить себе такое удовольствие. Зато в Чечне теперь никаких сепаратистов, одна классово близкая уголовщина и сплошные Герои России! Главный герой — Рамзан Кадыров, и полномочий у этого бывшего перца в трениках больше, чем когда-то просил у России Дудаев, и похищают и мочат они друг друга уже посреди белокаменной, и законы шариата царят там вперемешку с таким воровством, что Степашин краснеет. В общем, полная победа путинского курса! Ну, и Беслан, конечно... Это уж отдельная статья, — я, разумеется, имею в виду будущий учебник истории.

Беслан стал родиной больших успехов нашего кремлевского «дембеля», — начиная с отличной идеи расстрелять бандитов из огнеметов вме-

сте с детьми, чтобы не допустить появления Масхадова. И напрасно враги России надеялись, что после этого народ понесет Путина по кочкам до того самого сортира... Ни фига опять не угадали! Народ у нас, слава тебе Господи, привычный, повоет, да обратно впряжется, а президент России, как персонаж древнегерманского эпоса, умылся кровью и только еще сильнее стал.

Через пару недель после Беслана, в видах борьбы с мировым терроризмом, Путин поставил, наконец, долгожданным раком избирательное право! Некоторые тупые, вроде меня, не поняли, каким образом выборы губернаторов могут помешать борьбе с мировым терроризмом. У особо недоверчивых даже появилось ощущение, что Путин положил и на Беслан, и на все остальные населенные пункты вверенной ему Федерации — и просто начал окапываться напоследок... И надо сказать, ощущение нас не обмануло: очень скоро, вслед за выборами губернаторов, псу под хвост пошли и другие статьи Конституции, ограничивавшие единоначалие в казарме. Несогласных не осталось ни в парламенте, ни в бизнесе, ни в телевизоре. Несогласные вышли на улицы, где, в полной амуниции, их уже ждал ОМОН.

— «Внимание, ОМОН! По два человека разобрали по одному человеку с собой! Журналист не журналист! И в автобусы, в автозаки! Приступить! Приступить!» — «Задерживаем их, и всё. Всех. Молодежь, всех подряд... всех в свои автобусы!» — «И чтоб Каспаров не ушел». — «Козлы! Бегом, бл.., все!» — «Воронин! Увози, увози задержанных! Поехали! Поехали! Поехали!..»

Эти незабываемые милицейские переговоры в день разгона Марша несогласных стали хитом сезона. А в политической жизни воцарились тишина и покой, как у снежной королевы. Только Путин, как мальчик Кай из анекдота, все переставлял туда-сюда партийные кубики, выкладывая из четырех простых русских букв слово «вечность»...

Ну, еще Эйнштейн предупреждал, что все относительно! Чем люди вокруг мельче, тем ты крупнее. Это Ельцин мог позволить себе настоящих политических конкурентов, а когда шапка Мономаха проваливается тебе на плечи, — лучше, чтобы рядом обитал кто-нибудь еще меньше тебя. Лучше, чтобы совсем карлик. Вот и дожила Россия-матушка до Грызлова с Пехтиным, — ну, и оппозиция образовалась симметричная: то в Кремле Рогозина себе из хлебного шарика скатают, то Барщевского вылепят... А для президентской забавы сгодился спикер Миронов: набили чучело соломенное, вынесли его на выборный плац, наш бравый полковник всего его издырявил — и пошел на второй срок... Лидер нации!

В периоды волеизъявления на Родине и раньше-то была не Бельгия, а уж при бравом ефрейторе Путине установилось такое казарменное единство, которому позавидовали бы и герои «Швейка»! За Путина и его партию строем голосовали не только воинские части и предприятия, но и психдиспансеры с моргами. «Мертвые души», числом до двух миллионов покойников, дружно вставали в избирательные списки, готовые оказать последнюю услугу родной вертикали. Причем все это началось еще до Чурова! А уж когда на пост главы ЦИК заступил этот бойкий землячок Путина, арифметика, прихватив с собою остатки приличий, пошла на три буквы маршевым шагом. В Мордовии за партию отца-командира сгоряча проголосовали 109% избирателей, — Ким Чен Ир обзавидуется!

Кстати, о Ким Чен Ире — и вообще о геополитике... Ким Чен Ир нам друг, и в этом ему сильно повезло, потому что геополитическая страница этого «дембельского» альбома усеяна костями наших врагов! А кто при Путине был наш главный враг? — спросите вы. Да, в общем, когда кто. Но всегда кто-нибудь небольшой, потому что на большого сил у нас уже давно нет.

Выступая перед депутатами Федерального собрания России, Владимир Путин назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века».

Вообще «совок» детонировал в нашем лубянском демократе с регулярностью месячных. Первым делом, едва заступив на пост, он вернул нам советский гимн. Ностальгия, ясное дело... — были когда-то и мы рысаками! Ставили на уши планету, ездили на танках по Европе... Но надорвались — и некоторое время, между второй и третьей редакцией михалковского текста, лежали ничком тихо. Однако прошли «лихие девяностые», мы приподнялись, огляделись... — и тут нам позарез потребовался какой-нибудь небольшой враг, чтобы его прилюдно отметелить для повышения самооценки... Грузия, Украина, Эстония, наконец! Нашли себе забаву по размеру. А то вот еще патриотическая радость — нагадить на английского посла. Или — велеть двум самолетам исподтишка пролететь возле авианосца НАТО — и потом неделю рассказывать по всем телеканалам о возвращении России в акваторию мирового океана... Настоящая геополитика! Типа секса по телефону. Закрыть глаза, напрячь фантазию и представить себе, что мы опять большие и сильные — и всем вдуваем. Нам здоровье-то поправлять поздно, нам галлюцинаторное подавай! Чем, собственно, восемь лет напролет Путин и обеспечивал благодарное население — через шприц останкинской телебашни. А суровую правду о нынешнем месте России в мире он позволил себе лишь однажды, когда вдруг оговорился:

«Мы никому не нужны... Никому не должны».

Вообще, в полном согласии с Фрейдом, оговорки Путина были самой содержательной частью его монологов. Дорогого стоит, например, вот это, про социальную политику...

ПУТИН. ...Устранить дисбаланс между теми людьми, которые у нас живут очень хорошо, и теми нашими гражданами, которые живут еще пока очень бедно. Вот этот разрыв между доходами мы можем, должны и будем сохраня... э-э... сокращать!

Ну, сохранять или сокращать разрыв между богатыми и бедными — это фигня-вопрос! При Путине основной подъем благосостояния наблюдался именно вблизи главной каптерки, чему по мере сил помогла наша честная г-жа Фемида. Она у нас хотя и с повязкой на глазах, но наощупь своего от чужого завсегда отличит. Одно только ей при Путине никак не удавалось — ну, сущая мелочь...

ГЕНПРОКУРОР УСТИНОВ. Не удалось наконец-то нам в данный момент остановить преступность...

Спасибо за подсказку, г-н Устинов! Зато остальное им удалось блистательно. А ведь до Путина российское правосудие находилось в хаотическом состоянии. Иногда доходило до смешного: ориентировались на Конституцию! Ну, эту ерунду Путин прекратил сразу, взяв за ориентир слова колле-

ги Муссолини: друзьям — всё, врагам — закон. Еще с дела Гусинского, которое то закрывали, то открывали в зависимости от размеров отступного, стало ясно: мы имеем дело с практичным человеком. Внутри «особиста» обнаружился выдающийся прапорщик: мимо этих рук не прошло почти ничего. Венцом текущего правосудия стало дело Ходорковского. Тут уж вся страна поняла, кто в казарме хозяин! На олигарха, недостаточно низко поклонившегося при личной встрече, вывалили разом весь Уголовный Кодекс — от хищения в размерах, превышающих размеры самого ЮКОСа, до недостаточного озеленения Заполярья! Практическая сторона дела при этом превзошла всякое муссолини: раньше у чекистов были только холодная голова да, от бедности, какой-нибудь мебельный салон типа «Трех китов», не к ночи будь помянуты. А тут целая нефтяная компания в руки пришла! В чистые руки, заметьте... Правда, сначала было непонятно, в чьи именно, потому что за ошметки ЮКОСа в открытую воевало все руководство кремлевской администрации. И даже когда кто-то победил на престранном аукционе, ясности не прибавилось.

ПУТИН. Компании, я не помню, как она называется... Балтийская инвестиционная, тьфу, Байкальская...

Выборочные провалы в памяти нашего второго президента достойны отдельного консилиума. То, во время телемоста, часами шпарит наизусть цифры — помнит, кормилец, километраж шоссе Чита — Хабаровск и объемы вывоза леса-кругляка, а тут вдруг такая рассеянность... в вопросе ценой пятнадцать миллиардов долларов, причем долларов, оседающих тут же, по соседству, в администрации Кремля... Именно в этот момент Байкала от Балтики не отличает! И глаза — честные-честные. И вот чем честнее становились глаза у нашего президента, тем больше его дружков-корешков становились миллиардерами! Вообще, путинское землячество навело шороху в казарме. Заметьте себе: земляки Ельцина нас вообще не интересовали: имелась наверху парочка «свердловских», да отпала в процессе эволюции. А тут на всех ключевых постах — питерские чекисты, и в списках «Форбс» — личный путинский кооператив «Озеро» чуть ли не в полном составе! А Путин знай борется с коррупцией.

ПУТИН. Деньги и власть должны быть разъединены. <...> Хотите зарабатывать деньги — идите в бизнес! Хотите служить государству и реализовывать себя на государственной службе — живите на зарплату!

Вот так они и жили. Он борется с коррупцией, а она растет. Он еще поборется, а она опять наверх. Путин ее каленым железом в президентском послании, а она еще выше... Путин ее за горло на встрече с силовиками, а она, падла, прям зашкаливает... Причем прямо там, в силовых органах, и зашкаливает... Прямо возле гаранта! Но не тот человек Путин, чтобы сдаваться! — специальным указом создал при себе орган по борьбе с нею, с родимой... Поднажал — и еще несколько его друзей вошли в список «Форбс». В общем, похоже, тянул наш служивый в Кремле не столько лямку, сколько вообще все, что под руку попадало, пока, ближе к дембелю (по данным СМИ), со всех российских хлеборезок, складов и каптерок — не обнаружилось под его личным контролем около сорока миллиардов долларов. Ну, теперь можно и на гражданку... прошу понять меня правильно. Просто в смысле: от-

дыхать от трудов праведных. Вот только напоследок еще разочек сделать народу честные глазки...

Издание «Газета» приводит слова Путина, сказанные им на одной из последних пресс-конференций. Президент заявил, что оставил в Кремле своему преемнику все, а забрал только авторучку, которую подарил ему Ельцин.

Надо заметить, что наш нынешний дембель и сам хорошо понимает размеры своей уникальности. Только до недавнего времени он, видать, понимал это про себя, а прошлым летом, переевши земляничного киселя на завтраке с иностранными корреспондентами, расслабился и выдал сокровенное.

Отвечая на вопрос журнала «Шпигель», является ли он «демократом чистой воды», президент Путин сказал: «Я абсолютный и чистый демократ. Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая. В том, что я такой один, других таких в мире просто нет. <... > После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем».

Не знаю, как вам, а мне такое соседство показалось обидным. О чем нашему титану духа говорить с этим индийским непротивленцем? Вот же, слава богу, жив-здоров Лукашенко, настоящий товарищ по разуму! Путина еще не знал никто, а батька уже с Америкой боролся, врачи удивлялись. С Робертом Мугабе можно поговорить, пока не поздно: тот в своем Зимбабве фальсифицировал выборы, когда Владимир Владимирович еще в Дрездене груши околачивал! Ислам Каримов опять-таки... этот научит стрелять из бронетехники по несогласным, а то что всё ОМОН да ОМОН... Такие люди рядом, и Путин так замечательно смотрится в этом ряду! И даже странно было бы, если б россияне согласились добровольно расстаться с таким чудом.

ТКАЧИХА ЛАКШИНА. Я вижу на этом съезде так много больших начальников и просто умных людей... Я обращаюсь ко всем вам: давайте вместе что-то придумаем, чтобы Владимир Владимирович Путин оставался нашим президентом и после 2008 года!

Ну, положим, умные люди, включая самого Владимира Владимировича, задолго до просьбы ткачихи Лакшиной придумали четыреста относительно честных способов оставить Путина в Кремле — и несколько лет ходили котами вокруг этой миски с горячим молочком, но так и не лакнули, сдрейфили... Запад — он глаза зажмуривает вовсю и еще на многое зажмурит, но тупой третий срок — это был бы большой перебор и прямая дорога в лукашенки. А лукашенок наружу не пускают, а так много всего именно снаружи — и оксфорды для детей, и Швейцария для денежек, и Сардиния какая-нибудь для себя лично... И начало наше сероглазое счастье вертеться ужом и сызнова двигать мартовские наперстки. И в должный час обнаружился под наперстком — Медведев! Ну, с грядущим процентом (при таком Чурове и с таким Останкино) проблем не предвиделось, — и мы уже вынули платочки, чтобы в должный час аккуратно прослезиться, помахать вослед Путину и начать уже наконец забывать, как он выглядит... Но не тут-то было! Едва назвав имя преемника, наш «дембель» первым делом откатил себе пост премьер-министра и начал хлопотать насчет расширения полномочий.

Странно... Ведь сам же говорил про галеры, — так отпустили тебя вроде с галер, дембель, отгребай в сторону! Что ж ты сам себя снова приковываешь? Нет, очень странно! Ведь национальный же лидер, Черчилль пополам с де Голлем, любовь народа такая, что овацию остановить невозможно, если рейтинг не притормозить — за сто зашкаливает... При таких раскладах, кажется, уходи себе на волю и рассылай энциклики, как папа римский! И вдруг выясняется, что эта глыба, этот матерый человечище на один день боится остаться без аппарата и «вертушки», первым делом новым клеем к старой власти приклеился! И — дембель не дембель, а ключи от каптерки оставил себе...

Да, как быстро летит время! Кажется, еще вчера, тихий «щегол» по армейской иерархии, он учился заправлять койку Абрамовичу и драить полы в Георгиевском зале; как во сне, входил он в ельцинский кабинет, явно не по размеру... Но вот — пожил, освоился, отвязался помаленьку и от Абрамовича, вошел во вкус, перестал стесняться — и обнаружил ухваты крепкого старослужащего, и полетели птицами с языка шутки-прибаутки, образовавшие этот фирменный «дембельский» стиль. *Мочить в сортире, жевать сопли, хватать за яйца... бьем один раз, но по голове... отрезаем, чтобы не выросло... замучаетесь пыль глотать*! Великий и могучий, хамский и приблатненный. И не то главное, что приблатненный, а то главное, что — как это говорилось в фильме «Кин-Дза-Дза»? — народу нравится. Желтые штаны, четыре ку!

ЖУРНАЛИСТКА. Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.

РОССИЯНКА. Я не буду с вами разговаривать, а только с президентом.

ЖУРНАЛИСТКА. Владимир Владимирович вас слушает.

ПУТИН. Слушаю вас. Добрый день.

РОССИЯНКА. Это вы?

ПУТИН. Я.

РОССИЯНКА. Это правда вы?

ПУТИН. Правда.

РОССИЯНКА. А раньше тоже были вы?

ПУТИН. И я был раньше.

РОССИЯНКА. Господи! Спасибо вам большое! За все огромное спасибо! Короткие гудки.

Да... Но что скажет история? — спрашивал один персонаж Бернарда Шоу у другого. И другой отвечал: «История, сэр, солжет, как всегда». А кто же не солжет? Да, пожалуй, анекдот. Вот самый точный соскоб времени: тут весь анализ как на ладони... Мнение народное — это не учебник Филиппова, здесь не забалуешь! Анекдоты ельцинской эпохи вместили в себя всю гамму народных чувств — от благодарной надежды до горького разочарования. С нашим нынешним «дембелем», любителем контроля за каптеркой, такого объема не получилось. С чего начал, с тем и пришел к финишу. Телевизор захлебывался рассказами о России, встающей с колен, а анекдоты бесстрастно фиксировали только страх, убожество, кумовство и коррупцию. И ничего кроме. Впрочем, нет: ближе к путинскому дембелю народ ответил и на официозную болтовню — коротким ударом репризы. «Запад пытался поставить Россию на колени, но она продолжала лежать...»

Ну, вот собственно, и все. Теперь на посошок — и за ворота, дорогой Владимир Владимирович! Может быть, все еще будет хорошо, — и зря вы в среду стояли такой напряженный и так нервно стреляли глазом в Дмитрия Анатольевича, говорившего про гражданские права... Может, он пошутил. И уж точно зря волновался пару лет назад, во время телемоста, простой россиянин Аркадий Какаев из села Подгородняя Покровка...

АРКАДИЙ КАКАЕВ. Владимир Владимирович, мы все знаем, что вы после восьмого года уходите. Что будет с нами и со страной после 2008 года?

Ну, вот видите, Аркадий, ничего страшного не случилось. Вам дали нового пастуха; они с прежним пастухом заранее поделили пастбище, и хотя главные разборки там еще впереди, для вас-то все точно пойдет по-прежнему: вы даже не почувствуете, когда вас будут резать или стричь... Это, кстати, отчасти перекликается с вопросом, который прислал нам на пейджер Александр Сергеевич из села Михайловское, Псковской области: «К чему стадам дары свободы?» — спрашивал он. По-прежнему ни к чему, Александр Сергеевич! Даром не нужны.

Счастья вам!

17.05.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну, стало быть, понеслась телега по кочкам... Первая при Медведеве. И для музыкального уха — некоторые любопытные темы в этом грохоте вполне различимы. Ну, обо всем по порядку.

Для начала должен вам признаться: в минувший вторник я страшно разволновался, и вы должны меня понять. Нет, правда: залезает эдак простой российский обыватель с утра пораньше в Интернет — поглядеть, что в мире творится, узнать про похолодание, позекать на группу полуобнаженных министров из правительства Берлускони... И вдруг — на тебе! Отставки! И какие! Таких людей поперли, без которых мы себе уже и жизни не представляем! Патрушев! Наше главное «Динамо»! «Коля-стакан», как с любовью называли его в Карелии, откуда совершил он свой блестящий кадровый рывок, обслужив на отдыхе Бориса Николаевича... Как же мы теперь без этого Дважды Героя России, без неуловимого Джо, которого не было видно в Беслане, но в Антарктиде — завсегда... Но что Патрушев? Кто-нибудь знает, как жить без Устинова? Вот настоящая легенда российского истеблишмента! Улучшал качество жизни, не щадя живота своего... А ведь было, что щадить. В Ген ли прокуратуре, в Мин ли юсте, — все путинские годы просидел Устинов на страже не столько закона, сколько нравственности!

УСТИНОВ. Если в обществе утрачены понятия греха и стыда, то порядок в нем может поддерживаться только полицейский... Свобода, лишенная нравственных ограничений, логично обернулась рабством плоти и гордыни...

Да... Папа римский разговаривал с человечеством скромнее, но куда папе до Владимира Васильевича! И вот россияне разом остались сиротами по случаю трех отставок: ибо кроме Патрушева и Устинова, отпечаток ниже спины получил и глава наркоконтроля, гроза ветеринаров Черкесов, автор

поэмы о «чекистском крюке», спасшем страну от развала. Не помогла поэма, сняли с иглы и Черкесова.

И стало во вторник у россиян тревожно на душе. Это ж как же мы и без оплота нравственности, и без героя Антарктиды, и без певца ЧК? Дотянем ли до среды? Кто придет на смену этим атлантам? Холодный пот выступил у меня на спине, мурашки пошли по голове стадами, когда я вдруг представил себе случайных людей, только и ждущих случая прорваться на правоохранительные вершины. Не пустят ли эти романтики на самотек применение закона? Не увлекутся ли соблюдением Конституции? Способны ли будут поддержать высокий нравственный уровень Устинова и ледяной героизм Патрушева? Дрожащими руками я потянулся к ленте новостей, чтобы узнать: кто? Но увидел фамилии новых назначенцев, — и холодный пот сразу просох у меня на спине. Нет, слава богу: никаких новаций! Проверенные кадры. Эти не подведут.

Указом президента России Дмитрия Медведева главой Министерства юстиции назначен бывший представитель президента в Приволжском федеральном округе Александр Коновалов. Главой Федеральной Службы Безопасности стал бывший заместитель Патрушева генерал Бортников.

Ну, что же, прошу любить и жаловать, давайте знакомиться поближе. Сначала — Коновалов. Имя нового главы Минюста россияне узнали и сразу полюбили три года назад, когда, будучи прокурором Башкирии, он курировал расследование массового избиения граждан в маленьком Благовещенске. Тамошний ОМОН поделился с башкирами своим чеченским опытом: тысяча избитых, десятки изнасилованных — ну, поработали с населением на славу... Правозащитники требовали тогда наказания виновных и отставки главы башкирского МВД, — хотели, гады, обескровить вертикаль! — но прокурор Коновалов, око муртазаево, между законом и начальством безошибочно выбрал последнее, и вместо ментовского руководства были разогнаны участники митинга протеста. А десятки омоновских чикатил так и остались «неустановленными» прокуратурой: честный Коновалов пояснил, что менты-преступники были в масках, а это, как вы понимаете, непреодолимое препятствие для следствия! Сим юридическим подвигом башкирский прокурор заслужил пост путинского представителя в Приволжском округе, откуда и вышел нынче в медведевские министры юстиции. Есть на счету прокурора Коновалова и другие, чуть менее известные подвиги. Но я считаю: страна должна знать своих героев!

Помимо «благовещенского дела» Коновалов курировал дело о проверке законности приватизации башкирского топливно-энергетического комплекса, большая часть предприятий которого указом президента Башкирии Муртазы Рахимова была переведена в структуры, контролируемые его сыном Уралом Рахимовым. По оценке Счетной палаты, эта приватизационная схема стала беспрецедентным случаем хищения активов федеральной собственности.

Как вы, наверное, догадались, кураторство Коновалова закончилось благополучным прекращением проверки. Благополучным — для семьи Рахимовых, а отнюдь не для федерального бюджета. (Ну, наши приоритеты вы понимаете...) Как сказано в официальной биографии нового министра

юстиции, г-н Коновалов еще в молодости достиг серьезных успехов в академической гребле... Умение грести под себя и в правильном направлении, уверен, окажется совершенно незаменимым и в дальнейшем.

Ну, а новый глава ФСБ Александр Бортников приобрел широкую известность совсем недавно и довольно неожиданно для себя самого, — когда стал фигурантом двух расследований журнала «The New Times».

В первом случае речь шла об убийстве Литвиненко, организацией которого, по некоторым основательным данным, Бортников руководил лично; во втором же случае журналистка Наталья Морарь описала роль генерала ФСБ в работе кремлевской «прачечной», занятой выводом серьезных денег из подконтрольных нефтяных компаний, через тихие оффшоры, в банк «Райффайзен»... Таких наветов тонкая душа чекистского генерала не вынесла, и... Ну, что «и»? В старину в таких случаях стрелялись. В наше время принято подавать в суд, восстанавливать честное имя и отсуживать у клеветника миллионы за моральный ущерб. Но в деньгах, после операций с родной нефтянкой, генерал ФСБ, видать, не нуждается, а доброе имя ему и совсем без надобности, поэтому г-н Бортников просто закрыл журналистке Морарь въезд в страну. Конечно, если приглядеться, то все это немножко похоже на явку с повинной, но зачем приглядываться? Побережем глазки.

Да! Не будем вглядываться. Лучше благословим преемственность власти и порадуемся единству кадровых представлений ушедшего президента и президента нового. Помашем платочками вослед Устинову-Патрушеву, крикнем «ура» Коновалову-Бортникову — и вздохнем с облегчением. А то разговоров было: либерал в Кремль приходит! Ну, все относительно, конечно: рядом с Ивановым и Змей Горыныч либерал. А только сказка — та же.

Так что я понемногу пришел в себя, утер слезы печали по ушедшим, снова заглянул в Интернет — и обнаружил, что никто, собственно, никуда особенно и не уходил! Под Патрушева реанимировали Совет безопасности, Устинова со всеми его нравственными запасами перенесли в Южный Федеральный округ... Чекиста Рапоту, сидевшего в Южном Федеральном, пересадили в кресло представителя президента в Приволжском округе, еще теплое от ягодиц г-на Коновалова, пересевшего в Минюст, откуда, в свою очередь, только выковыряли Устинова. И в правительстве с Кремлем тоже — как в нардах. Так по кругу по коробочке и ходят. Ну, у нас, слава богу, не принято возвращаться обратно в народ! Разве только старожилы припомнят чиновников раннего ельцинского времени, порождение черной эпохи «лихих девяностых»: прокурор Казанник, помощник президента Сатаров, министр Ясин, вице-премьер Лифшиц... Поработали во власти, вернулись в жизнь. Просто как какие-то люди! Но теперь — шалишь! Теперь все на местах. Не на своем месте, так по соседству. Впрочем, при разных местах возможности все-таки разные, поэтому наш новый премьер (бывший гарант) напоследок успел нагарантировать своим приятелям безбедную жизнь... Про завтрак с Каддафи вы уже слышали, но кроме г-на Чемезова, которому капнули из казны те ливийские миллиарды, у Путина еще много друзей.

В апреле был назначен конкурс на разработку крупнейшего в мире по запасам меди Удоканского медного месторождения, пишет «The New Times». Участниками конкурса станут два консорциума, фактически контролируе-

мые двумя близкими друзьями Путина. Таким образом, хозяином Удокана станет кто-то из них, отмечает журнал.

Что охраняешь, то имеешь, писал Жванецкий в годы, когда никакого Путина и на горизонте не было. Ну, технология не новая, работает как часы, и читинский Удокан — это лишь горсть бирюзы в пещере доброго Али-Бабы Владимира Владимировича.

Активы «Сибура» — крупнейшей нефтегазохимической компании страны — в настоящее время стремительно уплывают из рук «Газпрома» в пользу частных лиц при явном одобрении высшего руководства страны, пишет «The New Times» в той же статье.

«Газпром» — это, если кто подзабыл, наше национальное достояние. А дальше — следите за руками.

Сначала это национальное достояние в одно касание переводит «Сибур» под контроль своей «дочки», «Газпромбанка»; на втором касании «Газпромбанк» теряет этот контроль... Приятная небрежность, особенно в свете дальнейших манипуляций. Вы следите за руками? Некий кипрский оффшор, принадлежащий, по счастливой случайности, пятерым топ-менеджерам «Сибура» во главе с президентом компании, выказывает похвальное желание выкупить ее контрольный пакет, — и за всего за пять дней стороны сходятся в цене! Вообще-то пять дней — небольшой срок даже для продажи подержанной машины, а тут — десятки заводов и предприятий по всей Сибири! Но надо же учитывать сердечность отношений между продавцом и покупателем... Вы следите за руками? Еще одно неуловимое (прокуратурой) движение — и цена «Сибура» приятнейшим образом оказывается заниженной в полтора раза, причем продавец («Газпромбанк») еще и субсидирует покупателя деньгами на половину этой суммы. И вот группа вчерашних топ-менеджеров превращается во владельцев государственной компании, а ее вчерашний владелец, наше национальное достояние, «Газпром», — сидит с дурашлепистым видом и ничего не понимает! Святая простота.

Во времена отъема НТВ эти люди учили нас эффективному менеджменту... М-да. Степень этой эффективности эксперты уже посчитали, а заодно выдвинули гипотезу такой внезапной рассеянности.

Констатируя, что группа «Газпром» пошла на сделку, в результате которой потеряет почти семь миллиардов долларов годовой выручки и почти миллиард чистой прибыли, издание высказывает предположение, что реальным бенефициаром компании-покупателя является некий высокопоставленный государственный чиновник, которого, возможно, таким образом хотят вознаградить «за верную службу», заключает «The New Times».

А-а, ну это совсем другое дело, в смысле эффективности! Тогда нет вопросов. Даже и фамилию спрашивать не будем, не такие мы бестактные люди. Я бы только посоветовал, на будущее, заранее прикинуть линию защиты. Потому что когда время еще разок свернется лентой Мебиуса и новые «государственники» со строгими лицами начнут гонять «питерских» по избе сапогами, — к этому времени следует быть в юридическом всеоружии! Ведь неэффективная сделка — это одно, а «хищение по предварительному сговору» — совсем другое, не правда ли? Так что лучше заранее прикинуться дурачками, чем потом оказаться ворьем. Значит, договорились: нашим нацио-

нальным достоянием руководят рассеянные люди. Теряют контроль над активами, покупают задорого, продают задешево, сами предоставляют кредит покупателю... Ну, газком передышались, потеряли концентрацию, чего не бывает!

А бывает, надо вам сказать, всякое. Иногда — просто не веришь ушам! Нет, не то чтобы что-то совсем новое в любезном Отечестве началось: внезапная ласточка весны не сделает, — но пропорхнуло, надо сказать, неслабо для начала...

Руководство российской судебной системы впервые открыто признало факт давления на суд со стороны администрации президента. Свидетельские показания об этом во время судебного заседания дала первый заместитель председателя Высшего арбитражного суда Елена Валявина.

Этот случай потряс мое воображение. Вмешательство? Администрации президента? В работу судов? Да не может быть. Неужели работники кремлевского аппарата — при Путине! — могли иметь какой-то левый хозяйственный интерес? Вот прямо по наглому звонили и влезали в имущественные споры? Как же они не боялись этих стальных глаз? Этой суровой приверженности закону? А вот не боялись отчего-то. Но что ж вы раньше молчали, г-жа Валявина? Когда семь лет назад вашего коллегу, арбитражного судью Ренова, всем Кремлем насиловали за новогодним салатом, чтобы добиться ликвидации телеканала ТВ-6? Когда всю вашу честную компанию возили лицами по стенам арбитражного суда во времена перехода ЮКОСа в честные руки сотрудников кремлевской администрации? У кого ночевала в ту пору ваша отлучившаяся принципиальность? Впрочем, наверное, судьям угрожало что-нибудь страшное? Да, так и есть. Угрожало!

Давая показания в Дорогомиловском суде по вопросу о давлении со стороны Кремля, судья Валявина заявила, что в настоящее время «судьи могут опасаться, что не получат заслуженных государственных наград, если будут высказывать какие-то принципиальные позиции».

Ну, это настоящий ужас. Лишиться заслуженной государственной награды — такое в страшном сне не увидишь. Да пропади оно пропадом, правосудие, если такой ценой! М-да. Однако ж тут маячит один старый парадокс, — ибо в путинском государстве государственную награду мог заслужить только судья, который лег перед государством ничком. А судья с принципиальной позицией заслужить мог только неприятности... Надо было выбирать, и судьи, по большей части, выбирали безошибочно: все в наградах. А теперь начинают помаленьку жаловаться на свою тяжелую долю. Ну что же, самое время.

А уж личный состав Басманного суда (как минимум с дела Ходорковского) заслужил полный реестр государственных наград. И продолжают отличаться.

Приговором Басманного суда лидер движения «Оборона» Олег Козловский арестован на тринадцать суток по статье «неповиновение сотрудникам милиции». Козловский был задержан 6 мая, когда направлялся на «Марш несогласных».

Задержан — это мягко сказано: случай Козловского продолжает череду аномальных явлений, связанных с «маршами несогласных». В апреле прош-

лого года на суде выяснилось, что некий старшина Иванов задерживал Гарри Каспарова на Триумфальной площади в то самое время, когда Каспарова уже везли в «автозаке», причем совсем с другой площади. Тогда я, признаться, решил, что дело в талантах гроссмейстера, способного не только играть вслепую в шахматы, но и раздваиваться назло антинародному режиму. Но видать, секрет в чем-то другом, потому что и Олега Козловского, судя по показаниям в суде, задерживали двое милиционеров, в разных местах и в разное время, и заметьте: обоим Козловский оказал сопротивление! Чистый Хичкок. И я, ей-богу, начинаю тревожиться за Кремль: если все оппозиционеры научатся размножаться делением при аресте, дело худо.

Молодежное движение «Оборона», которое в перерывах между арестами и призывами в армию возглавляет Олег Козловский, — движение оппозиционное. Активистов прокремлевских движений никто не задерживает и в казарму не сует, — но, как выясняется, у этих жизнь тоже не сахар...

Поп-звезда, солист группы «Smash» Влад Топалов в интервью газете «Московский комсомолец» признался, что последние четыре года его жизни были неразрывно связаны с тяжелыми наркотиками. СМИ напоминают, что Топалов является членом общественного совета «Молодой гвардии» «Единой России».

Ну, это сообщение отчасти прояснило для меня феномен массовости кремлевских молодежных движений. Семь лет назад Кремль начинал с раздачи пейджеров и бесплатных билетов в кино, но финансирование не стоит на месте... Может, они теперь раздают активистам пакетики с кокаином, — просто еще не все активисты признались, а? Ну, а лично Владу Топалову мы, разумеется, желаем выздоровления, по всем направлениям. С дурью, юноша, надо заканчивать.

И напоследок — о личном. Как и миллионы россиян, я, конечно, ждал победы «Зенита» в кубке УЕФА. Но кроме болельщика, этой победы ждал во мне и хозяин завода «плавленых сырков»: ибо, чтобы начальство по такому случаю не вылезло попиариться, — да быть такого не могло! И оно вылезло, во всей красе... Сначала Миллер с Зубковым (но эти еще стеснялись немного), а уж потом вышла сама Валентина Ивановна — и дала стране анализ: в первом периоде, сказала, наши не смогли пробить ворота, а во втором периоде, сказала, смогли! Прояснив, таким образом, картину матча, Валентина Ивановна со словами «Have you speak Russian? "Зенит" — чемпион!» двинулась прямиком в толпу шотландских болельщиков. Почему они ее не убили, хотя бы за ее английский, до сих пор понять не могу. Но все обошлось, и бесстрашная Валентина Ивановна еще пару дней могла пиариться возле Кубка УЕФА. Ну и слава богу — все лучше, чем башенки строить, да?

Счастья вам!

24.05.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, миновала вторая неделя нового руководства. Отгремели песни нашего полка... кремлевского... свернули красную дорожку, передали из рук в руки державу, скипетр и ядерный чемоданчик, рассадили тех же людей по другим кабинетам: можно, собственно, руководить! Население

застыло в ожидании: с чего начнет новый президент? Какой, по-русски говоря, мессидж пошлет застоявшемуся брату чиновнику? Ждали недолго.

Да! С утречка в понедельник Дмитрий Медведев объявил войну коррупции. А собственно, почему бы и нет? До Медведева этим занимались все государи-императоры, председатели Совнаркома, Генсеки и президенты, и хуже от этого никому из них не стало. Последним на коррупцию набросился Владимир Владимирович Путин, причем так удачно набросился, что за восемь лет его правления коррупция выросла в разы. А Дмитрий Анатольевич Медведев был в это время то главой президентского аппарата, то первым вице-премьером, — то есть помогал как мог. И вот теперь он поднял знамя, выпавшее из путинских рук, — и, чисто Андрей Болконский, понес... Вот что он понес.

МЕДВЕДЕВ. Задача очевидно непроста. Нужен комплекс мер, а не точечные решения. Иными словами, нужен национальный план противодействия коррупции...

Ага! Ну, это другое дело. Раньше были точечные решения, а теперь — национальный план. «Системной проблеме — системный ответ!» Вау... А что за система будет? А вот смотрите. Подписавши первым делом Указ «с поручениями по разработке национального плана борьбы с коррупцией», Дмитрий Анатольевич лично возглавил профильный совет. Мало того! Внутри совета уже предусмотрена межведомственная группа, которую возглавит глава администрации президента Нарышкин. А со стороны правоохранительных органов навстречу коррупции, как Пересвет на Челубея, вышел Генпрокурор Чайка — пообещал усовершенствовать законодательство! То есть обложили коррупцию со всех сторон! При этом примите во внимание: никто ж не отменял и работу антикоррупционной комиссии, созданной Путиным, с одним из его Ивановых во главе. Не спят и депутаты, за двадцать лет непрерывной борьбы забодавшие уже четыре законопроекта о борьбе с коррупцией. Ну, что поделаешь с этими перфекционистами — хотят добиться полного совершенства этого документа! Нельзя же с кондачка, дело серьезное. Новый президент понимает это, как никто.

Как передает РИА Новости, Дмитрий Медведев, выступая на совещании по вопросам противодействия коррупции, выразил озабоченность не только ее масштабами, но и «скрытым характером».

Вот тут Дмитрий Анатольевич, как мне кажется, немного приотстал от жизни. Какой «скрытый характер»? Что мы, в Норвегии, что ли, чтобы скрывать?! Половина администрации — в списке «Форбс». Где вы ищете, Дмитрий Анатольевич, что вам не видно? Скрытый характер коррупции характерен для нянечек в детских садах, а все, кто выше, давно берут в открытую. Каждый имеет свою ренту с места — от гаишника до «труса и жадины» Сечина, который, как сообщила английская «Times», на пару со своим кочующим шефом и сажал в тюрьму Ходорковского — в рамках коррупционной операции по отъему ЮКОСа. (Запамятовал фамилию этого шефа: он у нас теперь премьер-министр, а премьеры у нас так часто меняются, всех не упомнишь...) Ну, да фиг с ним, не это главное. Главное — насчет «скрытого характера» российской коррупции! Это вы зря так сказали, Дмитрий Анатольевич. Смеяться будут, пальцами показывать...

И еще одна цитата из нашего нового президента — цитата, выдающая в г-не Медведеве человека с крепкой нервной системой.

«Мы должны создать антикоррупционный стандарт поведения, — заявил, в частности, президент Медведев, — без этого ничего не будет». Президент отметил также, что необходимо добиться «прозрачности проведения государственных процедур, связанных с подрядами и тендерами...»

Вот я и говорю: крепкие должны быть нервы у человека, который вчера был главой «Газпрома», а сегодня говорит об антикоррупционном стандарте... Из какого гомункулюса г-н Медведев собирается выводить этот стандарт, нам пока не сообщили, но вошедшие в легенду «газпромовские» схемы вывода активов (не то что с «непрозначными» процедурами, а безо всяких процедур вообще) дают основания надеяться, что нестандартный Дмитрий Анатольевич себя тут имел в виду в последнюю очередь. И вообще... Петербург — город большой, но, боюсь, ближе Хельсинки антикоррупционный стандарт поведения нам не найти.

Вот перед нами минувшая неделя — не неделя, а песнь про купца Калашникова! В понедельник — мощный удар прямо в грудь коррупции, а уже во вторник — второй богатырский удар! Этот пришелся под дых коррупции судейской. «Так больше продолжаться не может», — сказал Медведев. Слышите, скептики? «Так больше продолжаться не может», — сказал президент и объявил о прекращении в России «телефонного права»! М-да.

Ну, я тоже считаю, что можно без телефона. Чего зря звонить? Встретиться заранее, да и задрать Фемиде юбку прямо в администрации... Но, конечно, Медведеву надо осторожнее с такими заявлениями: неровен час попадется судья без чувства юмора, услышит от президента про необходимость «искоренения неправосудных решений», — да как начнет работать по закону!.. Впрочем, судьи у нас не дебилы, в пейзаже ориентируются... И применять законы будут так же, как и раньше, то есть выборочно, — ну, разве что условия выборки могут чуток поменяться... Могут, например, однажды снять знак «кирпич», висящий у поворота на Лубянку, и закон однажды может подъехать вплотную к этим дверям. А там уж — как договорятся по отступному. Но, конечно, больше никаких звонков: телефонное право Медведев запретил!

Ну, а покамест жизнь судейская идет своим чередом... И по случаю внезапной вспышки правового сознания в Кремле россияне вторую неделю подряд узнают милые подробности этой жизни.

Председатель Федерального арбитражного суда Московского округа Людмила Майкова может лишиться статуса судьи за квартирные махинации: по данным СМИ, она приобрела у городской администрации две квартиры по цене почти в три раза ниже рыночной, а затем одну из них продала, разом покрыв все расходы.

Хочу сразу сказать во избежание недоразумений: раздача мэром Москвы дорогих квартир по дешевке главе Арбитражного суда, в котором решаются спорные имущественные вопросы, — это не коррупция! «А что же это?» — спросите вы. А вот не знаю, но только не коррупция! Забота о ближнем это, вот что. Христианское сострадание! А насчет того, что г-жа Майкова лишится теперь места судьи, это еще бабушка надвое сказала. Человек она классо-

во близкий, с правильными друзьями среди чекистов и налоговиков... Настоящая Фемида! — глаза завязаны, руки растопырены, недвижимость находит на ощупь... Такими кадрами бросаться — пробросаемся!

Вообще, кадры, как известно, решают все. И забота о лучших людях — прямой долг власти!

Председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан Барый Кинзягулов награжден Почетным знаком ЦИК «За заслуги в организации выборов». Этот знак — высшая награда Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Да, много избиркомов трудилось на российских просторах, много добрых дел сделали их председатели для победы добра над математикой, но Башкирия — случай отдельный. Именно здесь вражеские наблюдатели накрыли с поличным урну с двойными стенками, где лежало четыреста бюллетеней за Медведева, призванных обеспечить Родине нужный процент. Грудью встал тогда башкирский избирком на защиту наших завоеваний, — сначала сами держались, а потом уж пришло подкрепление от прокуратуры, и вражеского наблюдателя от КПРФ позвали в следственный комитет и там, в отделе по особо важным делам, дали, как Галилею на орудия пыток, посмотреть на статью 141-ю УК РФ — «Воспрепятствование деятельности избирательных комиссий». В общем, все закончилось хорошо, выборы признали состоявшимися, цифры — верными, а теперь наконец и награда нашла героя. «За заслуги в организации выборов с двойными стенками в урнах».

Все неплохо и у другого российского героя. Первый губернатор, назначенный Путиным, образец правильной вертикали, глава Приморья Сергей Дарькин, в прошлом известный правоохранительным органам как браток по кличке Серега Шепелявый, в прошлый четверг был внезапно обыскан в рамках уголовного дела об отчуждении государственной недвижимости — и госпитализирован в предынфарктном состоянии. Вот так, поочередно, то ручки пошаливают, то сердце... Обычно в таком состоянии врачи рекомендуют больным покой, но болезнь Дарькина оказалась очень редкого свойства, и уже на следующий день он вылетел в столицу нашей Родины. Глоток керосина — вот что, как известно, может спасти смертельно раненого кота. Полет из Владивостока в Москву — вот что рекомендуют кардиологи губернаторам, находящимся в предынфарктном состоянии после обысков. И вы не поверите: помогло!

По сообщениям СМИ, в прошлые выходные в Москве состоялись встречи губернатора Приморья с представителями руководства страны; также имел место его телефонный разговор с президентом России Дмитрием Медведевым. Как сообщил газете «Ведомости» источник в окружении губернатора, Дарькина заверили, что уголовного дела против него возбуждено не будет и он скоро сможет вернуться к исполнению обязанностей.

Откуда руководство страны знает, что приморская прокуратура не будет возбуждать уголовное дело против Дарькина, — тайна, покрытая не то чтобы мраком, но... какое-то покрытие у этой тайны, конечно, имеется. А чтобы в полной мере насладиться обаянием ситуации, остается только сопоставить даты. Разговор свежеобысканного Дарькина с новоизбранным президентом, в процессе которого обысканный получил от избранного

заверения в том, что прокуратура его не обидит, состоялся в выходные. А в понедельник президент поднялся во весь рост из окопа и пошел в атаку на коррупцию в судебной системе. Бесстрашный человек!

Теперь — об успехах на третьем украинском фронте. Или на пятом. Я уже сбился со счета наших украинских фронтов, потому что Россия открывает их регулярно и со сладострастным наслаждением. Последнее обострение началось пару недель назад и, разумеется, опять с Лужкова. Юрия Михайловича опять понесло говорить про Севастополь. Впервые это с ним случилось десять лет назад: у Юрия Михайловича в ту пору были галлюцинации, что он станет президентом России, и крепкий хозяйственник решил таким образом выйти на международный уровень. И вот — галлюцинации прошли, а рефлексы остались. Ну, он и выложил, что под кепкой лежало. Тут, конечно, началось!.. Служба безопасности Украины огрела Лужкова по кепке трезубцем и запретила ему появляться на родине городов русских. Наши в ответ опустили шлагбаум перед жовто-блакитным депутатом Каськивом, который ехал на НТВ, к Соловьеву, потоковать о Севастополе с Жириновским. Ну, я-то считаю, что Каськиву повезло, потому что весной Жириновский находится в острой фазе, а за город русской славы может и укусить. Но Киев не оценил заботы о своем депутате и пырнул трезубцем уже повыше Лужкова.

Первый заместитель министра юстиции Украины Евгений Корнийчук заявил, что премьера России, экс-президента Владимира Путина можно объявить персоной нон грата после сделанных им в апреле заявлений о том, что «Украина — это не государство».

Молодец Путин, умеет отрезать, чтобы не выросло. Молодец и юрист Корнийчук, и незалежные депутаты, и залежный Лужков, — все молодцы, постарались, наложили кучу выше Севастополя! Однако ж, если бы ткань этой пьесы находилась в руках опытного драматурга, в этом месте он бы уже постарался куда-то повернуть сюжет, потому что, согласитесь, скучновато становится... Но соавторы этой пьесы — лучшие люди российской и украинской номенклатуры, поэтому уж извините, никаких драматургических новаций. Только встреча гастелло с товарищем по работе. Тараном на таран! И МИД России закрыл въезд в страну заместителю министра юстиции Украины. Молодец, МИД России! Ну, напрягись, Киев, твоя очередь, не теряй темпа! Короткий мозговой штурм — и Украина перекрыла вступление России в ВТО, вывалив груду вопросов по экспортным пошлинам. Правда, тут же дала понять, что проблем с пошлинами не будет, если Россия выведет из Севастополя Черноморский флот. А то, что сама Украина в этом случае недосчитается многих миллионов долларов налогов, — так не в деньгах счастье, ради славянского братства не жалко! М-да... Братство у нас намечается — как у Каина с Авелем; впрочем, на равных... Так сказать, на взаимной основе.

Ну, на украинском фронте затяжные бои; поглядим, что у нас на северо-западном направлении? О, там снова сгущаются тучи. Грозный враг, Эстония, опять замыслил недоброе... Вы пока забейтесь в угол, возьмите лупу и найдите врага на глобусе, а мы с начальником Пограничного управления ФСБ России по Псковской области Иваном Бобряшовым расскажем вам страшную сказку...

«Проводимая политика Эстонии в отношении Печорского района Псковской области является рычагом, с помощью которого эстонские власти... смогут прибегнуть к реализации своих устремлений в экономической и политической экспансии в отношении территории Российской Федерации», — заявил на минувшей неделе начальник Пограничного управления ФСБ России по Псковской области Иван Бобряшов.

О да. Экономическая и политическая экспансия Эстонии — это страшное дело! Старший собрат генерал-майора Бобряшова по холодной голове, бывший первый вице-премьер Иванов еще два года назад пошел войною на эстонский творог. Но потом отвлекся на Грузию, потом пролетел мимо Кремля, огорчился, ослабил бдительность. А Таллинн-то не дремлет, точит когти... Чуть отвернись, — оттяпают Псковскую область по самые Чебоксары. Я бы на всякий случай начал стягивать к границе войска, потому что область уже обескровлена.

Некоторые граждане Печорского района области, имеющие двойное эстонско-российское гражданство, предпочитают проходить службу в армии Эстонии. «Они практически осуществляют прохождение военной службы в вооруженных силах члена НАТО, чтобы уйти от нашего срока службы», — заявил генерал Бобряшов.

Дорогой товарищ генерал! Чтобы уйти от вашего срока, а главным образом, вашего содержания службы, уйдешь не то что в войска НАТО, а вообще в подполье... Вон, пока вы с Эстонией боролись, еще один солдатик из окна казармы выбросился.

И напоследок — несколько слов о прошедшем в минувшую среду празднике спорта. Праздник этот неожиданно вылился в сеанс политучебы в московском метро. Группа болельщиков «Манчестер Юнайтед», известных своими вокальными традициями, по дороге в Лужники по красной ветке метро спела москвичам песню, посвященную владельцу клуба «Челси» Роману Абрамовичу. В этой незамысловатой песенке часто повторялось прилагательное fucking. Стихи по счастью сохранились, но я лучше своими словами. В общем, там так: Роман спер свои гребаные деньги у бедных; скоро к нему постучится полицейский; КГБ знает его телефонный номер, и когда русского посадят за то, что он спер свои гребаные деньги у бедных, «Челси» пойдет ко дну. В последней строчке болельщики «Манчестера» обещают сексуальное насилие над обедневшим футбольным клубом из Лондона, но это к делу отношения не имеет. В общем, надо сказать, довольно наивная песенка, отражающая примитивные представления англичан о русской жизни. Ну, спер Роман деньги у бедных, — с какой стати КГБ должно его за это искать? Он же делится, я надеюсь... А полицейских в России вообще нет. Есть — менты. И вот прямо сейчас они все бросят, перестанут «трясти» мигрантов и «крышевать» рынки — и пойдут защищать бедных... Темный вы народ, англичане!

Счастья вам!

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
первого квартала 2008 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями (находя их в журналах и в Рунете), отличающимися либо глубиной анализа, либо концептуальной четкостью, либо просто симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение самых примечательных публикаций с сайтов ***gazeta.ru, grani.ru, polit.ru, vz.ru*** *и др., а также статей в бумажной прессе (****«Вопросы философии», «Неприкосновенный запас», «Полис», «Россия XXI», «Свободная мысль»****).*

Общество

Заместитель главного редактора еженедельника «Дело» **Дмитрий Травин** в **статье «Авторитарная личность на российских выборах»** («Неприкосновенный запас», № 57; Полит.ру, 21 апреля) ставит в духе западной социологической классики XX века вопрос об авторитаризме не просто нашей власти, но и нашего общества. Авторитарная власть имеет в своей основе народные чаяния, а не просто волю правителей. *Рядовому российскому избирателю страшно менять путинский политический режим на что-либо иное. Даже если он осознает, что режим этот далеко не идеален. В голове избирателя выстраивается схема, согласно которой через путинскую Россию страна движется к демократии. <...> Россия вовсе не движется от демократии к авторитаризму, как может показаться на первый взгляд. Она пребывает в этом состоянии уже достаточно долго. Лишь эйфория первых пореформенных лет не давала трезво взглянуть на суть сложившейся в стране политической системы.* Травин утешается тем, что авторитаризм все же *вынужден приспосабливаться к меняющимся условиям, постепенно «обволакивая себя» все более ярко выраженными демократическими формами.* Так, во второй половине XX века он мог проявиться, например, в форме авторитаризма партий, которым *удается в условиях конституционного правления десятки лет сохранять свою монополию на власть* (Япония, Италия, Мексика). Эти режимы *отличались высоким уровнем преступности и чудовищной коррупцией, которая неизбежно возникает при всякой монополизации власти. Вместе с тем следует отметить, что они на протяжении десятилетий служили своеобразной школой демократии для народов, долгое время вообще не знавших, как можно править посредством проведения выборов. «Полуторапартийные» модели, существующие на практике в рамках многопартийных систем, во многом проявили себя лучше, нежели откровенные диктатуры.* Травин резюмирует: *«полуторапартийная» форма авторитаризма является высшей его стадией, непосредственно предшествующей переходу к демократии и гражданскому обществу.* Судя по

всему, наш автор готов и правда ждать *десятки лет* перерождения режима в реальную демократию.

В «Полисе» **Сергей Перегудов** в **статье «Конвергенция по-российски: "золотая середина" или остановка на полпути?»** (№1) предлагает считать, что общественные отношения в России ныне есть результат именно конвергенции между бюрократией и бизнесом (а также гражданским обществом), причем такой конвергенции, когда бюрократия установила правила и границы и «бдит», пресекая нарушения «баланса». В этом он видит историческую уникальность ситуации: такого в России еще не было. Но эта система произвела на свет множество деформаций (*коммерсализация бюрократии, бюрократизация бизнеса* и т. д.), которые обрекают ее на гибель или трансформацию в нечто более здоровое.

Там же **Владимир Лапкин** в **статье «Политическая история и современная политика России сквозь призму структурно-циклической парадигмы»** (№1) выделяет в истории страны повторяющийся цикл, состоящий из фаз «рывка» (обучения полезным иностранным премудростям) и самодостаточной «релаксации». С его точки зрения, назрела необходимость такого рывка, который окончательно приобщит Россию к современности (*сообществу современных наций-государств*). Он состоится неизбежно, но формы его возможны разные: от внешнего управления до *цивилизованного отторжения страной своего несовременного прошлого*. Решить задачу по силам только *персоналистскому режиму*, реальному лидеру (а вовсе не партии, как полагает Травин; см. выше). Этому неназванному вслух лидеру Лапкин ставит в пример Екатерину II, которая *подготовила относительно свободное поколение дворянской молодежи*. Вот и сейчас нужно вырастить *свободное поколение обеспеченных людей*, из которого сформируется *эффективный и ответственный политический класс*.

Людмила Сараскина в **статье «Русский ум в поисках общей идеи»** («Свободная мысль», №1), аксиоматически полагая, что обществу и государству нужна *императивно необходимая и объединяющая всех сограждан цель, общая идея*, осматривается по сторонам в ее поиске сегодня, патетически обличает меркантилизм и глобализм и приходит к не весьма внятной формуле: *Перед русским этносом <...> появилась новая непредвиденная задача, своего рода общая, объединяющая идея: познать самих себя и свое национальное естество в условиях беспрецедентного социального неравенства...*

Там же **Леонид Фишман** в **статье «Нравственное значение нашей «революции»»** мрачно констатирует, что и Запад, и Россия пришли к «моральному коллапсу» (к Западу эту формулу применил впервые И. Валлерстайн). Сначала на Западе, а в 90-е и у нас утвердилась холодная, бесчеловечная, лицемерная рыночная мораль. Общество охотно приняло неравенство, классовое деление, потребительство. В политической сфере возобладал пафос государственной корысти («блага»). Общечеловеческие ценности были упразднены. Оглядываясь назад, Фишман обнаруживает, что идеалы Октябрьской революции были гораздо выше, чем идеалы *капиталистической революции* 90-х. Не по делу огульно упрекая «белых» в своекорыстии, он видит именно в них предтеч нынешних российских чиновников и буржуа. Страна за счет сверхдоходов от нефти *строит себе уютный тупичок, подгребая в него все, до*

чего может дотянуться <...> И получается. Россия почти процветает, цинично предав гуманистические идеалы модерна в пользу эгоистической морали цивилизационизма. Это и есть послание современной России миру.

Немецкий историк **Леонид Люкс** в статье **«"Веймарская Россия"? — заметки об одном спорном понятии»** («Вопросы философии», №2), размышляя о ситуации в России, в основном утешается тем, что есть важные различия между ею и преднацистской Веймарской Германией. В России наличествует *мешанина «правизны» и «левизны»*, нет *постоянной радикализации общества и размывания центристских группировок и установок.* Да и антизападные настроения далеко не так сильны. Но вопрос о перспективах страны открыт.

О состоянии общества в Газете.Ru размышлял в интервью Е. Натарову социолог из Аналитического центра Юрия Левады **Борис Дубин («Глухой оптимизм»**, 11 января). Некоторое улучшение настроений есть. А вот уверенности, что оно устойчиво, всерьез и надолго, — нет. Положительно население оценивает изменения в двух сферах: в обеспечении товарами и продуктами. Еще население радуется, что стало больше — особенно для молодежи — возможностей заработать. Во всех остальных сферах ситуация либо резко ухудшилась, — это касается преступности, работы милиции, здравоохранения, экологии, национальных проблем, — либо положение не изменилось, но оно и раньше было не слишком хорошим. Нет серьезных улучшений, которые могли бы убедить человека в том, что и дальше будет не хуже. Россияне хотели бы получить знаки того, что это продлится. Люди не получают и не хотят в большинстве своем получать ничего неожиданного. Общественное равнодушие не убывает. Его уровень, может быть, даже растет, способ его проявления — согласиться с большинством. Мы имеем дело с апатией и конформизмом.

Юрий Коргунюк в **статье «Сдутый шарик национального протеста»** (Газета.Ru, 10 января) ставит под сомнение распространенность националистических настроений в российском обществе. Он полагает, что *державные чувства и националистические настроения превращаются в темы большой политики исключительно по мановению властной руки.* Националистический протест *обладает реальной мощью лишь тогда, когда соединяется с протестом социальным либо либеральным*, становясь во втором случае национально-освободительным движением против инородной элиты, а у нас нет по большому счету ни того, ни другого.

А вот **Дмитрий Громов** в **статье «Межнациональная напряженность в Москве»** («Свободная мысль», №2) исходит не из спекуляций, а из итогов социсследования. Его версия такова: эта напряженность имеет характер *соревнования маскулинностей.* Со стороны кавказцев и со стороны русских в конфликтах задействованы группы молодых мужчин *в походе. Высокий уровень брутальной маскулинности* и *возрастная экстремальная активность* — вот почва для конфликта. Громов тщательно классифицирует элементы самосознания, поведения, стереотипы представлений этих двух групп. И по ходу дела читателю кажется, что складывающиеся здесь смыслы имеют языческий-племенной характер и почти лишены связи с большими идеями или религией.

О благодетельности империи и вредоносности национализма в России размышляет в своей **лекции «Российское государство: империя или национализм»**, прочитанной в клубе — литературном кафе Bilingua **Владимир Кантор** (ПОЛИТ.РУ, 22 февраля). Его волнует тот факт, что в то время как на Западе углубляется интеграция, Россия уходит во все бóльшую изоляцию. *В то время, как Запад стоит на пороге постнационалистической эпохи, изолированная Россия почти возвращается в XIX в. и говорит о приоритете национальных интересов.* Желая встать в позицию изоляции, Россия в сущности вернется в период Московии, т. е. на уровень в известной степени доисторический. Кантор призывает не путать империю и сталинскую восточную деспотию и воспевает дело Петра Великого. Он возвращал Россию в ее европейское прошлое. Петр вернул Россию в Европу после долгой татарской московской изоляции именно как империю. Империя выступила как гарант свободы и разнообразия. Это была империя, создававшая цивилизованное пространство, охватывавшее самые разные социальные слои и разные народы. Империя впервые в русской истории давала пространство свободы для русской мысли, чего раньше Россия не знала. Российская империя, построенная Петром, — это борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами. Империя создает правовое пространство, несет просвещение, устанавливая общую, наднациональную цель и предлагая общее, наднациональное благо для всех народов. По Кантору, отрицать дело Петра — это тем самым отрицать христианский шанс России вновь после татарского погрома стать христианской, т. е. европейской, страной. Новый аргумент в пользу имперского будущего России автор находит в том, что *человечество вновь вступает в эпоху Великого переселения народов. Достаточно посетить любую из мировых столиц: Париж, Лондон, Берлин, Москву— мы увидим,что это абсолютно космополитические города-государства, и процент приезжих в них чрезвычайно высок, бросается в глаза.* Поэтому отказываться от имперского принципа жизни с ее наднациональными ценностями было бы катастрофой. *Национальное государство переселения народов не переварит, оно не переварит такой наплыв инонациональных общностей.* С другой стороны, Кантор предостерегает от строительства имперской идеи *с опорой на православие. Православие уже показало свою недееспособность в роли имперской идеи.* Нужны некая система ценностей, имперский код, идея наднационального общего блага, которую стоит выработать (например, как Америка выработала общество открытых возможностей), которая охватывала бы все население разных национальностей.

Менее содержательно, но более страстно **Сергей Кургинян** в редактируемом им журнале «Россия XXI» (**«Пузырь»**, № 1) взывает к родной власти, умоляя ее обзавестись идеологией и стратегией. Имеет место *тупик прагматизма*, отчего возможен и полный *коллапс*.

Иллюстрацией к воззваниям Кургиняна может служить **статья Алексея Мельникова «Приступы либерализма»** (Газета.Ru, 9 января). Автор обращает внимание на то, что президент и пара министров в конце минувшего года объявили о допуске иностранцев с их инвестициями в стратегические

отрасли, в частности, в разработку нефтяных месторождений. Не без ехидства автор пишет: *Идея совершила полный круг, власти пришли к тому, что на словах осуждали и проклинали четыре последних года.* Снова итогом «борьбы с коррупцией» оказалось право чиновников продавать правительственные решения. Снова итогом «борьбы с иностранцами» стали использование иностранного капитала и даже его контроль над разработкой месторождений — ввиду неспособности «государственных компаний» вести работу самостоятельно. Вместо идеологии «национальной государственной компании» в нефтегазовой отрасли и других отраслях промышленности фактически говорится о новой приватизации: *в последние годы т. н. «государство» выступило собирателем активов и, как теперь выясняется, простым передаточным звеном от одних «олигархов» к другим.* Мельников заключает, что *в современных российских условиях идеологические формулы властей носят служебный характер. Одни и те же люди с легкостью готовы их принять или поменять, если это отвечает их скрытым от общества интересам. Обманутой при этом оказывается та часть общества, которая всерьез полагает, что именно декларации о противодействии «коррупции», «иностранному влиянию», «олигархам» являлись душой проводимой в последние четыре года политики. У этой политики души не было и нет. Ее суть — железная пружина личного интереса, все остальное случайно.*

Андрей Казанцев и **Виталий Меркушев** в **статье «Россия и постсоветское пространство: перспективы использования "мягкой силы"»** («Полис», № 2) уверены в том, что Россия сохраняет привлекательность на указанном *пространстве*, есть *позитивные стереотипы.* Правда, перечислив эти стереотипы, авторы грустят: чуть не все они *имеют «остаточный» характер* и связаны лишь с воспоминаниями о внедрявшей их советской пропаганде. Виной тому негативистская самооценка, исходящая от русской интеллигенции, двойные стандарты иностранцев, антироссийская пропаганда на Западе, национализмы. Аксиоматической задачей для авторов является интеграция этого *пространства* вокруг России, чтобы обеспечить *российские национальные интересы.* Дело за малым — государственной политикой *в области поддержания положительных и нейтрализации негативных стереотипов.* Других средств укрепления авторитета страны в ее окружении авторы не знают.

Публицисты и аналитики подводят итоги правления Путина. Ключевой здесь вопрос — произошла ли за эти годы модернизация страны.

Весьма интересную экспертную дискуссию об успехах и неудачах восьмилетнего правления Газета.Ru открыла *докладом* **Бориса Немцова** и **Владимира Милова «Путин. Итоги»** (8 февраля). Общий вывод авторов: модернизация страны была вполне возможна, но не случилась. Наоборот, армия, пенсионная система, системы здравоохранения и начального образования, дороги деградировали. *Благополучное время в основном позволило привести в порядок финансы и раздуло пузыри на рынках акций и недвижимости, а инвестиции в развитие реального сектора росли весьма сдержанно, модернизации производственного сектора за это время не произошло. Возможности, образовавшиеся благодаря внезапному «нефтяному дождю», были упущены. Как и при Брежневе, сверхдоходы от экспорта нефти и газа были в значительной*

степени проедены, а необходимые преобразования не проведены. Надежды тех, кто готов был простить авторитарные замашки власти ради модернизации страны, не оправдались: при Путине в России наступил авторитаризм без модернизации. Имеющиеся проблемы никуда не уходят — уходят только годы нефтяного благополучия. Далее авторы подробно говорят о коррупции, о проблемах армии, демографии (прежде всего — очень высокая смертность как следствие нездорового образа жизни, алкоголизма, курения, низкого качества медицинских услуг, преступности и пр.), крахе пенсионной системы. *Время Путина принесло людям полную утрату надежды на правовую и судебную защиту, крах идеи верховенства закона.<...> Россия стала чемпионом мира по избирательному применению права в интересах власти.* Авторы полагают и показывают апелляцией к конкретным статьям, что основные положения российской Конституции *оказались растоптаны. Россия уже больше не является ни демократическим, ни федеративным, ни правовым государством, как гласит первая статья Конституции. <...> Хотя в соответствии с частью 4 статьи 3 Конституции никто не может присваивать власть в Российской Федерации, власть фактически присвоена группировкой Путина. Путин нарушил дважды данную им клятву президента соблюдать российскую Конституцию. Формально Конституция еще действует, но на самом деле все ее основополагающие положения нарушены.* С точки зрения позиций России в мире правление Путина принесло ухудшение отношений с большинством стран. *За исключением Китая — нашего единственного серьезного потенциального противника, которому были сделаны беспрецедентные территориальные и военные уступки.*

Там же 19 февраля **Станислав Белковский** в **статье «Гламурный авторитаризм»** излагает свою концепцию путинского периода. Он начинает с того, что российские итоги с Путиным на самом деле плачевны. Автор перечисляет проблемы, список их таков: начался рост цен; из России бегут глупые деньги — краткосрочные спекулятивные капиталы; не за горами — энергетический кризис; без инвестиций в инфраструктуру можно ждать вскоре техногенных катастроф и системного кризиса коммуникаций; бюрократия — как гражданская, так и силовая — насквозь поражена коррупцией; прекращают существование наши Вооруженные силы; существенно снизился геополитический статус России, и ни одна из стран полумертвого СНГ, даже «союзная» Белоруссия, уже не смотрит в Кремль. Но и Путин прав, говоря, что достиг всех поставленных целей. Он был менеджером, представлявшим интересы собственников — правящего слоя, сформировавшегося в середине 90-х в основном из выгодоприобретателей приватизации. Тогда новые хозяева русской жизни сформулировали для себя несколько системообразующих тезисов. *1. Эксперимент по созданию в России полноценной демократии евроатлантического образца провалился. Установлению демократии в России категорически препятствуют авторитарно-уравнительные инстинкты русского народа. 2. Защитить результаты приватизации в условиях реальной демократии, состязательности политических субъектов и равного доступа к СМИ невозможно. На действительно свободных выборах русский народ выберет левые и националистические силы, которые пересмотрят итоги приватизации. 3. Обеспечить жизненные интересы правящего слоя, включая*

дальнейшую легализацию его капиталов на Западе, возможно лишь в условиях политической стабильности. Для стабильности же в России необходим полнокровный авторитаризм. Был взят курс на построение развитого рыночного авторитаризма. И вот такой президент *был нужен правящему слою: единомышленник Абрамовича и Чубайса, лишенный тяжелого цековского дыхания, любитель дорогих костюмов, адриатических резиденций и океанских яхт, умеющий при том надеть маску несгибаемого чекиста и убедительно порассуждать перед телекамерой о «возрождении империи».* Перед Путиным как менеджером крупные собственники поставили три приоритетные задачи: 1) защита крупной собственности — результатов приватизации; 2) создание условий для «обналичивания» и легализации этой собственности на Западе; 3) ликвидация советской системы социального обеспечения, замена ее на либеральную систему, в которой граждане покупают социальные услуги за полную их стоимость. Ликвидация зачатков демократии и ограничение свободы СМИ были необходимыми предпосылками такого рода реформ. Для решения этих задач важно было также обуздать региональные элиты. Что мы видим сегодня? Задачи 1 и 3 практически решены. Ликвидированы все демократические инструменты и механизмы. *Народ поверил актеру в маске «чекиста-империалиста» и во имя «возрождения былой мощи» добровольно отказался от участия в формировании власти.* Задача 2 осталась нерешенной. *Потому-то преемником Путина и становится Дмитрий Медведев, в маске либерала олицетворяющий «путинизм с человеческим лицом».* Ну а модернизации, которая открыла бы России новые исторические горизонты, при Путине не произошло. *Однако никакой модернизации уходящий президент никому и не обещал, в его менеджерском контракте не было такого пункта.* Какую систему власти оставил Путин наследнику? Вовсе не жесткую «вертикаль власти» — от Кремля до самых до окраин, как принято считать. На самом деле сегодняшней Россией правит вовсе не президент с его «вертикалью», а примерно 15 групп влияния. *Ни по идеологии, ни по жизненной философии, ни по методологии группы влияния друг от друга существенно не отличаются. В процессе утилизации советского наследства они ведут между собой нескончаемую войну, иногда с перемириями.* В стране создана не вертикаль, а самая настоящая *горизонталь власти.* Политическое решение при такой горизонтали есть результирующая противоречивых интересов этих самых групп влияния. *Горизонталь власти — идеальная система для утилизации советского наследства. Но она абсолютно непригодна для масштабных преобразований и реализации больших общенациональных проектов.* А какова социальная опора развитого путинизма-медведизма? Мы имеем 75% населения, вообще не интересующегося, кто будет нами править. *Откуда эта цифра? Это рейтинг Дмитрия Медведева. То есть рейтинг народного безразличия к персоне будущего президента страны. С точки зрения народа, власть теперь формируется где-то на Марсе и зачем вникать в непостигаемое?* Между правящим слоем и безразличным народом стоит новый интеллектуальный класс, который можно назвать «постинтеллигенцией». Его идеология при Путине почти полностью вытеснила классический русский интеллигентский дискурс, предполагавший наличие у образованного человека чувств гражданского долга и вины перед народом. *Философия*

«постинтеллигенции», которая при гламурном авторитаризме диктует интеллектуальную моду и повестку дня, сводится к следующему: не надо переживать о народе, потому что интеллигентские переживания не принесли народу и самой интеллигенции ничего, кроме страданий и зла; гламурный авторитаризм хорош тем, что оставляет нетронутыми бытовые свободы — дежурную бутылку виски и поездку за границу, — освобождая интеллектуала от любой и всякой ответственности за положение дел в стране и состояние общества; вполне возможно, что Россию ждет катастрофа, но, поскольку мы все равно не в состоянии ее предотвратить, воспользуемся же нашим правом обо всем этом не думать. Итак, *основу путинского большинства составляет полностью социально апатичное население, увенчанное кремовой розочкой «постинтеллигенции».* Завершает Белковский грустным парадоксом. *В самом начале 90-х, в конце горбачевской перестройки, я работал программистом в одном конструкторском бюро. Я хорошо помню тогдашние разговоры в профкомовской курилке: Что нам нужно? Нормальная страна, которая ничего не строит и ни с кем не воюет. Где все зарабатывают деньги. И все можно купить за деньги. Где никого не тягают ни в партию, ни в комсомол. И еще — нормальный президент. Ничем не выдающийся. Никуда не стремящийся и нас не подгоняющий. Без завиральных идей. Интеллигентный. Умеренный. Аккуратный. Не альфа-самец. И не свиноподобное обкомовское рыло. Вот о чем — и о ком — мы мечтали. Это и получили. Бойтесь мечтаний, потому что иногда они исполняются.*

Евгений Гонтмахер, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН, в **статье «Обманчивое благополучие»** (Газета.Ru, 26 февраля) приходит к выводу, что *реформаторская волна начала 2000-х, несмотря на благоприятные финансовые условия, захлебнулась. Основная причина — обилие денег, раздача которых создает впечатление социального благополучия и притупляет ощущение социальных опасностей, неуклонно надвигающихся на Россию.* Власть не умеет проводить реформы. Между тем *социальные вызовы, стоявшие перед нашей страной к концу 90-х, в основном сохранились и к настоящему моменту, переходя по наследству к третьему президенту России.* Что за вызовы? Гонтмахер тщательно их мотивирует. Продолжающийся процесс имущественного расслоения и отсутствие вертикальной мобильности, ухудшение качества жизни большинства населения (платность здравоохранения и образования), маргинализация нравов (рост числа отказов рожениц от своих детей, наличие более 700 тысяч детей-сирот, 2 миллиона неграмотных подростков и др.), отсутствие осмысленной миграционной политики, трудное положение почти 40 млн. пенсионеров и, наконец, грядущее неизбежное повышение в несколько раз тарифов для населения за потребляемые им газ, электричество и воду. Связав с этими вызовами повестку дня новой власти, Гонтмахер заключает: *главное в том, чтобы пришедшая к власти политическая элита взяла на себя ответственность за судьбы страны, а не кинулась в очередной круг передела собственности и обеспечения себе безбедного существования в уютных нероссийских местах. А такой исход политической кампании 2007–2008 гг., к сожалению, очень вероятен. В таком случае России не избежать еще одной экономической, социальной и, в конце концов, политической встряски,*

после которой, как после очищающей грозы, я надеюсь, дышать и жить действительно станет легче.

Евсей Гурвич, руководитель Экономической экспертной группы, в **статье «Два срока»** (Газета.Ru, 4 марта) начинает за здравие. Формальные экономические результаты последних восьми лет впечатляют. ВВП вырос на 72%, реальная зарплата — более чем втрое, реальные располагаемые доходы и пенсии — в 2,4 раза. ВВП в долларовом выражении увеличился почти в семь (!) раз, повысилась доля России в мировой экономике. По Гурвичу, эти успехи — результат не столько роста цен на нефть и газ, сколько проведенных в 90-е рыночных реформ. Автор обращает внимание на то, что *первый и второй сроки Владимира Путина различались между собой так, как будто у нас был не один и тот же президент, а два разных политических режима.* В течение первого срока было сделано очень много полезного. Разумная макроэкономическая политика создала условия для инвестиций, реформа электроэнергетики показала, как можно усиливать действие сил конкуренции, дебюрократизация облегчила открытие нового бизнеса, началось вовлечение земли в рыночный оборот, была снижена налоговая нагрузка в несырьевых отраслях. *Сформировались более правильные отношения между бизнесом и государством: нам удалось отойти от сложившейся в 90-е годы ситуации, которую экономисты называют «захватом государства», когда интересы крупного бизнеса нередко ставились над интересами общества.* Но все переменилось во время второго срока, как будто экономическую политику вывернули наизнанку. *Власти перешли от построения рыночной экономики к построению бизнеса (сначала в переносном, а затем и в прямом смысле). Реформирование естественных монополий не только остановилось, но и пошло вспять: стали создаваться все новые госмонополии, которые дают все новые свидетельства своей неэффективности. Качество государственных институтов — судов, административной системы — стало ухудшаться (о чем свидетельствуют все международные рейтинги). Более того, они были серьезно скомпрометированы, поскольку стали активно использоваться как инструмент передела собственности либо политической борьбы. Если прежде интересами общества нередко жертвовали в угоду крупному бизнесу, то теперь их стали приносить в жертву интересам бюрократии. Неудивительно, что все больше стала расцветать коррупция.* Гурвичу при сравнении первого срока со вторым на ум приходят известные теории «ресурсного проклятия». В странах с неразвитыми государственными и политическими институтами дополнительные сырьевые богатства ведут не к ускорению, а к замедлению развития. Основные усилия идут тогда не на продуктивную деятельность, а на борьбу за природную ренту, в результате чего усиливается коррупция и падает качество управления. Гурвич кончает так: *Остается связывать надежды с тем, что у нового президента в ближайшие годы будет первый срок. Если бы еще цены на нефть упали...*

Там же 18 марта апологет Путина **Леонид Поляков**, замдекана факультета политологии Высшей школы экономики, в **статье «Модернизация Путина»** лукаво провозглашает, что понятие «авторитаризм» слишком туманное, чтоб можно было применить его к итогам путинского президентства. Говорить же надо о *политической модернизации* России Путиным. Поляков пред-

ставляет дело таким образом, будто страна к 1999 году зашла в глубокий кризис, *мультикризисная ситуация* достигла кульминации. И тут появился Путин, который занялся *антикризисным менеджментом*. Интегрировал страну, легитимировал власть в глазах масс, унифицировал правовое пространство, обеспечил политическое участие населения во власти по линии *избиратель — партия — властный институт*. В заключение Поляков кивает на Запад: *Для США, как и для всего современного глобального мира, гораздо важнее, чтобы государства, претендующие на статус демократических, сами эффективно справлялись со своими проблемами (кризисами), а не требовали поддержки и содержания извне. Мир как сообщество суверенных и эффективных демократий, а не террариум failed states — вот совместное видение будущего как с точки зрения США, так и с точки зрения России. И нужно признать, что существенное продвижение России к такому глобальному миру — основной итог восьми лет президентства Владимира Путина.*

Медведев.

Президент Института энергетической политики **Владимир Милов** в **статье «Перемены без надежд»** (Газета.Ru, 3 марта) дает такую оценку новому президенту: *Медведев — типичный представитель новой русской бюрократии, которой не чужды плоды западной цивилизации, но чужды ее ценности. Внешне эти люди могут выглядеть вполне «цивильно»: носить одежду западных марок, свободно говорить на иностранных языках, слушать рок-музыку, но на поверку они являются типичными национал-консерваторами и убежденными сторонниками централизованной административной системы управления. К свободе и к Западу такие представители российской элиты относятся с недоверием, опасаясь конкуренции в широком понимании этого слова (от опасения потерять личные позиции в открытой политико-экономической среде до страхов перед очевидно более привлекательной западной моделью общественно-политического устройства).* От Медведева *не стоит ждать демонтажа системы, сложившейся при Путине. Скорее всего, он продолжит использовать ту же модель эксплуатации страны бюрократией и близким к ней бизнесом, которая была выстроена при Путине, хотя состав действующих лиц может серьезно измениться. Перемены при Медведеве будут неизбежными, но надежды на изменения к лучшему пока вряд ли имеют под собой основания.*

Интеллигенция

В прикремлевском «Взгляде» (vz.ru, 28 февраля) штатный идеолог режима и шеф-редактор «Кремль.Орг» **Павел Данилин** в **статье «Всего лишь стилистические разногласия?»** обрушился на тех, кого он называет *интеллигентщиной*. По сути, речь идет именно об интеллигенции второй половины XX века. Данилин уличает ее в том, что в хрущевские времена она *присвоила себе право быть «совестью нации», точнее, совершенно неоправданно объявила себя этой совестью. Подобная узурпация стала естественным следствием языкового поражения нации. Следствием вербального торжества интеллигентщины на безъязыких трупах государства и общества. Интеллигентщина лишила государство слова, оставив ему тяжеловесные буквы, не*

имеющие никакого содержания. Интеллигентщина лишила общество возможности говорить на ином языке, кроме языка площади, языка мата. Фактически русская культура была кастрирована в угоду маленькой группе паразитов. Интеллигентщина глубоко антагонистична русской культуре в целом и русской политической культуре в частности. Образы, которые она производит, язык, на котором она говорит, по своей сути являются нерусскими, и более того — антирусскими. Чем же так плохи взгляды и идеи этой самой «интеллигентщины»? А тем, оказывается, что она претендует на привилегированное положение в обществе. *Интеллигентщина считает, что вправе лгать, ругаться, фарисействовать, злословить, подличать, нарушать закон и даже совершать преступления против «остальных». То есть против народа и против государства. В отношении себя интеллигентщина не допускает никакого иного отношения, кроме восторженного преклонения.* Данилин бдительно уличает своих оппонентов и в том, что они хотят быть там, где так хорошо и уютно окопался наш автор: «у власти и при власти». Единственным доказательством у него оказывается известное письмо деятелей культуры в защиту Ельцина в октябре 1993 года. Оно интерпретировано как требование допустить их к власти и призыв к нарушению демократических норм (роспуск парламента, Конституционного суда, оппозиционных партий и организаций, закрытие оппозиционных СМИ, давление на суд). Изымая это обращение из исторического контекста, Данилин тычет им под нос нынешним защитникам демократии и, передергивая карту, голословно делает вывод: в 90-е *интеллигентщина построила свою систему в Новой России на крови народа, на нарушении закона и на призывах к еще большему нарушению закона.* Что это за система такая, где правила именно «интеллигентщина», про это Данилин только невнятно намекает, подмигивая дружественному читателю. Про каких-то своих неназванных, анонимных (исключая разве что персонально обвиняемую Машу Гайдар) конкурентов в беспощадной борьбе за кремлевскую стайку и кормушку Данилин пишет сурово: *Сейчас эти же люди вопят и требуют распустить и уничтожить молодежные организации <...> Эти же люди в мае 2005 года кричали: «Дайте мне пулемет, и я их расстреляю»,— имея в виду шествие прекрасных молодых ребят по Ленинскому проспекту. Эти же люди сейчас требуют, чтобы журналиста Константина Семина, высказавшего по телевидению свою гражданскую позицию, «вышвырнули из профессии» и «отправили по месту постоянной прописки». Эти же люди требуют от государства смягчить внешнеполитический курс, имея в виду — отказаться от проведения самостоятельной и выгодной для России внешней политики с тем, чтобы им снова позволили «шакалить у посольств». Эти же люди вопиют о переделе собственности, желая посадить на престол новых олигархов, вокруг которых они могли бы кормиться.* Ну а актуальный смысл статьи связан с попыткой автора дать отповедь тем, кто ждет от смены президента *некой «оттепели».* Риторика Данилина близка к хорошо сымитированной истерике: *По своей откровенной лжи и подлости те, кто ратует за некую «оттепель», сравнимы разве что с Геббельсом <...> Их основная цель — уничтожение России.* Как так? А вот так. Не снисходя до доказательств, Данилин грозно возвышает голос. Не «оттепели» они хотят, а *распада страны*, возможности *безна-*

казанно продавать страну, безнаказанно говорить все, что приходит в голову, а затем безнаказанно убивать государство, нового Беловежья. В крайнем случае, нового Хасавьюрта. Впрочем, Данилин уверен, что у разоблаченной им «интеллигентщины» нет сейчас *первенства в риторике.*

Иной взгляд на место интеллигенции в политике у **Юрия Коргонюка**. В **статье «Зеркало новой русской буржуазии»** (Газета.Ru, 20 марта) он отождествляет интеллигенцию и русских либералов и обращает внимание на то, что либералы полностью вытеснены сегодня из политики, а без них во многом лишается смысла и вся нынешняя партийная система. Там больше нет места свободе. Обе российские партийные системы появились в переломные моменты истории страны (одна в начале XX века, вторая на рубеже 1980-90-х годов), когда бюрократия по каким-то причинам вдруг утрачивала монополию на политическую деятельность. В такие моменты на авансцену выходила интеллигенция, представители которой и создавали политические партии. Однако как только бюрократия возвращала себе рычаги управления, а интеллигенция возвращалась на кухни, партийная жизнь сворачивалась; оставались лишь отдельные ее рудименты в «режимных» местах — монопольно правящих партиях либо «партиях власти». Коргонюк полагает, что наши либералы остались неисправимыми интеллигентами, и именно потому их так легко выдавили из политики. *Ведь сила интеллигенции в слове, а чтобы это слово услышали многие, нужен соответствующий «рупор» — в современных условиях это электронные средства массовой информации, прежде всего телевидение. Пусти интеллигенцию на телеэкран, и она полноправный участник политической игры, попроси ее оттуда — она политический труп.* Средств обратной связи с избирателем политики-интеллигенты не имели — ни гражданских сетей, ни касс взаимопомощи, ни дешевого кредита. Не пользуются либералы и поддержкой новой русской буржуазии, малого и среднего бизнеса. Ей ближе Жириновский. *Найти общий язык с лидером ЛДПР для них проще простого, поскольку это язык их повседневного общения. Как и Жириновский, они уверены в непреложности таких постулатов, как «не проведешь [эвфемизм], не проживешь», «не подмажешь, не поедешь», «своя рубашка ближе к телу», «умри ты сегодня, а я завтра» и т. д. и т. п.».* Вот когда *значительные слои предпринимательского класса осознают тупиковость тактики «спасайся, кто как может», <...> попытки бизнесменов приподняться над сиюминутными интересами, пожалуй, и составят базу для третьей партийной системы в России, а у интеллигенции появится, наконец, соратник на стезе партстроительства.*

На опасения Данилина, боящегося, что оттепельной риторикой могут воспользоваться его враги, явный идейный противник этого автора **Андрей Пионтковский** отвечает скепсисом: оттепели не будет (**«Будет ли оттепель?»** — Грани.Ру, 8 января). У власти сейчас прошедшая мутацию советская номенклатура. *За последние двадцать лет она помолодела, основательно перетряхнула свой персональный состав (прежде всего за счет громадного чекистского призыва) и обросла колоссальной собственностью.* Пойдет ли этот «новый класс» на либерализацию своего режима? Пионтковский вспоминает, что две советских оттепели были связаны с тем, что номенклатура решала проблемы своего благоустроения. Так, перестройка

стала стартом гигантской операции по конвертации абсолютной коллективной политической власти номенклатуры в громадную личную финансовую власть ее отдельных представителей. Заключительным этапом операции (уже в наши дни) стало возвращение ими и абсолютной политической власти. У сегодняшнего заматеревшего и обросшего громадной собственностью поколения правящей номенклатуры нет и не может быть ни малейших стимулов к либерализации. Эти хозяева жизни — *встающие с колен патрушевские дворняжки — никогда не позволят смердам замахнуться на их святыни и общаки-сокровища: Millhouse Абрамовича, Gunvor Тимченко и, наконец, новейший символ бережного отношения путинских кадров к самим себе — загадочный замок с девятью этажами вниз, вырубаемый русскими чудо-богатырями в скалах швейцарских Альп.*

Персона

Портретной аналитики, исключая рассуждения о Путине, в публицистике сезона немного. Обращает на себя внимание интересная **статья Андреаса Умланда «Патологические тенденции в русском "неоевразийстве"»** («Вопросы философии», №3), посвященная *несомненному лидеру нового русского интеллектуального движения под названием «неоевразийство»* Александру Дугину. Не входя в ее содержание, отошлем читателя к публикации этого автора в «Континенте» (№133) «"Неоевразийство", вопрос о русском фашизме и российский политический дискурс».

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Наталья ЗЫКОВА

«ПОСТАНОВИЛИ С НИМИ РАССЧИТАТЬСЯ...»

Новые документы об алапаевской трагедии

От редакции

В процессе поиска сведений о новомучениках периода Гражданской войны сотрудники Екатеринбургской епархиальной комиссии по канонизации святых обнаружили в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) документы, в которых содержится важная информация об убийстве представителей дома Романовых в городе Алапаевске в июле 1918 года.

Напомним нашим читателям основные события и факты этой трагической истории[1].

Как известно, 20 мая 1918 года в небольшой городок Алапаевск на Среднем Урале были привезены арестованные после октябрьского переворота следующие члены царской семьи: великий князь Сергей Михайлович (двоюродный брат Александра III), великая княгиня Елизавета Федоровна, князья императорской крови Константин Константинович (мл.), Иоанн Константинович и Игорь Константинович (дети великого князя Константина Константиновича, президента Академии Наук, писавшего стихи под псевдонимом К. Р.), князь Владимир Павлович Палей (сын великого князя Павла Александровича от морганатического брака), а также управляющий делами великого князя Сергея Михайловича Федор Семенович Ремез.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадская, — старшая сестра императрицы Александры Федоровны — была настоятельницей Марфо-Мариинской обители труда и милосердия, которую она создала в Москве, удалившись от мира после гибели мужа, великого князя Сергея Александровича, убитого террористом Иваном Каляевым. Вместе с Елизаветой Федоровной находилась сестра из Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева. Великий князь Сергей Михайлович — признанный специалист в артиллерийской науке, перед Первой мировой был генерал-инспектором российской артиллерии и сделал все от него зависящее, чтобы в предвидении войны оснастить армию современными орудиями. Троюродные братья Николая II — князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи — молодые офицеры, побывавшие на фронтах Первой мировой войны. Князь Иоанн был награжден Георгиевским оружием, князь Константин — Георгиевским Крестом. Младший из узников, 21-летний князь Владимир Палей — поэт и переводчик.

Для заключения членов императорского дома Алапаевск был избран, как считают историки, не случайно. Во время революции 1905 года здесь был

[1] По материалам портала www.alapaevsk.net.

создан один из первых в России советов рабочих депутатов (точнее — совет уполномоченных).

Узники содержались под арестом в здании Напольной школы. Их разместили в шести комнатах; обстановка простая, только самое необходимое — железные кровати с жесткими матрасами, несколько простых столов и стульев. Есть свидетельства, что в первый месяц ссылки узники могли посещать церковные богослужения. Но после введения 21 июня по указанию Уралоблсовета «особого режима содержания» Напольная школа превратилась в настоящую тюрьму. Сделано это было, как объяснялось, «во избежание побега», который алапаевские узники могли совершить по примеру великого князя Михаила Александровича, сосланного в Пермь и якобы бежавшего оттуда в ночь с 12-го на 13-е июня. В действительности брат Николая II великий князь Михаил в эту ночь был убит... Узникам было запрещено выходить за пределы школьной ограды, у них отобраны почти все вещи и деньги, резко сокращен продовольственный паек и запрещено покупать что-либо в магазинах. Предчувствуя неизбежный конец, узники «готовились к смерти, молились и просили Бога укрепить их в страдании».

Кто взял на себя обязанности тюремщиков? «Общее руководство» осуществлял председатель Алапаевского совдепа, бывший волостной старшина Г. Абрамов. В связке с ним — военный комиссар С. Павлов, председатель делового совета А. Смольников, председатель алапаевской ЧК Н. Говырин, секретарь совдепа Д. Перминов, чекисты М. Останин и П. Зырянов. Чаще всех остальных большевиков появлялся в Напольной школе алапаевский комиссар юстиции Ефим Соловьев. Именно он конфисковал после введения 20 июня тюремного режима их деньги, драгоценности и вещи: это называлось «принять на хранение».

Летом 1918 года началось наступление белой армии из Сибири на Запад. В связи с этим утром 17 июля красноармейский караул в Напольной школе заменяют «партийным». По распоряжению председателя совета Г. Абрамова у князей отбирают оставшиеся личные вещи и деньги. Ближе к вечеру по телефону звонит А. Смольников — объявить узникам, что их переводят из Алапаевска в Верхне-Синячихинский завод и они должны немедленно собираться в дорогу. Участниками операции были алапаевские комиссары: председатель Алапаевского совдепа Григорий Абрамов, председатель делового совета Алексей Смольников, председатель ЧК Николай Говырин, комиссар административного отдела совдепа Владимир Спиридонов, члены городского совдепа Иван Абрамов и Михаил Гасников, члены делового совета Василий Рябов и Родионов, чекисты Петр Зырянов и Михаил Останин. Трое приехали из Верхней Синячихи: председатель Верхне-Синячихинского совдепа Евгений Середкин, председатель союза рабочих Иван Черепанов, военный комиссар Петр Кайгородов. Кроме названных, с узниками отправились Егор Сычев и красноармеец Иван Маслов.

В ночь с 17 на 18 июля члены царской семьи были вывезены на подводах на станцию Межная в 12 верстах от Алапаевска, на развилку Верхотурского тракта и дороги, ведущей на Верхне-Синячихинский завод. Можно предположить, что великий князь Сергей Михайлович сопротивлялся убийцам и был застрелен, других же били по голове обухом топора, сбросили в

провал заброшенной Нижне-Селимской шахты и забросали гранатами[2]. Шахту завалили жердями, бревнами и присыпали землей.

Вернувшись в город, убийцы устроили спектакль — инсценировку побега князей. В третьем часу ночи возле Напольной школы началась стрельба, раздались взрывы гранат. Был поднят по тревоге красноармейский отряд Кучникова. Его выдвинули к Напольной школе, где рассыпали в цепь. В цепи красноармейцы пролежали полчаса, стрельбы не производили, никакого врага не видели. Вместо белогвардейцев их встретили на крыльце школы комиссар Смольников, который, матерясь, говорил: «Товарищи, теперь нам попадет от Уральского областного совета за то, что князьям удалось убежать; их белогвардейцы увезли на аэроплане», — и судья Постников, который с большой книгой в руках «наводил следствие» о побеге. Председатель совдепа Г. Абрамов в это время уже отправлял телеграмму в Екатеринбург: **Военная Екатеринбург. Уралуправление 18 июля утром 2 часа банда неизвестных вооруженных людей напала напольную школу где помещались Великие Князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу Задержать не удалось Розыски продолжаются. Алапаевский Исполком. Абрамов Перминов Останин.** На следующий день о «похищении князей» были расклеены объявления по всему городу. 26 июля 1918 года в №145 газеты «Известия Пермского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов» под заголовком «Похищение князей» было напечатано короткое сообщение. Вот его текст: **Алапаевский исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18-го июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся.** Подпись — «Председ. Областного Совета Белобородов».

Осенью 1918 года Белая Армия заняла Алапаевск, в город вошли части 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка под командованием полковника Смолина. Старшему милиционеру Т. Мальшикову было приказано

---

[2] На основе имеющихся документов этого нельзя утверждать категорически. Оказал ли князь Сергей Михайлович сопротивление? Возможно, поскольку при вскрытии его трупа было обнаружено огнестрельное повреждение черепа. Зная сильный характер князя, его физическую крепость, учитывая то, что он понимал ситуацию: их везут именно убивать, — можно предполагать, что перед шахтой великий князь Сергей сопротивлялся убийцам. Но это лишь гипотеза, исторических документов об этом нет. То же самое и об ударах обухом топора по голове. Действительно, в акте вскрытия трупов указаны повреждения, нанесенные по голове (у некоторых — и по груди) тупым предметом. В акте записано: «Означенные повреждения произошли или вследствие ударов твердым тупым предметом, или от ушиба при падении с высоты». Более вероятно, от ударов тупым предметом, т. к. если все ударились головой («прицельно»), то это кажется странным.

разыскать тела убитых большевиками князей Романовых. Мальшикову удалось найти свидетелей, которые ночью 18 июля возвращались в Алапаевск по синячихинской дороге и в одиннадцать-двенадцать встретили целый «поезд» лошадей, направляющийся в сторону Верхне-Синячихинского завода. Мальшиков предположил, что убитых следует искать либо в Синячихинской шахте, либо в шурфах на Синячихинском руднике. Уже 7 октября, при исследовании каменноугольной шахты на Межной была обнаружена фуражка, которую опознали как принадлежавшую одному из князей. 9—11 октября из шахты были подняты тела всех мучеников. 19 октября они были погребены в склепе Свято-Троицкого собора.

Впоследствии останки Елизаветы Федоровны были вывезены в Иерусалим и захоронены в Гефсиманском саду. В 1982 году Русская зарубежная церковь канонизировала великую княгиню Елизавету и сестру Варвару. В 1992 году это сделала Русская православная церковь: Архиерейским собором они причислены к лику святых новомучеников российских.

До сих пор историки не располагали никакими документальными данными о том, что алапаевских узников сбрасывали в шахту живыми. Но десятилетиями жили в народе предания об их кончине. Рассказывали, в частности, что из шахты еще долго доносилось пение псалмов.

Обнаруженные в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) документы проливают новый важный свет на историю преступления в Алапаевске. Об екатеринбургских находках читателям «Континента» рассказывает историк, сотрудница Екатеринбургской епархиальной комиссии по канонизации святых Наталья Владимировна Зыкова, которой принадлежит и подготовка к публикации цитируемых архивных документов.

❖

Основную часть найденных материалов составляет стенограмма совещания активистов алапаевской партийной организации, которое состоялось 6 января 1933 года Его главной целью было сохранить для истории воспоминания о парторганизации большевиков Алапаевского района в период от Февральской революции 1917 года до 1921 года.

Тема воспоминаний была обозначена так:

> Истпарт ставит перед нами такую задачу, чтобы рассказали о партийной организации, о работе всего района в период февральской революции и в период подготовки к октябрю, затем октябрь, период гражданской войны... Затем интересно услышать о Колчаковском подполье, партийном подполье, о работе с деревней и беднотой. <...> Интересует вопрос, в частности, как в Алапаевском районе была проведена расправа с князьями[3].

Эта стенограмма была обнаружена случайно. Хотя совещание проходило в 1933 году, его материалы под названием ***«Стенограмма воспоминаний***

[3] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.

партактива Алапаевского района 1917–1918 гг.» значатся в описи документов, относящихся к 1917–1918 годам. Когда члены Комиссии по канонизации искали сведения об убийстве алапаевского священника протоиерея Димитрия Диева, совершенном 18 сентября 1918 года, они неожиданно наткнулись на эти воспоминания.

В ***«Стенограмме...»*** есть список людей, выступавших на совещании актива Алапаевской партийной организации 6 января 1933 года, рассказы которых были застенографированы. В списке указано шестнадцать человек, но в архивном деле сохранилась расшифрованная стенограмма выступлений только девяти из них. Воспоминания семи человек отсутствовали. Члены Комиссии начали поиск недостающих выступлений-воспоминаний и вскоре обнаружили их в других архивных делах.

Документы интересны тем, что это — первоисточники: о том, как происходил захват власти большевиками в Алапаевском районе, рассказывают сами участники событий. Их откровенный, хотя часто неграмотный, косноязычный рассказ содержит ценнейшие сведения по истории революции и Гражданской войны на Урале и позволяет реконструировать многие события 1917–1921 годов в Алапаевском районе.

Картина в результате складывается следующая. После Февральской революции в Алапаевске установилось двоевластие. Существовал Совет рабочих и крестьянских депутатов, где господствовали меньшевики и эсеры, и одновременно продолжала свою деятельность земская управа. Кроме того, образованный на заводе фабрично-заводской комитет тоже проявлял самостоятельность и независимость в решении некоторых социально-экономических вопросов. Отношения между всеми этими организациями, претендовавшими на власть в городе, были сложными. Судя по документам, влияние большевиков в них было слабым, советская власть в Алапаевске на них не ориентировалась, сохранялась конкуренция и происходили столкновения, часто кровавые, между боровшимися за влияние на массы представителями различных партийных течений. Один из партийных руководителей, Евгений Леонтьевич Середкин, бывший председателем Совета в поселке Верхняя Синячиха, а в период с апреля по июль 1918 года возглавлявший Алапаевский Совет, вспоминает:

> Тут партийная организация стала мудрить, хотели руководить через беспартийных населением. <...> Руководство было партийной организации, а исполнение возлагали на беспартийных»[4].

Кроме того, Середкину

> пришлось вести немалую борьбу с эсерами[5]

и добиваться того, чтобы первый председатель В.-Синячихинского Совета меньшевик Иван Елькин покинул свою должность.

В. Д. Харлов, председатель Совета из села Нижняя Синячиха, расположенного неподалеку от Алапаевска, рассказывает:

---

[4] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 14–15.

[5] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 189. Л. 89.

...производилась ликвидация в Синячихе волостного земства, был большой бой, ребята были с винтовкой на собрании, несколько человек арестовали, никак не слушались... Мы там достаточно доказали, почти половину ликвидировали, считали, что пора взять это дело в свои руки, тогда винтовки были в ходу, застрелили, несколько человек арестовали. Таким образом, был организован Совет из большевиков. <...> Мы ликвидировали земство, и стало единовластие Совета. В это время у нас были столкновения большие с эсерами[6].

Центральное место в стенограмме совещания занимают воспоминания Николая Павловича Говырина — председателя Чрезвычайной следственной комиссии Алапаевска. Говырин рассказывал:

На одном собрании они [эсеры] создали обстановку, что если бы не большевики, они меня убили бы, они меня называли мошенником, что я шельмую их кандидатов. <...> Пришлось мне слышать, как эти эсеры говорили по нашему адресу, в частности по моему, они ругали большевиков, начиная с Ленина, что приехал из заграницы, что такой и сякой[7].

Борьба за власть в районе привела к потере всякого контроля над происходящими событиями, к произволу отдельных личностей и партийных групп. В результате после падения монархии, а вслед за ней и Временного правительства политический хаос на Урале, как и в других местах, не только не был преодолен, но и усугубился. Воспоминания партийцев хорошо этот процесс иллюстрируют.

Хочется отметить еще один важный момент, который четко прослеживается в найденных документах: это свидетельство о произволе местного Совета в решении многих вопросов политической жизни города, об отсутствии подчинения не только центральным органам власти, но и областным. Летом 1918 года это было характерным явлением для многих районов страны. Челябинский историк Игорь Нарский в своей работе «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.» пишет:

К произволу местных властей следует присовокупить анархию, связанную с распадом связей между территориями страны. Этому способствовало не только стремление национальных территорий к самоопределению, но и основной принцип советской власти, позволявший концентрировать в руках каждого Совета любого уровня — от областного до сельского — всю полноту властных полномочий и претендовать на независимость от Москвы. <...> Общероссийская тенденция децентрализации власти усугублялась на Урале удаленностью от центра, низкой плотностью населения, разбросанностью населенных пунктов, незрелостью городской жизни и дорожной сети и, не в последнюю очередь, — специфическими формами организации промышленности, благодаря которым каждый горнозаводской округ и завод с жителями... превращался в автономные и самодостаточные единицы[8].

---

[6] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 27, 33.

[7] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 47–48.

[8] *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 38-39.

Ситуация в Алапаевске подтверждает это мнение. Процесс децентрализации власти способствовал тому, что решение об уничтожении великих князей было принято большевистской партийной организацией Алапаевска самостоятельно, даже без санкций Уралобкома РПК(б) и Уралоблсовета.

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии Н. П. Говырин рассказывает:

Перед самым отступлением из Алапаевска мы в партийной организации обсуждали вопрос, как ликвидировать княж[е]скую знать, на одном из партийных собраний мы постановили с ними рас[с]читаться. Их было 6 человек. Сначал[а] они чувствовали себя свободно, потом, когда началось паломничество, когда шли посмотреть, что это за люди, молочко стали им носить, ягодки и т. д., мы видим, что дальше это дело терпеть нельзя, посадили на военный режим. После некоторой свободы уже не стали выпускать. Их было 6 человек, 3 брата Романовых — Игорь, Сергей, Константин, Елизавета Федоровна и Палей. Постановили таким образом, что город небольшой, чтобы не было всякого рода толков, перетолков, поскольку эти люди слыли от известной... нужно сказать, что на охрану этих людей рабочие ходили с особым удовольствием, не могли дождаться, когда же в конце концов этих князей приберут к делу, докуда же они будут ходить, что за безобразие, советская власть никого не судит, а все еще карает князей. Я помню в июне м-це после расстрела Николая, я даты точно не помню, мы подобрали свою охрану, там принимали участие эсеры, мы подобрали большевистскую охрану, накануне выловили одного вора, сводили его к парикмахеру, обрили одели офицером, надели галифэ, изобразили из него офицера и в[9] проводили линию, что за князьями прилетели на аэроплане, это нужно было изобразить перед обывателем. Около школы бросили бомбу, это было после увоза в шахту, мы показывали, что дрались с аэропланом. Мы с ними поступили не совсем культурно, сбросали живьем, нам делать операцию невозможно.

Взяли этих 6 человек на лошадь /ГОЛОС: 8 человек, еще доктор был княгини/. Я доктора тоже за князя считаю. Мы им говорим, что увозим вглубь тыла, что мы временно вынуждены отступать, что мы перевозим в безопасное место. Они в это поверили. Когда остановились около шахты, они спрашивают: «Почему остановились?» Я говорю: «Мост сломан», что ребята поправляют мост. И вот в это время, когда была задержка, проделали эту операцию. После этой операции мы, конечно, поставили охрану, утром взяли одного коммуниста, завязали ему голову, посадили на телегу и возили по Алапаевску, что его ранили, таким о[б]разом создалось впечатление, что князей увезли на аэроплане, так и не знали что с ними так покончили. Таким образом обыватели успокоились. Это было опубликовано, что их увезли на аэроплане, что одного ранили. Помню, приезжал из Екатеринбурга — особый уполномоченный к нам, — сюда телеграмма была дана, в Уральском рабочем было написано, поставил вопрос так на совещании исполкома: «Где князья?»

Я не знаю — говорить правду или нет. Здесь никакой санкции мы на это не имели. Мне задают вопрос: «Вы о князьях что-нибудь знаете, говори-

[9] Далее фрагмент текста запечатан на машинке.

те». Я отвечаю: «Знаю». — «Где?» — «В шахте». Мне говорят: «Да что вы молчали?» — «А мы думали, что за самоуправство нас будут привлекать»[10].

Особенно подробно рассказывал председатель Верхне-Синячихинского Совета Е. Л. Середкин:

Я еще упустил из вида в отношении князей, как было дело. Мы получили князей в апреле месяце. Куда их девать? Абрамов поставил вопрос перед Белобородовым[11], что давай в Алапаевск возьмем. Их привезли в Алапаевск в июле месяце, когда чехословаки стали давить, с ними покончили, чтобы не поднимать шума, а в Алапаевске публика набожная, многие старушки подарки приносили, решили мы делать втихомолку. Вызвали меня вечерком и говорят: «Тебе задание, приготовь шахту, раскрой, а завтра приезжай с кем-нибудь, двух лошадей надо от тебя, повезем князей. Ребята собрались — Черепанов, Гришкин, Элькин, пошли раскрывать эту шахту. Получилось так, что там бугорок небольшой, но копали, копали, а там настолько отступлено... и там сделаны палаты на полтора аршина наверх земли.

Я звоню в Алапаевск. Я не выполнил боевое задание. Давайте, ничего не знаем, сегодня приезжают, чтобы шахта была приготовлена привести князей. Мы раскрыли известковую часть, я сказал, где поставить охрану. Приехали туда в 11 часов, там все в сборе, мне посадили князя Сергея Михайловича, выезжаем через 10 минут, он меня спрашивает дорогой: куда меня повезли? Я говорю: я не знаю, мне велели подать лошадь, я ничего не знаю. Ты ведь слышал, что готовят дом? Он спрашивает: кто там жил? Я говорю: инженер. Ну, значит, квартира будет хорошая. Затем он меня спрашивает: как вы наблюдаете рабочие, что сейчас лучше живется? Я говорю: сейчас сказать еще трудно, мы власть еще не видим, ее шаги еще незначительны. — Ты член партии? — Да. — А какой партии? — Социал-демократов большевиков. Говорили много о земле, как понимать социализацию земли... Я говорю: «Коммуну устроили, коммуну будем организовывать». Он спрашивает: «Как же это так?» Я отвечаю: «Вот соберемся артелью, возьмем известное количество земли и будем обрабатывать, вот приблизительно такого порядка были разговоры. Там, конечно, до меня ребята уехали, я приезжаю четвертым. Приезжаю и говорю: «Надо слезть, крестьяне мост взорвали, надо пешком пройти. Когда они доходят — проваливаются туда, готовое дело. Таким образом спустили. Хотели спустить на дно, а на дно не попали, там был перестил, они там и остановились, в результате оказались живые. Мы хотели шахту взорвать, спустили перекселиновые..., но попали в воду. Для того, чтобы укокошить, нужно было что-то сделать, у меня были в шкафу бомбы, я дал ключ К..., чтобы он привез... /не слышно/. Потом так и зарыли. У меня в руках остался кошелек с табаком князя..., хотел себе оставить, но потом думаю — привяжутся, бросил туда же.

Дело в том, что по ту сторону шахты шла дорога из Синячихи на Алапаевск, нужно было установить охрану. Установили охрану. Нужно было организовать таким образом, чтобы... устроить инсценировку. В это время там

[10] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 56-58.

[11] Абрамов, Белобородов — участники событий.

сидели двое Кайгородовых. Мы в 4 часа с этим делом покончили, я и говорю: «Бузить можно или нет?» Давай, говори[т], езжай бузить. Приезжаю в исполком и говорю, что вот такое положение, что князья сбежали, надо принять срочные меры, охрану туда поставили, никого не пропускали, а меня известили только в 8 часов утра, что князья сбежали, а моя сестра была телефонисткой, она пришла и говорит: вставай скорее [попадешь] под расстрел в случае непринятия мер. Я отправился в исполком, об этой телеграмме никому не сказал. Дмитриев меня спрашивает, сколько ты получил за то, что князей отправил, ведь ты должен за это получить. Он никак не мирился, что мы их укокошили, думали, что большевики, агенты иностранного государства помогли сбежать князьям[12].

А вот свидетельство из автобиографии Евгения Леонтьевича Середкина, которая тоже была обнаружена в архивных материалах. Здесь Е. Л. Середкин сообщает, в частности, о том, кто принял решение о расправе с великими князьями:

В первых числах июля Алапаевским Президиумом К. Партии и ответственными работниками было постановлено ликвидировать находившихся там князей. Тем же вечером вызвали меня и поручили раскрыть каменноугольную шахту, находящуюся в трех верстах от нашего завода, поручив взять только вполне надежных ребят. Для чего мною были приглашены тов. Черепанов Иван Емельяныч, Плинкин Николай, Кайгородцев Петр, Елькин Павел, Плотников Андрей, Талаев Иван, последние два во время экзекуции были только на охране дороги, и в ночь с 17 на 18 июля с Кайгородовым выехали в Алапаевск на двух подводах[13]...

После обстоятельного знакомства с документами можно, таким образом, сделать вывод, что убийство великих князей — это произвол даже не местных органов власти, а местной партийной организации большевиков. Впрочем, некоторые из членов Совета не могли с уверенностью отнести себя к тому или иному политическому течению. Иные считали себя большевиками, но по отдельным вопросам придерживались взглядов меньшевиков и левых эсеров, в частности, отрицательно относились к внешней политике В. И. Ленина.

На основе найденных исторических источников можно предположить, что самоуправство при решении участи великих князей было вызвано тем, что в среде большевиков сильным было влияние левых коммунистов, которые поддержали левых эсеров в вопросе о Брест-Литовском мире. Кроме того, левые эсеры, пользовавшиеся поддержкой населения, резко отрицательно отнеслись к большевистскому декрету о предоставлении чрезвычайных полномочий комиссару продовольствия; этот декрет, направленный против крестьянства, был принят 9 мая 1918 года. А на Урале были в основном хозяйства фермерского типа, их владельцы никогда не знали крепостного права, здесь преобладало зажиточное крестьянство — социальная

[12] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 21-23.

[13] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 178. Л. 89.

база левых эсеров. Даже рабочие заводов имели участки земли. Поэтому большинство населения Алапаевска было настроено антибольшевистски, и местным партийцам приходилось с этим считаться.

Представитель Алапаевского Совета Митрофанов (его инициалы не указаны в документе) говорил:

> Тут вопрос о Брестском мире. Алапаевская организация целиком пошла за левыми. Проходит общепартийное собрание, стоит вопрос о Брестском мире, выступает с одной стороны [Алексей] Смольников за левых, а Сергей Смольников выступает за ленинскую линию. Вот я как сейчас помню, на общем собрании Алексей Смольников[14] увел за собой буквально всю организацию, подавляющее большинство на общем собрании ушло за Алексеем...[15]

Представители левых партий знали, что российский и германский императорские дома тесно связаны семейными узами и что Германия будет проявлять беспокойство о судьбе родственников немецких правителей. Видимо, поэтому левые опасались, что большевики «продадут» Романовых немцам.

Эсеры к тому же считали, что великие князья опасны для интересов революции. На Пятом Всероссийском съезде Советов, проходившем с 4 по 10 июня 1918 года, лидер левых эсеров М. Спиридонова даже требовала, чтобы большевики выдали Романовых ее партии для расправы. Такого же рода требования со стороны эсеров были выдвинуты и в Екатеринбурге.

В воспоминаниях В. С. Федотова, участника Гражданской войны, упоминается о том, что тесные контакты с левыми эсерами были и после отступления красных из Алапаевска.

> В Алапаевском отряде были вместе большевики, члены Союза молодежи, левые эсеры и беспартийные. <...> Ядром отряда была размещавшаяся вместе с нами в здании женской гимназии левоэсеровская рота! Считаю необходимым отметить, что большинство алапаевских левых эсеров в гражданскую войну вместе с большевиками честно боролись за Советскую власть! Многие отдали за победу революции свою жизнь! Большинство уцелевших левых эсеров потом стали коммунистами[16].

Основываясь на документах, можно предположить, что местные партийцы надеялись убийством великих князей обострить отношения между Россией и Германией, добиться продолжения войны, которая, по их мнению, должна была спровоцировать революционные события в других странах и привести к мировой революции, о которой они мечтали. В связи с этим вспоминаются слова известного литературоведа и историка культуры Ю. М. Лотмана:

> *в истории знать какие-либо факты и понимать их — вещи совершенно разные. События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуж-*

---

[14] Алексей Смольников — член Алапаевского Совета, председатель Делового Совета.

[15] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 66-67.

[16] ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 745. Л. 33.

дениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными[17].

Найденные источники позволяют нам в некотором отношении понять мотивы действий людей той страшной эпохи.

Итак, повторим: судя по документам, решение об уничтожении великих князей было принято большевистской партийной организацией Алапаевска самостоятельно, даже без санкции Уралобкома РКП(б) и Уралоблсовета. И это реальная обстановка того времени. Доктор исторических наук Генрих Иоффе, изучая вопрос о гибели царской семьи, тоже ставил вопрос: могли ли уральцы решить судьбу Романовых самостоятельно, взяв всю ответственность за столь важную политическую акцию на себя? Далее он пишет:

Чтобы попытаться ответить на этот трудный вопрос, надо принять во внимание ряд факторов. Прежде всего довольно сильный сепаратизм ряда местных Советов по отношению к центральной власти. Существовавший с 1918 г. Уралоблсовет занимал в этом отношении, пожалуй, одно из первых мест. В Москву не раз поступали жалобы на «сепаратистско-централистские действия» Екатеринбурга, совершенно не согласованные с Москвой (там [в Екатеринбурге. — *Н. З.*] *начали было печатать даже собственные деньги).* <...> *Другим обстоятельством, бесспорно способным повлиять на решение Уралоблсовета относительно судьбы Романовых, было наличие в нем сильного левоэсеровского и анархического влияния, толкавшего и уральских большевиков на некоторые поступки левацкого характера*[18].

В документах имеются сведения о приезде в Алапаевск представителей Уралобкома РКП(б) и Уралоблсовета Г. И. Сафарова и Н. Г. Толмачева. Первый раз они приехали туда в июне – начале июля 1918 года, чтобы проводить мобилизацию в отряды Красной Армии для борьбы с войсками А. И. Дутова. Е. Соловьев рассказывает об этом:

В 1918 г. в первых числах июня по приезде тов. Сафарова, Белобородова и Толмачева был организован общезаводской митинг в Алапаевском, В.-Синячихинском и Н.-Шайтанском заводах, на которых рабочие единогласно постановили всем от 16 до 56-летнего возраста пойти добровольцами в Красную гвардию[19].

Е. Л. Середкин сообщает:

...в июле месяце приехал к нам Толмачев и С[афаров]. Тут провели революционную мобилизацию, после того было много скандалов, товарищи приехали, поговорили на митинге и уехали[20].

---

[17] *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII– начало XIX в.). СПб., 1994. С. 13.

[18] *Иоффе Г.* Дом особого назначения // Родина. 1989. № 5. С. 85.

[19] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 215. Л. 10-10 об.

[20] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 16.

Еще одно упоминание о контакте с областными властями есть в воспоминаниях О. И. Кабакова:

> И вот к такому моменту, когда Свердловск уже пал, когда в Алапаевск приехали товарищи Толмачев и Сафаров, было такое положение, что с заводом нужно было кончать, потому что фронт приближался. <...> И вот когда приезжают Толмачев и Сафаров, здесь было очевидно, было решено, что нужно оставить для работы по профессиональной линии[21].

Речь здесь идет об организации подпольной работы в Алапаевском районе после отступления красных. Но о том, что Уралобком РКП(б) или Уралоблсовет принимал какое-либо участие в решении судьбы великих князей, ни в одном из воспоминаний не говорится.

Документы особенно ценны еще и тем, что в них, как можно было видеть, содержатся неизвестные прежде подробности расправы с великими князьями:

— указано время убийства: с 23 часов вечера (17 июля) до 4 часов утра (18 июля);
— засвидетельствовано, что в шахту жертвы были сброшены живыми;
— подробно описано инсценированное похищение князей «сторонниками Романовых».

В воспоминаниях есть интересные детали, связанные с шахтой. Например, Е. Л. Середкин рассказывает, как у каменноугольной шахты, которая была закрыта с 1904 года, во время первой революции в 1906 году нелегально собирались местные социал-демократы.

> В 1907 г. по постановлению Эсеровской организации должен был совершиться террористический акт над местным Волостным Старшиной Платоном Гурьевым и урядником Бизиковым. Эсеры, желая придать этому акту окраску хулиганства, многую молодежь споили. Это было во время местного церковного праздника 15 августа, в Успение. До этого было собрание в лесу, около каменноугольной шахты, где был выработан план...[22]

Так что место для расправы над Романовыми было выбрано не случайно, оно хорошо было знакомо местным коммунистам и лично Середкину. Е. А. Соловьев подтвердил своим рассказом, что упоминаемая Середкиным шахта — это та шахта,

> где нашли себе пристанище князья Романовы.

В уже упоминавшемся свидетельстве Середкина также сообщается, что шахта заранее была подготовлена к убийству[23]. Помимо этого, в воспоминаниях об участии комсомольской организации Алапаевска в Гражданской войне есть свидетельства о том, что белые, заняв Алапаевск, сбрасывали в эту шахту расстрелянных коммунистов. Например, руководителя молодежной организации Алексея Серебрякова.

---

[21] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 70-71.

[22] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 178. Л. 87 об.

[23] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 19.

Бросили его на телегу и повезли. Через день мы узнали, что его полуживым спустили в шахту, где были другие расстрелянные[24].

О развитии событий рассказывает О. И. Кабаков:

В это время как раз пошло откапывание князей. Я наблюдал с Ялуниной всю эту процедуру, но здесь одно характерно, что всех поражало, что, когда их достали, золотые кольца, сережки, вообще золотые вещи все остались на них. С одной стороны, большевики — изверги, спустили в шахты, а все осталось на них. Вот такие были разговоры[25].

Немалый интерес вызывают и документы, в которых отразилась полемика, возникшая между алапаевскими коммунистами в связи с публикацией в газете «Алапаевский рабочий» в 1957 году воспоминаний В. С. Федотова о Гражданской войне в Алапаевске. Камнем преткновения, в частности, оказался вопрос о том, кто возглавил убийство князей дома Романовых в Алапаевске. Ю. Ф. Аминева (Кабакова), бывшая активистка Союза молодежи, заявила, что всем этим руководил Михаил Останин. Это заявление опровергают участники революционных событий в Алапаевске А. Г. Коробкин и Ф. И. Долганов. В письме-опровержении, адресованном в Свердловский областной архив (копия — в редакцию газеты «Алапаевский рабочий» Ю. Ф. Аминевой и В. С. Федотову) они, в частности, пишут:

Неверно, и быть этого не могло. Эту операцию возглавляли: председатель Алапаевской ЧК Н. П. Говырин, начальник гарнизона — военком Павлов, комиссар Советской охраны — В. А. Спиридонов, комиссар юстиции Е. А. Соловьев и А. А. Смольников[26].

В. С. Федотов, командир отряда Алапаевского Союза молодежи, тоже опровергает мнение Ю. Ф. Аминевой:

И здесь Аминева преувеличивает роль Михаила Останина! Она пишет: «Расстрел князей возглавлял Михаил Останин». Одним из основных руководителей алапаевских большевиков в 1918 г. был Ефим Андреевич Соловьев. Его потому и не замучили насмерть в алапаевской контрразведке белогвардейцы, что им приказали отправить Соловьева в Екатеринбург в распоряжение следователя по важнейшим делам как обвиняемого в так называемом убийстве великих князей. Председателем ЧК в тот момент был другой из руководителей алапаевских большевиков — Николай Павлович Говырин. Даже любой школьник-старшеклассник поймет, что без председателя ЧК казнь князей Романовых пройти не могла. Военным комиссаром Алапаевска был еще один из руководителей большевиков — Сергей Алексеевич Павлов. Без его приказа караул у князей никому бы их не выдал из Напольной школы[27].

Ни о каком контакте с Центром или с областными властями по вопросу участи арестованных князей В. С. Федотов тоже не упоминает.

---

[24] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 215. Л. 47-48.

[25] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 74.

[26] ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 745. Л. 32 об.

[27] ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 745. Л. 23.

Фотография руководителей Советской власти в Алапаевске, снятая в Алапаевске 1 мая 1918 г.
На фотографии, согласно архивной справке (ЦДООСО. Ф. 221. Оп.2. Л. 745/2, запечатлены:

Первый ряд, стоят — слева направо: *Бугрышев Александр Егорович (начальник милиции); Насонов Михаил Андреевич; Сычев Егор Иванович; Чечулин Григорий Павлович; Коробкин Александр Григорьевич; Гасников Георгий Иванович.* ***Второй ряд, сидят — слева направо:*** *Соловьев Ефим Григорьевич; Глухов Иван Григорьевич; Останин Петр [Ф]едорович; Кабаков Флегонт Гаврилович; Смольников Алексей Алексеевич; Абрамов Григорий Павлович; Балакин Василий Иванович; Упоров Ефим Яковлевич; Дудин Александр Иванович; Перминов Михаил Васильевич.* ***Третий ряд, сидят — слева направо:*** *Косых Степан; Постников Василий Петрович; Суслов Александр Николаевич; Говырин Николай Павлович*

Дмитрий УЗЛАНЕР

В КАКОМ СМЫСЛЕ СОВРЕМЕННЫЙ МИР МОЖЕТ БЫТЬ НАЗВАН ПОСТСЕКУЛЯРНЫМ

Роль религии в современном мире — эта тема активно сегодня обсуждается не только в среде узких специалистов, но и в масс-медиа. Исламские фундаменталисты, новые религиозные движения, тибетские монахи, «ползучая клерикализация» — вот лишь самый краткий перечень почти ежедневных сюжетов газетных публикаций и телепрограмм.

Возврат в сферу общественного внимания — как в России, так и во всем мире — религиозной проблематики все чаще объясняют сегодня теми процессами, для обозначения которых используются термины «десекуляризация» и «постсекулярный» (мир/общество/эпоха). При этом секуляризация, о которой так много говорили еще совсем недавно, объявляется порою чуть ли не фикцией или, во всяком случае, идеологическим конструктом, родившимся в воспаленных умах ученых-атеистов и на долгие годы затуманившим разум образованным людям. Такую точку зрения, например, высказывает Александр Морозов на страницах журнала «Континент» (№ 131, 2007): оказывается, секуляризации не только больше нет, но и никогда не было.

Современным дискуссиям на эту тему явно не хватает, однако, прежде всего четкого понимания того, что же такое секуляризация (и соответственно, что стоит за понятиями «десекуляризация» и «постсекулярный»). Недаром при знакомстве с многочисленными публикациями, затрагивающими проблему секуляризации, порою создается впечатление, что каждый трактует это понятие так, как это ему удобнее. В результате нередко бывает и так, что сначала предлагается какая-то явно надуманная, едва ли не карикатурная версия секуляризации, затем она торжественно опровергается, а в итоге и появляется «постсекулярный мир».

Поэтому постараемся прежде всего уточнить значение этих понятий, используемых в дискуссии о роли религии в современном мире. И в первую очередь — смысл понятия «секуляризация».

Но это невозможно сделать, не обратившись к истории этого термина, не уяснив, какой смысл вкладывали в него на протяжении его истории ведущие мыслители эпохи, прежде всего — социологи религии. Только после этого можно будет попытаться ответить на вопрос, насколько термин «секу-

Дмитрий УЗЛАНЕР — родился в 1984 г. в Москве. Закончил отделение религиоведения Философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В настоящее время — аспирант факультета. Печатался в журналах «Логос», «Религиоведение», альманахе «Новая Весна». Живет в Москве.

ляризация» соответствует современному состоянию мира и правомерно ли именовать его постсекулярным. А если да, то в каком смысле.

Во избежание недоразумений сразу же обозначу свою собственную позицию. Я разделяю общее ощущение, что место и роль религии в мире изменились. Однако не так просто ответить на вопрос о том, в чем суть этих изменений и насколько они радикальны. Не преувеличиваем ли мы порой их масштаб? Во всяком случае, никак нельзя, на мой взгляд, сводить дискуссии о роли религии в современном мире к той простой смене лозунгов, когда еще совсем недавно безапелляционно констатировался факт «смерти религии» (или пытались определить точную дату этой смерти), а теперь столь же безапелляционно утверждается, что пришло время «реванша религий», и сообщается о безвременной кончине секуляризма.

Что же такое секуляризация?

Понятие «секуляризация», восходящее к латинскому слову «saeculum», которое обозначало поколение, век или дух времени, известно как минимум с 1648 г., когда во время переговоров по Вестфальскому миру французский представитель дипломатично обозначил с помощью этого термина процесс изъятия ряда церковных земель. Но только в XIX веке «секуляризация» из узкого — политико-юридического — превращается в более общее понятие, обозначающее *процесс высвобождения культуры в целом из-под влияния религии, прежде всего христианской*[1]. Именно в этом значении термин «секуляризация» получает все большее распространение, и именно по поводу того, как именно следует понимать (и оценивать) это «высвобождение», и разворачиваются с тех пор основные дискуссии.

Отметим при этом, что долгое время понятие «секуляризация» было лишено нейтральности: в нем непременно звучали либо нотки одобрения (у сторонников ограничения влияния религии), либо осуждения (у противников этого процесса)[2]. Слово «секуляризация» было своего рода политическим лозунгом. Употребление этого термина как нейтрального описательного социологического понятия пришло лишь позднее и связано с именем известного немецкого социолога Макса Вебера[3]. Именно в таком качестве оно несколько раз появляется в его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма»[4].

---

[1] Подробнее об истории понятия «секуляризация» см. *Lubbe H.* Sakularisierung: geschichte eines ideen-politischen begriffs. — Freiburg: Karl Alber, 1975.

[2] Ibid... S. 27–55.

[3] Ibid... S. 68.

[4] *Вебер М.* Протестантские секты и дух капитализма // *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. — М.: РОССПЭН, 2006. С. 190, 193. Вебер показывает, как в Америке после постепенного упадка сект, некогда выполнявших важную социальную роль, возникают объединения (клубы, сообщества), в своих основных чертах повторяющие секты и вы-

За время своего многовекового существования термин «секуляризация» утвердился и в целом ряде специальных дисциплин — юриспруденции, богословии, каноническом (церковном) праве, философии, социологии — и в каждой приобрел тоже свое особое значение. В изначальном, юридическом, смысле он обозначает процесс отчуждения имущества религиозных организаций. В христианской теологии под ним прежде всего понимается процесс обмирщения, когда в культуре начинают господствовать посюсторонние интересы и ценности, а потустороннее измерение бытия игнорируется. В каноническом праве католической церкви термин «секуляризация» (saecularizatio) обозначает, например, возвращение в «мир» члена монашеского ордена, сопровождающееся отказом от взятых на себя ранее обязательств[5]. В философии понятие «секуляризация» используется в спорах о природе современности, с его помощью указывают на принципиальное родство христианства и современного мира, в основе которого, как нередко утверждается, лежат секуляризированные христианские идеи. Так, например, светское представление о прогрессе как поступательном историческом движении ко всеобщему благоденствию, формально не имеющее никакого отношения к религии (христианству), по своей структуре очень напоминает христианское понимание истории, разворачивающейся от творения мира через его искупление во Христе к эсхатологическому завершению во время второго пришествия Христа. На этом основании некоторые философы (К. Левит) утверждают, что современные светские представления возникли в результате секуляризации (то есть переосмысления, связанного с устранением сугубо религиозных оттенков) существовавших до этого средневековых религиозных представлений.

Однако наиболее влиятельной на сегодняшний день является *социологическая традиция* изучения и интерпретации секуляризации. Именно социологи религии сделали эту проблематику предметом широкой общественной дискуссии и задали ее основные контуры.

Действительно, кто сегодня, споря о секуляризации, будет ссылаться на идеи философов М. Хайдеггера, К. Левита или Х. Блюменберга?[6] Зато упоминание таких ведущих социологов религии, как Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман, Б. Уилсон, Д. Мартин, Х. Казанова, можно встретить практически во всех нынешних дискуссиях о месте религии в современном обществе (это подтверждают и те публикации, которые были размещены на страницах журнала «Континент»). Поэтому обратимся прежде всего именно к этой традиции — к социологическому пониманию секуляризации.

полняющие схожие социальные функции, но не являющиеся религиозными по своей природе. Этот процесс, когда происходит сохранение формы религиозного явления при одновременном упадке и забвении его религиозного содержания, и называется Вебером секуляризацией.

[5] Подробнее см.: http://www.newadvent.org/cathen/13677a.htm (14.11.2007).

[6] Последние двое вообще неизвестны современной широкой публике, хотя еще относительно недавно (середина XX века) они вели оживленную философскую дискуссию о природе секуляризации.

Социологи о секуляризации

Что же имеют в виду социологи[7], когда говорят о секуляризации[8]?

Чтобы ответить на этот вопрос, проследим, как развивалось обсуждение темы секуляризации вплоть до того момента — середины 1990-х годов, — когда был начат продолжающийся по сей день разговор о постсекулярном мире/обществе/эпохе. Одновременно обратим внимание на те тезисы, которые представляются наиболее сомнительными в свете реалий XXI века.

В социологии религии тема секуляризации выходит на первый план в 60-е годы XX века. В это время во всем западном мире (особенно в Европе) наблюдается стремительный упадок традиционных религиозных форм: падает посещаемость церквей и приходских школ, снижается число священников, все большему сомнению подвергаются нормы христианской этики и т. п. Согласно данным, приведенным в работе Б. Уилсона «Религия в светском обществе: социологический комментарий», почти все показатели религиозности в Англии в промежутке между 1885 и 1960 годами достаточно резко снижаются[9]. Особенно катастрофично дело обстояло с воскресными школами: число обучающихся там снизилось в разы, точно так же в разы снизилось и число учителей этих школ. Кроме того, за первую половину XX века катастрофически сократилось число священников англиканской церкви[10]. Сама профессия священника утратила престиж, ее начали теснить многочисленные светские конкуренты, например, психотерапевты, предлагающие свои светские услуги в деле «заботы о душе»[11].

Эти изменения оказались крайне болезненными для социологии религии того времени. Дело в том, что социологи религии в первой половине XX века занимались в основном узкими эмпирическими исследованиями: изучали количество прихожан, их отношение к своему приходу и т. д. И когда началось резкое снижение показателей религиозности, они оказались перед той вполне реальной перспективой, что им вскоре просто нечего будет изучать. Как грустно заметил в 1960-е годы известный английский социолог Дэвид Мартин, социология религии — это «академический пережиток, существующий за счет несуществующего предмета изучения»[12]. Поэтому социологи религии начали активно искать себе новое занятие. И очень быстро они вышли на проблематику секуляризации.

Обратившись к теме секуляризации, социологи обнаружили, что она

---

[7] Мы будем говорить почти исключительно о западных наработках в данной области.

[8] Подробнее об этом см.: *Узланер Д.* Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в. // Религиоведение. — 2008. № 2.

[9] *Wilson B.* Religion in secular society: a sociological comment. — L.: C.A. Watts & Co. ltd., 1966. PP. 6–11.

[10] Ibid... P. 77.

[11] Ibid... P. 72–73.

[12] *Martin D.* The Sociology of Religion: A Case of Status Deprivation? // The British Journal of Sociology. 1966. Vol. 17. No. 4.

неразрывно связана с популярными в тот момент представлениями о модернизации. В самом общем значении модернизация — это трансформация аграрного общества в современное индустриальное[13]. Такая трансформация связана с целым рядом процессов, среди которых главными являются развитие промышленности (индустриализация), повышение производительности труда, рост городов (урбанизация).

Но модернизация затрагивает абсолютно все сферы общества: экономику, политику, культуру и т. д. В том числе она затрагивает, конечно, и религию. Так в рамках теории модернизации появилась и такая перспективная тема для исследования, как влияние модернизации на религию. Именно она, эта тема, постепенно и стала основной для социологов религии. А поскольку в западных странах процессы модернизации явно приводили к ослаблению религий, социологи стали говорить не просто о *влиянии* модернизации на религию, но именно о *секуляризации* как следствии модернизации.

Следует обратить внимание на то, что социологи переключились на проблематику секуляризации именно под давлением наблюдаемых ими фактов. Примечательно, что в то время в качестве ведущих теоретиков секуляризации выступали, например, Питер Бергер и Дэвид Мартин, — если и не теологи, то во всяком случае конфессиональные социологи. И нужны были веские основания, чтобы о секуляризации заговорили столь ангажированные авторы, которых никак нельзя заподозрить в каких-либо симпатиях к атеистическим идеологиям[14]. Уже это обстоятельство свидетельствует о принципиальной неправоте тех, кто пытается представить секуляризацию исключительно как идеологический конструкт, лишенный фактических оснований.

Вопрос, что же такое секуляризация, вызвал оживленную дискуссию среди социологов, однако к 1990-м годам устанавливается все же и определенный консенсус относительно содержания этого понятия. Основным содержанием понятия «секуляризация» становится процесс утраты религией своей социальной значимости. Согласно классическому определению Брайана Уилсона, данному еще в 1960-е годы, *секуляризация — «процесс, в ходе которого религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свою социальную значимость»*[15]. Причем здесь очень важно обратить внимание на то, что речь идет не об упадке или исчезновении религии как таковой, но лишь о ее социальной значимости. Итогом секуляризации оказывается не безрелигиозное общество, но такое общество, функционирова-

---

[13] Подробнее см.: *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. — М.: РОССПЭН, 2006. С. 59.

[14] Д. Мартин в начале своего знакомства с проблематикой секуляризации был уверен, что перед ним идеологический конструкт; он даже утверждал, что секуляризация «должна быть вычеркнута из социологического словаря» (см. *Martin D.* Towards eliminating the concept of secularization // Penguin survey of the social sciences (ed. J. Gould). — Baltimore, MD: Penguin, 1965. P. 182). Однако спустя некоторое время он сам стал ведущим теоретиком секуляризации: см. *Martin D.* A general theory of secularization. — Oxford: Blackwell pub., 1978.

[15] *Wilson B.* Religion in secular society: a sociological comment... P. xiv.

ние которого уже от религии почти не зависит[16]. *Секуляризация касается не религии как таковой, но лишь ее социальной значимости.* Наиболее четко эту мысль выразил М. Чавес: «Мой основной тезис звучит достаточно просто: секуляризацию лучше всего понимать не как упадок религии, но как уменьшающийся диапазон религиозного влияния. ...я предлагаю вообще отложить в сторону понятие «религия» как аналитическую категорию при изучении секуляризации»[17].

Выстраивая свое видение секуляризации, социологи вплоть до самого конца XX века опирались на очень узкую географическую основу. Их внимание привлекала лишь Европа и отчасти США. Попытки заглянуть за пределы западного мира редки (хотя в 90-х годах они становятся все более частыми). Однако, несмотря на столь узкий кругозор, социологи делали выводы общего характера, применимые, с их точки зрения, для описания процессов во всем мире.

Почему это было возможно?

Потому, что основополагающим убеждением их было: общества развиваются по одинаковому сценарию, модернизация всегда имеет примерно схожие следствия как для общества в целом, так и для религии, в частности[18]. Поэтому, если выяснить, что происходит с религией в наиболее развитых обществах (то есть в Европе и США), можно сделать общие выводы о протекании процесса секуляризации. Эти выводы будут справедливы абсолютно для всех обществ, как развивающихся, так и только вступивших на долгий путь модернизации.

Таким образом, особенности развития европейского (и отчасти американского) общества были истолкованы как универсальные закономерности развития человечества. Как следствие этой сомнительной идеологии «европоцентризма» (или западоцентризма) возник и спорный тезис о том, что религия и современное общество (то есть общество, прошедшее через модернизацию) несовместимы: ведь если об этом свидетельствует опыт западных стран, являющихся авангардом мирового развития, значит так должно быть везде.

Теперь от общего понимания секуляризации в современной социологии перейдем к некоторым подробностям этой социологической концепции. Дело в том, что секуляризация — это не однородный процесс, то есть не все события, связанные с секуляризацией, равнозначны: одни являются определяющими, другие — второстепенными. В 1981 году К. Доббелере удачно предложил рассматривать секуляризацию на трех уровнях: на макроуровне

---

[16] На первых порах существовало представление о том, что секуляризация касается в том числе и упадка религиозности как таковой (см. *Berger P. L.* The social reality of religion... P. 113; *Wilson B.* Contemporary transformations of religion... P. 13), однако оно было опровергнуто последующими исследованиями.

[17] *Chaves M.* Secularization as declining religious authority // Social forces. 1994. Vol. 72. P. 750.

[18] Это было общее убеждение исследователей того времени (см. *Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В.* Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис: журнал о будущем. — 2007. № 2 (10). СС. 213–214).

(секуляризация на уровне структуры общества), на мезоуровне (секуляризация на уровне религиозных организаций) и на микроуровне (секуляризация на уровне индивида)[19]. При этом основополагающим и определяющим является макроуровень. Эти уточнения особенно важны для дискуссии о «постсекулярном» мире/обществе/эпохе и «десекуляризации»: говоря о том, что религия возвращает себе былую значимость, необходимо учитывать, о каком уровне идет речь. Только так можно избежать искушения увидеть во второстепенных процессах свидетельство полноценной «десекуляризации» и начала новой «постсекулярной эпохи».

Секуляризация на макроуровне означает упадок влияния религии в пространстве *структуры* общества. Для измерения этого процесса как бы подразумевается, что изначально существует некое идеальное, с точки зрения статуса религии, общество. В качестве прообраза последнего говорят обычно о средневековой Европе XIII века времен папы Иннокентия III, хотя важно отметить, что та эпоха никоим образом не провозглашается при этом «золотым веком веры», когда каждый человек каждую секунду своей жизни пребывал погруженным в религиозное мироотношение и самоощущение. Речь идет лишь о «веке предписанного религиозными требованиями социального порядка»[20], когда религия (католическая церковь) является надсистемой, регулирующей все остальные сегменты общества: политику, экономику, право, культуру, мораль, образование и т. д. Затем в результате некоторых глобальных преобразований (модернизация, связанная с экономическим развитием) религия утрачивает свое господствующее положение.

В настоящий момент ключевым для описания этих решающих преобразований является понятие «*функциональная дифференциация*». Суть этого понятия в следующем: в процессе усложнения общества возникают обособленные институты (подсистемы), отвечающие за отдельные функции (политика, экономика, наука, семья и т. д.), руководствующиеся собственными ценностями (разделение властей, успех, достоверность и обоснованность, главенство любви и т. д.) и действующие на основе своего средства коммуникации (власть, деньги и т. д.)[21]. Религия также становится одной из

---

[19] *Dobbelaere K.* Secularization: a multi-dimensional concept // Current sociology. 1981. Vol. 29. PP. 11–12. Мое понимание этих трех уровней отличается от предложенного Доббелере. Это отличие вытекает из разного понимания секуляризации: Доббелере считает, что секуляризация затрагивает религию как таковую, я же считаю, что она касается лишь социальной значимости религии. Неясность относительно того, что же такое секуляризация — упадок религии как таковой или же всего лишь утрата религией своей социальной значимости, — постоянно наличествовала в социологической трактовке секуляризации.

[20] *Wilson B.* Contemporary transformations of religion. Oxford: Clarendon press, 1976. P. 10.

[21] *Casanova J.* Public religions in the modern world. Chicago: Chicago university press, 1994. P. 20–21; Dobbelaere K. Towards an integrated perspective of the processes related to the descriptive concept of secularization // The secularization debate (eds. W. H. Swatos, D. V. A. Olson). Lanham, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2000. PP. 22–23; *Chaves M.* Secularization as declining religious authority // Social forces. 1994. Vol. 72. PP. 751–752.

подсистем: она *утрачивает свой статус единой надсистемы и превращается всего лишь в еще одну подсистему в ряду других подсистем.* Некогда могущественный институт, она постепенно теряет все больше своих функций, сосредотачиваясь непосредственно на сугубо религиозной функции. Например, католическая церковь в Новое время лишается своих судебных, образовательных, политических полномочий, которые переходят к специализированным институтам (суд, школа, государство); церкви же остается лишь функция «спасения душ» своих прихожан. Эта новая структура общества получает свое правовое закрепление.

Изменения на макроуровне во многом предопределяют изменения на двух других уровнях. На мезоуровне, то есть на уровне религиозных организаций, секуляризация оказывается связанной с *маргинализацией* религий: влияние религиозной практики, религиозной веры и религиозных институтов на общество нивелируется (по сравнению со средневековым обществом). Кроме того, возникает *«рынок религий»*: более никакая религиозная организация не может претендовать на особый статус в рамках общества в целом, отныне им всем приходится соревноваться друг с другом ради привлечения потенциальных клиентов[22]. Более того, религиозным организациям отныне приходится соревноваться не только друг с другом, но еще и с целым рядом прочих альтернатив (спортивные мероприятия, театр и т. д.).

Наконец, на микроуровне, то есть на уровне индивида, секуляризация проявляется в *приватизации* религии: социальное существование человека распадается на публичную и приватную сферы, и религия оказывается вытесненной в последнюю; отныне ее влияние ограничивается частной жизнью (семья), она становится частным делом человека[23]. Кроме того, вследствие появления рынка религий у человека развивается *потребительская установка по отношению к религии*[24]: он начинает рассматривать религиозные традиции как товар, который оценивает по принципу «что это мне может дать». Не религия диктует человеку, каким ему быть, но человек — религии. Наконец, происходит банальное *снижение показателей религиозности*: люди начинают реже посещать церковь, их религиозные убеждения становятся все менее последовательными и практически никак не влияют на их поведение.

Можно дополнять этот перечень конкретных проявлений секуляризации, но суть уже ясна: главное измерение секуляризации, по мнению социологов, — это изменения на уровне структуры общества (макроуровнь), а все остальное — лишь различные следствия этого основополагающего изменения. Д. Мартин в своих работах показал, что в протекании секуляризации возможны вариации. «Универсальные процессы» (изменения на мак-

---

[22] *Berger P. L.* The social reality of religion. — Harmondsworth: Penguin, 1969. P. 142.

[23] См., например: *Berger P. L., Berger B., Kellner H.* The homeless mind: modernization and consciousness. — N.Y.: Random House, 1974. P. 138–142; *Parsons T.* Religion in a modern pluralistic society // Review of religious research. Vol. 7, No. 3, 1966. P. 134.

[24] *Luckmann Th.* The invisible religion: the problem of religion in modern society. — L.: Collier-Macmillan, 1970. P. 98.

роуровне) затрагивают религию в тех обществах, которые вступили на путь модернизации, прочие же процессы будут зависеть от особенностей каждого конкретного общества. Он постулирует четыре основные модели протекания секуляризации: англосаксонская (ослабление религиозных институтов, сохранение аморфных религиозных убеждений), американская (укрепление религиозных институтов, сохранение аморфных религиозных убеждений на фоне разъедания религиозных содержаний), французская, или латинская (столкновение твердых религиозных убеждений и сильных религиозных институтов с не менее сильными атеистическими убеждениями и группами атеистов), и русская (масштабное ослабление религиозных убеждений и институтов одновременно с их сохранением на полях общества). Другие модели — лишь вариации этих четырех[25]. Соответственно, о десекуляризации в собственном смысле и о постсекулярном мире можно будет говорить лишь тогда, когда изменения затронут именно макроуровень.

А теперь дополним эту социологическую картину, касающуюся лишь видимых изменений, идейной, содержательной составляющей[26] (это важно для последующего обсуждения «постсекулярной эпохи»). В данном случае я излагаю уже свое собственное видение (вплоть до конца 1990-х годов большинство социологов религии этот аспект не затрагивали).

Помимо структурных и институциональных изменений секуляризация была связана с революцией в сознании: вышеописанные процессы сопровождались распространением «современного социального воображения» (выражение Чарльза Тэйлора[27]). Постепенно возникает новое понимание общества и места человека в нем: теперь общество — это совокупность равных и взаимодействующих индивидов, история этого общества отныне разворачивается в гомогенном (однородном) профанном времени. Установления и законы данного общества вытекают из рационального мышления, а не из необходимости соответствовать каким-либо извечным образцам. Короче говоря, возникает светский мир в том смысле, что его существование и развитие отныне не зависит от Бога, который или вовсе выносится за скобки, или оттесняется на второй план. Представления подобного рода сначала возникают в умах наиболее смелых мыслителей, а затем постепенно захватывают воображение всех членов общества. Собственно говоря, без распространения такого нового мировидения никакие из вышеописанных структурных изменений, связанных с секуляризацией, не были бы, на наш взгляд, возможны. Фактически, секуляризация, о которой говорит социология, — это объективация (институционализация) новых светских представлений о мире, обществе и человеке. Совокупность этих представлений можно назвать *проектом Модерна.*

При этом идеи, лежащие в основе проекта Модерна, нельзя путать с секуляризмом как идеологией, направленной на борьбу с религией на всех

---

[25] *Martin D.* A general theory of secularization... PP. 7–8.

[26] Одним из первых социологов, обративших внимание на это измерение секуляризации, был Д. Белл: см. *Bell D.* The return of the sacred // British Journal of Sociology. Vol. 28, No. 4, 1977. PP. 419–449.

[27] См. *Taylor Ch.* Modern Social Imaginaries. — Duke University Press, 2004.

фронтах. Модерн опирается на новое видение мира, в котором религия не является основополагающей, но при этом никто не запрещает религии выполнять сугубо религиозные функции.

Стоит сказать, что в рамках социологического подхода содержательная сторона секуляризации вплоть до недавнего времени практически игнорировалась. Теоретики секуляризации были уверены, что фактор, вызывающий функциональную дифференциацию, — это экономические преобразования. Здесь мы подходим к еще одному спорному убеждению социологов, а именно: что общественные трансформации вызываются объективными экономическими факторами, развивающимися по своим внутренним, объективным и не зависящим от человека законам. Опираясь на это убеждение, социологи религии полностью игнорировали культурное, идейное измерение секуляризации: его или не замечали, или же ставили в полную зависимость от материальных факторов как более значимых.

С такого рода экономическим детерминизмом органично связаны представления социологов и о перспективах секуляризации. Поскольку экономическое развитие вряд ли может быть обращено вспять, секуляризация — это также необратимый процесс. При этом, что важно, никто из ученых не считает, конечно, что секуляризация должна неминуемо привести к исчезновению религии. Но если религия и сохранится, все же ее существование в обществе будет, с их точки зрения, неизбежно определяться обозначенными выше факторами (функциональная дифференциация, маргинализация, появление «рынка религий» и т. д.). При этом, повторяю, ни один из социологов религии не выказывает никакого восторга относительно секуляризации: это просто констатация факта. Об этом пишет, например, Б. Уилсон: «Понятие "секуляризация" не используется ни в каких идеологических целях, ни для того, чтобы приветствовать некоторый процесс, ни для того, чтобы его оплакивать. Просто принимается как факт, что религия... утратила свое влияние»[28].

Итак, *секуляризация — это утрата религией своей социальной значимости.* Ключевым в этом определении является именно выражение «социальная значимость», то есть речь никоим образом не идет об исчезновении религии или о ее вырождении, но лишь о том, что общество в процессе секуляризации перестает от нее зависеть. Напротив, именно религия оказывается полностью зависимой переменной. Представление о первичности экономики и вторичности религии казалось западным социологам очевидным, а в силу того, что обратить вспять процессы экономического развития невозможно, секуляризация представлялась им неизбежной (идейное измерение секуляризации почти полностью игнорировалось). Если то или иное общество уже вступило на путь модернизации, значит, секуляризация обязательно произойдет и, что более важно, будет необратимой.

Как это ни странно, но в этом отношении работы западных теоретиков секуляризации мало отличаются от советских наработок в данной области (советская модель секуляризации вообще заслуживает отдельного вни-

[28] *Wilson B.* Religion in secular society: a sociological comment... P. xi.

мания)[29]. Советские авторы тоже считали свое социалистическое общество образчиком для всего остального мира: если здесь происходит секуляризация, значит, это неминуемый процесс, ожидающий все остальные общества. Советской модели был присущ и экономический детерминизм (исторический материализм), а также связанная с ним тенденция игнорировать культурное измерение секуляризации. И здесь секуляризация считалась неизбежной и необратимой, однако, в отличие от западных коллег, еще и желанной.

В то же время при всем обилии идеологических компонентов социологическое видение секуляризации опиралось на фактический материал, предоставляемый западными обществами, который *объективно* свидетельствовал о секуляризации (в том значении этого слова, которым пользовались социологи): религиозные организации действительно перестали быть *структурным* элементом общества; от религиозных убеждений и религиозно мотивированных поступков действительно перестало зависеть функционирование общества; статус религиозных объединений был действительно понижен, они действительно превратились в общественные организации, лишенные каких бы то ни было преимуществ перед такими же нерелигиозными общественными организациями и т.д. Все эти легко устанавливаемые факты имели место помимо каких-либо неоправданных, идеологизированных представлений социологов религии.

Что же изменилось сегодня?

Что же произошло в 1990-е годы, что заставило исследователей все чаще говорить о «десекуляризации» и использовать прилагательное «постсекулярный» для описания сложившейся ситуации?

Безусловно, произошел целый ряд событий (как на Западе, так и по всему миру), заставивший наблюдателей усомниться в некогда широко распространенном убеждении, что современный мир и религия несовместимы. Прежде всего заявил о себе религиозный фундаментализм — не только исламский, но и христианский. Рубежным представляется 1979 год, когда в Иране произошла революция, целью которой было строительство исламского государства, а в США в полный голос заявили о себе новые христианские правые, попытавшиеся сформировать мощное политическое движение. Такое развитие событий оказалось достаточно неожиданным, так как еще лет десять назад как в США, так и в арабском мире радикально настроенные религиозные организации испытывали скорее спад, чем подъем. Кроме того, в это же время западные исследователи обращают внимание на дотоле практически игнорируемый феномен новых религиозных движений, которые постепенно становятся признанным объектом научной специализации в рамках религиоведения[30]. Сюда же можно отнести крушение

[29] См. К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М., 1970.

[30] Подробнее см. *Lewis J. R.* Overview // The Oxford Handbook of New Religious Movements (ed. J. R. Lewis). — Oxford University Press, 2004. PP. 3–4.

атеистических режимов в Восточной Европе в начале 1990-х, не в последнюю очередь связанное с деятельностью религиозных организаций.

Нетрудно заметить, что многие из этих процессов происходили в 1970-80-е годы, однако активные разговоры о постсекулярном мире/обществе/эпохе начались лишь в последние годы. То есть тогда, когда пришло, наконец, осознание того, что мир не сводится к Европе и США, что особенности их развития — это именно особенности, но никак не закономерности, и что весь остальной мир развивается в соответствии со своими собственными особенностями.

Причиной такого осознания был отчасти и тот тупик, в который зашли споры европейских и американских социологов, пытавшихся ответить на вопрос, развитие какого общества — американского или европейского — является «исключением», а какого — «правилом». Действительно, у теоретиков секуляризации 1960-70-х годов, опиравшихся в основном на опыт Европы, факт высокой религиозной активности в США вызывал значительные затруднения и заставлял искать все новые и новые объяснения феномену «американской исключительности». Неудивительно, что в один прекрасный момент американские социологи взбунтовались против трактовки США как религиозной аномалии и вместо этого предложили альтернативный подход к проблеме, в котором уже США являются нормой, а Европа — исключением[31]. После того, как стало очевидно, что сам принцип полагать какое-либо общество образцом для всех других является ошибочным, сама эта дискуссия утратила смысл. Социологам пришлось увидеть мир в его целостности и считаться с этим[32]. Им пришлось отказаться от главного тезиса, определявшего их представление о секуляризации: что модернизация (то есть становление современного общества) и религия несовместимы, что чем больше одного, тем меньше другого. Вместо этого сегодня все чаще говорят о феномене «множественной современности»[33], то есть о том, что общество может быть современным по-разному (Европа — одна разновидность современного общества, а Иран — другая). Короче говоря, исследователи действительно открыли для себя мир заново — во всем его многообразии.

Появление понятия «десекуляризация» как раз и является следствием этого нового открытия мира. Исследователи увидели, что исламский фундаментализм, подъем пятидесятнических церквей в Латинской Америке и многие другие явления по всему миру (в том числе и на Западе) — это особые, заслуживающие внимания феномены, а отнюдь не окольные пути к универсальной секуляризации. Однако при этом отказ рассматривать се-

---

[31] *Stark R., Iannaccone L.* A supply-side reinterpretation of the «secularization» of Europe // Journal for the scientific study of religion. Vol. 33, No. 3, 1994. PP. 230–252; *Warner R. S.* Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States // American journal of sociology. Vol. 98. 1994. PP. 1044–1093.

[32] *Casanova J.* Beyond European and American exceptionalisms: towards a global perspective // Predicting religion: Christian, secular and alternative futures (eds. G. Davie, L. Woodhead, P. Heelas). — Ashgate, 2003. PP. 17–29.

[33] *Eisenstadt S.* Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129, No. 1, 2000. PP. 1–30.

куляризацию как универсальное, общемировое явление еще не означает, что она не имеет места на Западе. Недаром книга, на которую чаще всего ссылаются в связи с десекуляризацией («Десекуляризация мира» под редакцией Питера Бергера[34]), посвящена рассмотрению примеров религиозной витальности по всему миру, которые противопоставляются светской Европе. То есть понятие «десекуляризация» описывает то, что происходит по всему миру *в противовес* секуляризации на Западе.

В этом же смысле можно говорить и о постсекулярном мире как о мире, в пространстве которого светский Запад вынужден иметь дело с отнюдь не светскими режимами и культурами. Своего рода символом вступления в этот постсекулярный мир с его абсолютно новыми вызовами и проблемами можно считать трагические события 11 сентября 2001 года в США. При этом, однако, нельзя не заметить, что выход на первый план тезиса о постсекулярном мире — это результат не каких-то решающих событий, но скорее нового видения мира, возникшего в результате устранения идеологических помех, которые присутствовали в социологическом понимании секуляризации.

Постсекулярный Запад?

Однако в сегодняшней полемике о положении религии в современном мире прилагательное «постсекулярный» начинает использоваться в том числе и для описания реалий западных обществ. Насколько и в каком смысле происходящее на Западе позволяет говорить о постсекулярной эпохе?

Одним из тех, кто наиболее активно в последнее время пишет о феномене постсекулярного общества в условиях современного Запада, является известный немецкий философ Юрген Хабермас[35]. Он ссылается на следующие обстоятельства. Во-первых, все очевидней становится зависимость современных светских государств и обществ от религиозных традиций и представлений: именно от них все больше зависит воспроизведение чувств гражданской общности и солидарности, разъедаемых господствующими рыночными отношениями. Иначе говоря, светская культура становится все более неспособной воспитывать полноценных граждан, ориентированных на что-то большее, чем индивидуальное благополучие, и ей приходится полагаться на позитивное влияние религиозных традиций. Во-вторых, современные западные общества сталкиваются с новыми религиозными сообществами, которые с большим трудом адаптируются к светским принципам устроения европейских обществ. Речь идет, естественно, прежде всего о мусульманах. Проблема ислама в Европе заново подняла вопрос о публичном пространстве и о том, не нарушаются ли права религиозных граждан на полноценное

---

[34] The desecularization of the world: resurgent religion and world politics (ed. P. L. Berger). — Washington, D. C.: Grand Rapids, 1999.

[35] *Хабермас Ю.* Вера и знание // *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. — М.: Весь Мир, 2002; *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* Диалектика секуляризации. О разуме и религии. — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006; *Хабермас Ю.* «Постсекулярное общество» — что это? // http://www.mnepu.ru/go.php?n=53&aa1=418 (от 24.05.2008).

участие в общественной жизни[36], когда государство строится исключительно на рациональных основаниях. То есть когда нельзя просто сказать: «Это плохо, так как противоречит тому, что сказано в Библии (или в Коране)», — но нужно рационально обосновать и аргументировать свою позицию.

Помимо сказанного Хабермасом можно обратить внимание и на активное участие католической церкви (в Европе) и протестантских деноминаций (в США) в актуальных политических дискуссиях, посвященных проблемам морали, биоэтики и т. д.

Вне всяких сомнений, Хабермас затрагивает очень серьезные проблемы, однако при этом не стоит преувеличивать силу этих новых обстоятельств. Например, исламская угроза искусственно раздувается исламофобами и обеспокоенными этой угрозой общественными деятелями. Едва ли мусульмане, не от хорошей жизни покинувшие свои страны, захотят превратить Европу в подобие своих родных исламских государств. Сегодня, по словам П. Бергера, ведется борьба за «душу европейского ислама»[37], и пока нет оснований считать, что победу в этой борьбе одержат именно противники светского устроения общества.

Хотя эти новые обстоятельства действительно свидетельствуют о том, что религия вновь приобретает социальную значимость, следует помнить, не все связанные с секуляризацией процессы равнозначны: определяющим является макроуровень, то есть уровень структуры общества, а все остальные изменения — лишь производные от него. Процессы, происходящие в западных обществах начала XXI века, никак не затрагивают основополагающий уровень. Они касаются мезоуровня или даже микроуровня и если что и опровергают, то лишь тезис о том, что судьбой религии в условиях современного общества является неизбежная приватизация[38]. Именно поэтому тот же Хабермас говорит о постсекулярном обществе в условиях продолжающейся секуляризации (sic!). Другими словами, в современном мире стержень секуляризации остается нетронутым, но внутри светского универсума религия вполне может обрести место в том числе и в публичном пространстве, что и происходит.

Действительно, если относить к Западу США и Европу, то там в последние годы не произошло никаких радикальных трансформаций, позволяющих говорить о начале полноценной постсекулярной эпохи и десекуляризации. Напомню, что секуляризация была связана с переходом от средневекового общества, существование которого было немыслимо без церкви,

---

[36] Обеспокоенность Запада вопросами такого рода свидетельствует о том, что некогда популярные антирелигиозные предрассудки (и секуляризм как их систематизированное изложение), согласно которым религия — это пережиток прошлого, а верующие люди — люди дремучие и отсталые, все больше сходят на нет. За религиозными людьми все больше признается право на полноценное участие в общественной жизни, не требующее от них отречения от своих убеждений.

[37] *Berger P.* Interview // The Hedgehog Review. — 2006. Vol. 8. No. 1, 2. P. 157.

[38] Собственно, тезис о том, что религии возвращаются в публичное пространство и могут вполне успешно там действовать даже в условиях светского общества, был выдвинут Х. Казановой еще в 1994 г. См. *Casanova J.* Public religions in the modern world. — Chicago: Chicago university press, 1994.

выполнявшей роль ключевого социального института, к обществу светскому. Едва ли сегодня найдется хоть один реальный факт, свидетельствующий о том, что Европа вновь движется к средневековому состоянию. В случае США все сложнее: в истории этой страны никогда не было ничего сравнимого с католической церковью времен Средневековья. Но даже там, за исключением непродолжительного подъема протестантского фундаментализма в 80-е годы XX века, нет никаких свидетельств того, что религия (протестантизм) может обрести значение, сопоставимое с тем, которое она имела до «светской революции» начала XX века[39]. Напомню, что вплоть до начала XX века американское общество было в высшей степени религиозно однородным: мораль, образование, общегосударственные ценности — все было пронизано протестантизмом.

Таким образом, за прошедшие годы, вопреки громогласным заявлениям о постсекулярном обществе, секуляризация на Западе (на макроуровне) укрепилась настолько, что даже сама мысль о том, что все может быть иначе, кажется фантастической. Недавно один из социологов вообще предложил рассматривать секуляризацию на макроуровне как новое осевое время, как неизменную константу, с которой можно только смириться и под которую отныне нужно лишь подстраиваться[40].

Даже Россия (которую тоже можно отнести к западному миру), несмотря на события начала 1990-х годов, никак не может считаться примером успешной десекуляризации. Крушение Советского Союза с его атеистической идеологией привело не к десекуляризации, но лишь к встраиванию России в общеевропейскую модель секуляризации. Особенностью социалистического общества по сравнению с обществом капиталистическим была не секуляризация, но идеология секуляризма (атеизм, борьба с религией), принятая и реализуемая на государственном уровне. Именно эта идеологическая составляющая исчезла после распада СССР. Современное российское общество в плане секуляризации почти полностью воспроизводит общество европейское: секуляризация на макроуровне (хотя государство и пытается использовать церковь в своих целях), рынок религий (правда, еще только возникающий), низкие показатели религиозности и т. д.

Таким образом, применительно к западным обществам можно лишь с очень большими оговорками говорить о начале постсекулярной эпохи и о какой-либо десекуляризации. Напомним, само понятие «десекуляризация» было введено Питером Бергером для того, чтобы противопоставить светское европейское общество религиозной витальности, наблюдаемой по всему миру. Западный мир из правила и образчика для всего мира превратился в исключение, но от этого он не стал менее светским. При этом, безусловно, религии сохраняют свою жизненность и на Западе и даже иногда привлека-

[39] Об этом см. *Smith C.* Introduction: Rethinking the secularization of American public life // The secular revolution. Power interests and conflicts in the secularization of American public life (ed. Ch. Smith). — University of California, Berkley, Los Angeles, L., 2003.

[40] *Lambert Y.* Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? // Sociology of Religion. Vol. 60, 1999.

ют к себе повышенное внимание. Иной раз они получают лестные характеристики и даже отмечается их исключительная значимость и заслуги перед обществом и государством, однако все это не отменяет реально совершившейся секуляризации.

И все же в одном очень важном смысле правомерно утверждать, что Запад медленно входит в постсекулярную эпоху. Выше мы обращали внимание на то, что секуляризация помимо видимого институционального измерения имеет еще и содержательную сторону, связанную с возникновением и распространением определенного идейного комплекса («проект Модерн»). Именно в данной сфере сегодня наблюдаются ощутимые сдвиги. В этом отношении крайне интересен тот анализ, который был проведен А. И. Кырлежевым в статье «Постсекулярная эпоха» (Континент, № 120, 2004). Если на видимом («базисном») уровне секуляризация — неоспоримый факт истории и современности западного мира, то на уровне идей («надстройка») начинается явное брожение. В отличие от сторонников экономического детерминизма (как зарубежных, так и отечественных), я полагаю, что идеи наравне с прочими факторами определяют развитие человечества (поэтому секуляризация — это прежде всего *объективированная* идея). Соответственно, наблюдаемое сегодня брожение на уровне идей может оказаться отнюдь не столь безобидным и даже в каком-то смысле определяющим для будущего. В конце концов, сама секуляризация когда-то родилась из такого же интеллектуального брожения XV–XVI–XVII веков. Прежде чем секуляризация проявилась в объективных изменениях, связанных с возникновением светского государства, маргинализацией религий и т. д., прошли столетия интеллектуальной работы: в произведениях Г. Гроция, Н. Макиавелли, Р. Декарта, Д. Локка, Т. Гоббса, П. Бейля и многих других мыслителей постепенно вырисовывался новый образ светского мира. «Религия» (в смысле «чистой» религии, не сопряженной ни с политикой, ни с каким-либо еще влиянием на общество в целом), «государство», «общество», «общественный договор», «права человека» и т. д. — все это не существующие от века явления, но интеллектуальные конструкты, созданные в умах философов и позднее объективированные историей. Эти конструкты настолько прочно вошли в наше сознание в качестве общественных *реальностей*, что на протяжении столетий существование этих реальностей не вызывало никаких вопросов: они казались такими же естественными, как дождь или зима.

Однако в последние десятилетия благодаря постмодернистской деконструкции интеллектуальных продуктов Нового времени условность таких незыблемых оплотов Модерна, как, например, «общество» (в его современном понимании) или «религия», становится все более очевидной. Уже написано немало статей и книг, посвященных деконструкции понятия «религия», в которых описывается процесс возникновения этой категории в качестве идеологического оружия, направленного против чрезмерных (по мнению антиклерикалов) притязаний католической церкви[41]. Этот пост-

[41] См., например, *Asad T.* Genealogies of religion. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1993; *Cavanaugh W. T.* «A fire strong enough to consume the house»: the wars of religion and the rise of the state // Modern theology. 1995. Vol. 11. No. 4.

модернистский подход подхватывается и христианскими теологами (на Западе), которые пытаются использовать его в своих целях, а именно: разобрать на части и разрушить враждебные светские смыслы, чтобы затем противопоставить им христианские представления[42]. Конечно, не только христианские теологи пытаются воспользоваться крушением *идей*, лежащих в основании Модерна: множество представителей целого ряда самых разнообразных проектов (исламизм, неоязычество и проч.) желают принять самое активное участие в разворачивающихся на наших глазах культурных войнах. Модерн, являющийся сегодняшней *реальностью*, подвергается все бóльшим нападкам, и все меньшее число людей готово защищать его на уровне идей, но даже если число таких защитников увеличится, это не сможет отменить главного изменения: Модерн из само собой разумеющегося видения реальности превратился просто в *один из проектов*. Мы вступили в эпоху культурной войны, и эта эпоха вполне может быть названа постсекулярной в том смысле, что на этой войне Модерн (с его светским взглядом на мир) — всего лишь один из рядовых участников (правда, все еще определяющий допустимые границы любой дискуссии).

В заключение хотелось бы еще раз кратко обозначить свою позицию.

Мир действительно меняется, меняется и наше видение мира. Факт этих изменений (прежде всего, в сознании) позволяет говорить о возникновении постсекулярного мира, в котором светские западные общества сосуществуют с обществами религиозными и вынуждены с ними считаться. Некоторые изменения в отношении роли религии происходят и в самих западных обществах, однако не нужно преувеличивать их масштаб: секуляризация *объективно* по-прежнему остается незыблемым фактом. О начале полноценной постсекулярной эпохи на Западе можно говорить лишь применительно к культурному измерению, в котором действительно происходят новые и важные процессы. Однако при этом, пускаясь в блуждание по лабиринту современных интеллектуальных дискуссий, не следует забывать, что мы продолжаем жить в светском обществе, которое не так-то просто изменить: на стороне светскости — сила инерции и сила привычки. Короче говоря, не нужно забывать слова А. Гелена о том, что предпосылки Просвещения мертвы, однако его последствия продолжают действовать. Если автор и ставил перед собой какую-то цель, то этой целью был призыв к более реалистичной оценке происходящего.

[42] В качестве примера можно привести «радикальную ортодоксию» — динамично развивающееся межконфессиональное направление в христианской теологии. См. *Smith J. K.* Introducing radical orthodoxy: mapping a post-secular theology. — Baker Academic, 2004. Основной тезис радикальной ортодоксии таков: христианство не нуждается ни в каких светских идеях, оно способно само выработать все представления и концепции, необходимые для полноценного существования общества и человека.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(март – май 2008)

(Краткий обзор)

500 лет со дня преставления преподобного Нила Сорского

20 мая исполнилось 500 лет со дня преставления преп. Нила Сорского. Сайт «Православной энциклопедии» (**Седмица.Ру**) посвятил этому событию подборку исторических материалов, а сайт **«Православие на Северной земле»** сообщил, что в Вологде прошли XXII Дмитриевские чтения на тему «Преподобный Нил Сорский в отечественной духовной традиции. К 500-летию преставления», организаторами которых выступили Вологодская и Великоустюжская епархия РПЦ и духовно-просветительский центр «Северная Фиваида». Краткий рассказ о жизни святого поместил и сайт **«Староверы»** (06.05).

Академик РАЕН **Валентин Никитин** (**«Портал-Кредо»**, 21.05) остановился на деяниях старца: *Был он не просто ученым монахом-переписчиком, а настоящим и вдумчивым правщиком, тщательно и умело соединявшим различные списки в один свод, оставляя интересные критические замечания на полях (т. н. ремарки) или необходимые пробелы. Умелый редактор и текстолог, осмелимся сказать, он даже предвосхитил позднейшую текстологию как науку. Из всех возможных авторитетов для него оставался наиболее значимым и незыблемым, то есть безусловным, лишь авторитет Священного Писания. От учеников он ждал не слепого послушания, ущемляющего их личную свободу, а сознательного свободного самоограничения. Толерантность во всем — отличительная черта преп. Нила Сорского, которой так не хватало и не хватает книжникам и фарисеям всех времен и народов!*

Автор напоминает читателям, что Нил принял участие в двух важнейших идеологических спорах своего времени: об отношении к монастырским земельным владениям и об отношении к новгородской «ереси жидовствующих». Главным борцом с упомянутой ересью, как известно, выступал преп. Иосиф Волоцкий. Есть основания считать, что Нил Сорский разошелся с ним и по этому вопросу, а не только во взглядах на монастырскую собственность, против которой решительно выступил на московском церковном соборе 1503 года как убежденный и ревностный «нестяжатель».

Корреспондент сайта **«Русские церкви»** (20.05) побывал в Нило-Сорской пустыни, находящейся недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь сейчас расположен интернат для душевнобольных. *Над входом сохранились очертания надвратной церкви, но из-за ограды не видно ни одного креста. От Тихвинского собора остались лишь стены, главы срублены, притворы разрушены. Могила преподобного Нила Сорского у юго-восточного угла храма никак не отмечена. Место, где стоял скит преподобного, поросло кустарником. Пустынь — довольно уединенное и оторванное от цивилизации место. Вокруг бывшего монастыря теплится крохотная деревенька, куда дваж-*

ды в день — утром и вечером — приходит автобус из Кириллова. Белье полощут в сильно обмелевшей Соре, превратившейся с годами в узкий заболоченный ручеек. А ведь когда-то она давала большие уловы, вращала мельничные жернова, — рассказывает автор.

Споры вокруг Благодатного огня

Каждый год российское телевидение передает прямые репортажи о «чуде схождения Благодатного огня» в иерусалимском храме Гроба Господня накануне Пасхи — в день Великой Субботы. Подробно освещается это событие и в центральных СМИ. Вокруг него кипят нешуточные страсти.

Газета **«Известия»** (**«Перед лицом Огня»**, 27.04) без обиняков утверждает: *Каждый раз на Пасху все, кто находится внутри и у храма, становятся свидетелями чуда схождения Благодатного огня. Самые ранние упоминания о схождении Огня в канун Воскресения Христова датируются IV веком.* Издание сообщает читателям, что *Фонд Андрея Первозванного положил современную традицию привнесения огня из Иерусалима в храм Христа Спасителя. Делегацию возглавляют председатель попечительского совета фонда, президент ОАО «РЖД» Владимир Якунин. В этом году в составе делегации были викарий патриарха Московского и всея Руси епископ Красногорский Савва, министр культуры Александр Соколов, зампред Совета федерации Светлана Орлова, президент Олимпийского комитета России Леонид Тягачев, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский.*

«Российская газета» (25.04) тоже говорит о поездке внушительной делегации и приводит благочестивые сказания об Огне: *Один из священников вместе с Иерусалимским Патриархом должен зайти в Кувуклию. В этот момент все внимание верующих будет сосредоточено на этом небольшом отрезке земли, где, как считается, и произошло воскресение Христа. По преданиям, если огонь не появится, то это — предупреждение о скором конце света.*

Однако в этом году неожиданно прозвучали сенсационные признания, которые сделали авторитетные представители Церкви — православный **патриарх Иерусалимский Феофил III** и «диакон всея Руси» **Андрей Кураев** — и которые, возможно, положат предел сомнительной пиар-кампании вокруг благочестивого обряда. Об этом подробно пишет журнал **«Огонек»** (12–18. 04): *На встрече с российской делегацией патриарх заявил, что обряд Великой субботы — «это церемония, которая является репрезентацией (представлением, воспроизведением), как и все другие церемонии Страстной седмицы. Как некогда пасхальная весть от гроба воссияла и осветила весь мир, так и ныне мы в этой церемонии совершаем репрезентацию того, как весть о воскресении от Кувуклии разошлась по миру». И без того откровенную фразу патриарха — единственного, по церковным понятиям, свидетеля чуда — о. А. Кураев сопроводил собственным комментарием, для особо непонятливых: «Откровеннее сказать о зажигалке в кармане он, наверно, и не мог».*

Предпринятые г-ном Якуниным накануне Пасхи попытки организовать «контр-пиар» против признаний патриарха Феофила и диакона Кураева выглядели, мягко говоря, непрофессионально. Привлеченные им журналисты не побрезговали прямой фальсификацией интервью патриарха Феофила, кото-

рая появилась в Страстную пятницу в «Русском репортере». Проблема в том, что опровергнуть «ошибочные интерпретации» собственных слов может лишь Феофил — единственный свидетель чуда, — пишет издание. И подробно рассказывает читателям о том, что думают богословы о чуде. *Сомнения в том, что христианское чудо может совершаться «автоматически», в определенный день и время, независимо от веры и духовного состояния тех, кто собрался на него поглазеть, бытуют среди православных богословов так же давно, как и сама народная вера в «огненное чудо». Нынешний патриарх Московский и всея Руси Алексий II, будучи студентом Ленинградской духовной академии, присутствовал 9 октября 1949 года на докладе заслуженного профессора академии, выдающегося историка и литургиста Н. Д. Успенского «К истории обряда святого огня, совершаемого в Великую Субботу в Иерусалиме». Гипотеза профессора сводится к тому, что формирование мифа о чудесном огне началось около 900-х гг. и оправдывалось нуждой в «укреплении веры». Успенский заметил, что в описаниях Гроба Господня и записках паломников ранее IX века упоминания о схождении огня отсутствуют. Нет их в «Амфилохии» св. Патриарха Фотия (IX в.) с детальным описанием храма Гроба. Благочестивый обряд, считает профессор, постепенно начал использоваться как орудие в межрелигиозных и политических противостояниях.*

Диакон Александр Мусин в журнале **«Город»** (№ 4) напомнил, что еще в середине XIX века епископ Порфирий (Успенский) рассказал всему миру правду о том, что самый раскрученный брэнд православной Пасхи — «Благодатный огонь» на Гробе Господнем в Иерусалиме — это не сходящее с небес чудо, а дело рук местного патриарха, который зажигает свечи от спрятанной в нише лампады. Когда русский епископ спросил своего иерусалимского коллегу, почему он не говорит правды, тот ответил: «Нам нельзя начать этого переворота в умах, нас растерзают у самой часовни Святого Гроба». *Сегодня такой смельчак нашелся — это Иерусалимский патриарх Феофил (Яннопулос, род. 1952), возглавивший «матерь всех церквей» в 2005. И растерзать его готовы чиновники Московской патриархии. Потому что «благодатный огонь» и его дистрибьюция в России сегодня превратились в доходный бизнес*, — пишет автор.

Интернет-издание **«Baznica»** (29.04) замечает: *Огонь из Иерусалимского Храма Гроба Господня, к сожалению, сегодня для многих означает что-то совсем далекое от Пасхи. Ежегодные дебаты о природе этого огня, о том, как он может помочь понять, какой календарь празднований правильный, о чудодейственных силах пламени уводят нас от чего-то главного, что произошло в эти дни, от самой сути праздника — Воскресения из мертвых распятого Христа.*

К вопросу о внутрицерковных реформах

16 апреля в столичном Новоспасском монастыре состоялось пастырское совещание, участники которого высказались против возможных реформ в Русской Православной Церкви и обсудили целесообразность «дискуссий с неообновленцами». По сообщению **«Благовест-инфо»** (17.04), участники совещания выразили обеспокоенность тем, что в ситуации, когда патриарх

совершенно четко и недвусмысленно высказывается против каких-либо принципиальных реформ в РПЦ, в том числе и богослужебных, находятся отдельные миряне, клирики и даже епископы, которые говорят о планомерной подготовке ими таких реформ.

Некоторые наблюдатели рассматривают новоспасскую встречу как подготовку к грядущему Архиерейскому Собору и предупреждение всем инакомыслящим. *В данном случае не имеет значения, что выводы собрания решительно разнятся с пожеланиями Архиерейского Собора 2004 года по части миссионерской деятельности. Напомним, что Собор призывал к развитию литургического творчества и редактированию богослужебных текстов «с целью облегчения восприятия молящимися». Важно, что внутрицерковная «партия власти» РПЦ МП еще раз обозначила свои приоритеты, и с ними любому миссионеру, находящемуся в штате РПЦ МП, придется считаться*, — считает **«Портал-Кредо»** (06.05). *Если суммировать итоги «новоспасских» рекомендаций, то они сводятся к банальному охранительству, к вариациям на тему бессмертных идей обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева*, — констатирует издание.

Светлана Солодовник в **«Ежедневном журнале» («Немножечко консерваторы против немножечко либералов»**, 12.05.) замечает, что отчет о состоявшемся совещании выдержан «*в духе братской любви*», а именно анонимной кляузы. Автор обращает также внимание читателей на то, что и в Издательском совете прошло знаковое действо: *Здесь речь шла о прямо противоположном: не как превратить церковь в банку консервов, а, напротив, как бы добавить ей открытости, хотя вопрос о том, какова должна быть доля «реставрационной составляющей» в современной церковной жизни, прозвучал и на этой встрече.* Участники хотели обсудить внутрицерковные конфликты, но так и не решились коснуться всерьез хотя бы одного из них: *Ни история с епископом Диомидом, ни неправосудное лишение сана клирика Латвийской православной церкви Московского патриархата Яниса Калниньша, ни продолжающийся до сих пор скандал с увольнением с настоятельской должности заслуженного пастыря Павла Адельгейма (вся Псковская епархия пишет возмущенные и просительные письма правящему архиерею митрополиту Евсевию) — ни один из случаев не рискнули не только обсудить собравшиеся в Издательском совете, но даже назвать (на дело Калниньша прот. Всеволод Чаплин, правда, намекнул).*

Казалось бы, на совещании в Новоспасском монастыре собрались представители церковного антилиберального фланга (иные так и вовсе с фундаменталистскими наклонностями). В Издательском же совете заседали скорее сторонники церковных свобод и соборности. Однако на протяжении всех постсоветских лет было довольно трудно говорить о существовании в церкви четко структурированных движений. Тех, кого принято было считать «либералами», делали таковыми в первую очередь радикальные «консерваторы», именно они своим грозным указующим перстом очерчивали круг «провинившихся», которые на самом деле могли иметь самые разные взгляды по вопросам как богословского, так и церковно-общественного характера. Да и сами консерваторы не составляли некоего монолита, дробясь на множество групп и группировок самого разного толка, — заключает Солодовник.

Между тем процесс перевода книг на церковнорусский язык идет. Как сообщает газета **«Кифа»** (№ 6), 16 апреля в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» состоялась презентация второго и третьего томов шеститомного издания новых православных литургических переводов. Серия переводов «Православное богослужение» — плод многолетней работы ректора Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) **священника Георгия Кочеткова** и группы профессиональных филологов, членов Преображенского содружества. Второй том включает перевод литургии св. Иоанна Златоуста, третий — переводы литургий Василия Великого, Преждеосвященных даров и апостола Иакова. Во всех томах серии после русского перевода чинопоследований помещается их церковнославянский текст, сверенный по Служебнику издания 2006 года.

Гонения на о. Павла Адельгейма

В конце февраля 2008 года протоиерей Павел Адельгейм указом владыки Евсевия был освобожден от должности настоятеля псковского храма Святых Жен Мироносиц. Этим деянием правящий архиерей продолжил длящуюся уже пятнадцать лет «войну» с неугодным ему пастырем, бывшим диссидентом, известным своими богословскими и публицистическими работами. Митрополит фактически обрек на уничтожение православную школу регентов и сиротский приют.

О. Павел — священник, на протяжении 50 лет служащий в Русской Православной Церкви, являющийся одним из наиболее значительных специалистов по богословию и каноническому церковному праву, известным церковным публицистом. В Псковской епархии он с 1976 г. За более чем 20 лет, которые он прослужил в храме свв. Жен Мироносиц, о. Павел восстановил храм буквально из руин, создал крепкий приход, силами которого осуществляется ряд важных социальных проектов. В частности, была создана полная общеобразовательная средняя школа с профессиональной подготовкой регентов церковных хоров, содержится приют для сирот-инвалидов с проблемами психического развития, библиотека. Действует православный лекторий, осуществляются и многие другие, социально важные инициативы, — пишут в открытом письме на имя президента православные верующие. *Особенно нас заботит судьба приюта для 10 сирот-инвалидов, т. к. средства на его содержание новый настоятель запретил отпускать. Молодые люди, абсолютно не приспособленные к обычной жизни, окажутся на улице, станут бомжами. Не только епархия, но и городские власти Пскова, несмотря на многочисленные обращения, публикации в СМИ, устранились от решения этой проблемы*, — утверждают они. Текст обращения опубликован в интернет-издании **«Портал-Кредо»** (15.04).

Многие прихожане, узнав о решении правящего архиерея, плакали. Это не просто обида: указ архиерея воспринят ими как глубокое личное оскорбление и унижение, — свидетельствует газета **«Псковская губерния»** (27 февраля — 4 марта). Издание замечает, что отменить неправедный указ правящего архиерея не в силах и сам предстоятель Церкви: *Известен лишь один прецедент личного вмешательства Патриарха в судьбу священнослужителя, и он*

также связан с Псковской епархией и Владыкой Евсевием. 21 декабря 2001 года Патриарх Алексий II подписал указ о снятии прещений, наложенных архиепископом Псковским и Великолукским Евсевием в 1996 году на иконописца архимандрита Зинона (Теодора) и иноков Мирожского монастыря Иоанна и Павла после того, как это отказался сделать сам Евсевий.

Интернет-издание **«CIVITAS»** (23.04) приводит любопытную подробность: *Когда-то, очень давно о. Павел оказался жертвой навета некоего «неформала», ставшего в РПЦ времен СССР архиереем, и попал в лагерь. Однако уже в постсоветские времена, когда все вскрылось, юный друг того «неформала», а ныне — псковский епархиальный глава — невзлюбил о. Павла так же безоглядно, как любил, вероятно, других.*

Газета **«Секретные материалы»** (№ 10) пишет о личности о. Павла: *Во время его проповедей и духовных бесед в храме часто звучат стихи, цитируются произведения классиков мировой и отечественной литературы, приводятся исторические факты. Богословские труды, выступления на различных конференциях и конгрессах посвящены наиболее острым и больным вопросам современного состояния Русской Православной Церкви. Особое место в трудах о. Павла занимает его книга «Догмат о Церкви», которая остро ставит вопрос о церковном христианском самосознании, о положении и отношении членов церкви друг к другу и к миру.* Издание подробно описывает ситуацию, сложившуюся вокруг о. Павла Адельгейма, и задается вопросом: почему священник обращается в этот критический момент к СМИ? И отвечает: *Бесы боятся света правды, боятся любой огласки, поскольку это делает явным и прозрачным все их тайные и нечистоплотные инсинуации. И вот: «информационная служба Псковской Епархии просит общественность не делать поспешных выводов в этом конфликте, который сложен и не всем может быть понятен, потому что это конфликт внутри Церкви» (Сайт Псковской епархии РПЦ МП, февраль 2008 г.). Руководитель информационной службы Псковской епархии протоиерей Андрей Таскаев с возмущением и осуждением заявляет: «Недовольство отца Павла выплеснулось на страницы средств массовой информации, в Интернет и стало публичным. Разве возможно священнику для доказательства своей правоты выбирать в судьи газету или Интернет?»*

Этому священнику даже в голову не приходит элементарное понимание того, что о. Павел не выбирает в качестве судьи газету или Интернет. В качестве судьи он выбирает Церковь, то есть нас — христиан, и через газету и Интернет он обращается к нам. И мы не тупое стадо, которое не может разобраться, и мы сделаем свои выводы.

Кончина о. Виталия Борового

В понедельник 7 апреля в праздник Благовещения на 93-м году жизни почил один из старейших клириков Русской Православной Церкви, доктор богословия, профессор протопресвитер Виталий Боровой.

Информационное агентство **«Росбалт»** (07.04) приводит краткие сведения о священнике. Отец Виталий родился 18 января 1916 года в селе Нестеровка Минской губернии в крестьянской семье. После окончания

народной польской школы поступил в четвертый класс Виленской духовной семинарии. В 1936–1939 годы учился на богословском факультете Варшавского университета. В 1944 году был рукоположен во пресвитера. Участвовал в возрождении Минской духовной семинарии, позднее стал профессором кафедры церковной истории в Ленинградской духовной академии, на которой когда-то преподавал знаменитый церковный историк В. В. Болотов.

По распоряжению священноначалия в конце 50-х был переведен на работу в Отдел внешних церковных сношений. Много лет был представителем РПЦ во Всемирном Совете Церквей. Был также наблюдателем на II Ватиканском соборе.

В 1973–1978 годы отец Виталий — настоятель патриаршего Богоявленского (Елоховского) собора, с 1984 года — почетный настоятель храма Воскресения Словущего в Брюсовом переулке.

Отец Виталий — уникальная личность в церкви, его жизнь стала эпохой в новейшей церковной истории. Он был блестящим знатоком богословия, церковной истории (долгое время оставался единственным доктором богословия в РПЦ), выдающимся проповедником, замечательным преподавателем, которому многим обязаны ныне известные ученые и иерархи нашей церкви. В 2006 году вышла книга его проповедей «Быть свидетелями Христа» — в ее основу легли проповеди, произнесенные в Елоховском соборе, — пишет **«Ежедневный журнал»** (07.04). Издание приводит высказывания о почившем людей, близко знавших его. Ректор СФИ, **священник Георгий Кочетков**: *Отец Виталий всегда мечтал о возрождении Церкви, он очень много делал для этого: подавал записки в Синод, патриарху, митрополиту Никодиму Ротову, с которым тесно сотрудничал, поскольку работал в ОВЦС. Он единственный человек, или, во всяком случае, один из немногих, кто еще в советские времена создавал целые проекты церковного возрождения — в середине 70-х, представьте! К его словам не очень-то прислушивались, хотя до поры до времени именно он был тем, кто помогал готовить доклады для высших чинов церкви, — фактически это были богословские разработки. Отец Виталий был одним из лучших богословов Русской церкви XX века, хотя мы почти не знаем его работ. За редким исключением они не опубликованы. И если бы мы даже сейчас решили издать собрание его сочинений, то очень мало что могли бы найти — все или в архивах, или за чужими именами.* Преподаватель СФИ, искусствовед **Александр Копировский**: *Он немножко юродствовал, конечно, косил под белорусского мужика, хотя был человеком глубоко образованным, знал несколько иностранных языков. Ему это помогало — все думали, ну это человек особенный, не от мира сего, и сильно его не трогали. Но он натерпелся: то взлетал наверх, был настоятелем патриаршего собора, протопресвитером, а то его просто лишили всего, назначили «почетным настоятелем». Он любил шутить: «По четным я настоятель, а по нечетным — нет». И опять гоняли по всем этим поручениям, он был зампредом ОВЦС, но в конце концов его фактически отрешили от дел. В последние годы он очень помогал нашему институту: читал лекции, приходил в часовню, произносил проповеди. Когда предпринимались попытки институт разогнать, он не боялся и патриарху писать, и в Синодальной богословской комиссии на совещаниях*

выступал, защищая нас. Конечно, вызвал к себе большое раздражение начальства, но вот здесь он уже не боялся, говорил: «Я всю жизнь боялся, но уже все, хватит».

К 40-му дню со дня кончины о. Виталия научный богословский портал **«Богослов. ru»** (17.05) разместил воспоминания ученых и представителей духовенства о почившем. Вот некоторые фрагменты. Заслуженный профессор МДА **К. Е. Скурат**: *Во вновь открытой семинарии* (в Жировицах. — *Б. К., А. К.*) *о. Виталий не только был преподавателем, но и исполнял обязанности секретаря Ученого совета, а также работал библиотекарем. Причем у о. Виталия не было помощников, он все выполнял сам. Он сам выдавал книги, их выписывал, покупал, комплектовал библиотеку, рекомендовал книги учащимся. Не представляю, как он все успевал.*

С библиотекарскими обязанностями о. Виталия связан случай, который меня очень смутил. Я пришел как-то в библиотеку, чтобы попросить о. Виталия дать мне почитать что-нибудь духовное. Я объяснил ему свое желание тем, что я студент духовной школы и готовлюсь принять сан. О. Виталий посмотрел на меня и неожиданно спросил, читал ли я Фенимора Купера. Я, поразившись, ответил, что нет. Тогда о. Виталий взял с полки «Зверобоя» и дал его мне, сказав: «Вот возьмите! Это будет для Вас полезно». Тогда я был очень смущен, но книгу взял. А потом пришел за продолжением. И вообще, я за время обучения в семинарии прочитал всего Купера.

Профессор **Н. К. Гаврюшин**: *Его любимой богословской темой была «Церковь как община». Реальность общинной церковной жизни в современных условиях волновала его до глубины души. О. Виталий поднимал эту тему в каждом выступлении. Он призывал слушателей наконец-то решить эту проблему — проблему существования общины в церковной среде.*

В заключение приведем слова о почившем патриарха Московского и всея Руси **Алексия II** («Интерфакс», 09.04): *Поистине отец Виталий был яркой личностью, он искренне совершал служение Церкви и народу Божьему. Вся жизнь покойного — достойный пример следования своему призванию.*

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике первого квартала 2008 г.

В преддверии 90-летия со дня расстрела семьи последнего русского императора постоянно появляются статьи, так или иначе оценивающие **ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯНИЯ НИКОЛАЯ II.**

Статья **Григория Валкина «Царственный страстотерпец или искупитель народа?»** опубликована в «Нижегородских епархиальных ведомостях». В этом материале в очередной раз поднимается проблема неумеренного почитания последнего русского императора как мученика и искупителя грехов народа русского. Такое почитание иногда приводит к богословской ереси, согласно которой русскому человеку уже ничего делать не надо, поскольку Николай II своей смертью уже искупил все грехи. Между тем, как справедливо напоминает автор статьи, подобный подход противоречит основам христианского вероучения, согласно которым Искупителем можно называть только Иисуса Христа. Любой дополнительный «искупитель» делает фактически не нужными крестные страдания и смерть Спасителя. Автор статьи напоминает, что семья последнего русского императора причислена к лику святых в чине страстотерпцев, иными словами, Николай II канонизирован не за жизнь, а за обстоятельства смерти, как о том говорится в докладе Комиссии по канонизации. Народное же почитание того или иного праведника не всегда в полной мере соответствует учению Церкви, так что стоит воздерживаться от всяких сомнительных актов публичного «покаяния» (а факты подобных массовых покаяний в *грехе цареубийства* приводятся в статье), которые к тому же были публично осуждены патриархом Алексием II в прошлом году.

Материал **Сергея Волобуева «Царское дело Государственной Думы. О возможности политического осуждения расстрела Царской Семьи»** опубликован на портале Интерфакс-религия. Автор статьи вновь поднимает вопрос о возможной реабилитации семьи Николая II. Напомнив кратко, что Генеральная Прокуратура и Верховный суд России дому Романовых в такой реабилитации отказали, Волобуев размышляет о том, кто бы мог поставить этот вопрос снова, и приходит к мысли, что оценку деянию, совершенному большевиками в июле 1918 года, вполне может дать Государственная Дума, у депутатов которой есть уникальный исторический шанс добиться реабилитации Николая II в год 90-летия со дня его расстрела. Волобуев напоминает читателю и о том, что для Церкви решение о реабилитации царской семьи не является слишком принципиальным, поскольку она однозначно выразила свое отношение к последнему русскому императору, причислив того к лику святых. Вместе с тем РПЦ МП желала бы, чтобы современные российские власти дали оценку *убиению Николая II*, однако представители Церкви подчеркивают, что этот вопрос не находится в их компетенции. В заключение автор статьи напоминает, что 2008 год объявлен годом семьи, а значит, оценка действий большевиков, от рук которых

погибли множество людей, поможет на новом уровне посмотреть и на историю России и на демографическую ситуацию в стране. Люди будут чувствовать себя более защищенными, зная, что любое преступление по отношению к семье будет караться, не взирая на лица.

Довольно традиционный для современных славянофилов и поклонников идеи «Третьего Рима» взгляд отстаивает **Егор Холмогоров** в своей статье **«Царь былого и грядущего. Николай II и русская агиополитика»**, опубликованной на сайте «Агентства политических новостей». Свой материал Холмогоров начинает с утверждения, что Николай II в наши дни, как и при жизни, часто становится жертвой «клеветы», под каковое определение подпадает практически любое невосторженное высказывание о личности и трудах царя-страстотерпца. Словно забыв о том, в каком чине Церковь канонизировала государя-императора, автор широкими мазками рисует идеальный образ Николая II как человека, проводившего «святую политику» (термин «*агиополитика* » — изобретение самого Холмогорова). В статье настойчиво проводится мысль о том, что Николай Романов был расстрелян именно как царь (об отречении от престола и не поминается). Свою позицию автор мотивирует тем обстоятельством, что на стене дома Ипатьевых была найдена цитата из Гейне: *В эту ночь Валтасар был убит своими воинами*. Затем Холмогоров начинает развивать свою концепцию агиополитики. Перебрасывая мостик от некоторых византийских императоров к некоторым русским царям, он фактически воспроизводит две основные идеи славянофилов — об идеальной Московской Руси, разрушенной Петром I, и о том, что Россия и ее монарх остаются единственными хранителями истинного православия, в своей политике руководствующимися «Гласом Божьим». Приведя необходимые цитаты из «Града Божия» Блаженного Августина и установив аналогию с фараоном Эхнатоном (Аменхотепом IV), проведшим религиозную реформу в Древнем Египте, Холмогоров вновь возвращается к Николаю II и цитирует воспоминание современника о том, что по поведению последнего русского царя в церкви можно было бы подумать, что он уже не надеется на людей, а только на Бога, чью волю и слушает. (Качества хорошие для благочестивого христианина, но вряд ли хорошие для политика столь крупной державы, заметим мы в скобках.) Все это позволяет автору статьи утверждать, что Николай II являл собой образец русского правителя. При этом Холмогоров не забывает прозрачно намекнуть и на то, что сталинский Советский Союз при всех его недостатках фактически оставался идеологическим наследником Московской Руси. Тутто и завершается эта статья — очередная в ряду тех, где автором создается еще один идеальный образ последнего русского императора, имеющий к реальному историческому прототипу довольно незначительное отношение.

От Николая II перейдем к не менее известному на Руси человеку — **СВЯТИТЕЛЮ НИКОЛАЮ, АРХИЕПИСКОПУ МИР ЛИКИЙСКИХ**. Сайт «Седмица. Ру» публикует статью Александра Бугаевского **«Правда о Святителе Николае (Агиографическое расследование)»**. Автор рассказывает об особенностях формирования житийных текстов о Николае Чудотворце, а также останавливается на проблеме историчности этих памятников и значении святителя Николая для мирового и русского христианства. Кроме

того Бугаевский публикует собственную версию жития святителя Николая. Автор опровергает распространенную на Западе и в современной России точку зрения о том, что исторических сведений о жизни святого практически нет и самые знаменитые эпизоды из жизни святого Николая, например, его активное участие в работе I Вселенского собора и пощечина, данная им еретику Арию, не более чем благочестивая легенда. Кроме того, Бугаевский подробно разбирает ранние источники о святителе Николае и показывает, что в них содержатся весьма ценные сведения, иногда опущенные составителями более поздних житий.

Останавливается он и на проблеме подлинности мощей святителя Николая (они находятся в двух итальянских городах — Бари и Венеции). Как показали новейшие исследования, пишет Бугаевский, в обоих саркофагах лежат разные части подлинных мощей святого.

К весьма актуальной в наши дни проблеме **СОГЛАСОВАНИЯ ИСТОРИИ СОТВОРЕНИЯ МИРА**, изложенной в Торе (первая глава книги Бытия), **С СОВРЕМЕННЫМИ НАУЧНЫМИ ДАННЫМИ** обратился журнал «Слово/Word» (№ 7), публикующий главы из книги **Виталия Раевского «Сотворение мира и теория большого взрыва»**. Автор подробно объясняет ключевые еврейские выражения и переводит их на язык современных теорий о происхождении жизни на Земле. Прежде всего речь идет о таком ключевом понятии, как «йом», традиционно переводимом на русский словом «день». Раевский напоминает, что выражение «йом» может быть передано словосочетанием «отрезок времени» и приводит мнение профессора Шредера, подсчитавшего, что «дни» творения имели весьма различную протяженность и каждый такой «день» был короче предшествующего (так, первый день длится 61 миллиард лет, последний — лишь 1 миллион лет). Иными словами, библейский рассказ не противоречит таким современным теориям происхождения жизни на Земле, как теория большого взрыва. Раевский на языке физики описывает процессы, происходившие в каждый «день» творения, и делает вывод о разумном устройстве Вселенной. Вероятность же случайного зарождения жизни на земле, по остроумному замечанию одного современного ученого, примерно такова же, как и в случае с ураганом, который налетел на свалку металлолома, в результате чего сам собой построился «Боинг 747».

Отчасти продолжает тему понимания и толкования библейских текстов статья дьякона **Феодора Людоговского «Проблема понятности богослужебного языка: путь разума в поисках истины»,** опубликованная на портале «Богослов. Ру». Автор поднимает **ПРОБЛЕМУ ПЕРЕВОДА БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ** с церковно-славянского языка на русский. Упомянув о дискуссии, которая в 90-х годах в очередной раз развернулась между «консерваторами и либералами», отец Феодор для начала показывает, что проблема понимания/непонимания богослужебного текста не зависит только и исключительно от того, на каком языке проходит служба. Затем он переходит к анализу тех представлений о церковно-славянском и русском языках, которые бытуют в современном обществе. 1) Церковно-славянский и русский — два разных языка. Первый является священным (сакральным), а потому любые переводы недопустимы, поскольку адекватно передать свя-

щенные тексты на профаном языке невозможно. Естественно, что такая позиция делает любые разговоры о переводе богослужения или его правке невозможными. 2) Церковно-славянский и русский — два разных языка, при этом *церковно-славянский — язык древний, мертвый, недоступный пониманию современного носителя русского литературного языка и потому чуждый ему.* Естественно, что при таком подходе перевод богослужения не только нужен, но и крайне необходим, поскольку в противном случае русский народ остается практически единственным, для которого служба ведется фактически на иностранном языке. 3) Церковно-славянский язык — не другой язык, а, напротив того, это *«священный русский язык», или, выражаясь более строго, литургический стиль русского литературного языка.* Такой подход основан не на противопоставлении и считает при определенных условиях возможным и перевод, и осторожную русификацию богослужения. Хотя многими русификация воспринимается болезненно, поскольку считается, что священный текст самим фактом перевода переносится в низкий повседневный язык, и тогда стирается дистанция между храмом и рынком.

Описав существующие проблемы, отец Феодор предлагает несколько выходов из создавшейся ситуации: допускаются исправление явных ошибок и постепенная медленная русификация отдельных фрагментов богослужения с сохранением церковно-славянской основы; необходимо во многих учебных заведениях ввести или увеличить часы на изучение церковнославянского языка, при этом в светских учебных заведениях инициатива должна исходить от преподавателей и студентов, поскольку Церковь не может вмешиваться в учебный процесс; следует издавать богослужебные тексты с качественным переводом на русский язык и сделать так, чтобы переводы были легко доступны всем желающим. Таким образом, отец Феодор выступает за осторожную русификацию богослужения и просвещение людей. Этот путь предлагался в Церкви еще в XIX веке, и нельзя сказать, что он увенчался большим успехом.

От проблем переводов перейдем к истории **ЗАПАДНЫХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ, СУЩЕСТВУЮЩИХ В РОССИИ**.

Журнал «Вода живая» (№ 6) публикует статью **Анастасии Коскелло «Русские пятидесятники»**. В материале даны подробный анализ некоторых пятидесятнических общин Петербурга и портрет консервативного русского пятидесятничества. Коскелло развенчивает созданный современными СМИ и советскими агитками образ сектантов, бьющихся на сцене в истерике, проповедующих с помощью непонятного бормотания, раскалывающих семьи и «пьющих кровь христианских младенцев». Автор рассказывает, что лидеры пятидесятнических общин Петербурга — русские люди, зачастую представители своеобразных династий, придерживающихся вполне антизападнической позиции. Для таких пятидесятников характерны и продолжительные богослужения с коленопреклонениями, и весьма строгие моральные устои, что больше всего напоминает не либеральный Запад, а как раз традиционные устои русского православия. Впрочем, сами русские пятидесятники свое сходство с православными признавать не спешат, подчеркивая, что христианству уже две тысячи лет, а русское православие — вдвое моложе.

Не менее интересной представляется и статья **Александры Степиной «Российское лютеранство в поисках идентичности»,** написанная для проекта keston.org.uk и опубликованная на портале «Religare.ru» (Религия и СМИ). В центре внимания автора находятся попытки русских лютеран найти собственное лицо и, с одной стороны, отличаться от своих западных «родителей» (прежде всего в Германии и Финляндии), а с другой, — придерживаться традиционного вероучения. Как и в случае со многими христианскими конфессиями в России, лютеране имеют свою продолжительную историю. Они более консервативны, чем их западные единоверцы (в частности, не допускают никаких однополых «союзов»). При этом российские лютеране разделены на несколько церквей, каждая из которых имеет свое лицо, а их сложные административные взаимоотношения и вероучительные особенности, детально описанные в материале, могут быть интересны для самого широкого круга читателей, интересующихся судьбами христианских конфессий на территории России.

Журнал «Сибирские огни» (№ 5) публикует работу **Руслана Измайлова «"Библейский текст" в творчестве Бродского: священное время и пространство»**. Измайлов отмечает, что хотя Иосифа Бродского и нельзя в полной мере считать христианским поэтом, творчество его в основном находится внутри европейской, то есть христианской, традиции, что отражается как на выборе сюжетов для стихотворений, так и на особенностях интерпретации библейских сюжетов. В центре внимания автора статьи находятся поэтические произведения, посвященные истории жертвоприношения Исаака, Сретению Господню, а также знаменитый Рождественский цикл. Измайлов выделяет несколько общих черт обращения Бродского с библейским текстом.

Обзор подготовил Андрей Зайцев

У книжной полки

Ирина ДУГИНА

«НЕ ТОТ ДИСКУРС», ИЛИ НАУКА О ЛЮБВИ

Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы

М.: Языки русской культуры, 1999. — 632 с.

Бочаров С. Г. Филологические сюжеты

М.: Языки славянских культур, 2007. — 656 с. — (Studia pfilologica).

Солженицынскую премию в мае прошлого года Сергей Бочаров, согласно формулировке жюри, получил *за филологическое совершенство и артистизм в исследовании путей русской литературы; за отстаивание в научной прозе понимания слова как ключевой человеческой ценности...* И разговор о Бочарове стоит начать, оттолкнувшись именно от этой формулировки — при всей ее торжественности, вполне справедливой.

Не буду подробно останавливаться на той стороне дела, которая обозначена как «филологическое совершенство и артистизм» бочаровских работ. И не только потому, что следить за филологическим поиском, упиваться интригой исследовательской мысли и поражаться внезапным находкам — это дело вовсе не пишущего о филологе, но благодатное право непосредственного читателя. Каким бы опосредованным ни было творчество литературоведа (идущее, по выражению Бочарова, *вслед за литературой*), оно тем не менее — творчество, и пересказывать иные статьи — все равно, что пришпиливать к листу живую бабочку. *Филологическое совершенство и артистизм* не опишешь и не перескажешь[1], тут в самом деле требуются усилия

[1] Тут немедленно же хочется взять свое утверждение назад и процитировать следующее поэтическое наблюдение: *У мысли Бочарова есть одна особенность: она словно бы кружит над своим предметом, цепляясь за что-то почти незаметное не вооруженному филологией глазу, и вдруг камнем, коршуном падает на цель; потом опять отрывается и притормаживает. — Наталья Иванова.* «Россия для нас необитаема», или О пользе авторитаризма в литературе: Полит.Ру. 7 ноября 2005.

Ирина ДУГИНА — родилась в 1960 г. в Калининграде (обл.). Окончила Театроведческий факультет ГИТИС'а и — вольнослушателем — Исторический факультет МГУ. В 1985–2000 гг. — сотрудник газеты «Советский цирк» («Цирк», «Арена»), журнала «Мир цирка», автор ряда статей, посвященных проблемам театрального и циркового искусства. С 2000 года — ответственный секретарь «Континента». Живет в Москве.

читательские. И надо устроиться в кресле, и настольную лампу засветить, и погрузиться в книгу, которую читать не так уж и просто и которая поразит *совершенством и артистизмом* не прежде, чем читающий, ведомый автором, самостоятельно пройдет от альфы до омеги рассуждения; не прежде, чем поднимется из своего кресла, снимет с полки и перелистает то, что когда-то читал, но забыл или не заметил, а что-то прочтет и впервые... И тогда окажется, что читает он, собственно говоря, не только и даже, может быть, не столько литературоведческую статью, но вместе и рядом с ней весь корпус художественных текстов, к которым и обращено размышление... Да, в слове «От автора», предваряющем «Филологические сюжеты», Бочаров, в сущности, об этом и сам говорит: усилия филолога нужны *для нового скрупулезно-подробного и по-новому укрупненного в то же время чтения.*

Но разве сегодня кто-то так читает — не в метро, не коротая время, не развлечения ради, а всерьез — со вкусом и усердием? Разве сегодня кто-то располагает досугом для действительно вдумчивого чтения и перечитывания — скрупулезно-подробного и обобщающе-укрупненного?

...Тем неожиданнее прочесть у Бочарова, что именно такое чтение он провозглашает ***нашим национальным делом.*** Эта мысль (повторяющаяся у филолога не однажды) сегодня вполне может показаться таким же безнадежным идеализмом, что и небезызвестная фраза Достоевского о том, что *без понимания Пушкина нельзя и русским быть.*

Но ведь, если вдуматься, и в том, и в другом утверждении скрывается не столько идеализм, сколько самая трезвая прагматика, — разве что открытая сколь угодно длительной перспективе и озабоченная не поражением сиюминутных целей, а душевным и нравственным здоровьем целой нации. И как знать, то обстоятельство, что в наши дни по доброй воле мало кто читает Пушкина или Достоевского, не отзовется ли неминуемо для людей, населяющих страну Пушкина и Достоевского, тяжелыми духовными последствиями. Ведь *ничего более русского, чем язык, у нас нет*[2]. Так что тут действительно самое место литературоведа, чье дело, по словам Бочарова, необходимо литературе, чтобы *быть понятой и просто прочитанной.* И понятно, что дело это — действительно ***национальное.*** Помимо того, что еще это, конечно же, и проблема личного выбора и призвания; не зря же о Бочарове сказано: *этот литературовед пишет только о тех книгах, без которых не может жить как человек*[3].

...Но вот вопрос: а самих-то филологов сегодня кто-нибудь читает?

Нет, — конечно, читают. Прежде всего и по большей части — сами же филологи. Друг друга. Во многом именно поэтому филологические книги и выходят такими ничтожными тиражами, хотя, по справедливому замечанию Сергея Бочарова, *армия литературоведов* сегодня едва ли не сопоставима уже *с личным составом самой литературы — чудовищное массовое, поточное перепроизводство литературоведения в обществе налицо...*

---

[2] Эту цитата из Андрея Битова Бочаров приводит в статье «Лирика ума, или Пятое измерение после четвертой прозы», вошедшей в книгу 2007 года.

[3] *Аверинцев С.* Попытки объясниться: беседы о культуре. М., 1988.

Но ведь все равно, по сравнению со всей массой читателей, армия эта — всего лишь ничтожная их часть! И естественно, что размеру ее соответствует и размер тиражного обслуживания ее запросов. Обслуживания, кстати, совершенно оправданного и необходимого, сколь бы убыточны ни были те или иные ничтожные тиражи: наука должна развиваться, филологи должны знать о том, что происходит в пространстве их коллективного труда, должны читать друг друга. В частности, хотя бы и для того уже, чтобы не иссякало ремесло и не оскудевали пресловутые *филологическое совершенство и артистизм*. Недаром, кстати, эти качества сегодня не такая уж и редкость: профессиональным артистизмом филологи еще как умеют блеснуть, еще как умеют поразить виртуозностью смысловой и словесной престидижитации! Иногда даже возникает впечатление, уж не слишком ли много собралось в этой узкоспециальной нише филологического взаимоознакомления гурманствующих знатоков, просвещенных игроков в бисер, высоколобых снобов и вообще всех тех, кого мучает потребность быть умнее остальных? Не самоценная ли блажь просвещенного ума вся эта их филология, не приятный ли способ *вечность проводить* — коротать личное время отпущенной тебе жизни?..

Но, с другой стороны, наши человеческие страсти и слабости, наши нарциссические амбиции и наши суетные устремления (а без них не обходится занятие никакой вообще наукой) — разве все это отменяет саму науку, ее необходимость и важность? А значит, важность и нужность и специальной литературы, и специальных журналов, и специальных симпозиумов и конгрессов, рассчитанных прежде всего на специалистов?

Так что единственный вопрос, который, знакомясь с состоянием дел в сегодняшней нашей филологии и с ее тиражной востребованностью, действительно хочется и даже необходимо задать, — это все тот же главный, первый и вполне «детский» вопрос, на который, впрочем, прежде всего обязана ответить любая наука: а зачем, собственно, она нужна? Да-да, зачем нужна филология? То есть нужна ли она кому-нибудь еще кроме тех, кто по роду занятий получает от нее какое-то самоценное и сугубо личное игровое удовольствие?..

На этом-то пункте мне и хотелось бы сосредоточиться. Потому что обе книги, лежащие сейчас передо мной, так или иначе посвящены ответу именно на вопрос, *для чего и кому нужна филология*. А это вопрос и впрямь ведь из разряда «детских» — то есть не только самых трудных, но и еще и таких, отвечать на которые приходится постоянно.

Так вот, Сергей Бочаров постоянно отвечает на этот вопрос — каждой своей работой, поскольку совершенно очевидно, что и для него это вопрос центральный. Постоянная трезвая оглядка на себя — «зачем я это делаю?» — подспудно сопровождает его в каждом его исследовании. И потому не будет натяжкой (пользуясь выражением самого Бочарова) утверждать, что вся его научная деятельность есть не что иное, как неутомимая *апология литературоведения*.

Но — и этот момент необходимо выделить особо. Особо оговорить, что речь идет о литературоведении как той именно отрасли творчества, где слово

понимается *как ключевая человеческая ценность*. «Традиционное литературоведение», как для простоты называет его сам Бочаров.

Дело тут вот в чем.

Наша нынешняя филологическая ситуация, — пишет он в книге «Сюжеты русской литературы», — *отмечена новыми устремлениями, амбициями, вызовами. Вызов брошен так называемому традиционному литературоведению от лица «другого литературоведения», — это понятие уже появилось вслед за возникшим в последние годы термином «другая литература».* «Другое литературоведение», в русле которого особенной напористостью отличаются «конкурентоспособные» и «продвинутые» (согласно их самохарактеристике) представители постмодернистского «дискурса», категорично: *В одной филологически-социологической статье,* — пишет Бочаров, — *недавно был поставлен диагноз, что «среднее и старшее поколения отечественных филологов "безнадежны"», т. е., видимо, необучаемы новым методологиям и технологиям.*

Приговор, вынесенный «другим литературоведением» литературоведению традиционному, прежде всего и главным образом (*«именно и только»,* — сказано у Бочарова) обосновывается претензиями к *литературоведческому письму* традиционалистов. *Язык гуманистически-расплывчатый, пользующийся как терминами такими туманными гуманитарными понятиями, как душа и голос,* — пишет о языке Бахтина Юлия Кристева. *Уходящая натура,* — так оценивает книгу А. Карельского рецензент «Ex libris НГ», — *мертвый язык, на котором уже невозможно объясняться. <...> Его трудно цитировать — не потому что сказано неверно или наивно, просто дискурс не тот.* Постструктуралисты единодушны: устаревшее литературоведение *трудно цитировать* (С. Зенкин), *невозможно переводить* (И. Прохорова); его следовало бы *перевести с языка на дискурс,* да только *перевод с дискурса на язык химеричен,* а *перевод с языка на дискурс оборачивается редукционизмом* (Т. Венедиктова)...

«*Просто дискурс не тот*», — с грустной иронией повторяет Бочаров, вспоминая по этому поводу хрестоматийное: *умри, Денис, — лучше не скажешь...*

И ведь это истинная правда, именно так и обстоит дело: «*дискурс*» в данном случае совершенно, просто вопиюще «*не тот*»... Потому что водораздел тут проходит в области самого главного. *Спор о языке и дискурсе,* — пишет Бочаров, — не что иное, как *мировоззренческий спор,* поскольку, согласно формулировке Ирины Роднянской, в случае постмодернистского литературоведения имеет место *другая философская антропология.*[4]

Повторю снова, поскольку считаю это принципиальным: труд, взятый на себя Бочаровым, как это вычитывается из его работ, есть голос именно в мировоззренческом споре, отстаивание совершенно определенной истины. То есть, если не страшиться упреков в высокопарности, тут следует говорить не о чем-либо другом, а о подлинном филологическом служении, долге, даже миссии.

---

[4] *Бочаров С.* Полвека: Вопросы литературы, 2007, № 3.

Кстати, вот и Валентин Непомнящий, задетый одним из выступлений Бочарова в свой адрес[5], ядовито обнаруживает в творчестве своего «супостата» *очертания некой миссии, взятой на себя автором и исполняемой от имени всей филологии...* Бочаров, сказано далее, *выступая с позиции как бы само собой разумеющейся окончательной истины и в тоне изначальной учительной правоты,.. исходит из наличия лишь одной системы координат, одного-единственного пространства, где дело обстоит просто: он находится в этом пространстве там, где надо...* А другие (в их числе — и пострадавший Непомнящий) — *там, где не надо*[6].

Любопытно, что при всей несправедливой ироничности этой характеристики она очень точна. С той лишь поправкой, что, исполняя взятые на себя обязательства, Бочаров совершенно очевидно исходит вовсе не из убеждения, что там, где находится он, — там, стало быть, автоматически оказывается и истина. Нет, совсем напротив: это он неизменно стремится пребывать в пространстве истины, — то есть именно *там, где надо.*

Чтобы оценить, насколько первостепенен для Бочарова критерий истинности, надо, конечно, читать его самого. Читая же, можно обнаружить не только серьезность, ответственность и уважительность по отношению как к предмету исследования, так и к читателю (а это уже и само по себе служит верной приметой истины), но и такое, например, утверждение: *красота анализа — это свидетельство об истинности его.*

Это написано о Юрии Чумакове, однако нечто подобное коллеги-филологи говорят о самом Бочарове.

Вот мнение Ирины Роднянской: в его *виртуозности главное — что она неотразимо точна, суть не в остроумии, а в высвобожденной ласточке смысла*[7]. Сергей Аверинцев отмечал, что работы Бочарова далеки *от научной моды и суеты* и привлекательны *своей тихой, незаносчивой самостоятельностью, своей трезвостью и правдивостью, сосредоточенностью мысли, терпеливой ясностью изложения*[8].

Относиться к делу своей жизни как к миссии — вещь, понятно, и впрямь смешная — и не только по нынешним временам, но и в любое время. Уж больно не вяжется это всегда со злобой дня, с сиюминутной современностью, какое бы тысячелетие на дворе ни стояло. Такую серьезность в отношении к своему призванию и впрямь ведь так легко и просто объявить зазнайством и высмеять. В отличие от безразличия и иронии, ничего и никого всерьез не принимающей...

---

[5] В заметке «От имени Достоевского» из книги 1999 года разобран случай, когда В. Непомнящий, по словам Бочарова, хочет *исправить* стихотворение Блока «Девушка пела в церковном хоре» с целью спасти это «*изумительное стихотворение*» от *принудительно-идеологического (противохристианского) толкования.*

[6] *Непомнящий В.* О горизонтах познания и глубинах сочувствия. Поэзия, филология, религия. По поводу выступления Сергея Бочарова: Новый мир, 2000, № 10.

[7] *Роднянская И.* Философская «собака, зарытая в стиле»: Новый мир, 2000, № 7.

[8] *Аверинцев С.* Цит. соч.

«*Наше национальное дело*», — да, это сказано не без пафоса.

Но с твердым достоинством сказано и другое: *литературоведению подобает скромность*. И потому сам Бочаров ни о какой такой собственной высокой миссии не говорит, не пишет и, скорей всего, даже не помышляет (не зря же замечено, что научное творчество Бочарова *не имеет ни малейшего отношения к сомнительной сфере деклараций, фразеологии и притязаний*)[9]. Более того, он употребляет слово «миссия» применительно к литературоведению лишь однажды, — когда размышляет о явлении современной филологии, глубоко ему несимпатичном (о чем — в свое время). Но зато не раз говорит и пишет о высокой роли филологии.

Так, размышляя о творческом наследии Александра Михайлова, Бочаров всерьез употребляет словосочетание «*героическая филология*»; он всерьез пишет даже и такие слова: *наша филологическая история имеет своих художников (художников слова!), и они-то определяют ее лицо. Это некое вертикальное измерение нашего дела, обеспеченное личностями филологов*[10]. А «*похвальное слово филологии как национальному делу*», как уже говорилось, сформулировано им не однажды. Именно такими словами: *хочу воспользоваться случаем и сказать похвальное слово филологии как национальному делу*, — он закончил свою речь по случаю получения Новой Пушкинской премии[11].

Он сказал тогда: *Я начинал когда-то, когда была история с физиками и лириками, и фигура филолога проходила по части лирики и была, по слову поэта, «в загоне», она была фигурой пренебрегаемой и общественной роли почти не имела. В 70–80-е годы, в те самые, между прочим, годы застоя, все стало меняться — происходило перемещение ценностей в общем сознании, и филолог стал выдвигаться на интересное место в общественной жизни, он стал выходить на положение человека, нужного современности. И тогда прозвучало слово Аверинцева о филологии как службе понимания, — от повторения тысячи раз оно стало общим местом и штампом. А между тем это было сказано широко — служба понимания вообще, а не только литературного текста. <...> Как-то это было в то время связано, что встала задача понимания более общих вещей, чем литературные тексты, и вдруг открылся новый интерес к литературным текстам, и стала выдвигаться фигура филолога... Наша всяческая поэтика — игра в бисер как будто перед теми большими вопросами, однако нет. Понимание наше филологическое было школой понимания вообще — как способности, недостающей нам для больших вопросов...*[12]

И хотя *в новое постсоветское время филолог это свое значение начал терять и продолжает его терять на наших глазах* (как сказано дальше), для ученых формации Бочарова определение «филология есть служба

---

[9] *Аверинцев С.* Цит. соч.

[10] Статья «На чей глаз и кто в силах?» из книги 2007 года.

[11] Премия была учреждена в 2005 году, и Сергей Бочаров стал ее первым лауреатом.

[12] http://archive.svoboda.org/ll/cult/1105/ll.110105-4.asp.

понимания» не теряет смысла[13]. Такая серьезность в отношении своего дела в наше время — выбор тем более ответственный и строгий. И беспощадный, — в первую очередь, разумеется, по отношению к себе самому; это постоянная самопроверка и постоянная соотнесенность собственной мысли с филологическим, историко-литературным, философским полем русской и мировой культуры, с идеями учителей, предшественников, коллег. С идеями единомышленников и оппонентов.

В. Непомнящий неодобрительно замечает, что *ссылки на авторитеты — излюбленный прием С. Бочарова*, хотя цитаты зачастую и *работают против него*[14]; И. Роднянская уточняет, что Бочаров обильно, — может быть, даже излишне обильно цитирует *слова тех разнокалиберных коллег, кто привлечен в спутники по филологическому прочтению*, но делает это потому лишь, что ему *важно поместить себя в полилог голосов, сгруппировавшихся вокруг «испытуемого» текста, не остаться рядом с ним в идеологически авторитарном одиночестве*[15].

То, что Роднянская обозначает как «поли-лог» — многоголосие в противоположность моно-логу, — сам Бочаров называет *объемом вопроса*, всерьез и терпеливо рассматривая иной раз и самые грубые крайности как предельные координаты такого объема. И, как представляется мне, путь этот наиболее трудозатратный: всегда — между двумя крайностями. И всегда по лезвию ножа.

Последний образ — не мной придуманная красивость, он взят из статьи, где Бочаров размышляет над книгами коллеги-филолога: *как пройти по лезвию, не утеряв тоже главного*, — пишет он[16]...

Пройти по лезвию, не утеряв главного, то есть пройти к истине тем самым путем, о котором заранее наверняка известно разве что лишь то, что он и в самом деле и нелегок, и узок ...

Роль литературоведения по отношению к литературе противоречива,— пишет Бочаров во вступлении к книге 1999 года, — *оно литературе слу-*

---

[13] Решив не останавливаться на так сказать собственно филологически-ремесленной стороне дела, обращусь к наблюдениям Ирины Роднянской из уже цитировавшейся мною статьи: ***Осмысляющий слух*** *Бочарова изумителен; здесь, по-моему, нет ему равных (я даже не добавляю: «сегодня»). Это явлено в «мелочах» высшей пробы. Например: «...дьявол с Богом борется» (из зацитированных слов Мити Карамазова о красоте). Не «борются» (в манихейском некоем равенстве, — как часто запоминается нашему поверхностному уму), а «борется», атакует дьявол, пытаясь похитить, оспаривая у Всевышнего богосозданную, онтологически несомненную красоту. Или кто бы еще расслышал в мрачном стихотворении Ходасевича об автомобиле: «Но с той поры, как ездит тот, / В душе и в мире есть пробелы, / Как бы от пролитых кислот», — в этом «как бы» — тютчевский «знак высокой старинной поэтики в применении к химической и технической метафоре века», а за ним — сразу весь «контрапункт поэзии Ходасевича, его современности и его классицизма»?..*

[14] *Непомнящий В.* Цит. соч.

[15] *Роднянская И.* Цит. соч.

[16] Статья «"Мировые ритмы" и наше пушкиноведение: по прочтении двух книг Юрия Николаевича Чумакова» вошла в сборник 2007 года.

жит, литературоведческая речь — это косвенная речь по определению; и именно как таковая она имеет свои особые возможности в мире мысли (и, очевидно, в этом ее характере заключается также ее особая этика). В то же время, автор в этом убежден, литературоведение — это тоже литература, и филолог — это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово. <...> Филологическая работа — продолжение самой литературы, необходимое этой последней для самопонимания. И филологическая скромность не помеха филологической активности, а ее условие.

Вернемся, однако, к современной ситуации. Характерно, что какой бы печальной для человека, посвятившего свою жизнь классической литературе, она ни казалась, Бочаров отмечает и в ней нечто обнадеживающее. А именно — рождение нового читателя, образованного и думающего человека, который заинтересованнее и охотнее потребляет «нонфикшн», нежели беллетристику, — и *сочинения филологические в этом мире «нонфикшн» имеют, может быть, даже привилегированное место*[17]... О том, что суждение это недалеко от истины, свидетельствует хотя бы успех «Записей и выписок» Михаила Гаспарова. К тому же проблемы, схожие с сегодняшними, стоят ведь перед литературой давным-давно. Чтобы убедиться в этом, обращусь к тому же Бочарову. Вот он цитирует выдержку из статьи, автор которой констатирует *отсутствие критики и общего мнения*, тем более необходимых для формирования читательских предпочтений, что *у нас литература не есть потребность народная*. И чуть дальше: *Класс читателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии.*

Текст этот хорошо известен специалистам: это заметка «Баратынский», написанная в 1830 году и принадлежащая перу Александра Пушкина.

Бочаров вспоминает эти пушкинские слова, поскольку разговор о журналах, *которые судят о литературе как о политической экономии*, сегодня уместен чрезвычайно. Да и не только сегодня: замечание Пушкина могло бы послужить эпиграфом к целой эпохе социалистического XX века. *Наблюдение, столько нам наперед напророчившее,* — пишет Бочаров. — *Будет у нас «вульгарный социологизм», который, выходит, Пушкин предугадал... Нынче же на дворе «новый историзм», уравнивающий литературный текст со всеми иными «текстами», в том числе и текстами политической экономии.*

В самом деле, филологи постперестроечного поколения, группирующиеся сегодня вокруг журнала «Новое литературное обозрение», отстаивают, кажется, позиции материализма, а также социального и физиологического детерминизма едва ли не более последовательно, нежели их предшественники в какие-нибудь глухие тридцатые годы (девятьсот тридцатые — приходится уточнить). Впрочем, с той разве лишь разницей, что, в отличие от представителей марксистской критики, критики новейшей формации как будто не придают объектам своих ученых штудий *слишком* серьезного значения.

И тем не менее, насколько можно судить по работам Бочарова, к появлению на нашей литературной арене постструктуралистско-постмодернист-

[17] http://archive.svoboda.org/ll/cult/1105/ll.110105-4.asp.

ской филологии он относится с чрезвычайным вниманием, памятуя, надо полагать, об *объеме вопроса*, и за творчеством филологов этого толка следит постоянно. Ирина Роднянская когда-то заметила, что Бочаров *почти не соударяется с «чужими»* и, как правило, *оппонирует «своим», тем, кто говорит на общем с ним ценностном языке — языке горних смыслов*; что он *мало интересуется «ультранынешними» теориями текстового анализа, которые, казалось бы, могли вывести его из себя*[18]. Эти слова были написаны в 2000 году и для того времени совершенно справедливы. Однако за прошедшие с тех пор годы появилось несколько выступлений Бочарова — своего рода исповеданий веры, из которых очевидно, что этот филолог с «чужими» все-таки *соударяется* — и как еще *соударяется*.

Нет, *из себя* он, конечно, не выходит, — памятуя о том, что имеет дело с *другой философской антропологией* и что *язык горних смыслов* на современный «*дискурс*» не переводится. Вместо этого он спокойно и терпеливо рассказывает историю вопроса — историю русской филологии XX века, внося тем самым свою лепту в будущую *методологическую дискуссию, которой нам не хватает,* а также вполне отдавая себе отчет в том, что подобная дискуссия *может иметь своим результатом лишь уяснение главных вещей и позиций, а не победу в споре*[19].

Когда-то, начинает Бочаров, Александр Веселовский писал, что *история литературы — это ничья территория, res nullius, куда заходит охотиться всякий желающий — социолог, историк, философ, — и все выносят свою добычу. В результате под одной этикеткой числится то, что имеет совершенно разные свойства, потому что о термине не договорились.* Именно с целью разрешить эту проблему и возник ОПОЯЗ, первым предпринявший попытку «найти тот самый теин в чаю». *Формалисты стали договариваться о термине, но поиск литературности в литературе вел к чему-то вроде ее стерилизации. Вторая половина века и стала реакцией на эту стерильную спецификацию — словом времени стал* ***контекст*** *как расширяющее понятие, филология стала поглядывать в сторону философии.*

Мне пришлось, — продолжает Бочаров, — *после смерти С. Аверинцева вспоминать о том, чем были для аудитории его лекции (и его печатное слово) на том рубеже, что было в них главным — не новые сведения, которые узнавали в большом количестве, а* ***язык****, который слышали. Согласимся: язык филолога — ключевой вопрос филологии. Язык менялся в эпоху оттепели, но и новый либеральный язык шестидесятых оставался языком советским. В лучшей филологии семидесятых-восьмидесятых зазвучало другое в принципе филологически-философское слово. В те самые семидесятые-восьмидесятые то, что принято считать (пусть с грехом пополам) философской мыслью, больше шевелилось у нас в филологии, чем в собственно философии, и филолог становился человеком современности.*

Но те же семидесятые породили и другую реакцию на *стерильную спецификацию*, а именно структурализм, предпринявший попытку *уравнять литературу с другими «знаковыми системами» и покрыть ее единой сеткой*

[18] *Роднянская И.* Цит. соч.

[19] Вопросы литературы, 2007, № 3.

семиотических терминов. Структуралистам, по словам Бочарова, был свойствен даже какой-то своего рода аскетизм: они сознательно ограничивали себя *«низшими уровнями» поэтических структур,.. воздерживаясь от тематических и «содержательных» истолкований. **Этика** структурного анализа была такова*. Однако *научной амбицией структуральной филологии был особый «язык описания»*, к которому предъявлялись совершенно определенные требования: как язык научный он должен был иметь *как можно меньше общего с языком самой литературы*.

Но в 1982 году в статье «Диалектика литературной эпохи» А. Михайлов показал, что *ведущие термины теории и поэтики, и прежде всего названия литературных направлений, происходили* тем не менее *из художественной стихии на поворотах литературной истории*; тогда же Михайловым был сформулирован тезис о слове теории, которое находится *«в глубоком родстве со словом самой поэзии». Вот этот тезис о **родстве** филологического слова поэтическому*, — продолжает Бочаров, — *и стал на острие филологической жизни.*

Да, язык филологии, — пишет он дальше, — *вопрос основной, и исповедание михайловского тезиса — дело принципиальное*. Так, пушкинисту Юрию Чумакову принадлежит важное наблюдение: *Вообще языки описания (метаязыки) приобретают более мягкие и расплывчатые формы, что связано с усложняющимся видением самого литературного предмета*. Однако, продолжает Бочаров, *прессинг «новых терминологических «практик» (вот уж никак не «мягких») говорит об обратном: усложняющиеся языки описания связаны с упрощающимся видением литературного предмета...*[20]

И то, что подобное ви́дение при всей изощренности выражения именно *упрощает* предмет, по существу игнорируя самое главное в нем, — это Бочарову случается показать и на конкретном примере. Впрочем, подобное игнорирование того, что «традиционное» литературоведение считает самым важным, современной *литературоведческой практикой* декларируется как раз как совершенно не важное. Бочаров говорит об этом применительно к работам Михаила Гаспарова, ученого, чей авторитет для филологов «НЛО» безусловно принципиален. Для Гаспарова области исследования и творчества суть противоположности, совмещение которых недопустимо. *Исследование упрощает картину мира, систематизируя и упорядочивая старые ценности*, — писал Гаспаров в одной из своих статей.— *Философия — область творческая, как и литература. А филология — область исследовательская* (именно такой подход к делу и позволил Гаспарову отказывать Михаилу Бахтину в праве считаться филологом). Однако, как показывает Бочаров, хотя Гаспаров и *утверждает «обязанность понимать»*, в определении его филологии *обязанность понимать человеческую, в том числе социальную, жизнь* как раз и не присутствует.

Сам же Бочаров провозглашает творчество главным условием и исследовательского дела, и «службы понимания» вообще. Пусть филология — это

[20] Вся эта обширная цитата составлена из выдержек из нескольких статей, вошедших в книгу 2007 года, — «На чей глаз и кто в силах?», «Генетическая память литературы», «Космос В. Н. Топорова», — а также из статьи «Полвека»: Вопросы литературы, 2007, № 3.

слово о слове, то есть слово как бы *второй ступени*, — пишет он, — но *все же мы связаны с нашим предметом собственным словом. Собственным, а не лишь предлежащим нам словом писателя.* <...> *И если золотое литературное слово должно через наше слово открыться?.. Тут и «нужно тоже в своем роде художника»*, то есть того, кто, по словам Достоевского, умеет в обычном факте увидеть глубину, достойную Шекспира. *Филолог*, не устает подчеркивать Бочаров, *соединяет в себе позитивиста, который всегда «при факте», и художника, которому нужен «глаз»*, и *настоящему, призванному филологу надлежит быть тоже писателем, литературоведение — это тоже литература*[21]. И в числе необходимых свойств такого — призванного — филолога Бочаров называет способность, *изучая вещи как ученый, видеть их как художник*. Он высоко ценит и другое качество — способность к *универсальному, неразделимо поэтически-философскому чтению*. Он не только возвышает филолога, в области творчества уподобляя его поэту, — то есть тому, кто владеет *словом в счастливом его состоянии*; он до известной степени и поэта возвышает, признавая за ним дар исследователя: *поэты — чуткие существа, и хорошая поэзия в союзе с чуткой филологией...* Бочарова не обвинишь в злоупотреблении красотами слога, но афоризмы его иной раз по-настоящему поэтичны. К примеру, вот этот: *На чудо способна не только поэзия, но и по-своему ясновидящая теория...* Под ***чудом*** в данном случае подразумевается чудо ***понимания***, *проникновения в иные культуры через границы эпох* (не забудем, мысль о том, что *филология есть служба понимания,* — одна из основополагающих в мировидении Бочарова).

Ибо речь, повторюсь, идет именно о мировидении. И *апология* литературоведческого дела предполагает ясный и отчетливый ответ: а для чего, собственно говоря, само это дело нужно? И почему Бочарову вздумалось назвать его национальным?

Ответ на эти вопросы, как уже говорилось, подспудно заложен едва ли не в каждой работе Бочарова. А кроме того, еще и отчетливо сформулирован — и именно в отталкивании от того, чего он в филологии не приемлет. Однако, прежде чем вернуться к тем явлениям и тому мировидению, которым Бочаров противостоит, необходимо остановиться на вопросе, для уяснения позиции Бочарова чрезвычайно важном.

Речь пойдет о проблеме *границы*. В книге 2007 года статья, посвященная этой теме, называется «Идея обратного перевода», в книге же 1999 года эта же статья озаглавлена иначе — «Огненный меч на границах культур». Образ пламенеющего меча Бочаров почерпнул из книги А. Михайлова, который в свою очередь цитирует Й. Й. Гёрреса: *Не только у входа в Рай поставлен пламенеющий херувим, но и на всякой границе, где одна эпоха переходит в другую, грозит нам огненный меч.* Понятие границы, как считает Бочаров, есть понятие принципиальное, поскольку творческое дело филолога — это дело понимания, то есть *преодоления границ*. Бочаров недаром говорит в этом случае о *чуде* преодоления, о *подвиге* преодоления, о *сказочной задаче* обретения *ключа,* о чуде *проникновения в иные культуры через границы эпох...* Потому что границы — надежны и не нами поставлены. И *трудное* состоя-

[21] Из статьи «На чей глаз и кто в силах?».

ние текстов — это не только их нормальное, это — их *сакральное* состояние. Поясняя свою мысль, Бочаров обращается к творчеству Павла Флоренского, называя его *философом границы*; и самое это имя в контексте разговора вызывает представление о границе как алтарной преграде, поверхности иконной доски или живописного холста. Граница, назначение которой одновременно и разделять, и соединять, — вещь, как показывает Бочаров, сакральная. *На всякой вообще границе*, — пишет он, — *огненный меч*; на всякой границе — личностей, произведений, эпох. И преодоление границ есть дело одновременно и невозможное, и все же возможное, цель же такого преодоления — *проникновение в вечное состояние человека, но увиденное в историческом вихре*, — всё то же творческое дело, всё та же *служба понимания*.

Да, дело филологии — преодоление границ, но и ее же дело — их защита. Потому что поднятый меч на границах — это та самая вертикаль, на существование которой сегодня посягают слишком многое и слишком многие. *В наши дни «укрепления политической вертикали»*, — пишет Бочаров, — *распадается вертикаль в культуре. Но современное состояние — состояние общемировое; как известно, принято называть его постмодернизмом... Интертекстуальность — идея этого состояния... Как таковая она есть идея единой плоскости всей культуры, в которой снимаются все границы. <...> На всякой границе эпох, но также художников, произведений, да и просто двух живых людей в их встрече, любви, общении — огненный меч. Поднятый меч — вертикаль на границах, соединяющих и разделяющих, личная вертикаль, потому что художники, произведения, даже эпохи — личности. Интертекстуальностью и снимаются эти личности на границах, оттого и настаивал на неустранимости «просто человеческого из филологии» Аверинцев*[22].

Но на *просто человеческое*, то есть по существу на *сакральное*, посягает не одна интертекстуальность. «*Другое литературоведение*», о котором говорит Бочаров, включает в себя не только постмодернизм, всецело существующий в горизонтальном измерении. Границе угрожает и совершенно как будто противоположное явление, во всяком случае, *мыслящее себя* противостоящим постмодернистской игре, решительно настаивающее на горних смыслах и вертикальных ориентирах и дело литературоведа (равно как и дело писателя) понимающее как *миссию*. Явление это Бочаров называет *религиозной филологией* и усматривает в нем парадоксальное сходство с тем же постмодернизмом. Общее же между ними — отношение к литературе как к *материалу*, служащему целям, находящимся за ее пределами, в последнем случае — целям высшим. *Нынешняя религиозная филология с очевидностью ориентируется на идеал искусства в составе культа*, — пишет Бочаров, — соответственно, и литература для нее — не более, чем *средство и путь*, а собственная *роль филолога трансцендируется, простирается за литературу — дальше и выше*. То есть литературовед в данном случае исходит из *определенным образом направленной идеологической презумпции*, и работа его сводится к *христианской семантизации текстов*[23], к непрерывному подтверждению заранее выдвинутого тезиса, причем подтверждение это

[22] Статья «На чей глаз и кто в силах?».

[23] Статья от «От имени Достоевского».

строится зачастую *мимо* рассматриваемого произведения и даже вопреки ему. *Сейчас в ходу особый род модернизации, порождающий знакомые всем явления*, — пишет Бочаров, — *благочестивое пушкиноведение или гоголеведение. Почему это модернизация? Потому что это идеологическое по природе своей стремление подвести Пушкина или Гоголя под желаемые современные представления.*

То, что Умберто Эко описал как *патологический синдром «одержимости скрытым смыслом»*, замечает Бочаров, стало у нас эпидемическим явлением: налицо сплошное чтение именно что мимо текста — на «метафизическом уровне», а также на уровне «подтекста». И вопрос *о границах интерпретации* применительно к такому «благочестивому литературоведению» стоит весьма остро. *Понимание и интерпретация — не то же самое*, — поясняет Бочаров. — *Интерпретация есть самоутверждающееся понимание, имеющее тенденцию в своем самоутверждении более или менее пренебрегать предметом понимания. В литературоведении нашего времени интерпретация самоопределяется как автономная область порождения собственных смыслов, затем обратным ходом приписываемых тексту*...[24] В статье «От имени Достоевского» и ее постскриптуме «О религиозной филологии» Бочаров подробно и остроумно (чего стоит одно лишь словосочетание «*ортодоксальное идиотоведение*»!) рассматривает несколько примеров такого вот *активного, чтобы не сказать агрессивного, давления на текст для выдавливания необходимого смысла*, убедительно показывая, что резонерское звучание изрекаемых благочестивыми филологами непререкаемых истин неминуемо вызывает ассоциации со столь же безусловной правотой друзей Иова. Собственную же позицию филолога прекрасно выражают две формулы: пушкинская «*цель поэзии — поэзия*» и фраза С. Булгакова о том, что искусство *должно быть свободно и от религии (конечно, это не значит — от Бога), и от этики (хотя и не от Добра)*. Это так, пишет Бочаров, поскольку предмет самой поэзии, ее универсальную тему и составляет *мир Божий*.

Итак, если интертекст просто не признает границ, то религиозная филология, по словам Бочарова, зачастую *берет границу прошлого идеологическим взломом*. Между тем (и в этом состоит интрига, чрезвычайно важная для филолога Бочарова) границы произведения как «мира» *абсолютны в том смысле, что нельзя представить себе другого произведения (даже в творчестве, «мире» того же писателя) непосредственно за его границей на той же общей для них территории. <...> Произведение одиноко, как абсолютная личность*... И тем не менее в *общем литературном пространстве* границы оказываются проницаемыми, а отдельные произведения и творческие миры писателей непрерывно вступают друг с другом в контакт, *иногда их авторами предусмотренный, но чаще непредусмотренный*. И вот такие контакты и отношения между книгами, совершенно, по всей видимости, не предусмотренные самими писателями, и образуют сюжеты, развивающиеся в пространстве *большой русской литературы* и составляющие ее *метасюжет*.

Исследованиям этого метасюжета и посвящает Сергей Бочаров значительную долю своих усилий. Обе его последние книги уже на уровне на-

[24] Сюжеты русской литературы. Вступительные слова.

звания заявляют о том, что в центре внимания их автора — «сюжеты русской литературы» и «филологические сюжеты». *Говоря о сюжетах русской литературы,* — пишет Бочаров в предисловии к книге 1999 года, — *мы говорим о действиях и событиях, происходящих в общем пространстве, представляемом как метапроизведение... Как правило, это скрытые сюжеты, и для их обнаружения и вскрытия нужны усилия филолога.*

Но, оперируя такими понятиями, как «метасюжет» или «метапроизведение», говоря о литературе как об *общей ткани, которую наработали разные мастера,* и о *сюжетах, насквозь просекающих пространство литературы и образующих ее еще мало нами распознанную смысловую сеть,* не обманывает ли Бочаров самого себя? Не подразумевает ли он в тайне тот самый «интертекст», состоящий из анонимных «цитат без кавычек», что возникает в результате той «*изначально обезличенной деятельности*», которую Ролан Барт называл «*письмом*»? Может быть, здесь имеет место то же парадоксальное сходство с кажущимися антагонистами, как в случае с «благочестивым литературоведением»?

И вот тут-то я непосредственно подхожу к прямому ответу на поставленный вначале «детский вопрос»: для чего же все-таки нужна филология? Точнее — к тому ответу на этот вопрос, который дает Сергей Бочаров.

«*Странным сближениям*», наличие которых *невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст и сознательной целью писателя,* посвящена вошедшая в книгу 2007 года статья «Генетическая память литературы: Феномен “литературного припоминания”». Та же тема рассматривалась и в статье «О возможном сюжете: “Евгений Онегин”» (из книги 99-го года). Бочаров достаточно подробно прослеживает здесь ряд таких скрытых сюжетов, задаваясь вопросом, каким образом возникает и за счет каких механизмов или сил становится возможным это *движение смысла в общем пространстве литературы.* Почему из *тайно посеянного* одним писателем зерна через десятилетия вдруг *прорастает* нечто, наводящее на мысль о *возможности*, которая некогда *была записана в память литературы впрок*, наперед, и затем, — когда пришло время, — осуществилась у другого писателя. Бочаров называет этот феномен *саморазвитием ситуации в самом материале литературы,* что позволяет ему говорить о *телеологии* русской литературы, о таинственном *действии объективной, сверхличной литературной памяти.*

Это не его личная выдумка. И даже не его личное открытие. Подобные же сверхявления замечали и другие исследователи: Альфред Бем говорил о *литературном припоминании*, Михаил Бахтин — о *культурно-исторической «телепатии»*, Владимир Топоров — о явлении *резонанса*, Александр Панченко — о единой *национальной литературной топике.* Явление, которому все они пытаются дать имя, еще ожидает своего обоснования, своей *теории.* И Бочаров, говоря о *литературной памяти,* примеряется и к платоновской идее единого образца, вечного прототипа, и к юнгианскому «творческому началу», коренящемуся в необозримости бессознательного, — и приходит к выводу, что, как бы то ни было, но явление это в любом случае свидетельствует о *соотнесенности* литературного метасюжета *с основой бытия*, с каким-то изначальным *порядком*, с вечным в самом деле *прототипом.* И Боча-

ров делает мощный вывод о том, что *тексты способны не только воспроизводить, но и усиливать смысл, преодолевать энтропическую тенденцию.*

И вот в этом-то — в преодолении энтропической тенденции — Бочаров и видит смысл и долг филологии.

Что же до *современной интертекстуальности как постидеи*, ее в своих рассуждениях он, разумеется, касается также — и решительно ее отвергает. Именно как идею, в самой себе несущую энтропийную тенденцию. *Сами эти процессы «припоминания», «резонанса» и «телепатии» никакого сплошного безличного текста литературы не порождают,* — пишет Бочаров, — *все они не теряют себя «в интертексте»... И мы — не в интертексте, а в вековом прототипе. И если топоровский резонанс есть для исследователя преодоление энтропийной тенденции, то интертекстуальность как постидея с ее современным нервом и философской сверхзадачей, кажется, эту тенденцию в себе заключает.*

Ответ на «детский вопрос» получен. И ответ этот принципиально характеризует Бочарова как человека, посвятившего себя *филологии*, то есть, — позволю себе такой вот буквальный недоперевод, — *любви к Логосу* (ведь именно это качество солженицынское жюри и определило как «*понимание слова как ключевой человеческой ценности*»). Или, согласно емкой формуле Ирины Роднянской, *Бочаров — это метафизическая филология...*

Впрочем, один раз рискнув перевести слово «филология» заново, повторю попытку еще раз (ведь дилетантам, как детям, иной раз случается попасть в точку). В самом деле, ведь если исходить из принципа, что слова вроде «философия», «фил-антропия» или «фило-логия» переводятся как любовь к чему-то, то филология, конечно, становится Любовью к Слову, а равно Любовью к Логосу. Попробуем, однако, взглянуть на дело и с другой стороны. Ведь если исходить из того, что всякого рода «логиями» в русском языке обозначаются науки, разнообразные учения и отрасли знания вроде гео-логии или теологии, тогда понятие «фило-логия» волшебным образом преображается и смело может претендовать на другой перевод — ***Наука о Любви***...

На такое вот дерзкое размышление меня натолкнула *апология литературоведения* Сергея Бочарова...

В самом же конце хочется заметить, что коль скоро *телепатическая преемственность* в едином пространстве литературы и в самом деле существует, можно не печалиться о том, что филология сегодня практически не востребована. (А такая печаль слышна во многих статьях Бочарова — и когда он цитирует Александра Михайлова, говорившего о *себе как о раскаленной печи, поставленной на семи ветрах, отдающей тепло в атмосферу, — но кого оно греет?*; и когда говорит о том, что повсеместно признанный Михаил Бахтин *не востребован по существу* и не создал собственной школы, зато породил армию эпигонов; и когда пишет о Владимире Топорове: *он работал уединенно — слишком крупен для направления...*)

«*История не кончается, она кончалась уже множество раз*», — цитирует Бочаров Сергея Аверинцева. История не кончается, упавшее семя прорастет когда-то, и посеянное слово не погибнет. Залогом этому — *генетическая память* культуры, *вековой прототип* — Логос, которому служит филолог.

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике первого квартала 2008 г.

В русле актуального сегодня спора о существовании универсальных ценностей и их философских оснований **Леонид Столович** ставит своей задачей выявить общечеловеческую значимость **«ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА НРАВСТВЕННОСТИ»** как этического императива, сформулированного в древнейшие времена в самых разных традициях (**«"Золотое правило" нравственности как общечеловеческая ценность»** — «Звезда», № 2). Автор напоминает тексты Древнего Китая, Индии, Греции, Рима и библейской традиции (включая слова Христа из Мф 7:12 и Лк 6:31), в которых определяется это правило: как в отрицательной форме (*не делай другому того, что ты счел бы неприятным для себя самого*), так и в положительной: *веди себя по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он вел себя в отношении тебя.* «Золотое правило» рассматривается Столовичем как универсальная «порождающая модель» — своего рода источник, продуцирующий нравственные нормы, в свою очередь, также имеющие общечеловеческий смысл. В подтверждение этого автор приводит не только известные утверждения в рамках библейской традиции: и некоторые формулировки «золотого правила» в текстах других религиозных и философских культурах (например, в буддийской «Дхаммападе») непосредственно иллюстрируются теми или иными заповедями, которые обычно называются библейскими. Указывает автор и на проблемы, связанные с «золотым правилом». Как, например, избежать субъективистского истолкования этой нормы: ведь применение ее в соответствии с буквой, *примеряя другого на себя*, может оказаться противоположным всякой нравственности (если я мазохист, то я должен мучить другого, чтобы ему тоже было приятно)? Или утилитаристского истолкования: я веду себя по отношению к другому так, как хотел бы, чтобы он вел себя по отношению ко мне, потому что я жду от него подобного поведения по принципу «я — тебе, а ты — мне»? Эти проблемы, пишет Столович, стремится решить этическое учение Канта, как никакое другое, построенное на «золотом правиле». Кант не претендовал на то, чтобы устанавливать новый принцип моральности, но подчеркивал, что дает лишь новые формулы, которыми являются разные версии категорического императива: *Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом,* или*: Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству.* Эти формулы, по его замыслу, раскрывают «золотое правило», компенсируя лаконичность последнего как не содержащего в себе самом оснований долга по отношению к себе и другим, и могут служить принципами, из которых «золотое правило» может быть выведено. Заслуга Канта, по мнению автора, в том, что он раскрыл философский смысл «зо-

лотого правила», вписал его в круг важнейших философских и этических понятий, тем самым нейтрализовав возможные неверные его истолкования, раскрыв его общечеловеческую ценность и наметив пути дальнейшего обоснования этой ценности. Другим примером философской интерпретации «золотого правила» является В. С. Соловьев, анализировавший это правило с точки зрения проблемы равенства. По его убеждению, при всем бесконечном разнообразии и неравенстве, характерных для человечества (гений и дикарь равноценны не во всех отношениях), каждый имеет нравственную самоценность, понимаемую Соловьевым в духе Канта, как *значение каждого как самоцели*, как равное право существовать и совершенствоваться в своей сфере; посему убийство дикаря есть такой же грех, как убийство гения или святого. В целом, отмечает Столович, признание и обоснование общечеловеческой ценности «золотого правила» является *общим знаменателем* его трактовки разными мыслителями. Исключение составляют концепции, отрицающие общечеловеческую природу нравственности и дробящие ее по классовому, национальному или расовому принципу. В этом плане показательным автору видится марксистское учение о нравственности, которое, в определенной мере признавая «золотое правило», принижает его значение, сводя, например, к простому житейскому благоразумию или обвиняя его в «индивидуализме» на том основании, что при его применении каждый человек независимо от других определяет, что для него нравственно. Интересно, замечает Столович, что, отдавая необходимую дань собственным доктринальным постулатам, и марксисты (их гуманистическое крыло, а не Зюганов со товарищи) вынуждены признавать «золотое правило» и делать соответствующие оговорки. Так, не допуская существования общечеловеческой морали на доктринальном уровне (*мораль носит классовый характер* и лишь *выступает по форме как общечеловеческая*), они все же вынуждены искать выход из очевидно несостоятельного «классового» понимания морали, — например, за счет идеи преемственности «*некоторых моральных требований*» при смене исторических эпох и формаций. Один из главных, по мнению автора, вопросов состоит в том, вправе мы рассматривать «золотое правило» и вытекающие из него заповеди как **ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ**, если им следует далеко не каждый человек и на протяжении человеческой истории они многократно нарушались. Этот вопрос, убежден автор, следует решать с позиций не субъективной, а социокультурной значимости в масштабах всего человечества, которую подтверждает универсальность правила во времени и пространстве. История часто доказывает значение гуманистических ценностей «от противного», демонстрируя недолговечность тоталитарных систем, опиравшихся не на эти ценности, а на антигуманистические «псевдоценности».

Все множество истолкований библейской **ПЕСНИ ПЕСНЕЙ,** замечает **Михаил Эпштейн**, располагаются между двумя полюсами: аллегорическим и буквальным, причем современная ситуация больше тяготеет ко второму типу истолкования, хотя оба типа сосуществовали в течение всей истории церкви (**«Онтология любви: Эдем в Песни Песней»** — «Звезда», № 3). Аллегорический метод, считает автор, влечет за собой несомненные трудности, поскольку в тексте «Песни» речь явно идет о человеческой любви. Но не

ставит ли ее буквальное истолкование — как любовной лирики или свадебной песни — вне религиозного канона и откровения (не случайно она была включена в канон еврейской Библии с далеко не единодушного согласия раввинов)? Автор считает возможным **религиозное и вместе с тем неаллегорическое** истолкование, которое он и предлагает читателю, называя такое толкование **онтологическим**. На первый взгляд кажется, что оно не отличается от аллегорического: Песнь Песней, полагает Эпштейн, — об Эдеме, о жизни человека до грехопадения. Подобно Книге Иова, через величие сотворенного Богом мира указывающей на путь человека (от «древа познания добра и зла» к «древу жизни»)[1], и Песнь Песней обращает нас к той реальности, которая предшествовала грехопадению и пребывает в вечности. В «Песни» описан рай, который воссоздается там, где есть любовь, он сохраняется в самой способности человека любить, сочетаться в целое. В том, что в еврейской Библии Песнь Песней помещается непосредственно после Книги Иова, автору видится глубокая закономерность: если в Книге Иова человек предстает в грандиозном, грозном и непостижимом космосе, подвластном и ведомом только Богу, то в «Песни» — уже в саду, для него насажденном, где он призван к радости и наслаждению, вкушая плоды с древа жизни. (В иврите само слово «Эден» [«Эдем»] означает «удовольствие, наслаждение».) Человек предстает в отношениях не с безмерно превосходящим Богом, но со своей соразмерной, любящей и любимой «половиной», сотворенной из его же плоти. Таинство любви совершается здесь в саду, в котором любовь правит всей жизнью, где бытие само дарит себя живущим и ничего не говорит о проклятии работы на земле «в поте лица своего». Сад — не только ложе и сень влюбленных, но, кажется, сливается с ними воедино, так что теряет смысл деление на одушевленное и неодушевленное, внешнее и внутреннее; стирается, говоря на языке современной философии, грань между субъектом и объектом. Лирический герой Песни Песней, которого, как и ее автора, традиция отождествляет с царем Соломоном, — это и есть Адам, которому возвращены юность и райский сад, где он сочетается с юной Евой — Суламифью. «Песнь» — как бы развернутая картина ко второй главе Бытия. Однако, считает Эпштейн, сливая образы влюбленных и окружающей их природы, «Песнь» делает это не аллегорически, а, по его определению, «эдемически», как образ цельного рая, в котором блаженство любящих неотделимо от благодати природного мира. Это совсем не та земля, из которой произросли тернии и волчцы и которая стала проклятием человеку, в поте лица добывающему свой хлеб. Это земля цветов и плодов, земля, даром отдающая свой избыток и потому входящая в целостный образ любви как бытия-в-другом и бытия-другого. Песнь Песней, по мнению Эпштейна, пожалуй, единственная из книг Библии, в которой нет зла, а значит, нет и добра, вообще нет нравственных понятий, таких как добродетель, порок, целомудрие, грех, раскаяние, искупление... В этом отношении ей можно уподобить только начало книги Бытия (первые две главы — миротворение и Эдем, до грехопадения) и конец Книги Иова (пять глав — ответ Бога Иову и эпилог). Но в тех книгах вненравственная бытийность мира представлена в резком конт-

[1] Об эссе М. Эпштейна о Книге Иова см. наш обзор в № 131 журнала.

расте с причинами и последствиями его нравственного раскола (грехопадение Адама и Евы, страдания праведного Иова). «Песнь» же, напротив, являет бытийность в ее чистоте, нравственно не замутненной, не поколебленной знанием добра и зла. Это не аллегория высшей, Божественной любви, потому что сама структура аллегории предполагает двоичность, разделение мира на «этот» и «тот», человеческий и Божественный: один «отсылает» к другому, высшему. Но такого разделения нет в первичном Эдеме Бытия, как нет и в самом бытии, сотворенном Богом. Всякое двоение и «лукавство», в том числе и «доброе» лукавство аллегории, возникает лишь с познанием добра и зла, разделением мира на Божий и человеческий, изгнанием человека из Божьего мира, отчего и возникает нужда во всяких «иносказательных» отсылках от одного к другому. Но «онтологическое» толкование не является и чисто буквальным: любовь Соломона и Суламифи нельзя сводить к эмоциям, к «отношениям», она входит в круг мироздания, является миротворящей, космической силой, преображает мир в рай. Наше же привычное восприятие любви как «чувства», «познания», «отношения» есть уже знак ее деградации в «постэдемском» мире, потому что предполагает деление на субъект и объект, на внутреннее, познающее, и внешнее, познаваемое. После грехопадения *близость стала познанием, а тем самым и противопоставила себя бытию, тогда как в раю любовь не познавательна, а бытийна, мир сам любовен, а не противопоставлен любви.* Как и Книга Иова, Песнь Песней видится Эпштейну как своего рода книга восхождения к Началу, к образам творческой мощи Создателя и райского бытия человека.

Философы-оптимисты вроде Фукуямы обещают «конец истории», новую эпоху, которая окончательно объединит техническими чудесами человечество и сделает войны бессмысленными, — в самом деле, кто же, за редким исключением, не хочет мирно жить и трудиться? — а вожделенный мир все не наступает. **ОТКУДА ХЛЕЩЕТ ГЕЙЗЕР ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НЕНАВИСТИ?** — задается вопросом **Игорь Ефимов («Грядущий Аттила. Прошлое, настоящее и будущее международного терроризма»** — «Звезда», № 1–3). Ответ *мы их обидели, мы перед ними виноваты* (а следовательно, достаточно Западу уйти из всех горячих точек планеты, вражда и кровопролития утихнут сами собой) кажется автору совершенно неубедительным, ибо основан на наивной вере в изначальную доброту и миролюбие человека. Между тем вся история, по мнению Ефимова, не располагает к такому идеализму и показывает, что человеческая природа не столь однозначно благостна: «гомо сапиенс» вполне способен упиваться ненавистью, ее заряд зреет в каждой душе, и среди наших неизменных и главных чувств во все века остается жажда самоутверждения и победы. Потому-то, пишет Ефимов, и *не бывает и не может быть в реальной политике выбора между добром и злом — только выбор между злом и кошмаром, между недобрым и чудовищным*, и чувство ответственности нередко вынуждает становиться на сторону меньшего зла перед лицом большего. Человеческие столкновения, основанные на потенциале агрессии, всегда происходят на конкретном историческом фоне, но это, убежден автор, не фон смены формаций (вопреки марксистскому мифу), а фон технического совершенствования, овладения все новыми силами природы. Именно мучительные и неразрешимые

противоречия между народами и племенами, находящимися на разных ступенях технологического развития, и лежат, по мнению Ефимова, в основе кровопролитных конфликтов самых разных эпох. В целом они происходят по следующей схеме: народ Альфа намного превосходит народ Бета численностью, богатством, военной мощью. Тем не менее «бетинцы», главная ценность которых — воинская доблесть, продолжают совершать нападения на «альфидов». Разница между давно ушедшими веками и нашим временем — прежде всего в уровне технологического развития: если раньше это были конфликты кочевых или мигрирующих народов (гуннов, викингов, монголов и пр.) с оседлыми земледельцами, то сейчас — земледельцев с машиностроителями. Иллюстрирует автор свою позицию на нескольких общеизвестных исторических примерах: так, перед нами предстают лишенные традиционного романтического флера, порой леденящие душу штрихи более чем двухвекового противостояния белых и индейцев в Америке. Автор ставит здесь целью развеять предрассудок о злых американцах, истребивших коренное население Америки, и показать, что причина ужасов «индейских войн» — в огромной взаимной дистанцированности двух культур, диаметрально противоположных по многим параметрам. Немалый материал предоставляют для Ефимова события, описанные в Библии: евреи-кочевники, с присущими «бетинцам» жестокостями отвоевав землю у земледельческих народов Ханаана («альфидов»), вскоре сами осваивают земледелие, а спустя два с половиной тысячелетия, в XX веке, чудесным образом во второй раз возвращаются в «землю обетованную», вскочив одним прыжком на ступень индустриально-промышленную. Но если еврейские иммигранты из Европы обладали всеми организационными навыками индустриальной эры, арабское население Палестины к моменту создания Государства Израиль состояло в основном из крестьян и бедных горожан, полностью подчиненных социальным и политическим традициям, выработанным многими веками жизни под турецким деспотизмом. В отличие от арабов еврейские иммигранты из Европы обладали всеми организационными навыками индустриальной эры и начали стремительно обгонять арабских соседей как в промышленно-торговой сфере, так и в сельском хозяйстве. Но индустриальный мир, считает Ефимов, — это и есть среда, требующая от человека не только знаний, но и умения контролировать свои эмоции и порывы. Немудрено поэтому, что в массе своей не обладающая этими навыками палестинская молодежь становится легкой добычей экстремистов, предлагающих ей, закрепощенной многочисленными религиозными ограничениями, такой манящий выход энергии — «священную борьбу» за освобождение родной земли. История палестинцев лишний раз доказывает автору правоту его модели конфликтогенеза по схеме «народ Альфа» — «народ Бета»: невозможно, считает он, не удивляться тому, насколько судьба палестинцев повторяет судьбу американских индейцев. И там, и там вторгшиеся альфиды предлагали местным бетинцам различные формы мирного сосуществования и приспособления к неизбежным переменам, не отдавая себе отчета в том, что первым шагом на этом пути должно было бы стать признание гордыми бетинцами своей отсталости, второсортности и несостоятельности. И у индейцев, и у палестинцев культ воинской доблести был доведен до ре-

лигиозного накала, готовность погибнуть в бою сделалась главным и необходимым и достоинством любого мужчины. И у одних, и у других традиционные межплеменная рознь и вражда не позволили создать сплоченную военную силу, и единственной возможной формой вооруженного сопротивления оказались террор и война «мелкими отрядами». Сходными между собой вынужденными решениями одной и той же проблемы стали резервации для индейцев и лагеря палестинских беженцев. Оба случая, наконец, сопровождаются сочувствием угнетаемым «бетинцам» многих благомысленных «альфидов» в индустриальных странах — сочувствием не вполне по разуму, считает Ефимов. Во многом сходными видит он и перспективы конфликтов: подобно тому, как индейцам не удалось сплотиться для нанесения удара земледельческому миру, весьма сомнительно по целому ряду причин появление будущего Аттилы из среды палестинцев. Однако правдоподобной моделью возможного будущего палестинского терроризма выглядит для Ефимова средневековая террористическая секта исмаилитов (ассассинов), распыленная по разным странам Ближнего Востока. Иными словами, социально-политическое бурление в среде палестинцев будет еще долго выплескивать волны кровавого насилия в регионе, но не превратится в катастрофическое извержение, равное по своим масштабам нашествиям гуннов или монголов.

Тема статьи **Александра Храмчихина** — цена **КИТАЙСКОГО «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА» («Китайский "велосипед". КНР. Парадоксы развития»** — «Новый мир», № 3). Подлинная подоплека поразительного по темпам развития Китая, вдохновляющего ныне всех, от либералов до «левых», осознается сегодня, по мнению автора, лишь немногими. Эти впечатляющие темпы — вынужденная мера: Китай — своего рода «велосипед», который упадет, если не будет ехать: быстрый экономический рост необходим этой стране для того, чтобы избежать катастрофического ухудшения социальной ситуации. Для сегодняшнего Китая характерны высокая безработица, низкий уровень урбанизации, большой вес старых трудоемких технологий, а его социальные проблемы еще глубже: несмотря на социалистическую «вывеску», Китай сегодня демонстрирует такое колоссальное экономическое расслоение и такое пренебрежение вопросами социальной защиты населения, как ни одна страна в мире. К примеру, располагаемый доход населения в городах составляет (в переводе из юаней) немногим более 100 долларов в месяц, но свыше 100 долларов в месяц зарабатывает не более 20 процентов населения страны. В деревнях же, где проживает 58 процентов населения Китая (более 750 млн человек), этот доход составляет менее 40 долларов в год, что лишь немного превышает уровень нищеты (по методике ООН — 30 долларов в месяц). В Китае же пользуются другой методикой: человек, получающий более 10 долларов в месяц, не относится, по официальной статистике, даже к категории лиц с низкими доходами. Во многом лишь декларацией остаются бесплатные медицина и образование. Но, возможно, наиболее острыми являются проблемы китайской деревни: массовая миграция на заработки в города, катастрофическое обезземеливание крестьян за счет ускоренного городского и промышленно-торгового строительства (площадь пашни в Китае все время снижается и составляет

сейчас 0,077 га на человека, тогда как в России — 0,84) и др. Ситуация в социальной сфере создает огромные психологические проблемы у китайцев, воспитанных в духе конфуцианской скромности и добродетели и одновременно — маоистской всеобщей уравниловки. Все более массовыми становятся социальные протесты, что не может не тревожить руководство страны, имеющей богатый исторический опыт крестьянских восстаний, которые несколько раз приводили к свержению императорских династий. Однако важнейшим, если не единственным источником решения социальных проблем, отмечает автор, становится «план по валу», порождающий другие, не менее серьезные проблемы. Ни одна страна не расходует сырье и другие ресурсы так, как Китай, превратившийся с согласия всего остального мира во «всемирный сборочный цех» и развивающий в первую очередь ресурсоемкую, «физическую» экономику. Так, Китай уже с начала нынешнего века находится в критической зависимости от нефтяного импорта, а в 21 из 31 его регионов введены ограничения на потребление электроэнергии. Велики и его экологические проблемы. Однако в основе всех китайских проблем, считает автор, лежит главная и традиционная проблема страны — демографическая. Рост населения, пусть и существенно замедлившийся в результате политики ограничения рождаемости, продолжает, прежде всего из-за огромных абсолютных значений, приводить к давлению на рынок избыточной рабочей силы. Однако одновременно — и более быстрыми темпами, чем аналогичный процесс на Западе, — происходит и старение населения Китая. Есть и иные, порой неожиданные и причудливые, проблемы.

По мнению Храмчихина, любая проблема Китая сама по себе вполне решаема, но «разнонаправленный» характер этих проблем приводит к тому, что решение одной усугубляет другую или даже несколько других. Эта ситуация, помноженная на масштаб страны, делает и сам Китай огромной проблемой и вызовом для всего человечества: произойди в Поднебесной любое серьезное обострение в экономической, гуманитарной или экологической области, оно «аукнется» во всем мире, да и человечество просто не сможет помочь стране — опять же из-за ее колоссального масштаба. Поэтому нынешняя «градуалистская» политика китайского руководства (т. е. политика медленного, постепенного движения) представляется большинству наблюдателей не просто правильной, но единственно возможной. Вопрос в том, есть ли у руководства КНР временной ресурс для продолжения такой политики, учитывая описанное автором углубление многих проблем. С другой стороны, альтернатив такой политике нет, и, как прогнозирует Храмчихин, она, видимо, и будет продолжаться. Тем не менее его прогноз содержит и тот вариант, что количественные изменения различных параметров системы «Китай» могут перейти в качественные, что приведет к коренному изменению ситуации. И наиболее болезненным для России может оказаться, естественно, территориальный аспект. Тем более что китайское руководство, осознавая неизбежность обострения сепаратизма при любом серьезном внутреннем кризисе, создает на этот случай новую, националистическую идеологию, оправдывающую возможность расширения нынешнего Китая. К истории страны причисляется история не только ханьского этноса, но и история народов, которые были покорены китайцами или захватывали

Китай: даже былая монгольская империя — на том основании, что формально монголы действительно основали в Китае свою династию, — сегодня объявляется китайским государством. На территориальные претензии к России это влияет в наибольшей степени, особенно ввиду того, что Китай непрерывно крепит военную мощь. В связи со всеми изложенными обстоятельствами, делает вывод автор, изучение перспектив развития Китая и его влияния на российско-китайские отношения требует большего внимания, более комплексного подхода и меньшей политико-идеологической табуированности: это не тот случай, когда можно позволить себе ошибиться.

РАСА И ПОЛИТИКА — такова тема беседы **Дидье Эрибона** со знаменитым французским этнографом, социологом и культурологом **Клодом Леви-Строссом**, перевод которой публикует «Неприкосновенный запас» (**«Раса и политика»** — № 1). Беседа эта — фрагмент из книги двадцатилетней давности, однако тема взаимодействия культур остается актуальной и в наши дни. В интервью Леви-Стросс, убежденный противник расизма, излагает свой подход: отказ признавать, что какая-либо культура превосходит другую, он пытается совместить с фактом прогресса, неизбежно связанным с тем, что в определенный период одни культуры превосходят другие. И это последнее происходит, убежден ученый, вовсе не по причине указанного превосходства, а благодаря взаимодействию культур — заимствованию ими друг у друга или противостоянию. «Различные» культуры — не значит «неравные. В то же время Леви-Стросс признает, что взаимодействие культур влечет за собой их возрастающую унификацию. По сути, считает он, монокультурного общества никогда не существовало: любая культура является результатом смешений, слияний, заимствований; каждое общество, будучи поликультурным по модели образования, в ходе истории создавало собственный синтез. И права человека должны базироваться не на уникальности и привилегированности человеческого рода, как это происходит со времен Французской революции, а также обретения независимости Соединенными Штатами Америки, но, напротив, из признания прав за всеми существующими видами живых существ. Фактически Леви-Стросс отказывает человеку в его преимуществе над остальными видами, а в «субъектоцентризме» традиционной философии, возводимой им к Декарту, видит нетерпимость и претензию на исключительность. Все это, как видим, вполне созвучно постмодернизму и популярному ныне мультикультурализму.

Анализом **МИФОЛОГЕМ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ** занимается **Андрей Ранчин** (**«Мифологии: о некоторых стереотипах современного российского либерального сознания»** — «Неприкосновенный запас», № 1). В частности, он объявляет несоразмерной и даже болезненно-травматической ту чувствительность и серьезность, с которой это сознание воспринимает любые политические заявления (или вообще сколь-либо обремененные политическим смыслом знаки и тексты), особенно принадлежащие представителям власти: так, в знаменитом замечании Владимира Путина о чеченских террористах «*В туалете найдем — и в сортире замочим*!» многие увидели почти что объявление нового Большого террора. Однако ожидание типа «что заявлено — то и есть (будет)» кажется автору отличительной чертой мифологического сознания: опыт недавнего совет-

ского прошлого и перестроечного времени должен был бы приучить наших соотечественников не относиться к такой «семиотической игре» слишком серьезно. Тем более что в дальнейшем девальвация политических знаков приняла тотальный характер: страна живет с царским гербом, дооктябрьским флагом, советским военным знаменем и полусталинистским гимном, а на протяжении десяти лет официальным документом, удостоверяющим гражданство ее населения, был паспорт несуществующего государства — СССР. Бинарным, «черно-белым» является, по мнению Ранчина, и отношение либерального сознания к переменам в стране, когда перелом 1991—1992 годов воспринимается как смена «темного царства» нормальным миром, с гарантированной перспективой приобретения европейского качества жизни, а политические трансформации последних лет — как попытка реванша и ревизия светлых достижений «ельцинской эпохи». На самом деле, доказывает автор, все сложнее. Столь же бинарное мышление видит Ранчин и в господствующей отечественной либеральной рецепции Запада: ни проблема адаптации страной западных ценностей, ни политика Запада, отнюдь не во всем, по мнению автора, дружественная, практически не стали-де предметом рефлексии. Кстати, о западных ценностях: российским либеральным сознанием оказалась не воспринятой такая из них, как взаимодополнение свободы и ответственности, — вместо этого они противопоставляются: к примеру, если на Западе уклонение от уплаты налогов считается одним из самых серьезных преступлений, то в России в либеральных СМИ и в выступлениях либеральных политиков оно трактовалось прежде всего как свидетельство неэффективности самой налоговой системы. Еще один подмеченный автором специфический миф российских либералов — о самодостаточности рынка и экономической свободы, соответственно, рождающий подозрительность по отношению к любым иным ценностям: нередко в свободном от меркантильности интеллектуализме подозревают «тоталитарный след», а сама меркантильность, тяга к преуспеванию и обогащению, оказывается, напротив, «девственно безгрешной». Однако «аксиома» о частной собственности и свободном рынке как основе демократии и политических свобод, напоминает Ранчин, не всегда истинна: национал-социалистов в Германии поддерживали, в частности, буржуазные слои, а гитлеровская экономика сохраняла все главные признаки капитализма. Затрагивает автор и такой болезненный и сложный вопрос, как отношение к кризису октября 1993 года. То, что либеральная общественность в большинстве своем (по мнению автора) этот сценарий одобрила и громко ему аплодировала, открыло-де новые перспективы перед авторитаризмом: в стране, искони чуждой уважения к закону и исторически весьма склонной к преклонению перед вождем, оправданию насилия и неправовых и нелиберальных методов в борьбе за «вольность святую», это было, по мнению Ранчина, особенно опасным. В итоге автор оговаривается, что не стремился к дискредитации молодого отечественного либерализма и, вопреки утверждениям некоторых официозных журналистов, вовсе не считает его приговоренным к небытию, а видит его способным к возрождению и усилению. Но для этого, завершает свою статью Ранчин, *в частности, необходимо не только изобличение чужих мифов, в чем либералы преуспели, но и отстраненный и крити-*

ческий взгляд на собственные. Относительно некоторых оценок и обобщений автора можно спорить: так, сама предпосылка о наличии в России некоего единого «либерального сознания» с единой мифологией представляется проблематичной.

Александр Кустарев также развеивает миф, но, в отличие от Ранчина, только один — и это расхожий миф о «зловредной власти» и «хорошем народе». Очевидно, пишет он, что результаты последних выборов вряд ли могли быть иными. Конечно, столь же очевиден был в ходе последних выборов и безобразный, унизительный прессинг в отношении политических меньшинств, но он, считает автор, заставляет от привычных обличительных ярлыков в адрес нынешнего *репрессивного, навязывающего свое авторитарное правление* режима обратиться к **ХАРАКТЕРУ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО БОЛЬШИНСТВА** (**«Российское большинство — бессмысленное и беспощадное»** — «Неприкосновенный запас», № 1). Патология демократии в России, по мнению автора, проявляется в том, что именно российская общественность тяготеет к единогласию и к маргинализации оппозиции; именно ей, а не одной только пресловутой «власти» нужно было грубое уничижение оппозиционного меньшинства. Однако уже тем самым, пишет Кустарев, становится видно, что российское большинство приобрело признаки синдрома маргинального меньшинства (хотя есть основания подозревать, что так в России было всегда). Обычно меньшинство испытывает, переживая свое бессилие, негативные эмоции к большинству, для нас же традиционно характерно обратное: ревниво-неприязненное отношение большинства к меньшинствам. И дело прежде всего в испытываемой обывателем жажде психологического комфорта: желании жить с ощущением моральной правоты, не остаться в дураках, быть на стороне «правого дела» и, даже сильнее, — «добра». Но как обыватель в России узнает, удалось ли ему это? По признаку большинства, отвечает Кустарев. Российское большинство, констатирует он, формируется не по признаку убеждений, компромиссов и интересов (т. е. не по принципу консенсуса), а из тех, кто **хочет быть в большинстве**. Заметим, кстати, что это по крайней мере отчасти объясняет феномен массовых либеральных ожиданий начала 90-х годов[2], когда «правда большинства» совпадала с общим настроем на перемены. К концу же 90-х эта «правда» изменилась, и настроением большинства стало уже чувство благодарности к тем, чей образ слился (обоснованно или нет — другой вопрос) с восстановлением стабильности, что и констатирует Кустарев. Избиратель, таким образом, прежде всего не хочет остаться с теми, кто потерпел поражение. Он хочет быть на стороне победителей: ведь известно же, что победитель всегда прав. Несогласные же лишь смущают душевный покой большинства (хотя некий смутный инстинкт, сформированный в советские времена, и не дает извести их всех под корень). Так что власть, поднимая проходной порог думских выборов, манипулируя рейтингами и т. д., заключает Кустарев, скорее потакает большинству, чем карает несогласных. Подобная «власть народа», конечно, и есть патология демократии.

---

[2] О статье А. Левинсона, где речь шла об этих ожиданиях, см. наш обзор в № 134.

Анализ участка российского политического спектра, противоположного либеральному, представлен взглядом западного аналитика **(Андреас Умланд, «Постсоветские правоэкстремистские элиты и их влияние в России (на примере восхождения Александра Дугина)»** — «Неприкосновенный запас», № 1). Идеология Дугина рассматривается как русский вариант еврофашизма — правой этатистской антилиберальной идеологии, противопоставляющей «европейскую» и «англосаксонскую» (американскую) цивилизации. Она, по мнению Умланда, куда ближе к немецкой «консервативной революции» веймарского периода, чем к классическому евразийству, хотя и использует последний термин для самоидентификации. Несмотря на забавный вид некоторых ее идейных конструкций и рисуемых ею картин будущего, Умланд не склонен преуменьшать опасность «феномена Дугина»: благодаря своей общественной и литературной активности, он стал известен и признаваем как среди молодого, выросшего уже при перестройке, поколения российских интеллектуалов с антизападными настроениями, так и в западноевропейских неофашистских публицистических кругах. А телепередачи Михаила Леонтьева, участвовавшего в учредительном конгрессе дугинской «Евразии», косвенно способствуют распространению идей «неоевразийства» в масштабе всего российского общества. Итак, хотя Дугин все еще остается малознакомой фигурой для обывателя, ему уже удалось добиться положения значимого игрока на идеологическом рынке. И если европейские «новые правые» уже в течение трех десятилетий безуспешно пытаются подорвать *гегемонию антропоцентричного, космополитического и антиэлитарного начала* в западноевропейской политической мысли, то Дугин и некоторые другие российские публицисты сходного направления *получили сегодня реальный шанс столкнуть дезориентированную культурную, научную и политическую элиту России в бездну новой радикально антизападнической утопии*, предостерегает автор.

Не сходит со страниц отечественной публицистики и другая, более широко известная в массах утопия — **ДОКТРИНА ТРЕТЬЕГО РИМА**. Идейной и политической подоплеке ее возникновения посвятил свою статью **Виталий Куренной («На пороге четвертого царства. Идея византийского наследства между апокалиптикой и хилиазмом»** — «Политический журнал», № 4 [181]). Сам соблазн наследования утратившей былую мощь Византии, узнаем мы из статьи, не был русским изобретением и, по сути, был импортирован с Запада. Но вступить в реальную историческую борьбу за византийское наследие Москва не спешила, а вот на символическом фронте работа шла вовсю, особенно после падения ордынского ига, когда Московское государство охотно присвоило себе герб Византии и ряд ее символов. Подведением базы в духе священной истории (другой тогда просто не было) под это символическое наследование и занимались русские церковные интеллектуалы того времени, итогом чего и стала окончательная форма идеологемы, где «четвертому не бывать» надо понимать в том смысле, что не бывать еще одному христианскому царству (разве что — царству Антихриста). Автор приводит замечание Георгия Флоровского о том, что доктрина Третьего Рима имеет «минорный» и «мажорный» аспекты, т. е., соответственно, апокалиптический (идея Третьего Рима символизирует приближающийся конец этого мира) и хилиастический, когда идея пере-

толковывается официозными книжниками в панегирическом смысле по отношению к «Царю Московскому» — последнему и единственному всемирному царю. Перед нами уже не Вечное царство, которое придет на смену Третьему Риму, а сам этот Третий Рим и его вполне мирская политическая судьба. Вполне очевидно, пишет Куренной, как эта уже совершенно обмирщенная, секуляризированная идея политически вечного Третьего Рима нашла свое продолжение, в частности, в русском коммунизме. Произошедшее изначально в хилиастическом обмирщении *сужение православного кругозора* (выражение Флоровского) ведет к тому, что универсальная идея христианская становится идеей политической, пожирая наконец и само христианство. Урок попытки поставить православное христианство на службу вполне мирским политическим целям стоило бы помнить ее нынешним церковным пропагандистам, считает Куренной.

Пример Дугина, живучесть идеологии «Третьего Рима» и другие сходные явления способны вызвать вопрос: каковы же суть и механизм столь заметной **РОЛИ ФАНТАЗИЙ И УТОПИЗМА В РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ**? Об этом размышляет тот же **Виталий Куренной** (**«Окончательная стерилизация утопии»** — «Политический журнал», № 3 [180]). Именно утопизм, по мысли автора, является эмоциональным двигателем политических преобразований современности, без утопий невозможно себе представить не только социализм, но и второй определивший судьбу XX века политический проект — либеральный. Автор разделяет здесь мнение Карла Мангейма: либерализм обязан своим появлением все тем же хилиастическим идеям в христианстве, но на этот раз в протестантском варианте их развития: именно эти идеи стали началом политики как более или менее сознательного участие всех слоев данного общества в деле преобразования посюстороннего мира в отличие от фаталистического принятия всего происходящего. Утопия с ее отрицанием существующих структур социального бытия служит руководством к действию, пишет Куренной; невинная фантазия благодаря политической утопии может стать кувалдой, перелицовывающей мир. Есть, однако, особый вид политической утопии — консервативные утопии. Исходя из вроде бы противоположного радикально неутопичного стремления — сохранить существующую структуру бытия, консерватизм в своем противостоянии «проебразовательному утопизму» вынужден прибегать к сходным идейным инструментам, чтобы одухотворить, оживить существующее положение дел. Так, совершенно не случайно новейшее издание формулы о «конце истории» принадлежало уже упоминавшемуся нами Фрэнсису Фукуяме — американскому консерватору. Особым утопическим феноменом считает Куренной и жанр фэнтези, образец которого задал ортодоксальный католик Толкиен в своей традиционалистской ностальгии по исчезнувшему миру. Однако, обозначив несколькими штрихами «принцип действия» утопизма в политике, автор, в отличие от многих, в нынешней ситуации не видит сколь-либо значимого присутствия какой-либо из утопических позиций: все они маргинализовались, а их место заняла *некая скучная и никого особо не вдохновляющая прозаичность*.

Обзор подготовил Дмитрий Матвеев

Юрий МАЛЕЦКИЙ

НА ЛИНИИ ОГНЯ, ИЛИ ПРОГУЛКИ В САДАХ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«Взгляд и нечто»: о поэзии Ларисы Шиголь

1

Некогда, лет пятнадцати от роду, я увидел в книге о художнике Кузьме Петрове-Водкине черно-белую репродукцию не знакомой мне до тех пор картины, навсегда засевшей занозой в моем сердце. Датирована она 1916 годом и называется «На линии огня».

Русское воинство, идя в штыковую, медленно одолевая высоту, вкатывается из-за холма — на зрителя: холм — на первом плане (насколько «сферическая перспектива» Петрова-Водкина вообще выделяет первые, вторые и третьи планы). А прямо перед зрителем, на холме — или с холма — падает, сраженный пулей, юный прапорщик, первым взявший высоту — и за то первым же и погибший.

В фигуре главного героя находят нечто искусственное, холодновато-академическое. Небезосновательно: плавный изгиб его тела, правая рука, тихо положенная на сердце — смертельную рану, несколько томный, что ли, его взгляд и впрямь, скорее, вызывает ассоциации с «Умирающим лебедем», нежели с тем, как умирают убитые на войне. Словом, лебединый стан.

Но это как смотреть. В какой системе-структуре зрения. Выведем за скобки академическую полно-объемность, «правдоподобие» этой фигуры — и вот: сам ее силуэтный абрис, эта поза соотнесены с иконой в рост из деисусного чина; только прапорщик наклонен не в сторону центра, где «Спас в силах», как святые Деисуса, а — от центра. Не налево, а направо. Его судьба не решена: то ли он идет прямо в небо, то ли падает раз навсегда на землю. Но и в этом случае падает он по нежной кривой, как сухой осенний лист.

Он падает или взлетает в замедленной съемке, невесомо — его умирание протекает во времени, оно длится, как будто Сам Бог дает время решить герою свою судьбу. Такая вещь, как изобразить движение времени в

Юрий МАЛЕЦКИЙ — родился в 1952 году в Куйбышеве (Самара). Окончил Филологический факультет Куйбышевского университета. Под псевдонимом Юрий Лапидус в 1986 году дебютировал в «Континенте» (повесть «На очереди», № 47–48). Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Согласии» и др. журналах. Дважды вошел в шорт-лист претендентов на Букеровскую премию — с романом «Любью» (1996) и повестью «Конец иглы» (2007). Постоянный автор «Континента». С 1996 года живет в Германии.

живописи, искусстве по определению пространственном, искусстве остановленного мгновения, — эта вещь невозможна, согласно «Лаокоону» Лессинга; потому над ней до всякого Лессинга и бился художник невозможного по определению — Леонардо... Короче, здесь оптическое *зрение* требует именно некоторой серьезной добавки *умо-зрения*, чем, собственно, и занималась икона (с той только разницей, что предметом ее является изображение еще более неизобразимого, нежели земное время: зримое запечатление незримого земными очами мира иного/вечности; потому в иконе умозрение составляет все 100% изобразительности, откуда следует, что икону «читать» необходимо «умными очами», да еще и, согласно святым отцам, «умом, сведенным в сердце»).

С какой стати пишу я все это, если собираюсь говорить о стихах Ларисы Щиголь? Почему веду «от Александра Македонского», вместо того, чтобы сразу «взять быка за рога»?

А потому, что картина Петрова-Водкина еще в пятнадцать лет проявила во мне то, что и в искусстве, и в жизни меня интересуют — и всю последующую жизнь будут в первую голову интересовать, — люди линии огня.

На линии огня, вообще говоря, можно пребывать по-разному. Можно вызвать огонь на себя — и сгореть мгновенно, как Хендрикс, Моррисон или Дженис Джоплин, — все в двадцать семь. Вспоминается тут и поручик Лермонтов (не оттого ли и «мучитель», согласно другому мучителю Мандельштаму; мучитель наш и мученик самого себя). А то можно дотянуть и до сорок первого, как Блок, а то и, если повезет, даже до сорока двух, как Высоцкий (срок жизни-то увеличился). Можно годами быть под шквальным огнем: каторга, страшная болезнь, гибельные страсти, — и прожить на линии огня целых 60 лет. Можно оказаться на этой линии в последний момент своей жизни — и успеть обозначить это, как Державин в последних своих строках, неоконченных, оконченных смертью, самых страшных едва ль не во всей мировой поэзии: *А если что и остается Чрез звуки лиры иль трубы — То вечности жерлом пожрется И общей не уйдет судьбы*... А можно быть самым умеренным и комфортным человеком — и заниматься какой-нибудь сухо-теоретической проблемой, ну, например: если философы строят свои философские системы при помощи разума и только разума, то не пора ли, наконец, уяснить сначала, распространяется компетенция этого самого разума решительно на все, — или где-то компетенция его кончается? А если так, то — где? А еще: если так, то что из сего и за сим следует? Странно, но почему-то этот, казалось бы, сам собой напрашивающийся вопрос — «проверка на вшивость» самого инструментария поиска — очень долго никому в голову не приходил. А вот стопроцентый обыватель и мещанин, калининградский профессор Кант, спокойно проживший на этом свете 80 лет, заинтересовался этим делом — и без больших переживаний, просто «от ума» вывел и себя, и всех, кто серьезно ознакомился с его исследованиями, прямиком на ту огневую позицию, где безапелляционно доказательно кончается компетенция «чистого разума», оставляя, ИМХО, последовательному со-знанию (что бы, ИМХО, сам он по данному поводу ни писал) неминуемую альтернативу: прорываться далее, сквозь линию огня в то, как оно все-таки есть на самом деле, с помощью разумно принятой, но

не отрицающей разума, принимающей его поддержку (как ракету не вывести на орбиту без ракетоносителя), не недо-разумно, но сверх-разумно познающей веры — или, избрав агностицизм, так и бегать на месте, пребывая на этой линии — вплоть до собственного уничтожения...

Словом, чтобы не удлинять список, вариантов «людей линии огня» не меньше, чем в шахматах.

Самый обыденный из них (но от того не менее смертельный): сидишь ты в окопчике, маленькой своей квартирке. И тебе — сей момент — никто не угрожает: окопная война ведется по плану, о котором солдатам ничего не сообщают заранее; но всякий бывалый солдат спинным мозгом сознает, дадут ему и завтра безопасно поспать в уютной живой землице с живыми вшами — или нынче же, под утро, *оно* начнется... Вот и ты как бывалый служивый однообразно-переменчивого житья-бытья чувствуешь: пока все в порядке, еще некоторое более-менее долгое время ты можешь пользоваться жизнью, бытом, совершать променад, трехгрошовый, но шопинг. Но если ты поэт, то только и делаешь, — точнее, это оно само собою, ненамеренно, делается в тебе, — только и делаешь, что вызываешь все время огонь на себя. Уже тем, что ты и на автопилоте, чистя картошку, узнаешь в себе знакомое: сейчас божественный глагол до слуха чуткого коснется. А этот глагол есть угль, пылающий огнем. Огнем, пожирающим мирный огонь домашнего очага, разражающимся громом и молнией (моя мать говорит, что в четыре года, увидев в окно грозу, я сказал «громния»: ну стало быть, я был дитем поэт, — правда, действительные поэты «начинают года в два», — и только лет двадцать пять спустя стал безнадежным прозаиком; как и положено нормальному человеку, во мне был убит Моцарт, но это — в сторону). И поэт для этой молнии — громоотвод. Кто-то, кто в любом твоем возрасте, посреди, кажется, самого прозаического и благополучного твоего жительства всегда усмотрит возможность попалить тебя огнем, чтобы ты не расслаблялся: огонь! принимайся за дело: гори дотла. Когда в твой окопчик влетает внезапно (этого же никто специально не ждет, никто, кроме Блока, не желает себе худа, все цыпленки хочут жить — и жить в тепле и уюте; да только не выходит) снаряд, а то и тонная бомба, то для тебя война перестает быть позиционной. Тогда строки действительно с кровью и действительно убивают.

Тем более, если уже пожил на этом свете достаточно, чтобы, коль опять ушел еще один среди «искренних твоих» и опять еще не ты, в очередной раз похоронить и жить дальше.

Это тот самый случай.

Я познакомился с госпожой Щиголь и ее стихами, писанными не ранее последнего десятилетия (собственно знакомство наше возникло заочно, на чисто литературной основе: сезонно живучи в Кёльне в качестве русскоязычного экскурсовода, я узнал от одного из двух главных редакторов журнала «Зарубежные записки», Даниила Чкония, о том, что живущий в Мюнхене второй главный редактор, Лариса Щиголь, хочет опубликовать одну из моих вещиц, а затем, сезонно приехав из Кёльна в Мюнхен, познакомился уже и с ней самой, и с ее стихами; тому шел уже четвертый год,

как я, с постоянным удовольствием знакомясь с выходившей из-под ее пера стихотворной продукцией, почувствовал вдруг знакомый щелчок не в уме и не в сердце, а где-то в горле, — без этого щелчка, хлопка некого шампанского, я никогда ничего не пишу вообще: старик, вот об этом *это — что? да вот это вот, что сейчас пойдет,* — садись да и напиши; вот, значит, и пишу).

То есть за ними стоит уже некая жизнь — и в жизни, и, что называется, в искусстве. А то есть опять же — это не разговор об «эволюции творчества Щиголь» и тэпэ (хотя я лично убежден, что творчество ее обречено «стать достояньем доцента»), а так, «взгляд и нечто» касательно нынешнего среза, нынешнего итога всего, что было до и есть во время этой странной жизни и не менее странного писательства. Я имею в виду то не совсем обычное обстоятельство, что человек многие годы, хронически, «запущенно» продолжая все это время писать стихи, столь же хронически спокойно отправлял их в дальний ящик стола и вовсе не думал об их публикации, профессионально-дипломированно занимаясь все это долгое время совсем другим, куда более серьезным, солидным делом. Вполне прозаическим делом — «профессия: финансист», — однако же приносящим стране пользу, а т. Щиголь — приличный оклад. Собственно, когда ее уже начали публиковать, г-жа Щиголь к этому по-прежнему рук не прилагала (если не считать самого писания стихов), — это произошло как-то помимо нее.

Писательство, рабочим материалом которого является жизнь, где достаточно многое — позади.

Нам совершенно незачем знать детально, что именно, но это явственно просвечивает, я бы сказал, сочится сквозь сами стихи, так что мы чувствуем критическую массу прошедшего и происшедшего, вытесняющую душу поэта из любых, самых небольших «уютов» («своя» полуторка в Мюнхене и соцминимум, это нынче менее, чем немного) — на линию огня.

Еще раз: я не знаю стихов г-жи Щиголь *до*. Их и вообще никто, кроме нее самой и нескольких близких друзей, не знает. Наверное, их довольно много — за годы-то. Буду говорить лишь о тех, «новых», которые знаю. И то, понятное дело, не обо всех. Дела это не меняет.

2

Передо мной тридцать восемь стихотворений за последние восемь лет. Бóльшая часть их опубликована в единственной пока книжке «Вид из чужого окна» («Алетейя», С.-Пб., 2005), а еще в журналах «Знамя», «Новый мир», «Интерпоэзия» (Нью-Йорк), «Сибирские огни» и «Зарубежные записки» (Кёльн — Мюнхен). (Все это и многое другое можно найти в сети в «Журнальном зале».) Некоторая часть вообще пока не опубликована. Неважно. Это тридцать восемь стихотворений, которые отобрала, по моей просьбе, она сама, — *как самые ее, те, где — она сама,* по ее же представлению.

(Надеюсь, я не совсем еще, как выговаривала моя бабушка, «самосшедший» — и не собираюсь задавать читателю, да и себе, неподъемную задачу «анализировать» все тридцать восемь: это не монографический очерк; более или менее подробно скажу лишь о некоторых, — остальные пусть уйдут внутрь пишущего, меня то есть, в качестве «группы поддержки» того, что скажу о приводимых здесь стихах, — или, скажем, в качестве части грунта,

на котором взошли нижеследующие «разборы» и, так скажем, сами собой пошедшие в сломной моей голове от этих «разборов» отступления, «круги по воде»).

Так вот, добрая (или злая) половина их — об умираниях, смертях и похоронах. О неизбежности смерти телесной, а хуже, смерти душевной — забвении умерших. И о невозможности забвения, а значит, невозможности смерти.

Собственно, на скрещении ужасной неизбежности и прекрасной невозможности, на этой грани и балансирует поэзия Щиголь. Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души. Буквально.

При этом никакого «упоения в бою у бездны мрачной на краю» в стихах Щиголь нет. Это дело мужское — упиваться боем, а дело женское — другое дело, куда более серьезное. «Нам только в битвах выпадает жребий, а им дано, гадая, умереть», — писал один не самый богатырский, но в своем роде очень воинственный поэт.

«Удобрить ее солдатам. Одобрить ее поэтам», — сказал другой по-своему воинственный.

Добавим: мир — одобрить, а солдат — оплакать. В этом раскладе поэты — уже не «жиды», как у Цветаевой, а плакальщицы (если говорить о поэтах-женщинах). Как у Ахматовой. А в общем, женщина — это «вечная память» земного мира. Пока сама не умрет. Но не будем о грустном — перед лицом ужасного.

Ужаснейшего — и светлейшего.

Войти в поэтический мир Ларисы Щиголь имеет, по-моему, уже тот не последний в наше время смысл, что находиться в нем — не скучно. Да и... отрадно, что ли. Согласимся, это не часто.

А тут это так. Поскольку, во-первых, во-вторых и в-третьих, стихотворные вещи и вещицы ее, чаще всего — просто (если это просто) красивы. Изделия ее ума и сердца сработаны на совесть, отшлифованы и отполированы — умело. Толково (а это дорогого стоит: от чего больше всего в России болеешь душой? От бестолковости; с-толк-нешься хоть с чем-нибудь толковым — и душа отдыхает). В смысле: и рифмы у нее зримо точные, и слова не приблизительные, и смыслы не пустые, и темы и ходы не однообразные. Стихи ее бывают мрачноваты, а то и совсем мрачны, но этот мрак воплощен не по законам безобразия, как у Пикассо конца 30-х — начала 40-х, а по законам все равно — красоты (что имею в виду? ну, вот, скажем, Собакевич — мрачный тип, но до чего красив-пластичен, когда в 15 минут «отделал» целого осетра, «доехав его всего», так что «от произведения природы оставался всего один хвост», а потом, подойдя к столу вместе с другими, «пришипился так, как будто и не он, а подошедши к тарелке, которая была подальше от других, тыкал вилкой в какую-то сушеную маленькую рыбку»; а еще потом — уже больше ничего не ест, а только сидит в кресле и хлопает глазами). В общем, как бы это сказать?.. Они и в склад, и, главно дело, в лад.

(Написал предшествующую фразу, еще не все тридцать восемь прочтя внимательно, — и вдруг глянул в одно недо-прочтенное, а там в конце: *И **против склада с ладом не греша**, За мною: «Аты-баты, шли солдаты». Без подписи. Без местности. Без даты.* Подлинно у дураков мысли сходятся.)

Поэтому их приятно читать, хотя чаще всего они трактуют о не совсем приятных вещах. А нескучно потому, что они очень разные (поэтому хочется приводить их побольше, а «интерпретировать» поменьше), и потому, что они всегда внятно «сказуемы», от чего мы начинаем нынче отвыкать, — и всякая сказуемость, ясность изложения — при условии качественности текста, само собой, — звучит сегодня свежо и ново (как в рок-музыке конца 70-х после всех гениальных, но начинающих приедаться наворотов джаз-рока, прогрессив-рока и хард-рока свежо и ново прозвучала музыка Стинга). Вот по всему этому — войти и легко.

Ну, вперед и без песни: песен тут и так хватает, как мы убедимся.

С какой стороны? Да какая разница. Можно и отсюда, и оттуда. Здесь двадцать дорожек и сорок тропок.

Мир Щиголь — довольно-таки пересеченная местность. Ее словами: *Темен мир, и колодцы его глубоки.*

Ну, давайте, если на то пошло, давайте для начала — отыщем какую-нибудь дорогу, хотя бы смахивающую на столбовую. Хотя бы:

Как по ухабистой горной тропе
Едет проезжий по имени П.,
Едет проезжий, встречает арбу —
Г. проезжает в закрытом гробу.
Как от версты к полосатой версте
Едет проезжий по имени Т.
Едет-спешит, довершает судьбу —
П. уезжает в закрытом гробу.
Спит мелколесье, телега не спит,
Осью немазанной песню скрипит:
«Едет проезжий, встречает арбу...»
Ворон скучает на каждом дубу.

Большак, по которому катит извечное рассохшееся колесо российской истории. Колесо вечного возвращения, катимое нашими великими и не очень и подминающее под себя того, кто его катит. Странное дело, с какого-то момента, ну, пусть с Петра, а то ведь и раньше (хоть бы Иван III) все наши действительные деятели были европейцами, хоть бы и называли себя славянофилами; даже если кому из наших великих и взбредало вдруг в голову, как Достоевскому, программно возненавидеть Европу, то и он при этом проговорится, не от себя, свалив на героя, что русские больше европейцы, чем сами европейцы (в своем, как всегда в очень своем роде, — додумывал ли сам до конца? — «проповедуя любовь враждебным словом отриданья»); но именно их-то усилиями (больше некому: кроме деятелей никто нигде по определению ничего не делает, а в России-то не все и деятели — делатели), от Петра I и Александра II до крепостного великого художника Григория Сороки, русское колесо (и, увы, не только «красное», — хотелось бы, — а и до «покраснения») — это колесо вечного возвращения. Странное дело, того более, что идея сия, хоть и возникла на Востоке, но по-настоящему развита, конкретизирована в виде всяческих парок и Мойр, которым подчиняется даже Зевс: от Судеб и ему, бессмертному, защиты нет, — в Греции, матери Европы — стало быть, на идее колеса вечного возвращения и вращаться должна была

именно Европа, а та возьми да и подхвати вирус восточной, библейско-иудейско-христианской идеи прямого вектора времени, текущего из прошлого в будущее для окончательного свершения своей цели в конце времен, т. е. в конце самого себя. Как все вышло наоборот! Европейцы греки озвучили идею, торжествующую на Востоке, а азиаты евреи заразили идеей прямого и целесообразного, векторного времени Запад.

Русская скоморошья история ернически-пародийно вернула более чем серьезное колесо восточного времени (мы ведь этого вечного возвращения не признаем, а все твердим о своем «третьем *пути*», путь же никак не может не идти вперед, прямо или хоть по спирали, или хоть прямо назад, мы же только и делаем на своем непутевом «пути», что успеваем в заданном проворачивающемся на месте колесом темпоритме наступать на все те же грабли) — колесо из Азии — в Европу, по крайней мере, в ее восточную оконечность. Колесо — вообще не самое слабое слово русского вокабулярия: от «колесовать» до «подсесть на колеса» (сколько ни тщись, некуда деться от инвариантности чисто российского колеса: в 1970-е подсоветские хиппи, от Москвы до Куйбышева, от Архангельска до Краснодара, мысленно представляя себя в Лондоне или Сан-Франциско, менее всего думая «о русском», не только нарко-таблетки именовали «колесами», но и последние переименовали в «калики», — и что же? этот-то «последний свист» совантисов-новояза, сам того не сознавая, перекликнулся с чем? да с древлим-из русского-русским же «калики перехожие»!), — а между ними-то вся наша историйка некоторых сотен лет, колесом катящая по нелегкой да еще и кривой дороге.

По пути колесо рассохлось, — и два русских мужика как начали лет 165 назад, так и продолжают спорить, доедет ли это колесо до Москвы или по крайности до Казани. Этот однообразно-мерный скрип колеса, рассохшегося, да еще временами поднимающегося медленно в гору, этот глухой стук по бесконечным нашим ухабам, находящимся друг от друга на столь малом расстоянии, что и разницы во времени между одним стуком и скрипом и другим нет, а получается почти совсем правильный дактиль, что и отмечает такт за тактом жестковато (жутковато)-четкий, отбиваемый словно метрономом ритм стихотворения. Чувствуется (если даже и не так, все равно так), это писано до попадания в компьютер, твердым карандашом, и все точки — тык, тык. Тык.

Что идентифицирует русскую культуру — с ней же самой? Дворянскую — с разночинной, потом — с вообще непонятно чьей в условиях отменивших все сословия Советов? С чего мы вообще взяли, что это одна, одна-по-разному-все-та-же русская культура, будь то протопоп Аввакум Петров (второе сословие) или Мандельштам с его «присягой чудною четвертому сословью»?

Далеко не в последнюю очередь с того, что на ось этой культуры, как на шнурок, нанизана вереница колес от телег, карет и грузовиков, развозящих по местам захоронения трупы; вереница разнообразнейших, прекрасно-безобразных смертей. Именно теснота и единство колесного ряда (перефразируя тыняновскую формулу ряда стихового), ряда разноцветных колеси-

ков-бус, имже несть числа, тесно устроившихся рядом и не катящихся друг от друга в разные стороны, говорят о наличии единой нити.

Ничего особенного, собственно, не происходит, — только обычное, хроническое. Текучка заедает: текучка жизни вообще и текучка кадров, в частности. Кадров, вопреки т. Сталину и задолго до т. Сталина, не решающих ничего. Решает то, что так — повелось. И с тех (с каких? да с «определенных»: памятно-незапамятных) пор оно так и ведется. Сначала из пункта А в пункт Б едет П., по пути встречая везомого из пункта В в пункт Д некоего Г., разделанного на мелкие куски; затем из пункта Е в пункт Ж некто Т. везет уже самого П., который теперь без провожатого ехать уже не может, заполучив полновесную пулю дуэльного пистолета системы Лепажа аккуратно в живот, что и превращает живого человека в объект П. Это такое наше кафкианство — у того г-н К. никак до замка не дойдет, а у нас удобно — всяким таким настырным гг. Г. и П., и другим-на-все-буквы далеко ходить незачем, за ними вовремя заедут и отвезут куда надо. Все дела. Ну, еще верные провожатые мертвецов — вороны — скучают на каждом дубу.

Впрочем, если ворон скучает, это еще куда ни шло: это значит, что ворону не дают заняться любимым делом. Мешает закрытый гроб.

Зато в другом стихотворении эту возможность ворону судьба предоставляет. У нас ведь, как писал еще Галич, убить человека легко, а похоронить трудно. Умирают все, а хоронят не всех. Тогда произойдет то, о чем писал еще до пули Лепажа вышеупомянутый П. Правда, там ворон ворону сообщает, что богатырь убитый лежит в чистом поле под ракитой; в нижеследующем же стихотворении Щиголь богатырь умирает — и умрет, так и не выехав из леса во чисто поле. Но задача выклевать трупу глазки, сколько могу представить, для ворона и в густом лесу — посильна:

Все-то тянет нас, беспечных,
В темный лес сюжетов вечных —
И противиться не мне.
Из страны обороненной
Едет ратник, приклоненный,
Этим лесом на коне.

Бился он за страх и совесть,
И его сраженья повесть
Приумножится в веках.
Змей сдыхает, побежденный,
Ратник едет, изможденный,
Месяц едет в облаках.

Ох и тяжек подвиг ратный,
Ох и долог путь возвратный —
Конь впадает в хромоту.
Кровь течет на круп и сбрую
И на землю на сырую,
На сырую, да не ту.

Забывай меня, голубка,
За соболью, — болью шубку,
За яичко Фаберже.
Тихо звякает уздечка.
Прощевай, мое сердечко —
Не увидимся уже.

Впрочем, умирающий, истекающий кровью ратник думает не о вороне и не о своих глазках. Он думает о глазках любимой, о «сердечке», которое забудет его — и уже забывает. То бишь этот вековечный богатырь из леса — наш сегодняшний: его забудут «за» сегодняшние дорогие подарки, за антикварного ныне, дорогущего аукционного Фаберже, «за соболью, — болью шубку», не глядя, что достались эти собольи — болью. Это сегодняшний вариант вечного сюжета — и вечной трагедии забвения. И сегодняшний, он прощает нонешнюю ее, прощаясь с ней: «Прощевай, мой сердечко — Не увидимся уже», — прощает сего дни. Сегодняшняя транспозиция вечного сюжета: в мире, куда мы вошли, забвение/окончательная смерть куда более органичны, нежели долгая, — не говоря уже «вечная», — память. И это хорошо для мира данности: забвение не злопамятно, а в мире данности и так если ощущается в чем избыток, так во зле. В сущности, это отсылает к лермонтовскому «*Пускай она поплачет, Ей ничего не значит*», — с той немало серьезной оговоркой, что лермонтовский герой «держит зло» на любимую, и едкое это зло он и выговаривает саркастично-простецки. Герой же Щиголь безусловно не держит зла: забудешь — и правильно, и я советую: забывай, забывай меня, забвение — норма, смерть — дело житейское. Не увидимся уже — вот что жалко, но придется и это пережить, коль уж взаправду умираешь. «Тихо звякает уздечка» (тише уж некуда, — так и катится все из строки в строку от «яи**чка** Фаберже через «узде**чку**» к «серде**чку**», — истекая жизнью в смерть), — и все. Дальше уж — совсем тишина, безмолвие, где падающему в смерть герою остается лишь «про себя» прошептать, угасая: прощевай, уже не увидимся.

Сегодняшний богатырь, осваивая «вечный сюжет», принимает все без «нравственных» оценок, просто как данность. Это богатырь нашего времени — по все стороны добра и зла. Хотя сам он, как и положено богатырю, добрый. Но это просто у него в крови. «Богатырские» гены.

(Я тут подумал, что поминаемый богатырь в лесу навеян малюсенькой гениальной картиной А. Альтдорфера «Св. Георгий в лесу», находящейся в Мюнхенской Старой Пинакотеке и там увиденной нашим автором. Это рыцарь до распутья, до него надо еще выбраться из темного леса жизни. И только тогда ясно встанет вопрос: по какой из трех дорог ехать; когда идешь без спросу в Зону, *в темный лес сюжетов вечных*, навеять что угодно может кто угодно из вечных спутников, вплоть до безымянных, сочинивших «Песнь о Нибелунгах» или русские былины, а наряду с картиной Альтдорфера вспоминается гравюра на меди Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол», но это — в сторону.)

Да, так о вороне. Вообще ворон в сторонушке Щиголь не то что частый гость: он здесь едва ли не хозяин. Он не каркает «нэвэрмор», — чего кар-

кать, когда делом занят? — а свое дело уж он знает и любит. Потому и скучает без ремесла — на каждом дубу. Но рано или поздно он будет востребован. Тогда остается только надеяться, что, при обилии в нашей сторонушке питательного кушанья для ворона, он пропустит хоть какую-либо из своих снедей. Как в следующем стихотвореньице:

Медленно, медленно мокрой дорожкой знакомой
К цели своей неизвестной ползет насекомый
(Впрочем, ему эта цель, может быть, и ясна),
Медленно, медленно — осень, поди, не весна.

В мокрую гору, по астрам, распластанным в лежке,
Переплетаясь, ползут насекомые ножки,
Счастье еще, что вороны не видно пока —
Может, судьба и, того, пощадит старика.

Где твое небце, бескрылая божья коровка?
Медленно близится неодолимая бровка,
Медленно близится, медленно — дело к зиме,
Медленно, медленно, медленно, медленно, ме...

Это пятижды «ме...», выдавливающее себя из себя, это тянущееся последнее усилие жизни, чтобы дотянуть туда, где не-смерть, — и все-таки обрывающееся (м. б., достигнувши-таки бровки — и окончательно приняв тот смертельный факт, что бровка — и впрямь неодолима), замечательно по своей музыкально-гармоничной передаче полной дисгармонии, смертельного облома; все кантиленно тянется, замедляется, выдавливаясь все трудней, — и в последнем усилии обрывается первым слогом, ставшим последним.

Все помнят хокку-эпиграф из «Улитки на склоне»: «Тихо ползи, Улитка, По склону Фудзи». Это и есть жизнь — неспешно-полновесное чувство жизни. Здесь то же самое: тихо ползет насекомый, и тоже вверх, по склону. Но здесь это — смерть и полновесное мучительное усилие пред-смертной-жизни. Эти астры, распластанные в лежку в осенней грязи (класс, да? я так с детства чувствовал, что астра — бесхарактерный и бесхребетный, квелый цветок, по осенней грязи именно что распластанный в лежку, и всегда-то меня удивляли все эти «военные астры» и вообще — за что его назвали «звезда»? и вот наконец выяснилось: не я один так дело вижу), это недоступное «небце» (пусть не в полное небо, но хотя бы в небце — почему не взлететь божьей коровке, «насекомому старику», всем нам, состарившимся Грегорам Замзам?), это *дело к зиме*...

Но что все о других? Нельзя сострадать другим, не пережив именно это вот, то, чему сострадаешь, — самому. Надо сначала «на себя примерить». И вот отсюда только замечаешь и «об других», когда явилось тебе (виноват, лирической героине):

Как о самой главной моей поре
При хорошей мине, плохой игре,
При дурной погоде и лучшем строе
Я была кому дочкой, кому сестрою,

Кому мамой была, а кому — женой,
А кому и любовницей — бог со мной,
Я была ответчица и истица,
И летели клином ко мне жар-птицы
А уж как прекрасен жар-птичий клин! —
Как не ставший комом последний блин.

Я пекла блины и варила плов,
И несли рыбаки ко мне свой улов,
И несли охотники мне трофеи,
А сама я была хороша, как фея,
И уж так была позарез нужна,
Всем-то дочкам дочь, женам всем жена,
Я была сочинительница и чтица,
И летели клином ко мне жар-птицы,
И летели жар-птицы со всех сторон,
На лету оборачиваясь в ворон.

Стихотворение это не нуждается в комментариях, выказывая себя само; достаточно прочесть его целиком, услышать, как оно само себя вытанцовывает, все кружась и поя «сладкоголосой птицей» (но не юности, а самой главной женской поры), — пока танец не оборвется, не перевернется на лету в самой последней строке, зачеркивающей все предыдущие, сдающей их в глухой архив, — пока пение жар-птиц не обернется внезапно и уже необратимо — вороньим трупоядным граем.

(Простите великодушно, я вообще-то осведомлен, что приводить стихотворение целиком — не есть хорошо для статьи какого-никакого, но компактного формата, но меня ставят в это дурацкое положение две вещи: 1) как правило, стихотворение Щиголь — это целостно развернутая речь, единое высказывание, и отдельная эффектная строчка мало что даст, если мы опустим предшествующие художественно-логические звенья цепи; 2) стихи «разбираемого автора» вовсе не у всех на слуху, когда процитированное словцо отсылает к знакомому целому, — перед нами стихи совсем не «широко известного автора».)

(Некстати, еще о воронах. Эти славные пернатые не только в России живут чужими смертями, вестники ее и распорядители. Вот и голландский француз Ван Гог пишет одну из самых последних своих работ: «Стая ворон над пшеничным полем». Вороны означают здесь, что поле уже поспело для снятия урожая — смерти. Но что еще интересно — до чего люди разные. Вот ведь Лермонтов, зря, как волнуется желтеющая нива, то бишь опять-таки поспела, вовсе не о смерти думает — о жизни. Душа его до того полна не смертью, а жизнью колышущегося поля зерна, что в ней нет места смерти, а только жизни — до такой степени, что и там, и по ту сторону жизни — ее не может не быть. Собственно, и той стороны-то нет для него: едва ли не в здешних, не потусторонних Небесах он «видит Бога». Живого Бога — Творца

живой жизни. А вот Ван Гог видит в желтеющей ниве именно близкую смерть, знаменуемую не только воронами, но желтым цветом самой нивы: как известно из его же писем, желтый был для него самым амбивалентным изо всех цветов: знаком-символом-плотью и жизни, и смерти, ее урожая. И потому его «Подсолнухи», источающие, кажется самую жизнь, тем-то и безумны и, считай, уже мертвы, поскольку жизнь чревата смертью, и, значит, жизнь и есть смерть; но это в сторону.)

В этом краю воронов, чутко стерегущих свою мертвую поживу, не все же одни смерти; есть у смертей и живые товарищи: горе да беда.

Как давно уже наблюл русский человек: «Горе — не беда». Это вещи разные. Потому что горе — это психологическое, субъективное состояние. Это то, что чувствуешь. А беда — это объективное положение вещей. Когда враги сожгли родную хату. А другой родной хаты не бывает. Беда считается больше горя. Горе испытываешь, переживая беду. А то и не можешь ее пережить. «Теперь мне крышка», — сказала Роми Шнайдер, узнав, что ее единственный ребенок, двенадцатилетний Дэвид погиб самой нелепой и страшной смертью: пытаясь перелезть через запертую ограду своего же дома, он повис на ее чугунных копьях. И умерла через несколько месяцев, в сорок три года. Горе из-за одной беды породило вторую. А вот Эрик Клэптон в аналогичном случае, когда его пятилетний сынок насмерть выпал из окна, нашел в себе силы пережить беду, с горя написав высокую песню «Слезы в Небесах», где сентиментальность поднимается на вершину, недоступную иной трезвости чувства. Его горе оказалось меньше беды и, поддавшись, как рекомендует то ли дзюдо, то ли айкидо (вечно забываю, кто у них красивее кого формулирует, — оба лучше), победило ее.

Это как доведется.

Но вот что хуже всего: когда горе испытываешь и без актуальной беды. Точнее, всегда носишь неименуемую, несказанную беду в себе, она всегда с тобой. Ты сам себе беда, — потому и горюешь. Потому и всегда.

И тогда, вопреки тому, как считается, горе становится больше беды. Потому что объективное положение вещей можно изменить. Построить новую, неродную, но свою новую хату, обзавестись новой семьей. А вот субъективное-то... если человек склонен к горю-то... поди измени такого человека. Тогда разве только земля и будет тебе пухом. Или вода. Тоже первоэлемент не хуже прочих:

Колыбельная

Если встретишь ты в жизни большое горе
И просто горе,
Уплыви ты, как рыба, в глубоко море,
В глубоко море.
Там ты будешь свободен, как рыба,
И нем, как рыба —
И на том спасибо,
На том — спасибо,
На том — спасибо.

Даже если сквозь толщу услышишь ты
Зов былого,
Не ответив ни слова, избегнешь лова,
Избегнешь лова.
И пройдут над тобою в пространстве
Пустые сети,
Ты один на свете
За все в ответе,
За все в ответе.

Будешь сам ты себе — отрада
И сам — награда,
Ничего не надо, чего не надо,
Чего не надо.
На просвет голубая вода любая,
Вода любая,
Баю-баюшки, баю,
Баю-баю,
Баю-баю.

Удивляюсь: а кого из нас, из насельников нашенской Касталии, просто удивить? Ведь все мы «успели сорок тысяч книжек прочитать и узнали что почем и что к чему и очень точно». Удивляюсь и завидую: насколько более поэзии дано выразить, чем прозе, и почему только я не поэт, а прозаик, но что поделаешь, не дано; нет, главное, какими немногими простыми словами — простым повторением нескольких простых слов. Да только их надо уметь выбрать (как, скажем, Матисс чувствовал и выбирал цвет, уж кажется проще нет, чем у него, — примитивный рисунок да три цветовых пятна, — а ты поди да возьми, поди попробуй сотвори из разных тюбиков краски-как-краски вот именно эти три пятна уже не краски, а цвето-света, и так расположи их рядом, что душа счастливо отдыхает). И слова эти должны прозвучать, пропеться таким вот колдовски-ласкающим, стихающим до водяной немоты качающегося на волне колыбельной челнока (а он так и качается, так и качается), голосом-шепотом сострадательной русалки, понимающей: вот для этого горюна только смерть станет покоем и волей; и вот она приуготовляет и лелеет — не жертву свою, но спасенного своего. Это не коварная немецкая, а жалостливая русская Лорелея, родная наша Лорелеюшка; а река эта, само собою, — Лета, Леточка Незванова (но не-самозванова), и течет она в Россиюшке специально для горемыканек, зная, чем одним только нашего брата можно утешить и у-покоить. Зная: неутешное горькое горе утешимо только сладкой смертью.

Зато вот беда здесь: это как раз еще не горе и тем самым тем более не беда, сказал бы назло всем «разбираемый» автор. Он это и сказал:

По пыльной дороге, едва ли прямой,
Плетется на ослике путник домой,
Пусты его брюхо, сума и мехи,
Но он по пути сочиняет стихи.

У дома он вырастил розовый куст,
Но дом его тоже, как прочее, пуст,
Вернее, и дома-то, в сущности, нет,
Но, может быть, есть — или будет — сонет.

Нет, он не Шекспир, не Петрарка, не Дант,
Но важно призвание, а не талант,
И чем его жизнь тяжелей и бедней,
Тем выше и царственней небо над ней.

Любимая лжет или терпит едва? —
Ну что ж, тем прекраснее будут слова.
Да пусть уж судьба приберет и осла:
Ведь беды — фундамент его ремесла.

Вот именно. Таким вот образом. Инда побредем. Тихими-с стопами-с, как говаривал один из персонажей одного из романов «солнца жизни» жены его Анны Григорьевны.

3

По мне так тут самое время отклониться от того, что, в сторону того, *как*. Чтобы потом вернуться к тому, *что*.

В вышеприведенном стихотворении, амфибрахически мерном и афористически четком и звонком (что делает его похожим на хорошие стихи для детей или на переводы с «восточного», хотя ничего детского тут нет, а что до афористики в поэзии, то — при всем ее праве на жизнь — все эти надписи на кинжалах вроде «душа обязана трудиться» и «быть знаменитым некрасиво» (я понимаю, что это не назидание, а — самому себе, это исповедь, а не проповедь, — но как же навяз в зубах от частого исполнения в советские годы чисто 1-й концерт для ф-но с оркестром Чайковского, что меня не извиняет: виноват все равно я, а не Пастернак и не Чайковский, но куда денешься от самого себя, если «все же, все же, все же...») даже у очень больших поэтов вызывают у плохого («*Красный, с выпученными глазами и облизываюсь — вот я. Плохо. А что делать?*»: Розанов) человека с сильно развитым «духом противоречия»... как бы это сказать? Но тем драгоценнее исключения из общего правила. На мой приватный слух, эта вещь — из исключений, может быть, потому, что она обращена не к себе и не к читателю, а отсылает к герою, не ко «мне», а к «нему», меня ни к чему не обязывая, что и подкупает исподволь, не воздействуя на подкорку битьем по коре), — да, так в этом стихотворении кого-то не хватает, но так, что мы догадываемся «верхним чутьем»: этот кто-то — где-то тут, совсем рядом, хоть и играет пока в молчанку. Кто такой, не очень-то и мыслим без ослика в нашей культурной памяти? А много кто. От величайшего: Иисус въезжает в Иерусалим *на молодом осле, сыне подъяремной,* до малого мира сего — Санчо Пансы. А между ними все, кому не лень: от Ходжи Насреддина до князя Мышкина, вспоминающего (и не случайно), как он видел ослика в Швейцарии. До ослика по имени Бальтазар в великом в своей простоте фильме Робера Брессона «На удачу, Бальтазар!». До. До.

Но стоило помянуть осла и розу, как некто не названный из тени молча протягивает еще одно, третье слово. Ну, догадаемся с первого раза. Роза и крест. Черная роза в бокале в белом венчике из роз. И таскает осел мой усталый. Соловьиный сад.

Ну конечно же, между осликом и розой должен быть — соловей. Он только и может быть посредником между аристократической розой и плебейским ослом. Это он (уже не у Блока) «о розе поет в ночном саду».

А между тем соловей не упомянут здесь; более того, он Щиголь и не подразумевался (как она мне сказала: «Знала бы, что тут усмотришь прямую аллюзию, выкинула бы стишок»), но ведь мы вместе со всадником и осликом уже сами оказались в соловьином Саду российской словесности. В поле его напряжения, стягивающего ветви хоть и не названные, но неразлучные с того момента, когда очередной садовник привил их счастливо одну другой.

Одна гранд-дама русской поэзии (и за это — последний бомж в русско-домашней и русско-эмигрантской жизни) молила: *За этот ад, за этот бред — Пошли мне сад на старость лет!* Она почему-то так и не осознала до конца, до страшной своей кончины (а если бы до конца осознала, может, и не спешила бы с кончиной), что она и так — вчера, сегодня и всегда — уже в Саду, счастливая подданная Сада по праву рождения в нем (это как старший брат будущего старца Зосимы говорил перед смертью, что если бы мы только как следует осознали, что мы уже в раю, то тотчас бы и оказались в раю).

Мы в саду, куда зайти позволено всем, — но не без риска для каждого (*Все мне позволительно, но не все полезно*, — апостол Павел), — и не потому, что поверху стены (которой есть=нет, замечательное немецкое «яйн»: да/нет) пропущен охранительный электроток, но потому что Сад сам, весь, целиком находится в поле высокого напряжения. Сюда «вложились» и здесь пересеклись, переплелись высочайшие энергии, извлекаемые мастерами садоводства из энергетических возможностей русского языка. Высочайшие, но и тончайшие, не всеми ощутимые. Прогуливаться здесь можно спокойно: это не сунуть палец в розетку, — но если ты не отсюда, то сама нестерпимая скука, мигрень от здешних сиреней послужит эффективным наказанием.

Чтобы получить удовольствие от прогулки по Саду российской словесности, нужно в сущности очень немного: хоть как-то знать эту словесность и хоть немного любить ее. Это не большое усилие: природниться к родному. Всего-то — потрудиться узнать, кто есть Г., кто — П., а кто — Т. Зато потом... потом сам себе станешь сталкером цветущей Зоны, где сообщаются между собой бесчисленные сосуды, где все перекликается со всем и, откликнувшись и на твое *присутствие,* повернется к тебе раскрывающимся благоуханным бутоном в любое время суток.

В этом саду не расходящихся, а сходящихся тропок.

Все связи слов, смыслов, интонаций, синтаксиса, речевых жестов русского поэтического Слова никому (или очень мало кому, — близко к этому математическому пределу подходили, наверное, Тынянов или Лотман, но

вот ведь Тынянов не мог знать хотя бы «Рождественскую ночь» Пастернака или всего Бродского и т. д., а это кое-что меняет в самом устройстве сада, расположении его троп и соотношении его тропов) не дано знать. Но этого от нас, простых смертных, и не требуется. Достаточно кое-каких знаний и какой-никакой любви (а кто не любит слова-то? На всех кухнях только и делают, что говорят за чайком и чем покрепче: наслаждаются русским словом вприкуску-на-закуску. Это и иностранец, бывает, знает, вроде Сент-Экзюпери: *Единственная настоящая роскошь — роскошь человеческого общения*, — а уж у русского-то в массе своей пока еще никакой другой роскоши нет и подавно, — что, может быть, и хорошо, в смысле правильно: есть ли вообще в мире другая непреходящая роскошь? — это еще «будем посмотреть»).

И тогда, повторяю, каждому дадут свое.

Мне, например, совершенно неважно, что сам поэт и не думал о перекличке своего стихотворения с «Соловьиным садом». Важно, что он назвал по имени два слова из трех, а уж те сами сигнализировали в моем мозгу-сердце о неминуемом третьем. Приведя его в движение по прямому проводу.

Соловей.

А соловей, между прочим, по-немецки «нахтигаль».

«Бог Нахтигаль!» — взывает к нему уже не Блок, а из соседнего куста Мандельштам.

Который, между прочим, и сам себя именовал, и другие — щеглом. «*Мой щегол, что голову закинул?*»

А щегол-то по украински — щиголь.

Так не о себе ли она заплела всю эту цепочку?

Нет. Цепочку заплел я (но мне на тарелочке подали саму эту возможность). Оно, может, и несерьезно, но занятное это занятие. Игра на одной из дудочек, воспроизводящих пение и клекот птиц. В тех местах, где Моцарт, понятно, в птичьем гаме, а Шуберт, ясное дело, на воде (уточкой и селезнем?).

В не-пространственном, никакими километрами и гектарами не могущем быть измеренным саду-огороде у Щиголь свои шесть соток (это не важно, сколько соток, а важно, какой урожай ты с них снимешь: вся Бельгия — величиной ровно с одну Рязанскую область, а пять шестых своей сельхозпродукции отправляет на экспорт, как, впрочем, и Голландия, но это в сторону). И яблони там всегда окопаны, а грядки прополоты. Это аккуратный, ясно-четкий, хорошо просматривающийся участок поэзии, в котором (в которой) нет сорняков, и дышится в нем легко, даже когда речь идет о самом тяжелом.

Потому что у нее немалый набор инструментов, и она умеет им пользоваться.

Потому что это поэзия на базе высококачественной версификации, — «техника исполнения» для нее трудностей не представляет (каковая виртуозность куплена, — еще раз, — более чем вероятно, годами спокойного писания в заведомый стол, просто так, для себя; это такая полезная штука, когда «исполняют» не раньше, чем отыграв все первоначальные гаммы и все дальнейшее из музыкального обучения).

Я редко встречал (впрочем, может, это только меня, редко читающего стихи, и характеризует) за последнее время такое многообразие стихотворных размеров, жанров и пр., выбираемое и используемое каждый раз уместно — и разыгрываемое легко (но не «лех-ко»).

Это та виртуозная игра, что, повторяю, достигается пóтом и опытом (вот преимущество того, что знаешь и говоришь только о сегодняшних стихах, зная о «раньших» только то, что их накопилось много в дальнем ящике стола).

Ей-богу, не было бы никакой охоты вспоминать, что и я учился когда-то на каком-то из псевдофилфаков «нерушимого» и умел отличать ямб от хорея. Чего ради подставляться, корча из себя отличника литературной олимпиады, рискуя нарваться на окрик настоящего записного филолога: «А вот тут-то ты, парень, напутал, это не двойной пиррихий, а как раз четырежды спондей! Рановато тебе еще играть в наши греческие игры». Я могу напутать все, что угодно, ведь я все позабыл за тридцать с лишком лет незанятия филологией; но я должен как-то же, пусть полуграмотно, выразить свое частное удивление. Некоторые феномены, отдельные тройные сальтомортале как удивляли меня, так и продолжают удивлять.

Например, как Пастернак умеет укладывать абсолютно прозаическую фразу в абсолютно поэтическую, не меняя ни слова, ни одного знака препинания, безо всяких анжабеманов и тэпэ. Вот возьмем столбик и скалкой раскатаем в строчку: «Я в гроб сойду и в третий день восстану, И, как сплавляют по реке плоты, Ко мне на суд, как баржи каравана, Столетья поплывут из темноты». Абсолютная проза. А теперь опять скатаем в столбик. Совершенная поэзия. Да, конечно, здесь присутствует рифма, «даже две», — но вот и все; между тем наличие рифмы еще не обеспечивает то «единство и тесноту словесного ряда», которые, согласно Тынянову, есть фундаментальное отличие стихотворного языка. В этом смысле рифмованная проза возможна не менее, чем нерифмованные стихи. Пастернак же оборачивает прозу поэзией, просто переливая, скажем, вино из одного бокала в другой, — и там вдруг вино становится коньяком. А перельешь назад — снова вино вином.

Или вот как Варлам Шаламов из голых фактов, не позволяя себе никаких «художественных обобщений», изготовляет именно что художественней некуда «Колымские рассказы».

Не равняя Ларису Щиголь с великими (это делает время — или не делает), в ее случае я испытываю удивление принципиально того же порядка: каким образом вещь одного рода без видимого алхимического процесса, без манипуляций иллюзиониста просто так на твоих глазах превращается в другую, без малейшего зазора, до полного слияния, — а ты и не заметил, как и когда оно — того...

Повторяю, это чисто мое, но я свое и пишу. Да. Ну а вдруг еще у кого совпадет...

Например, у меня издавна свое отношение к дактилю. Для меня дактиль с давних пор увязывался с протяжным, длинным, унылым. Гениально унылым некрасовским: *Еду ли ночью по улице темной...* И все такое.

А вот читаешь уже знакомое нам: «*Как по ухабистой горной тропе*», — а там, между прочим, подзаголовок: «*Исполняется на мотив песни "Ехал на ярмарку ухарь-купец"*». То есть эта мрачнющая вещь, кончающаяся вороньей,

вороной, вороненой скукой от нехватки рабочего материала, должна, наоборот, петься на ноте до взвизга разухабистого веселья, однообразно, но однообразно забубенно. На мотив *пляски с топаньем и свистом под хохот пьяных мужичков.*

Тут я понял не только то, что все дактили разные, — это я понимал и раньше, и сколько угодно примеров мог привести, но понимал умом, а в сердце засела некрасовская заноза, — тут я даже не понял, а непосредственно прочувствовал... Пропев эти стихи на мотив означенной непристойной песни, я прочувствовал, что стихотворная поступь стиха абсолютно сливается с поступью музыкальной, такт в такт, слог в ноту, а затем переходит в поступь пьяно-размахайского танца. И я заплясал, затопал и захлопал, сидя на стуле. А потом, отдуваясь, опять посмотрел на лист бумаги: нет, нет ничего в них размахайского, удалого, а все жестко и четко, от версты к полосатой версте. Снова сухо защелкал метроном. Снова четкий дактиль — три четвертых дактилического вальса, только повороты отмечаются не носочком, а каблуком.

Стихотворение «Дунайские волны» написано, что самоочевидно, не дактилем, а анапестом. Но проделывает тот же колдовской номер. Тут уж все вальс, и только вальс, и вальс о вальсе:

А в саду городском, а в саду городском,
Там дорожки посыпаны белым песком,
Небеса источают полуденный зной
И деревья качает дунайской волной,
Золотые тромбоны на солнце блестят,
И мальчишки вдогонку влюбленным свистят,
А сумевшие скрыться под сень колоннад
Из бумажных стаканчиков пьют лимонад.
И пока там обеты дают на века,
И пока там конфеты жуют из кулька,
Их уносит не видимой ими судьбой
За не виденный ими Дунай голубой,
И пока там сгущаются тени, в саду,
Их заносит забвеньем, как тиной в пруду,
И хоронят, хоронят, хоронят живых
Под далекое эхо музык полковых...

Тут нет, в отличие от предыдущего стихотворения, противоречия между темой и мелосом. Там напряжение создавало именно это противоречие. Здесь о вальсе и говорится, вальсовой мелодией и исполняется. Но опять стихотворный трехстопный размер — теперь уж анапест — влипает в музыкальные три четвертых вальса — до полного тождества слова и звука. «*А халат на мне — ну прямо в аккурат, прямо будто на меня халат пошит*», — пел один из здешних садоводов. «*Как в пулю сажают вторую пулю*», — писал другой из здешних огородников... Килограммы неведомо как и когда превращаются в километры. Если читать эти стихи вслух отчетливо без музыкального сопровождения, под них можно вальс танцевать.

И только тогда, слившись с танцем, побыв под его чарой — и выйдя оттуда, сойдя с круга, все того же колеса, — только тогда понимаешь: вальс — это

круг забвения, похороны не мертвых только, но уже и живых, если забыты. Речь, конечно, не о Вене, а об оставленном Киеве, а может (генетическая память?), еще и о предвоенном Киеве-до-Бабьего Яра, а то и («коллективное бессознательное»?) о предвоенном Киеве-до-августа 14-го (запросто могу ошибиться, но в памяти мгновенным уколом на пароль анапеста Щиголь, ее «музык полковых», отзывается другой анапест: *Петроградское небо мутилось дождем, На войну уходил эшелон*, — пришедшие после августа 14-го, где-то в 16-м, вести «*с галицийских кровавых полей*»). Счастливо приручённые «Дунайские волны» на балах в Венской опере — еще не все о вальсе. То-то его Пушкин называл не только «однообразным», но и «безумным»: это ведь его «вихорь шумный» не глядя сгубил Ленского, а потом тот же вихорь безумного вальса влюбил-погубил и Анну, и Вронского.

Помирать, так с музыкой. Или *от* музыки.

Но это ведет нас уже к прозе типа той «Крейцеровой сонаты». Прозаика все на прозу тянет, как беременных на солененькое. Дай только о чужой прозе порассуждать, вместо того, чтобы какую-никакую, а свою писать.

Не будем поддаваться соблазну. Вернемся к поэзии.

Музыкальны стихи Щиголь всегда — и если не мелодической линией, то музыкой собственно слова, то летящего, перисто-легкого, а то форсированно-«затрудненного», тягуче-тяжелого, чтобы мы ощутили, «взяв на прикус серебристую мышь», каково приходится едва живому доходяге, когда дело — к зиме. Взять и заменить чаньское «Звуки Му» на щигольское (но не щегольское) «Звуки Ме...». Если бы последний остаток зубной пасты, выдавливаемый из тюбика, умел издавать звуки, он бы, вероятно, это «ме...», означающее конец его существования, и издал...

Какая бы интонация ни преобладала у Щиголь, от трагического полного серьеза до иронии, переходящей в полный сарказм, от полу-одической («*Империя — эфа, гадюка, гюрза, Удав, анаконда, стервоза, — Зато у нее золотые глаза И грозная сила гипноза*», — замечательно двуликое, — но не двуличное, — определение сегодняшнего неприятия имперского начала вкупе с ностальгией по нему) до откровенно смехаческой, она всегда оборачивается музыкой, не музыкой слов, а прямой музыкой. Музыка — прямая неизбежность наблюдаемого почтенного автора, кажется иногда, независимо от него самого. А почему?

Если меня спросить, только — по кочану.

«Божественный Людвиг» Витгенштейн: «*Загадки* не существует. Если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить».

Конечно, можно. Если подумать. Как следует. Но не хочется. Зачем портить себе удовольствие.

4

Следующее. В поэзии Щиголь довольно часто возникает чужое слово, не закавыченное, т. е. взятое как свое.

Т. е. это — центон? Любимое средство нашего поэтического постмодерна вот уже как двадцать с хвостиком лет — от Еременко и Кибирова до самых до окраин?

Никак нет.

Центонирование у названных и неназванных возникает на совершенно ином основании и преследует иные цели. Это игра с чужими словами как со своими, что закономерно ведет к обращению со своими как с чужими. Это отчужденное от автора (если в постмодерне, с его абсолютизмом Текста, сюзерена, бесконечно пишущего себя через того или другого вассала Текста, с его идеей «смерти автора в тексте», вообще можно говорить о самостийном авторе) свое слово — и при-своенное чужое. Тут всегда дистанция, зазор — и игра именно в поле зазора. Очень условно можно сравнить центонную поэзию с джазовым джем-сэшном, где на взятую знакомую всем музыкантам как пять пальцев «классическую» джазовую тему, т. н. «стандарт», все импровизируют по-своему, — отличие лишь в том, что джазмены импровизируют по очереди — и так ведут неспешную беседу, тогда как в поэзии такого рода все должен делать один человек — и тему задать, и вплести самому несколько импровизов: впустить во время развития темы сразу несколько чужих голосов, да так, чтобы они сплелись органично, да еще и «тему раскрыли».

А может быть, точнее сравнить поэта-«центониста» с теннисистом, играющим с самим собой: посылающим в стену мяч как чужой, от лица противника, и отбивающим мяч, отскочивший от стены, уже от имени самого себя.

Центонировать можно не только словами, но и чужой (всегда узнаваемой до намеренной полной маркированности) интонацией, фразировкой, синтаксисом. Все можно при наличии определенного класса мастерства. У нас в центонированной поэзии тоже есть свои Паркеры и Гиллеспи, но, увы, мы так и не узнаем, местного уровня или мирового: попробуй-ка съедобно, чтобы читали и помнили, как мы помним 66-й сонет Шекспира и в переводе Маршака, и в переводе Пастернака, вот ты и попробуй адекватно переведи на другие языки текст, где участвует, помимо собственно «авторского», сразу несколько голосов, даже по отдельности-то трудно переводимых (Пастернак, Цветаева, Мандельштам, — и туда еще вплести советских песен и молодежного слэнга и тэпэ). Это может быть только местным (но с место в одну шестую земного шара), непереводимо, но от этого не менее несравнимо живущим явлением.

В нашем случае — совсем другой случай.

Во саду ли в огороде — Щиголь работает на своем участке, окапывает свои деревца и сажает луковицы только своих цветочков. Т. е. — говорит только своим голосом. Это не беседа, а монолог. Не джаз, а сольное исполнение... сказать классической музыки — это ничего не сказать: во-первых, Щиголь не классик, а во-вторых, и джаз, и рок успели породить свою классику... — скажем, филармонической музыки.

Но ее шесть соток — неотъемлемая частица неизмеримо громадного сада, больше чеховского вишневого, о котором Бунин говорил: сразу видно, что Чехов не дворянин, во всяком случае — не помещик. Тысяча десятин вишневых деревьев (что-то вроде 50 000, а то и 100 000 вишневых деревьев?) — такого сада просто не бывает.

Бывает. Места надо знать. Тем более, что сказавший это сам жил, и живет, и будет жить в Саду неизмеримо большем, чем какие-то 1000 десятин.

И поскольку Щиголь внутри этого Сада (чье гражданство, на худой конец, ПМЖ, грин карт, хотят иметь многие-премногие, а хоть ты что, как только ни лезь из кожи, как умело ни версифицируй, остаются только посетителями, туристами, — в саду нужно родиться, даже не зная, иногда до седых волос, что ты родился поэтом), постольку она — сообщающийся сосудик со всеми другими сообщающимися сосудами, великими и невеликими («важно призвание, а не талант»). Тут все — одной крови, пусть и четырех ее разных групп, тут все питаются соками одной и той же почвы, чернозем это или суглинок; тут одна система орошения для всех. В этой бесконечности, как ей и положено, согласно теории множеств Германа Кантора, некогда, говорят, задумавшегося о Св. Троице: как это три может быть равно одному? — любая, самая малая часть равна целому.

И когда Щиголь не то чтобы не найти нужного слова, а вот когда она явственно сознает, что это нужное слово уже сказано, самое точное, самое... словом, лучше этого слова нет и быть не может, и не надо другого искать, чтобы не испортить, — тогда она берет его из протянутой руки кого-то из остальных, до нее населивших сад. Собственно, она не берет его, а оно, это слово, само устремляется к ней. Чужое? Это как сказать. Если представить себе на минуту некое единое тело, некий организм всей русской поэзии, русского поэтического Слова (как всякий церковный человек знает, что Церковь есть единое мистическое тело Христово), то вот, человек порезал всего-навсего палец, и что, спрашивается, у него один только этот палец и болит, там, где порез, а все остальное тело спокойно отдыхает? Нет же, человек чувствует, что весь его организм всеми своими нервными окончаниями устремился туда, в точку боли, он весь болит в этой крошечной точке. Спрашивается, боль в одном пальце для остальных пальцев — чужая? Никак нет. Она всей руке своя, а рука эта — всему телу...

В этом смысле чужое слово у Щиголь никак не остранено. Оно — ее, свое слово. Оно ею не при-своено, как присваивают чужую собственность, а у-своено и о-своено как общее, коллегиальное, совместно нажитое достояние насельников сада. По закону сообщаемости кровеносных сосудов.

Поэтому она имеет право — не играть с чужим словом, нет, а — оборачивать его, свертывать или развертывать («Рояль дрожащий — под седло», — метафора Пастернака «Рояль дрожащий пену с губ оближет», где рояль сравнивается с конем, и так свернутая до предела, разыгрывается ею дальше: коли конь — так под седло его, — и еще более, чем у Пастернака, сворачивается сугубо, выводятся за скобки и вспененные губы: кто помнит, тому объяснять не надо, да и некогда, мы уже в седле — «и в путь, зимою»; ох, и славен этот «зимний», шуберто- (*Поскольку «Зимнего пути» Нет лучше в мире*)-некрасовский «путь», путь многих славных, а лирическую героиню стихотворения он ведет на вполне решпектабельную работу: уборку общественного туалета в Мюнхене: *Авось свинья не сгложет нас, Равно как мойры А в среднем там выходит в час Четыре ойры* (по-немецки будет не «евро», а «ойро»)).

(Помимо прочего, она потому только, может быть, и чувствует, что имеет право заговорить от себя — чужим словом, что относится к нему крайне почтительно: как правило, выделяя его курсивом; я бы сказал, она относит-

ся к нему целомудренно — до такой степени, что даже не смеет договорить, скажем, тютчевскую строку как свою — до конца: «*Легко сказать, что на исходе дней Нежней мы лю...*»).

То же относится и не только к чужому слову, но и к интонации, самому ритмическому рисунку, шагу или полету, — словом, к самому дыханию стиха, синусоиде вдохов его и выдохов.

Дивное, оперенное, пусть и не «двойною рифмой», стихотворение «Летейские воды»:

Это не смерть к нам приходит, пугая,
А начинается просто другая
Жизнь. Но сбывается: мы — это мы.
Там, за рекой, в залетейской долине,
В смутных и нежных пространствах Беллини
Видятся гроты ее и холмы.

Волны в борта ударяют неслышно,
И наполняются музыкой вышней
Сферы: Вивальди, а может быть, Бах.
Взысканы лаской нежданной Господней,
Так и уходим — в рубашке исподней,
С розовой пеной на бледных губах.

Так начинается новая эра,
И от Сан-Марко ведет к Cimitero
Длинная стрелка: тончайший изгиб.
И удаляются здешние метки:
Дворик в тени, черно-белые клетки,
Райские яблочки, пухлые детки —
Но, растворяясь, никто не погиб.

То ли мы к рощам причалим лицейским,
То ли к цветным куполам веницейским —
Но под знакомый и ласковый кров.
И уплывают в лазури густые
Легкой толпой облачка золотые —
Общие, видно, для многих миров.

Здесь все очищено от того, что Мандельштам называл «веницейской жизнью мрачной и суровой»; перед нами — не мрачно-некрасивая изнанка, а прекрасный фасад — то, за что любим (а не то, за что не любим, — мне знакомо и то, и другое чувства) Венецию, — то, за что любил ее, в частности, поэт, которому и посвящено стихотворение. Оно ведь не просто из цикла «Памяти Бродского», — перед нами, в сущности, его последний путь: в гости на остров Сан-Микеле, венецианский погост. Да и увидено, в сущности, его глазами: его когдатошнее, молодое: «*Нас ждет не смерть, а новая среда*», — реализуется здесь: вот он, живущий уже в «новой среде», видит и водную процессию похорон его же бренного тела, как видит и все вокруг, — увиденная картина наложена на писаную картину Джованни Беллини, которую

именовали «Озерная мадонна», но сейчас, кажется, остановились на названии «Души чистилища». Беллини здесь — вся «смутная и нежная» созерцательность венецианского кватроченто, сопровождаемая, однако, бурным, деятельным и пышным барокко Вивальди и, «может быть, Баха» (правильно, тут осторожно, — Бах под вопросом: он из времени барокко, из музыки барокко, но какого-то не только высотного взлета, но и глубинного погружения, во всяком случае не венецианского барочного розлива).

Зрение Щиголь напряженно пытается увидеть все зрением своего героя, зрения-новой-среды (это ее постоянное «мы» здесь — усиленная попытка перевоплощения в умирающего-умершего-не умершего-сменившего среду обитания героя, но перевоплощения до конца, до слияния без остатка невозможного в этой земной среде, расколотой на индивидуальные тела и души, пристального зрения как попытки слияния «объекта и субъекта», авторского «я» и «я» «его», героя — в «новой среде»).

Сам Бродский не уточнил, что он понимал под «новой средой», ну, бросил словцо и занялся следующим, как оно у поэтов водится; вообще покойный, как известно, верующим человеком в строгом смысле не был (я бы сказал, и скажу ниже, в куда более строгом смысле он был неверующим), поэтому вполне возможно допустить истолкование этих слов словами поэта Элюара: *Есть мир иной — он в этом мире.*

Но есть и такая христианская концепция, — одна из, — согласно которой Небеса и новая Земля — это будут наши же небо и земля, но преображенные, в ином виде. Инако-вые. И тогда все ино-ки в этом мире (а поэтов, пусть не всех, пусть не вполне, но хотя бы отчасти, хотя бы в своем роде, можно причислить именно к инокам), они в том — прописаны постоянно.

Щиголь, впрочем, исходит из опять-таки иной, нежели ортодоксальная, мысли (вряд ли, вообще, за отсутствием интереса к «леригии», она осведомлена, что мысль эта — Оригена и осуждена Церковью; вряд ли, когда писала, помнила и о том, что именно за идею множественности миров не в последнюю очередь был осужден Джордано Бруно; но в художественном мире, строго говоря, нет места ереси: это иной срез, не понятийный и не вероучительный, а... словом, опять же и-ной): множество миров присутствуют в одном мире, и его обалденные облака присущи всем этим множественным мирам (и всем этим множественным венецианцам: золотые облачка на прозрачном венецейском небе свойственны молодому Тициану и Веронезу, а позже Тьеполо и Каналетто не менее, нежели Беллини; но это — в сторону).

Но что объединяет все эти отчетливо прописанные мелкие детали? Само плаванье этой процессии и тончайший изгиб стремительной стрелки, оставляющий детали одну за другой позади до неразличимости, взгляд из похоронной ладьи, — и летучесть взгляда на саму эту процессию, птичий, панорамирующий взгляд — автора-героя (это тот редкий интересный случай, когда лирический герой «вырастает» не из самого автора и соотносится не с автором, а с другим). Тут пересекаются, напрягая и нагружая друг друга, два взгляда: «нижний» — медленно плывущей траурной процессии, везущей мертвое тело, и «верхний» — летящей освобожденно от земного мертвого тела души-птицы. Отсюда это полногрудое ды-

хание воздушной стихии, затрудненное, однако, усилием пловцов, с усилием рассекающих волны.

По легко-тяжелой полноте и мощи голоса, скажем так, по мощи выдоха из грудной клетки и силе гортани, выдыхающей эти паряще-летуче-плывущие строки, — вещь эта, ИМХО, должна быть причислена к лучшим созданиям сегодняшней поэзии.

А между тем, не слышится ли, когда мы отойдем от гипноза текста, не слышится ли в нем некая знакомая интонация? Еще как. От и до.

Это один к одному «Пироскаф» Баратынского — во всем решительно, кроме такого пустячка, как словесно-смысловое наполнение.

Это его полногрудая мощь, это его водяно-воздушная стихия «влажного бога»:

Много мятежных решил я вопросов, Прежде, чем руки марсельских матросов — и т. д.

Опять дактиль. И какой. И какой другой.

Но почему о Бродском — и по-баратынски?

Тут-то на память приходит одна из бесед Бродского с Соломоном Волковым, та, где он говорит, что предпочитает Баратынского Пушкину. Это, конечно, фирменный такой номер, то еще ленинградское «сайгонство», — ну и пусть себе, дадим гению попижонить, он тоже человек: устанешь тут, полезши за рубашкой в комод, вот и оттягиваешься, как умеешь.

Но это не только пижонство: тут же он цитирует «Запустение» Баратынского и выделяет особенно любимую им строку: «*...где я наследую несрочную весну*». Я прямо слышу, как вкусно он произносит эту фразу, как она, виясь и скатываясь на своих «с» через его округло-картавое «р», истекает из его рта, как дым «белой сигареты» после самой вкусной и любимой, самой первой утренней смертельной затяжки. И более чем могу себе представить: не то, что Баратынский для него более велик, нежели Пушкин, а то, что этот стих Баратынского ему дороже любых других отдельных строк, даже пушкинских. И не только потому, что она и впрямь волшебна, — у Пушкина волшебных фраз не считано, — а, ИМХО, потому, что удивительно выражает, нет, просто несет в себе ту форму веры... или нет, точнее, мистики без веры, нет, точнее... ну, я не знаю, как бы еще точнее... словом, если есть мировоззрение, если есть мироощущение, то — нельзя сказать «веро-воззрение», но можно мне сказать так — веро-ощущение? Вот так и выразимся.

Через весь корпус «трудов и дней» Бродского (я не случайно говорю о нем, хотя пишу о другом поэте, — об этом позже) проходит пунктиром: желание веры, невозможность ее обрести — и честный, мужественный отказ от нее. Мужественный, — потому что неверие ввергает его в состояние, которому один поэт дал название: «Звездный ужас», — а другой, больший, этот ужас воплотил. А чтобы так его воплотить, как это удалось Бродскому, нужно сполна пережить это состояние тотальной, космической «неудачи». И тем не менее он выбирает — честно жить в состоянии пожизненного ужаса, но не лгать самому себе, что обрел Бога и веру в жизнь вечную.

Но и живя в состоянии запущенного, хронического ужаса, бывает, — кто чаще, кто реже, бывает, сталкиваешься в себе с перфорацией, с пресло-

вутым набоковским «метафизическим сквозняком», и вот, когда *птица уже не влетает в форточку*, — в твою душу, напротив, залетает ветерок надежды, а то и некоего подобья веры. И когда живешь в этом состоянии годы, — и вдруг нет-нет, да и «пробьет искра» ино-мирного, — как должно быть отрадно это пусть подобье веры. Пусть веры не строгой, не стойкой, бледной до прозрачности: веры не в Бога, не в Суд и воздаяние, не в полноту вечной жизни, а вот именно в неполноту вечной жизни. Полуверие в полужизнь. Полнота — это лето. А призрачно-прозрачная «несрочная», бессрочная весна уведет тебя после смерти в «новую среду», иную жизнь, пусть и не даст ее полноты: бессрочная весна не может перейти в лето по определению. Собственно, перед нами чистилище, — во всяком случае, так Джованни Беллини описывает его (интуиция Щиголь и тут верна, хотя она и соединила в памяти своей название главы муратовских «Образов Италии», посвященной именно этой вещи Беллини, «Летейские воды», с нынешним названием самой картины «Души чистилища»). Бродский вполне мог бы сказать не только о том, во что он верил бы, если бы верил константно, но и о себе самом словами того же любимого Баратынского: *Я из племени духóв, но не житель Эмпирея.*

Когда покойный писал: «*Нас ждет не смерть, а новая среда*», — ему было что-то двадцать шесть. Любил ли он уже тогда Баратынского — и особенно это место о «несрочной весне»? Или сколько-то спустя влюбился в него, конгениально узрев гениально изъясненное «кредо»? Скажем, совпал пунктирный момент «пробития искры» в его душе с размышлением об этой строке?..

«Но что характерно»: г-жа Щиголь решительно утверждает, что, когда она писала эти стихи, никакого такого Баратынского ни в памяти ее, ни еще как-то «и рядом не стояло». И, уверяю возможного читателя, у меня есть веские основания ей доверять. Не думала она о «Пироскафе», а думала о любимой своей картине Беллини, — и тут сквозь ее призму все и увидела, что написала.

Да ведь нам какая разница: думала — не думала, а написала вещь, сопрягшую тихого Беллини и громкого Вивальди, вышнюю музыку — и исподнюю смертную рубаху, мощно-ироничного Бродского и нежно-серьезного Баратынского; вещь, узревшую «внезапную» Господню ласку в розовой пене предсмертной агонии на бледных губах (тут вспоминаются слова не известного Щиголь, за отсутствием интереса к.., — см. выше, — покойного митр. Антония Сурожского о «*беспощадной любви Божией*»).

Ибо залетейский этот полет, не перестающий ликовать, кажется, на одной светлой ноте жизни, совершается на самом деле через сальто-мортале мучительного умирания, ужасающего входа в смерть. Это стихотворение — одно непрерывно-прерывистое пре-ставление, да еще по ходу успевающее следить за собой, поэтически формулируя мебиусову петлю перехода из радости в ужас и из ужаса, из боли и розовой пены на губах в элегическую, светлую кантилену... В страну Залетейю.

Повторяю, если ты родом из Сада, можешь не знать вообще или не вспомнить в нужный момент о таком-то или таком-то из других его насельников, — они сами придут, когда слышат: затевается что-то, что без них не

обойдется. И Баратынский, не раздумывая и не обижаясь тем, что и другой, нуждающийся в нем, о нем не раздумывает и не вспоминает даже, возникает там... или нет, как бы это лучше... ну, не «обналичивается» же!.. словом, возникает там, между двумя, где его-то, только его, третьим как раз и ждут и где он третьим безусловно будет.

Но вот еще что любопытно: в «Летейских водах» этот полет к месту упокоения праха есть ликующее торжество самой себя являющей (невзирая на осторожное авторское «может быть») вечной жизни тогда как вальс «Дунайских волн», столь же летучий, отодвигает увиденное в смерть (как у Кустурицы в финале его «Подполья» оторвавшийся от всего прочего материка Европы и уходящий по воде во «всегда» островок пляшущих и палящих в воздух из пистолетов героев, напротив, являл досадно-счастливое бессмертие всей этой славно-убийственной и самоубийственной цыганщины-боснийщины).

В бесполезную попытку одной человеческой памятью преодолеть Забвение.

Странно, как все меняется местами: панорамный полет, налет на самое смерть парадоксально ее оживляет, а упорная попытка памяти оживить уходящую живую жизнь Киева в «Дунайских волнах», стремление дотянуться, притянуть ее к себе ее только убивает. Умерших нельзя вернуть одной лишь залетейской памятью, ею лишь определишь окончательно мертвую жизнь по разрядам и ближним и дальним ящикам, а вот достигший смерти на самом деле, в пределе «самого дела», — оживает.

5

Несомненно, Лариса Щиголь из тех поэтов, что немыслимы без влияния Бродского. Причем в данном случае не просто влияния, а, скажем так, Щиголь из принципиальных... необродскистов? — не очень благозвучно, смахивает на «неотроцкистов» или, — сегодня так и просится на язык, — неочекистов; ну, тогда пусть это будет «бродскианство». Щиголь эту «бродскую» влияющую-составляющую не то что не скрывает, а декларирует, откровенно вводя то его синтаксис, то саму манеру превращать прозаический дискурс в поэтический мелос (ну невозможно сюда вместить еще и иллюстрации этого тезиса, так что прошу уж поверить на честное слово). Это не кажется у нее эпигонским именно потому, что программно, а программно — потому, что для нее поэтика Бродского, его фундаментальные ноу-хау важны не сами по себе, а *как такой* именно способ чувствовать и понимать. А точнее — *так* мыслить и оттого-то и страдать. Это тот самый случай, когда кожей чувствуешь, читая, например, «Александрийский квартет»: до чего же временами Л. Даррелл — Пруст! И в то же время — до чего ж это сам Даррелл. До такой степени, что если бы Пруста не было, Даррелл все равно пошел бы именно «в сторону Пруста». И ты знаешь точно: это не плагиат. Это правомочное пользование точными данными разведки. Даррелл имел право, если не обязанность, быть в некотором смысле Прустом, чтобы стать в полном смысле Дарреллом.

Это освоение не чужого приема как своего, — а все равно кем, но открытого, наконец, долгожданного модус вивенди.

От того, *как*, вернемся снова к: *что*.

Оно и необходимо в нашем случае, когда говоришь о Бродском. Бродский, еще раз, — не просто значимая веха у Щиголь. Его поэтическая фигура для нее в ряду даже самых главных — интимно главнейшая. Потому что поэтическая судьба его определяет собой, да нет, она сама есть та линия огня, на которую вышел он — и в его лице целая популяция и поэтов, и читателей-почитателей.

Эта линия-тема — жизнь без Бога. А точнее, после «смерти Бога». Стояние перед лицом смерти без надежды на жизнь вечную.

Эта тема в русской лирике берет если не начало, то осознание себя как серьезнейшей — в беспощадности последнего катрена Державина, и продолжается бесконечно. Но, начиная с Бродского, она, по словам самой же Щиголь (в моем разговоре с ней), отчетливо меняет смысл: «Да, так *было* или *бывало*; но после Бродского — так *стало*». Трагическая линия смерти в русской поэзии — это линия смерти «с Богом». Поэт может верить — генетически или сознательно, может сомневаться, вопрошать, слыша или не слыша ответ, может восстать против Создателя, объявить Его несуществующим, но — если Его нет, то без Него — нельзя. Нельзя жить даже не без помощи Его, но — без абсолютного смысла. Нет Бога — нет Смысла; и вот атеист-пантеист Заболоцкий мучается, пытаясь утешить себя, отыскивая смысл в метаморфозах бытия, будто стать после смерти землей и всем, что она производит, может быть смыслом, спасением от уничтожения личного «я». Нет смысла — хоть вешайся (страшный конец Цветаевой или Есенина, за которыми стоит опустошающая серия личных трагедий — или трагедия саморазрушения личности, — при всей своей сложности коренятся в самовольном отказе от Бога, а то и в восстании на Бога). Нет смысла — и разрушь себя, сказав при этом: «И никто нам не поможет. И не надо помогать». Нет смысла — и «нет в творении Творца, и смысла нет в мольбе». И глядишь «в эмалированное небо, как в опрокинувшийся таз». И даже в заветные минуты, когда «пустыня внемлет Богу», — тут-то и хочется забыться и заснуть — живым — навеки. Нет смысла — приговор самому себе: самоубийство Свидригайлова. Нет Бога — «тогда я сам — Бог», что самоудостоверяется лучше всего, как в случае самоубийства Кириллова, способностью самому лишить себя божественного бытия.

Все прекрасное и страшное, что было написано у нас о смерти, основой своей имело широчайшую амплитуду от веры к неверию, между которыми проходит ток высоковольтного напряжения.

Стояние Бродского есть стояние «после безбожия»: в точке нуля. Традиция веры и даже неверия прервалась. Мы живем в плюсквамперфекте: не в прошлом, — в прошлом после еще более раннего прошлого. Мир вывихнулся («Бог умер»), а потом на собственный страх и риск вправил вывих («да Его и не было никогда, несерьезная какая-то тема»), — с тех пор давным-давно уже живи как хочешь: это *до нас* было, спор о Боге и все такое, сколько воды утекло, мы теперь другими вещами заняты, даже когда вспоминаем о Боге и в Рождество разносим прилавки из-за банки кофейной халвы. Стояние Бродского — не постоянная борьба с собой или с Богом. Стояние его — его альфа и омега: Бога нет, а ежели Он и есть, то нами не озабочен

и нам не ответит. Если Он есть, то только как Часть Речи. Чьей? Это «не философский вопрос», как сказал бы Витгенштейн, это вопрос языка; согласно Витгенштейну, «о чем невозможно говорить, о том следует молчать». Но что делать поэту, мог бы спросить Витгенштейна Бродский, если само дело его — говорить даже о том, чего (Кого) нет, а не молчать? Хороший вопрос. Попробуй ответь. Вся поэзия Бродского — попытка ответа.

«Бродскианство» — это такой вид мужества, не опирающегося на надежду, что подмога придет, нам бы только день простоять да ночь продержаться. Здесь каждый прожитый день, каждая минусуемая ночь приближает к Абсолютному Нулю. Вот тут ты и постой. Тут ты и продержись, братец, только затем, чтобы следующий день опять простоять, — а наступившую ночь опять продержаться.

Это жизнь перед лицом Миноса, которого тебе, Тезею, дано победить, и Минуса, который победит тебя так же запросто, как и всех остальных. Жить с этим, жить с тем, с чем жить нельзя, — будто просто живешь-поживаешь, — это стоицизм особого рода, описанный Камю в «Чуме», но мало кому данный из его героев. Это понятно. Некоторые вещи вообще проще понять, чем жить с ними.

6

Поэзия Бродского — мужская. Это поэзия нового древнего героя, обреченного погибнуть, знающего это — и пьющего свою чашу до конца. Бродский — это трагедия нового Прометея, пытающегося унести огонь с небес и наказанного уже самим мучительным сознанием того, что огня не существует, если небеса пусты.

Поэзия Щиголь — женская. Она и мужественна по-женски. Ирония ее вроде бы — тиха. Почти академически невозмутима:

Я теперь живу — или что-то вроде
В благодатной Германии — и твержу *теленок в подклети.*
Странные овощи появились в их огороде —
Видно, сильно заблудшие в прошлом тысячелетье
Окаянные души они спасают.

Я теперь *европеянка нежная* — или что-то вроде
(Ничего, перемелется — будем вполне едины).
Тоже, знаете, чуден Рейн при тихой погоде,
И редкая палка долетит до его середины,
Потому что их туда не бросают.

Пишу этот абзац в Кёльне, как раз на диком бреге Рейна, и могу подтвердить: не бросают. И вообще весь этот текст — одна хорошая учтивая улыбка, но и худая ехидная ухмылка. Как где-то у Розанова что-то такое: что лучше всего? Лучше всего умному русскому человеку в глаза посмотреть и ничего не сказать. И он тебе ничего не скажет, а оба вы друг друга поймете. Вот это вот самое пускай и будет — «мое прочтение стихотворения».

Да, тихая, легонькая такая ирония (*А что чекисты лезут в главари — Так там зимой такие снегири, В кадушке — грузди, в погребе — картошка, В лесу брусника, клюква и морошка, А уж черники — и не говори*).

Но вдруг оборачивается из-тиха, не повышая голоса, — слегка, но отчетливо — страшноватым оскалом:

Остановка на Дахауэр-штрассе

На улице Дахау
Сижу и отдыхау
И пью не просыхау
Дешевый апфель-шорт.

А улица Дахау,
Когда была плохау,
Вела без ноу-хау
На мировой курорт.

А до последней трассы
Жильцам известной расы
Пороли здесь матрасы
И били зеркала.

По улице ходила
Большая крокодила —
До первого угла
Дошла и умерла.

(Да и помянутая уже авторская преамбула-рекомендация — вместо эпиграфа — исполнять приведенное в начале «*Как по ухабистой горной тропе...*» на раздолбайский манер непристойного «Ухаря-купца» да «Ваньки холуя» — несет в себе зловещий сарказм изнанки русской трагедии, вековечно оборачивающейся однообразно-безобразным фарсом. Она мало того, что славна гробами да воронами, она при этом еще и всегда смешна своим разгуляйством и взбутютениванием; все кровавое и гибельное в ней творится чаще всего как именно такой вот «*праздник с топаньем и свистом*» (который я, например, в отличие от автора «Родины», совсем не готов смотреть до полночи: трех минут этого бесконечного дежавю достаточно, это тот праздник, который, к несчастью, всегда с тобой), как обязательная праздничная, счастливая в кровь драка на свадьбе или гражданской войнушке, как... в общем, каждому есть что вспомнить; на всех хватит, как все это смешно и как невесело: все мы родом из этого детства-погроб-жизни).

Эта дорогого стоящая сдержанность в мертвый сезон уходящих один за другим близких... вообще всего уходящего безвозвратно... Велико искушение привести здесь целиком одно стихотвореньице, слишком длинное для цитирования: «частями» оно — «не оно»... нет, даже выпив 130 грамм эфирной валерьянки, не могу не поддаться соблазну, — и не секите мечом повинную голову, в конце концов, можно ведь просто пропустить — и читать далее. Итак:

Вариант сюжета

Я поймала золотую рыбку,
Ничего у нее не попросила,
Только бросила взгляд высокомерный:
Мол, не стану я до просьб унижаться —
И пустила в синее море.
Это было, видно, рыбке обидно,
Что могуществом ее погнушались
И пытались превзойти высокомерьем,
Но сперва она не подала виду.

То есть стала, как ни в чем не бывало,
Приносить мне из моря подарки:
То жемчужину с картошку отыщет,
То монисто из красных кораллов,
То, глядишь, лежит дублон на песочке
И сияет, как маленькое солнце.

Я никак ее не благодарила,
Ну, не кланялась, челом ей не била,
Только старое разбитое корыто
Заменила балией новой,
Оцинкованной и очень обширной,
И стирала в ней, по-прежнему прилежно,
Стариковские порты и портянки
И другие мелкие вещи.

Прясть же пряжу я сроду не умела.

Ну, подумала рыбка, поглядела,
И не сразу, но тактику сменила:
То заезжий знаменитый профессор
Мне нечаянно в любви объяснится,
То в столичном публикуют журнале,
То привидится сон несказанный,
Что гуляю я по райскому саду,
Ем без счету райские гранаты
И выплевываю косточки на землю.
А однажды заявилась с бутылкой
(Банку шпрот от сердца оторвала)
И рыдала о доле златорыбьей,
Вопрошала на предмет уваженья
И пыталась прыгнуть с балкона.

Я и тут ее не благодарила,
Ничего у нее не попросила —
Даже пряник какой-нибудь печатный:
Ничего, обойдусь, мол, непечатным —

Знай, сидела на пороге землянки,
Любовалась балией новой
И стирала в ней усердно портянки
И другие мелкие вещи.

И тогда рассердилась рыбка,
Окончательно, совсем рассвирепела
И обиду таить уже не стала.

Раз взглянула я на синее море,
А на нем не волны — цунами,
И не то что ходят и воют,
А пол-острова запросто сносят.
Отвернулась я от этакого вида
И пошла домой и заснула.

А когда наутро проснулась,
Больше не было не то что цунами —
Даже не было самого моря,
И не то что там балии новой —
Даже не было старого корыта.

...А еще оказалось очевидно,
Что на всем бескрайнем белом свете
(Даже, может, немножечко за краем)
Больше некому стирать портянки
И другие мелкие вещи.

Тут жизнь то ли теряет, то ли обретает себя — ценой полной потери.

...И — такое вот хроническое умение *быть*— в ожидании небытия: здесь, остыв от нахальства, привожу только концовку:

Люди слепы. А часто и хуже, чем слепы.
По причине чего превращаются в склепы
Наши души. А с ними порой и тела.
Жизнь, пожалуй что, гемма — скорей, чем камея,
И на данный запрос сообщить Вам имею
Лишь формальную справку: я тоже была.

Всем известная строчка из молодой Цветаевой: «*Я тоже была, прохожий*», — отправляется Щиголь из будущего-прошлого в прямое прошлое — и оборачивается сухим, холодноватым заполнением анкеты-определением своей жизни — в перфекте. Как очередного, миллиардного «побывшего» на земле и легшего в статистические анналы всеобщего небытия. Для кого существующие и кем читаемые? Да никем и ни для кого, если «Бог умер»: несуществующие анналы несуществующего. Тут, собственно, нет никакого: «*Прохожий, остановись!*» Во-первых, не остановится. Скорее всего. А во-вторых, что с того, если и остановится. Была и была. Теперь нету. А стало быть, и никого и ничего нету. В том числе никакого прохожего.

Эпиграфом же к цитируемому стихотворению стоит строка Пастернака: «*Я тоже любил, и дыханье*». Как для героини Цветаевой ее бытие, так и для героя Пастернака его любовь — крайне значительны. Об этом, только об этом и стоит заводить высокую поэтическую речь. Бытие одной и любовь другого — выделены из. Несводимы к существованию и любви всякого, всех вообще, всех прочих *с гурьбой и с гуртом*. Они однократны и тем уникальны.

Героиня Щиголь, вопреки эпиграфу, — как раз из тех, что *с гурьбой и с гуртом*. Ничего личного. Ничего лишнего. Все мы тут были — и все мы там будем. Если уже не там. Где нас нет. Соблюдайте очередность.

Когда-то Пунин то ль говорил, то ли писал Ахматовой: «Не теряйте отчаяния». Щиголь этого и советовать не надо: она и так отчаяния — не теряет. Спокойного, легонького опять же такого отчаяния. Это не то абсолютное отчаяние, которое: «*Похули Бога и умри*». *Это* отчаяние живущего целиком в земном мире этого мира только и касается, об ином мире как бы и не зная, не думая. Своеобразное счастье агностического сознания — его не окончательная полнота, не-абсолютизм и — в сравнении с абсолютным отчаянием сознания религиозного — все же некоторая облегченность.

И все равно — отчаяние есть отчаяние: любое — мучительно. Долгая земная жизнь в хроническом спокойном земном отчаянии требует от человека всей его чисто человеческой, слабой храбрости, а она не безгранична.

Это такая растянутая катастрофа: все время, — кажется, безразмерно, — отодвигающая саму себя в «завтра», при полной осведомленности о том, что когда-нибудь оно, это «завтра», обязательно наступит сегодня...

Странная, однако, вещь: женский вариант пострелигиозной «поэзии отчаяния», — повторю назойливо, но необходимо, — не вызывает того «звездного ужаса», что мужской.

Я все думал, почему, не желая верить самому простому объяснению. Потому что в это простое — верится меньше всего, да и большого ума во мне не выказывает, а это как-то неприлично, что ли, как-то даже стесняешься сказать. Это уже так мало у кого... Потому что тут дело не в стихах: сами-то стихи — дело, как и всякое другое, человеческое. И если в человеке *вот этого* нет, то и в стихах его не будет. А это уже мало в ком. И это надо ценить.

А что это за «это»? Это — это... типа того любовь. Да. Не иначе как она самая. И все. И другого объяснения не нахожу.

Ну насмешил. То есть — это всего-навсего «пятый элемент»? Ну. Только куда как задолго до кина «Пятый элемент» об этом писал апостол Павел в Первом послании к коринфянам. И это именно его вдохновенный гимн любви звучит из уст Андрея Рублева, держащего на руках малолетнего наследника великого князя, в великом кине Тарковского.

Любовь догадывается... нет, скорее так: она и внутри неверующего (а Щиголь, повторительно, человек не религиозный — не в том смысле, что не верит в Бога, она допускает Его существование, раблезианское «великое *может быть*», но не верит в вечную жизнь) знает о том, что...

...Или как сказать?

Скажем так: любовь знает, что живущего во времени ждет смерть. Но любовь — не дитя времени. Она вестница вечности. А вечность не есть

бесконечно протянутое время; она — нечто и-ное и потому удел и-ноков: изъятие из времени. И потому умещается только в самую малую и самую большую форму чего бы то ни было: в точку. Точка не имеет измерения. Как не имеет его настоящее, которое всегда есть и для которого нет ни будущего, где все умрут, ни прошлого, где все уже умерли.

Точки нет: у нее нет параметров; но она есть: все и вся, и каждый из нас находятся в точках «а», «б» и тэдэ. Точка есть то самое малое, которое больше самого большого: распад атомного ядра, невидимого и под микроскопом, может погубить целую планету.

Любовь только и может дать человеку мужество полноценно жить перед лицом смерти. Потому что любишь не себя, а *другое* или *другого,* — и не слишком помнишь о себе, потому что занят не собой. Это очень разумно и правильно — жить другими или иным, а не собой. Не случайно именно тут сходятся все великие учители, столь расходящиеся во многом прочем.

Да только и смерть не дура, она обойдет тебя слева или справа и пожрет того другого, любовь к которому (какая угодно — мужская-женская, родительская-сыновняя, братская-дружеская) дает тебе возможность забыть о себе и своей смертности, — и когда этот другой-дорогой уходит в смерть, тогда какое мужество выдержит?

И тогда любовь становится одной горестной, простоволосой жалобой, плачем-заклинанием настоящего=живого — от будущего=мертвого.

Эффект неожиданности финала-кульминации в стихотворении, посвященном умиравшему тогда — и умершему меньше чем через два месяца — Фридриху Горенштейну (развязки здесь нет: ее «по заданию» быть не должно, само это стихотворение противится развязке), подготовлен — и по темпу, и интонационно весьма искусно.

Три строфы (неравных, в 6, 7 и 8 строк, вырастающих из себя чем дальше, чем ближе к концу, тем больше; это живая жизнь, ассиметрично-симметричная жизнь стиха) текут размеренно, спокойно-просветленно. Элегия элегией. Последняя, четвертая, продолжает ту же интонацию, вплоть до последних четверых строк.

И тут неожиданный, словно против авторской воли, непрошенный взрыв:

Нас ждет не менее чем рай —
Забор, рябина и сарай,
И в тот переправляясь край,
Пред ними я покаюсь.
Но только ты не умирай,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, не умирай,
Не умирай покамест!

Свободное, размеренное дыханье, ровный шаг предыдущих двадцати пяти строк, вдруг теснится и, стиснутое перехватившим горло удушьем и распираемое непереносимым страданием, вспенивается, воспламеняется и, сорвавшись, взмывает вверх по экспонанте, но его властно тянет назад земное притяжение — «белая постель» с умирающим. И вот это вверх-вниз, вверх-вниз, рывком вниз на выдохе — и на вдохе, набрав в грудь воздуха, упруго еще выше вверх, и снова рывком вниз и — полной глоткой, выше уж неку-

да (тут на память приходит небольшая пьеса «Up and Down» из сюиты «Such Sweet Thunder», иначе называемой «Шекспировская сюита», Дюка Эллингтона, хотя там, понятно, все о другом и по-другому, но сам этот интонационный ход вполне соотносим...), — это бесконечное, пятикратно повторенное «не умирай» без никаких прибамбасов, всякой художественной ерунды вроде эпитетов, метафор, метонимий и синекдох — голос вздымается, орет, орет — и с отрывом — в срыв: хрусть — и пополам: «покамест!»

Настоящее заклятье от смерти таким и должно быть, простым, бесконечно простым — навзрыд.

Оно и идет — навзрыд.

Тут бы читателю со вкусом и чувством стиля дернуться от неумеренной, нараспашку, открытости стилевого жеста, скатывающегося в бесстильность.

Но читателю со вкусом самому плакать хочется.

Это сочетание профессиональной искушенности и человеческой безыскусственности любого — со вкусом и без — читателя, как говаривал некогда Леонид Андреев, «бьет в лоб — и наповал».

«Покамест» живой — не умирает, покамест не кончится «покамест». А «покамест» не может кончиться, покамест есть «покамест». Это то «сейчас», которое и есть сейчас.

В области живого *сейчас* не наступает мертвое *завтра*.

Еще о любви. Примером чудес, с ней связанных, может служить стихотвореньице, в котором простая, банальная вроде бы сентиментальность без боязни трюизма счастливо совмещается с полнотой действительной любви, в сантимент вроде бы не помещающейся, как «Россия не вмещается в шляпу». Вот оно, под конец разговора:

Я стою на кухонном подоконнике за занавеской справа,
В красном горшке на синей тарелке с отколотым уголком.
Кажется, я опунция — или, может, агава —
В общем, малозаметное, с полузасохшим цветком.

Окно... Да, давно не мыли. Не то чтобы запустение,
Но... Дети, конечно, выросли и... Но где же жена?
Ах, как прекрасно мы выглядели, комнатные растения,
Когда в этой старой кухне хозяйничала она.

Мне много воды не надо. Сейчас бы мне — *Больше света*!
Затем сюда и поставили, чтоб почаще цвести.
То есть когда казалось... Но теперь уже это
Для тебя — как будто и не было. Не до меня. Прости.

...И все же она появляется, изящная, но мужская
Рука с облезлым кофейником... Тридцать четыре дня!..
Спасибо. Теперь мне хватит до... Я тебя отпускаю:
Вряд ли... Но если все-таки... Вспомни, полей меня!

Это, поначалу кажется, такой импрешн. Маленький фрагмент жизни. Пунктирно понимаешь, что речь о некоей семье. Бывшей семье: жена, всегда аккуратно поливавшая растение в горшке, куда-то исчезла. Умерла?

Разошлись? Муж переехал к другой? «Но где же жена»? И зачем он все же вернулся сюда — через 34 дня? Или он тут и живет — и куда-то на 34 дня уезжал? Но это больше любого отпуска. Кто знает. Но, так или иначе, семьи больше нет («теперь уже для тебя как будто и не было»). Или все же..?

Невольно впадая в заданный стихотворением пунктирный, прерывающийся, сомневающийся в себе самом монолог, чем дальше, чем больше, ты входишь внутрь, «на кухню» и начинаешь принимать участие в чужой жизни. За этими многоточиями — вся ушедшая в подтекст, но от этого лишь достовернее осязаемая хроника чужой, по-прежнему незнакомой, но, так или иначе, уже знакомой, уже не посторонней жизни: мы не знаем деталей, но странным образом знаем, осязаем целое; и многочисленные многоточия, которые могли бы утопить это знающее незнание в тумане полной неопределенности, напротив, стягивают текст (для каковой роли обычно используют энергичное и тем-то в зубах навязшее тире), придавая ему единство и живой объем, *выпуклую радость узнаванья.*

Между тем многоточие — это такая эрзац-палочка-выручалочка. Не знаешь или не хочешь писать о том, что дальше, — ставь рыхлое многоточие. В многоточие все уходит, как вода в песок. Чтобы многоточия стали тугим шнуром, стягивающим все, а не вялыми развязанными шнурками, между ними должны стоять натягивающие их, осторожно и тщательно выбранные, отборные слова, — и если слова эти кажутся элементарными, то пусть так; так даже и лучше: простое не эффектно — и тем-то эффективней сложного (как отмечено в другом стихотворении Щиголь: *Каждый — сам себе жертва. Сам себе и палач. Но не каждый умеет выбрать лучшую из каденций*).

Тогда в союзе с многоточиями они натянут живую сеть, улавливающую читателя в свой тугой объем, — в особенности если их соединит точно выбранная интонация, здесь — задыхающаяся, прерывистая, почти бредовая от умирания из-за обезвоженности.

Теперь. Все детали этой вещицы: красный горшок, синяя тарелка, отколотый ее уголок, занавесь, — меня лично отсылают прямо и только прямо к Вермееру (ср. хотя бы «Служанку, наливающую молоко»; только что у Вермеера не бывает, хоть тресни, не политых растений, у него все, что надо убрать и вымыть, убрано и вымыто, а что надо полить — полито; но это в сторону).

Но. У Вермеера чистый, рассеянный свет падает снаружи внутрь, через окно или через дверь, равномерно освещая и промывая все внутри комнаты, куда он попадает. Он падает на предметы, и мы вместе с ним заглядываем комнату, где расположены объекты нашего зрения, без этого божественно-чистого света — невозможные как *драгоценные предметы.*

Здесь же взгляд и свет идут изнутри; высказывается сам «субъект речи» — растение в горшке с полузасохшим цветком. «Солнце» стихотворения, центр и сердце его — в полузасохшем, но еще живом цветке — этом лирическом герое вещи. Свет идет изнутри него вовне, центробежно, он сочится из картины на зрителя-читателя, переходит из «зоны изображения» в «зону зрителя» и входит в нас. Так поступал, — а так еще в художестве надо *уметь* поступить, — Рембрандт.

Но и вермееровское освещение извне — сохраняется («кажется, я опунция — или, может, агава», — эти слова, хоть и принадлежат растению, но странным образом принадлежат не ему: оно-то знает, кто оно есть, а вот «муж» этого не знает, он входит вовнутрь картины (как входит вовнутрь картины, написанной приятелем-художником, герой гениального гриновского «Фанданго» и оттуда видит совсем по-другому открывшуюся ему действительность: «действительность» и «виртуальность» меняются местами, — и тут-то постигаешь, что «вирчуэл» не только буквально, но и «по смыслу», как ни странно, значит «истинное»=правдивое), — отодвигает занавеску и разглядывает; в тексте, где все в пропусках, это, «восстановив пропущенное», можно передать и так: «Я-то знаю, кто я такая, но у них, людей, *кажется*, для него (мужа), в его глазах — *я опунция — или, может, агава...*»).

Это двойное освещение сцены дает стереоскопический эффект. Вещь, при минимуме изобразительных средств, воплощена (терпеть ненавижу «форму» и «содержание», мне дорог только *смысл* и его *воплощение*), ощутимо дыхание ее (а ведь речь о натюрморте, «мертвой природе») — дыхание живое, хоть и не легкое. Оживляющее полузасохший цветок, делая возможной его деликатную, но пронзительную просьбу продлить ему почти угасшую жизнь, вспомнив и полив его. Предсмертные слова Гете: «*Больше света!*», тут вверенные растению, — эти слова можно понять так: умирающий видит что-то перед собой, некую «новую среду» — и просит света, чтобы как следует всмотреться в нее (ничто, полную тьму и освещать бесполезно). И «цветочек» оживает. Это переводит импрешн (мера которого — мгновенье) в разряд ощутимо длящейся во времени драмы, «крупной до слез»; фрагмент целого сам становится целым; у читателя (в данном случае — у меня, я не говорю «за всю Одессу», но надеюсь все же, что не у меня одного) перехватывает горло, у читателя, даже если он и не диабетик вроде меня, сухо во рту, и вот наконец он пьет вместе с полузасохшим цветком — и облегченно отпускает напоившего, увлажнившего=оживившего его.

Это, говорю кроме шуток и без смеха, на полном серьезе и с полной ответственностью, это, простыми словами, — это безумно трогательно.

Тут вспоминается Булгаков: героев своих надо любить. Иначе ничего хорошего у вас из писательства не получится. Такого читательского сопереживания может добиться только поэт/человек, который свои цветочки, свои растения в горшках, не спросясь у Вермеера, и сам полить не забывает. *Не умеющий* не любить мир и то, что в нем: и людей, и всякую тварь, и предметы, и точные, заточенные до пронзительности слова об этом мире и обо всем, что в нем. Всю подлинную словесность. Человек, в котором **есть** это: любовь. Для любящего — всюду жизнь, в том числе и жизнь растений. Для нелюбящего — что на Марсе, что на Земле, нигде жизни нет.

Жизнь в любви — без Бога...

А возможно ли это, когда, по слову апостола Иоанна, Бог и есть любовь, — стало быть, и верховный источник нашей малой, но действительной, неподдельной любви? Человек может этого и не знать или не верить этому, но, когда Бог рано или поздно откроется ему, человек, который любил и действительно, и страдательно (и со-страдательно), который *знает* любовь, в

котором она *есть*, сумеет полюбить и Бога — действительной, а не выдуманной любовью.

Но и пока Он не открылся (или, что то же, пока мы не услышали), человек и поэт, который взаправду любит все, о чем пишет с любовью, — не зная того, любит не какой-то иной, а именно той самой, божественной любовью, неотмирной и надмирной любовью, а love supreme, миру вверенной. Потому что другой, пусть малой, но настоящей любви — нет; другого источника ее просто нет в земном мире. Ее больше «негде ловить» в этом скоплении мертвых камней и живой протоплазмы.

И когда апостол Павел говорит: *Любовь никогда не перестает*, — когда он молвит: *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше*, — он говорит не только о любви к Богу. Потому что нельзя полюбить Его без веры в Него. Вера в этом случае равносильна любви. А Павел говорит, что любовь больше. И Христос высшей мерой любви к Нему ставит — отдать жизнь не за Него, а за «искреннего своего»: это и будет значить, что — за Него.

Тот, кто любит «искреннего своего» и всякую тварь, всякого «насекомого», и даже т. н. «неодушевленные предметы» как на самом деле одушевленные, — тот, зная это или не зная (и вроде как «не интересуясь»), наделен даром: любовью вызывать из тьмы-тьмущей неназванного, из царства смерти людей, зверей, растения — и даровать им жизнь.

В Древнем Египте художника называли «санх», что значило: вызывающий жизнь. При этом речь шла о росписях или рельефах *заупокойных* храмов.

Апостол Иоанн: *Совершенная любовь изгоняет страх.* Но даже и несовершенная, «слишком человеческая», но действительная — по крайней мере этот страх... в первом приближении: насколько-то — нейтрализует. Не дает ему вырасти в звездный ужас.

Веру можно так и не обрести — или, обретши, утратить.

Надежда умирает, пусть и последней.

Любовь, по слову апостола, не перестает *никогда.*

Евгений ЕРМОЛИН

ИРИНА ПРЕМУДРАЯ

Ирина Роднянская. Движение литературы. Т.1–2.

М.: Знак: Языки славянских культур, 2006.712+520 с.

На фоне кризиса профессии критика, выразившегося в остывании читательского внимания к ее представителям и к плодам их трудов, и на более глобальном фоне, связанном с кризисом статуса свободного интеллектуала в современном обществе (а критик, без сомнений, именно такой свободный интеллектуал и есть), предприятие с двухтомным изданием Ирины Роднянской в серии Studia philologica даже как-то озадачивает. К чему бы, думаешь, это?..

Наверное, ни к чему, в самом-то глобальном масштабе. Тотальный упадок интеллектуальной рефлексии, социальные амнезию и инфантилизм не излечишь и сотней таких томов.

Может статься, этот полуслучайный, штучный культурный жест имеет отношение персонально к Роднянской и с общими проблемами критики не связан. Судьба подарила нам возможность быть современниками — и замечательно, и прекрасно... Но все ж, но все ж, но все ж.

Издали Ирину Роднянскую с той фундаментальной оснасткой, которая странна и непривычна для действующего критика. Возникает эффект прижизненного памятника. Так, в таком формате, с такими примочками издают книги, которые претендуют на нечто несомненное, на выражение законченной истины. На путеводительный статус. Недавно, к примеру, вышли отличные книги критики Марии Ремизовой, Игоря Шайтанова, я от обеих в тихом восторге, но подобный героический масштаб и подобный подразумеваемый пафос завершенности им вовсе неположен.

Солидное это двухтомие, подводящее итог более чем сорокалетних наблюдений над текущей отечественной поэзией и прозой, вызывает желание называть статьи, когда-то выходившие в журналах и коллективных сборниках, весомым словом *труды*. И слегка потягивает даже добавлять красноречивый эпитет — *классические*.

И не нужно искать у меня иронические подтексты. Иной вопрос, как сочетается этот пиетет с формулой критической деятельности *здесь и теперь* с заложенным в основание профессии пребыванием критика в акту-

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в Архангельской области. Закончил факультет журналистики МГУ. Как критик публикуется с 1981 г. Заместитель главного редактора «Континента». Дневник в Живом Журнале — erm_kontinent. Живет в Москве и Ярославле.

альном моменте литературного движения, с его (критика) правом на немедленные восторг и хулу, на ошибку и прозрение. И если самой-то Роднянской связать вечное с сиюминутным удается, как правило, весьма неплохо, то двухтомник ее литературно-критических разборов волей-неволей форсировал именно то, что в размышлениях его автора принадлежит вечному, несомненному, бесспорному... Хоть и назван он — *«Движение»*, а что-то в нем — от *«Остановки»*.

Такое заакадемичивание мне, в теории, не очень по вкусу. Очень не по вкусу. Не убивает ли оно живое начало в работе критика? Не отменяет ли его право на позицию, на то, что со стороны называют иногда тенденциозностью и предвзятостью, а изнутри, из души критика, выглядит как его место в окопе, его бескомпромиссное сражение за личную правду? Да и акценты в его общении с обществом и писателем начинают расставляться иначе, если живое слово критика вдруг обретает научную тяжеловесность.

Но сухая теория терпит крах и отползает в сторону при встрече с таким блистательным феноменом, как Ирина Роднянская.

С одной стороны, у нее сами тексты, производившиеся на свет давно и недавно, говорят в двухтомнике сами за себя, оставшись, как я понимаю, в почти нетронутом виде и являя примеры нахождения в той или иной исторической и литературной ситуации. Скажем, размышления Роднянской о литературной моде и тенденциях 90-х (в статьях «Гипсовый ветер», «Гамбурский ежик в тумане», «В зоне непредвиденного», «Расслоение романа» и др.) в сумме дают почти беспрецедентно глубокий анализ недавно минувшей литературной эпохи.

С другой стороны, если сама эта ситуация уже не всегда легко припоминается нынешним читателем, то, как ни странно, давние статьи от этого не так уж много теряют. Написанные очень давно, этапные и памятные статьи «О беллетристике и “строгом” искусстве» (1962), «Встречи и поединки в типовом доме» (1980), «Назад — к Орфею!» (1988), «Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий» (1988, в соавт. с Р. Гальцевой) и т. п., они остаются, что показательно, интересными и сегодня. В мыслях и идеях Роднянской, в самом предъявляемом ею подходе к литературе есть что-то такое, что, в общем-то, позволяет поставить ее именно в некий академический ряд. С этим непросто спорить. И стоит подумать, почему это так случилось.

Два черных тома. Первый — работы о классике (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев, Блок, Случевский, «возвращенные» после советской паузы поэты — Гумилев, Ходасевич, Клюев и др., Заболоцкий, Платонов) и о современной прозе. Второй — работы о современной поэзии, идеологическом романе и разных филологических сюжетах (в т. ч. стиховедческих).

На несколько месяцев эти тома стали моими настольными книгами. И постоянно, как только дело доходило до них, вызывали в душе приступы радости и — смятения. Это богатство, которым очень непросто распорядиться. Трудно о них писать. Трудно говорить о Роднянской: масштаб творческой личности мешает, не позволяет отделаться скороговоркой, а на длинный

разговор так трудно решиться... Особенно когда на этих самых страницах видишь, как тщательно, умно и ярко, с безупречно найденной интонацией сам автор умеет писать о своих товарищах по занятиям литературой: С. Аверинцеве, С. Бочарове, П. Палиевском, А.Терце, Вл. Новикове. О М. Бахтине и А. Квятковском.

Тома хорошо структурированы, но их нельзя читать подряд. Многое, почти все было когда-то прочитано и ранее, но раскрываешь том, перечитываешь — и видишь какую-то новую глубину, новую точность. Вообще, хочется бродить по этим томам без причины и цели, собирая мед мудрости и опыта.

Я мог бы сказать: давайте считать этот мой текст предварительными заметками. Быстрым номадическим набегом. Но и это мне не по душе. Импрессионистический подход к работе Роднянской мне тоже не кажется продуктивным... В общем, надлом налицо. Но не разброд и не шатанья.

Дополнительная проблема специфического свойства заключается в том, что многие мысли и идеи Роднянской мне очень близки. Мы, например, практически совпали в весьма скептической оценке проекта русского постмодернизма и его реализации в литературе 90-х. Нередко мы любим одних и тех же писателей (из современников, к примеру, Чухонцева[1]). Иной раз читаешь — и радуешься остроте и подробной точности выраженья именно и вполне твоих заветных идей, которые сам-то ты порой лишь где-то обозначил намеком и в конспекте... А в чем-то она меня даже переубедила своими текстами.

В целом для полемики остается так мало поводов, что ими, кажется, легко пренебречь.

Хотя о каком-то слишком явном совпадении вкусов говорить все же не приходится. У нас, скажем, общий интерес к Маканину, но у Роднянской к раннему и зрелому, а у меня скорее к позднему. Мне не постигнуть умом, как можно написать четыре статьи о Битове и пять — о Кушнере. А для Роднянской это центральные фигуры в ее литературном опыте. Зато про таких великанов, как Домбровский, Владимов[2], Искандер, сказано у нее, мне кажется, очень мало, да и про Солженицына немного и в отдельном ракурсе (хотя и очень интересном). Лишь однажды упомянут в двухтомнике Юрий Малецкий. Я считаю, что Набоков-прозаик — принципиальная позитивная величина в актуальной литературной жизни, а Роднянская ограничилась беглым и, на мой вкус, несправедливым замечаньем, что Набоков так и не вырвался *из плена посюсторонности*... Ну и т. д., и т. п.

Это я говорю не в порядке претензии. Я фиксирую индивидуальное своеобразие нашего автора. Критик имеет право на свои персональные

---

[1] О нем — прекрасно в ст. «Стальная водица в небесном ковше»: *Он смог стать историческим поэтом своей современности, проводником исторического импульса, провиденциального ветра и преисподнего сквозняка, продувающих повседневную жизнь и долетающих до отдаленных эсхатологических пределов.* И у него *совсем нет двух заменителей трагизма, которыми ответила на вызов непрекрасной эпохи школа Бродского, — нет иронии и нет уныния.*

[2] Исключая вставленный в концептуальный контекст статьи «О беллетристике и «строгом» искусстве» анализ его старинной «Большой руды».

приоритеты. И можно только радоваться, что нам в принципе есть о чем и о ком поспорить. Что мы подчас, кстати, и делаем, чаще при встречах.

Попробую сделать так. Предложу на пробу сводную формулу: что такое критика Роднянской, кто такая Роднянская как критик.

Ну а многие замечательные детали придется опустить и направить читателя за ними к самой книге.

Почти два года назад об этом двухтомнике уже на тот момент оперативно написал Андрей Немзер[3] — и в отличной заметке сказал много верного. Но он не сказал того, на мой взгляд, главного, что, в общем-то, бросается в глаза и чего нисколько не скрывает и сама Роднянская.

Ее критика — это **опыт христианского взгляда на литературу**. Ее основной предмет — **литература в контексте вечности**, sub specie aeternitatis.

Кто-то даже поставил бы здесь точку. Но я ставлю запятую. Публицистов и критиков, которые позиционируют себя в прямой связи с христианскими ценностями, нынче пруд пруди. И это так по-разному выглядит, так многоразличен и многоголос этот хор, что почти никакой формулы общности вывести отсюда не удается. Тут тебе и представители разных конфессий, и внеконфессиональные религиозные анархисты, и люди, являющие собой разные обличья и выраженья православной реформации[4], происходя-

---

[3] *Немзер А.* Благодарность и благородство. О двухтомнике Ирины Роднянской http://www.ruthenia.ru/nemzer/rodnjanskaja.html

[4] Участвуя в обсуждении религиозно-церковных проблем (о языке православного богослужения, о религиозной гуманитарной мысли, о христианской общественности...), Роднянская именно в этом контексте органично предъявляет и отстаивает, по сути, свой опыт веры. Сегодня чаяние православной реформации иных приводит в оторопь, а иных отнюдь. Но нам от этого уже не уйти. Хотя и среди тех, кто приучает себя к новой ситуации, находятся такие мыслители, с коими меня вовсе не тянет соглашаться. Вот, к примеру, что пишет вполне мне чуждый по своим взглядам И. Богацкий: *Церковь способна превратиться сегодня в реальный оплот патриотизма, лишь проведя своеобразную «православную Реформацию». В качестве конкретного ориентира можно было бы выбрать такое течение западного протестантизма, как «мускулистое христианство», существовавшее в викторианской Англии в эпоху империализма. Сущность этого учения один из его проповедников Хили Хатчинсон Олмонд выразил так: «Быть **сильным** — не смейте **нарушать** эту божью заповедь», потому что «Бог хранит могущество тех, кто уверенно идет вперед...». В отличие от русских православных писателей (например, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого) полагавших, что насилие — есть безусловное зло, апологеты мускулистого христианства утверждали, что насилие вполне оправдано, когда речь идет о защите христианских ценностей. Сторонник мускулистого христианства Чарльз Кингсли, например, писал, что, «если ты хочешь вытащить человечество, пусть не в небеса, а хотя бы из ада, — **вышиби** его оттуда!», в другом месте цитируя Вторую Книгу Самуила, 22:38-39, хвалебную песнь Давида из Ветхого Завета: «Я гоняюсь за врагами моими и **истребляю** их, и не возвращаюсь, пока не **уничтожу** их; И истребляю их, и поражаю их, и не встают, и падают под ноги мои». «Мускулистое христианство», основанное на учении римских стоиков и Ветхом Завете, в сущности, представляло собой своеобразную версию **римского***

щей в наше время и просто разные характеры, разный опыт, разные приоритеты[5]... Нужны уточнения.

Проще всего было б сказать, что христианский взгляд Роднянской широк и либерален. Кого-то бы такое резюме порадовало, кто-то б позлорадствовал. Но это бы многих устроило. Однако ныне, когда христианский либерализм иногда отождествляют с религиозной беспринципностью, соглашательством, с потакательством греху (чему яркое выражение — полемика вокруг романа Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»), говорить так о Роднянской — значит оскорблять истину. Она-то как раз в своей критике — человек строгих принципов.

Да, она чужда доктринерству, ригоризму. Но это еще не повод и еще не причина. С критериями и ценностями у Роднянской полный порядок. Они есть. Они были всегда, и в дни Оттепели, и в лицемерные позднесоветские времена, и в годы Демократической Революции (по инерции называемой *перестройкой*), и в отдающие гнильцой 90-е, и в нулевые, когда смердящий труп вдруг встал, отряхнулся и пошел.

стоицизма в христианской *упаковке. На наш взгляд, Россия остро нуждается сегодня, как раз, в подобном «мускулистом Православии», символами которого будут не Ф. М. Достоевский и традиция всепрощения, а творчество Константина Васильева, подвиги Пересвета, Осляби, Александра Невск*ого — Богацкий И. «Мускулистое Православие» //http://www.apn.ru/opinions/print9473.htm ...Мне-то кажется, что такое *православие силы* уже и православием скорей всего перестает быть (ну разве православный художник — живописец К.Васильев, с его языческой магией и апологией расы?). Но что ж делать, друзья и братья, свободное движение религиозного православного самоопределения приводит ныне к самым разным выводам, и мы можем лишь смиренно отстаивать свой опыт веры, сверяя его с иными опытами и с православной традицией, в том духе, как говорил об этом, например, о.Иоанн Мейендорф: *...новые богословские течения, новые формулировки вероучения не только неизбежны, но и совершенно необходимы, если Церковь действительно кафолична и хочет проповедовать всем народам и всем культурам* — Протоиерей Иоанн Мейендорф. Православие в современном мире. — М., 1997; http://www.krotov.info/library/m/meyendrf/reformazia.html

[5] В христианской публицистике и критике наших дней, кажется, содержится в зародыше, в одном из зерен образ **русской христианской демократии**, которая виделась в мутном мареве будущего еще русским идеалистам середины XIX — первой половины XX века, от Хомякова до Бахтина, и о которой в последнее время мы снова всерьез задумались. Демократия вещь такая, что даже люди авторитарных и тоталитарных взглядов в ее контексте становятся поневоле участниками полилога. У Роднянской же выход на эту тему оказался связан с пушкинским принципом «свободы и чести», противополагаемым модному принципу «свободы и прав» в статье 1996 г. «Поэтическая афористика Пушкина и идеологические понятия наших дней»: *Пушкин — в отличие от нас — не ждет ничего непреложного и надежного ни от народного большинства, ни от «мутителей палат», ни от «общественного мненья» <...> Его сдержанные гражданские упования возлагаются на естественный закон, дающий форму и меру проявлениям свободы; мир же личности он связывает с миром общественным через заповедь стоицизма перед лицом внешних обстоятельств <...> через великодушие и милосердие.*

Долгий стаж и сложный религиозный опыт исключают впадение в неофитский раж, в азартное обличительство. Наш критик не идеологизирует веру, не подгоняет художника под догму. И с морализаторством у Роднянской все так, как должно быть: в меру. Ей вообще чуждо стремление найти себе пригорок повыше, чтоб судить пожестче, поядреней. Она в принципе не прокурор. Взамен у нее — спокойное, вдумчивое размышление о новых явлениях с устойчивых, прочных позиций хорошо отрефлексированной, освоенной и осмысленной религиозной эстетики. Эстетики, проведенной через горнило минувшего века, проблематизировавшего вообще все и искусство, в частности.

Новая христианская эстетика не может уже быть наивной. Она очень серьезна в основе основ, она требовательна, она ждет от тебя полной выкладки. Тут не расслабишься. Гармоническое триединство истины, добра и красоты переживается ею как проблема, не имеющая простых решений. Или вовсе не имеющая сегодня — как, быть может, всегда — окончательных решений (об этом у Роднянской есть замечательные пассажи в ее суждениях о Ходасевиче, и не только о нем). Это поиск с риском неудачи, поражения. Это жизнь на грани. Это драма судьбы и подчас трагическое несовпадение себя с собой, конфликт разных в себе начал, контраст между заданием и реализацией... Это неочевидная истина (при убежденности в ее наличии), нетрадиционная красота, это добро и зло как проблема, а не как детские прописи. Роднянская замечательно это чувствует и отчетливо формулирует.

Это проявилось, скажем, в том, как убедительно она нашла христианскую душу у Пелевина, которого долго записывали то в постмодернисты, то в буддисты. У меня радикальный пересмотр отношения к этому писателю случился уже в нашем веке, по факту зрелого его сатирического творчества. Я нашел в нем новую значительность. Но теперь меня больше, чем прежде, убеждает и подход Роднянской к ранним вещам Пелевина.

Принципиальное начало в такой вот христианской эстетике — это зрячая любовь к художнику. Доверие, понимание, сочувствие, честность в оценке. Без слепоты, без политики. И это признание свободы как необходимого условия творчества и вообще — понимания. Свидетельств такого рода немало в книге Роднянской. Отсюда она выводит и свою главную роль, свое критическое амплуа. Выводит, заметим, уже факультативно, исходя из личных качеств, направления дара, исторических обстоятельств. Это не для всех. Это по росту и по характеру именно ей.

Некоторые классические для выдающегося критика в России функционалы оказались ею не востребованы. Роднянская нисколько не вождь и ни разу таковым не была. У нее не так много общественного темперамента. Не лидер, не революционер-авангардист. Не учитель (уроки, которые она дает, скорей невольные.) Даже жесткая полемика ей дается с некоторым внутренним усилием, — по крайней мере, ее нечасто за этим видишь. Она не столько нападает, сколько урезонивает оппонентов (например, в споре о Кушнере, пытаясь доказать его значительность, нетривиальность)[6].

[6] Тем не менее, впечатляет, например, ее вежливая полемика с Бердяевым и Булгаковым, оставивших знаменитые рассуждения по поводу Пикассо-ку-

Довольно нечасто я вижу у Роднянской и открытые диалогические формы. Как-то очень трезво она не рискует обращаться напрямую, призывать или взывать. Возможно, в явно диалогической манере ей чудится избыток риторики. Она — собеседник, но она притом держит дистанцию. Или, может быть, не афиширует уверенности в хорошей слышимости своего слова. Во всяком случае, она не слишком для себя проблематизирует адресата (мне как персоналисту-диалогисту трудно это до конца понять, но так уж получилось).

Выходит, что лучше всего Ирину Роднянскую определить иначе. Она — свободный мыслитель. Я б сказал даже — орган свободной, не заинтересованной ни в спортивном успехе, ни в дипломатии, ни в риторике мысли. У нее повышенное стремление к высокой объективности, к исключению слишком субъективного, личного — как сиюминутного, случайного и ненадежного.

...Помню, одному взыскательному читателю не понравилось, что в одной своей статье я к рассуждению приплел между делом и свою кошку (упомянул о ней не из патологической любви к себе и не из особой какой-то разнузданности, а в качестве риторического хода, связывающего меня с писателем и читателем, так мне казалось, под обаянием стратегии интимизации критического высказывания). Роднянская как редактор отдела критики «Нового мира» эту статью пропустила в печать — вместе с кошкой. Но у самой ее таких слишком личных деталей мы, пожалуй, не найдем: другой стиль, другой вкус. Свои стиль и вкус.

С самого начала ей казалась ближе логика **неоклассики**. И симпатии ее часто на стороне литераторов-неоклассиков, а не авангардистов. Что-то такое элиотовское, в духе давнишнего великого эссея «Традиция и индивидуальный талант».

Навряд ли Роднянская всецело с Элиотом солидарна, то есть — с его доведенным совсем до края: *Движение художника — это постепенное и непрерывное самопожертвование, постепенное и непрерывное исчезновение его индивидуальности*[7]. Но она, как и Элиот, как и другие неоклассики, в ситуации *вступления Большой Эпохи в область архаической дословесности и монументального варварства* — всецело на стороне ***Большой Традиции***. Большой Традиции — не как схоластически просчитанного канона, а как великой духовной, творческой силы в христианской истории человечества.

биста. Роднянская полагает, что философы-современники *излишне спиритуализировали* творческие намерения Пикассо. Он *не проникает ни в сущностную глубь материи, ни в потаенные возможности, укрытые в собственных формах натуры. И уж конечно, не засматривается в трагические «бездны». Нет, он* ***обрабатывает*** *натуру, властно, своевольно и именно с поверхности, для удобства этих операций предварительно умертвив ее взором Медузы* (ст. «"Столбцы" Николая Заболоцкого в художественной ситуации двадцатых годов»).

[7] *Элиот Т.* Традиция и индивидуальный талант // http://noblit.ru/content/view/297/33/

Так что обращение Роднянской к русской классике — это отнюдь не самодостаточные штудии ученого-профессионала. Это скорее апелляция к высокой инстанции личностных ориентиров. Поиск опоры, которой недостает нашему автору в современной словесности (Роднянская, к примеру, регулярно укоряет поэтов наших дней за субъективизм, за отсутствие или дефицит творческой воли, преодолевающей и осмысливающей хаос; так в статье «Назад — к Орфею!»: *...преданность своему назначению и его непредвиденным требованиям, верность Музе <...> — куда делось это чувство, это обстоятельство? Вместе с разрывом этих уз, с утратой опыта призванности и невместимости творческих состояний в любую житейскую схему, короче, вместе с утерей представления о* ***служении поэта*** *затерялась и дорога к подлинной новизне*[8]).

Роднянская не упрощает, не спрямляет углов (и замечательно ловит именно на этом Палиевского в статье «Идея "жизни" и лицо художника»). Истинное высказывание есть для нее почти самоцель. Поиск и выражение объективно-конкретной истины — главная задача критика. Отсюда вменяемость и членораздельность. Единство логики, связность мысли и верность спервоначала выбранной позиции. Обаяние окончательности и завершенности в мысли, в выводах (есть ощущение, что и в каждой точке личного пути). А средства — подсобны и вспомогательны.

Но в постановке задач и в поиске ответов у нее почти всегда чувствуются личный, экзистенциальный запрос, актуальная тревога. Идет ли речь об общественном идеале Достоевского, незавербованности идеологией Пушкина или попытке преодоления лирического субъективизма Блоком, критику важен и ценен **опыт и завет классики**, точнее — классиков, творческих личностей «глубокой борозды». Потому и много у нее замечательных обобщений, тех далеко продуманных выводов, которые совсем нечасто встречаешь у дюжинных литературоведов-«специалистов».

И вот еще что. В 2000 году Россия виделась нашему автору *в объятиях утра не серого, а свежего, хоть и холодного* (статья «Внятная речь») — в контраст тогдашнему пессимизму Дмитрия Быкова. Опыт нулевых лет явно добавил духовной серости в краски нашего дня. Может быть, уже и завечерело?.. Как знать?

Но в этом двухтомнике есть чувство победы над жизнью. В том числе и над той отечественной (да и общемировой) социальностью, с которой нам

---

[8] Укоряет — не только поэтов. Вот вынос темы в общественную сферу. Характерный вывод сделан из анализа «Рубашки» Гришковца (ст. «Жизнь реальна, как рубашка»): *Герои книги — из числа людей, каких принято относить к опорному слою новой России — работящих, честных, способных, образованных, твердо знающих, что по чем, не гнушающихся достатком. Говорят, весь вопрос в том, что таких пока мало, а надо, чтобы было больше. Но, читая «Рубашку», думаешь: пока они, отлично зная, в какой реальности живут, не знают —* ***для*** *какой, опереться на них нельзя, сколько бы их ни народилось.* А ведь и правда. Бескрылые трудоголики — не самая великая надежда страны.

так редко везло. И это тот случай, который позволяет напомнить: жизнь нуждается в том, чтобы мы ее побеждали.

Возможно, я сказал об Ирине Роднянской не все. Возможно, ошибся, пусть поправят. Но мне важно было проговорить то, в чем я уверен. Миру нужны такие люди. Миру в принципе, по самому главному счету нужны властители дум. Однако чтоб они были востребованы, чтобы властвовать думами, нужна небольшая, но необходимая вещь. Нужно, чтоб сначала они, думы, в этом мире, у этих человеков появились, чтоб латентная потребность стала неотложной нуждой.

Не смейтесь, это будет. Когда-то.

Пока же Ирина Роднянская — критик, интеллектуал, человек — являет пример и случай, как она сама выражается, *стойкого самостояния*. Именно так — в двойном, усиленном формате.

А что, собственно, остается?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Первый квартал 2008 г.)

1. Художественная проза

А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Новый мир», «Октябрь»

Впечатления от журнальной прозы Москвы этого квартала трудно собрать воедино. Сильных впечатлений не так много, тенденции почти не просматриваются и не отличаются, даже если наличествуют, сильной оригинальностью. Такой *рабочий момент* в литературном процессе.

Интересным явленьем в прозе сезона можно, пожалуй, считать **роман Демьяна Кудрявцева «Близнецы»** («Октябрь», № 1). Автор один из основателей российского Интернета, генеральный директор издательского дома «КоммерсантЪ». И поэт. Последнее больше всего ощущается в этой прозе, созданной скорей по законам поэтическим и определяемой автором как *история о терроре и языке.* В романе есть экспериментальное начало, пусть и нет сугубого радикализма. Книга написана ритмизованной прозой. *1966 Отчима взяли апрельским утром — без шума, обыска, тихой сапой, в его прощальном, навылет, взгляде слабо дергалась чешуя. Правда не входит внезапно в дом. Правда всегда из него уходит, и мир, разделенный апрельским утром, становится лживым и настоящим. И мой адвокат повернется к залу, в синей паре пера Бриони, правнук угольщика и прачки, внук военного, сын юриста, — и расскажет зрителям о свободе. Я, надеюсь, не доживу.* Хронология дает сбои, мотивации и логика фактов факультативны. Содержательно — это история про двух единоутробных братьев, Льва и Георгия Солей, зачатых от пленного немца, — братьев, которые и родились, и умерли в один день. А в жизнь их вместилось много разного, что имеет отношение к европейской и советской истории, к судьбе еврейства. Они бегут из СССР, теряются, снова встречаются... Один становится журналистом, другой наркобароном. Линейного порядка так мало в элегантной прозе Кудрявцева, что кажется: читать текст вовсе не обязательно последовательно, подряд. Можно и так, и эдак, и как захочется. Хуже не будет.

Андрей Волос в **повести «Паланг»** («Новый мир», № 2) возвращается к темам своей получившей наибольшее общественное признание книги «Хурамабад». Его предмет снова — судьба человека в момент крушения советской цивилизации и последующей войны в Таджикистане. Простой сельский парнишка Анвар, его верный пес Паланг. Парнишку забирают в армию, собаку, кинувшуюся следом, берут в питомник и готовят на роль камикадзе. Все кончается неплохо, Анвар с Палангом убежали из армии и вернулись целыми и невредимыми домой. Вот только кошмарные сны снятся с тех пор парню. Да собака с трудом отвыкла бросаться под колеса тяжелых машин. Добротный социальный реализм. Человек как жертва обстоятельств, способная, однако, на побег из их плена.

Роман Сенчин в **рассказе «Тоже история»** («Дружба народов», № 2) изобразил немолодого московского интеллигента, историка-специалиста по нацистской Германии, который когда-то, в конце 80-х и первой половине 90-х увлекался политикой, горел и мечтал, а потом, в духе времени, остыл и разочаровался. Но вот, уже в наши дни, по случаю купив книгу о приходе Гитлера к власти, на Тверской попал он на митинг радикальных оппозиционеров, «несогласных», послушал Владимира Рыжкова, — и взыграло ретивое. Снова проснулось острое социальное чувство. Митинг разогнали. *Он глянул вдоль Страстного бульвара. Повсюду крупнотелые хватали низеньких и темных, а те уворачивались, отбегали, отбивались криком: «Позор!» На асфальте валялись бумажки-транспарантики, книжечки Конституции и почему-то много роз. Депутат Рыжков, ссутулившись, медленно брел прочь... — Пошел,— без злобы велел один из конвоиров; Николая Дмитриевича приподняли и забросили внутрь будки.* В авто-«будку» героя загребли омоновцы; почитывает он там свою книжку, ищет параллели, а какой-то товарищ по несчастью предлагает ему — от греха подальше — книжку выкинуть, а то еще обвинят в экстремизме, теперь же можно. Сенчин — редкий сегодня прозаик, который любит преломить актуальные социальные процессы в личной истории. У него цепкий взгляд, точное видение момента. Многие другие наши писатели как будто на Луне обитают: современной России в упор не видят и знать не хотят. Оно и проще, спокойнее, конечно.

Екатерина Донец в **«маленькой повести» «Страна Бомжария»** («Новый мир», № 1) представила быт и обиход, треволнения и беды московских бомжей-побирушек. Страдают, болеют, маются, радуются. Мир их глазами. Сентиментальный гуманизм.

В том же ключе написана и **повесть Николая Евдокимова «Счастливое кладбище»** («Дружба народов», № 3). *Кто такой Григорий Карюхин? Да никто. Бомж, человек без определенного места жительства, нигде не существующий, будто покойник. На самом же деле он поселился в некоем месте, населенном такими же, как он, людьми. Этим местом была областная свалка, куда свозился всякий мусор из города и близлежащих поселков.* Многое испытавший на своем веку бомж превращается в пса.

Повесть (правдивая) **Сергея Юрского «Выскочивший из круга»** («Знамя», № 3) сопровождается авторским предуведомленьем: *У нас нынче время стабилизации. Это все говорят. Но время — одно, а отдельный человек — немного другое. Вот он, вроде, и вскочил во все блага новых возможностей, а его понесло черт-те куда — вон, к какому-то другому равновесию. Ну просто смех и грех! Что с ним делать, с этим выскакивающим? Дать ему, что ли, высказаться? Ну что ж, пусть говорит. А то, что там, наверху, где указывают автора, стоит мое имя, так это просто так вышло. Не обращайте внимания. В суть взгляните. Такой, знаете, fiction про non fiction.* Герой-рассказчик — простоватый нувориш Послух. Казалось бы, все у него есть. *Олигарх не олигарх, но чего-нибудь стою. Многие уже пониже меня. И есть закон (правильный закон!) — вниз не смотри! Вот как если на Эйфелевой башне стоишь, вниз не глазей! Смотри вдаль... и вверх! То-то и дело — вверх! Ты высоко, а погляди, что там еще выше творится.* Но покой рассказчика от-

равлен статьей в глянцевом журнале. Там уверяют, что человек, очистившийся от грехов, может прожить и двести, и триста лет, как библейские персонажи. Послух становится жертвой мошенников и, не в силах поверить, что его надули, решает начать собственное расследование. Он отправляется в Испанию за комплектующими к чудесному аппарату, арестовывается тамошней наркополицией и умирает в тюремной камере.

В **рассказе Вячеслава Пьецуха «Преподобный Красоткин»** («Октябрь», № 3) в московском ресторане встретились два приятеля, оптимист и пессимист, и ведут, как это заведено у Пьецуха, неизменные разговоры о России былой и вечной. Резонерствуют, страдают, чем-то напоминая и самого автора. Вот некто Красоткин: *...и впрямь уже несколько лет сряду чувствовал себя в этом городе чужаком. Он не узнавал улиц, его доводили до слез невиданные прежде нищие старухи, неуверенно протягивающие толпе свои птичьи ручки, раздражали обложки журналов в киосках «Роспечати», коробило от синтаксиса случайно подслушанных разговоров, и откровенно пугали юные физиономии, в которых было что-то от обуха топора. По природе он был мало сентиментален, но теперь с теплым, почти ласковым чувством вспоминал о романтических временах своей молодости, когда при девушках воздерживались даже от черных слов; когда ухитрялись весело жить на ставку младшего научного сотрудника, воспитывали детей на сказках Пушкина, артельно мечтали о «социализме с человеческим лицом» и ночи напролет рассуждали о реминисценциях у Камю; когда милиционеры еще знали службу и влюбленные до утра разгуливали по набережным Москвы-реки, в семьях выписывали тьму периодических изданий, в ходу были громоздкие магнитофоны с бобинами, по вечерам оглашавшие дворы душещипательными балладами, профессия бухгалтера считалась предосудительной и коллекционный доллар в кармане пиджака был уголовно наказуем, как пистолет. Теперь все это кануло в Лету наравне с хеттской клинописью и дурацкой игрушкой «уди-уди».* В других восьми рассказах в этой публикации автор по-своему, остроумно и тонко, претворяет реалии наших дней в ткань прозы. Представляет незаурядные типы современной русской жизни.

Повесть воронежца **Сергея Пылева «Удар возмездия»** («Москва», № 2) — нескучная и даже веселая беллетристика с социальной проблемой в первооснове: угасает сельский мир в Черноземье. *За последние полвека карта области Воронежской заметно припустела, как прирассветное небо звездами.* Трудно селянам. Вот и занялись они решеньем проблем с использованьем новомодных средств: призвали экстрасенсов, депутата-уфолога, потомственную вещунью...

Самый плодовитый прозаик сезона **Ольга Кучкина**. В «Дружбе народов» (№ 1) публикуется ее **роман «В башне из лобной кости»**. Интеллигентная московская дама средних лет, журналистка, коллекционирующая знаменитых собеседников, влюбилась в одного из них, маститого художника и очень непростого человека с корявым характером — Василия Окоемова. В этой фигуре немедленно угадали писателя Владимира Богомолова. Да и сама Кучкина не очень скрывает в интервью, кто является прототипом. Непонятный человек Окоемов. Но интересный. Интригующий и даже завороживший рассказчицу... Роман мог бы походить на сплав журналистского

расследования и детектива, но для этого он недостаточно динамичен. Кучкина отвлекается на разные разности, вводит новых и новых персонажей из круга своей героини, подолгу тормозит на житейских драмах дачного работника — друга семейства, — и в итоге повествование рискует окончательно увязнуть в деталях, в рассуждениях и мелочах житейского обихода, любовно вытаскиваемых неразборчивым автором на свет Божий. Любовь к красотам слога и многословие — просто бич автора. *Киньте в меня камень за измену себе, за вхождение в несчастный кругооборот, когда, преступив младые идеалы нежного нашего деликатного меньшинства, я обратилась — повело! — к канцелярской практике заскорузлого вашего грубого большинства. Я приму ваш удар. Mea culpa. Я и есть орудие судьбы. Или я выбрала себе очередного Вергилия. Всегда выбирала себе Вергилиев сама. Доморощенных ли, масштабных, не суть. Исправно спускалась в ад и выгребала из адской кучи по случаю, ведомая якобы. Может, то была битва между личностью и социумом. Выигрыш социума обеспечивал проигрыш личности. Фантазийная девочка, говорила про меня моя мать.* Указывали на некоторое сходство романа Кучкиной и повести «Башня из черного дерева» Джона Фаулза. Может быть. Текст культурный, что и говорить!

Журналы печатают также несколько **рассказов** Кучкиной. В «Знамени» (№ 3) два рассказа о женщинах, прозревающих, что живут они как-то не так, неправильно. В рассказе **«Роль»** это талантливая эгоистка-актриса, в **«Гамбите»** — преуспевшая чиновница. *...Лучшие места на карте мира — Париж, Рим, Лондон, Стокгольм были освоены и превратились в рутину. В рутину, если честно, превратилось почти все. И даже выразительная разница между крошечной двухкомнатной в блочном, когда мужа перевели из провинции в столицу и где теснились с сыном и бабушкой, мужниной матерью, покуда бабушка не скончалась,— разница между той двушкой и нынешними апартаментами, откуда уже парень уехал учиться в Сорбонну, больше не возбуждала.* В «Октябре» (№ 3) в рассказе **«Список»** некий московский литератор влюбляется в прозу израильтянки из России. Встреча с ней открывает ему, что она настоящий художник, а он просто так. *Многое с ним и в нем протекало так, что он не додумывал. Не желал или не умел. Тайное питало больше, чем явное. В явном слишком малого он достиг. Зато в тайном — все было его.* Рассказ **«Фирма»** — о том, как разладилась любовь от бездарности жизни. Кучкина умело сочетает социальную очерковость с дидактикой и лирикой. Незаурядная интеллигентская беллетристика в трифоновской традиции. Однако градус социального обобщения не так уж и высок, выход на центральные проблемы современного образованного сословия слишком опосредован.

Георгий Гратт в **повести «Скажи мне, мама, до...»** («Дружба народов», № 2) пытается скрестить того же примерно рода интеллигентскую прозу с политическим детективом. Старик-профессор Николай Иванович Сосновский оказывается вовлечен в авантюрную историю. В советские годы его школьный друг попал в спецшколу и потом в разных странах третьего мира выполнял задания советской родины. *...С той поры и сложилось их товарищество, их тройственный союз: Колька, Женька и Алик. Шли годы, но лишь крепла их дружба. Вместе гуляли, ходили на каток, смотрели первое после-*

военное кино, вместе готовились к экзаменам. Мечталось, как будут взрослеть, учиться в одном университете, и не беда, что на разных отделениях, зато в одних и тех же стенах будут, как тогда говорилось, грызть гранит науки. Святая наивность! Плохо же они знали Алика. Кто бы мог подумать, что увлекут его совсем иные материи? Что пропадет он на долгие годы не просто из поля их зрения — пропадет из страны, из пределов досягаемости простых человеческих отношений, став частицей той государевой силы, что позже заклеймят как аппарат подавления личности и свободы? Кто бы мог тогда во все это поверить? Николай Иванович невольно вздохнул и огляделся по сторонам. Воспоминания давались легко, вот только возвращение в действительность было тяжко. А теперь таких, как он, этот Алик, где-то там, в недрах то ли секретных служб, то ли других контор, решили отстрелять, чтоб не сболтнули лишнего. Начинающий киллер охотится на этих уже сильно постаревших и списанных в архив суперагентов... Скрещение вышло не весьма удачное. Текст многословен, выдумка натужна, дидактика чрезмерна.

В «Октябре» (№ 2) публикуется **фрагмент романа** лауреата премии «Национальный бестселлер» 2003 года рижанина **Алексея Евдокимова «Ноль-ноль»**. В первой части реализован сюжет бегства в современной Москве. Герой, хороший парень, убегает и скрывается. Его преследуют «эти». Конкретика, мотивирующая происходящее, намеренно опущена. Зато по ходу дела возникает масса деталей из современной жизни, панорамируются ее типы и характеры. Главный герой второй части — Фил, врач-нарколог. Его заботит качество современного человека: *...Скука. Теснота. Скованность. Клаустрофобия как главное, самое непереносимое ощущение от объективной реальности — этот мотив в общении Фила с подопечными торчикозниками присутствовал постоянно. Близость горизонта. Бедность выбора. Скудость содержания и перечня возможных вариантов.* Евдокимов приводит своего героя к поражению: никому нельзя помочь... Талантливая беллетристика.

Рассказ Сухбата Афлатуни «Проснуться в Ташкенте» («Октябрь», № 2) можно интерпретировать как пространное, разложенное на картины и разговоры, избыточное, как нередко это бывает у автора, прощание с ташкентскими евреями, уехавшими из Узбекистана. Много души.

Повесть Сергея Прокопьева «Сон Пресвятой Богородицы» («Москва», № 2) — о вреде абортов, о раскаянии бестолковой героини, избавившейся от будущего ребенка. Пишет автор с большим эмоциональным нажимом.

Рассказы Георгия Давыдова в «Новом мире» (№ 1) — вынутая из памяти рассказчика культурная, ностальгическая проза о живописных людях былых времен. *«Если бы не революция,— волнуясь, начинал дядечка все последние десять, большей частью одиноких, лет,— вы знаете, кем бы я был?» — «Нет, мы не знаем! не знаем!» — отвечали те, кто, разумеется, знал, что последует дальше. «А вот я вам скажу. — Я теперь вспоминаю, что прядка так же анархически скакала на мокром лбу, как и на старой фотографии, а верхняя пуговица сорочки самовольно расстегивалась от дребезжанья высохшей шеи. — Я был бы... — он успевал посмотреть на каждого, боясь неверия или даже насмешки,— я был бы — министром иностранных дел!»*

Такая же культурная проза выходит и из-под пера **Анатолия Наймана**. В **рассказе «Город Ленинград»** («Октябрь», № 1) он самозабвенно смакует ситуацию старческого полубреда. Некоего старца привозят в Петербург, чтоб он рассказал на съемках фильма о своем знаменитом старшем друге, давно покойном. Старец блуждает по полям памяти, пытаясь нащупать что-то нужное. Маршрут его прихотлив и извилист, путь долог, повествование регулярно зависает, как виндоус в компе.

Рассказы Валерия Айрапетяна в «Москве» (№ 2) — живая, бодрая, энергичная, на многое не претендующая, но для не весьма притязательного чтенья весьма подходящая юмористическая проза. Вот фрагмент рассказа «Она»: *Она примитивна, как мантра, и, как мантра, величественна. Вы можете прочитать ей курс немецкой классической философии и думать, что очень умны, до тех пор, пока она не рассмеется вам в лицо или не покажет язык, после чего Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель полетят в тартарары, оставив за собой лишь облако хрестоматийной пыли. Она не любит читать, потому что в ней чересчур много жизни и ее глаза устают на третьем абзаце, но это ничуть не умаляет ее достоинств, которые в большинстве состоят из недостатков. Она человек из семейства кошачьих. Она эгоистична, как сиамская кошка; свободна, как дворовая кошка, и, как кошка, красива — несмотря на отяжеленный таз, которым она неумело виляет, но который хорошо подает, потому что позиция сзади ее любимая, и ей нравится, когда все происходит спонтанно. Но шутки в сторону: этот зад таит в себе потенциал атомного ядра, расщепив которое, вы обрекаете себя на нескончаемую муку обладать им. Эта задница суть наваждение, она сродни навязчивой мысли, сверлящей ваш мозг, она средоточие жизненных красок, она исписана кельтским узором и символикой майя, она рушит надежды и приводит к краху, и она выдумана вами, точно галлюцинация в горячечном бреду.*

Александр Иличевский в **рассказе «Медленный мальчик»** («Знамя», № 1) снова радует своих поклонников противоестественно пристальным зрением (*...выкарабкался из песочницы, подбежал, затопал впереди по дорожке, прилипший лист косолапо светился на ботиночке, шелестел, подшаркивал, отпал...*), которое охотно принимают за какую-то особенно высокую художественность. Впрочем, на сей раз в прозе Иличевского спорадически промелькнуло и угрызенье совести (о реакции на пьяненького провинциала: *Следовало бы подойти — поднять, поддержать, провести, но из-за той же отупелости и нежелания хоть на секунду отвлечься от маленького сына он не заметил, как прошел мимо...*). Великовозрастный герой вдруг начал задавать вопросы, вспоминая умственно отсталых детей, и сказано об этом как о чем-то великом, исполненном небывалой значительности: *...он не мог понять: за что? Где же тут справедливость? Кому это наказание? Что-то замутилось в его голове, он давно так пристально не думал, давно не вынимал и не разбирал в пальцах сложносоставную ледышку своего мозга, а сейчас ему необходимо было избавиться от себя, улетучиться, и в голове что-то напружинилось, он чувствовал в мышлении физическую тягу, какой-то поворот в душевном смысле, его строе, будто все ранее выстроенные нейронные связи, связи прошлого и ожиданий — словно стая рыб вдруг шарахнулась от хищника, полыхнула знаменем и ринулась в иную сторону...* А ответ на эти горест-

ные вопрошания таков: *...каждым своим чувством человек творит ангелов, хорошим чувством — доброго ангела, плохим — дурного. Дурные ангелы после не отстают и все время торчат наготове, чтобы усугубить и подначить, умножить свое воинство. И нужно быть очень сильным, чтобы охранить и очистить пределы души. А добрые ангелы — они увеличивают помощь в мире, а что если медленный мальчик и есть такая душа, которая только и делает, что порождает добрых ангелов? Что если Богу как раз такие мастера и необходимы,— чтобы без промаха производили добрых слуг? И что эти ребята с добрыми лицами как раз и есть подобный цех мастеровых!* В рассказе есть привкус большой искусственности, но попытка выйти на хоть какую-то проблему духа для Иличевского почти беспрецедентна. В «Октябре» (№ 1) еще два **рассказа** модного автора. В **«Облаке»** красотку-гастарбайтершу из Молдавии (портрет которой словесно весьма выразителен!) обвиняют в убийстве итальянской богатой старухи, но Иличевский с этой ситуацией не справляется, предпочитая уйти в манерно-живописные ретроспекции, в марево воспоминаний и ощущений героини. В **«Костре»** нам поясняют, что природный ландшафт лучше государства и женщины. Вполне в духе свойственного автору натуралистического редукционизма герой рассуждает, к примеру: *...мало что еще есть в мире более величественное, чем согласное растворение в природе.* Ну, и еще там много велеречивых банальностей. Однако на сей раз это не последний вывод, герою еще суждено заблудиться и пережить путаную рябь чувств, связанных с заботой о жене и ребенке.

«Несколько случайных историй» дебютанта **Алексея Демченко «Ваше время и стекло»** («Знамя», № 1) — цикл коротких рассказов, имитирующих запись бесхитростной речи одного или нескольких персонажей. *...каждый раз, когда я вспоминаю что-то из прошлой жизни (которая не такая уж и прошлая, если подумать, потому что не все нити оборваны и нельзя быть совсем уж пенсионером в некоторых случаях), всплывает куча воспоминаний и одно тянется за другим. Это просто иллюстрация, как мы жили. Я, между прочим, ни о чем почти не жалею. Кроме причины, по которой все это стало мне безразлично. Да и это давно отпустило.* Помимо имитации ничего в этих вещицах, возможно, и нет. Кроме, конечно, еще рекомендации их к печати в исполнении **Александра Кабакова**.

Молодой прозаик **Владимир Лорченков** из Молдавии, предваряя публикацию двух его рассказов в «Знамени» (№ 1), пишет, что они входят в постмодернистский текст **«Любовь это...»**. Образцом структуры послужила «История сотворения мира в 10 с половиной главах» Джулиана Барнса. Если у Барнса стержень романа — библейский миф, то связующим мотивом лорченковского *текста стала любовь. Во всех ее проявлениях...* Оценим разницу в замысле. В предложенных же версиях, реализующих его, любовь представлена в плане скорей анекдотическом, в лучшем случае трагифарсовом. *...В тринадцать лет лишился девственности с семнадцатилетней дочкой молдавского полицейского, убитого в войне на Днестре. Семью его эвакуировали в Кишинев, и там они жили, как беженцы, в дешевой гостинице. С тех пор, знаете, сколько я ни пытался победить это в себе, слова «участник вооруженного конфликта» и «защитник территориальной целостности» ассоциировались у меня исключительно со взмокшей от напряжения спиной*

Стеллы. Стеллы, которая стоит на четвереньках, яростно подмахивает, выкрикивая что-то на румынском и глядя мне в глаза. Да, да. Родной язык своей матери я не выучил исключительно из-за этих воспоминаний: каждый раз, когда я слышу румынскую речь, меня разбирает смех.

В **рассказе** молодого прозаика **Александра Снегирева «Любовь»** («Знамя», № 3) герой делает тату в честь каждой новой подруги. К этому примешано еще много всяких довольно наивных впечатлений рассказчика-молодого москвича о своей и окрестной жизни. Еще более инфантилен **рассказ «Друзья детства»**. Снегирев в принципе неглуп и даровит, но страшно поверхностен.

Повесть Евгении Добровой «Розовые дома» («Новый мир», № 3) — история житейских обстоятельств и треволнений молодой москвички. Мило, бойко, весело. *Боже, зачем я пошла работать в редакцию! Вернее, не так: Боже, зачем я вообще пошла работать! Зачем я послушалась маму и папу и пыталась тратить свое драгоценное время на такое ужасное и неблагодарное дело, как служба! Закончив два года назад институт и перепробовав - надцать работ (собственно, на работы меня безжалостно выпинывали, иного глагола и нет, пинком за дверь выставляли — меня, дочку родную! — заботливые, пекущиеся о благе ребенка родители), от бензоколонки (оператор-кассир, сутки-трое) до пресс-центра президента Е. (ночной мониторинг средств массовой информации за о-о-очень символическое вознаграждение), я под конец остановила белку в колесе и осела на несколько месяцев в частном издательском доме. В конце концов, где еще приютиться писателю, как не возле книги, думала я.* Красивая вообще жизнь у молодежи гламурного века. Нетрудная. Но и без какого бы то ни было представления о великом.

Очень нередок в прозе откровенно ***ФАНТАЗИЙНЫЙ ЭЛЕМЕНТ***.

Фантастико-дидактическая **повесть** петербуржца **Алексея К. Смирнова «Мор»** («Новый мир», № 1) любопытна не вымыслом своим, вполне вторичным и банальным, а эпизодическими острогротескными касаниями к вполне натуральной жизни. Реальность не одна, их много, похожих и различных. Герой — Свирид Водыханов (он же Шунт) — наделен даром уходить из одной реальности в другую, менять миры в случае опасности или угрозы. Эксплуатирует он эту способность по-разному, становясь в конце маньяком-убийцей. А по совместительству является писателем. Описано все это умело, смачно. Тема «гений и злодейство» раскрыта — пусть неглубоко, но эффектно. Не зюскиндовский брутально-жеманный «Парфюмер», конечно, но штучка стильная, с декадентским душком. В финале героя ждет возмездие, настигающее его в роли лакея-сочинителя при мафиозном нуворише. Но герой не сдается и намерен написать нечто гениальное, пусть только для себя самого.

В **рассказе** ростовчанина **Дениса Гуцко «Молчаливый Афанасий»** («Дружба народов», № 1) заглавный герой еще мальчишкой открывает в себе способность оборачивать время вспять, но не пользуется ею, доверяя Богу. К этому примешаны советские физики-ядерщики, дух князя Ордынцева, подростковая влюбленность, Сибирь, Питер и буддисты. В **рассказе «Море Цаплина»** у мальчика появился папа, что вызывает в его душе маленький ураган. Гуцко же здесь дрейфует к сентиментализму мейнстримного толка, чему вовсе не мешают фантастические элементы. Добротная ординарная проза.

В ***«повести утерянного времени»*** **Владимира Березина «Ностальгия»** («Новый мир», № 3) встретить новый год собрались в одной из высоток в центре Москвы несколько приятелей, мужчин среднего возраста из среднего класса. *Мы пили и за старый год, угрюмо и неласково, ибо он был полон смертей. И за новый — со спокойной надеждой. Нулевые годы катились под откос, и оттого, видимо, так четко вспоминались отдаляющиеся девяностые. У каждого из нас была обыкновенная биография в необыкновенное время. И мы, летя в ночи в первый день нового года над темнеющим городом, принялись вспоминать былое, и все рассказы о былом начинались со слов «на самом деле». А я давно знал, и знал наверняка, что все самое беспардонное вранье начинается со слов «на самом деле...». Говорили, впрочем, об итогах и покаянии. Слишком многие, из тех, кого мы знали, не просто любили прошлое, но и публично каялись в том, что сделали что-то неприличное в период первичного накопления капитала. Я сам видел очень много покаяний моих друзей — и все они происходили в загородных домах, на фоне камина, с распитием дорогого виски. Под треск дровишек в камине, когда все выпили, но выпили в меру, покаяния идут очень хорошо. Есть покаяния другие — унылые покаяния неудачников, в нищете и на фоне цирроза печени. Очень много разных форм покаяний, что заставляют меня задуматься о ревизии термина.* И еще много других красивых рассуждений об истекании сроков и утратах. Эта меланхолическая грусть обрывается фантастическим поворотом сюжета во второй части повести: некий ностальгирующий герой вываливается из поезда в какое-то странное советское прошлое, что моментально излечивает его от приятных снов о былом. Он ловит единственный шанс вернуться в наше время... Вот такая недорогая игра с временами стала главной темой Березина в последнее время.

Налет фантасмагории лежит и на **рассказе Евгения Попова «Оскал»** («Октябрь», № 1). Старый литератор рассказывает своему знакомому в ресторане о некоем автобусе, который в давние (как можно понять, примерно наши) времена рухнул в реку Е., после того как пассажиры его, впечатленные зрелищем открытого совокупления мужчины и женщины за окном, сами занялись подобной ерундой. Показательно, что и за ужин с персонажей денег не взяли. При желании в рассказе можно увидеть философическую притчу то ль про рецидивирующий «оскал капитализма» в его самом профанном выражении, то ль про парадоксы прогресса. А можно и не увидеть.

В **повести** нижегородца **Валерия Хазина «Труба»** («Дружба народов», № 3; первая публикация — сетевое издание «Стороны света», 2007, № 5 — в формате гипертекста, с не слишком, как правило, обязательными отсылками к Библии, Корану и истории: http://www.stosvet.net/5/hazin/) в подвале обычного жилого дома обнаруживается нефтеносная труба, что влечет за собой разнообразные последствия. Есть элементы социальной сатиры, но отпугивает многословие автора, без разбора вплетающего в ткань повествования почти все, что взбредет в голову.

Мальчик с невозможными крыльями возникает на первых страницах **рассказа Юрия Буйды «Закон Жунглей»** («Октябрь», № 3). В остальном это — очерк посконно-сермяжной простонародной жизни, какой ее представляет автор. Гротескные быт и нравы коммунального народца Буйда умел живо-

писать и прежде. Только место действия теперь не Кенигсбергщина, как прежде у него было, а пригород Москвы, Жунгли. И на этой площадке он оказывается, однако, естестственным конкурентом и отчасти как бы эпигоном Асара Эппеля, который давно уже не без успеха промышляет скоромными сюжетами из примосковской житухи-жутухи.

Как нередко с ней бывает, весьма производительна в этом сезоне беллетристка **Елена Долгопят**. В «Дружбе народов» (№ 3) и «Новом мире» (№ 3) — очередные подборки ее текстов. Ее предмет — разные казусы: житейские, психологические... Фантастический оттенок часто подразумевается. Как в **рассказе «Магнитофон»**, где персонаж изобрел аппарат, который открывал *глазу и слуху человека память любой вещи, память камня или память пустого бумажного листа*. Уверенное, хотя и не слишком выразительное письмо.

Владимир Шаров в очередном своем **романе «Будьте как дети»** («Знамя», 2008, № 1–2) предается тем же квазиисторическим упражнениям, которыми увлечен был и прежде. Попытки его вживить в пространство реальной истории квазирелигиозные сюжеты с участием не только полностью вымышленных персонажей, но и героев, названных именами небезызвестных исторических деятелей (Ленин, Троцкий и пр.), вызывают сначала оторопь и любопытство, а потом легкую брезгливость. Как, например, версия о том, что в последние месяцы жизни Ленин не просто впал в детство, а сделал это принципиально, обозначив тем самым новый путь спасения... Писатель вкладывает немалые творческие силы в сущую чепуху, которая в 90-е годы была хотя бы мотивирована общим тогдашним контекстом полуграмотного блуждания в трех соснах веры, но теперь выглядит злокачественным рецидивом довольно наивного «постмодернистского» декаданса. Тем не менее в романе есть и интересные страницы. Например, те, где речь идет о московской общине верующих-катакомбников или о причудливой судьбе учителя веры, бывшего разбойника Перегудова. Увы, и здесь практически всегда к существенным смыслам примешивается что-то болезненное. Роман в придачу рыхл и иной раз кажется бессвязным собранием пестрых глав.

Игровая проза **Ольги Марк** из Казахстана **«Страшные сказки на ночь»** («Знамя», № 2) имеет своим формальным первоисточником жанр анекдотов про Вовочку. Героя Марк зовут Толиком, а сами анекдоты приобрели гротескно-фантастический вид. Например: *Ночной кошмар. Однажды Толик поехал в Астану и увидел там высокую-высокую башню с шариком наверху — «Байтерек». Красивый-красивый. Толик еще никогда в жизни не видел такой огромной конфеты. Он бы все на свете отдал, чтобы ее попробовать. Толик закрыл глаза, представил, что он, огромный и сильный, находится над башней, высунул язык и лизнул круглый блестящий шарик. С тех пор всем жителям Астаны в любую погоду каждую ночь снится, что они лижут «Байтерек»*. Остроумно и самодостаточно.

МЕМУАРНО-ЭССЕИСТИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

«Прощальный монолог» одного из старейших наших писателей **Леонида Зорина «Медный закат»** («Знамя», № 2), как извещает журнал, завершает собой **цикл монологов** — «Он» (№ 3, 2006), «Восходитель» (№ 7, 2006), «Письма из Петербурга» (№ 2, 2007) и «Выкрест» (№ 9, 2007). В «Медном закате»

автор и герой-повествователь, кажется, слиты воедино. Это размышления о жизни и о творчестве. Отчасти из 1974 года, с упоминанием о герое пьесы «Покровские ворота»: *О чем же я буду писать? Да о том же. О чем лишь и думаю все эти дни и в этот вечер, когда я мерзну на склизком крыльце, уставясь в небо. Если я так нелепо устроен, что нынче, почти за год до пятидесяти, так люто тоскую о Костике Ромине, о днях его свежести, значит, мне важно почувствовать их вновь под рукою, хотя бы воспрявшими на бумаге. Кто-нибудь только пожмет плечами: какая поспешная ностальгия! Дело его, мое же дело — перенестись на Петровский бульвар. Именно там я поселился в этой запроходной комнатенке, в грязной, захламленной квартире, заполненной странными людьми. Казалось, попавшие в мощный смерч, они исхитрились, они увернулись, сумели неведомо как зацепиться за шаткую неверную твердь и вот очутились под этой крышей, отряхиваются и чистят перышки. Они привыкли сосуществовать, едва соприкасаясь друг с другом. И что могло связывать между собой двух рафинированных знатоков французской словесности, торгаша, почти не размыкавшего губ, пенсионерку, косого монтера, рыхлую даму, в прошлом певицу, ее любовника-гастролера, который выступал с фельетонами, ремонтника из какой-то артели и пучеглазого фармацевта. Каждый барахтался в меру возможностей, однако же без больших достижений, запущенные, полупустые комнаты уже не скрывали их поражения. Но для меня, для Костика Ромина, все эти люди были счастливцами, ибо обладали пропиской, были законными москвичами. И я, проживший в этом аквариуме четыре года, смотрел на них с завистью. Ведь, в сущности, я был нелегалом. Но я до дрожи любил Москву, я знал, что всюду и даже там, на родине, где море певуче, где ветер крылат, а воздух молод, я буду жить бесплодно и пусто, я знал, что лишь здесь найду свое место. Теперь, в этом семьдесят четвертом, спустя столько лет, в январскую смуту, я ощутил, что настало время писать о свидании со столицей и вновь погрузиться в тот сладкий омут. Пожалуй, единственная возможность вернуть хоть подобие равновесия.* Переносится Зорин и в другие времена, и даже в Коста-Рику. А вот его собеседницей становится чилийка, учившаяся режиссуре в ГИТИСе и поставившая однажды в нашей провинции «Варшавскую мелодию» Зорина. Умная исповедальная проза. *Я спрашиваю себя: что я понял? Совсем немного. Одно, быть может: что простодушие неоценимо. И что удача, в конце концов, только стечение обстоятельств. Что счастье — это короткий укол, дарует его любовная близость, либо летучее прикосновение особой полноты бытия, особого единения с сущим — не успеваешь понять, что счастлив. А на поверку и длинная жизнь оказывается достаточно куцей, когда наступает ее исход. Чередованье ее сезонов с их усыпительным однообразием сжимает всякую протяженность — и видишь, как она коротка. Теперь, когда предстоящие дни уже не тешат воображения и нетерпения нет и в помине, становится ясно, что ожидание — счастливейшее из состояний. Возможно, что другого и нет, если не брать в расчет горячки, когда наконец заключаешь в слово будто выскальзывающую мысль. Есть нечто сходное — независимость. От государства. Внимания ближних. Еще — от страстей, тебя терзавших. И это — последняя ступень. Вдруг найденное гнездо жар-птицы. Однако перед этим открытием нужно прожить заметный срок на Северном полюсе одино-*

чества. Столь мирно дремавшее в дальнем углу, как старый пес, доживающий век, оно заполняет собою твой дом. Но по-иному и быть не могло. Ибо твоя бессрочная вахта с карандашом над листом бумаги творит безвоздушное пространство. Несокрушимую Soledad. Однажды я надоел своей жизни, и вот, махнув на меня рукой, она дала мне ее дожить. Пока, неожиданно для меня, заплывшее салом и жиром время, лежавшее своим ликом к стене на левом боку (вот отчего так изнурительно ныло сердце!), перевернулось, и я обнаружил, что проскакало тридцать три года и что живу я в другой стране. Не оказалось в ней той Москвы, в которую закусив удила я рвался так яростно, самозабвенно, чтобы суметь в ней укорениться или, наоборот, погибнуть. Все в ней до чужести переменилось, осталось лишь в памяти твоей кожи.

А в «Новом мире» (№ 2) напечатан ***«футурологический этюд»*** **Леонида Зорина «Островитяне»**. Странник Сизов в XXII веке возвращается на родной остров Итаку... Далее — автор строит повествование вокруг и посредством весьма нетривиальных разговоров, размышлений о человеке и мире. Это сгустки опыта, сколок житейской философии автора. Диалоги о свободе, счастье. Так строится антиутопия о блаженной стране, которую способный посмотреть со стороны Сизов характеризует так: *Старая мудрая Итака — счастливое кладбище. Остров мертвых. Хотя они здоровей живых. Мой остров — благословенный остров, где не стареют и не умирают. Веселый и цветущий Некрополь.*

«Последнее дыхание героя» **Михаила Левитина** («Октябрь», № 3) — **повесть** о непоправимых потерях, с каждой из которых теряешь себя и должен себя заново собирать. Мать, друзья, актеры... *...Из номера он уже не вышел, потому что ему нечего было делать в Боготе с больным сердцем. Прощай, континент, ты теперь не континент, а могила, громадная могила моего друга, окруженная водой.* Лирическая исповедь рассказчика, может быть, и самого автора. *Что такое жизнь? Почему она должна быть мне дорога, когда моих уже нет? Почему я боялся приподнять простыню и взглянуть на лицо умершей? Почему я вообще боялся войти в ее комнату, где рыдала эта несчастная, нанятая мной, ненавистная мне сиделка, единственная, видевшая ее агонию, почему не я, а моя подруга подошла к постели, отогнула простыню, взглянула? Как будто там мог лежать кто другой, а не моя мама? Чего я боюсь?* Значительная, честная проза.

«Повесть о детстве» Анастасии Афанасьевой («Новый мир», № 3) — прихотливо организованный мемуар. Харьковская молодость 90-х годов. *Зашла к родителям и забрала большой пакет, полный школьных записок. В нашем классе был очень популярен эпистолярный жанр. Мы переписывались на уроках каждый день. Сохранилось многое, но далеко не все. Мама сказала: «Благодари, что я эту гадость не выбросила». Мама считает, что многие страницы истории моего подросткового возраста нужно уничтожить. Я считаю, что рукописи не горят. Это будет повесть о позднем детстве.* Ну и о любви, конечно, в тех исторических декорациях, которые редко пока что становятся предметом сугубо личных воспоминаний.

Ученый-химик **Клара Титова** в воспоминаниях **«От судьбы не уйдешь»** («Новый мир», № 1) воссоздает наиболее яркие эпизоды своей жизни,

удержанные памятью. Просто жизнь — 30-е — 50-е. Добросовестное личное свидетельство о середине XX века.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕМУАРЫ так или иначе имеют своим средоточием то, что связано с главным (или неглавным) делом жизни автора.

Руслан Киреев в «Знамени» (№ 3) завершает свой обширный мемуарный труд **«Пятьдесят лет в раю»** (начало — 2006, № 3, 10; 2007, № 5, 6). Ныне — девяностые. Литературная жизнь на переломе от совка к современности, поездки, творчество, а также — специально — портреты: Евтушенко, Курчаткин, Турков, Полянская, Роднянская. В том числе и рассказ о своем позднем крещении: *...в сумочке жены и лежало красное, похожее на институтский диплом «Свидетельство о крещении», удостоверяющее, что сие таинство совершенно такого-то дня там-то и там-то над Иосифом Киреевым. Почему Иосифом? А потому что Руслана в святцах нет, мне предложили несколько близких по звучанию имен, но я выбрал имя Иосиф,— быть может, потому, что история Иосифа Прекрасного представляется мне, как и Томасу Манну, столь роскошно пересказавшему ее, одной из самых замечательных в Писании... Имя было другое, но я другим человеком не стал. Или, может быть, стал, но мне, робко надеялся я, мешает почувствовать это дневная суета?*

Воспоминания поэта **Кирилла Ковальджи «Из вчерашнего века»** («Октябрь», № 2) — о жизни автора в литературе. Об известных и забытых Паустовском, Долматовском, Льве Озерове, румынском поэте Николае Стэнеску. Продолжение серии литературных портретов «Моя мозаика», начатой в книге «Обратный отсчет» и других публикациях.

«Записки из-под полы» критика и экс-министра культуры (1992—1998) **Евгения Сидорова** («Знамя», № 2) это скорее штрихи к жизни, не претендующие на последнюю серьезность ни в личном опыте, ни в оценке итогов своего общественного поприща. Понятное дело, ведь *прошлого для человека как бы и нет, оно — фантом, иллюзион, воспоминания; все — настоящее, как и последний глоток воздуха, пойманный остывающим ртом. И только искусство дышит прошлым, живет и умирает в нем.*

Пестрый, живописный сор в изобилии вытряхивает на страницы своих воспоминаний **«Байки старой "Литературки"» Владимир Радзишевский** («Знамя», № 1). Автору есть что вспомнить, он с 1974 по 2002 год проработал в «Литературной газете». Наблюдения, случаи, легенды, сплетни... Всему есть место у неразборчивого, но умеющего быть занимательным и бойким Радзишевского.

Поэтесса **Елена Игнатова** в прозе **«Кинофабрика»** («Знамя», № 1) вспоминает о том, как работала на киностудии «Ленфильм»— автором закадровых текстов (вначале) и сценаристкой (потом) документальных и научно-популярных фильмов, как писала сценарий фильма «Личное дело Анны Ахматовой». Присутствуют Илья Авербах, Семен Аранович и др.

***«Непридуманные истории»* Марины Москвиной «Радио "Москвина"»** («Дружба народов, № 2) обязаны появлением работе автора на радио на рубеже 80-х — 90-х годов. *Радио — загадочное слуховое окно, прореха в крыше, узенькая щелочка, через которую к тебе умудряются просочиться звезды с луной, все небо, зелень и синева, целый мир, гудящий, словно пчелиный улей.* По своему обыкновенью автор создает теплый, уютный мир, заселенный геро-

ями радиопередач, друзьями, коллегами, родственниками... *Полностью восприимчивая, открытая, без единой запертой двери, без единого закрытого окна, я ждала встречи с чем-то непостижимым и безымянным.* Болтливое красноречие Москвиной иной раз увлекает.

Народный депутат РФ 1990—1993 годов, сооснователь и сопредседатель Социал-демократической партии России 1986—1998 годов и член Конституционной комиссии **Леонид Волков** в «Дружбе народов» (№ 1—2) предлагает читателю ***«опыт исповеди бывшего нардепа»*** **«Русская весна»** (главы из книги). Автор в самом начале называет себя *динозавром эпохи*, печалится, что социалистическая идея в России не прижилась и признается, что *уже разменял вторую пятилетку в Германии.* Волков остер на язык, четок в суждениях, хотя иной раз и велеречив: *Наша революция была восстанием джентльменства против хамства. Мы хотели не богатства, а благородства. Вот почему мы были избраны вопреки всем прогнозам. Вот почему так легко проходили наши благородные формулы — в регламенты, законы, проекты Конституции. Мы все пылали страстью, и нашим предметом была дама благородных кровей — так мы понимали демократию, так мы понимали историю, так мы понимали Россию. Не исключая многих коммунистов, все хотели блистать перед ней. Мы фехтовали, как Атос, были галантны, как Арамис, отважны и бедны, как Д'Артаньян, хотя нередко и щеголяли фальшивой позолотой демократических портупей, как Портос.* Политические мемуары, интересные свидетельства заинтересованного участника.

В документальной прозе сезона появилось и несколько ***ОЧЕРКОВО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ*** вещей.

Илья Анпилогов в **«триптихе» «Всюду жизнь»** («Знамя», № 2) рассказывает о трех точках на карте нынешней России. Сначала — о родном городе — военной базе Гаджиево (Мурманск-130). Сегодня здесь *циники ждут увольнения по сокращению, когда не надо будет продолжать тянуть флотскую лямку, а получать все разом (пенсию, бесплатный контейнер, квартирный сертификат), но есть и романтики. Эти ждут «вероятного противника», при наличии которого в базе и в море стало бы тесно от кораблей. Однако ни сократить служивый люд, ни назначить ему противника страна никак не решится, поэтому каждый строит свою жизнь, как умеет, а по некогда пустым улицам теперь суетится народ: кто-то таксует, кто-то ворует, кто-то держит магазин, на пестрые вывески которого постоянно натыкается глаз. При этом народ еще и служит. Хотя денежного довольствия хватает лишь на то, чтобы обеспечить работой унитаз (для сравнения — буханка хлеба стоит здесь 25 рублей).* Затем о поселке газовиков Юбилейный под Вологдой. И наконец — о Щиграх под Курском, глазами местного дворника. Яркий, лаконичный и содержательный текст.

Александр Стесин в **очерке «Лесные люди»** («Октябрь», № 1) подробно представил северный народ манси, обратившись к той его части, которая наименее затронута современной цивилизацией, стирающей культурную самобытность народности. *В отличие от оленеводов тундры — ненцев и ямальских хантов,— чьи земли граничили с Пелымским княжеством на севере, манси были таежными охотниками. Там, где путь «непроходим пропастьми, снегом и лесом», располагалось их таежное государство.*

Сергей Костырко в **очерке «Пейзаж Челябы»** («Новый мир», № 1) передал свои впечатления от южноуральского города. Оказывается, *Челябинск — один из символов истории XX века, возможно, в самом ярком и драматичном воплощении этого века — истории СССР. Нравится он нам или нет, дело второе. Но он есть, и мы — его дети.*

А еще в «Новом мире» (№ 2) публикуются ***«этюды к будущей книге»*** **Владимира Новикова «Блок».** *«Я раздвоился» — такими словами начнет Блок свой дневник в 1901 году. И раздвоение навсегда останется первым шагом творчества, необходимым препятствием на пути к той лирической искренности, которую в поэте станут ценить более всего.*

Сугубо идеологична квазиисторическая **повесть** члена редколлегии газеты «Я — Русский!» **Игоря Дьякова «Врагу не сдается...»** («Москва», № 2). Автор пробует вникнуть в причины Русско-японской войны, гибели крейсера «Варяг», разных тогдашних проблем и передряг в России. А теперь угадайте с трех раз, кто же во всем этом сольно виноват?.. Ну да, евреи! *Да, действует это племя заодно по всему миру и едино в своей ненависти к России.* Ну а *чека — означает по-еврейски «бойня для скота».* Вы не знали?

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Звезда», «Нева»

Все углубляется и углубляется, к сожалению, пропасть между двумя питерскими «толстяками». Все чаще убеждаешься: плоховато в «Неве» с отбором рукописей. Да и существует ли он там, этот отбор? Или достоянием славного в не таком уж далеком прошлом журнала становится то, что не устроило печатные органы более строгие? Грустно, если так.

Но сначала — о том, что заслуживает внимания.

Старейшина петербургского писательского цеха, фронтовик **Даниил Гранин** в своем **«Листопаде»** («Звезда», № 1–2) делится множеством собранных за долгие годы воспоминаний, набросков, размышлений. Столкновение казенной, как правило, обезличенной и обездушенной истории с индивидуальной человеческой памятью, живой и очень больной — вот тема и нерв гранинской прозы. Вспоминая блокаду, нестихающую ленинградскую боль, писатель, один из составителей знаменитой «Блокадной книги», рассказывает: в прежние времена слова О. Берггольц на памятнике Пискаревского кладбища — «*никто не забыт, ничто не забыто*» — звучали, точно клятва государства, согревая и блокадников, и солдат. *Прошли годы, и они,* — говорится дальше, — *незаметно превратились в упрек: что же вы, господа хорошие, забыли и нас, и все, что было?* Казенная история блокады, намертво вбитая в учебники и в головы потомков, говорила о героической эпопее, а личная память блокадников — *о том, что уборная не работала, ходить «по-большому» надо было в передней, или на лестнице, или в кастрюлю, ее потом нечем мыть, воды нет...* Гранин пишет: *Мы не хотим осмыслить цену Победы. Чудовищная, немыслимая цена. Правду о потерях выдают порциями, иначе бы она разрушила бы все представления о сияющем лике Победы. Все наши полководцы, маршалы захлебнулись бы в крови... Из черепов можно было бы*

соорудить пирамиды, как на верещагинской картине. Рассказывает писатель и следующий потрясший его эпизод. Услышав по радио концерт Моцарта в исполнении Марии Юдиной, восхищенный Сталин распорядился послать пианистке 20 тысяч рублей. Ответ Юдиной был таков: *Благодарю Вас за помощь. Я буду день и ночь молиться за Вас и просить Бога, чтобы Он простил Вам Ваши тяжкие грехи перед народом и страной. Бог милостив, Он простит. Деньги я пожертвую на ремонт церкви, в которую я хожу.* Историю эту Гранин узнал от Шостаковича, назвавшего письмо пианистки самоубийственным. Письмо и впрямь было самоубийственным. Однако что-то заставило Сталина удержаться и не подписать уже готовящийся приказ об аресте Юдиной. Что?.. Едва ли кто даст на это ответ. Да, не так уж часто сбывается давняя мечта интеллигенции *истину царям с улыбкой говорить...*

О терзаниях некоего режиссера из Израиля, задумавшего снять в Голливуде необычный, ни на что не похожий фильм о еврействе, рассказывает **Анна Исакова** в **«Пасторали»** («Звезда», № 3). Идея фильма Марка Сироты (так зовут режиссера) — *еврейская пощечина всему миру.* Но нужно ли снова ворошить прошлое и плескать свежим керосинчиком в давний костер? Или мало нашей планете других не стихающих национальных проблем?! Но Марк словно весь соткан из своей страсти. Собственно говоря, он сам, со своей страстной мечтой рассказать о великих евреях прошлого и настоящего, посеять сомнения в антисемитских байках, а также осудить жертвенность и пассивность Холокоста (*набившей оскомину Катастрофы*), и есть *пощечина* — пощечина общественной инертности.

Любопытный **рассказ** под заглавием **«Нюточкин дом»** представлен в «Звезде» (№ 1) **Еленой Чижовой.** Рассказ, что называется, жизненный, однако страдает воистину патологическим многословием. Итак, Нюточка, она же Анна Петровна, немолодая девушка-бухгалтер. Незадачливая судьба, бедные, но по-советски честные и ограниченные родители, постылая работа. Одна у Нюточки отрада — ее ухоженная квартирка в центре Питера. Уж как она ее украшает — из последних сил и средств, находя в шикарных обоях и красках столь недостающую ей в убогой ее жизни красоту. А дом ее чуть было не сносят под вторую сцену Мариинки... Вот и умирает Нюточка от одной только мысли, что не будет у нее своего дома. История, что и говорить, трагическая, но для ее изложения потрачено столько слов, что образ героини в них прямо-таки утоплен. Будто автор нарочно загораживается ими от простых человеческих чувств.

Схожим недугом страдает и обширная **повесть** тбилисца **Гелы Чкванавы «Лауреаты Солнечной премии»** («Нева», № 3). Натужный невыносимо многословный юмор, выспренность, соседствующая с откровенной безвкусицей, полная вневременность повествования. Уровень этой полусамодеятельной продукции ярко демонстрируют фразы вроде — «*Небо было похоже на женщину, тщетно прождавшую всю свою жизнь своего любовника*». Или — «*Пармен Гогия играл на рояле мщения и заставлял плясать всех соседей*». Уж до чего автор самому себе нравится — аж жуть. Крутятся в повести какие-то герои, едва ли друг от друга отличимые, — одни появляются, другие невесть куда исчезают. Только-только ухватишь промелькнувший сюжетный кончик, — а он уже и сгинул... Кто-то ищет какое-то запрятанное ружье, а

кто-то — своего сына, рожденного от случайной встречи... Почему-то убивают милого преданного пса по кличке Тунтия, а по поводу пропажи другого дворового пса возмущенный народ устраивает на улице целое собрание... Напоминает все это лубочные страсти-мордасти из комедий знатного соцреалиста Анатолия Софронова. Думалось ли нам, что он окажется настолько бессмертен?

Повесть Игоря Смирнова-Охтина «Латунная традесканция» («Нева», № 2) тоже к числу удачных едва ли отнесешь. В подзаголовке ее жанр обозначен так: ***«Две фантазии о железнодорожном начальнике»***. Но фантазий там не две, а гораздо больше. В сущности фантазией является вся повесть, а реальность в нее лишь вкраплена, и одно от другого отличаешь не без труда. Все дело в том, что герой ее, тринадцатилетний мальчишка, растущий без отца, мысленно то и дело превращается в сорокалетнего мужчину — иной раз в высокопоставленного министра железнодорожного транспорта, иной — просто в инженера-путейца. Р-раз — и сиганул из скучноватой и бедноватой своей жизни в прекрасное (и начальственное) будущее. Такие вот прыжки туда-сюда-обратно. Следить за полетом авторских фантазий трудновато, но, скорее всего, писатель и задался целью осложнить читательскую жизнь. Желать ему на этом поприще удач не очень хочется. Литература все-таки не ребус.

Начало года ознаменовалось в «Неве» повышенным интересом к судьбе несчастной российской женщины. Ей дружно сочувствовали и писатели, и писательницы. **Анна Русских** опубликовала в «Неве» (№ 3) надрывный **рассказ** под заглавием **«Женщина в поисках выхода из тупика»**. Ее несчастная героиня, библиотекарша, несчастна настолько, что кажется — страшнее уже некуда. Она и сирота, и муж у нее пьет, и уйти ей некуда, и денег постоянно нет, и сын того и гляди загуляет и подастся в наркоманы. Но оказывается — еще есть куда! От мужа-то она уходит, но впереди ее ждет опознание тела сына, не то убитого, не то скончавшегося от передозировки наркотиков. Итог — *оцепенение сковало все ее тело.* Скорее всего, главной идеей, питавшей авторское вдохновение, было: не отчаивайтесь, бедняги российские женщины, ибо еще не край — всегда найдется ситуация пострашнее вашей. Идея не особо, конечно, художественная, скорее несколько механистическая, с бесконечным знаком минус.

А за ситуацией «еще пострашней» далеко ходить не надо. Она обнаруживается в той же «Неве» (№ 2): **Евгений Каминский** в **рассказе «Неподъемная тяжесть жизни»** излагает леденящую душу историю о несчастной старушке, у которой бандит вырывает изо рта единственную ее ценность — золотые зубы — и оставляет ее умирать в лесу. Вообще невозможные ужасы жизни сконцентрированы у Каминского в немыслимой степени. И всех своих родных, включая мужа и сына, его героиня похоронила, и соседи-садисты ее постоянно травят, и голодает она. Одна радость у бабушки: завела себе друга сердешного — таракана Голубчика. В общем, никакой жалости для такой судьбы не хватает, и автор, дабы не впасть в бесконечное слезотечение, избирает иронический тон. Который, надо сказать, спасает рассказ мало. Перед нами не столько живая человеческая судьба, сколько переизбыток кое-как сцепленных и плохо прописанных несчастий, которые автор почему-то изображает с налетом почти что сладострастия.

Не отнесешь к числу удачных и **рассказ Ольги Марголиной «Женщина и Плотина»** («Нева», № 3). Почему-то автору на ум пришла несколько странная идея представить плотину, возведенную где-то *в солнечном Дагестане*, в виде живом, при этом манерно женственном. Эта несчастная Плотина, *бедрами упираясь в берега*, *неподвижная* и *стреноженная*, *плачет от бессилия*, поскольку в ней обнаруживаются трещины. Женщина-строитель любит Плотину, как своего мужа (впрочем, не исключено, что перед нами лесбийская любовь, — во всяком случае, сильно нетрадиционная). *Мы поможем тебе, дорогая!* — говорит женщина своей ненаглядной Плотине. — *Утрем твои фильтрационные слезы, укрепим основания и скалистые бока. Я постараюсь дать мужчинам практический совет, и, если он не потребуют больших финансовых вливаний, они тебя вылечат. Ведь это им жить с тобой рядом, для их жен и детей ты будешь давать в дома свет и тепло, их матери будут поливать в садах персики и хурму, их отцы будут ловить рыбу в водохранилище и пасти барашков на склонах. Верь нам, Плотина!* Верьте, читатели, это — не пародия!

Более удачны **рассказы Виктора Неля**, опубликованные в «Неве», № 2. **«Поэт Мэма»** — это трагическое повествование о шестнадцатилетнем талантливом мальчике по имени Агамемнон (Мэма), затравленном злобными деревенскими парнями. Не выдержав издевательств, он убивает самого отвратительного из них. Рассказ **«Ходики»** — смешная и трагическая история о несчастном советском ребенке, до полусмерти запуганном радио- и телестрашилками о злобных и немыслимо коварных американцах, жаждущих напасть на СССР. Парнишка решает самостоятельно собрать ПУАЗО (прибор управления артиллерийским и зенитным огнем), с тем чтобы отвести от страны страшную угрозу...

Действие **рассказа Владимира Смольникова «Неприкосновенный запас»** («Нева», № 2) относится к 30-м годам — времени страшной коллективизации, убившей русскую деревню. Перессорившееся из-за «классовой борьбы» село, разграбленный комиссарами дом, из которого унесли неведомо куда все нажитое за долгую жизнь добро... Одно только и осталось там — игрушечный деревянный меч, который в наши дни потомок той семьи показывает сыну, как некий «неприкосновенный запас».

Несколько лубочные истории с сахаринным привкусом представлены **Верой Чайковской** в «Неве», № 3 (**«Три новеллы»**). Все они крутятся вокруг старинного портрета, написанного прославленным художником XIX века Павлом Брунстом и затерявшегося в Скопинском краеведческом музее. Игры вокруг исторического лица, изображенного на портрете, странные многозначительные встречи и совпадения, явный переизбыток довольно банальных красивостей — все это выдает в авторе эпигона некогда очень популярного Константина Паустовского. Однако эпигонство плодотворным не бывает.

А вот молодой **Тарасик Петриченко** (так обозначено его имя в журнале), автор зарисовок под заглавием **«Кошка»** («Нева», № 1), — тот взял себе за образец абсурдистские творения известного обэриута Даниила Хармса. Его герои вылетают в форточки, бьют друг друга огнетушителями по голове, проваливаются в люки и т. д. и т. п. Но из бессмыслиц, как известно, много смысла не выжмешь. Да и надоедают они быстро. А зарисовки Пет-

риченко невыносимо длинны, что абсурдистскому жанру противопоказано. Удивляться чему бы то ни было поневоле перестаешь. Зато авторские просчеты так и лезут в глаза.

Опубликованный в том же 1-м номере «Невы» **рассказ** другого начинающего автора, **Артема Гудкова**, под заглавием **«Большой пивной путь»** носит почти детективный характер. Изнывающий от жары молодой человек (с ним вместе мучается весь город, перепившийся пивом под завязку) находит на парковой скамейке бутылку пива с заветной надписью под крышкой, гарантирующей бесплатное путешествие в Чехию. Море пива и связанных с ним удовольствий. А оказывается, все это — и бутылка, и путешествие — было подстроено бесящимся с жиру богачом. Рассказ явно навеян бесконечной пивной рекламой на несчастном отечественном ТВ. Наслушавшийся и насмотревшийся ее герой ничего уже и не видит вокруг, кроме вожделенных бутылок и перепившихся пивом сограждан.

Несомненно любопытен ироничный **рассказ Натальи Толстой «Моя милиция»** («Звезда», № 1). Автор, не понаслышке зная свой предмет, констатирует: не дай бог, если (приснится же страшный сон!) русская милиция станет неподкупной! То есть это что же: *все — в порядке очереди, без блата, по закону*? — То есть *потерял паспорт — жди месяц, потерял права — жди два. И жизнь остановится.* Покуда же она не остановилась, всегда есть счастливая возможность дать кому надо и сколько надо — и любое дело в шляпе.

В **рассказе Мириам Гамбурд «Иосиф Прекрасный»** («Звезда», № 2) выведен явно нездоровый тип, израильский эмигрант из Албании, изощренно издевающийся над всеми доверившимися ему женщинами. В **рассказе «Диплом со свастикой»** повествуется об инженере-еврее, умудрившемся получить в гитлеровской Германии диплом — разумеется, со свастикой. Но что-то повредилось у него с тех пор в голове...

МЕМУАРЫ И NON FICTION

Замечателен глубоко лирический, насыщенный огромной любовью к незаурядному человеку — Виктору Николаевичу Сорока-Росинскому, знаменитому Викниксору из «Республики ШКИД», **очерк Ривы Шендоровой «Любимый учитель»** («Звезда», № 3). Оказывается, «Республика ШКИД» вызвала некогда гнев самой Крупской. Она, говорится в очерке, увидела в ШКИДе *просто бурсу с изолятором, ...отсутствием политзанятий и физического труда.* Поскольку же эта дама курировала в правительстве вопросы образования, ее изничтожающего выступления было достаточно, чтобы Сорока-Росинский навсегда стал неблагонадежным. А он был, свидетельствует его благодарная ученица, великолепным педагогом. Умным, честным, интеллигентным. Он самоотверженно любил детей и воспитывал в них нравственную и физическую опрятность, отвращение к антисемитизму (а Рива Шендерова училась у него начиная с 1948 года, и омерзительная черносотенная кампания разыгрывалась на ее глазах). А как он учил пяти- и шестиклассников безукоризненной грамотности! И — увы — все его разработки и методики после его трагической гибели в 1960 году оказались уничтожены. Их сожгли, сдали в макулатуру, попросту отнесли на помойку. И сделал это родной сын педагога.

В обширных воспоминаниях **Дианы Виньковецкой «Единицы времени»** («Звезда», № 3) рассказывается о ленинградском литературно-художественном круге, в котором автору посчастливилось вращаться начиная с 60-х годов. Посвящает она их памяти своего мужа, геолога, художника-абстракциониста Якова Виньковецкого. Иосиф Бродский, а с ним — ученый-китаист, сын Веры Пановой, блистательный Борис Вахтин, художник Алексей Хвостенко («Хвост»), историк и писатель Яков Гордин, поэты Александр Гитович и Евгений Рейн, писатели Василий Аксенов и Владимир Марамзин, ученый и переводчик Константин Азадовский...Тепло и сердечно.

Актриса, жительница блокадного Ленинграда **Елена Андерегг** в «Звезде», № 2 делится крошечными рассказиками о войне и своем родном городе. Но они настолько ярки и необычны, что накрепко врезаются в память. Однажды, рассказывает Андерегг в **новелле «Кошки»**, она вышла во двор. Война уже кончилась, стоял 1945 год. Во дворе она увидела странную картину. У помойки сидели несколько кошек, а перед ними на коленях стояла женщина, обращающаяся попеременно то к Богу, то к кошкам. Она горько и страстно говорила: *Господи, прости меня, грешную, я ведь убивица, убивица. Я их убивала, кормила своих детей, дети остались живы. А вот на мне какой грех. Прости меня, Господи, и вы меня простите.* Кошки понемножку осмелели, съели принесенную им еду, а потом облизали ее лицо и руки. Женщина очнулась и заплакала. *Значит, вы меня простили! Господи, спасибо Тебе!*

Леонид Жуховицкий публикует подборку воспоминаний под названием **«Весеннее обострение»** («Нева», № 2) . Написаны они весело, живым, легким пером. Вспоминает писатель, например, время московского международного фестиваля, когда у него завелся роман с юной англичанкой. Оба молоды и страстны, но... Квартира у юноши коммунальная, комната на всю семью одна, никакой дачи и в помине нет. Но молодость оказалась на выдумки хитра.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

Корректор — *Ю. Н. Маслов*

ЛР № 066469
Подписано в печать 16.06.2008. Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 29,00. Тираж 2800 экз.
Заказ № 1041.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, 73218

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых лет.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60

"BILINGUA" – Кривоколенный пер., 10 стр. 5; тел. 623.66.92

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" – Страстной бульвар, 8 (рядом с выходом из метро «Чеховская»)

ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка – Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98

"ПИРОГИ" – Никольская, 19/21; тел. 621.58.27

"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 627.56.09

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.42.64

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80

"УМНЫЕ КНИГИ" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 504.47.95

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ – Столешников пер., 2; тел. 629.52.62

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 962.05.63

В РЕДАКЦИИ «КОНТИНЕНТА» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Аудиокнига Ольги СЕДАКОВОЙ «Две книги»

Издательство «АЗиЯ-ПЛЮС», СПб., 2008 г.

Аудиокнига включает в себя диск с авторским чтением стихов и музыкой композитора А. Вустина, а также книгу с текстами этих стихов, иллюстрированную фотографиями.

Книга Ольги СЕДАКОВОЙ «Музыка»

В книгу, изданную в «Русском міре» в 2006 году, вошли стихи, филологические и религиозно-философские эссе. Книга выпущена в серии «Литературная премия Александра Солженицына».

Книга Нелли БИУЛЬ-ЗЕДГИНИДЗЕ «Литературная критика журнала "Новый мир" А.Т. Твардовского (1958-1970 гг.)»

Издание Культурно-просветительского центра «Первопечатник», 439 стр. Докторская диссертация автора, защищенная на факультете славистики Женевского университета. Исследуется творчество ведущих критиков «Нового мира»: В.Я. Лакшина, Ю.Г. Буртина, И.И. Виноградова, А.Д. Синявского в контексте журнальной политики.

Книга Игоря ВИНОГРАДОВА «Духовные искания русской литературы»

Издательство «Русский путь», 2005 г., 672 стр. Автор предлагает галерею масштабных мировоззренческих портретов русских писателей и мыслителей XIX-XX веков от Лермонтова и Писарева до Солженицына и Искандера. Книга обращена к духовным проблемам нашего времени — прежде всего к проблемам того «открытого сознания», которое свойственно современным людям, в подавляющем большинстве своем живущим вне мира религиозной веры. Книга для всех духовно вменяемых наших современников, которые не утратили способности терзаться высшими загадками бытия.

Книга «ХРОНИКА КАЗНИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА (в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах)». *Составитель, автор вводной статьи и комментариев — Геннадий Кагановский.*

Книга выпущена издательством «Аграф». Поэт, мыслитель, подвижник Ю. Галансков погиб в мордовском лагере строгого режима в возрасте 33 лет на шестом году заключения. Его письма из-за колючей проволоки, а также другие материалы, сопряженные с кульминационным периодом жизни Галанскова (пребывание под следствием в Лефортовском изоляторе, судебный процесс, лагерные хождения по мукам), позволяют читателю составить представление об этой яркой неповторимой личности, о том времени и о том режиме, которые предопределили его мучительный путь.

Также имеются в продаже
остатки тиража некоторых номеров «КОНТИНЕНТА» с 1993 года

Звоните и приходите!

Тел. (499) 248.62.35 **Адрес:** ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

Литературно-публицистический журнал. Иерусалим

Наши авторы:

Григорий Бакланов,
Владимир Буковский,
Денис Драгунский,
Сергей Кургинян,
Александр Мелихов,
Борис Парамонов,
Дина Рубина,
Бенедикт Сарнов,
Виктор Славкин,
Виктор Суворов,
Борис Фальков,
Борис Хазанов,
Асар Эппель,
Михаил Эпштейн и др.

Nota Bene выходит **6** раз в год; объем - **350** стр.

СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ:

В России – **$65** ● В Европе – **€55** ● В США – **$70**

Тел. редакции: 972-2-5325931; факс: 972-2-5324863

E-mail: omegag@bezeqint.net

Адрес: POB 45156, Har-Hotsvim, Jerusalem 91450 Israel

2008
№2

«КОНТИНЕНТ» № 136, 464 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218 и 71682